ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ДИСКУРС КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

6 (717)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State-Funded Educational Institution
for Higher Professional Education
“Moscow State Linguistic University”

www.linguanet.ru

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 6 (717)

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

DISCOURSE AS SOCIAL PRACTICE: PRIORITIES AND PROSPECTS

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 6 (717)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ДИСКУРС КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
академик РАО, доктор педагогических наук, профессор,
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

академик РАО, д-р пед. наук, проф. И. И. Халеева (*председатель*);
академик РАО, д-р психол. наук, проф. Н. Н. Нечаев (*заместитель председателя*);
д-р филол. наук, проф. А. А. Гаджиев; канд. пед. наук, доц. Н. П. Баранова;
д-р филол. наук, проф. Г. Р. Гаспарян; д-р филол. наук, доц. И. А. Гусейнова;
д-р географ. наук, проф., академик РАН М. Ч. Залиханов;
д-р филол. наук, проф. М. С. Имомов; д-р филол. наук, проф. О. К. Ирисханова;
д-р истор. наук, проф. А. Я. Касюк; д-р социол. наук, проф. Г. Ф. Красноженова;
д-р филол. наук, проф. С. С. Кунанбаева (Республика Казахстан);
Ph.D., проф. Ф. Г. Лодейро (Испания); PhD, проф. Лю Лиминь (КНР);
Ph.D., проф. Д. С. Маркес (Испания);
д-р филол. наук, проф. А. И. Мусаев (Республика Кыргызстан);
д-р филол. наук, проф. Л. А. Ноздрина; д-р филол. наук, проф. Р. К. Потапова;
д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. Ю. Е. Прохоров;
д-р филол. наук, проф. О. А. Радченко; д-р пед. наук, проф. М. Н. Русецкая;
д-р филол. наук, проф. Т. И. Семенова; д-р филол. наук, проф. Т. С. Сорокина;
д-р филос. наук, проф. Ю. А. Сухарев; д-р филол. наук, проф. А. Н. Тарасова;
проф. Ли-Янке Х. (Швейцария); Ph.D., проф. А. Д. Ченки (Нидерланды);
почетный д-р МГЛУ Р. Шерер (Швейцария); д-р юрид. наук, проф. Н. А. Шулепов;
проф. М. Форстнер (Германия)

Редакционная коллегия выпуска 6 (717)

д-р филол. наук, проф. Л. А. Ноздрина
(*ответственный редактор*)
д-р филол. наук, проф. О. К. Ирисханова
(*зам. ответственного редактора*)
Ph.D., проф. А. Ченки
д-р филол. наук, доц. И. А. Гусейнова
канд. филол. наук, доц. Е. И. Карпенко
канд. филол. наук, доц. М. В. Томская
(*ответственный секретарь*)

Издание входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

Перепечатка материалов
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

Халеева И. И.
Социальный дискурс в межцивилизационных процессах 15
Аверкина Л. А.
Социокультурная идентичность и специфика в дискурсе романа Д. Кельмана «Die Vermessung der Welt» 23
Агеева Ю. В.
Специализированные речевые тактики рекрутера 31
Алешинская Е. В.
Конструирование социальной идентичности в музыкальном дискурсе: мультимодальный анализ 43
Аликина А. В., Гриценко Е. С.
Английский язык как смыслопорождающий ресурс в российском дискурсе трудоустройства 52
Алферов А. В., Кустова Е. Ю.
Парламентская дискурсивная практика: интеракциональное картирование (на материалах официального сайта Французской Национальной Ассамблеи) 61
Анищенко А. В.
Второе высшее лингвистическое образование как разновидность академического дискурса 76
Архипова Ю. А.
Реализация точки зрения автора в зачине французского газетного репортажа 85
Архипова А. А.
Особенности стратегии прогноза (на материале экономических статей современного французского языка) 95
Бойко Г. И.
Роль иммигрантского дискурса как способа сохранения социокультурной идентичности (на материале произведений С. Оздогана) 106
Бутэ Д.
Формальный анализ жестов, выражающих отрицание 116
Верещагина А. В.
Особенности религиозного дискурса и его изучение на занятиях по древнегреческому языку (на материале языка Нового Завета) 130
Гёблер Ф.
Энтомологический дискурс в прозе В. Набокова (на примере рассказа «Пильграм» / «The Aurelian») 142

Германова Н. Н.
Нормирование языка как средство создания различных типов социокультурной идентичности 149
Глинская Н. П.
Терминологическая репрезентация юридических концептов в дискурсе Верховного Суда США 158
Глушак В. М.
Коммуникативные стратегии сближения при переводе общения из модуса вежливости и агрессивности в модус фамильярности 170
Гришаева Л. И.
Как в медиадискурсе информирование становится манипулированием? 179
Гусейнова И. А.
Социальная деятельность как способ конструирования пространства и управления вниманием 191
Данкова Н. С., Дубровская Т. В., Гуляйкина С. О.
Роль жанра в конструировании имиджа судебной власти 197
Демина Д. А., Негодова О. В.
Технология 3D как инструмент формирования вторичной языковой картины мира 207
Дзуцева Ф. С., Каражаева Э. И.
Предвыборные речи Б. Обамы и его оппонентов в президентских гонках 2008 и 2012 годов 218
Евтушенко О. В.
Коммуникативное сознание эпохи постмодернизма и гибридизация дискурсов 229
Ирисханова О. К.
Объекты и события природы в аспекте социального знания: цефалопод или супермама? 239
Исаева Е. В.
Графосемантическое тезаурусное моделирование терминологии компьютерной вирусологии 251
Калмыкова Е. И.
Экономический дискурс в немецких СМИ: социальные приоритеты 259
Карпенко Е. И.
Повествование о собаках как взаимодействие между людьми: Часть II. Современная литература 267
Киосе М. И.
Прямое и непрямое наименование как функция в тексте 277

Ковальчук Л. П.
Особенности функционирования процесса концептуальной интеграции в рамках русского и английского сказочного дискурса 286
Кожухова И. В.
Маркер «actually» в английском (EFL) конверсационном дискурсе ...295
Коноплева Н. Н.
Литературная рецепция трагедий В. Шекспира в критическом дискурсе романтизма 304
Корбо Б.
Особенности функционирования игровой лексики в различных жанрах языка СМИ 314
Кочетова Л. А.
Историческая дискурсология как вектор развития теории дискурса 323
Кудрявцева Н. Б.
Дискурсивные функции языковой игры (на материале французской грамматики) 335
Кулешова А. В.
Перлокутивный потенциал прагматической оппозиции (на материале португальского языка) 348
Куликова О. В.
Междисциплинарные основания гуманитарного образовательного дискурса 359
Логинова Е. Г.
Социосемиотический подход к исследованию дискурса: Э. Ионеско. «Стулья» 367
Лучкина Н. В.
Исследование особенностей дискурса предметного мира русских 377
Манерко Л. А.
Модели перевода современности через призму социообусловленности и мультимодальности знания в теории дискурса 389
Манухина А. О.
Способы вербализации интертекстуальных связей в средневековом дискурсе (на материале старофранцузской «Морейской хроники» XIV века) 401

Масленникова Е. М.
Дискурсивные маркеры как часть кода эпохи:
особенности перевода 413
Митягина В. А.
Туристический интернет-дискурс: номинативные ошибки
как негативный фактор межкультурной коммуникации 424
Моргенстерн А., Бопуаль П.
Полимодальные подходы к овладению языком:
выражение отрицания 435
Мюллер К.
Жесты в речи: переменные когнитивно-семантические
и прагматические отношения 452
Новикова Э. Ю.
Дискурсивные характеристики «глокального города»
на городском интернет-портале 467
Обермайер С.
Повествование о собаках как взаимодействие между людьми:
Часть I. Средние века 477
Ольховиков Д. Б.
Онтологические признаки словесного искусства 490
Ополовникова М. В., Зимина М. В.
Логические частицы как средство речевого воздействия
в немецкой политической коммуникации 502
Рябцева Н. К.
Гипермодальность социальной коммуникации
в интернет-пространстве: приоритеты и перспективы 513
Салиева Л. К.
Современный дискурс сквозь призму текстов М. Бахтина 521
Стеблецова А. О.
Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа 532
Толмачева М. В.
Жанровое своеобразие телевизионного медиадискурса
(на примере информационно-аналитических программ
французского телевидения) 544
Томская М. В.
Конструирование профессиональной идентичности
в научном дискурсе 553

Трошина Н. Н.
Коммуникативные жанры символического менеджмента в современном российском деловом дискурсе: корпоративные гимны 561

Туманова Г. А. (Адаменко)
Гендер и коммуникативная стратегия убеждения в политической коммуникации 574

Туницкая Е. Л.
Прагматическая специфика повтора и переспроса в диалоге (на материале французских пьес) 588

Тырыгина В. А., Крашенинникова Д. С.
Производное слово в дискурсном анализе 599

Фадеева Г. М.
О понятии «вневременный дискурс» на материале «Максим и рефлексий» И. В. Гёте 608

Хованова С. Ю.
Английские фразовые отглагольные имена в массмедийном дискурсе: социокогнитивные аспекты 617

Ченки А.
Повторы в аспекте вариативности полимодального общения 625

Чиков М. Б.
Об обучении переводчиков восприятию текста и дискурса 635

Чудова И. А.
Иммигрантский дискурс в романе Э. Ажара «Жизнь впереди»: лингвокультурное значение и функции арабизмов 644

Шарафутдинова Н. С.
Явление антонимии в авиационном дискурсе 653

Шершукова О. А.
Формы обращения в португалоязычной литературе для детей: коммуникативный vs. грамматический аспекты 662

Шпетный К. И.
Стилистические характеристики ораторского дискурса в диахронии. Часть I. 672

CONTENTS

Khaleeva I. I.
Social Discourse Across Civilizations 15
Averkina L. A.
Sociocultural Identity in the Discourse of D. Kehlmann's Novel «Die Vermessung Der Welt» 23
Ageeva Yu. V.
Specialized Speech Tactics of Recruitment Officer 31
Aleshinskaya E. V.
Construing Social Identity in Musical Discourse: a Multimodal Analysis 43
Alikina A. V., Gritsenko E. S.
English as a Resource of Meaning Construction in Russian Employment Discourse 52
Alferov A. V., Kustova E. Y.
Parliamentary Discourse Practice: an Analysis of Interactional Mapping (Based on the Official Website of the French National Assembly) 61
Anishchenko A. V.
Second Higher Linguistic Education as a Type of Academic Discourse 76
Arkhipova Y. A.
The Category of the Author in French Reports 85
Arkhipova A. A.
Features of Prognostic Strategy (Based on French Economic Articles) 95
Boiko G. I.
The Role of the Immigrant Discourse in Preserving Sociocultural Identity (Based on the Works by S. Özdogan) 106
Boutet D.
Formal Analysis of Gestural Negation 116
Vereschagina A. V.
On Studying Religious Discourse in Ancient Greek Classes (Based on the New Testament) 130
Göbler F.
The Entomological Discourse in Nabokov's Prose: «Pilgram» / «the Aurelian» 142
Germanova N. N.
Language Standardization as a Means of Creating Different Types of Sociocultural Identity 149

Glinskaya N. P.
Terminological Representation of Legal Concepts
in the US Supreme Court Discourse 158
Glushak V. M.
Communicative Strategies of Approaching:
from Polite and Aggressive Interaction to Familiarity 170
Grishaeva L. I.
How Does Informing Turn into Manipulating in Media Discourse? 179
Guseynova I. A.
Social Activity as a Means of Constructing Space
and Managing Attention 191
Dankova N. S., Dubrovskaya T. V., Gulyaykina S. O.
The Role of Genre in Constructing the Image of Judicial Power 197
Demina D. A., Negodova O. V.
3D Technology as an Instrument for Forming
Second Language Personality 207
Dzutseva F. S., Karazhaeva E. I.
Campaign Speeches by B. Obama and his Opponents
in the Presidential Races of 2008 and 2012 218
Evtushenko O. V.
Communicative Mind of the Postmodernist Age
and Discourse Blending 229
Iriskhanova O. K.
Natural Objects and Events in Terms of Social Cognition:
Cephalopod or Super-Mum? 239
Isaeva E. V.
Graph-Semantic the Thesaurus Modelling of Computer Virology
Terms 251
Kalmykova E. I.
Economic Discourse of the Mass Media in Germany:
Social Priorities 259
Karpenko E. I.
Talking about Dogs as Acting among People:
Part II. Modern Times 267
Kiose M. I.
Direct and Indirect Naming as Textual Function 277
Kovalchuk L. P.
Conceptual Integration in Russian
and English Fairytale Discourse 286

Kozhukhova I. V.
Discourse Marker «Actually» in English (EFL) Conversational Discourse 295
Konopleva N. N.
Literary Reception of W. Shakespeare's Tragedies in the Romantic Critical Discourse 304
Korbo B.
Specific Features of Game Vocabulary in Different Genres of Mass Media Language 314
Kochetova L. A.
Historical Discourse Studies in the Theory of Discourse 323
Kudryavtseva N. B.
Discursive Functions of the Linguistic Game (Based on French Grammar) 335
Kuleshova A. V.
Perlocutionary Potential of Pragmatic Opposition in the Portuguese Language 348
Kulikova O. V.
Interdisciplinary Foundations of the Educational Discourse in the Humanities 359
Loginova E. G.
Sociosemiotic Approach to Discourse Analysis: E. Ionesco «The Chairs» 367
Luchkina N. V.
On the Peculiarities of the Russian Physical World Discourse 377
Manerko L. A.
Modern Translation and Interpretation Models in Terms of Social Factors and Multimodality of Knowledge in Discourse Theory 389
Manuhina A. O.
Intertextual Relations in the Medieval Discourse: Old French «Chronicle of Morea» of the 14th Century 401
Maslennikova E. M.
Discourse Markers as the Reflection of the Code of the Epoch: Issues in Translation Studies 413
Mityagina V. A.
Travel Internet Discourse: Nominative Errors as a Negative Factor in Intercultural Communication 424

Morgenstern A., Beaupoil P.
Multimodal Approaches to Language Acquisition through the Lens of Negation 435
Müller C.
Using Gestures with Speech: Variable Cognitive-Semantic and Pragmatic Relations 452
Novikova E. Yu.
Discourse of the «Glocal City» on the Urban Website 467
Obermaier S.
Talking about Dogs as Acting among People: Part I. The Middle Ages 477
Olkhovikov D. B.
Ontological Features of Verbal Art 490
Opolovnikova M. V., Zimina M. V.
Logical Particles as a Means of Verbal Manipulation in German Political Communication 502
Riabtseva N. K.
Hypermodality of Social Communication in Internet: Priorities and Perspectives 513
Salieva L. K.
Modern Discourse through the Lens of M. Bakhtin's Texts 521
Stebletsova A. O.
Business Discourse and its Types: an Algorithm of Analysis 532
Tolmacheva M. V.
Genre Features of the Television Discourse: French Info-Analytical TV Programs 544
Tomskaya M. V.
Constructing Professional Identity in Scientific Discourse 553
Troshina N. N.
Communicative Genres of Symbolic Management in Modern Russian Business Discourse: Corporate Hymns 561
Tumanova G. A. (Adamenko)
Gender and Communicative Strategy of Persuasion in Political Communication 574
Tunitskaya E. L.
Pragmatics of Repetition and Request to Repeat in the Dialogue of French Plays 588

Tyryguina V. A., Krasheninnikova D. S.
Derivative Words in Discourse Analysis 599
Fadeeva G. M.
On the Notion of Extra-Temporal Discourse:
«Maxims and Reflections» by J. W. Goethe 608
Khovanova S. Y.
English Phrasal-Verb Nouns in Mass Media Discourse:
Sociocognitive Aspects 617
Cienki A.
Repetitions in View of Talk as Variably Multimodal 625
Chikov M. B.
On Training Translators and Interpreters
in Text and Discourse Comprehension..... 635
Chudova I. A.
Immigrant Discourse in «The Life Before Us» by E. Ajar:
the Linguocultural Meaning and Functions of Arabic Words 644
Sharafutdinova N. S.
Antonymy in the Aviation Discourse 653
Shershukova O. A.
Ways to Address in Lusophone Literature for Children:
Communicative vs. Grammatical Aspects 662
Shpetny C. I.
Linguostylistic Features of the Oratory Discourse
in Diachrony. Part I. 672

УДК 811.11

И. И. Халеева

академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, ректор МГЛУ;
e-mail: irina-khaleeva@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ[1]

В статье рассматриваются проблемы глобальных исследований в рамках осмысления двух феноменов – глобализации и устойчивого развития.

Как в России, так и за рубежом последние два десятилетия наблюдается повышение интереса к изучению геополитических процессов, а также к исследованию механизмов функционирования миросистем взаимодействия мирокультур. Изучение проблем социального дискурса характеризуется междисциплинарностью и имманентно интегральным характером.

Ключевые слова: социальный дискурс; феномен глобализации; глобальная социоприродная система; ментальный дискомфорт; межкультурное геополитическое пространство.

Khaleeva I. I.

Full Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of MSLU; irina-khaleeva@mail.ru

SOCIAL DISCOURSE ACROSS CIVILIZATIONS

The article looks into the issues analysed in global studies from the perspective of globalisation and sustainable development.

The last two decades have witnessed a growing interest in the study of geopolitical processes, of the workings of world systems and the interaction of world cultures. The study of social discourse is interdisciplinary and immanently integral by nature.

Key words: social discourse, globalisation, global social and natural system, mental discomfort, intercultural geopolitical space.

1. Глобальные проблемы и устойчивое развитие

Со второй половины XX в. глобальные исследования реализуются в рамках осмысления двух феноменов – глобализации и устойчивого развития. «…Феномен глобальных проблем в значительной степени обозначал констатацию реальных противоречий общепланетарного масштаба», а «в рамках процесса глобализации преимущественное внимание уделяется именно выявлению основных направлений

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-48-00067).

развития цивилизации, обеспечивающих их преодоление (противоречий)». Стратегия устойчивого развития позиционируется как модель цивилизации, обеспечивающая баланс элементов глобальной социоприродной системы «человек – социум – биосфера» [3, с. 5].

Мир сегодня и объединяется, и разъединяется одновременно. Так, к примеру, процессы коммуникации (равно как и средства их обеспечивающие) все более связывают страны и народы. Однако параллельно с этими процессами «углубляются линии цивилизационно-культурных разломов, укрепляется внутренняя геоцивилизационная интеграция (внутри стран и народов геоцивилизаций – западной, исламской, конфуцианско-буддистской, латиноамериканской и др.), углубляется соперничество цивилизаций между собой в отстаивании и распространении своих ценностей – культурных, экономических, технологических» [1, с. 9].

Таким образом, обращает на себя внимание то обстоятельство, что геополитические детерминанты, определяющие развитие мировых процессов, находятся в поле зрения исследователей, представляющих различные науки. Иными словами, данная проблема характеризуется междисциплинарностью, находя свое отражение в универсальной теории самоорганизации процессов самой различной природы, т. е. в синергетике [там же, с. 23].

2. Интегральный характер глобализации

В основе имманентно интегрального характера глобализации лежат объективные общие основания, а именно:

– производственно-хозяйственная и социокультурная деятельность, влияющая на международный и межкультурный обмен материальными и информационными ресурсами;

– доминирование компьютерных технологий в мире, обеспечивающих глобальные процессы получения, обработки, передачи, хранения и, наконец, продажи информации, что, по масштабам и эффективности, превышает сферу материального производства;

– экологические последствия производственной деятельности, оказывающие негативное влияние не только на локальные, но и на глобальные экосистемы;

– сохранение социокультурных особенностей различных цивилизаций (европейской, американской, китайской, российской) при одновременном расширении интеграционных процессов.

Иными словами, глобализация – это процесс, в ходе которого фиксируется взаимосвязь и взаимозависимость мирового сообщества (экологическая, экономическая, информационная, социокультурная) [1, с. 6].

Сложившиеся цивилизационные и этнические различия представляют собой чрезвычайно деликатную тему, если, порой, не проблему современного мира, которая требует своего детального изучения и на основе научных выводов – выработки конкретных мер применительно к условиям политической и культурной интеграции.

3. Сближение различных социокультурных типов цивилизации

Глобализация сегодня оценивается многими исследователями как феномен, способствующий постепенному вхождению развивающихся стран в мировую социокультурную систему, которая повышает степень ее устойчивости [1, с. 7].

Одна из определяющих сущностей феномена глобализации – ее противоречивость. Она выражается даже терминологически по-разному. Так, отношение глобальности и локальности, фрагментарности и интегративности, централизации и децентрализации обозначается с помощью таких терминов, как *глокализация*, *фрагмегративность* и т. д. с целью описать специфику современных мировых процессов.

Дискуссии о сущности глобализации ведутся бурно, масштабно и не утихают и по сегодняшний день. Отдельные исследователи ставят под сомнение даже саму реальность этого феномена.

С одной стороны, он, бесспорно, существует, что выражается, например, в планетарной роли информации в динамике цивилизаций, с другой – распространение информации детерминировано в историческом плане: передача в прошлом информации с помощью ударов бубна, барабана, колокольного звона, позже – с помощью книг, радио, телевидения. Сегодня современные компьютерные коммуникации вносят в информационный процесс существенные изменения (увеличилась скорость обмена, масштабность и т. д.).

Однако одновременно возникает вопрос: насколько радикально (если вообще?) компьютеризация влияет на характер исторической динамики, приобретающей какие-то новые черты? На этот вопрос ответить положительно удается не всегда.

Тем не менее многочисленные исследования в сфере глобализации позволяют пролить свет на понимание этого феномена. Однако, если первоначально глобализация рассматривалась в экономическом смысле, то постепенно этот феномен стал распространяться на другие сферы жизни общества – социально-политическую, научную, технологическую, экологическую, прогностическую, социокультурную и др. Отсюда возникают и различные точки зрения исследователей на глобализацию, которые связывают ее сущность со сферой научной деятельности. К примеру, «экономисты» рассматривают всю совокупность мирохозяйственных отношений, когда происходит формирование единого мирового рынка товаров и услуг по наднациональным законам.

«Технологи» опираются на общие основания в теоретической физике, генетике, информатике, нанотехнологиях и т. д., тем самым научно-техническая деятельность, реализуемая в производственных системах, утрачивает национальную специфику.

«Информационисты» обосновывают тезис, согласно которому именно планетарная масштабность и интенсивность потоков информации определяет специфику современного цивилизационного развития. Таким образом, информатизация рассматривается как новая сфера производства, в рамках которой повышается степень «нематериальности» деятельности.

«Политологи» соотносят глобальные процессы с изменениями «геополитической конфигурации» (система «биполярного мира»).

«Экологи» убеждены в том, что изменения естественных экосистем приобретают под воздействием производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности цивилизации настолько грандиозные масштабы, что реальной угрозе исчезновения подвергается само человечество.

«Культурологи» считают, что под воздействием глобализации происходит унификация социокультурного процесса (своеобразное «свертывание» социокультурного многообразия цивилизации).

«Философы» трактуют глобализацию как часть единичного и всеобщего. Диалектика частного и целого позволяет выйти на уровень искомой интегративности системы любой сложности. Не стоят в стороне от глобализационно-цивилизационных процессов и «лингвисты». Так, В. З. Демьянков вводит в научный оборот лингвистических исследований понятие «когнитивный диссонанс»,

получивший до этого систематическое обоснование в трудах по социальной психологии Леона Фестингера. Согласно Л. Фестингеру, когнитивный диссонанс – это несоответствие между двумя когнитивными элементами (когнициями) – мыслями, опытом, информацией и т. д., при котором отрицание одного элемента вытекает из существования другого, и связанного с этим несоответствием ощущение дискомфорта, иначе говоря, чувство дискомфорта возникает при столкновении в сознании логически противоречащих знаний об одном и том же явлении, событии, объекте [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что когнитивный диссонанс отражает и в когнитивной психологии, и в когнитивной лингвистике ту самую внутреннюю противоречивость глобализации, о которой шла речь в начале этого раздела моего выступления.

4. Интегральная сущность глобализации

Следует отметить, что глобализация – ***феномен системный***, требующий комплексного подхода, учета самых различных точек зрения и обобщения данных самых различных наук.

Итак, глобализация – это:

– процесс формирования относительно единой планетарной социоприродной системы;

– повышение статуса условий (экономических, информационных, экологических, социальных и др.), обеспечивающих усиление взаимосвязи и взаимозависимости государств) на национальном, региональном и международном уровнях (например, информационные процессы с использованием высоких технологий – важнейшие условия интегративных взаимодействий в рамках цивилизации);

– преодоление цивилизационных социально-экономических противоречий на планетарном уровне (локальный и региональный уровни такую возможность исключают);

– выход на уровень консенсуса национальных и общечеловеческих ценностей и стереотипов в исторической динамике XXI в. при сохранении национальной идентичности отдельных стран и народов;

– преодоление «когнитивного диссонанса» на основе аппарата «модулей понимания» (В. З. Демьянков) в межкультурных цивилизационных пространствах.

5. Основные кластеры современных угроз развитию цивилизации

Многие из происходящих в XXI в. перемен не имеют аналога в истории человечества, именно в силу этого обстоятельства многие их них не осмыслены пока в должной мере и не получили должного научного освещения в стратегических направлениях развития цивилизации. Это демографическая проблема, разрушение биосферы в результате техногенной деятельности человека, глобальная экологическая катастрофа (дефицит питьевой воды), изменение климата и т. д.

По оценкам многих специалистов, человечество сегодня находится перед лицом глобальных проблем, угрожающих развитию цивилизации.

Так, К. К. Колин, проводя в своих работах анализ состава и содержания современных проблем развития цивилизации, выделяет 50 «узловых проблем», представляющих собой реальные угрозы для дальнейшего развития цивилизации. Он выделяет три основных кластера проблем [4, с. 8–9].

Основным критерием при распределении глобальных угроз являлась область их проявления – ***природа, общество или же сам человек***.

С точки зрения когнитивной науки представляются, на мой взгляд, заслуживающими внимания следующие положения, лежащие в основе синергетического подхода заявленной проблеме.

- Кластер «Природа» – угрозы геофизического, биосферного и космологического характера.
- Кластер «Общество» – угрозы в социальной сфере.
- Кластер «Человек» – угрозы для безопасности самого человека, а также угрозы с его стороны для других людей, природы и общества [4, с. 8–9].

У всех кластеров в результате анализа можно выделить общие основания, а именно – внутреннюю противоречивость обозначенных в каждом из кластеров процессов.

Например, кластер «Природа». Биосфера земли – это живое «тело» планеты. Извлекая живые ткани Земли и вбрасывая в нее мертвые отходы производства, человек отравляет биосферу. Это ведет к деградации всего человечества (и наших современников, и потомков). Одновременно с этим человек рожден биосферой, он является ее элементом и поэтому должен служить материнскому организму. Иначе

он, как раковая клетка, умрет вместе с этим организмом. Биосфера – это более сложная система, нежели человечество. Поток информации в биоте на 20 порядков превышает потоки информации во всех компьютерах мира.

Поэтому здесь мы имеем дело с экологическим вызовом; управление биосферой со стороны человечества катастрофично, так как приведет к гибели людей, что отчасти и происходит. Отсюда вывод – необходимо радикально изменить отношение человека к природе. Как элемент природы человек должен встраивать свои искусственные новообразования в биосферу симбиотическим образом, ставить ее приоритеты выше собственных [5, с. 41–43].

Таким образом, поведение человека по отношению к биосфере есть ни что иное как «когнитивный диссонанс», преодоление которого требует от человека осознанной и осмысленной деятельности.

Если проанализировать кластер «Человек», обозначив глобальные угрозы для развития цивилизации, можно сделать вывод, что в информационном обществе личность изменяется как интеллектуально, так и психологически. Проведенные в последние годы исследования убедительно демонстрируют, что в условиях информационного общества происходят весьма существенные изменения психологических и интеллектуальных свойств и качеств личности. На наших глазах формируется «поколение NEXT», которые будут, в отличие от людей старого поколения, обладать иными, новыми способностями, но при этом утратят и некоторые важные психологические и интеллектуальные свойства.

В результате формируется новый тип личности – Homo Informaticus.

Этот феномен ярко выражен у детей младшего возраста, которые с самого рождения попадают под воздействие новых информационных технологий, и мы явно недооцениваем возможные негативные последствия этого феномена на психику и физиологию человека, на его интеллектуальные способности.

Последствия могут быть самыми непредсказуемыми и опасными и в своей совокупности должны квалифицироваться как новая глобальная угроза развитию общества – угроза интеллектуальной безопасности. Homo Informaticus не только с легкостью осваивает новые виды электронной и информационной техники и методы общения в социальных сетях, но и он также утрачивает многие человеческие

качества – способность сосредоточиться над осмыслением конкретной проблемы, умение критически анализировать полученную информацию, умение общаться с другими людьми «напрямую» без использования технологий. Испытывать чувство ответственности за последствия своих действий.

Тогда встает далеко не праздный вопрос – как новое поколение будет выводить современную цивилизацию из системного кризиса?

Исследования показывают, что причины многих глобальных угроз и проблем современности имеют гуманитарный характер и кроются во многом в системах образования, науки и культуры, когда человек перестает понимать суть происходящего, утрачивает инстинкт самосохранения.

Таким образом, когнитивистам необходимо изучать глобальные угрозы, анализировать дисгармонию явлений, а главное – своих поступков, изучать причины возникновения состояния ментального дискомфорта с целью выработки модели вербальной социальной коммуникации в межкультурном геополитическом пространстве для преодоления диссонанса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России: монография / под ред. И. И. Халеевой. – М. : МГЛУ, 2012. – 318 с.
2. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. – Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. – М. : институт языкознания РАН; Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2011. – 551 с.
3. *Лось В. А., Касюк А. Я.* Глобализация: от глобальных проблем к устойчивому развитию и «управляемым» глобальным процессам // Глобализация как тренд современного цивилизационного процесса: теоретическое и социокультурное измерение. – М. : МГЛУ, 2013. – С. 261.
4. *Колин К. К.* Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI в. // Стратегические приоритеты. – 2014. – № 1. – 171 с.
5. *Урсул А. Д.* Стратегия перехода цивилизации к устойчивому развитию // Стратегические приоритеты. – 2014. – № 1. – 171 с.
6. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса / пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. – СПб. : Ювента, 1999. – 320 с.

УДК 821. 112.2 (436)

Л. А. Аверкина

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики немецкого языка и перевода переводческого факультета Нижнегородского гос. лингвист. ун-та; e-mail: larissa.averkina@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СПЕЦИФИКА В ДИСКУРСЕ РОМАНА Д. КЕЛЬМАНА «DIE VERMESSUNG DER WELT»

Статья посвящена анализу социокультурной идентичности и национальной специфики в дискурсе произведения немецкоязычного автора Д. Кельмана «Die Vermessung der Welt», которое является переосмыслением традиционной формы романа-биографии, повествующем о жизненном пути двух гениев немецкой науки конца XVIII – начала XIX вв. – И. К. Ф. Гаусса (1777–1855) и А. фон Гумбольдта (1769–1859). Представляется интересным рассмотреть, как стилистические приемы – *специальная лексика* (Fachlexik) и *косвенная речь* (indirekte Rede) – используются Д. Кельманом для реализации задачи создания «не исторического (как неоднократно подчеркивал сам автор), а современного романа, действие которого происходит в прошлом».

Ключевые слова: дискурс; исторический дискурс; стилистические приемы; историческая аутентичность; местный колорит; создание комичности; специальная лексика; термины; косвенная речь.

Averkina L. A.

Ph.D., Assistant Professor, Chair of the German Language Department of Theory, Translation and Interpreting, School of Interpreting and Translation, Nizhniy Novgorod State Linguistics University, Nizhniy Novgorod; e-mail: larissa.averkina@mail.ru

SOCIOCULTURAL IDENTITY IN THE DISCOURSE OF D. KEHLMANN'S NOVEL "DIE VERMESSUNG DER WELT"

The paper offers the analysis of sociocultural identity and historical authenticity in D. Kehlmann's novel "Die Vermessung der Welt". The novel transforms the conventional biography novel genre depicting the life of two outstanding German scientists of the XVIIth-XIXth centuries I. K. F. Gauss (1777–1855) and A. fon Humboldt (1769–1859). The author investigates such stylistic devices as special terms (Fachlexik) and indirect speech (indirekte Rede). The purpose of the stylistic devices used by D. Kehlmann is not to create a historical novel but a modern narrative where the action takes place in the past.

Key words: discourse; historical discourse; stylistic devices; historical authenticity; local culture; comic effect; technical specialized vocabulary; terms; indirect speech.

Материалом данного исследования послужило произведение Д. Кельмана «Die Vermessung der Welt», популярное далеко за пределами Германии и переведенное на 40 языков мира. Критики отмечают, что Д. Кельман, несомненно, является одним из самых ярких представителей современной немецкоязычной литературы, а его роман «Die Vermessung der Welt», благодаря своей тематике, художественной и языковой специфике, стал самым ярким немецкоязычным произведением послевоенного периода.

В последние годы, как известно, в литературе возрастает роль документального начала. Появляются новые синтетические жанры – псевдобиографии, исторические реконструкции, стилизованные воспоминания. Роман Д. Кельмана «Die Vermessung der Welt» в жанровом отношении является ироническим переосмыслением традиционной формы романа-биографии и повествует о жизненном пути двух гениев немецкой науки конца XVIII – начала XIX вв.: гениального математика Иоганна Карла Фридриха Гаусса (Johann Carl Friedrich Gauß, 1777–1855) и выдающегося естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта (Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr von Humboldt, 1769–1859), открытия и достижения которых оказали огромное влияние на развитие науки и мира в целом.

Рубеж XVIII–XIX вв. в Германии – это эпоха гениев: И. В. Гёте, И. Г. Гердер, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, В. Ф. Й. Шеллинг, В. Гумбольдт, А. Гумбольдт, К. Ф. Гаусс, А. Ф. Мёбиус. Из ряда великих современников Д. Кельман выбирает двоих, делая их носителями основных черт немецкой самобытности: две личности, два персонажа, объединенные в романе метафорой «измерения мира». Каждый из них по-своему занят его изучением.

Два главных героя и соединение двух сюжетных линий – это больше, чем просто композиционный прием. Это своеобразный бицентризм, который концептуален для повествования. К. Ф. Гаусс и А. фон Гумбольдт, оказываясь в поле личностей друг друга и в поле читательского восприятия, порождают некоего коллективного биполярного героя. Эти два персонажа, как две стороны одной медали, в единстве дают целостность, воплощающую в себе разные грани национального характера и разные страницы немецкой истории. В романе Д. Кельмана А. фон Гумбольдт – это человек внешнего научного успеха, а К. Ф. Гаусс – человек внутренней научной самодостаточности. Их жизненные пути идут параллельно, а человеческие и ценностные

ориентиры разняться, но повествовательные линии героев пересекаются, иногда даже сливаются. Ярче всего это проявляется в финале романа, где Д. Кельман использует принцип диалога на расстоянии. Два великих ума, с легкостью преодолевая пространство, беседуют друг с другом, два сознания сливаются в одно, два голоса звучат в едином потоке речи. Однако в романе Д. Кельмана при новом, постмодернистском, типе письма исторические личности – гениальные ученые К. Ф. Гаусс и А. фон Гумбольдт – неизбежно трансформируются. Документальный и фикциональный аспекты вступают в сложное взаимодействие, что отражается на стиле романа, пронизанного мягкой иронией и тонким лиризмом.

В своем произведении Д. Кельман уходит от трагической истории Германии последнего века (как известно, тема национальной вины и стыда в различных ее преломлениях отчетливо звучит в произведениях конца XX – начала XXI вв.). Современный автор обращается к знаковым для немецкой культуры именам и явлениям, но это обращение к прошлому принципиально лишено пафоса и дано в плане насмешливо-субъективного взгляда на общенациональную традицию и культурные авторитеты. Ирония, которую можно рассматривать как один из признаков немецкого стиля, начиная с романтиков и даже раньше, характеризует в романе авторское видение истории, ее ключевых фигур и немецкой ментальности [2, с. 391–392].

Герой, познающий мироздание и одновременно с этим самого себя, является знаковым для всей немецкой культуры. Быть немцем – это прежде всего стремиться к пониманию мира, его глубинных законов. Следует отметить, однако, что в романе Д. Кельмана «Die Vermessung der Welt» ощущается некая двойственность. С одной стороны, лики его героев сливаются в некий образ типичного немца, образ, базирующийся на стереотипных представлениях о немецком национальном характере. С другой – глубина немецкого духа в дискурсе иногда подвергается ироническому сомнению. В повествовательной ткани романа есть поверхностная зона насмешки и глубинная зона серьезного смысла, закрытого для иронии. Оба гения предстают в образе чудаков, ничего не замечающих вокруг, кроме своей всепоглощающей страсти к знанию.

Так, например, в одном из эпизодов романа К. Ф. Гаусс, осененный идеей, бросает в момент интимной близости новобрачную в своей постели, чтобы записать неожиданно найденную формулу [3, с. 112];

А. фон Гумбольдт, привязанный к носу корабля, даже во время ужасного шторма, рискуя жизнью, продолжает свои измерения или носит за собой в необычайно сложных условиях разлагающиеся трупы аборигенов, чтобы сохранить их для науки [3, с. 203]. Нельзя сказать, что перед нами пародийное снижение образа ученого, фанатично преданного науке, но каждый из них балансирует на грани серьезного и комического.

Следует отметить не только особую национальную специфику романа (автору удалось коснуться насущных для немецкого культурного сознания проблем, среди которых проблема национальной идентичности, отношение к прошлому, эстетика в науке, проблема одиночества гения, старости и смерти, невозможность познать и «измерить» этот мир полностью), но и особенность языковых средств реализации автором задачи создания исторического дискурса. В качестве стилистических приемов для передачи **исторической аутентичности**, комичности и иронии, а также для характеристики персонажей, их образа жизни и мыслей, в данном художественном тексте особую роль играет (с различной степенью достоверности) использованная автором **специальная лексика** (**Fachlexik**), а для передачи диалогов (прием создания условной модальности произведения) – исключительно **косвенная речь** (**indirekte Rede**).

Д. Кельман неоднократно подчеркивал, что «Die Vermessung der Welt» – не исторический, а современный роман, действие которого происходит в прошлом. Границу между романом и биографией, исторической личностью и выдуманным персонажем Д. Кельман определяет через некое «магнитное поле» (Magnetfeld), которое возникает вокруг исторической личности и по которому «блуждает» писатель. Если писатель подойдет слишком близко к реальному человеку, к «магниту», то получится просто биография, а не роман. А если он, напротив, отойдет слишком далеко, так что не будет даже ощущать силу «магнитного поля», то теряет художественное право использовать имя этой исторической личности в своем произведении, и вся его задумка потеряет смысл [4, с. 47].

При изображении характеров внутри «магнитного поля» язык играет для автора решающую роль. Поскольку «Die Vermessung der Welt» не является историческим романом в прямом смысле этого слова, то, с одной стороны, автор не ограничивает язык произведения лексикой времени, в котором жили К. Ф. Гаусс и А. фон Гумбольдт.

С другой стороны, чтобы действие романа не покидало «магнитного поля», ему необходимы языковые отсылки на XVIII и XIX вв. Следует отметить, что в реализации данной задачи автор допускает некоторые неточности.

Так, в примерах, взятых из глав, посвященных жизни А. фон Гумбольдта, описывая различные измерения, которые ему доводилось производить, Д. Кельман использует как современные единицы измерения *Zentimeter*, *Meter*, так и единицы измерения эпохи А. фон Гумбольдта *Fuß*, *Elle*, *Unze*:

> Es war eine der größten Höhlen des Kontinents, ein sechzig mal neunzig *Fuß* großes Loch, durch das so viel Licht einfiel, dass man noch im Berginneren hundertfünfzig *Fuß* weit auf Gras und unter Baumwipfeln ging [3, c. 72].
>
> Leise fragte er ihn, was er über ein riesiges Kalenderrad aus Stein wisse. Etwa fünf *Ellen* im Radius? [3, c. 204].
>
> Er ließ Wasserstoff aus einem Röhrchen strömen, hielt eine Flamme an die Mündung, und mit einem Jauchzen schoss das Feuer auf. Ein halbes *Gramm*, sagte er, zwölf *Zentimeter* hoch die Flamme [3, c. 22].
>
> Damit der Sturm nicht ungenützt vorbeiging, hatte Humboldt sich fünf *Meter* über der Wasseroberfläche an den Bug binden lassen, um die Höhe der von keiner Küste gebrochenen Wellen zu messen [3, c. 195].
>
> Jede Handvoll Erde sei einmal ein Mensch gewesen und vorher ein anderer Mensch, jede *Unze* Luft sei tausendfach von inzwischen Verstorbenen geatmet worden [3, c. 123].

Интересно отметить, что официально метрическая система была введена в Пруссии лишь в 1872 г., спустя десятилетия после смерти А. фон Гумбольдта. Но из архивных документов, дневников и писем известно, что ученый отдавал предпочтение именно ей задолго до ее официального введения. Следовательно, Д. Кельман, описывая его деятельность, в данных контекстах должен был использовать именно метрическую систему. Однако автор параллельно с новыми единицами измерения, которые, согласно хронике, применял А. фон Гумбольдт, употребляет и устаревшие единицы измерения *Fuß* (*фут*), *Elle* (*локоть*), *Unze* (*унция*), пытаясь таким образом приблизить современного читателя к действию романа, которое происходит в XVIII–XIX вв., создавая тем самым исторический колорит (Vermittlung historischer Authentizität).

В следующем далее контексте автор использует специальную лексику для описания места действия романа. Одна из сцен романа

«Die Vermessung der Welt» переносит нас в Вашингтон – в Капитолий, при этом название государственной резиденции не упоминается, дается только ее описание:

> Der Regierungssitz, gerade fertiggestellt und nicht zu Ende gestrichen, war ein *klassizistischer Kuppelbau*, umgeben von *Säulen*. Er freue sich, sagte Humboldt, als sie aus der Kutsche stiegen, einmal wieder ein Zeugnis für den Einfluß des großen Winkelmann zu sehen. … Am nächsten Tag hatte er, trotz seiner Kopfschmerzen, eine lange Unterredung im *elliptisch* geformten Arbeitszimmer des Präsidenten [3, c. 213].

В изображении данной сцены писатель, можно сказать, вводит читателя в заблуждение, потому что подразумеваемого под «***elliptisch*** *geformten Arbeitszimmer des Präsidenten*» – «овального кабинета президента» во время пребывания А. фон Гумбольдта в Америке (1804) еще не существовало; он был построен лишь в 1909 г. То же самое касается и Капитолия – купол у него появляется лишь в 1824 г., т. е. спустя 20 лет после пребывания А. фон Гумбольдта в Вашингтоне. Такая неточность, несомненно, недопустима в историческом романе (подлинность и достоверность является, как известно, обязательной характеристикой специального текста). Но в жанре, который выбрал Д. Кельман, неточность такого характера скорее всего простительна.

Специальную лексику автор использует и при описании характеров своих персонажей (Personencharakterisierung). Измерение, познание мира занимает и К. Ф. Гаусса, и А. фон Гумбольдта, это важнейшая тема романа. Перечисляя измерительные приборы, которые А. фон Гумбольдт берет с собой, используя в тексте необходимые термины, Д. Кельман наилучшим образом характеризует безудержное, иногда граничащее с безумием, стремление А. фон Гумбольдта к изучению мира, к измерениям (снова допуская при этом довольно большие погрешности). Это касается правильности употребления терминов и их соответствия реальности:

> Humboldt reiste nach Salzburg weiter, wo er sich das teuerste Arsenal von Meßgeräten zulegte, das je ein Mensch besessen hatte. Zwei *Barometer* für den Luftdruck, ein *Hypsometer* zur Messung des Wassersiedepunktes, ein Theodolit für die Landvermessung, ein *Spiegelsextant* mit künstlichem Horizont, ein faltbarer *Taschensextant*, ein *Inklinatorium*, um die Stärke des Erdmagnetismus zu bestimmen, ein *Haarhygrometer* für die Luftfeuchtigkeit, ein *Eudiometer* zur Messung des Sauerstoffgehaltes der Luft, eine *Leydener Flasche* zur Speicherung *elektrischer Ladungen* und ein *Cyanometer* zur Messung der Himmelsbläue [3, c. 37].

Так гипсометр (*Hypsometer*), например, используется не для определения точки кипения воды (*Messung des Wassersiedepunktes*), как сказано в тексте оригинала, а для измерения атмосферного давления по температуре кипящей жидкости [1, с. 245]. Инклинатор (*Inklinatorium*) служит не для определения силы земного магнетизма (*die Stärke des Erdmagnetismus*), а для измерения величины наклонения земного магнетизма [1, с. 357]. Но так как данный дискурс является не специальным текстом (Fachtext), а художественным произведением (здесь важны не сами приборы и верное соответствие совершаемых с их помощью измерений, а характеристика А. фон Гумбольдта как исследователя), то читатель, скорее всего, не обратит на эти неточности внимания.

Специальная лексика в романе Д. Кельмана играет также определенную роль в **создании комического эффекта**. Комизм в романе достигается за счет того, что гениальность и поступки К. Ф. Гаусса и А. фон Гумбольдта непонятны не только героям романа, но и читателю. Комичность проявляется, например, в попытке общения и в ожидании взаимопонимания К. Ф. Гаусса с окружением, которое интеллектуально гораздо ниже него:

> Mit Induktionsgeräten sandten sie zu verabredeten Zeiten Signale hin und her. Etwas ähnliches hatte Gauß vor Jahren mit Eugen und den Heliotropen versucht, aber der Junge hatte sich das *diadische Alphabet* nicht merken können [3, с. 281].

Не вызывает сомнения, что большинство читателей не знают, что такое *das diadische Alphabet* (*бинарный алфавит*). Комичность описываемой сцены создается требованием ученого знания этого термина, непонятного большинству читателей, от ребенка (мальчика *Eugen*).

Особую функцию стилистического приема в романе выполняет **косвенная речь** (**indirekte Rede**). Диалоги, написанные исключительно в косвенной речи, способствуют тому, что между читателем и персонажами возникает некоторая дистанция. Д. Кельман избегает прямой речи, которая придала бы роману прямолинейность и достоверность. Он, напротив, дистанцируется, отказывается от однозначных суждений, нарочито перепоручая делать выводы читателю. Кроме того, косвенная речь в диалогах делает текст романа более сухим, менее эмоциональным и приближает художественный текст к историческому.

В романе «Die Vermessung der Welt» Д. Кельман использует следующие средства выражения чужой речи: сослагательное наклонение (Konjunktiv), *verba dicendi* – глаголы, вводящие чужую речь, форма придаточного предложения, трансформация личных местоимений:

> Dass wisse er selbst nicht, sagte Gauß, schloß die Augen und fiel in tiefen Schlaf [3, c. 13].
>
> Nein, widersprach der Jüngere. Mit Seele. Mit Ahnungen und poetischem Gespür für Weite und Schönheit. Doch sei diese Seele selbst nur ein Teil, wenn auch der komplizierteste, der Maschinerie. Und er frage sich, ob das nicht der Wahrheit entspreche [3, c. 34].
>
> Ja? Humboldt blätterte im Ephemeridenkatalog, zückte den Bleistift und begann zu rechnen. Aber was? Müsse man immer so deutsch sein? [3, c. 80].

Используя в романе косвенную речь, Д. Кельман, с одной стороны, пытается убедить читателя в том, что он не берет на себя ответственность утверждать, о чем конкретно говорили исторические личности в тот или иной момент, с другой – при помощи самых разных приемов передачи диалогической речи автор убеждает читателя в обратном. Косвенная речь играет важную роль в реализации всего концепта и главной идеи романа.

В заключение следует подчеркнуть, что «Die Vermessung der Welt» Д. Кельмана действительно является одним из немногих в немецкоязычном литературном контексте последних десятилетий примеров интернационально успешного проекта как с точки зрения проблематики романа, так и с точки зрения его языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1980–1983. – 1600 с.
2. *Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. – М. : Канон+, 2001. – 400 с.
3. *Kehlmann D.* Die Vermessung der Welt. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 2005. – 302 S.
4. *Kehlmann D.* Diese sehr ernsten Scherze. Poetikvorlesungen. – Göttingen : Wallstein, 2007. – 151 S.

УДК 811.161.1

Ю. В. Агеева

кандидат филологических наук; доцент кафедры русского языка как иностранного Казанского (Приволжского) федерального ун-та;
e-mail: jageeva@yandex.ru

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ РЕКРУТЕРА

Цель статьи заключается в том, чтобы представить результаты исследования рекрутингового дискурса в его кульминационной части – собеседовании-интервью. В работе расширяется репертуар коммуникативных стратегий и тактик сферы делового общения. Впервые на основании анализа записей реальных собеседований определяются основные стратегии рекрутера как активного коммуниканта (стратегия диагностики соискателя и стратегия окончательного решения) и реализующие их тактики (тактики кейсов, тактики положительного и отрицательного ответа, тактика компромисса и др.). Описываются языковые индикаторы (лексические, морфологические, синтаксические) выявленных тактик.

Ключевые слова: рекрутинг; собеседование-интервью; специализированные стратегии и тактики; языковые маркеры.

Ageeva Yu. V.

Ph.D., Associate Professor, the Department of Russian as a Foreign Language, Kazan (Volga region) Federal University; e-mail: jageeva@yandex.ru

SPECIALIZED SPEECH TACTICS OF RECRUITMENT OFFICER

The aim of the article is to present the results of the research of recruiting discourse in its final part – the job interview. The paper expands the range of communicative strategies and tactics of business communication. The main strategies of the recruitment officer as an active communicator (diagnostics of the job seeker, strategy of the final decision) and implementing tactics (cases, positive and negative responses, compromise, etc.) are revealed on the basis of the records of real job interviews. The linguistic (lexical, morphological, and syntactical) markers of the identified tactics are described.

Key words: recruiting; job interview; specialized strategies and tactics; linguistic markers.

В последнее десятилетие прошлого века в российской деловой среде появились специализированные рекрутинговые агентства, которые стали заниматься поиском и подбором кадров в различные фирмы и организации. Так возникла коммуникативная среда, обусловившая

появление нового дискурса – дискурса рекрутинга[1], который имеет свои характерные особенности, выделяющие его из ряда других институциональных дискурсов. Подобный тип профессионального общения еще не становился объектом серьезного лингвистического исследования, хотя специфика подобной коммуникации определяет уникальность речевого поведения участников собеседования, что весьма перспективно в аспекте дискурс-анализа. Изучение дискурса неизбежно приводит к его ключевым понятиям – к *тактикам* и *стратегиям речи*. Коммуникативная стратегия позволяет выстраивать «последовательную систему тактических речевых приемов», что говорит о динамичности дискурса и дает возможность выявить отдельные фазы дискурса, проследить «движение говорящих к поставленной цели» [4, с. 140–142].

Проведенный анализ представляет интерес в теоретическом (с позиции прогнозирования речевых действий и избегания коммуникативных ошибок) и в лингводидактическом (с позиции обучения коммуникативным компетенциям носителей русского языка и иностранцев, изучающих русский язык) аспектах. Цель работы – анализ речевого поведения главного коммуниканта как специалиста, выстраивающего свои стратегические линии в соответствии с основными коммуникативными задачами. Главным коммуникантом (профессионалом) в данной среде является специалист по подбору и поиску персонала – рекрутер. Теоретики (они же и практики в рекрутинге), говоря о главных качествах работника кадрового агентства, ставят на первое место его коммуникативные способности, утверждая, что «это, прежде всего, незаурядная личность, умеющая хорошо общаться» [3, с. 88].

Непосредственный процесс взаимодействия происходит на собеседовании, которое можно назвать коммуникативным центром данного дискурса, когда в качестве интервьюируемых выступают представители разных профессий. Самой распространенной формой собеседования является очная беседа одного интервьюера с одним соискателем, так как только при личном контакте «без посторонних глаз», используя различные методы диагностики соискателя (посредством реализации определенных коммуникативных стратегий (КС) и тактик (КТ)), возможно наиболее точно определить, насколько кандидат соответствует требованиям работодателя и как профессионал, и как человек.

[1] Рекрутинг – поиск и найм персонала.

Корпус исследования составляют записи 42 реальных собеседований (телепрограмма «Кадры решают» (КР) на онлайн-телеканале «Успех») [5].

В результате изучения речевого материала был сделан вывод, что основной коммуникативной стратегией специалиста по кадрам является **стратегия диагностики соискателя** – объективный анализ и оценка того, насколько кандидат соответствует предлагаемой должности. Реализуют КС диагностики соискателя речевые тактики двух типов: 1) тактики информирования; 2) специализированные тактики. В заключительной части собеседования, включающей в себя несколько этапов, рекрутер вербализует коммуникативную **стратегию окончательного решения**. Наличие данных стратегий определяет специфику рекрутинга, выделяющую его из ряда других профессионально ориентированных дискурсов (медицинского, спортивного, педагогического, политического и др.).

Менеджер по подбору персонала, который проводит интервью, использует целый ряд специализированных тактик для того, чтобы оценить кандидата и спрогнозировать, насколько эффективно тот сможет работать. В данном аспекте особый интерес вызывает речевая тактика, основанная на описании реально возможной проблемной ситуации. По аналогии с известным в бизнесе и педагогическом образовании понятием кейса, или кейс-метода, она получила название **тактика кейсов** (**ТК**)[1]. Именно тактика кейсов во всех ее проявлениях позволяет наиболее точно определить профессиональные качества интервьюируемого. Суть данной тактики заключается в следующем: рекрутер вербально моделирует реально возможную проблемную ситуацию и просит соискателя найти конкретное решение этой проблемы. В зависимости от ответов собеседника интервьюер должен сделать вывод о его навыках, способностях и мотивации.

Нельзя забывать, что активный коммуникант (адресант) ограничен временны́ми рамками. Трудность его задачи заключается в том, чтобы за небольшой отрезок времени рассмотреть в собеседнике того специалиста, который необходим именно этой организации и именно на этой должности. Для интервьюера важно услышать предложения конкретных действий, а не теоретические размышления. Созданная с помощью ТК иллюзия реальности способствует наиболее быстрой оценке навыков и способностей кандидата.

[1] Автор отдает себе отчет в том, что типов может быть больше.

В процессе исследования было выделено четыре основных вида ТК: ТК № 1, направленная на определение профессиональных компетенций; ТК № 2, направленная на выявление ценностей и моделей поведения; тактика стресс-кейса № 3; тактика запроса кейса № 4. При выявлении данных типов мы опираемся на исследования специалистов по рекрутингу С. В. Ивановой и С. А. Карташева [1; 3]. Остановимся на данных речевых действиях подробнее.

Первая разновидность ТК: моделирование реальной ситуацию, в которой соискатель (С) будет оказываться часто. Например, в серии 17 рекрутер (Р), беседуя с кандидатом на должность «менеджер (специалист) по закупкам», реализует **ТК № 1** следующим образом:

> Р: – А вот так / допустим / вариант // Представьте себе / что проводите тендер у поставщика // На рынке он недавно и представляет / допустим / интерес в том плане / что его цена соответствует качеству / но Ваше руководство почему-то настаивает на другом поставщике / с которым Вы работаете уже 6 лет // Но Вы считаете / что пользу делу новый поставщик Вам принесет да и экономию значительных средств // Как Вы поступите в этом случае?

Как любая тактика ТК № 1 вербализуется с помощью особых языковых средств. Прежде всего ее идентифицируют грамматико-синтаксические маркеры: глаголы в повелительном наклонении (особенно форма «представьте себе … »), вводные слова и сослагательные конструкции, ярко проявляющиеся на начальном этапе реализации тактики. Например:

> *Допустим* / неловкая ситуация / переговоры … (КР, сер. 1).
>
> *Вот представьте* / я кандидат… (КР, сер. 22).
>
> *Если* к Вам завтра / как к директору по маркетингу «Флакона» / придет компания H&M / станет *ли* она жителем «Флакона»? (КР, сер. 36).
>
> *Если* / *допустим* / Вы приходите в эту компанию // ЭЭЭ // Ваши первые действия (КР, сер. 4, ч. 2).
>
> Лилия / *представьте себе* / что Вы работаете в компании / которая занимается производством бумаги / не только продажей / но и производством // (КР, сер. 24).

Далее (после описания ситуации) обязателен вопрос, отвечая на который соискатель должен продемонстрировать качества, необходимые для успешной работы на рассматриваемой должности и соответствующие требованиям вакансии. Вопрос в данной тактике играет важную роль, так как с его помощью происходит формулировка

задания. Например, в серии 25 проходит собеседование на должность «редактор политического интернет-издания»:

Р: – Скажите / а если бы Вы были главным редактором издания / у Вас было бы в подчинении 5 человек / 5 редакторов / периодически один из редакторов допускал ошибки / которые бы влияли на рейтинг журнала / а все остальные бы работали достаточно продуктивно / у всех бы была окладная часть / к примеру / там / условно 40.000 тысяч рублей // *Как бы вы изменили систему мотивации этих людей для того / чтобы у тех / кто работает хорошо / была бы мотивация работать еще лучше / а у тех / кто плохо / тоже лучше?* (КР, сер. 25)

Данная тактика может быть реализована с двух позиций:

а. Рекрутер, просит соискателя разъяснить ситуацию, используя местоимения и глаголы 2-го лица:

Р: – А представьте / это *Вы задержали* судно и *Вы виноваты* // Вот приходит к *Вам* партнер *Вашей* организации и говорит *Вам* / «Что / Сергей / что / за два часа простоя … // *Вы* знаете / сколько это стоит /? Как будем рассчитываться? (КР, сер. 28).

б. Интервьюер вступает в диалог и входит в роль.

Есть достаточное количество примеров, когда рекрутер начинает с позиции а), переходит на позицию б), что говорит, по-видимому, об оптимальности данного сочетания. Например:

Р: – А представьте / у нас здесь есть оператор / Иван его зовут // Вы ему только что позвонили // Ну так попали / так получилось // Иван сказал / «Алле» //

С: – Добрый день! Здравствуйте! Меня зовут Арина / Позвольте украсть у Вас пару минут / если Вы не заняты //

Р: – Излагайте очень коротко / говорит Иван //

С: – Ну / хорошо// Вы знаете / мы Вас хотим пригласить на кастинг в театр-студию «МЭС» / которая занимается постановками на английском языке //

Р: – *Девушка / откуда Вы мой номер взяли?*

С: – Мне Вас порекомендовал друг // Обычно нам дают телефоны // Это я так / отступление // Да / когда обычно частные номера / да / кто-то дает / да / нам обязательно кто-то дает / рекомендует //

Р: – *Вы знаете / мне неинтересно!*

С: – Хорошо // Также можем предложить Вам прийти на спектакль / чтобы Вы могли оценить // У нас проходят веселые развлекательные мероприятия перед спектаклем //

Р: – *Ну скиньте мне по электронной почте / запишите / и / если мне понравится / я Вам позвоню //* (КР, сер. 39).

Кроме того, может быть задан необычный вопрос, включенный в совершенно другой контекст. Рекрутер обращается к подобному приему, чтобы «сбить с толку» собеседника и проверить его на стрессоустойчивость. Например, в серии 31 сразу после ответа соискателя интервьюер спрашивает:

Р: – Скажите / а если бы Вы выиграли в лотерею / Вы бы как с деньгами поступили? (КР, сер. 31).

Стрессовой может быть и сама ситуация, заданная в кейсе.

Р: – Надежда / представьте / что Вы сейчас находитесь на месте происшествия //

С: – Ага //

Р: – За Вашей спиной находится дом с обрушившейся крышей // Слева / справа никаких очевидцев / темнеет / есть только оператор и Вы соответственно // Что-то здесь надо делать? (КР, сер. 21).

Следующая **тактики кейса** – **ТК № 2** – направлена на выявление ценностей и моделей поведения, имеет те же синтаксические маркеры, что и ТК № 1, отличается, в основном, типом ситуации и содержанием вопросов, а также лексическими индикаторами. Здесь используется больше нейтральной и разговорной лексики. Как показывает материал, в основе данной ситуации всегда лежит конфликт. Можно сказать, что данная тактика является еще и разновидностью коммуникативной **тактики провокации**. В связи с этим при реализации ТК № 2 используется большое количество негативно окрашенной лексики и отрицательных форм с частицей и приставкой ***не***.

Р: – Представьте себе ситуацию / сотрудник *негативно* по отношению к Вам настроен //

С: – Угу //

Р: – Вы понимаете / что он лидер мнения / он средний ценный сотрудник / лидер мнения / если его уволить / хотя он *прогуливает* работу иногда / *не выполняет свои* задания / то может какой-то такой внутренний кризис *зародиться* / никак проигнорировать его *не получается* / и он передает следующую информацию / «Вот тот человек / Александр / наш директор / он *не повышает* нам зарплату / он *зажимает* наши деньги / он ставит перед нами какие-то *непонятные* цели // (КР, сер. 23).

В данную тактику провокация включается с целью избежать социально желательных ответов, так как с каждым годом соискатели приходят на собеседование все более подготовленными.

Интересна также **тактика стресс-кейса ТК № 3**, с помощью которой соискатель вводится в состояние цейтнота разными способами. Например, ограничением времени ответа.

> Р: – Сергей / скажите / если бы я Вам задал вопрос / «Скажите / уважаемый Сергей / каким образом в нашей компании увеличить продажи?» / как бы Вы ответили на этот вопрос / *если бы у Вас было только 30* секунд? (КР, сер. 38).

Вербализуя ТК № 3, рекрутер как активный коммуникант может спровоцировать кандидата не только на проявление профессиональных компетенций, но и показать скрытые негативные стороны своей личности, которые могут найти выход в реальной рабочей ситуации. Каждый работодатель должен быть уверен, что в критический момент потенциальный сотрудник не растеряется, быстро и правильно отреагирует, продемонстрировать нестандартность мышления.

Следующий тип – **тактика запроса примера – ТК № 4**, которую можно отнести и к информационным тактикам. Мы же относим ее к тактикам кейсов, так как в данном случае от соискателя требуется прокомментировать пример ситуации-кейса из его прошлого. Цель ТК № 4 заключается в том, чтобы выяснить, как кандидат вел себя в реальных ситуациях, а не «что бы он сделал, если бы…». Главными лексическими маркерами данного типа КТ являются, безусловно, глагольные формы прошедшего времени, так как речь идет о прошлом опыте. Например:

> Р: – А *бывали ли* ситуации / когда главный редактор... / Да / по-моему / кто *ставил* задачу / когда вы *разрабатывали* свою программу ? Вы ему *приносили* результат / *говорили* / «Вот / йес» / он *говорил* / «Нет, спасибо / не годится»? (КР, сер. 12)

В анализируемых интервью ТК № 4 представлена не настолько ярко, как предыдущие тактики. По-видимому, это связано с некоторой относительностью прошлого опыта. Интервьюер рискует ошибиться, так как люди меняются, и более объективно о человеке и профессионале можно судить только по решению, принятому здесь и сейчас.

Следует отметить, что основные стратегии активного коммуникантa, реализуемые в ходе собеседования, относятся к стратегиям

кооперации, так как в течение всей беседы сохраняется доброжелательная атмосфера, начиная со стандартных слов приветствия и заканчивая различными формами прощания.

Например, кульминацией всего коммуникативного акта собеседования можно назвать его последнюю часть. Все интервью строится таким образом, чтобы в конце беседы рекрутер смог сделать правильный вывод, а соискатель получил ответ, соответствует ли он предлагаемой вакансии. Третья, заключительная часть, собеседования включает в себя несколько этапов, в соответствии с которыми выстраиваются коммуникативные тактики специалиста по кадрам, реализующие **стратегию окончательного решения**. На первом этапе менеджер по кадрам вербализует **тактику просьбы**, когда просит у соискателя дать время на обдумывание для принятия решения, так как в большинстве случаев это происходит непосредственно на собеседовании. А также включаются этикетные **тактика благодарности** и на последнем этапе – **тактика прощания**.

Но все-таки главная стратегическая задача интервьюера в завершающей части беседы – подведение итогов. Основные тактики рекрутера на данном этапе отличаются альтруистичностью и кооперативностью (реализация стратегии сотрудничества). Прежде всего это тактики положительного и отрицательного ответа.

Тактика положительного ответа:

– Ну что ж / Наталья / на мой взгляд / Вы для позиции подходите идеально // (КР, сер. 2).

– Я бы / безусловно / предложила Вам ту вакансию / которой мы / ради которой мы здесь встретились / вот // (КР, сер.6).

– Елена / я благодарю Вас за интервью / мы готовы Вас представить как одного из кандидатов в компанию // (КР, сер. 29).

На синтаксическом уровне можно отметить большое количество вводных предложений, указывающих на то, что со своей стороны интервьюер сделал выбор, но это неокончательное решение, так как «последнее слово» остается за работодателем. Подобное использование вводных фраз отмечается и при реализации **тактики объяснения**:

Р: – У Вас большой опыт работы / и мне очень понравилось / как Вы ответили на некоторые вопросы / которые в общем-то являются в некоторых моментах «скользкими» // Мне кажется / Вы лично сработаетесь с руководителем потому / что он тоже спокойный человек // (КР, сер. 2).

Именно на этом этапе осуществляется договоренность о дальнейших шагах, определяется их алгоритм. В большинстве случаев используются глаголы в форме 1-го лица единственного числа с личным местоимением «я». Посредством вербальных маркеров интервьюер делает акцент на своей личной ответственности за решение, по-видимому, чтобы показать, что несмотря на решающую роль его мнения как специалиста, в настоящее время оно может быть достаточно субъективным:

– *Я готова рекомендовать* Вас работодателю.

– *Я решила* / что буду дальше представлять Вас своему заказчику / так как *я уверена* / что у Вас есть потенциал для этой должности, и Вы сможете помочь компании разработать новый проект.

На лексическом уровне всё указывает на очень бережное отношение главного коммуниканта к тому, как воспримет оценку соискатель. При позитивном решении рекрутер не ограничивается лаконичным ответом, он активно использует и сопутствующую эмоционально настраивающую **тактику похвалы** через лексику со знаком «+»: *Вы подходите идеально, у Вас потенциал для этой должности, это огромный плюс* и т. д. В отличие от тактики комплимента, где положительная оценка является лишь «способом сообщить о добрых чувствах», для похвалы это главная цель. «Похвала предполагает оценку качеств, знаний, умений» [2, с. 178–179].

Далее была отмечена **тактика отрицательного ответа**: чаще всего (что более профессионально) интервьюер не просто дает лаконичный ответ, он объясняет, почему сделал такой выбор:

Смотрите // Думаю / что я отвечу / «Нет» и поясню / почему // (КР, сер. 12).

Интересно, что при отрицательном решении рекрутер также реализует **тактику похвалы**, старается использовать больше позитивной лексики, видимо, чтобы не оскорбить претендента и не занизить его самооценку.

Р: – Вот / что касается заключения в целом // Вы достаточно четко излагаете свой путь развития / и мне он кажется в общем-то достаточно правильным / потому что Вы поработали много где / в разных структурах разного уровня и разной направленности / и такая большая ступень в развитии была бы в международной компании / но / к сожалению / не одна международная компания человека без знания иностранного языка не возьмет // (КР, сер. 18).

Для отрицательного ответа в основном используются формы с частицей ***не*** (*не владею, не хватило, не слышали, недостаточно*).

В данном контексте показательны формы *немножко*, *немножечко* и *чуть*. В рамках ответа, который в принципе должен быть вполне официален и имеет таковые черты (*поясню; я не владею информацией / есть ли такие позиции*), разговорные уменьшительно-ласкательные формы включаются автором, чтобы смягчить негативность ответа: там *немножко* больше ответственности; эта позиция чуть выше по менеджерской составляющей; мне было немного сложно / когда Вы меня не слышали). Перед нами яркий пример, когда отрицание смягчается преуменьшением.

Если в других ситуациях общения стратегии сотрудничества выражаются в том, чтобы показать собеседнику свою заинтересованность в предмете беседы, готовность выслушать мнение партнера [4, с. 146], то в нашем случае сотрудничество выражается прежде всего формально – через языковые маркеры, а затем и посредством таких коммуникативных тактик, как тактика совета и рекомендации.

Особо следует отметить **тактику компромисса**. Она актуализируется рекрутером при сообщении соискателю о том, что он не подходит на рассматриваемую должность, но для него есть другие варианты. Данная тактика указывает на успешность реализации сопутствующей стратегии интервьюера, которую он использует в процессе всего собеседования, – **стратегии диагностики соискателя**. Здесь на первый план выходят экстралингвистические факторы, связанные со спецификой дискурса. «Нет универсально хороших и плохих кандидатов – есть те, кто подходит для этой организации и этой работы, и те, кто не подходит» [2, с. 8]. На собеседовании опытный профессионал в первую очередь оценивает и подбирает кандидата в конкретную организацию, но существует и второй план – если данный соискатель не подходит для данного места, то его можно рассмотреть в ракурсе другой вакансии.

При реализации тактики компромисса активно используются синтаксические ресурсы русского языка. Например, когда рекрутер дает положительный ответ, но говорит, что есть определенные «но»:

> Р: – Мария / я думаю / мне все-таки стоит показать Ваше резюме руководству компании // *Хоть* есть несколько минусов / так как не работали в компании / *но* / думаю / Вы сможете их компенсировать // (*КР, сер. 8*).

Интервьюер часто употребляет уступительные союзы и частицы: *хоть, но, несмотря на*.

> Р: – *Несмотря на то* / что Вы еще не имеете большого опыта работы / по сравнению с рядом интервью / которые мы проводили по этим позициям / мы сейчас ведем достаточно активный поиск работы и встречаемся также с интересными кандидатами // *Несмотря на то* / что Вы достаточно молоды / Вы профессионально зрелый / у Вас хороший базис // <….> *(КР, сер. 25*).

Как показывает исследование материала, отрицательные ответы и ответы-компромиссы намного больше по объему, чем положительные, так как интервьюер пытается смягчить ситуацию, объяснить, чем обусловлено его решение. В то же время соискателю указываются его ошибки, чтобы он не повторял их во время прохождения следующего собеседования, «учился на своих ошибках». Здесь хороший рекрутер выступает в роли своеобразного учителя, который объясняет и аргументирует. Например, в серии 19 самая длинная завершающая часть (1566 знаков). Рекрутер отвечает «нет», подробно объясняя кандидату, с чем это связано (кандидат пришел не туда, не знает специфику вакансии и т. п.). Самая короткая заключительная часть зафиксирована в серии 14 (271 знак). Интервьюер, гармонично сочетая **тактику положительного ответа с тактикой объяснения**, делает лаконичный вывод.

Таким образом, анализ записей реальных собеседований-интервью показал, что специалист по поиску и подбору персонала использует ряд специализированных стратегий и тактик, наличие которых определяет специфику рекрутинга как уникального институционального дискурса. Выявление и описание речевых действий рекрутера позволит потенциальным участникам собеседования спрогнозировать предстоящую вербальную коммуникацию и построить эффективный план успешного речевого взаимодействия. Кроме того, представленный материал поможет в обучении русофонов и иностранцев основам русского речевого взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова С. В.* Искусство подбора персонала: Как оценить человека за час. – М. : Альпина Бизнес Бук, 2004. – 160 с.
2. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М. : URSS, ЛКИ, 2012. – 299 с.

3. *Карташев С. А., Одегов Ю. Г., Кокорев И. А.* Рекрутинг. Найм персонала. – М. : Экзамен, 2002. – 320 с.
4. *Шляхов В. И.* Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении. – 3-е изд. – М. : Либроком, 2012. – 200 с.

УДК 81’22

Е. В. Алешинская

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета экспериментальной и теоретической физики Национального исследовательского ядерного ун-та МИФИ;
e-mail: aleshinskaya_jane@yahoo.co.uk

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МУЗЫКАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье предлагается модель анализа музыкального дискурса, рассматривающая взаимодействие различных семиотических ресурсов (вербального языка, звучания инструментов, освещения, положения музыкантов на сцене, телодвижений, жестов, контакта глазами, шума в зале) на двух уровнях профессиональной коммуникации как средство выражения определенных аспектов социальной идентичности во время «живого» концертного выступления.

Ключевые слова: музыкальный дискурс; концертное выступление; социальная идентичность; профессиональная коммуникация; мультимодальность.

Aleshinskaya E. V.

Ph.D., Associate Professor, the Department of Foreign Languages, the Faculty of Experimental and Theoretical Physics, National Research Nuclear University MEPhI; e-mail: aleshinskaya_jane@yahoo.co.uk

CONSTRUING SOCIAL IDENTITY IN MUSICAL DISCOURSE: A MULTIMODAL ANALYSIS

The article presents a model of musical discourse analysis integrating various semiotic resources (verbal language, sound of instruments, lighting, position on stage, bodily movements, gestures, eye contact, noise) at two levels of professional communication as the means of expressing particular aspects of social identity in a live performance.

Key words: musical discourse; live performance; social identity; professional communication; multimodality.

В зависимости от обстоятельств и условий коммуникации социальные агенты (музыканты или другие представители музыкальной индустрии) из имеющегося семиотического репертуара выбирают способ(-ы) достижения речевой цели и принимают на себя некоторые социальные роли. Выбор семиотических ресурсов в различных сочетаниях является частью процесса социального действия и способом выражения различных аспектов социальной

идентичности: гендерной, этнической, групповой, профессиональной, глокальной и т. п.

Концертное выступление представляет собой интересный материал для исследования социальной идентичности в профессиональном разнонаправленном общении, так как объединяет большое число семиотических ресурсов от вербального языка до визуальных изображений и музыки. Однако до сих пор концертные выступления не подвергались комплексному анализу. Их исследования малочисленны и затрагивают функционирование лишь одной или нескольких модальностей – телодвижений [7], взглядов и жестов [8], поведения на сцене и одежды [14]. В связи с этим возникает необходимость создания интегрированной модели мультимодального анализа дискурса [10], которая позволила бы объединить многообразие семиотических ресурсов, используемых в концертных выступлениях для создания определенных смыслов.

Методологической основой мультимодального исследования концертного выступления послужили принципы мультимодального (критического) анализа музыкального видео и обложки музыкального альбома, описанные в работах Д. Мачина [12; 13]. Под модальностью (mode) понимается социально сформированный и культурно обусловленный семиотический ресурс, служащий для выражения определенного смысла, например звук, мимика, жесты, положение коммуникантов относительно друг друга и пр. [3; 6; 11].

Настоящее исследование также опирается на принципы анализа дискурса(-ов) глобализации Н. Файерклафа, на его понимание жанра как «способа коммуникативного взаимодействия» [9, с. 24] и стиля как «способа выражения идентичности» [9, с. 21].

Материалом для исследования послужило концертное выступление английской рок-группы «Keane» 17 января 2013 года в концертном зале «ACL Live at the Moody Theater» (г. Остин, Техас, США; *http://www.youtube.com/watch?v=ImzuSU5kw1g*). На примере концертного исполнения композиции «A Bad Dream» (0:49:21 – 0:54:40) рассматривается модель мультимодального анализа дискурса, позволяющая учитывать его многоаспектность и многообразие используемых семиотических ресурсов, каждый из которых «имеет свое семантическое наполнение, свои языковые средства выражения и служит передаче смыслов» [4]. Синтез всех уровней модальности, задействованных во время концертного выступления, возможен при многократном

воспроизведении данного видеофрагмента и последовательном анализе каждого уровня модальности в отдельности [2].

Концертное выступление как жанр профессионального дискурса обладает рядом особенностей – как внешних (контекстуальных), так и внутренних (внутритекстовых) [1]. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Концертное выступление в «ACL Live at the Moody Theater» способствует популяризации группы «Keane» и их нового студийного альбома «Strangeland» (2012). С точки зрения выступающих «вживую» музыкантов и присутствующей на их выступлении публики, концерт характеризуется двусторонней неопосредованной коммуникацией между участниками музыкальной группы и их аудиторией. Для концертного выступления характерно, с одной стороны, наличие принятых церемониальных форм ведения концерта (объявление номеров, вызов на бис, представление участников группы и т. д.), а с другой – неформальное поведение музыкантов и присутствующей на концерте публики, которая может танцевать, петь, кричать, свистеть или по-другому взаимодействовать с музыкантами.

Музыканты группы «Keane» во время концерта исполняют разные роли – фронтмена (Том Чаплин), клавишника (Тим Райс-Оксли), басиста (Джесси Куин) и ударника (Ричард Хьюз). Так, среди обязанностей фронтмена Тома Чаплина – представлять песни, исполнять основную партию вокала, иногда аккомпанировать себе на синтезаторе или гитаре, взаимодействовать с публикой в зале.

Концертное выступление сочетает вербальные и невербальные компоненты: вербальный язык (общение с публикой между песнями, тексты песен), музыкальные компоненты (мелодии песен, аранжировки, ритм), язык тела (контакт глазами, жесты, телодвижения) и визуальные элементы (декорации, костюмы, зрительные эффекты, освещение). Во время «живого» концерта невербальные составляющие музыкального дискурса играют важную роль: с помощью световых и визуальных эффектов, выразительной мимики и жестов исполнителя усиливается вербальный контекст и создается эмоциональное настроение, способствующее определенному восприятию той или иной композиции [15]. Невербальные компоненты являются также средством конструирования профессиональной идентичности, к примеру, указывая на статусные отношения внутри группы и подчеркивая такие профессиональные качества, как высокая степень

сосредоточенности и внимания, самообладание, способность увлечь своей игрой аудиторию [5].

Коммуникация во время концертного выступления происходит на двух уровнях: профессионал – профессионал (*общение музыкантов друг с другом*) и профессионал – непрофессионал (*общение музыкантов с публикой*). В рамках концертного выступления общение на уровне профессионал – профессионал представлено главным образом невербальными ресурсами, большинство из которых выполняет функцию ритмической синхронизации, т. е. синхронного исполнения песен с точки зрения ритма. В первую очередь синхронизация достигается посредством контакта глазами, жестов и телодвижений. На уровне «профессионал» – «непрофессионал» взаимодействие коммуникантов происходит как вербально (объявление следующей песни, комментарии и шутки и т. п.), так и невербально: например, аплодисменты, топот ногами, свист, движения руками или головой в такт музыки, танцы, поднятые вверх руки для выражения одобрения / неодобрения со стороны публики или хлопки, поднятая рука или поднятые две руки, направленный в зал микрофон, приложенная к уху рука для выражения одобрения и / или поощрения со стороны музыкантов (преимущественно фронтмена группы).

В данном исследовании музыкального дискурса принимаются во внимание следующие модальности: вербальный язык, звучание инструментов, шум в зале, свет, положение музыкантов на сцене, телодвижения, жесты, контакт глазами (направленность взгляда). Содержание и формы взаимодействия семиотических ресурсов на двух уровнях профессиональной коммуникации во время концертного исполнения песни «A Bad Dream» английской рок-группой «Keane» изменяются по мере развития музыкальной композиции в соответствии с ее структурой, которая включает: (1) первый куплет и припев (0:49:21 – 0:50:36), (2) второй куплет и припев (0:50:37 – 0:51:39), (3) бридж (0:51:40 – 0:52:13), (4) проигрыш (instrumental) (0:52:14 – 0:52:43), (5) финальный припев (0:52:44 – 0:53:23) и (6) коду (0:53:24 – 0:54:20).

В содержательном плане песня передает эмоциональное состояние и переживания летчика в момент пробуждения от кошмарного сна, вызванного страшными событиями Второй мировой войны.

Песня начинается очень тихо, негромкий вокал сопровождают фортепианное звучание на синтезаторе, бас-бочка и райд (ride cymbal) на ударной установке. На сцене полумрак, для освещения

используется приглушенный зеленый цвет. Вокалист стоит га середине сцены практически неподвижно, держа обеими руками микрофон и совершая едва заметные движения торсом в такт музыки. Зрители в зале стоят в тишине, практически не двигаясь.

Во время второго куплета и припева освещение сцены становится немного ярче, звучание музыки становится более интенсивным за счет усиления ударных и добавления бас-гитары. Вокалист сохраняет неподвижность, по-прежнему держа обе руки на микрофоне. Аккомпанирующие музыканты не контактируют друг с другом глазами, сосредоточившись на своих инструментах.

Во время бриджа звучание усиливается, освещение становится ярким, преобладает белый цвет. В завершение бриджа на три секунды все инструменты, кроме синтезатора, замолкают, свет гаснет, а вокалист быстро отходит от микрофона.

Вокалист за короткую паузу успевает быстро дойти до синтезатора (теперь он стоит лицом к клавишнику группы) и кричит в микрофон зрителям: «What's up, Texas?». В ответ зрители начинают еще громче кричать и визжать. В этот момент клавишник на своем синтезаторе переходит на дисторшен (distortion – музыкальный эффект, основанный на внесении в электронный звук преднамеренных сильных искажений), а вокалист продолжает партию фортепиано на другом синтезаторе. Громкость доходит до предела, звуковые эффекты визуально сопровождаются резким мерцающим светом.

На финальный припев световые эффекты пропадают, освещение снова спокойное, приглушенное. Вокалист и клавишник играют в унисон фортепианным звукам. Синхронность здесь выносится на передний план, поэтому вокалист очень часто смотрит на клавишника, наблюдая за его движениями. Со своей стороны клавишник тоже помогает вокалисту не выбиваться из ритма и периодически дирижирует ему свободной рукой или кивает головой в такт музыке.

Кода напоминает инструментальный проигрыш ярким мерцающим светом и звуковым эффектом дисторшен на синтезаторе. Клавишнику приходится низко наклоняться к синтезатору и часто ударять по клавишам для создания звукового эффекта. В эти моменты вокалист поворачивается налево (в противоположную сторону от зрителей) и начинает смотреть на движения ударника, чтобы не выбиться из ритма. Ударник, как и басист, сосредоточен только на своем инструменте.

Контакт глазами между всеми участниками музыкальной группы достигает максимального уровня в последние 20 секунд звучания песни, когда клавишник применяет састейн (sustain – музыкальный эффект, используемый для создания протяженных нот, при котором амплитуда звука долго не спадает). Клавишник дирижирует остальными участниками группы, встав с места, чтобы его все увидели, и, наклонив корпус в сторону, предупреждает об окончании песни. Вокалист отбегает обратно к стойке микрофона в центре сцены и кивает зрителям, которые одобрительно хлопают и кричат. Свет гаснет.

Мультимодальный анализ концертного исполнения песни «A Bad Dream» позволил выявить статусные роли, характерные для двух участников группы «Keane» – Тома Чаплина и Тима Райс-Оксли. Том Чаплин – фронтмен, которому участники группы передали полномочия поддерживать общение с публикой в зале во время выступления. Напряженный характер песни и необходимость играть на синтезаторе ограничивали фронтмена (вокалиста) в использовании жестов в адрес публики. Он позволил себе только один кивок головой как знак выражения благодарности за внимание публики по окончании песни. Перед инструментальным проигрышем Том Чаплин обратился к публике со словами: «What's up, Texas?», что также не соответствует характеру песни, но фронтмен воспользовался сменой положения на сцене и затишьем перед музыкальной «бурей».

Тим Райс-Оксли – автор всех песен, исполняемых в рамках исследуемого концертного выступления, в том числе и песни «A Bad Dream». Он очевидный лидер группы и пользуется у коллег бесспорным авторитетом. Об этом свидетельствуют взгляды музыкантов в заключительном фрагменте песни. Тим Райс-Оксли использует много жестов (кивки головой, телодвижения) для регуляции музыкального процесса. Даже его позиция на сцене, когда он сидит боком к зрителям и лицом к остальным участникам группы, говорит о том, что для него приоритетом является помощь другим участникам группы и управление их игрой.

В ходе исследования концертного выступления рок-группы «Keane» были выявлены три основных вида невербальных знаков – иллюстраторы, регуляторы и эмблемы [3, с. 104–105]. Они характерны для разных уровней профессионального общения и выполняют различные функции. Эмблемы применяются на уровне общения

с публикой в зале, они заменяют слова или речевые высказывания. Например, кивком головы в конце выступления фронтмен (вокалист) благодарит публику за поддержку во время исполнения песни. Публика выражает свое одобрение хлопками, поднятыми вверх руками, криком, визгом и свистом.

Иллюстраторы также используются на уровне профессионал – непрофессионал и помогают визуализировать вербальный текст песни «A Bad Dream», расставляя правильные смысловые акценты. Именно с такой целью используются звуковые эффекты *дисторшен* и *састейн* на синтезаторе и приглушенный, а затем яркий мерцающий свет. Отсутствие жестов-иллюстраторов в невербальном поведении фронтмена в контексте данной песни также прагматически значимо: оно передает напряжение и даже злость по отношению к любым военным действиям. Сочетание иллюстраторов из разных модальностей создает целостное эмоциональное впечатление от «живого» исполнения музыкального произведения.

Регуляторы характерны для общения между музыкантами на уровне профессионал – профессионал. Они используются музыкантами для синхронизации музыкальных действий (т. е. синхронного исполнения песен с точки зрения ритма) во время исполнения музыкальной композиции, когда вербальное общение недопустимо. В первую очередь синхронизация достигается посредством контакта глазами, так как музыканты не видят друг друга и их попытки согласовывать свои действия будут напрасными [8]. Концертное выступление, особенно в рамках мирового тура, обычно хорошо отрепетировано, музыканты чувствуют себя уверенно в исполняемом музыкальном материале. Именно поэтому в течение первой половины песни не наблюдается никакого контакта глазами между музыкантами. Но как только музыканты теряют уверенность в происходящем, они начинают смотреть друг на друга. Так, во время исполнения финального куплета песни «A Bad Dream» заметно, что фронтмен не уверен в ритмическом рисунке композиции, и ему приходится часто смотреть на клавишника (лидера группы и автора песни), а в моменты, когда клавишник опускает голову, фронтмен поворачивается к ударнику и следит за его движениями, чтобы не сбиться с ритма. Долгота финального састейна полностью зависит от клавишника, поэтому остальные участники группы, включая ударника и басиста (которые на протяжении всей песни не смотрели на других музыкантов, а были сосредоточены на

своих инструментах), последние 20 секунд песни буквально не сводят глаз с лидера группы.

Для синхронизации также широко используются регулирующие жесты: например, клавишник (лидер группы) часто дирижирует остальными участниками группы, кивая головой в такт музыки или поднявшись с сидения для того, чтобы сообщить о своем намерении прекратить састейн и тем самым закончить песню. Таким образом, «живое» выступление требует от музыкантов высокой степени концентрации, самообладания и максимального постоянного взаимодействия с партнерами по сцене.

В отдельную группу можно выделить различные движения музыкантов в такт музыке, которые не несут особой смысловой нагрузки, но помогают участникам группы не сбиваться с ритма, т. е. выступают в роли внутреннего метронома.

Подведем итоги исследования. Визуальные изображения, жесты, звуки и другие семиотические ресурсы в общении часто функционируют наряду с лингвистическими (языковыми) ресурсами, дублируют их и усиливают их коммуникативный эффект. Более того, невербальные знаки (жесты, телодвижения, контакт глазами) могут выполнять функцию оптимизации профессиональной коммуникации между участниками музыкальной группы (профессионалами), заменяя вербальное общение в тех случаях, когда оно неуместно. Детальный анализ многочисленных аспектов коммуникации во время «живого» выступления позволяет также выявить статусные роли, которые музыканты занимают на том или ином этапе жизни профессионального музыкального коллектива.

Таким образом, интеграция лингвистического, визуального и звукового анализа на двух уровнях профессиональной коммуникации позволяет рассмотреть эффект, производимый разными знаковыми системами (мультимодальными ресурсами) при их взаимодействии, и выявить различные комбинации знаковых систем (мультимодальных ресурсов) для выражения определенных аспектов социальной идентичности во время концертного выступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алешинская Е. В.* Теоретико-методологические основы разграничения жанров профессионального дискурса // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2014. – № 5 (31). – С. 5–23.

2. *Егорченкова Н. Б.* Стратегический потенциал мультимодальной интеракции в медиа-политическом дискурсе // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2014. – № 5 (31). – С. 24–37.
3. *Крейдлин Г. Е.* Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 100–120.
4. *Полубиченко Л. В., Донская М. М.* Семиотика вербального и невербального в мультимедийном дискурсе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2. – С. 36–51.
5. *Федорова Т. С.* Концертное выступление в системе профессионального музыкального образования // Музыкальная педагогика и исполнительство на современном этапе: Школа – ссуз – вуз: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Орлов. гос. ин-т искусств и культуры. – Орел : Горизонт, 2014. – С. 58–62.
6. *Bezemer J., Jewitt C.* Multimodal analysis: Key issues // Research methods in linguistics / ed. by L. Litosseliti. – L.–N. Y. : Continuum, 2010. – P. 180–197.
7. *Davidson J. W.* Bodily communication in musical performance // Musical communication / ed. by D. Miell, R. MacDonald, D. J. Hargreaves. – Oxford–N. Y. : Oxford University Press, 2005. – P. 215–238.
8. *Doffman M.* Jammin' an ending: Creativity, knowledge, and conduct among jazz musicians // Twentieth-Century Music. – Vol. 8 (2). – 2011. – P. 203–225.
9. *Fairclough N.* Language and globalization. – L. : Routledge, 2006. – 167 p.
10. *Fei V. L.* Developing an integrative multi-semiotic model // Multimodal discourse analysis: Systemic functional perspectives / ed. by K. L. O'Halloran. – London–N. Y. : Continuum, 2004. – P. 220–246.
11. *Kress G.* Multimodality: a social semiotic approach to contemporary communication. – L.–N. Y. : Routledge, 2010. – 120 p.
12. *Machin D.* Analysing popular music: Image, sound, text. – L. : Sage, 2010. – 240 p.
13. *Machin D., Mayr A.* How to do critical discourse analysis: A multimodal introduction. – L. : Sage, 2012.– 240 p.
14. *Pillsbury G. T.* Damage incorporated: Metallica and the production of musical identity. – N. Y.–L. : Routledge, 2006. – 270 p.
15. *Vines B. W., Krumhasl C. L., Wanderley M. M., Levitin D. J.* Cross-modal interactions in the perception of musical performance // Cognition. – 2006. – # 101. – P. 80–113.

УДК 81’42, 81’27

А. В. Аликина, Е. С. Гриценко

Аликина А. В., аспирант кафедры английской филологии Нижегородского гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова; e-mail: alikina.ru@gmail.com

Гриценко Е.С., доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова; e-mail: egritsenko@lunn.ru

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИЙ РЕСУРС В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА

В статье анализируется роль английского языка как ресурса создания дополнительных смыслов в дискурсе трудоустройства и средство (само)позиционирования кандидатов на рынке труда.

Ключевые слова: язык; глобализация; дискурс трудоустройства; индексальность.

Alikina A. V.

Post-Graduate Student, the Department of English Philology, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobroliybov; e-mail: alikina.ru@gmail.com

Gritsenko E. S.

Doctor of Philology, Professor; Vice Rector for Research, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobroliybov; e-mail: egritsenko@lunn.ru

ENGLISH AS A RESOURCE OF MEANING CONSTRUCTION IN RUSSIAN EMPLOYMENT DISCOURSE

The paper examines the semantic potential of global English in the Russian discourse of employment. It highlights the role the English language plays as a means of identity construction at the labour market.

Key words: language; globalization; employment discourse; indexicality.

Дискурс трудоустройства как один из аспектов деловой коммуникации стал объектом лингвистического изучения относительно недавно. В отечественном языкознании интерес к данной проблеме связан с вхождением России в глобальное экономическое пространство. Особенностью глобальной экспансии идей и ценностей в современном мире является опосредующая роль английского языка.

Приходя на российский рынок, глобальные компании предлагают, с одной стороны, новые рабочие места, с другой – новую (корпоративную) культуру и, как следствие, новый язык. Работая в сферах

маркетинга, менеджмента и IT, родиной которых являются США, россияне овладевают соответствующими технологиями и языком данных технологий, следствием чего становится появление новых «зон двуязычия», к числу которых относятся уже не только международные компании, где английский является рабочим, но и российские организации, работающие в сфере IT, аудита, фармацевтики, рекламы, телевидения и т. п.

Работа в иностранной компании для многих является символом профессионализма и успешности. Опрос, проведенный исследовательским центром компании «HeadHunter» среди московских студентов в 2009 г., показал, что 45 % респондентов после окончания вуза предпочли бы работать в иностранной компании (*http://hh.ru/article/394*). Неудивительно, что уровень владения россиян английским языком постоянно растет, особенно среди российской молодежи (*http://www.superjob.ru/community/life/58954/*). При этом именно возможности трудоустройства чаще всего становятся мотивом для изучения английского языка: «Английский – универсальный язык делового общения»; «Более распространенный. Вакансий с английским языком предостаточно»; «Английский, так как на этом языке говорит весь мир»; «Хорошее знание английского языка открывает больше возможностей для карьерного роста» (*http://www.superjob.ru/community/chat/6342/*). Несмотря на то, что лишь для 6 % работодателей знание английского языка соискателями является действительно необходимым (*http://www.superjob.ru/community/otdel_kadrov/54292/*), в 95 % объявлений о работе, в том числе российских компаний, владение английским языком указывается в перечне требований (*http://career.ru/article/14578*).

В статье приводятся результаты исследования, посвященного выявлению смыслопорождающей функции английского языка (англоязычных вкраплений, заимствований, транслитераций, калек и проч.) в российском дискурсе трудоустройства. Методологической основой исследования является концепция социолингвистики глобализации Я. Бломмаерта, в рамках которой язык понимается как набор «усеченных» мобильных (территориально и культурно свободных) ресурсов с высокой степенью индексальности [11, с. 34]. Под индексальностью Я. Бломмаэрт понимает идеологически опосредованные смыслы, связываемые с той или иной культурой посредством языка. К примеру, татуировка в виде иероглифа может индексировать красоту и мудрость

Востока, а французское название кафе-кондитерской в торговом центре г. Токио – изысканность и шик, ассоциируемые с французской культурой и миром моды.

Индексальный потенциал глобального английского в русскоязычном коммуникативном пространстве базируется на идеологиях языка, циркулирующих в современном российском обществе. Изучению смыслообразующего потенциала английского языка в отдельных «нишах» русскоязычного коммуникативного пространства (образование, реклама, СМИ, популярная музыка, спортивные субкультуры) посвящены работы Е. С. Гриценко [4], Е. В. Алешинской [3], А. О. Кузнецовой [6]. При этом роль английского языка как ресурса создания дополнительных смыслов в дискурсе трудоустройства до настоящего времени практически не изучена. Немногочисленные работы, посвященные описанию дискурса трудоустройства, используют иные методологические подходы. Так, А. О. Стеблецова относит его к виду делового дискурса, определяя как процесс целенаправленного взаимодействия участников рынка труда по поиску работы или работника [9, с. 39]. С позиций лингвопрагматики анализируют дискурсивную специфику рекрутинга Р. Ратмайер и А. В. Агеева [8; 1]. Под рекрутингом они понимают найм рабочей силы через специальные фирмы, агентства. По своим дискурсообразующим свойствам рекрутинг является специализированной клишированной разновидностью «общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социального института» [7, с. 336]. В этом общении адресант и адресат представляют разные корпоративные культуры: с одной стороны, специалист по поиску персонала (рекрутер), с другой – соискатель – специалист из иной области (менеджер по рекламе, руководитель юридического отдела, генеральный директор и т. д.) [2, с. 7].

Помимо рекрутинга дискурс трудоустройства включает множество других разножанровых дискурсивных практик: объявления о вакансии, резюме, сопроводительные и рекомендательные письма, приглашения на интервью, анкеты, тесты, опросы, собеседования, интервью, предложения о работе, трудовые договоры / контракты, заявления и пр. Эти жанры могут быть представлены как в виде устных речевых практик, так и в печатном и / или электронном виде. Жанр собеседования ряд исследователей относят к нефатическому, диалогическому общению в сфере деловых отношений [1]. Однако, как

показывает анализ Р. Ратмайер, в собеседовании присутствует достаточно сильная доля фатической коммуникации, ибо соискатель интересует работодателя не только как профессионал, но и как человек: «Нужно понять его личность: неадекватность в личностном плане сразу исключает претендента» [8, с. 239]. Еще один жанр дискурса трудоустройства – резюме: письменный текст (с краткой информацией о себе), составляемый ищущим работу для дальнейшего предложения работодателю [10, с. 154]. Каналом распространения резюме могут быть специализированные печатные издания, интернет-сайты, телевизионные программы. Объявления о работе – это жанр, целью которого является информирование определенного круга читателей о наличии вакантной должности, готовности рассмотреть кандидатуру соискателя и побуждение читателя к отклику.

Материал исследования составили текстовые фрагменты объявлений о работе и резюме, а также данные квазиэтнографических интервью, а именно:

– 566 объявлений о работе, отобранные методом сплошной выборки, с рекрутингового портала (*www.hh.ru*) в период с 14 по 15 мая 2013 г.;

– 300 резюме, отобранные методом сплошной выборки с рекрутингового портала (*www.superjob.ru*) в период с 13 по 17 января 2014 г.;

– 11 интервью из серии телепередач «Кадры решают»[1] (*www.uspeh-tv.ru*) общей продолжительностью 385 мин.;

– устные квазиэтнографические интервью с четырьмя кандидатами общей продолжительностью 20 мин.: мужчина, 49 лет, кандидат на должность регионального директора в иностранную фармацевтическую компанию; две женщины, 24 и 33 года, кандидаты на должность регионального представителя по маркетингу в иностранную компанию в сфере IT; женщина, 29 лет, кандидат на должность помощника руководителя в российскую компанию-производителя кондитерских изделий;

[1] «Кадры решают» – серия передач, где телезрители имеют возможность видеть собеседование рекрутера / работодателя с кандидатом, а также услышать экспертные оценки (специалист по невербальной коммуникации, эксперт по бизнес-стилю и специалист в области подбора персонала) относительно сильных и слабых сторон прохождения интервью кандидатом.

– интервью с исполнительным и генеральным директорами нижегородского кадрового агентства BS. Corp. (120 мин.)

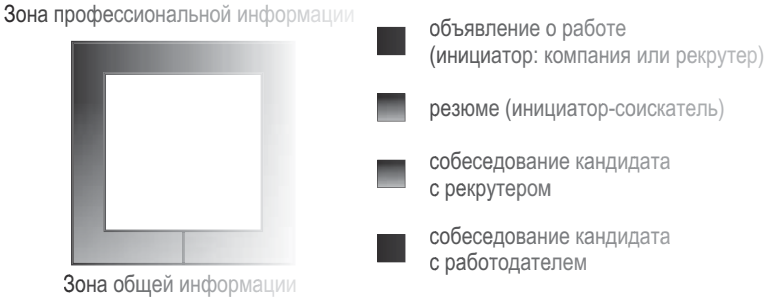
Анализ собранных материалов позволил выделить три ключевых дискурсивных позиции: 1) *работодатель* – компания, имеющая своей целью принять на работу специалиста; 2) *соискатель* – специалист в той или иной области, ищущий работу; 3) *рекрутер* – третья сторона, оказывающая компании услуги по подбору персонала.

По типу коммуникативных взаимодействий в дискурсе трудоустройства можно выделить две модели: *односторонняя* (объявления о работе и резюме) и *двусторонняя* (собеседование с работодателем и собеседование с рекрутером); последняя, в свою очередь, делится на коммуникацию типа *профессионал – профессионал* (кандидат и работодатель) и *профессионал – непрофессионал* (кандидат – рекрутер).

Исследование показало, что с точки зрения насыщенности англицизмами различные жанры дискурса трудоустройства неоднородны. Имеет место «круговая» динамика насыщенности речи / текста англицизмами в зависимости от коммуникативной зоны и коммуникативной модели (схема 1): от высокой степени насыщенности в зоне профессиональной информации (объявления о работе, обращение к работодателю в рамках модели *профессионал – профессионал*) к некоторому ослаблению (в резюме и собеседовании с рекрутером, модель *профессионал – непрофессионал*), а затем снова повышению насыщенности (в собеседовании соискателя с работодателем, *профессионал – непрофессионал*).

При этом функциональная направленность англицизмов в дискурсе трудоустройства неоднозначна. Во многих случаях английские слова – это заимствования, используемые для обозначения профессионально значимых явлений. Они заполняют лакуны, выполняя семантическую функцию, например: *супервайзер*, *кейтеринг*, *хостес*, *планограмма* и т. п. Однако наряду с передачей профессионально релевантных денотативных значений англицизмы часто коннотируют дополнительные социокультурные смыслы, т. е. выполняют индексальную (по Бломмаерту) роль. Так, в объявлениях о работе названия вакансии нередко имеют целью не просто именовать профессию, но и отграничить «свою» аудиторию от «чужой» или, иначе говоря, профессионалов, владеющих профессиональной терминологией, от непрофессионалов, кому данная лексика незнакома: *контент-менеджер*, *web survey developer* (вставка на английском

языке в русскоязычном объявлении) и пр. Объявления довольно часто включают англоязычные вкрапления, например: *работа в главном department store страны* или *опыт работы в мире fashion*; *опыт работы пиарщиком в B2B*. Они свидетельствуют о том, что работодатель ищет специалиста, который владеет иностранным языком либо узкопрофильной англоязычной терминологией.



Индексальная функция английского языка в российском дискурсе трудоустройства выступает на первый план в примерах, когда при наличии русскоязычного эквивалента кандидат предпочитает англицизм, например: *рекрутинг* персонала (найм персонала); *travel*-поддержка руководителя (организация командировок руководителя); *event*-менеджер (организатор мероприятий); *кастинг* моделей (выбор / отбор моделей); выбор *постов* (публикаций); ликвидация *стоков* (остатков); *Invoice* и другие документации (счет-фактура); размещение *букингов* (бронирование) и т. п. При этом анализ собеседований кандидатов с рекрутером показал, что общаясь в модели *профессионал – непрофессионал*, кандидаты стараются заменять англицизмы русскими эквивалентами или употреблять их совместно, поскольку в этой ситуации кандидату важно быть правильно понятым. Так, отвечая на вопрос рекрутера о пожеланиях к вакансии (начало собеседования) женщина-претендент на должность коммерческого директора говорит: «Мне интересна *управленческая* работа, поскольку мой трудовой стаж так или иначе связан с *управлением*, начиная с 1999 г., я занимаюсь тем, что продаю и управляю продажами в компаниях, которые занимаются производством *продуктов питания*». Далее, отвечая на вопрос о поиске предыдущего места работы, она использует англицизм, тут же дублируя его русским эквивалентом: «Задача была развить контракты *ритейл*, поэтому основная задача – развитие контрактов *розничного*

направления бизнеса». А ближе к концу собеседования, на вопрос рекрутера о причинах закрытия направления розничных продаж на предыдущем месте работы, кандидат отдает предпочтение англицизму, вовсе отказываясь от русского эквивалента: «По ряду причин ... действительно, работа с сетями, транснациональными ритейлерами, да, и, наверное, не только с транснациональными, с нашими российскими, наверное, в большей степени, это достаточно затратное мероприятие, не продвигая свой бренд, теряется смысл присутствия в *ритейле*. *Ритейл* дает хороший вал, но, к сожалению, денег много не заработаешь».

Функция англицизмов состоит в определенном позиционировании говорящего и собеседника. Примером может служить собеседование с кандидатом на должность руководителя тренингового направления (коммуникация *профессионал – профессионал*). Работодатель (управляющий партнер компании), представляясь, говорит: «Несмотря на то, что я *эйчар* с многолетним стажем...». Далее, уточняя положение дел в компании на момент интервью: «Понятно, что тренеры сейчас находятся с нами в *аутсорсинговых* отношениях ... приходящий к нам *инхаус* человек». Затем переспрашивает кандидата: «Вы сейчас рассказываете мне о некоем инструменте, которым Вы пользуетесь ... при проведении тренингов, похожих тренингов, таких тренинг *слэш* мини-консалтинговый проект». Очевидно, что здесь и далее работодатель, используя англицизмы, апеллирует к кандидату как современному, продвинутому, прогрессивному и профессиональому сотрудникую, который понимает значение употребляемых слов и принимает подобную культуру общения. В ответах кондидата прослеживается та же стратегия: «... т. е., когда собирается команда, причем это команда, как правило, команда *топ менеджеров*, со стороны клиента, т. е. это люди с определенным *бэкграундом* хорошим, с определенными уже идеями». В конце интервью, когда времени на убеждение остается мало, кандидат увеличивает количество англицизмов в речи: «Это будут вот киты, т. е. компании стабильные, большие, которые могут *генерить* хорошо *кэш фло*». В этой связи примечательно мнение генерального директора кадрового агентства «региональная кадровая сеть Business Connection»: «... их (англицизмы) иногда можно вставлять для того, чтобы показать свой уровень, что я в теме, что я понимаю».

В материале исследования немало примеров, когда использование английского языка создает неформальный тон общения, позиционируя

адресата, как человека молодого, современного, активного, готового и желающего принять глобальную корпоративную культуру, символом которой является английский язык, например: «*кофе-пойнт* в офисе», «никакого *дресс-кода* и скучной корпоративной культуры» или «для начала активной работы мы ищем ТОГО САМОГО – крутого *event-менеджера*».

В материале исследования зарегистрированы примеры, когда англицизмы призваны продемонстрировать профессионализм, компетентность, например: «холодные» *звонки* (*англ*. cold, warm, hot calls), продажи *B2B* и *B2C, SWAT – анализ*, *анализ SMM активности, разработка P&L* и т. п. Использование кандидатом аббревиатуры *FMCG* (Fast Moving Customer Goods – товары народного потребления), например, указывает на знания в области продаж или маркетинга на рынке ТНП; отражает опыт работы в иностранной компании, владение профессиональной терминологией и, возможно, владение английским языком. Все это также добавляет «стоимость» кандидату на рынке труда и иллюстрирует процесс «коммодификации языка» (термин М. Хеллер) [14]. Неслучайно, отвечая на вопрос о причинах использования английских слов на собеседовании, один из кандидатов ответил, что наличие англоязычной терминологии является признаком осведомленности и профессионализма: «*это общепринятый бизнес-лексикон, все его понимают*»; «*работодатель ждет этих слов на собеседовании*»; «*человек, использующий эти слова на собеседовании, выглядит осведомленным и профессиональным*»; «*если человек в принципе подходящий под позицию, профессиональный и он использует эти слова правильно, в нужном контексте и подразумевает под ними то же, что и ты, это его характеризует как профессионала и подходящего под позицию человека*».

При этом перенасыщение речи кандидата англицизмами воспринимается скептически. Сотрудники кадровых агентств в интервью подчеркивали, что если во время прохождения собеседования речь кандидата изобилует англицизмами, не имеющими отношения к теме, кандидат рискует создать впечатление человека «неадекватно оценивающего ситуацию». Поскольку употребление кандидатом англицизмов в ходе интервью индексирует приверженность глобальным рыночным ценностям, таких кандидатов кадровые агентства не рекомендуют для работы в местных компаниях: они чужды им по корпоративной культуре.

Таким образом, английский язык в дискурсе трудоустройства выполняет как семантическую, так и семиотическую функции, индексируя профессионализм, современность, продвинутость кандидата, ориентацию на глобальную корпоративную культуру и рыночные ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева Ю.В.* Особенности интервью в рекрутинговом дискурсе // Известия Сочинск. гос. ун-та. – 2013. – № 4–2 (28). – С. 169–171.
2. *Агеева Ю. В.* Внеязыковые особенности рекрутингового дискурса // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 7–10.
3. *Алешинская Е. В., Гриценко Е. С.* Английский язык как средство конструирования глобальной и локальной идентичности в российской популярной музыке // Вестник НГЛУ. – 2014. – № 6 (1). – С. 349–353.
4. *Гриценко Е. С.* Глобализация и маркетизация: рыночная метафора в различных видах дискурсивных практик // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 184–191.
5. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. – М. : Научный мир, 2005. – 494 с.
6. *Кузнецова А. О., Гриценко Е. С.* Языковая игра и «игра языков» как средство конструирования идентичности в названиях команд алтимат фрисби // Жизнь языка в культуре и социуме-3. – М. : Эй-док, 2012. – С. 411–412.
7. *Олешков М.Ю.* Моделирование коммуникативного процесса: Монография. – Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. соц.-пед. академия, 2006. – 336 с.
8. *Ратмайер Р.* Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 456 с.
9. *Стеблецова А. О.* Дискурс трудоустройства как тип делового дискурса // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. Филологические науки. – 2012. – № 8 (72). – С. 38–41.
10. *Тойкина О.В.* Резюме как жанр официально-делового дискурса // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 10 (225). – С. 154–158.
11. *Blommaert J.* The sociolinguistics of globalization. – Cambridge–N. Y. : Cambridge University Press, 2010. – P. 213.
12. *Fairclough N.* Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis. – L.–N. Y. : Routledge, 2004. – P. 183–213.
13. *Heller M.* The Commodification of Language // Annual Review of Anthropology. – 2010. – № 39. – P. 101–114.

УДК 16.31.61

А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова

Алферов А. В., доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации Пятигорского гос. лингвист. ун-та; e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru

Кустова Е. Ю., профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического ун-та; e-mail: lenakustov@yandex.ru

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА: ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ (на материалах официального сайта Французской Национальной Ассамблеи)[1]

В статье рассматриваются методологические принципы концептуального картирования гипертекстуального пространства парламентской коммуникации. Предлагается применение принципа дополнительности между структуралистским и постструктуралистским подходами к моделированию интеракциональных процессов парламентского гипертекста на материале официального сайта французского парламента – Национальной Ассамблеи.

Ключевые слова: парламентский дискурс; политическая коммуникация; интерактивный политический текст; французский парламентский дискурс; сайты французского парламента; интеракциональность парламентского дискурса.

Alferov A. V.

Doctor of Philology; Professor of the Department of French Philology and intercultural communication, Pyatigorsk State Linguistic University; e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru

Kustova E. Y.

Doctor of Philology, Professor of the Department of French Philology and intercultural communication, Pyatigorsk State Linguistic University; e-mail: lenakustov@yandex.ru

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ – проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент).

PARLIAMENTARY DISCOURSE PRACTICE: AN ANALYSIS OF INTERACTIONAL MAPPING (Based on the Official Website of the French National Assembly)

The paper offers a new methodology of conceptual mapping of hyper-textual space of parliamentary communication. Applying the principle of complementarity between structural and post-structural approaches to modeling of interactional processes, the authors investigate a number of features of parliamentary hypertext. The research is based on the official website of the French National Assembly.

Key words: parliamentary discourse; PR policy of the French parliament; parliamentary communication; interactional parliamentary discourse; interactional linguistic analysis.

Исследование парламентского дискурса неизбежно ставит вопрос о природе и особенностях предмета исследования и, как следствие, приводит к необходимости определения наиболее эффективного метода его научного описания. Парламентская дискурсивная практика представляет собой сложный конгломерат коммуникаций – как в деятельностном, так и в текстовом континуумах, которые тесно связаны между собой, в частности как дихотомия ПРОЦЕСС ↔ РЕЗУЛЬТАТ. Оставляя за рамками статьи подробные обоснования выделяемой нами дихотомии ДИСКУРС ↔ ТЕКСТ в контексте парламентской коммуникации [2], обратимся к парламентскому коммуникативному пространству как к амальгаме устных и письменных, дискурсивных и текстуальных актов, основанных на юридической институциональности парламентской практики.

Тот факт, что законодательная деятельность – это прежде всего текстовая деятельность и что в результате этой деятельности появляются тексты (конституция, закон, проект закона и т. д.), ни у кого не может вызвать ни сомнений, ни возражений. Процитируем высказывание одного из депутатов Французской Национальной Ассамблеи, говорящего о целях очередного заседания: «Je pense qu'à la fin du processus parlementaire, on peut arriver à un texte équilibré» (*Думаю, что в результате парламентского процесса можно будет прийти к сбалансированному тексту*) [13]. Под текстом здесь понимается текст конклюзивного принимаемого документа, хотя дискурсивная практика, предшествующая созданию такого текста, естественно, в сотни раз превышает текстуальный объем такого документа. Как можно представить такое «необозримое» дискурсивное пространство парламентской коммуникации?

Определенный путь предлагают официальные сайты национальных законодательных собраний, в нашем случае – сайт французской Национальной Ассамблеи (ФНА) [13]:

Рис.1. Стартовая страница официального сайта французского парламента

Помимо новостной ленты, освещающей актуальный событийный контекст парламентской коммуникации, стартовая страница предлагает в виде рубрификатора структуры парламентского портала ряд «форматов» (о термине см. [8, с. 51–52]), представляющих интерактивные референции, отражающие структуру и содержание парламентской коммуникации в виде гипер- и гипотекстов[1], как то:

[1] «Под электронным гипертекстом в лингвистике понимают модель организации электронного текста, характеризующуюся мультимедийным представлением информации, а также специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов (гиперссылок), обеспечивающих связь между информационными единицами (гипотекстами), и предполагающих возможность читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [8, с. 53].

1. ДЕПУТАТЫ – веб-страница Председателя ФНА Клода Барталона (Claude Bartalone) и страницы 557 депутатов; страницы, представляющие структуру ФНА: Бюро ФНА; Президентская конференция – 6 вице-президентов, квесторы, секретари и т. д.; парламентские политические группы – SRC (Groupe Socialiste, Républicain et Citoyen), UMP (Groupe de l'Union pour un Mouvement Populaire), Groupe Écologiste (Ecolo) и т. д.; правовой статус депутатов; положение о парламентской деонтологии и т. д.

2. ЗАСЕДАНИЯ («Dans l'Hémicicle») – повестка дня заседаний парламентской сессии; протоколы заседаний (compte-rendu intégral), результаты голосований, статистические отчеты и т. д.

3. КОМИССИИ И ДРУГИЕ ИНСТАНЦИИ – персональный состав и протоколы заседаний постоянных и вре́менных комиссий ФНА; делегации, исследовательские группы, участие депутатов в политических и государственных институтах вне парламента и т. д.

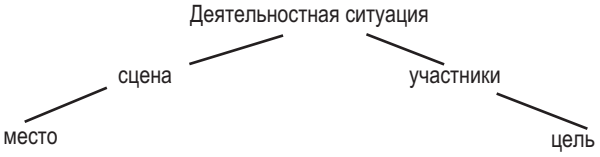
4. ДОКУМЕНТЫ ПАРЛАМЕНТА – конституция, регламент Национальной Ассамблеи, проекты законов и законодательные инициативы, поправки к законам текущей парламентской сессии и архивы предшествующих сессий и т. д.

5. ЕВРОПА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА – повестка дня международной парламентской деятельности; Национальная Ассамблея и Европарламент; международная межпарламентская практика и межпарламентские группы и т. д.

6. ЗНАКОМСТВО С НАЦИОНАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕЙ – принципы и предназначение парламентаризма; основные понятия о законодательной деятельности; государственный статус и роль законодательной власти; порядок общественного доступа в ФНА и историческое наследие (Дворец Бурбонов как национальное достояние) и т. д.

7. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРАКТИКА – протокольные службы, кадровые вопросы, видеопортал Ассамблеи, контакты, принципы парламентского ТВ и организации информационного доступа и «прозрачности».

Таким образом, протокольная и PR-коммуникация ФНА, представленная в веб-формате, коррелирует с известной схемой П. Браун и К. Фрейзера [14], представляющей слагаемые коммуникации следующим образом:



При этом пространственные рамки обязательно должны рассматриваться с точки зрения социальной функции (*Palais Bourbon* эквивалентен не зданию, а месту исполнения законодательной функции в контексте богатства и традиций исторического наследия нации, *Assemblée Nationale* – собрание представителей народа и т. д.). Рассмотренные различные гипертекстовые локализации представляют определенное количество «сцен», т. е. определенных социальных контекстов, имеющих свои цели, когда коммуникация определяется набором условных правил и установок, знакомых всем «сведущим» участникам – акторам парламентского процесса – и выносимых на обозрение «неискушенных» социальных адресатов. Поэтому в парламентской коммуникации можно выделить две сферы, они же функции, они же дихотомические характеристики: *протокольность* ↔ *публичность*.

Заметим, что «принцип прозрачности» и доступности сегодня считается краеугольным камнем в практике французского парламента; его фактический официальный мультимедийный статус был провозглашен еще при вступлении в должность спикера – г-на Клода Барталона. 26 июня 2012 г. было объявлено о создании парламентского «мультимедийного ресурса» как о небывалой в истории Пятой Республики акции по демократизации парламентской коммуникации и установлению информационного паритета между политическим большинством и оппозиционными партиями. Теперь на каждого депутата, независимо от партийной принадлежности, выделяется около 130 тыс. евро для освещения его парламентской активности в интернет-медиа. Причем 10 % всей суммы парламентарии возмещают из своего личного дохода [13]. Такое стремление к публичности понятно, ведь парламентский дискурс остается достаточно «герметичным» в своей институциональности. Наличие юридической и экономической терминологии, интертекстовые ссылки-референции на артикул той или иной статьи закона или поправки к закону, ссылки на соответствующие положения конституции, на постановления правительства и пр.

отталкивают электорат в лице «простого налогоплательщика» своей интертекстовой и терминологической сложностью и вызывают в нем недоверие к самим парламентариям, к их деятельности вообще.

Поэтому официальный сайт ФНА в интерактивном формате Веб 2.0 (о термине см. [7]) дополняется интеракциональным форматом Веб 3.0 (предполагающим интеракциональную обратную связь) на сайтах отдельных парламентариев и в соцсетях. Так, сайт «Граждане и Парламентарии» (*https://www.parlement-et-citoyens.fr*), который в 2013 г. по инициативе одного из представителей самой крупной оппозиционной партии «Союз за народное движение» (UMP) – Брюно Лё Мэра – провел интерактивное исследование под названием «Восстановить доверие между гражданами и парламентариями», которое высветило основные вопросы, стоящие на повестке дня. Они были сформулированы в следующих тезисах: существует кризис доверия к парламентариям со стороны французских граждан; представительство в парламенте не отражает социальную структуру французского общества; парламентарии не заботятся об информационной связи со своими избирателями; законы принимаются не в интересах всего общества, а в частных (корпоративных) интересах и т. д. (*https://www.parlement-et-citoyens.fr/enquete/lemaire/confiance/presentation*). В «Твиттере» существует страничка «Ассистент парламентария» (Assistant Parlementaire) (*https://twitter.com/ass_parl*), которая содержит достаточно острые критические замечания тех, кого волнует происходящее во Французском Парламенте и вокруг него.

Однако обеспечение доступности информации еще не является гарантией ее эффективности, и тем более не облегчает задачи картирования парламентской коммуникации. Рассматривая дискурсивный процесс, опираясь исключительно на представленные на официальных сайтах парламентов и парламентариев мультимедийные тексты-дискурсы, также достаточно сложно справиться с многочисленными гиперссылками, когда лишь одна «домашняя» страница сайта (см. выше) открывает доступ к «бесконечному» гипертекстовому пространству парламентской коммуникации и предлагает более 50 гиперссылок на текстовые и мультимедийные источники, которые, в свою очередь, «обрастают» необозримым гипер- и гипотекстовым множеством инкорпорированных форматов (см. выше). К привычным документным формам законодательной коммуникации, представленным на портале ФНА, прибавляются креолизированные мультимедийные

тексты: трансляции on-line и видеозаписи off-line заседаний Парламента, комиссий, выступлений отдельных парламентариев, которые обогащают (осложняют?) дискурсивный анализ паралингвистическими характеристиками – кинеситическим, мимическим, интонационным и речежестовым (междометным) «дейксисом» [1; 11].

Гипертекстовый характер как внутрипарламентской, так и PR-коммуникаций парламента ставит исследователя перед выбором между упорядоченной структурой и гипертекстовым «хаосом»: «Множественность и даже бесконечность интерпретаций гипертекста в чистом виде («нечитаемых») наталкивает нас на мысль о том, что термин «целостность» неуместен в отношении гипертекста, так как взаимодействие его элементов совсем не обеспечивает сохранение устойчивости структуры, наоборот, гипертексты являются дисперсными текстами, которые не имеют четко выраженной повествовательной оси. Структура гипертекста подвижна, неустойчива, динамична (в отличие от статической структуры линейных текстов). Часто она создается самим читателем, который, читая текст во второй (третий и т. д.) раз, может “уйти” в совершенно другом направлении и создать совершенно другую структуру» [5, с. 6].

Конечно, концептуальная модель гипертекстуального парламентского дискурса, по всей видимости, должна отличаться от моделей «классического» структурализма с их текстоцентричностью дискурсивного анализа, который стремится к централизации структуры, к синтаксичности и линейности нарратива, к изоморфизму структуры текста структуре отдельного высказывания, представленному еще Р. Бартом в его «Мифологиях» [4, с. 72–74].

В современных исследованиях дискурса часто встречается постструктуралистский концепт «ризома», вышедший из-под пера Жиля Делёза и Феликса Гваттари, которые в своей книге «Тысяча поверхностей: капитализм и шизофрения» [15] отрицают эвристическую ценность структурно-дихотомической концептуальной модели некоей системы, представляемой обычно в виде разветвляющегося дерева, характерной для лингвистического структурализма в духе Ф. де Соссюра или раннего Н. Хомского. В представлении Ж. Делёза, любому когнитивному объекту соответствует метафора *корневища* с беспорядочными, децентрализованными, асимметричными связями [12]. В основе *ризоморфного подхода* лежит **принципиальная нелинейность текста**, переход от линейного к парадигмальному мышлению.

Ризомное мышление отличает *нелинейность*, *анархичность*, *полиаспектность* и *гипертекстуальность* (от одной «картинке» к другой); *динамичность*, полемичность (полифоничность), гетерогенность (асистемность). С другой стороны, *арборическое* мышление не только *линейно*, но и *иерархично*, *дихотомично* (бинарные оппозиции), *стативно* (этативность, институциональность), *гомогенно* (системность). Концепт *ризомы* получил широкое распространение как одна из моделей постструктурализма, воплощением которой впоследствии становится *Интернет* как гигантский гипертекст [6].

Однако при всей «ризоматичности» глобальной Сети, при всей «случайности» выбора пользователем той или иной гиперссылки, ведущей в сторону от «центра» и заводящей его в «паутину» гипертекста, в другие тематические, пропозициональные измерения, сама идея связи – соединения двух и более элементов в Сети – основана на *интенциональности*, т. е. воле субъекта, пробирающегося сквозь «переплетения» глобальной «паутины» к пониманию этого лабиринта как совокупности множества выборов.

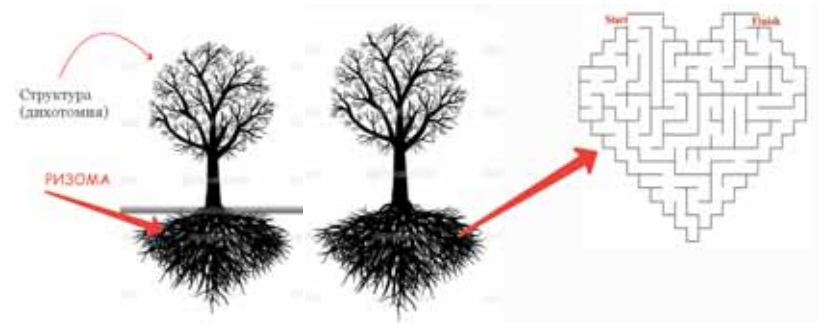


Рис. 2. Ризоморфность vs. арборичность (системность)

Так, Н. Ф. Буторина отмечает: «Гипертекстовые ссылки, рассеянные во всех блоках гипертекста, призваны не только разрушить, но и заново собрать текст. Читатель постоянно заново собирает текст, превращается из потребителя в производителя текста. Поэтому хаос может быть воспринят не как разрушающая сила, а как сила самоструктурирования нового порядка. Синергетика позволяет понять разрушение как креативный принцип. Текст воспринимается как воплощенная множественность, представляющая собой галактику означающих, а не структуру означаемых» [5, с. 9].

Противоречие между двумя подходами снимается при функциональной перспективе, обращенной к динамике функционирующей структуры, поэтому наблюдается определенная конверсивная симметрия и в элементах концептуальной метафоры ДЕРЕВО ↔ КОРЕНЬ. Ведь давно известно, что план выражения знака-текста линеен, в то время как его семантика, осложненная прагматикой, – парадигмальна и «ризомоморфна». При порождении дискурса ризоморфность смысла («корень») переходит в структуру выражения («дерево»), питая ее.

Как пишет А. А. Залевская, «*живой мультимодальный гипертекст* – совокупный продукт адаптации индивида к естественному и социальному окружению. <…> Несущий определенный смысл текст возникает тогда, когда его воспринимает человек, способный соотнести наличное знаковое образование с имеющимися у него продуктами переработки многообразного (в том числе – речевого) опыта взаимодействия с естественным и социальным окружением» [9, с. 62].

В работах исследователей веб-дискурса и интернет-коммуникации можно встретить еще одну метафору: карта, в отличие от кальки, ризомоморфна: «Образ «живой» карты вполне соответствует глобальной Сети Интернет, где все незаконченно и динамично, включая размещенные в ней тексты и маршруты к ним. <…> Интернет, подобно карте, не может быть заключен в рамки какой-либо структурной или порождающей модели» [10, с. 76].

Тем не менее карту нужно уметь читать, она не столько изоморфна, сколько конвенциональна. Карта – это не пассивная калька-фотография, а определенное интенциональное преобразование изоморфного объекта. Ризоматичность парламентской коммуникации выражается в полифоничности и неоднозначности (т. е. полемичности). Однако за многоголосьем парламентского дискурса стоит, с одной стороны, в *плане содержания* вполне определенная дискретная дихотомия интенциональностей его акторов. С другой – *в плане выражения* на полемический пафос и «спонтанность» парламентских дебатов, на парентетичность репликативного дискурса [3], фиксируемого в официальных протоколах заседаний Французской Национальной Ассамблеи, накладывается структура институционального регламента, призванного переводить противоречивую ризоматичность и хаотичность полемического дискурса в институциональную стативность парламентских текстов, конклюзивных документов: законов, заявлений, поправок к законами и т. д. [2].

Анализ политического (в том числе и парламентского) дискурса требует герменевтического, интерпретационного подхода, опирающегося на разного рода пресуппозиции, необходимые для понимания не только семантики, но и прагматики дискурса. Динамику информационного гипертекстового веб-пространства, представленного на сайтах ФНА, можно изобразить в виде поля (семантической сети, когнитивной карты) с включенными в него концентрами, условно обозначающими гипертекстовые уровни, располагающиеся между взаимодействующими центром и периферией, между гипо- и гиперуровнями.

В информативном центре гиперуровня находится наиболее актуальная «здесь и сейчас» информация, которую условно можно назвать А-информация (A-info). Периферию на гипоуровнях формирует контекст (C-info). Контекст в широком смысле включает и фоновые (энциклопедические) знания говорящих, и паралингвистические параметры общения, и данные интерпретации предыдущих высказываний и гипотекстов, а также данные, относящиеся обычно к актуальному дискурсу (просодию, синтаксис, лексику, речевую этику, институциональный стиль, паралингвистический контекст и т. д.). Контекст (C-info) трактуется как когнитивная среда существования центральной интенциональной информации (A-info), т. е., с одной стороны, C-info является условием sine qua non для A-info, а с другой – любой элемент C-info может войти в A-info. Например, интонация или видеоряд может не влиять на понимание дискурса, но может стать элементом A-info как интенциональная характеристика собеседника.

Фундаментирующие дискурс пресуппозиции и их интерпретации можно представить в виде взаимодействия метаконцептов, таких как «Люди ↔ Тексты», «Дискурс ↔ Текст», «Диалогичность ↔ Монологичность», «Конвенциональность ↔ Эмотивность» (дискурса) и др. [2]. Метод концептуальных оппозиций, интеракциональный по своей сути, может стать основой анализа парламентской коммуникации. Такие оппозиции существуют не только на метауровне, но составляют глубинную структуру дискурсивной организации парламентской коммуникации. Они существуют не в смысле непреодолимых противоречий, а в смысле противопоставляемых, но взаимодействующих друг с другом, перетекающих друг в друга антиномий. Говоря о дихотомичности такого подхода, мы имеем в виду градуальность проявления той или иной оппозиции в ее конкретной реализации.

Поэтому предлагаемое нами концептуальное картирование дискурсивного пространства парламентской коммуникации опирается прежде всего на интеракциональный принцип, отражающий динамику коммуникативных процессов. За структурой и статичностью интенциональности стоит динамика речевой и политической интеракции. В качестве такого статико-динамического представления этих интеракций (взаимодействий) нами рассматриваются официальные сайты Французской Национальной Ассамблеи и Европарламента, что позволяет представить интенциональную и интеракциональную пресуппозицию порождения того или иного парламентского дискурса. Полифонизм и ризоморфность парламентской коммуникации не только не отрицают, но и требуют выявления структуры интеракций, составляющих ее системность.

Дихотомия **Люди ↔ Тексты** предполагает два аспекта прагматического анализа: а) адресанты и адресаты – интенциональные субъекты и целевые субъекты (партийная принадлежность / электорат); б) «почему» – тексты и «зачем» – тексты – иллокутивно-интенциональный и перлокутивный аспекты текста (устного / письменного). Парламентская коммуникация представлена коллективными и персональными дискурсами, производящимися кем-то в чьих-то интересах (инклюзивных – общих или эксклюзивных – частных), и направленными на ту или иную целевую аудиторию. Кроме того, текстовое пространство субъекта парламентской деятельности intra- и extra muros создает гипертекстуальное поле «человека-текста». Взаимодействие внешних политических дискурсов (сетевые СМИ, «Твиттер» и пр.) окружающих парламентскую коммуникацию, также дает интертекстовую пресуппозицию, каузирующую порождение и интерпретацию текста.

Дихотомия **Конвенциональность ↔ Неконвенциональность** означает, что дискурсы и их реализация могут иметь строго институциональный характер (проект закона, отчеты комиссий, порядок ведения заседания и проч.), с одной стороны, и иметь более или менее свободный характер выражения как в плане стиля, так и в плане реализации дискурса (дебаты, вопросы правительству и пр.) – с другой. В последнем случае в протоколы попадают неинституциональные дискурсивные элементы (реплики, восклицания, аплодисменты и пр., зафиксированные в протоколах) [3].

Рис. 3. Гипертекстовое дискурсивное пространство депутата Национальной Ассамблеи

Дихотомия **Монологизм** (**монологичность**) ↔ **Диалогизм** (**диалогичность**) указывает на то, что парламентский дискурс может иметь четыре формы в зависимости от количества адресантов и типа ее внутренней интеракциональности [3]: а) монологическая (один адресант) монологичная (однонаправленная интенциональность) речь: например, ответ министра на вопрос парламентария; б) монологическая диалогичная речь (один адресант, но разнонаправленная интенциональность): например, выступление в парламенте, освещающее различные противоречивые варианты решения проблемы (про- и контраргументы) или различные точки зрения; в) диалогическая (два и более адресанта) монологичная речь: например, выступление представителей одной партии, излагающих ее позицию (ко-аргументация); г) диалогическая диалогичная речь – парламентские дебаты (множественный адресант, разнонаправленные интенции). Отмеченная еще М. М. Бахтиным полифоничность дискурса является имманентной чертой парламентских речевых жанров,

которая проявляется как в диалогических (дебаты), так и в монологических (вопрос к правительству, запрос, заявление и пр.) дискурсах.

Дихотомия **Кооперативность** (**корпоративность**) ↔ **Агональность** (**борьба**) проявляется на разных уровнях анализа дискурса: пропозициональном (выбор темы обсуждения), иллокутивном (декларативность, вопросительность, оптативность и пр.), аргументативном («pro» и «contra», аргумент ad hominem и пр.), интерперсональном (похвалы, лесть, обвинения, оскорбления и пр.). В этой дихотомии проявляется и аргументативная направленность как имманентное свойство парламентской коммуникации. Здесь открывается возможность для выявления различного рода стратегем (А. Шопенгауэр), т. е. манипулятивных приемов аргументации и контраргументации (подмена понятий, аргумент ad hominem и проч.), анализу законодательных актов по параметру аргументативной силы (релевантности) и когерентности.

Дихотомия **Полемичность** ↔ **Конклюзивность** отражает этапы законотворчества от обсуждения до принятия законодательного документа. Эта характеристика парламентского дискурса проявляется во взаимодействии кодифицированных (институциональных) и некодифицированных дискурсивных форм. Этот параметр тесно связан с функциональными жанрами парламентского дискурса (например, проект закона, декларация, запрос, дебаты, вопросы правительству и пр.). В процессе анализа по этому параметру выявляются механизмы «превращения» полемического дискурса политической борьбы в «стативный» дискурс законодательных документов. Список дихотомий остается открытым, но, в принципе, уже позволяет осуществлять концептуально обоснованное картирование дискурсивного пространства парламентской коммуникации.

Таким образом, применение ризомного подхода к институциональной парламентской коммуникации ведет, скорее, к агностике по отношению к исследуемому дискурсу. Более эффективным представляется идея дополнительности планов парламентской коммуникации, ведущей к изотопии дискурса [2]. При всей кажущейся «ризомоморфности», при всей сложности гипертекстуальной природы парламентской коммуникации и интертекстуальности прецедентных текстов, одной из главных черт институциональной коммуникации является ее внутренняя структурированность, которая, в конечном итоге, позволяет вскрыть механизм превращения полемических

политических дискурсов в конклюзивные текстовые законодательные акты. В картировании дискурсивного пространства парламентской коммуникации целесообразно опираться на интеракциональный (функционально-дихотомический) принцип, отражающий динамику, противоречивость и взаимодействие коммуникативных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алферов А. В.* Интеракциональный дейксис. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001. – 296 с.
2. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 22–30.
3. *Алферов А. В., Шамугия Л. Г.* Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний Французского Парламента) // Вестник ПГЛУ. – 2013. – № 3. – С. 107–111.
4. *Барт Р.* Мифологии // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1994. – С. 46–130.
5. *Буторина Н. Ф.* Гипертекст versus текст // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. А. Стройков. – Самара : ПГСГА, 2010. – С. 4–7.
6. Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы I–III Междунар. науч.-практ. конф. – Самара : ПГСГА, 2010. – 171 с. ; 2011. – 193 с. ; 2013. – 169 с.
7. *Горошко Е. И.* Гипертекст 3.0: лингвистический анализ // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. А. Стройков. – Самара : ПГСГА, 2010. – С. 14–19.
8. *Дьякова Е. Ю.* Веб-сайт – дигитальный жанр, формат коммуникации или гипертекст // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. А. Стройков. – Самара : ПГСГА, 2013. – С. 50–61.
9. *Залевская А. А.* Гипертекст как познавательная универсалия // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. А. Стройков. – Самара : ПГСГА, 2013. – С. 61–70.
10. *Калмыков А. А.* Медиалогия Интернета. – М. : URSS, 2013. – 272 с.
11. *Кустова Е. Ю.* О диалогическом механизме аксиологической (интерпретационной) составляющей семиозиса // Вестник ПГЛУ. – 2011. – № 4. – С. 144–147.

12. *Трахтенберг А. Д.* Возможен ли «демократический дискурс»? (к вопросу о дискурсивном анализе массовой коммуникации в современной политической науке) / пред. Н. Карпентье, Р. Ли, Я. Сервэ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Сер. Дискурсология. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. – С. 58–66.
13. Assemblée Nationale. Site officiel. – URL: http://www.presidence. assemblee-nationale.fr/
14. *Brown P., Fraser C.* Speech as a marker of situation / P. Brown, C. Fraser, K. R. Scherer, H. Giles (éds) // Social markers in speech. – Cambridge : C.U.P. et Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'homme, 1979. – P. 33–62.
15. *Deleuze G., Guattari F.* Capitalisme et chizophrénie 2 : Mille plateaux. Collection «Critique», 1980. – 648 p.

УДК 378.046.4

А. В. Анищенко

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ; e-mail: allan031@yandex.ru

ВТОРОЕ ВЫСШЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье обобщается опыт реализации программ второго высшего образования в МГЛУ. Автор анализирует особенности академического дискурса второго высшего образования, обусловленные социальным (профессиональным, возрастным) контекстом. Подчеркивается, что включенность взрослых обучающихся в различные взаимодействующие институциональные и личностно-ориентированные дискурсы влияет на процесс и результат коммуникации и требует коррекции стратегий конвенционального академического дискурса.

Ключевые слова: академический дискурс; непрерывное образование; второе высшее образование; дополнительное профессиональное образование.

Anishchenko A. V.

Ph.D., Associate Professor; Professor, the Department of Lexicology and Stylistics of German, MSLU; e-mail: allan031@yandex.ru

SECOND HIGHER LINGUISTIC EDUCATION AS A TYPE OF ACADEMIC DISCOURSE

The article sums up the experience of implementation of the second higher education programs at Moscow State Linguistic University. The author analyzes the features of the second higher education academic discourse determined by the social (professional, age) context. It is emphasized that the involvement of adult learners in various interacting institutional and person-oriented discourses affects both the process and the result of the communication, and requires the adjustment of conventional academic discourse strategies.

Key words: academic discourse; continuing education; second higher education; additional higher education.

Представление об образовании как факторе непрерывного интеллектуального и профессионального развития современного человека требует нового теоретического осмысления и практической разработки вопросов, связанных с системой высшего и дополнительного образования.

Вряд ли сегодня у кого-либо есть сомнения относительно актуальности и целесообразности развития института образования взрослых

как в рамках дополнительных программ (в том числе переподготовки и повышения квалификации), направленных на расширение профессионально значимых компетенций, так и в контексте кардинального изменения профессионального вектора специалиста на рынке труда. В этом случае речь идет о приобретении новой профессии, что, как правило, связано с осознанием невозможности реализовать себя в желаемой степени в полученной ранее специальности. Очевидно, что в случае успешности освоения соответствующей образовательной программы в выигрыше оказывается, в первую очередь, обучающийся, преследующий личные цели, связанные с повышением образовательного уровня и конкурентоспособности на рынке труда, и, соответственно, качества жизни в целом. В государственно-общественном измерении образование взрослых направлено на формирование социально активных и адаптирующихся к реалиям жизни членов общества, на подготовку эффективных работников, профессиональная и общественная деятельность которых могла бы способствовать повышению уровня социально-экономического и культурного развития страны.

Таким образом, системный подход на правовом, организационном и дидактическом уровне может стимулировать качество образовательного процесса и сделать образование в течение всей жизни (*lifelong learning*) востребованным обществом и привлекательным для участника трудовых отношений.

Образовательный процесс в высшем учебном заведении характеризуется исследователями как институциональное общение, где коммуниканты выступают в качестве представителей той или иной общественной группы и исполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией [1, с. 286]. Существующий в академической конвенциональности и связанный с приобретением профессиональных компетенций этот процесс может быть включен в академический дискурс.

Представляется возможным определить взаимодействие участников коммуникации в процессе образовательной деятельности, направленной на получение второго высшего профессионального образования, так же как и академический дискурс, а именно: как «нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическими планами, использующее определенную систему профессионально ориентированных знаков, учитывающее статусно-ролевые характеристики основных участников общения (преподавателей и студентов в сфере университетского

образования), интерпретируемое как культурно маркированная система коммуникации» [2, с. 297]. Предлагаемое исследование посвящено выявлению особенностей данного типа дискурса, обусловленных социальным (профессиональным, возрастным) контекстом, оказывающим значительное влияние на процесс и результат коммуникации.

По числу обладателей диплома о высшем образовании Россия стоит на первом месте, обогнав Канаду и Японию. 53 % россиян в возрасте от 25 до 64 лет имеют высшее образование, констатировала Международная организация экономического сотрудничества и развития (*The Organisation for Economic Cooperation and Development, OECD*) в своем докладе под названием «Взгляд на образование 2013» [3].

Со временем наше общество все больше приближается к системе непрерывного обучения, всеохватывающему по полноте, индивидуализированному по времени, темпам и направленности, предоставляющем каждому возможность реализации собственной программы его получения [5, с. 33]. Возможность выбирать индивидуальную траекторию обучения в соответствии со своими желаниями и способностями, реализация осознанной потребности в постоянном развитии личности каждого человека являются важнейшими факторами непрерывного образования.

Считается, что второе высшее образование представляет собой не дань моде, а необходимость, которую породил современный мир. Во многих сложных профессиях требуются глубокие знания сразу в нескольких областях. И в таких случаях востребованным специалистом можно стать, только постоянно расширяя репертуар профессиональных компетенций.

Второе высшее образование в области лингвистики является одним из наиболее перспективных и востребованных на рынке труда. Однако возникает вопрос, связано ли это действительно с потребностью в квалифицированных переводчиках и преподавателях, или речь идет о владении иностранным языком как дополнительной профессионально значимой прикладной компетенцией, привлекательной для работодателя, т. е. об использовании иностранного языка в профессиональной коммуникации.

Статистические данные, представленные на сайте Ассоциации репетиторов [4], говорят о том, что самыми востребованными учебными предметами по Москве и Санкт-Петербургу являются иностранные языки, занимающие в совокупности более 40 % рынка частных образовательных услуг. При этом, если для целевой группы «школьники»

и «студенты» в качестве самого востребованного предмета называют все-таки математику, то для взрослых иностранные языки являются бесспорным лидером (55 %).

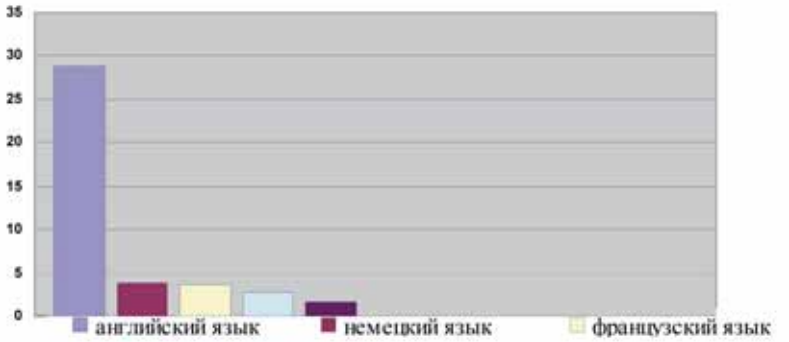


Диаграмма 1. Востребованность иностранных языков на рынке образовательных услуг

Как же соотносятся академические дискурсы первого и второго высшего образования? Можно предположить, что по некоторым признакам (участники коммуникации, коммуникативная среда, цели коммуникации, хронотоп) академический дискурс второго высшего образования соответствует конвенциональному академическому дискурсу. Однако при внешней идентичности эти дискурсы обнаруживают целый ряд различий. Остановимся на некоторых из них, представляющихся нам наиболее значимыми.

С нормативной точки зрения определяющей среди прочих составляющих экстралингвистический план дискурса, второе, а точнее, «не первое» высшее образование не обладает особым юридическим статусом, т. е. понятие «второе высшее образование» в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. отсутствует. Документы об образовании и о квалификации, которые получают выпускники, обучавшиеся по программам высшего образование впервые, и выпускники второго высшего образования, формально и функционально идентичны. Однако экономико-правовая составляющая (договор на оказание платных образовательных услуг) в значительной мере влияет на академический дискурс второго высшего образования. Имея опыт работы в деловой сфере, взрослые обучающиеся проецируют товарно-денежную составляющую своего

профессионального дискурса на любые институциональные отношения. Они строго следят за качественным исполнением обязательств со стороны высшего учебного заведения и как потребители услуги выдвигают претензии относительно организации и качества образовательного процесса, что гораздо реже можно наблюдать среди участников конвенционального академического дискурса.

Как известно, одной из основополагающих характеристик дискурса является его цель. В случае конвенционального академического дискурса – это подготовка обучающегося к конкретным видам профессиональной деятельности, прежде всего производственно-практической, а в нашем случае, в области лингвистического образования, межъязыкового общения, межкультурной коммуникации. Предполагается, что молодые люди выбирают себе профессию.

С какой целью приходят в лингвистический университет взрослые, имеющие за плечами одно или более высшее профессиональное образование? Опросы, проводимые факультетом второго высшего образования МГЛУ среди абитуриентов и обучающихся, дают основание выделить две группы заинтересованных в получении высшего лингвистического образования с точки зрения их целей обучения.

Очевидно, что для большинства обучающихся не стоит вопрос о полном изменении профессиональной траектории, речь идет о дополнительном иноязычном образовании. Не получив предложения на рынке дополнительных образовательных услуг (на курсах иностранных языков или на рынке репетиторских услуг), потребитель обращается в учебное заведения высшего образования, где образовательная услуга оказывается на профессиональном уровне при оптимальном соотношении «цена – качество». Немаловажную роль играет также возможность официального документального подтверждения приобретенных профессиональных компетенций в виде диплома об образовании и квалификации. Наличие нескольких дипломов может свидетельствовать о высоком интеллектуальном уровне претендента на престижное место работы и создает о нем благоприятное впечатление.

Хронотоп академического дискурса определен достаточно строго местом (университет), формой (очная, очно-заочная и заочная) и сроком обучения. Причем только по последнему параметру может наблюдаться различие между конвенциональным академическим дискурсом и дискурсом второго высшего образования. Как правило

продолжительность получения второго высшего образования меньше нормативного срока, поскольку дисциплины непрофессионального цикла, изученные при получении первого высшего образования, могут быть перезачтены. Однако, если учебные планы первого и второго образования кардинально различаются, срок обучения не может быть сокращен.

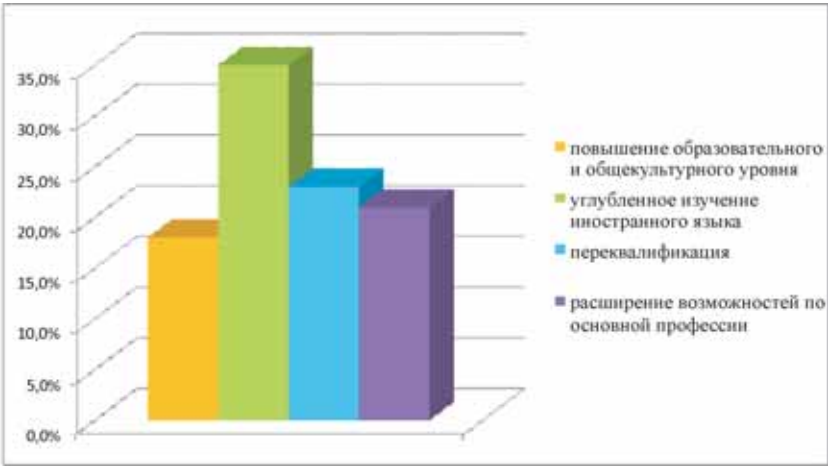


Диаграмма 2. Цели обучения иностранному языку в вузе

Особенностью академического дискурса второго высшего образования является тенденция к нарушению обучающимися установленных академическим процессом пространственных границ и временны́х рамок учебного процесса. Примером таких отклонений от общепринятых норм институционального дискурса являются ситуации выяснения у преподавателя интересующих вопросов, связанных с образовательным процессом в неурочное время, посредством СМС, личной электронной почты, попытки установления контактов с преподавателем в социальных сетях.

К подобным несоответствиям может быть отнесено также продление по инициативе обучающегося срока обучения в связи со сложностями в освоении программы, с невозможностью успешно совмещать профессиональную деятельность с обучением, семейными обстоятельствами 10 % студентов находятся в академическом отпуске, в отпуске по беременности и родам или по уходу за ребенком. К этой же группе модификаций, связанных с возрастными

и профессиональными параметрами участников дискурса, относятся регулярные опоздания на урок или отсутствие на занятиях по причине производственной занятости или семейным обстоятельствам, которые должны восприниматься другой стороной образовательного процесса с должным пониманием.

Остановимся подробнее на участниках академического дискурса. Хотя возрастные параметры получающих второе высшее лингвистическое образование весьма широкие (от 19 до 70 лет), основная возрастная группа обучающихся – это молодые женщины, средний возраст которых 30 лет (57 % в возрасте 20–30 лет; 28 % в возрасте 31–40 лет). Более половины обучающихся (54 %) заняты в управленческой или экономической сфере. Влияние профессионального дискурса можно наблюдать в институциональной академической коммуникации. Студенты, получающие второе высшее образование, отличаются амбициозностью, и четко осознавая себя потребителями услуги, предъявляют высокие требования прежде всего к качеству образовательного процесса и условиям обучения. Среди профессиональных характеристик, ожидаемых от преподавателей, в первую очередь они называют «глубокое знание предмета» и «педагогическое мастерство», которые часто связываются со статусно-возрастными параметрами преподавателя. Молодому преподавателю приходится преодолевать сопротивление и неприятие, доказывая свои профессиональные компетенции. Поэтому для реализации программ для взрослых необходимо привлекать наиболее опытных и стрессоустойчивых преподавателей.

С позиции участников общения, академический дискурс может определяться как статусно-ориентированный дискурс, носящий институциональный характер, поскольку коммуниканты выступают в качестве представителей конкретных социальных групп и выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией.

Полное устранение личностного начала в рамках академической среды не представляется возможным. Поскольку обучение иностранному языку в малой группе с большим количеством практических занятий предполагает наличие ситуаций, когда участники коммуникации стремятся раскрыть свой внутренний мир и добиться признания себя не как объекта образовательного процесса, а как личности во всем многообразии личностных характеристик.

В большей степени, чем конвенциональный академический дискурс дискурс второго высшего образования близок к естественному

общению, где участники коммуникации не могут заранее предопределить развитие коммуникативной ситуации, но строят его, меняя свои коммуникативные позиции на ходу в зависимости от ежесекундно меняющихся обстоятельств. Репертуар коммуникативных ролей оказывается намного шире и многообразнее, чем просто *учитель – ученик*, наиболее частотны коммуникативные пары *потребитель услуги – исполнитель*, *пациент – доктор / психотерапевт*, *коллега – коллега*. Коммуникативная инициатива в отклонении от академического общения при этом исходит от обучающегося. Очевидно, что без учета многообразия и взаимодействия факторов психологического и социального порядка невозможна успешная коммуникация в рамках данного типа дискурса.

Лингвопрагматическая составляющая дискурса также претерпевает изменения. Это проявляется прежде всего в речевом действии *оценивание*. Оценка «неудовлетворительно» часто воспринимается студентом как личная обида или удар по самолюбию. Нередко приходится слышать императивные высказывания: «Не ставьте мне 2! Что я дома детям / мужу / маме скажу!» Двойка, полученная на экзамене, может спровоцировать бурю эмоций и требование или уговоры прийти еще раз или ответить на дополнительный вопрос. Неудовлетворительная оценка на переэкзаменовке вызывает возмущение или удивление и часто сопровождается текстом: «Вы не можете меня отчислить! Я ведь деньги плачу! Я не думал(-а), что у вас всё так серьезно!»

К наиболее специфическим для академического дискурса второго высшего образования можно отнести также речевые акты *жалоба* и *просьба*, которые реализуется как в устной, так и в письменной форме (при отсутствии удовлетворяющей ожидания реакции).

Аргументативные стратегии связаны с апеллированием к нормативным актам (например, к Закону о защите прав потребителя), а также к чувствам адресата. В этом случае текст заявления часто личностно или эмоционально окрашен и содержит эмотивную или оценочную лексику. Это прежде всего заявления с просьбой / требованием заменить не устраивающего по тем или иным причинам преподавателя или, наоборот, оставить на новый учебный период понравившегося преподавателя.

Таким образом, академический дискурс второго высшего образования больше отмечен личностно ориентированным характером

коммуникации, в то время как для конвенционального академического дискурса характерен статусно-ориентированный стиль общения.

Обучающиеся по программам второго высшего образования, обладающие бóльшим, по сравнению со студентами первого высшего образования, жизненным и профессиональным опытом, включены в различные взаимодействующие дискурсы – как институциональные, так и личностно ориентированные. Влияние последних определяет характер взаимодействия участников коммуникации и должно учитываться при выборе стратегий академического дискурса.

Изменение мотивов получения второго высшего образования предполагает соответствующую коррекцию требований к условиям освоения образовательных программ, их наполнению в соответствии с потребностями обучающихся, заинтересованных, помимо расширения своих профессиональных возможностей, и в адекватной экономии временны́х и материальных ресурсов.

Чтобы обеспечить эффективность процесса обучения взрослого, необходимо создать для обучающегося ситуацию решения реальных профессионально или личностно ориентированных учебно-исследовательских задач, предполагающих совершение реальных предметных действий и поступков, которые имеют для него личностный смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с.
2. *Куликова Л. В.* Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. – Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. – 392 с.
3. Организация экономического сотрудничества и развития представила аналитический доклад «Взгляд на образование 2013» // Центр гуманитарных технологий, 2013.07.05. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/news/2013/07/05/6063
4. Репетиторство в Москве и Санкт-Петербурге в 2012/2013 учебном году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://blog.repetit.ru/2013/10/01/репетиторство-мск-спб-2012-2013/
5. Glossary on the Bologna Process / English – German – Russian: Beiträge zur Hochschulpolitik 7/2006. – URL: http://www.hrk.de/fileadmin/redaktion/hrk/02-Dokumente/02-10-Publikationsdatenbank/Beitr-2006-07_Glossary_Bologna.pdf

УДК 81’271

Ю. А. Архипова

аспирант кафедры грамматики и истории французского языка ФФЯ МГЛУ;
e-mail: mrs.shadow@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АВТОРА В ЗАЧИНЕ ФРАНЦУЗСКОГО ГАЗЕТНОГО РЕПОРТАЖА

Статья посвящена изучению реализации точки зрения автора в зачине французского газетного репортажа. Рассмотрено взаимодействие, с одной стороны, между его прагматическими характеристиками: позицией автора в репортаже – участник / наблюдатель, видом авторской точки зрения – внутренней / внешней, а с другой – ее языковым выражением: эксплицитным / имплицитным способом и лингвостилистическими маркерами. Установлены разные виды зависимости между исходными характеристиками.

Ключевые слова: зачин репортажа; автор-участник; автор-наблюдатель; внешняя точка зрения; внутренняя точка зрения.

Arkhipova Y. A.

Postgraduate Student, the Department of French Grammar and History, MSLU;
e-mail: mrs.shadow@mail.ru

THE CATEGORY OF THE AUTHOR IN FRENCH REPORTS

The article deals with the study of the author’s viewpoints in the report’s beginning. The author focuses on the interaction between the pragmatic charactheristics: author’s position in report – participant / observer, types of the author’s viewpoint – external / internal, as well as on its linguistic realization: explicit / implicit means and stylistic markers. Different types of correlation between the initial characteristics are revealed.

Key words: report’s beginning; author-participant; author-observer; external viewpoint; internal viewpoint.

Медийный репортаж представляет собой одну из многочисленных форм повествования, или нарративных форм. Это рассказ репортера от 3-го лица о каком-либо медийном событии, при котором читатель не присутствовал. Автор выстраивает полученную им из разных источников информацию по определенной схеме: 1) вводная сцена; 2) ее развитие – раскрытие темы, информационный повод; 3) предыстория события, представление участников; 4) сильная сцена, яркая деталь; 5) аргументы персонажей, контекст события; 6) завершающая сцена с участием главных героев или вывод автора [4, с. 46]. В то же время, если перейти от этой схемы к композиции текста репортажа,

то окажется, что вводная сцена приходится на зачин репортажа, объяснение происходящего и комментарии его участников составляют основную часть текста, а вывод автора или сцена с главными лицами выступают в роли концовки. В данной статье мы будем придерживаться следующего определения зачина любого публицистического текста: «зачин – это композиционный блок, назначение которого сходно с назначением заголовка – выразить авторскую целеустановку, привлечь и удержать внимание читателя. <…> В любом случае зачин проясняет исходные позиции, задает тональность, знакомит читателя с манерой авторского изложения, т. е. содержит в себе целый пучок смысловых нитей текста» [5, с. 109–111].

Поскольку любой рассказ, медийный в том числе, не отражает, а отображает реальность, дает ее интерпретацию, встает вопрос о том, с какой точки зрения ведется повествование. Точка зрения – категория нарратологии, одной из областей литературоведения, цель которой состоит в выявлении закономерностей построения литературно-художественного нарратива. Кроме термина «точка зрения», в теории литературы используется термин «фокализация». Его мы находим у Ж. Женетта, известного французского нарратолога, который различает несколько видов фокализации. Они могут проявляться в рамках одного и того же текста. Это:

1) нулевая фокализация: повествователь располагает более обширным знанием, чем персонаж;

2) внутренняя фокализация: повествователь говорит только то, что знает персонаж;

- 2.1) фиксированная фокализация: все изображается с точки зрения одного персонажа;
- 2.2) переменная фокализация: смена фокального персонажа;
- 2.3) множественная фокализация: одно событие упоминается много раз с точки зрения разных персонажей;

3) внешняя фокализация: читатель не допускается к какому-либо знанию мыслей и чувств действующего лица [3, с. 202; с. 206].

Мы остановимся на термине «точка зрения», который наиболее часто встречается в работах французских лингвистов.

Между тем, в связи с утверждением антропоцентрической парадигмы, категория точки зрения стала привлекать к себе внимание не только нарратологов, но и лингвистов как одно из проявлений «человека в языке». Естественно, что последних в первую очередь

интересуют лингвостилистические средства выражения этой категории в литературно-художественном нарративе. Так, по мнению А. Рабателя, точка зрения передается через отношение симпатии или антипатии автора к своим персонажам, которое декларируются им не открыто [6], а передается с помощью языковых средств, например глаголов восприятия (voir, entendre и т. д.), лексем с оценкой «+» или «–», стилистических средств (метафора, антифраза, ирония и т. д.) [6; 7].

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы установить в газетном репортаже как жанре медийного дискурса, соотношение между тремя характеристиками: во-первых, позицией автора в репортаже участник / наблюдатель, во-вторых, точкой зрения на событие, и, в-третьих, способами и средствами их выражения в первом композиционном компоненте текста – его зачине. В анализе мы исходим из двух способов реализации авторской точки зрения: эксплицитного, когда она выявляется с помощью лексем, носителей положительной или отрицательной оценки, и имплицитного способа, который заключается в декодировании реципиентом невербализованной информации с опорой на контекст. Имплицитный способ выражения авторской точки зрения позволяет «смягчать определения, характеристики во избежание нанесения морального вреда, создания конфликтных ситуаций, конфронтации сторон» [2, с. 33].

В газетном репортаже точка зрения «всезнающего автора» (нулевая фокализация) почти не встречается (за исключением тех редких случаев, когда репортер, в отличие от участников и очевидцев событий, осведомлен о причинах происходящего). Поэтому мы обращаемся к анализу внутренней и внешней точки зрения, проводя его на материале газетных репортажей, представленных в интернет-версиях популярных французских газет Le Figaro, La Libération, Le Monde.

Автор репортажа может выступать с двух позиций: либо как участник медийного события, либо как его наблюдатель. Под участником мы понимаем автора как активное действующее лицо, агента, который участвовал в событии. Наблюдатель – тот автор, который свидетельствует о своих наблюдениях над действиями участников события, не участвуя в них.

Итак, перейдем к рассмотрению вопроса о влиянии этих двух позиций автора на его точку зрения в репортаже.

Автор как участник медийного события. Изображение события в текстах, в которых автор выступает в роли участника, активного

действующего лица, ограничено его опытом и кругозором. Поэтому для таких текстов характерны «достоверность, субъективность, неполнота» [1, с. 343–346]. Когда автор выступает как участник, то, кроме информационной составляющей, текст содержит его комментарий или анализ события, в которых отражается его внутренняя точка зрения. Причем такая точка зрения может быть представлена двумя способами: эксплицитным или имплицитным.

Зачин текста (1) вводит читателя в тему репортажа: один день работы представителей медицинского центра по борьбе с лихорадкой Эбола в Сьерра-Леоне:

(1) Un décès dont on suspecte qu'il est dû à Ebola a été signalé par téléphone, et l'imposante équipe vient procéder à un prélèvement de salive sur le mort. Plusieurs dizaines de villageois se regroupent, entourent les voitures et refusent de livrer le corps. La tension monte. « Ebola, c'est pas ici, nous on veut rien avoir à faire avec tout ça », s'exclame Solomon, un jeune d'une vingtaine d'années qui s'improvise porte-parole. A l'évidence, dans une maison du village, se trouve la dépouille mortelle.

Une heure de palabre plus tard, c'est l'échec. Le convoi fait demi-tour, laissant la communauté enterrer son mort et risquer les infections. Tout au plus les équipes sanitaires ont-elles pu glisser quelques recommandations contre les risques de propagation du virus et la nécessité de se laver.

Le retour à Kailahun, qui accueille un centre de traitement Ebola géré par MSF et le camp de base où se retrouvent toutes les organisations internationales, se fait sans un mot. (*«Avec les damnés du virus Ebola» Publié le 07.08.2014 par Rémi Barroux* (*envoyé spécial en Guinée, en Sierra Leone et au Liberia*) *par Le Monde*).

Автор зачина (1) сопровождает группу ученых. Факт его участия в событии становится известным читателю благодаря местоимению 1-го лица множественного числа **nous**, которое появляется лишь в основной части текста. О внутренней точке зрения, представленной уже в зачине, свидетельствует знание автором всех деталей ситуации, когда местное население отказалось выдать врачам тело умершего для установления диагноза. Это знание проявляется в выборе эксплицитных и имплицитных способов реализации точки зрения, а также их средств. К эксплицитным средствам относятся:

– словосочетания, выражающие объективную оценку: *un jeune d'une vingtaine d'années* и характеризующие представителя местного населения;

– оценочная лексика с отрицательной коннотацией: *c'est l'échec*, *la tension monte*, *le retour à Kailahun ... se fait sans un mot*, участвующая в создании атмосферы непонимания между врачами и населением.

Имплицитные средства выражения внутренней точки зрения выявляются только в контексте: вся вводная сцена строится на контрасте между усилиями представительной команды врачей (l'imposante équipe) и безуспешностью всех попыток помочь населению остановить распространение болезни.

Из содержания зачина (2) известно, что автор выступает как участник события: он находится среди добровольцев, взаимодействующих с иммигрантами, которые пытаются пересечь границу с Великобританией через порт французского города Кале:

(2) Calais est débordé. La ville n'a jamais connu un tel afflux de migrants, 1 200 selon la préfecture. *C'est cent nouveaux chaque semaine*, soupire un bénévole, sans que les passages clandestins vers l'Angleterre augmentent de manière significative. Un goulot d'étranglement. Alors, les tensions montent sur les habituels lieux de passage, où stationnent les camions en attente d'embarquement. Les migrants tentent tout pour s'y cacher, sur le toit, sous les essieux, dans la cargaison, en espérant ne pas être trouvés par les chiens, ou les détecteurs de CO2, qui captent toute respiration. (*«Avec les migrants de Calais, au port de la crise de nerfs» Publié le 07.08.2014 par Stéphanie Maurice* (*envoyé spécial à Calais*) *par La Libération*).

В зачине (2) ситуация в городе тоже представлена с внутренней точки зрения. Она получает эксплицитное выражение благодаря сочетанию средств субъективной оценки: *Calais <u>débordé</u>*; *un* tel afflux *de migrants*, … *<u>augmentent de manière significative</u>*; *les <u>tensions montent</u>*, *<u>un goulot d'étranglement</u>* и объективной оценки: *<u>1 200 selon</u> la préfecture*.

Тема зачина (3) – обсуждение экономической политики двумя представителями правительства, присутствующими на ежегодном празднике роз во Франции, где автор находится в качестве специального корреспондента. В этом мероприятии принимают участие, с одной стороны, политики, а с другой – публика, в том числе и журналисты. Таким образом, автор выступает в роли представителя одной из сторон. В зачине выражена его внутренняя точка зрения:

(3) En cette fin d'été, les deux hommes forts du gouvernement ont décidé de partager plus qu'un simple verre. Coup sur coup ce week-end – M. Montebourg dans *Le Monde* samedi et M. Hamon dans *Le Parisien* le lendemain – ont frappé fort pour demander une inflexion de la politique économique française. Au moment où François Hollande et Manuel Valls

expliquent de concert qu'il n'y aura pas de « changement » de cap malgré une croissance en berne et un chômage en hausse, l'ancien candidat «démondialisateur » de la primaire en 2011 et l'ex-chef de file de l'aile gauche du PS réclament un ralentissement dans la réduction des déficits et une relance de la demande en contrepoint de la politique de l'offre choisie par l'exécutif. («*A la Fête de la rose, Montebourg et Hamon mettent la pression sur Hollande» Publié le 25.08.2014 par Bastien Bonnefous A Frangy-en-Bresse* (Saône-et-Loire) par Le Monde).

В качестве основного имплицитного средства здесь выступает ирония, т. е. троп, истинный смысл которого противоречит смыслу явному. Ирония создает ощущение, что предмет обсуждения не таков, каким он кажется: … *les deux hommes forts du gouvernement ont décidé de partager plus qu'un simple verre*. Используются здесь и другие стилистические средства, например метафора: *M. Montebourg et M. Hamon … ont frappé fort pour demander une inflexion*.

Однако можно встретить и такие репортажи, в которых автор, будучи участником события, выражает не внутреннюю, а внешнюю точку зрения, которая позволяет ему сохранить интригу. Так, в зачине (4), присутствуя на церемонии открытия фестиваля, автор строго придерживается фактов, предоставив читателю возможность самому оценить происходящее при знакомстве с краткой историей фестиваля:

(4) Comme chaque année, c'est la fête. Vendredi soir, la soirée d'ouverture accueillait la star mexicaine Gael Garcia Bernal. Et, pour fêter ses vingt ans, le festival rend hommage cette année à Agnès b., la styliste et productrice de films ayant soutenu d'emblée le festival fondé en 1995, en plein siège de Sarajevo (1992–1996): le conflit opposait alors les partisans d'une Bosnie-Herzégovine indépendante, et les Serbes qui voulaient rester attachés à la Yougoslavie. C'est Agnès b. qui a créé l'identité visuelle ou logo du festival : un cœur, qui fait aussi office de statuette lors de la cérémonie de remise des prix. (*«Le temps du festival de cinéma, Sarajevo se fait boîte de nuit à ciel ouvert» Publié le 19.08.2014 par Clarisse Fabre* (*Sarajevo, Bosnie-Herzégovine*) *par Le Monde*).

В примере (4) нет основного действующего лица, но есть несколько участников: *la star mexicaine Gael Garcia Bernal* и *Agnès b*. Внешняя точка зрения автора получает эксплицитное выражение благодаря нейтральной тональности изложения фактов, отсутствию глаголов «восприятия» и «чувств, ощущений», характеризующих самих действующих лиц, описательным конструкциям в прошедшим времени

со значением длительности (Imparfait): *la soirée d'ouverture accueillait; le conflit opposait; les Serbes qui voulaient*.

Автор как наблюдатель медийного события. Если автор не был непосредственным участником события, то по прибытии на место, он собирает информацию о событии, опрашивает очевидцев, пытаясь составить полную картину произошедшего. В этом случае он меньше осведомлен о событии, нежели участники и очевидцы, поэтому в тексте отсутствуют видимые характеристики самого события. К тому же читатель не знает, о чем думали персонажи в момент произошедшего события. В этой связи можно предположить, что для автора-наблюдателя в большей степени характерна внешняя точка зрения. Чтобы это подтвердить или опровергнуть рассмотрим пример (5).

Автор выступает в зачине (5) в роли наблюдателя: в текстовом фрагменте речь идет о взаимодействии двух субъектов – демонстрантов и официальных представителей власти (последние, хотя и не упоминаются, но подразумеваются). Автор наблюдает за действиями одной из участниц митинга в городе Фергюсоне, вышедшей на него с тремя своими дочерями.

(5) Elle est venue à la Greater Grace Church, avec ses trois petites filles, qui marchent à la queue leu leu le long de l'autoroute. Rachel Glenny porte une pancarte marquée *No Justice no peace*, et dit qu'elle est là *pour les générations futures*. *Je veux que mes filles sachent ce qui se passe dans ce pays*, lâche-t-elle, la voix entrecoupée de sanglots, *on peut se faire tuer pour sa couleur de peau. On peut perdre la vie parce qu'on est noir. Personne n'est à l'abri, il faut que tout le monde en soit conscient* (*«A Ferguson, la communauté noire entre deuil et colère» Publié le 18.08.2014 par Fabrice Rousselot (envoyé Spécial À Ferguson, Missouri) par La Libération*).

Описывая и комментируя действия главного лица, автор прибегает к внешней точке зрения. Ее эксплицитными маркерами служат: 3-е лицо единственного числа, представленное именем собственным и кореферентным ему местоимением *elle*; притяжательное прилагательное 3-го лица множественного числа *ses*, отсылающее к тому же лицу; причастный оборот *entrecoupée de sanglots*, который дает объективную оценку эмоционального состояния героини репортажа.

В зачине (6) автор тоже наблюдает за происходящим со стороны, однако в тексте прослеживаются маркеры внутренней точки зрения:

(6) Mardi matin devant l'école Dussoubs dans le IIe arrondissement de Paris, la déception de Marjorie est palpable. «Tu m'avais promis que tu

me ferais un bracelet Rainbow Loom pendant les vacances», lâche-t-elle, sentencieuse à Chloé, son cartable rose pétant flambant neuf sur le dos. «Je te jure, se défend-elle, je t'en avais fait un, mais je l'ai donné à quelqu'un d'autre.» À deux pas de cette scène à haute teneur dramatique, les préoccupations des parents d'élèves sont tout autres. «J'espère que les activités proposées seront mieux organisées, et que l'ambiance générale autour de l'école en France sera apaisée», explique ainsi la mère de Marjorie. (*«À Paris, parents et enfants espèrent une année scolaire «plus sereine» Publié le 02.09.2014 Par Judith Duportail par Le Figaro*).

В вводной сцене происходит смена главных действующих лиц (сначала девочка Маржори, затем ее подруга и, наконец, мама первой девочки), фиксируемая с помощью их прямой речи. Внутренняя точка зрения автора передается эксплицитно через субъективно-оценочную лексику, используемую для описания сцены: *rose pétant flambant neuf*, *sentencieuse*, *la déception de Marjorie est palpable*, *cette scène à haute teneur dramatique*.

Таким образом, анализ зачинов говорит о том, что позиция автора-наблюдателя не исключает использования внутренней точки зрения.

Подводя итог рассмотренным примерам, можно сказать следующее: во французском газетном репортаже автор может выступать с позиции участника события или его наблюдателя, выражать внутреннюю точку зрения (через субъективную оценку) или внешнюю (при ее отсутствии) на то или иное событие и реализовать свою точку зрения эксплицитным или имплицитным способом.

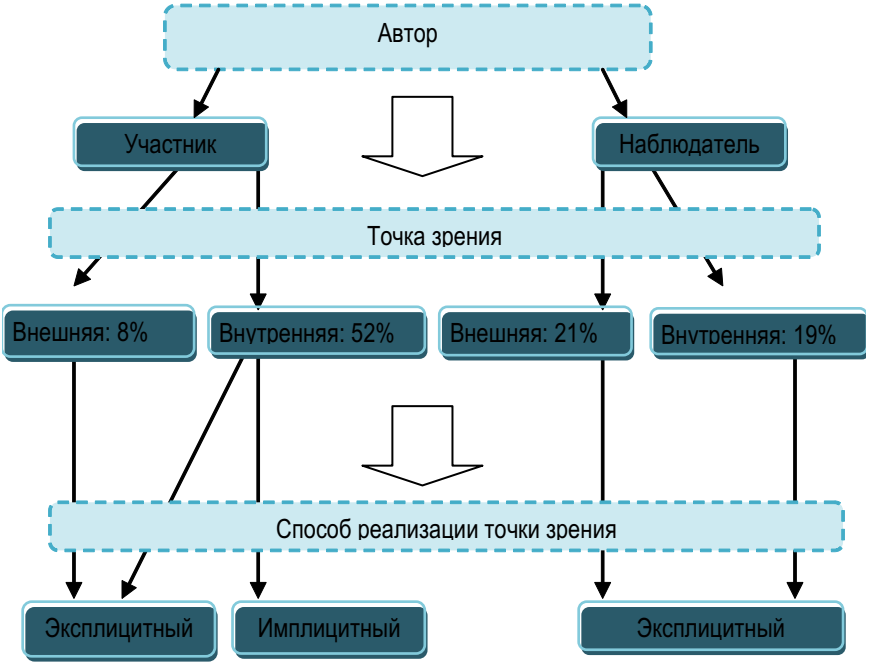
Изучив соотношение между тремя характеристиками, две из которых прагматические, а третья – лингвистическая, мы пришли к следующим выводам:

1. Три характеристики в зачине репортажа тесно взаимодействуют между собой.

2. Для позиции автора-участника в зачине репортажа характерна в большей степени внутренняя, а не внешняя точка зрения. Внутренняя точка зрения может быть выражена эксплицитно и имплицитно. При этом эксплицитный способ опирается на использование оценочной лексики с положительным или отрицательным зарядом, средств экспрессивного синтаксиса (например, конструкций с двойным отрицанием), а также стилистических фигур, например метафор. Имплицитный же способ предполагает актуализацию оценки, как правило, отрицательной, только с помощью определенного контекста, как в случае использования иронии.

Внешняя точка зрения реализуется эксплицитным способом, маркером которого служит стилистический показатель, а именно: нейтральная тональность изложения, отсутствие субъективной авторской оценки. В то же время автор может прибегать к средствам объективной оценки, которая не меняет общей тональности изложения.

3. Позиция автора-наблюдателя получает свое выражение с помощью внешней и внутренней точки зрения примерно в равной степени. При выражении как внешней, так и внутренней точки зрения, автор-наблюдатель отдает предпочтение эксплицитному способу. Эксплицитными средствами выражения авторской точки зрения служат оценочные лексемы. На схеме, которая суммирует результаты анализа, представлена зависимость между позицией автора в зачине репортажа, его точкой зрения и способом ее реализации:



(За 100 % взято 38 зачинов репортажей, в которых автор – участник события, и 25 зачинов, где он – наблюдатель).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Атарова К.Н., Лесскис Г.А.* Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 35. – 1976. – № 4. – С. 343–346.
2. *Дейк Т. А. ван.* К определению дискурса. – М. : Высшая школа, 1998. – 218 с.
3. *Женетт Ж.* Работы по поэтике. Фигуры. – Т. 2. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.
4. *Колесниченко А.В.* Практическая журналистика: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 192 с.
5. *Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск : Урал ун-та, 1990. – 162 с.
6. *Rabatel A.* La construction textuelle du point de vue. – Lausanne–Paris: Delachaux et Niestlé, 1998. – 202 p.
7. *Tarassova A.N.* Les types de discours français et l'interculturel. – T. 2. Les discours narratif et descriptif: учеб. по культуре речевого общения для бакалавров и магистров, обуч. по направлению «Лингвистика». – М.: Студент, 2013. – 328 с.

УДК 81’271

А. А. Архипова

аспирант кафедры лексикологии и стилистики факультета французского языка МГЛУ; e-mail: kuroi_tsuki@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ ПРОГНОЗА (на материале экономических статей современного французского языка)

В статье дается определение понятия стратегии и рассматривается классификация стратегий с точки зрения их важности для того или иного типа дискурса. Описывается стратегия прогноза как основная стратегия экономической аналитической статьи. Выделяются несколько видов прогностических стратегий.

Ключевые слова: прогноз; прогностический дискурс; прогностическая стратегия; основные и вспомогательные стратегии.

Arkhipova A. A.

Postgraduate student, the Department of French Lexicology and Stylistics, MSLU; e-mail: kuroi_tsuki@mail.ru

FEATURES OF PROGNOSTIC STRATEGY (BASED ON FRENCH ECONOMIC ARTICLES)

Drawing on the notion of strategy, the author of the paper examines different types of strategies and their importance for various types of discourse. The prognostic strategy is viewed as the leading strategy of economic analytical articles. Some variations of this strategy are distinguished.

Key words: forecast; prognostic discourse; prognostic strategy; primary and subsidiary strategies.

Настоящая статья посвящена изучению ряда особенностей стратегии прогноза. Исследование проводится на материале одного из жанров прогностического дискурса, а именно – на материале французских аналитических статей по экономике.

Прогностический дискурс не является однородным и включает различные жанры. Так, экономические тексты вместе с политическими и социологическими, содержащими прогноз, составляют жанр прогностического дискурса, основанный на научном предвидении. Этим, в частности, они отличаются от другой группы прогностических текстов – прорицаний, пророчеств, предвидений, гаданий, связанных не с научным, а с обыденным, интуитивным или религиозным

предвидением. Тексты прогностического дискурса не являются статичными. Они могут проявлять определенную динамику, претерпевая различные изменения и «перемещаться» при этом из одной группы в другую. Так, метеорологические прогнозы в настоящее время можно отнести к группе текстов, которые основаны на показаниях науки. В то же время в не очень далеком прошлом они относились к текстам, основанным на интуитивном предвидении – на знании примет, на учете особых проявлений природных явлений.

К прогностическому дискурсу относятся также астрологические прогнозы. Они существуют в форме гороскопов. Однако точка зрения на данные тексты еще окончательно не определена: следует ли относить их к первому или ко второму типу? Считать ли их научными или ненаучными прогнозами, сформированными на научной или ненаучной основе? Поскольку отношение к астрологии у представителей разных народов и культур в значительной мере различается, то можно сказать, что статус текстов астрологического дискурса еще не выяснен.

Каковы бы ни были жанры прогностического дискурса, их объединяет одна ключевая стратегия – стратегия прогноза. При этом под стратегией в лингвистике понимается осознанный план решения проблемы, достижение определенной коммуникативной цели [14, с. 36].

Стратегии изучаются как отечественными, так и зарубежными лингвистами (В. З. Демьянков, Т. ван Дейк, Ю. М. Иванова, О. С. Иссерс, В. Кинч, Е. В. Клюев, Ю. К. Пирогова, В. Е. Чернявская, Е. И. Шейгал и др.). Выделяются самые разнообразные стратегии: дискурсивные, компенсационные, риторические, социокультурные, семантические, стилистические, грамматические и т. д. Их список остается открытым и может пополнятся в зависимости от реализации новых аспектов текстовой деятельности и форм воздействия [2, с. 141].

Однако из всего многообразия стратегий нас прежде всего интересуют ключевые стратегии, выделяемые авторами в том или ином типе дискурса. Нам важно выяснить, как авторы рассматривают понятие ключевых стратегий при исследовании того или иного типа дискурса, какую терминологию они выбирают для их обозначения; в каком соотношении эти ключевые стратегии находятся с другими стратегиями данного типа дискурса.

В качестве самой важной дискурсивной стратегии выделяется коммуникативная. Авторы определяют ее как способ реализации

замысла, предполагающий отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата, при этом понятие коммуникативной стратегии задается соотношением «действительность – автор – текст – адресат» [3, с. 85–86]; как «магистральную линию речевого поведения, выбранную говорящим с целью достижения коммуникативной задачи, конечной цели интеракции, и характеризующуюся установлением связи между участниками, речевой ситуацией и ее элементами» [9, с. 85–86]; как «концептуальное мировоззренческое намерение и его действенное осуществление касательно производства содержания коммуникативного процесса, т. е. выбор того или иного коммуникативного пространства, той или иной среды коммуникации, того или иного типа взаимодействия, того или иного места порождения смысла, и, тем самым, одного или нескольких дискурсивных измерений, относительно которых строится дискурс коммуникации» [10, с. 268]; как план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые, в свою очередь, обусловливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определенных языковых средств [8] и т. д. По мнению В. Е. Чернявской, коммуникативная стратегия является понятием высшего уровня коммуникативной иерархии, наиболее общим по отношению к другим [13, с. 46].

Рассмотрим классификацию стратегий по степени важности для того или иного типа дискурса. Исследователи выделяют такие стратегии, как общие (доминирующие) и частные (вариативные, реализующие главную стратегию) [4]; основные и вспомогательные [5]; основные (первостепенные) и вспомогательные (второстепенные) [6]; основные (позиционирующие) и вспомогательные (оптимизирующие) [11]; глобальные и локальные [15] и т. д.

Общие (доминирующие) и частные (вариативно реализующие главную стратегию) в другой терминологии могут быть представлены как глобальные (макростратегии) и как составляющие их отдельные частные стратегии (микростратегии) [4, с. 13].

Так, в качестве основной (первостепенной) стратегии может выступать стратегия убеждения в таких дискурсах, как политический, судебный, религиозный. Она является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей и направлена на решение именно той

задачи, ради которой было затеяно общение. В то же время вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации общения. О. С. Иссерс предлагает следующие виды вспомогательных стратегий: *прагматические* (коммуникативно-ситуативные); *диалоговые* стратегии; *риторические* стратегии, в рамках которых используются различные риторические техники эффективного воздействия на адресата, например, стратегия привлечения внимания [6, с. 106–107].

Кроме того, в политическом дискурсе выделяются локальные и глобальные стратегии: локальные, «характеризующие отдельный момент интеракции», и глобальные, «относящиеся к общей линии поведения, которой говорящий стремится придерживаться на протяжении всей интеракции» стратегии [15].

Бинарная оппозиция стратегий в рекламном дискурсе выглядит следующим образом: основные (позиционирующие) и вспомогательные (оптимизирующие) стратегии товара [11]. Основные, или позиционирующие, стратегии направлены на формирование планируемого восприятия рекламного объекта. В рамках основных стратегий могут проявляться стратегии дифференциации, помогающие выделить рекламируемый объект в ряду конкурирующих; ценностно-ориентированные стратегии, позволяющие связать рекламируемый объект с важными для целевой группы ценностными понятиями; стратегии дискредитации, помогающие представить рекламируемый товар в выгодном свете по сравнению с другими марками аналогичной продукции; стратегии присвоения оценочных значений, помогающие усилить восприятие положительных свойств рекламируемого объекта. Вспомогательные, или оптимизирующие, стратегии, в свою очередь, направлены на оптимизацию воздействия самого рекламного сообщения, в рамках которого можно выявить стратегии повышения распознаваемости рекламы, что позволяет адресату быстро соотнести сообщение с рекламируемым объектом и воспринять его основную тематику при беглом осмотре; мнемонические стратегии, помогающие повысить запоминаемость сообщения или его части; стратегии аргументации, позволяющие апеллировать к различным свойствам рекламируемого товара [11].

В медицинском дискурсе стратегии также подразделяются по степени важности. Выделяются основные и вспомогательные стратегии [5]. К основным автор относит диагностирующие, лечащие (предписывающие), рекомендующие, а также предваряющие (сбор анамнеза)

и объясняющие. Вспомогательные стратегии включают прагматические, диалоговые и риторические. Содержательные особенности прагматических стратегий, отличающие их от диалоговых и риторических, состоят в том, что такие стратегии не предоставляют пациенту медицинской информации [5].

Таким образом, следует подчеркнуть иерархичный характер стратегий, которые могут быть классифицированы по степени важности. Кроме того, как основные (первостепенные), так и вспомогательные (второстепенные) стратегии могут подразделяться в различных типах дискурсов на некоторое количество подстратегий.

При изучении прогностического дискурса мы убедились, что его ключевой стратегией является стратегия прогноза; остальные стратегии направлены на ее обслуживание, обеспечивая ее точность, полноту и т. д. [1]. Прогноз определяется как вероятностное суждение о будущем состоянии какого-либо процесса или явления [12]. Мы полагаем, что в каждом жанре прогностического дискурса прогноз будет иметь как общие, так и специфические черты. Другой особенностью, общей для всех прогнозов, является, на наш взгляд, то, что все прогнозы вызваны практической необходимостью. Например, в политических прогнозах речь идет о прогнозировании политической мегакартины одной страны или даже всего мира, о возможных путях развития одной или многих политических систем на достаточно длительный период. В социологии прогнозы необходимы для предвидения с той или иной долей вероятности итога, направленности или характера протекания социальных процессов в течение некоторого периода времени. В экономике прогнозы связаны с условиями формирования рыночных отношений, с перестройкой экономической системы и т. д.

Прогнозы, основанные на ненаучном предвидении (гадание, пророчество, прорицание), также вызваны необходимостью получить знания о будущем. Однако они составляются, как правило, для одного индивида или узкой группы людей, стремящихся приобрести определенную информацию для решения какой-либо сложной ситуации в своей жизни.

Следующая общая особенность прогнозов заключается в том, что они, как правило, подготовлены содержанием предваряющего его текста. Таким образом, прогноз располагается в конце текста, в нашем случае – в конце статей по экономике. Наконец, стратегия

прогноза является ключевой (основной, доминирующей) во всех прогностических текстах.

Дифференциальные черты прогнозов могут определяться на различных основаниях. В частности, при определении дифференциальных черт данных текстов может учитываться специфика их адресата. Так, экономические прогнозы, в отличие от прогнозов на ненаучной основе, предназначены для большой группы лиц для решения общественных проблем или для удовлетворения потребностей целого общества. Таковы прогнозы, содержащиеся в аналитических статьях по экономике, которые служат материалом нашего исследования.

Таким образом, прогнозы данных статей характеризуются тем, что они представляют собой научно-обоснованную информацию о будущем, вызванную практической необходимостью решать актуальные экономические вопросы. Как и прочие прогнозы, составленные на научной основе, прогнозы экономических текстов должны обладать такими параметрами, как полезность, своевременность, сходимость (т. е. осуществимость), достоверность, точность [7]. Кроме того, экономический прогноз характеризуется тем, что он связан с жизнедеятельностью не одного индивида, а группы лиц, чаще всего целого общества. Имея большую практическую ценность, этот вид прогноза основан на научном анализе как экономики в целом, так и отдельных ее областей, и представляет собой некий итог данного анализа.

В ходе изучения прогнозов на материале экономических статей нам удалось выявить ряд их разновидностей.

Прежде всего, отметим, что тексты данных прогнозов могут различаться с точки зрения своего объема и состоять из одной или нескольких фраз, а также составлять целый абзац, являясь, соответственно, **однофразовым** или **многофразовым**. В качестве примера однофразового прогноза приведем следующий текст:

> Tout porte à croire que l'activité mondiale restera encore durablement faible, avec un impact évident sur le cours de nombreux métaux, dont le cuivre. (*Dembik Christopher, Croissance: Le déclin économique prouvé par les achats de cuivre. – Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).

Объем прогноза может быть еще более широким и включать две и более фраз и даже целый абзац:

> En théorie économique, un resserrement de politique monétaire devra provoquer une hausse des taux obligataires mais celle-ci n'a eu lieu que sur la

partie courte de la courbe, et non pas sur les taux à 10 ans qui restent encore très bas. Tout au plus on peut s'attendre à une légère tension sur les taux à cause de la réunion du FOMC de ce mercredi. Mais, qu'on se rassure, à court terme et à moyen terme, les taux américains devraient rester encore sous les 3%. La crise qu'alimentent les banques centrales pour résorber celle de 2008 ne va pas survenir de sitôt ! (*Bernard Christophe, Entreprises familiales de taille intermédiaire et investisseurs privés: des opportunités réciproques. – Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).

Другая разновидность экономического прогноза тесно связана с композицией текста аналитической статьи. Чаще всего прогноз располагается в конце текста статьи, в заключительной, «сильной позиции», в которой прогнозы играют роль вывода по всему тексту. Назовем его условно **прогноз-заключение**:

Ainsi, la politique budgétaire sera contrôlée par un cénacle de onze personnes, dont neuf estiment que la France doit fortement réduire ses dépenses publiques et doit tout sacrifier pour respecter des engagements européens sans fondement économique et qui contribuent à enfoncer la zone euro dans la récession (*Sterdyniak Henri, Haut Conseil des finances publiques: pour en finir avec la démocratie. - Économistes Atterrés, 2013*).

Однако в некоторых случаях прогноз может быть кратко сформулирован в заголовке статьи или в ее подзаголовке. Назовем такой прогноз **прогнозом-заголовком** (**подзаголовком**). Затем в более развернутой форме он представлен в заключительной части текста статьи. Приведем примеры подобных подзаголовков:

Les estimations de croissance en France ne laissent pas croire que les 1% de croissance en 2014 seront atteints (*Dembik Christopher, Le réjouissant panorama économique français. – Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).

600 millions d'euros, c'est la perte que l'amende BNP Paribas fera subir à l'État français et à l'État belge chacun (*Dembik Christopher, Amende BNP Paribas: les actionnaires et l'État perdants. – Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).

Затем в конце текста следует развернутая форма прогноза. Наример, после подзаголовка «600 millions d'euros, c'est la perte…», такой развернутой формой прогноза является:

L'Etat belge, qui détient 10% de l'institution bancaire, devrait subir une perte d'environ 600 millions d'euros. Un schéma quasi-similaire apparait pour la France. Ces deux pays, qui font face à un processus d'ajustement budgétaire, ne pourront donc pas compter sur cette manne pour atteindre

leurs objectifs de réduction des dépenses. Pour autant, cela ne remet pas en cause la participation des Etats à moyen terme (*Dembik Christopher, Amende BNP Paribas: les actionnaires et l'État perdants. – Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).

С точки зрения своей структуры прогнозы могут быть **простыми** и **комбинированными**. Простые прогнозы содержат информацию только об одной сфере человеческой деятельности, в нашем случае об экономике. Комбинированные, в свою очередь, бывают двух типов: первый тип комбинированного прогноза представляет собой такой прогноз, где элементы, связанные с экономикой, дополняются элементами других прогнозов – политического, социологического и т. п. Так, например, в следующем тексте мы видим дополнение экономического прогноза о положении России на финансовом рынке (часть 2 приведенного ниже примера) прогнозом политическим, связанным с введением экономических санкций против нашей страны (часть 1 следующего примера):

1. La construction par la Russie d'un système de financement garantissant son autonomie face aux marchés financiers occidentaux <u>ne pourra être qu'accélérée par la logique des sanctions</u>.

2. La construction de ce système est une priorité pour la Russie si elle veut tirer tout le profit de la logique de substitution aux importations, dans laquelle elle semble s'être engagée. Le rôle de l'Etat sera aussi important dans ce système de financement, et il n'est pas encore clair si ce rôle sera directement lié au Ministère des Finances ou s'il sera mis en œuvre par des banques d'Etat. Mais, la construction d'un tel système aura aussi des conséquences extrêmement importantes sur le système financier international, qui pourrait voir sa crise accélérée par le déséquilibre ainsi produit (*Sapir Jacques, Russie: vers un nouveau modèle de développement? – Le carnet de Jacques Sapir sur la Russie et sur l'Europe, 2014*).

Второй тип комбинированных прогнозов – это прогнозы, где доминирующая для изучаемых экономических текстов прогностическая стратегия «переплетается» с другими типами стратегий, являющимися второстепенными по отношению к первой, например со стратегией предупреждения. Так фраза, содержащая экономический прогноз:

La fin de l'année 2014 sera encore riche en rebondissements et pleines de surprises, avec l'arrivée de Jean-Claude Juncker qui parle d'activité et d'emploi et une BCE qui veut favoriser la reprise. – дополняется фразой,

содержащей стратегию предупреждения: Attention, le FMI s'inquiète d'une inflation obstinément faible qui peut être un fort obstacle au développement... (*Martineau Jacques, L'Europe: une histoire à ne pas oublier…– Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).

Другим примером комбинированного прогноза, где ключевая стратегия прогноза также связана со стратегией предупреждения, является следующий текст:

Mais, qu'on se rassure, la BCE va conserver très longtemps une politique monétaire accommodante. Pour les marchés, c'est une bonne nouvelle... mais attention jeudi prochain à une éventuelle déception des opérateurs car leurs attentes sont démesurément exagérées (*Dembik Christopher, Déflation : Démêlons le vrai du faux. – Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).

Экономический прогноз может также дополняться другими типами второстепенных стратегий, например «условия реализации экономических преобразований»:

La France peut retrouver sa croissance à condition de miser sur le secteur privé. Les entreprises sont la solution. Encouragées, réanimées, nos entreprises retrouveront la capacité d'investir afin de surmonter leur retard d'investissements. Elles retrouveront la capacité d'innover. Elles retrouveront leurs bénéfices et une marge de financement (*Cairou Guillaume, Monsieur le Premier ministre, il faut remettre la France sur les rails de la compétition internationale. – Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).

Наконец, прогнозы классифицируются нами по степени вероятности: одни из них содержат бóльшую степень вероятность, другие меньшую. В соответствии с этим мы выделяем прогноз **большей степени вероятности и меньшей степени вероятности**. В примере прогноза **большей степени вероятности** большая доля этой вероятности подчеркивается словосочетанием *on peut sans l'ombre d'un doute confirmer*:

Bien que le pays publie de manière très irrégulière les indicateurs macroéconomiques clés, en se fiant aux données disponibles ayant trait au secteur manufacturier, à la construction automobile et également aux importations de biens de production, on peut sans l'ombre d'un doute confirmer une récession technique au premier semestre de l'ordre de -3% à -5%. (*Dembik Christopher, Le dilemme vénézuélien. – Les Experts, 2014 // www.economiematin.fr*).

В качестве примера прогноза **меньшей степени вероятности** мы рассматриваем тексты с использованием наречий и словосочетаний *probablement*, *peut-être*, *il est fort peu probable*, например:

> En fait, nous ferons probablement 0,4% de croissance en 2014, voire moins (*Sapir Jacques, Montebourg et "l'autre politique"- Le carnet de Jacques Sapir sur la Russie et sur l'Europe, 2014*).
>
> La « bullish mania » devrait continuer en fin d'année et peut-être même en 2015, ce qui n'exclut pas des phases de consolidation ou de correction pour que le marché reprenne son souffle (*Dembik Christopher, Le «Minsky Moment» du S&P 500. – Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).
>
> Il est fort peu probable, qu'en dépit de l'urgence, Dilma Rousseff s'attaque à cet épineux défi (*Dembik Christopher, Brésil: l'encombrant ami chinois. – Les Experts, 2014// www.economiematin.fr*).

Анализ примеров типов экономического прогноза показывает, что прогноз, являясь доминирующей стратегией прогностического дискурса в целом, а также такого его жанра, как экономическая статья, может быть охарактеризован с различных точек зрения, а именно – с точки зрения своего объема, композиции, структуры, степени вероятности.

Дальнейшее изучение разновидностей прогнозов и языковых средств, используемых для реализации прогностической стратегии, по нашему мнению, позволяют внести определенный вклад как в теорию дискурса вообще, так и в изучение прогностического дискурса, в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипова А. А.* Коммуникативно-прагматические особенности прогностического дискурса (на материале французских статей по экономике) // Романские языки в дискурсивном пространстве – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 9–18. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 10 (696). Сер. Языкознание).
2. *Астафурова Т. Н.* Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: дис. … д-ра пед. наук. – М., 1997. – 324 с.
3. *Борисова И. Н.* Категория цели и аспекты текстового анализа. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 81–97.
4. *Варзонин Ю. Н.* Риторика в эпоху постструктурализма // Язык и дискурс: Когнитивные и коммуникативные аспекты Текст. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. – С. 9–16.

5. *Ефремова Н. В.* Стратегии и тактики медицинского дискурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/899-c----
6. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
7. *Константиновская Л. В.* Требования и критерии в выборе прогноза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.astronom2000.info/прогнозирование/tixvp/
8. *Михалева О. И.* Способы представленности субъекта действия в политическом дискурсе // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. – Вып. 2. – Иркутск, 2003. – С. 93–115.
9. *Михальская А. К.* Педагогическая риторика: история и теория: учеб. пособие для студ. пед. университетов и институтов. – М. : Академия, 1998. – 432 с.
10. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса. Текст. : Монография. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с.
11. *Пирогова Ю. К.* Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования(на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики. – 2001. – С. 209–227.
12. *Симонов К. В.* Политический анализ. Политическое прогнозирование. Понятие политического прогноза. – 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/simonov_politanalysis/ch19_i.html
13. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. Текст.: учебное пособие. – М. : Флинта, 2006. – 136 с.
14. *Faerch C. & Kasper G.* Plans and strategies in foreign language communication // Faerch, C. & Kasper, G. (eds.) Strategies in Interlanguage Communication. – L. : Longman, 1983. – P. 20–60.
15. *Vion R.* La communication verbale : analyse des interactions. – P. : Hachette Livre, 2000. – 302 p.

УДК 81’1

Г. И. Бойко

кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина; e-mail: scorcher@mail.ru

РОЛЬ ИММИГРАНТСКОГО ДИСКУРСА КАК СПОСОБА СОХРАНЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на материале произведений С. Оздогана)

Статья посвящена анализу феномена социокультурной идентичности в иммигрантской литературе Германии. Обосновывается идея о том, что подход к современному художественному произведению с позиций мультикультурности выявляет актуальную систему ценностей национальных культур и способствует переосмыслению сложившихся представлений. Понятия социокультурной идентичности, гибридности, промежуточного пространства и культурной многослойности являются принципиальными при интерпретации иммигрантского дискурса.

Ключевые слова: художественный дискурс; иммигрантский дискурс; социокультурная идентичность; межкультурная коммуникация; ценностные ориентации.

Boiko G. I.

Ph.D., Associate Professor, the Department of the Second Foreign Language, the Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named after S. A. Esenin; e-mail: scorcher@mail.ru

THE ROLE OF THE IMMIGRANT DISCOURSE IN PRESERVING SOCIOCULTURAL IDENTITY (based on the Works by S. Özdogan)

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of the sociocultural identity in the German immigrant literature. The author develops the “multicultural” approach to the modern literary discourse which reveals the system of values in different ethnic cultures. The basic concepts in the interpretation of the immigrant discourse are the concepts of sociocultural identity, hybridity, intermediate space and cultural layering.

Key words: literary discourse; immigrant discourse; sociocultural identity; intercultural communication; values.

Исследования человеческого фактора в языке неотъемлемо связаны с исследованиями культуры. В рамках гуманитарных наук сегодня активно обсуждаются проблемы межкультурной коммуникации. Этому способствуют геополитические процессы, а именно – глобализация

мирового сообщества. Интенсивные территориальные перемещения населения в XX в., ставшие возможными в условиях открытости границ, привели к социальной гетерогенности и активизировали процессы взаимопроникновения культур. Поиск стратегий эффективного «диалога культур» сопровождается теперь изучением так называемых культурных гибридов. Параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры требует и политика мультикультурализма, направленная на сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий. При этом многие исследователи отмечают, что понятие «мультикультурализм» само по себе противоречиво и вызывает отрицательные последствия. Оно провоцирует пассивную толерантность, которая может привести к возникновению параллельных, обособленных обществ [5]. В этом плане для обозначения культурного взаимообмена предлагается термин «транскультурный» / «транскультурализм».

О происходящих изменениях культурологического характера свидетельствует и появление таких новых научных направлений, как «межкультурная лингвистика», «межкультурное литературоведение» и др. В центре исследования последнего направления находится так называемая иммигрантская литература. Этот термин не является пока общепринятым, хотя сам феномен такой литературы – неотъемлемая часть культуры многих стран.

В частности, в Германии, несмотря на сравнительно недолгую историю, иммигрантская литература пользуется признанием как со стороны читателей, так и со стороны критиков и ученых. По разным данным, она берет начало во второй половине XX в., когда в страну на заработки приехало большое количество иностранцев. Первые произведения были посвящены теме преодоления конфликтов, обусловленных резкой сменой языка и культуры. На этот переход определенный отпечаток накладывала атмосфера предвзятости по отношению к иностранцам, порождавшая в них чувство раздвоенности. На смену этой тематике пришли вопросы поиска себя и своего места в новом мультикультурном мире, а позже поиск «третьего пространства» для новых гибридных транснациональных идентичностей [3; 6; 8; 11].

Частая смена термина для обозначения обсуждаемого феномена отражает изменение его статуса и тематики. Существовавшая изначально как «Gastarbeiterliteratur», она не считалась немецкой и не

воспринималась со всей серьезностью. На смену термину, подчеркивавшему «трудовой» статус писателей, пришел термин, высвечивающий оппозицию «свой – чужой» – «Ausländerliteratur».

В современных условиях преодоления дистанции между «своими» и «чужими» этот термин практически не употребляется. С середины 1980-х гг. существуют обозначения с компонентом «миграция»: Immigrantenliteratur, Emigrationsliteratur, Migrantenliteratur, Migrationsliteratur, Literatur mit dem Motiv der Migration. Кроме этих существуют и другие обозначения, которые подчеркивают неопределенную пространственную локализацию такой литературы: Literatur ohne festen Wohnsitz, deutsche Literatur von außen и пр. [3; 8].

Таким образом, промежуточное положение писателей-иммигрантов как в литературной деятельности, так и в жизни отражается и в отсутствии общепризнанного и закрепленного термина для обозначения этого социокультурного и лингвистического феномена. Но несмотря на отсутствие термина, иммигрантская литература привлекает к себе пристальное внимание. Признанию «иностранных» писателей немецкоязычным и мировым сообществом способствовало не в малой степени и учреждение специальной премии имени Адельберта фон Шамиссо (немецкоязычного поэта и ученого, француза по происхождению), присуждаемой писателям иноязычного происхождения за вклад в немецкоязычную литературу.

В современном глобализирующемся мире получают распространение понятия, подчеркивающие статус этой литературы как посредника между культурами: interkulturelle Literatur, multikulturelle Literatur [6; 7]. Миграция понимается широко: как перемещения между системами, временами, культурами, религиями. Таким образом иммигрантская литература как межкультурная выполняет особую социальную функцию, поскольку представляет собой результат социально ориентированной и социально обусловленной коммуникации в современных условиях диалога культур. Она способствует этому диалогу, предлагая модели межличностных отношений в транснациональном, мультикультурном, обществе. Подход к художественному произведению писателя-иммигранта с позиций мульти-, или транскультурности, позволяет выявить заложенную в нем информацию о системе ценностей национальных культур, переосмыслить сложившиеся представления. Тем самым оно создает условия для взаимопроникновения между разными этнокультурными и языковыми общностями. Характерными

чертами творчества на неродном языке являются гибридные формы, смешение языков и культур, ценностных систем и исторического наследия. Для многих писателей-мультикультуралистов это, с одной стороны, возможность обрести новую идентичность, а с другой – сохранить исходную. В условиях противоречия между личностью человека, его способностью выражать свои мысли на том или ином языке и спецификой его пространственного местоположения возникает кризис идентичности. Писатели-иммигранты сочетают в себе корни нескольких народов, которые реализуются в художественном диалоге культур. Мигранты образуют новые идентичности в общественной и личной жизни, реформируя свою идеологию в процессе освоения чужеземного пространства [4]. Ключевыми понятиями для современного иммигрантского дискурса становятся понятия гибридности, промежуточного пространства, культурной многослойности, транснациональной идентичности.

Селим Оздоган – немецкий писатель турецкого происхождения – один из представителей этого направления. Он относится к тому поколению писателей со смешанными этнокультурными корнями, которые переехали в Германию в раннем детстве, но выросли в двуязычном окружении. Для таких писателей характерна так называемая двойная идентичность.

Согласно классификации А. В. Белобратова, можно условно выделить два полюса иммигрантской немецкоязычной литературы. Первый – это экспериментальные тексты, в которых делается попытка выработать некий новый художественный язык. Автор творчески трансформирует неродной для него язык, заполняя существующие в языке проблемы, расширяя поле выражения за счет языковых сдвигов. Второй полюс – это формульные повествования, индифферентные к языку письма и эксплуатирующие «экзотическое». В этом типе текстов авторы с помощью транснациональных формул массовой культуры пытаются выразить себя «поверх языка» [2]. Анализируемые произведения С. Оздогана относятся к этому типу текстов. Борьба за равноправие, трудные рабочие будни гастарбайтеров – эти темы не относятся к сфере его интересов. Его творчество, скорее, связано с культурными ценностями гибридного, так называемого третьего пространства. «Врастая» в пространство страны, в которой как бы «временно» живут герои дилогии С. Оздогана «Дочь кузнеца» и «Хаймштрассе 52», они становятся своего рода посредниками, людьми двойного культурного опыта.

Роман состоит из небольших сюжетов, повествующих о жизни главных героев на родине, в Турции и в Германии, и отсылающих читателя к их системе ценностей. В основе этой системы находится всеобщий, национальный и индивидуальный опыт персонажей, что составляет основу для исследования идей культурной глобализации и формирования новой социокультурной идентичности. На рубеже XX–XXI вв. проблема изучения ценностей особенно актуальна, поскольку под влиянием мировых процессов происходит смена сложившейся системы ценностей и поиск новых культурных оснований и ориентаций существования человека. Ценности выступают основополагающим принципом культуры и важнейшим фактором консолидации людей, интеграции их в сообщества.

Не менее важным принципом интеграции является язык. Это один из главных компонентов национальной идентичности, определяющий ее уникальность, формирующий и поддерживающий чувство национальной солидарности [1, с. 29]. Родной язык – чужой язык, первый или второй – эти оппозиции – крайне важная тема в творчестве писателей-мультикультуралистов. С. Оздоган в своих романах демонстрирует разные точки зрения на эту тему.

Так, кузнеца Тимура, прожившего всю свою нелегкую жизнь в родной Анатолии, беспокоит судьба дочери, которая уезжает жить в Германию среди людей, которые говорят на другом языке:

(1) Euer Leben wird also in der Fremde vergehen, verloren unter Menschen, die eine andere Sprache sprechen.

Подруга Гюль Сюзан объясняет свое нежелание учить немецкий язык характером немцев, их замкнутостью и дистанцированностью:

(2) Die Deutschen sind so kalt und sie reden so wenig, dass es sich kaum lohnt, die Sprache zu lernen.

Во время поездки в автобусе Гюль слышит разговор двух немок, осуждающих иностранцев, которые громко разговаривают на своем родном языке. При этом, в отличие от Гюль, они не различают на слух звучащие языки:

(3) Die beiden Frauen vor ihr haben offensichtlich noch weniger Talent für Sprachen, für die klingt alles gleich, was nicht Deutsche ist, Gül kann Spanier, Italiener, Griechen und Jugoslawen erkennen, wenn sie sie hört.

Четвертый фрагмент демонстрирует наличие лингвострановедческих лакун: описывается отсутствие в лексической системе турецкого языка слов для обозначения понятий немецкой реальности.

(4) Arbeitsamt, es ist eines der Wörter, deren türkische Entsprechung Gül erst viel später lernen wird. Sie weiß, was es ist und aus welchen Gründen man dorthin geht, aber genauso wie bei Krankenkasse oder Krankmeldung, Urlaubsgeld, Weihnachten oder Ostern kennt sie kein türkisches Wort dafür.

Тем самым автор подчеркивает роль национального языка в транскультурном обществе, его связь с мышлением, культурой и духовной жизнью человека, его свойство отражать и сохранять культурные ценности и формировать личность человека, и что самое главное – учить толерантности.

Образ новой родины формируется у главных героев на основе сравнения с представлениями о родной стране. Вся Германия видится Гюль как столица ее родной страны, только несколько больше и современнее:

(5) Ich dachte, es sei wie Istanbul, nur etwas moderner.

А ее подруга судит о Германии по фильмам, которые она смотрела в Турции, но испытывает разочарование от представшей перед ней реальностью:

(6) Und ich habe mir vorgestellt, es sei wie in den Filmen, wo sie nach Hause kommen und sich mit den Schuhen aufs Bett schmeißen in ihren aufgeräumten großen Wohnungen… Und dann kommst du in ein Wohnheim, wo die Betten noch schlimmer sind als zu Hause, und man hat gar keine Lust mehr, die Schuhe anzulassen.

Восприятие другой культуры через призму положительных или отрицательных эмоций, возникших на фоне контраста между своим и чужим, ведет к созданию соответствующего впечатления о ней. Для Гюль и ее мужа Фуата это разные впечатления, поскольку у каждого их них свои ценностные ориентиры. Для Фуата это прежде всего материальные ценности. Германию он рассматривает как источник хорошего заработка, как страну, дающую ему возможность наслаждаться последними достижениями технического прогресса. Новый социальный статус определяет его мышление и отношение к жизни. При этом он в любом деле использует свою восточную хитрость и подчеркивает это в разговорах с соотечественниками:

(7) Man muss gewieft sein, wenn man zu etwas kommen möchte. Brave Leute bringen es nicht weit, nirgendwo, man muss die Augen offen halten, ob einem nicht irgendwo ein Vorteil lacht und welche Menschen einem helfen können, den Weg zu ebnen.

Единственное, что ему не нравится, это, пожалуй, отсутствие привычной еды. Эмоциональное восклицание по этому поводу выражает его отрицательное оценочное отношение:

(8) Nicht mal was Vernünftiges zu essen bekommt man in diesem Land.

В гастрономических описаниях также обнаруживается определенный настрой в восприятии немцев турками – они ограничены во вкусовых ощущениях, следовательно, их мировоззрение ограничено:

(9) Hier, wo sie mit einem Pappkoffer hingekommen ist, weil es alles gibt, kann man viele Dinge nicht kaufen. Es gibt in ihrem Ort keinen einzigen Metzger, der Lammfleisch verkauft, geschweige denn Knoblauchwurst …

(10) Kein vernünftiger Weißkäse, keine guten Oliven, keine Rosenmarmelade, nichts kannst du kaufen.

(11) Die Deutschen scheinen nur 2 Gewürze zu kennen, Pfeffer und Salz, und nie gibt es Brot zum Essen.

Красной нитью в романе проходит мысль о том, что технические блага не только упрощают жизнь, но и осложняют ее, разобщая людей. Автор же словами своих героев подчеркивает, что человек не может жить в одиночестве, что ему всегда нужны те, кто поддержит в трудную минуту. Это его родные и соотечественники, а также те, кто вынужден находиться в тех же жизненных условиях, что и говорящий:

(12) Wenn du nicht deine Leute hast, die dir den Rücken stärken, dann ist das Leben noch härter.

(13) Das ist das Gefühl, das einen leben lässt, sich nicht allein zu fühlen. Wissen, dass es noch andere gibt, die gezwungen sind, die Welt vom selben Punkt aus zu betrachten.

(14) Sie hat das Gefühl, dass da nur noch ihr Vater ist, der die Schläge dieses Lebens dämpfen und ihr Halt geben kann. Wenn auch er eines Tages tot ist, wird sie diesem Leben noch schutzloser ausgeliefert sein, dann wird es keinen Rückhalt mehr geben.

Чувство единения, сплоченности, как подчеркивает автор, больше характерно для восточной культуры, чем для западной. Люди живут на близком расстоянии, но не становятся от этого ближе друг к другу – такой вывод делает главная героиня:

(15) Die Deutschen halten nicht zusammen. Und deswegen haben sie Angst vor euch, weil ihr zusammenhaltet, weil ihr stark seid.

(16) Das war ein komisches Land, alle 2 Schritte gab es eine Stadt, eine Kreisstadt oder ein Dorf, die Menschen schienen nicht viel Raum zu brauchen, aber dass sie enger beieinander lebten, führte nicht dazu, dass sie sich näherstanden.

К концу романа Германия становится для Гюль второй родиной, хотя чувства ее довольно смешанные по отношению к ней. Она сравнивает ее сначала с такими отрицательными понятиями, как «наркотик» или «проклятие», «вынужденное обещание», но затем все-таки приходит к таким положительным ассоциациям, как «спокойствие, порядок»:

(17) Als sei dieses Land ein Magnet, ein Magnet, der auch dann noch Kraft besitzt, wenn der Ruf des Geldes längst verklungen ist und die Unmutsäußerungen der Deutschen kaum mehr zu überhören sind. Als sei das Land eine Droge, von der man nicht mehr loskommt. Oder ein Fluch, der auf einem lastet. Oder ein Versprechen, das man nicht vergessen mag. Oder eine Bequemlichkeit, die man nicht mehr missen möchte. Vielleicht auch eine Heimat, deren Ruhe und Ordnung man schätzt, obwohl man sich gleichzeitig nach Überschwang und warmem Chaos sehnt.

Жизненные принципы главной героини романов С. Оздогана, сформировавшиеся на основе ее жизненного опыта и знаний, такие как взаимопомощь, честность, скромность, человечность, можно рассматривать как общечеловеческие ценности, лежащие в основе системы этических норм транскультурного общества. С. Оздоган особенно подчеркивает то, что объединяет людей, а не то, что их отличает и способствует еще большему разобщению и обособлению. Нахождение в некоем пространстве между своим и чужим приводит к образованию новой идентичности, сохраняющей ценностные ориентации обеих культур:

(18) Es ist nicht richtig, sein Brot mit der Not anderer Menschen zu verdienen. Wir sind hier in der Fremde, wir müssen zusammenhalten.

(19) Wir müssen ehrlich sein. Aufrichtigkeit beschert uns Frieden. Eines Tages werden wir alt sein, und dann soll nicht unser Gewissen uns quälen. Wir wollen in Ruhe gehen, wenn der Engel des Todes uns holt. Er soll uns mit einem Lächeln vorfinden. Und das wird er nur, wenn wir uns bemühen, lautere Menschen zu sein. Es führt kein Weg an der Aufrichtigkeit vorbei. Das gebietet uns unsere Religion, ach, *die Menschlichkeit* gebietet uns das. Es ist nicht immer leicht, aber wir müssen ehrlich sein.

(20) Ein Mensch muss sich hervortun durch die Dinge, die er tut, nicht durch die Dinge, die er sagt.

(21) Wir sind alles Türken, wir sprechen dieselbe Sprache. Aber noch wichtiger, *wir sind alles Menschen*. Es gibt gar keinen Grund, so harsch zueinander zu sein.

Таким образом, иммигрантская литература создает условия для сохранения социокультурной идентичности, взаимопонимания между разными этнокультурными и языковыми общностями, поскольку способствует освоению образцов и ценностей мировой культуры, культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов, формированию установок для положительного межкультурного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтикиреева У. М., Исаев М. И.* Художественный текст писателя-билингва в билингвальном образовании (к вопросу о формировании би- и полилингвальной личности) // Вопросы филологии. – 2005. – № 1. – С. 29–32.
2. *Белобратов А. В.* Немецкоязычная литература мигрантов: к проблематике гибридной идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=q-QZPC3_HYs
3. *Ситова М. С.* Миграционная проза Германии как актуальное средство кросскультурной сенсибилизации // Культура и цивилизация. – №1. – М. : Аналитика Родис, 2012. – С. 18–28.
4. *Толкачев С. П.* Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature
5. *Швенке Х.* Мультикультурный, интеркультурный, транскультурный – культурный? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/studio/2010/14/sh22.html

6. Fremde AugenBlicke: Mehrkulturelle Literatur in Deutschland. Irmgard Ackermann (Hg.). – Bonn : Inter Nationes, 1996. – 179 S.
7. *Hofmann M.* Interkulturelle Literaturwissenschaft. Eine Einführung. – Paderborn, Wilhelm Fink Verlag, 2006. – 246 S.
8. *Hübner K.* Migrant sagt kaum noch jemand – Deutsche Literatur von Autoren ohne Deutsch als Muttersprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.goethe.de/kue/lit/aug/de10134309.htm
9. *Özdogan S.* Die Tochter des Schmiedes. – Berlin : Aufbau Verlag, 2005. – 239 S.
10. *Özdogan S.* Heimstraße 52. – Berlin : Aufbau Taschenbuch, 2011. – 302 S.
11. Polyphonie – Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität. Michaela Bürger-Koftis, Hannes Schweiger, Sandra Vlasta (Hg.). – Wien : Praesens Verlag, 2010. – 481 S.

УДК 811.11

Д. Бутэ

Ph.D., Лаборатория формальных структур языка, НЦНИ / Университет Париж 8, Университет Эври Вал д'Эссонн; e-mail: dominique_jean.boutet@orange.fr

ФОРМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖЕСТОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ОТРИЦАНИЕ

В исследовании показано, что жесты, сопровождающие отрицательные конструкции и получающие формальное описание в эгоцентрической системе координат, также могут изучаться с точки зрения их многоплановых анатомических характеристик. Анатомическая система координат позволяет выделить два типа жестов со значением отрицания. Данные типы анализируются в статье с опорой на кинесиологические свойства.

Ключевые слова: жестовое отрицание; система координат; физиология артикуляции.

Boutet D.

Ph.D., Formal Structures of Language Laboratory, CNRS / University of Paris 8; University of Évry Val d'Essonne; e-mail: dominique_jean.boutet@orange.fr

FORMAL ANALYSIS OF GESTURAL NEGATION

The gestural negation formally defined by an egocentric frame of reference can be also studied through an intrinsic and multiple frame of reference. The reference enables the categorisation of the negation in two gestural types. Their emergence are based on kinesiological properties, presented here.

Key words : gestural negation; frame of reference; physiology of articulation.

Boutet D.

Ph.D., Laboratoire Structures Formelles du Langage / CNRS et Paris 8; Université Evry-Val-d'Essonne; e-mail: dominique_jean.boutet@orange.fr

CONDITIONS FORMELLES D'UNE ANALYSE DE LA NEGATION GESTUELLE[1]

La négation gestuelle définie formellement selon un repère égocentré peut également être étudiée selon un cadre de référence intrinsèque multiple. Ce repère permet de catégoriser les négations en deux types gestuels dont l'émergence dépend des caractéristiques physiologiques détaillées ici.

Mots-clés: négation gestuelle; cadre de référence; physiologie articulaire.

[1] This research has been supported by Russian Science Foundation grant #14-48-00067.

Introduction

La négation gestuelle manuelle est largement décrite dans la littérature [8; 9; 14; 13; 7]. Fondamentalement fonctionnelles et très précises de ce point de vue, ces études décrivent dans un deuxième temps la forme des gestes. La démarche consiste donc à passer du sens des gestes vers la description de leurs formes. Pourtant ces analyses butent toutes sur l'exploration des traits invariants de la négation; alors même qu'ils unifieraient les gestessous une bannière sémantique formalisable par-delà leurs très (trop ?) nombreuses variantes.

Pour atteindre cet objectif de mise à jour des traits invariants de la négation, nous proposons ici d'inverser la démarche :à partird'une description formelle très précise des gestes, extraire les traits invariants de la négation et commencer à en tracer les variations.

Nous allons exposer les conditions de cette description formelle en termes de cadre de référence, puis de cinématique des gestes. Il nous semble indispensable de décrire les gestes en priorité selon un cadre de référence intrinsèque – base d'un codage formel précis – et les traduire, le cas échéant, dans uncadre de référence égocentré (partie1). En outre, une connaissance cinématique de la gestualité est nécessaire pour coder les mouvements au plus près des phénomènes en jeux (partie 2). Enfin, nous présenterons les traits invariants polaires de la négation gestuelle (partie 3).

1. Différences entre points de vue égocentré et intrinsèque

Le cadre de référence égocentré constitue actuellement le seul cadre dans lequel le codage des gestes est effectué [1; 6; 9; 15; 17]. Ainsi le codage des gestes vu par rapport au corps les confine d'emblée dans un repère cartésien en 3 dimensions et ce quelles que soient les dénominations données (haut, bas ou axe y'y, avant, arrière ou axe z'z, gauche droite ou intérieure extérieure ou encore axe x'x). En faisant cela on réduit le nombre d'axes de description des gestes, à trois seulement. On confère aux trois plans du corps (sagittal, frontal et transversal) la capacité d'appréhender les gestes dans leurs mouvements et dans leurs orientations. Le cadre de référence égocentré constitue un filtre à travers lequel les gestes sont appréhendés et étudiés. Nous allons présenter les critiques essentielles qu'on peut formuler à l'encontre d'une notation égocentrée des gestes. Dans un premier temps, nous allons voir à quel point un cadre de référence égocentré opère un réductionnisme de l'objet gestuel qu'elle prétend décrire. Nous verrons ensuite que la description dite égocentrée a

de fait recours à d'autres cadre de référence. Enfin, nous verrons que si le cadre de référence intrinsèque est transposable dans un cadre de référence égocentré, l'inverse est faux. Ces faits confèrent au cadre de référence intrinsèque un bon recouvrement de la description de la gestualité, une généricité et une transférabilité vers un cadre de référence égocentré.

Irréductibilité des gestes à trois plans

Les gestes sont faits sur des segments ayant une indépendance relative : sur les doigts, sur la main, sur l'avant-bras, sur le bras, sur l'épaule pour ne prendre que les gestes manuels. Ces segments relativement indépendants les uns des autres constituent le support multiple du geste qui bouge donc autour de plusieurs degrés de liberté (désormais ddl, mouvement possible autour d'un axe indépendamment des autres segments et ddl). En fait comme nous le verrons dans la partie 2, en comptant des doigts à l'épaule, on a à faire à plus de 17 ddl. La réduction de l'ensemble des mouvements sur trois axes semble donc totalement illégitime. Au demeurant, les segments étant fixés les uns aux autres, il faut rendre compte de deux éléments : 1/la position relative de chaque segment par rapport au segment qui lui est le plus proche, par exemple la position de flexion ou d'extension de la main (mouvement avant et arrière de la paume) qui se mesure par rapport à la position de l'avant-bras et 2/la position absolue dans chacun des ddl ainsi définis, e.g. l'amplitude exacte de la flexion de la main, Flexion 30 % ou Flexion 85° (position neutre : paume dans l'axe de l'avant-bras).

Fig. 1. Pronation, paume en bas

Fig. 2. Pro., Paume vers l'avant

Fig. 3. Pro., Paume vers la

Dans les figures de 1 à 3, la main est dans une position de pronation (rotation palmaire vers le pouce, opposée à la supination, rot. palmaire vers l'auriculaire). L'avant bras et le bras sont dans une position différente pour les trois gestes. La main n'a pas changé de position relative par rapport à l'avant-bras, elle est en position de pronation dans les trois cas. Elle n'a pas non plus changé de position absolue au sein du ddl de la pronation, elle est en position de pronation 90°. En termes de cadre de référence intrinsèque, la main garde la même position. Selon

un cadre de référence égocentré, la main a cette fois des orientations différentes (paume en bas, vers l'avant et vers la gauche). Le sens possiblement associé à ces gestes va du « refus » pour la figure 1, à un geste de « protection » pour la figure 3, en passant par un geste de « renoncement » pour la figure 2. Si l'orientation égocentrée de la paume distingue ces trois gestes, elle n'apporte pas d'information sémantique. En revanche la position intrinsèque de la main permet de dégager un trait sémantique commun à ces trois gestes, celui d'une négativité lié à une position de pronation marquée (voir partie 2).

2. Tout au long d'un geste, les positions de chaque segment sont descriptibles et sont potentiellement porteuses de traits sémantiques

Hétérogénéité du cadre de référence égocentré

Localiser un segment comme la main dans l'espace dans un cadre de référence égocentré consiste à placer 1 / la main dans l'espace, 2 / à orienter la paume dans l'espace, 3 / à orienter la paume en fonction des doigts dans l'espace. Si on ne fait que la première opération alors on sait où se situe la main (par exemple au devant de l'épaule et à sa hauteur), mais elle peut être dans de multiples orientations (paume regardant devant, derrière, à gauche…). Il faut donc fixer l'orientation de la paume : elle est dirigée vers l'avant par exemple (voir fig. 2). Pour autant avec ces descriptions, les doigts peuvent être dirigées vers le haut, vers la gauche, voire, et plus difficilement, vers la droite et vers le bas. On voit que cette dernière étape d'orientation interne de la paume par rapport à la direction des doigts est nécessaire pour localiser avec précision la main. Détaillons la référence requise pour chacune de ces étapes. La main est repérée dans l'espace par rapport à un cadre de référence égocentré : le cadre de référence est relatif au corps du locuteur. La deuxième étape fait appel de manière implicite à un cadre de référence intrinsèque. En effet le plan de la paume est orienté en lui-même. La paume a un devant et un dos. Les informations sont données par rapport au plat de la paume. On a donc recours à un cadre de référence intrinsèque à la main pour fixer la face de référence. Une des deux dimensions de la paume est orientée par une référence interne : face ventrale. Une fois déterminée une partie de son orientation interne, la paume est située par rapport à un cadre de référence égocentré et donc relatif au corps (paume vers l'avant, l'arrière etc.). On voit bien ici que le

cadre de référence est hétérogène : intrinsèque et égocentré. La troisième étape consiste au fond à achever d'encadrer l'orientation du plan de la paume. Pour orienter l'autre dimension formant le plan de la paume, on a recours à la direction que prendraient des doigts depuis leur base jusqu'à leur pointe lorsqu'ils sont étendus, soit un autre cadre de référence interne. Par deux fois on a recours à un cadre de référence intrinsèque au milieu de cette description égocentrée. Il n'est donc pas exact de dire qu'on situe les gestes dans un cadre de référence égocentré.

Transfert informationnel du cadre intrinsèque vers l'égocentré et son irréversibilité

La transférabilité des cadres de références suppose qu'une information codée dans un cadre puisse être exprimable sans ambigüité dans un autre cadre de référence. Ainsi à partir d'une position de la main en pronation 90° dans un cadre de référence intrinsèque, on peut transférer l'information dans un cadre de référence égocentré : position de la paume vers l'avant par exemple (voir figure 4 cas a), dès lors que dans leur cadre de référence intrinsèque respectif on connaît la position relative de l'avant-bras (ici Flexion 160° [dans le plan formé par le bras et l'avant-bras] et rotation intérieure 60° [rotation du bras sur lui-même]), et du bras (ici abduction 30° [écartement du bras vers le côté]). L'inverse, c'est-à-dire le fait qu'une information codée dans un cadre de référence égocentré puisse être transférée dans un cadre de référence intrinsèque n'est pas possible. Par exemple, une paume orientée vers l'avant dans un cadre égocentré (fig. 4 cas a / et b/) peut être soit en position d'extension 90° de la main (cas b), soit simplement avec une flexion maximale de l'avant-bras (cas a). Il y a donc irréversibilité du transfert de l'information du cadre de référence égocentré vers le cadre de référence intrinsèque.

Fig. 4.
la paume vers l'avant peut recouvrir : à gauche, une pronation 90° de la main et, pour l'avant-bras une flexion 160° et une rotation intérieure de 60° ou bien, à droite, une pronation 90° et une extension 80° de la main avec une flexion de 90° de l'avant-bras en neutralisant la position du bras, identique pour les deux gestes.

On peut donc reconstruire un geste dans un cadre de référence égocentré à partir d'un cadre de référence intrinsèque. L'inverse est impossible sans qu'il y ait des ambigüités ou des imprécisions.

Trois raisons majeures président ainsi à la prévalence d'un cadre de référence de type intrinsèque sur un cadre de référence égocentré. La première relève du réductionnisme drastique qu'un cadre de référence égocentré -en général à 3 plans- opère sur les phénomènes gestuels qui relèvent d'au moins 17 degrés de liberté. La deuxième raison a trait à l'hétérogénéité d'une description égocentré qui mélange de fait deux cadres de référence. La troisième raison tient au fait qu'on peut transformer des données codées selon un cadre de référence intrinsèque vers un cadre de référence égocentré, alors que l'inverse n'est pas possible.

3. Quelques éléments cinématiques de la gestualité

Poursuivons cette voie d'une description selon un cadre de référence intrinsèque, multiple (un par segment) des gestes en exposant quelques éléments biomécaniques.

Après avoir défini la superstructure de la physiologie articulaire de la main, nous aborderons les principes généraux du transfert de mouvement entre les segments mais aussi entre les degrés de liberté. Puis, nous préciserons les rapports géométriques et cinématiques entre les axes autour desquels tournent les mouvements. Les contraintes articulaires pèsent fortement sur le déroulé des formes gestuelles. Si l'impulsion des mouvements est bien musculaire, la direction des mouvements dépend de ce que permet le squelette. Leurs formes répondent à un déterminisme que nous n'allons qu'esquisser ici.

Description de ces gestes en position et mouvements des degrés de liberté

Chaque degré de liberté (ddl) possède une amplitude propre ainsi que des butées articulaires. L'orientation de son axe et l'amplitude de mouvement qu'il ouvre dépendent de la conformation de l'articulation. Chaque ddl se déploie selon deux pôles. Pour la main, la pronosupination (palm down 90°, palm up 90°) possède deux polarités (colonne centrale de la figure 5, le photogramme central montre une position 0° pour les trois degrés de liberté). Le mouvement est visible sur la main par une rotation de celle-ci. La flexion (90°)/extension (90°) de la main (photos à l'extrême droite et à l'extrême gauche, figure 5) a un axe de rotation qui traverse le poignet dans sa plus grande largeur. L'abduction/adduction (les deux photos du haut, de

part et d'autre) définie par un mouvement dans le plan de la paume soit vers le pouce (abduction 30-35°) soit vers l'auriculaire (adduction 45°) voit son axe de rotation traverser le poignet de sa face charnue vers sa face pileuse. Les amplitudes sont différentes d'un ddl à l'autre. L'abduction / adduction atteint très vite la butée articulaire. Les mouvements de la main sont donc définis autour de trois ddl [2; 3].

Le déplacement et les transferts de mouvement

La main subit des déplacements. On doit distinguer clairement le déplacement d'un segment, du transfert de mouvement subi. Nous appelons **déplacement** d'un segment, une (série de) translation due à un segment plus proximal sans qu'il y ait modification de position des ddl du segment déplacé. Entre les figures 1 et 2, la main est déplacée par un mouvement de flexion de l'avant-bras sans modification positionnelle de ses ddl : elle reste en pronation maximale avec une légère extension. Nous appelons **transfert de mouvement** toutes les rotations autour d'au moins un axe d'un des ddl du segment considéré dues au mouvement d'au moins un autre ddl. Ce transfert peut provenir d'un autre segment proximal ou distal ou bien du même segment.

Cette distinction est importante pour le sens.Ainsi, un geste de « barrière » réalisé à deux mains consiste en un **déplacement** latéral des mains sans que leur mouvement ne modifie en quoi que ce soit le sens général. La signification « barrière » prend forme dans l'orientation des mains (paume vers l'avant, doigts vers le haut) et à travers le mouvement des bras et des avant-bras. Tandis qu'un geste de refus de la main (fig. 6) correspond à un **transfert de mouvement** porteur de sens : le mouvement de la main – la forme même de son déroulé — participe pleinement au sens.

Fig.6 Décomposition d'un geste de «refus»

Plusieurs règles prévalent dans le transfert de mouvement, il convient d'en donner le détail afin de mieux 'lire' le sens des gestes (règles d'inertie, de cinématique du mouvement et de rapports géométriques entre degrés de liberté). Toutes ces règles proviennent de paramètres biomécaniques. Elles transfèrent le mouvement dans des directions différentes.

Règle d'inertie

Plus le segment est proche du buste plus l'inertie est grande (en fonction de la masse). Une tendance inertielle oriente donc le mouvement du bras vers les doigts. Nous verrons l'impact de cette règle de prévalence proximale sur la répartition des formes de négation. Cette tendance peut être contrebalancée par les mouvements volontaires de segments à faible inertie.

Cinématique du mouvement

Illustrons cette règle par un exemple. Pour la main en position de pronation (palm down), l'index replié au départ, un mouvement d'extension de l'index mène à un pointage. Son mouvement peut entraîner une légère extension de la main, voire une légère flexion de l'avant-bras, segments pourtant de plus grande inertie. Le mouvement remonte le long du membre supérieur selon un flux distal-proximal cette fois.

En généralisant, plus le mouvement est ample, plus il se rapproche de la butée articulaire du degré de liberté, plus il a de chances d'être transféré sur le segment adjacent selon le(s) degré(s) de liberté disponibles dans l'alignement. A partir de la figure 1, imaginons une extension plus marquée de la main (vers le haut) allant jusqu'à sa butée (90°). Ce mouvement sera transféré sur l'avant-bras par une flexion. Pour la main seuls deuxddl sont transférables : la flexion/extension et l'abduction/adduction. Ce dernier ddl impose un transfert vers l'avant-bras plus fréquent étant donné son amplitude réduite (30° et 45° comparéaux 90° de la flexion/extension). La pronosupination ne donne lieu à aucun transfert de mouvement vers l'avant-bras.

Pour résumer, le sens de propagation du mouvement le long du membre supérieur (proximal-distal ou distal-proximal) dépend à la fois du segment mis en action (pour la main la règle cinématique, pour le bras la règle inertielle) et du degré de liberté (pas de transfert de la pronosupination par exemple). Généralement orientée du bras vers les doigts, la propagation inertielle du mouvement s'inverse à mesure que le mouvement d'un segment distal se rapproche de sa butée articulaire, à l'exception de la pronosupination.

Rapports géométriques entre les degrés de liberté

La troisième règle a trait aux rapports géométriques entre les axes de rotation. Ils régissent la forme des gestes créée par les mouvements. Ces

rapports interviennent parfois de manière involontaire dans les transferts de mouvement.

Le premier rapport particulier – le paradoxe de Codman [11; 18; 19] – lie le mouvement d'abduction / adduction du bras (à partir d'une position les bras ballants, le pouce pointant vers l'avant, l'abduction élève le membre supérieur par le côté jusqu'à l'aplomb de l'épaule) avec une rotation intérieure de l'avant-bras et une pronation sur la main simultanées et involontaires. Pour s'en persuader, il suffit, à partir de cette position en hauteur, de redescendre le bras vers la position de départ en passant cette fois par l'avant (extension du bras). Le pouce pointe alors vers l'arrière, la paume regardant l'extérieur. Le membre supérieur a subi un mouvement de rotation intérieure et de pronation involontaires. Ces mouvements induits, involontaires, affectent les deux autres pôles opposés – rotation extérieure et supination – dès lors que le mouvement du bras est une adduction et non plus une abduction (éloignement du tronc).

La conséquence de ce paradoxe – un mouvement **conjoint**, involontaire – affecte également la pronosupination lorsqu'on a de manière simultanée un mouvement volontaire de rotation intérieure / extérieure et de flexion / extension de l'avant-bras. Ces phénomènes apparaissent dès qu'une articulation présente deux degrés de liberté et qu'un mouvement les affecte tous les deux (mouvement dit diadochal, [16]). On a alors un mouvement **conjoint** involontaire du troisième degré de liberté.

La main ayant trois degrés de liberté, tout mouvement de flexion / extension et d'abduction / adduction a une répercussion involontaire sur la pronosupination, comme toute autre combinaison de ces degrés de liberté (voir légende, figure 5). Sans entrer dans les détails, gardons à l'esprit le fait que les gestes composés de mouvements de la main et de l'avant-bras ont potentiellement un tiers de leurs mouvements qui sont involontaires et néanmoins porteurs de sens.

Les ddl montrent des singularités qui justifient l'utilisation d'un cadre de référence intrinsèque / segmental et multiple. Les flux de propagation de mouvements proximal-distal ou distal-proximal s'entrecroisent sans se confondre et affectent les segments de manière asymétrique[4]. L'influence des éléments articulaires sur la forme des gestes est bien celle d'une infrastructure: l'impulsion est musculaire, mais sa traduction en mouvement répond d'abord à ce que permettent

les articulations. C'est bien la physiologie articulaire qui donne leurs formes aux gestes et au sens associé. Comment la physiologie articulaire structure les gestes de négation.

4. Traits polaires invariants de la négation gestuelle

Invariants de la négation, cinématique et origine segmentale

L'inventaire des formes gestuelles manuelles de la négation fait par Kendon [14] et Calbris [8] distingue deux familles : Les Open Hand Prone (paume vers le bas ou vers l'avant, doigts vers l'avant ou vers le haut) et les Open Hand Supinewithlateralmovement (paume vers le bas ou vers l'avant, doigts vers l'avant ou le bas).Une méthode pour déterminer l'origine de cette structuration consiste à suivre les variantes possibles de chacune de ses familles le long du membre supérieur. En suivant le flux de propagation du mouvement et des transferts et à condition que la signification soit bien la même, on peut déterminer quel segment porte la source du sens.

La position Open Hand Supinewithlateralmovement (PL) exprime globalement l'incapacité, la non existence, voire une négation épistémique [14, p. 275–281], ce mouvement latéral correspond à une rotation extérieure doublée parfois d'une extension des avant-bras. Les quatre interprétations possibles qu'il relève pour ce type de gestes donnent le motif général de ces gestes : *la non intervention* [14, p. 275].

Pour le geste de l'incapacité, le bras est rejeté vers l'arrière par un mouvement d'extension et, en même temps, il se rapproche du buste par une adduction ; sur l'avant-bras, on a une rotation extérieure, par transfert (paradoxe de Codman) et une extension (transfert inertiel), tandis que le geste se poursuit par son transfert sur la main selon un mouvement de supination (paradoxe de Codman) et d'extension (inertiel). Le sens général de ce geste est alors l'impuissance ou l'incapacité, tout comme l'Open Hand Supine avec un mouvement latéral. Ce geste peut être accompagné d'un haussement d'épaules (*shrug*). Le seul *shrug* donne le même type de sens [10, p. 80; 20]. En résumé, pour cette expression de l'incapacité / négation épistémique les pôles couverts sont pour le bras l'abduction et l'extension, pour l'avant-bras la rotation extérieure et l'extension, pour la main la supination et l'extension et à l'opposé le shrug sur l'épaule (encarts en gris clair dans le schéma 1).

L'autre famille – l'Open Hand Prone – dont le sens général est le refus, le rejet, la négation, peut être accompagnée d'un mouvement d'adduction

de la main (mouvement dans le plan de la main vers l'auriculaire) comme le souligne [9, p. 225 et suivantes] ou [12, p. 479–496]. Tous ces exemples présentent une position ou un mouvement de pronation et d'adduction de la main. A l'aide de la même méthode de suivi formel et sémantique, on remonte les transferts le long du membre supérieur (schéma 1, seul encart en dégradé de gris). Ainsi le flux de propagation du mouvement semble bien être distal-proximal pour ce type de négation. Le segment substrat se situe au niveau de la main par une position/mouvement de pronation et d'adduction (voir schéma 1, encarts en gris foncé).

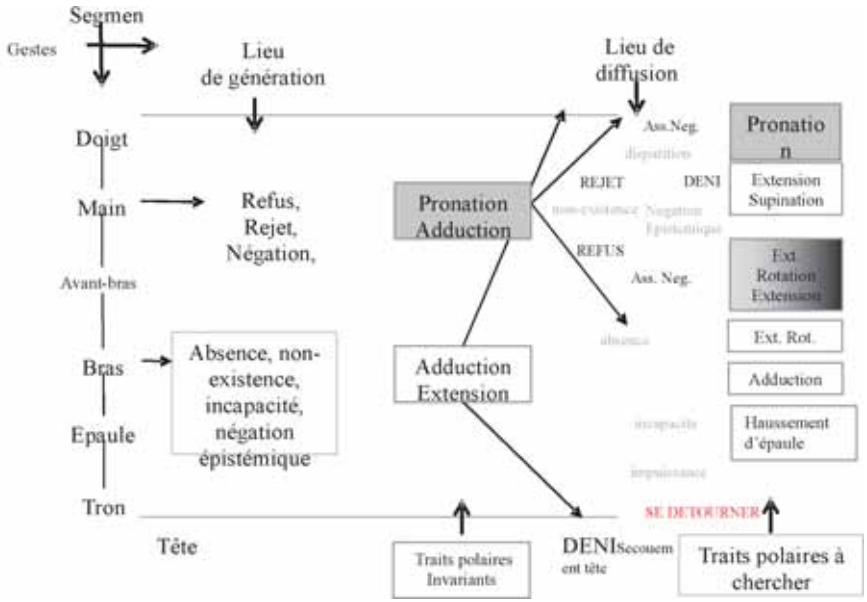


Schéma 1. Définition formelle des traits de négation

Les gestes de négation se génèrent soit au niveau de la main soit au niveau du bras. Cette génération se fait selon deux pôles à chaque fois (Pro.Add sur la main et Add. Exten sur le bras). Le premier type de geste diffuse par transfert de mouvement vers les doigts d'un côté et sur l'avant-bras de l'autre ; il ne remonte guère au-delà (encarts gris foncé). Les gestes relevant de la négation épistémique diffusent vers l'épaule d'un côté (shrug) et vers la main de l'autre (encarts gris clairs). L'ensemble de ces diffusions sur des segments supports se fait selon des invariants polaires particuliers qui deviennent des pôles de négation.

Pour résumer, on distingue formellement deux unités gestuelles pour la négation. L'une émane de la main et diffuse son enveloppe et son sensvers l'avant-bras. Le transfert du mouvement n'atteint pas le bras. L'autre type de négation lié à un positionnement épistémique a un flux proximal-distal qui émane du bras. Le transfert de mouvement affecte l'avant-bras, la main puis les doigts, mais peut également, depuis le bras, remonter sur l'épaule (*shrug*).

Conclusion

Des traits polaires invariants de la négation gestuelle ont été mis au jour par une méthode de description partant d'un cadre de référence intrinsèque et codant chaque geste, à un niveau cinématique, selon les degrés de liberté en mouvement. La productivité de cette approche modifie notre conception de la gestuelle. On peut désormais envisager le support de la gestuelle comme un ensemble articulé de segments répondant à des caractéristiques physiologiques, d'une part, à un ensemble de variables inertielles associés qui confèrent un ordre intrinsèque à la mise en mouvement des segments, d'autre part.

Cette différenciation entre les segments et entre les degrés de liberté révèle des flux de propagation du mouvement distincts et une réalité double pour chaque segment : celle d'un segment **support** du geste qui propage le mouvement et éventuellement la part de signification qui lui est associée ; et celle d'un segment **substrat** du sens sur lequel se génère une forme porteuse de sens qui diffuse sur tout ou partie du membre supérieur [5].

BIBLIOGRAPHIE

1. *Allwood J., Cerrato L., Dybkjaer L., Jokinen K., Navarretta C., Paggio P.* The MUMIN multimodal codingscheme // Proc. Of the Workshop on Multimodal Corporaand Annotation. – 2004. – 28 p.
2. *Boutet D.* Approche morpho-dynamique du sens dans la gestuelle conversationnelle. Université de Paris VIII. – 2001. – 521 p.
3. *Boutet D.* Gesturing as Substratum and Support: a Case of Continuity In Interacting Bodies. – Lyon, 2007. – URL: http://hal.archives-ouvertes.fr/index.php?halsid=rrlb1bfqut9aihl7fvqvjorig0&view_this_doc=halshs-00186622&version=1
4. *Boutet D.* Une morphologie de la gestualité : structuration articulaire // Cahiers de linguistique analogique. – # 5, Abell, décembre 2008. – P. 80–115.

5. *Boutet D.* Structuration physiologique de la gestuelle : modèle et tests. Édité par Jean-Marc Colletta, Agnès Millet, et Catherine Pellenq. Lidil, Multimodalité de la communication chez l'enfant. – # 42, 2010. – P. 77–96.
6. *Bressem J., S.H.* Ladewig. A linguistic perspective on the notation of form features in gesture // Body – Language – Communication / Körper – Sprache – Kommunikation. – Vol. 1. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Handbooks of Linguistics and Communication Science. – Vol. 1 / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeilland S. Teßendorf (ed). – Berlin–N. Y.: Mouton de Gruyter, 2013. – P. 1060–1079.
7. *Bressem J., Müller C.* The family of AWAY-gestures // Body-Language-Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. – Vol. 2 / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem (ed). – Berlin : Mouton de Gruyter, 2014. – P. 1592–1604.
8. *Calbris G.* The Semiotics of French Gestures. Advances in semiotics. – Bloomington : Indiana University Press, 1990. – 260 p.
9. *Calbris G.* Elements of Meaning Gestures. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company ; Philadelphia: Adam Kendon, 2011. – 378 p.
10. *Calbris G., Montredon J.* Des gestes et des mots pour le dire. Clé international. – Paris : Galisson, Robert, 1986. – 159 p.
11. *Codman E. A.* The shoulder: rupture of the supraspinatus tendon and other lesions in or about the subacromialbursa. – RE : Kreiger, 1984, [1934]. – 495 p.
12. *Harrison S.* Grammar, Gesture, and Cognition: The case of Negation in English. – Pessac : Université Michel de Montaigne, 2009. – 345 p.
13. *Harrison S.* Evidence for node and scope of negation in coverbal gesture // Gesture 10. – # 1, 2010 – P. 29–59.
14. *Kendon A.* Gesture: Visible Action as Utterance. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 400 p.
15. *Kita S., van Gijn I., van der Hulst H.* Movement Phases en Signs and Co-speech Gestures, and Their Transcription by Human Coders, 1371. Lecture Notes in Computer Science. – Berlin : Heidelberg, 1998 – P. 23–35.
16. *MacConaill M. A.* Studies in the Mechanics of Synovial Joints; Fundamental Principles and Diadochal Movements // Irish Journal of Medical Science. – 1946. – P. 190–199.
17. *McNeill D.* Hand and mind: what gestures reveal about thought. – Chicago–London : University of Chicago Press, 1992. – 423 p.
18. *Politti J C., Goroso G., Valentinuzzi M. E., Bravo O.* Codman's paradox of the arm rotations is not a paradox: mathematical validation // Medical Engineering &Physics 20. – # 4, 1998. – P. 257–260.

19. *StepanV, Otahal S.* Is Codman's paradox really a paradox? // Journal of Biomechanics 39. – 2006. – # 16. – P. 3080–3082.
20. *Streeck J.* Gesture craft: The Manufacture of Meaning. – Amsterdam : John Benjamins, 2009. – 235 p.

УДК 81´37

А. В. Верещагина

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии МГЛУ; e-mail: linaanghelina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМУ ЯЗЫКУ (на материале языка Нового Завета)

В статье раскрывается специфика религиозного дискурса с точки зрения изучения его на занятиях по древнегреческому языку. Доказывается значимость акцентирования внимания на употребление модальностей и применение стратегий в языке Нового Завета и шире – Библии как важной составляющей религиозного дискурса. Для полноценного владения древнегреческим языком важно осуществлять это в сопоставлении с классическим языком аттического диалекта.

Ключевые слова: религиозный дискурс; интертекстуальность; древнегреческий язык; Септуагинта; прецедентный текст; модальность; стратегия.

Vereschagina A. V.

Ph.D., Associate Professor, the Department of Classical Philology, MSLU; e-mail: linaanghelina@mail.ru

ON STUDYING RELIGIOUS DISCOURSE IN ANCIENT GREEK CLASSES (Based on the New Testament)

The article deals with the specifics of religious discourse in terms of teaching Ancient Greek. The author argues that in class it is important to focus on modalities and strategies as part of the discourse of the New Testament and the Bible in general. For learning Ancient Greek it is crucial to compare it with Attic Greek.

Key words: religious discourse; intertextuality; ancient Greek; Septuagint; precedent text; modality; strategy.

Религиозный дискурс, если понимать его в узком смысле этого слова, это речевые акты и тексты, используемые в религиозной сфере, поэтому наиболее четко и со всей определенностью его специфика с лингвистической точки зрения проявляется в языке Нового Завета.

В первую очередь следует отметить интертекстуальность, в значительной степени характерную для Священного писания. Ведь процесс создания Септуагинты можно описать как транслирование одного текста (древнееврейского оригинала) для грекоязычных иудеев в новый максимально аутентичный текст [2, с. 227]. В итоге складывается

совершенно иной по сравнению с оригиналом словесный и грамматический материал.

В ходе изучения особенностей религиозного дискурса наиболее важно, наряду с лексическими особенностями, обращать внимание на грамматические особенности Нового Завета [3; 8].

В процессе преподавания делать акцент на этих особенностях тем более важно, что Писание выступает в качестве прецедентного текста для огромного пласта текстов на различных языках мира, в которых прецедентностью обладают как имена, так и паремиологические высказывания и ситуации Священного Писания [1; 6].

Среди таких характерных и специфических грамматических особенностей языка Нового Завета следует отметить, например, иное использование модальностей, чем в классическом древнегреческом языке, которое связано с особой дидактической направленностью и ценностной ориентированностью религиозного дискурса.

В свою очередь среди видов модальностей можно выделить, например, «модальность оценки», «модальность побуждения и долженствования», «модальность желания и просьбы», «модальность предпочтения и совета», «модальность предостережения и запрета», «модальность угрозы». Далее мы рассмотрим конкретные фрагменты из Нового Завета, содержащие перечисленные выше типы модальностей.

1. ***Модальность оценки*** можно выявить в следующем фрагменте Евангелия от Матфея 10: 37:

> Ὁ φιλῶν πατέρα ἢ μητέρα ὑπέρ ἐμὲ οὐκ ἔστιν μου ἄξιος, καὶ ὁ φιλῶν υἱὸν ἢ θυγατέρα ὑπὲρ ἐμὲ οὐκ ἔστιν ἄξιος… [5, с. 40]

> Любящий отца или мать более меня недостоин меня, и любящий сына или дочь более меня недостоин меня… [5, с. 41].

2. ***Модальность побуждения и долженствования*** обнаруживается, например, в данном отрывке Евангелия от Матфея 5: 43–44:

> Ἠκούσατε ὅτι ἐῤῥέθη, Ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου καὶ μισήσεις τὸν ἐχθρόν σου. Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν, ἀγαπᾶτε τοὺς ἐχθροὺς ὑμῶν καὶ προσεύχεσθε ὑπὲρ τῶν διωκόντων ὑμᾶς… [5, с. 24].

> Вы слышали, что было сказано: «Возлюби ближнего твоего и возненавидь врага твоего». А я говорю вам: любите врагов ваших и молитесь за гонящих вас… [5, с. 25].

3. ***Модальность желания и просьбы*** отмечается в следующем предложении из Евангелия от Матфея 6: 9–13:

Τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον˙ καὶ ἄφες ἡμῖν τὰ ὀφειλήματα ἡμῶν, ὡς καὶ ἡμεῖς ἀφήκαμεν τοῖς ὀφειλέταις ἡμῶν˙ καὶ μὴ εἰσενέγκῃς ἡμᾶς εἰς πειρασμόν, ἀλλὰ ῥῦσαι ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ [5, с. 24, 26].

Хлеб наш насущный дай нам сегодня. И прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим. И не введи нас в искушение. Но избавь нас от лукавого [5, с. 25, 27].

4. ***Модальность предпочтения и совета*** выражена во фрагменте Евангелия от Матфея 6: 19–20:

Μὴ θησαυρίζετε ὑμῖν θησαυροὺς ἐπὶ τῆς γῆς, ὅπου σὴς καὶ βρῶσις ἀφανίζει καὶ ὅπου κλέπται διορύσσουσιν καὶ κλέπτουσιν˙ θησαυρίζετε δὲ ὑμῖν θησαυροὺς ἐν οὐρανῷ… [5, с. 26].

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и тля разрушают, и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе… [5, с. 27].

5. ***Модальность предостережения и запрета*** прослеживается, например, в следующем фрагменте Евангелия от Матфея 5: 38–39:

Ἠκούσατε ὅτι ἐῤῥέθη, ὀφθαλμὸν ἀντὶ ὀφθαλμοῦ καὶ ὀδόντα ἀντὶ ὀδόντος. Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν μὴ ἀντιστῆναι τῷ πονηρῷ˙ ἀλλ᾽ ὅστις σε ῥαπίζει εἰς τὴν δεξιὰν σιαγόνα σοῦ, στρέψον αὐτῷ καὶ τὴν ἄλλην… [5, с. 22].

Вы слышали, что было сказано: «Око за око, и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую… [5, с. 23].

Кроме того, как нам кажется, значимым и показательным является фрагмент из Евангелия от Матфея 5: 17–18 и 20–21:

Μὴ νομίσητε, ὅτι ἦλθον καταλῦσαι τὸν νόμον ἢ τοὺς προφήτας˙ οὐκ ἦλθον καταλῦσαι ἀλλὰ πληρῶσαι. Ἀμὴν γὰρ λέγω ὑμῖν˙ ἕως ἂν παρέλθῃ ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, ἰῶτα ἓν ἢ μία κεραία οὐ μὴ παρέλθῃ ἀπὸ τοῦ νόμου, ἕως ἂν πάντα γένηται… λέγω γὰρ ὑμῖν ὅτι ἐὰν μὴ περισσεύσῃ ὑμῶν ἡ δικαιοσύνη πλεῖον τῶν γραμματέων καὶ Φαρισαίων, οὐ μὴ εἰσέλθητε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν. Ἠκούσατε, ὅτι ἐῤῥέθη τοῖς ἀρχαίοις, Οὐ φονεύσεις˙ ὃς δ᾽ ἂν φονεύσῃ, ἔνοχος ἔσται τῇ κρίσει [5, с. 20, 22].

Не подумайте, что я пришел упразднить закон или пророков. Я пришел не упразднить, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: пока не пройдут небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет в Законе, пока все не сбудется… ибо говорю вам: если ваша праведность не будет больше праведности книжников и фарисеев, не войдете вы в Царство Небесное. Вы слышали, что было сказано древними: «Не убивай; кто же убьет, будет подлежать суду» [5, с. 21, 23].

6. ***Модальность угрозы*** наиболее ярко представлена в пророчестве Исайи из Евангелия от Матфея 13: 14–15:

Ἀκοῇ ἀκούσετε καὶ οὐ μὴ συνῆτε, καὶ βλέποντες βλέψετε καὶ οὐ μὴ ἴδητε. Ἐπαχνύθη γὰρ ἡ καρδία τοῦ λαοῦ τούτου, καὶ τοῖς ὠσὶν βαρέως ἤκουσαν καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν ἐκάμμυσαν, μήποτε ἴδωσιν τοῖς ὀφθαλμοῖς καὶ τοῖς ὠσὶν ἀκούσωσιν καὶ τῇ καρδίᾳ συνῶσιν καὶ ἐπιστρέψωσιν καὶ ἰάσομαι αὐτούς [5, с. 50].

Слухом будете слышать, и не уразумеете; и глазами глядеть будете, и не увидите; ибо затвердело сердце народа этого и ушами они едва услышат, и глаза свои они закрыли, чтобы не увидеть глазами и не услышать и сердцем не уразуметь и не обратиться. И я исцелю их [5, с. 51].

Кроме того, в качестве примера хотелось бы также привести как очень показательные и следующие строки Евангелия от Матфея 23: 13:

Οὐαὶ δὲ ὑμῖν, γραμματεῖς καὶ Φαρισαῖοι ὑποκριταί, ὅτι κλείετε τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἔμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων· ὑμεῖς γὰρ οὐκ εἰσέρχεσθε οὐδὲ τοὺς εἰσερχομένους ἀφίετε εἰσελθεῖν [5, с. 84].

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное перед людьми: вы сами не вхóдите и входящим не даете войти [5, с. 85].

В связи с вышеперечисленными модальностями, характерными для религиозного дискурса, на занятиях по древнегреческому языку следует обращать внимание на некоторые грамматические особенности, связанные с употреблением наклонений [3; 7; 8].

1. Так, среди грамматических особенностей языка Нового Завета, связанных с функционированием модальностей, мы встречаем ***употребление изъявительного наклонения будущего времени вместо императива***, как в уже упомянутом примере – ἀγαπήσεις τὸν

πλησίον «возлюби ближнего», хотя в принципе императив используется в языке Нового Завета так же, как и в классическом древнегреческом языке. Иногда в библейском языке также вместо императива употребляется союз ἵνα «чтобы» с конъюнктивом, например, ἡ γυνὴ ἵνα φοβῆται τὸν ἄνδρα – «пусть убоится жена мужа» [8, с. 88].

2. Что касается сослагательного наклонения, то в библейском языке ***будущее время изъявительного наклонения и аорист сослагательного наклонения часто заменяют друг друга***, особенно в придаточных предложениях.

3. Следует отметить также, что перед так называемым «конъюнктивом призыва к совместному действию» (в латинской терминологии – coniunctivus adhortativus) первого лица множественного числа, а также перед императивом второго лица, во-первых, употребляется форма ἄφες, которая этимологически является императивом аориста от глагола ἀφίημι «отпускать» и затем стала употребляться как частица «пусть».

Во-вторых, встречаются формы δεύρο и δεύτε «давай» и «давайте» соответственно с единственным и множественным числом глагола. В качестве примера можно привести выражения ἄφες ἴδωμεν – «давай посмотрим» из Евангелия от Матфея 27: 49 [5, с. 106–107] или δεύτε ἴδετε – «давайте посмотрите». Для сравнения следует отметить, что в классическом древнегреческом языке встречаются частицы ἄγε, φέρε, δεύρο.

Кроме того, различные частицы (ὅρα, ὁρᾶτε, βλέπετε) часто употребляются также в языке Нового Завета при императиве настоящего времени и аористе конъюнктиве второго и третьего лица с отрицательной частицей μή в значении запрещения. Причем, эти частицы не влияют на конструкцию, например, ὅρα μηδενί εἴπῃς – «смотри, не говори никому» из Евангелия от Матфея 8: 4 [5, с. 30–31].

4. Другое наклонение, которое используется для функционирования перечисленных нами модальностей – это ***желательное наклонение***, или оптатив, например μὴ γένοιτο – «пусть не станет». Однако в проклятиях в тексте Нового Завета вместо оптатива часто употребляется выражение описательного характера ἀνάθεμα ἔστω – «пусть будет проклятием» или ὄφελον с изъявительным наклонением будущего времени для выражения исполнимого желания, что соответствует аттической форме оптатива с частицей εἴθε или εἰ γάρ – «о если бы». Подобная конструкция с ὄφελον встречается, например, в следующем

фрагменте Послания к Галатам 5: 12: ὄφελον καὶ ἀποκόψονται οἱ ἀναστατοῦντες ὑμᾶς – о если бы подвергли себя отсечению возмущающие вас [5, с. 584–585].

5. Значимым грамматическим явлением является ***упрощение*** в языке Нового Завета по сравнению с аттическим языком «**правила об отрицаниях**». Дело в том, что отрицание οὐ теперь употребляется с изъявительным наклонением, а μή – с другими наклонениями.

Кроме того, для обучения переводу важно то, что двойное отрицание οὐ μή вместе с конъюнктивом аориста или индикативом будущего времени употребляется в значении отрицания с будущим временем индикатива, например, οὐ μὴ ἴδητέ με (= οὐκ ὄψεσθε) – «и не увидите Меня» в Евангелии от Луки 13: 35 [5, с. 240–241].

Что касается языка Септуагинты, то данная конструкция наоборот выражает запрещение, например, οὐ φάγεσθε οὐδὲ μὴ ἅψησθε – «не ешьте и не касайтесь» Бытие 3: 3 [8, с. 95].

6. Следует отметить также и ***отсутствие разнообразия частиц***, используемых для соединения придаточных предложений, в языке Нового Завета. Читателю приходится угадывать оттенки смысла противопоставляемых друг другу предложений только исходя из общего направления мыслей. ***Союзы*** также в языке Нового Завета ***употребляются реже***, чем в языке классического периода аттического диалекта. Оформление предложений в виде периодов вообще не характерно для языка Нового Завета, за исключением отдельных единичных фрагментов Евангелия от Луки, Деяний Апостолов и Послания к Евреям.

7. Еще одной особенностью, на которую следует обращать внимание на занятиях по переводу древних текстов, является то, что в языке Нового Завета ***косвенной речи***, которая выражена инфинитивами, ***практически не зафиксировано***, а вместо косвенной речи употребляется прямая речь. Иногда она оформляется союзом ὅτι «что», например, фрагмент из Евангелия от Иоанна 10: 36:

> ὃν ὁ πατὴρ ἡγίασεν καὶ ἀπέστειλεν εἰς τὸν κόσμον ὑμεῖς λέγετε ὅτι βλασφημεῖς, ὅτι εἶπον, Υἱὸς τοῦ θεοῦ εἰμί.

> Тому ли, Кого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: «Ты богохульствуешь», потому что я сказал: «Я – Сын Божий?» [5, с. 325].

8. Еще одной особенностью языка Нового Завета является то, что изменяются правила или точнее сказать закономерности употребления модальной частицы ἄν, которая в классическом языке употреблялась очень активно с различными глагольными формами и соответственно придавала им дополнительную смысловую нагрузку.

Так, если в классическом языке соединение причастия с частицей ἄν использовалось «для обозначения действия как признака, который может, должен (или не может) реализоваться» [7, с. 341], то в языке Нового Завета оно вообще исчезло. Сравним употребление в классическом языке: ὁ παῖς, γράφων ἂν ἐπιστολήν – «мальчик, может быть пишущий письмо».

Сходная судьба в языке Нового Завета характерна и для конструкции инфинитива с частицей ἄν. Так, известно, что в классическом древнегреческом языке аттического диалекта, инфинитив сочетался с частицей ἄν «для обозначения потенциальных (возможных, желаемых, предполагаемых) или ирреальных (невозможных) действий» [7, с. 347], например, λέγει γράψαι ἄν – «он говорит, что он написал бы». В Новом Завете же подобная конструкция вообще не употребляется. Связано это, видимо, с тем, что *modus potentialis* и *modus irrealis* в разговорном койне вышли из употребления.

Обобщая перечисленные грамматические особенности, можно констатировать значительное упрощение системы модальностей в языке Нового Завета по сравнению с классическим древнегреческим языком.

Кроме того, возвращаясь к вышеперечисленным модальностям, следует отметить, что для них в большей степени характерно использование императива.

Вообще назидательность, языковое воздействие через убеждение и контроль являются базовой особенностью религиозного дискурса, соответственно с их помощью формируются определенные мотивационно-ценностные установки и стереотипы поведения. Причем языковое коммуникативное воздействие проявляется как на лексическом уровне, так и на уровне текста, а именно в стратегиях речи.

Следует отметить, что исследователи по-разному определяют термин «стратегия» и разрабатывают различные классификации стратегий в зависимости от разрабатываемых ими проблем [1; 4].

В широком смысле многие отечественные ученые под стратегией понимают «план комплексного речевого воздействия говорящего для

«обработки» партнера, некоторую последовательность речевых воздействий, организованных в зависимости от цели взаимодействия» [4, с. 126].

Итак, среди стратегий языка Нового Завета можно выделить следующие: «объясняющая», «оценивающая», «утверждающая», «призывающая», «содействующая», «молитвенная», «организующая» и «коммуникативная».

1. ***Объясняющая стратегия*** направлена на ознакомление человека с религиозным учением, верой и т.п., например, в следующем фрагменте Евангелия от Иоанна 15: 1–4:

> Ἐγώ εἰμί ἡ ἄμπελος ἡ ἀληθινὴ καὶ ὁ πατήρ μου ὁ γεωργός ἐστιν. Πᾶν κλῆμα ἐν ἐμοὶ μὴ φέρον καρπὸν αἴρει αὐτό, καὶ πᾶν τὸν καρπὸν φέρον καθαίρει αὐτό ἵνα καρπὸν πλείονα φέρῃ. Ἤδη ὑμεῖς καθαροί ἐστε διὰ τὸν λόγον ὃν λελάληκα ὑμῖν˙ μείνατε ἐν ἐμοὶ, κἀγὼ ἐν ὑμῖν [5, с. 340].

> Я – истинная виноградная лоза, и Отец мой – виноградарь. Всякую ветвь на мне, не приносящую плода, Он удаляет, и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы больший плод приносила. Вы уже чисты чрез слово, которое Я сказал вам. Пребудьте во Мне, и Я – в вас [5, с. 341].

2. ***Оценивающая стратегия*** формирует определенную систему ценностей и основ веры, например, в следующем отрывке Евангелия от Луки 21: 1–4:

> Ἀναβλέψας δὲ εἶδεν τοὺς βάλλοντας εἰς τὸ γαζοφυλάκιον τὰ δῶρα αὐτῶν πλουσίους. Εἶδεν δέ τινα χήραν πενιχρὰν βάλλουσαν ἐκεῖ λεπτὰ δύο, καὶ εἶπεν, Ἀληθῶς λέγω ὑμῖν ὅτι ἡ χήρα αὕτη ἡ πτωχὴ πλεῖον πάντων ἔβαλεν˙ πάντες γὰρ οὗτοι ἐκ τοῦ περισσεύοντος αὐτοῖς ἔβαλον εἰς τὰ δῶρα, αὕτη δὲ ἐκ τοῦ ὑστερήματος αὐτῆς πάντα τὸν βίον ὃν εἶχεν ἔβαλεν [5, с. 264].

> И подняв глаза Свои, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу. И увидел Он, что какая-то бедная вдова кладёт туда две лепты, и сказал: истинно говорю вам: вдова эта бедная больше всех положила; ибо все они от избытка своего положили в дарохранилище, она же от скудости своей положила всё, что имела на жизнь [5, с. 265].

3. ***Утверждающая стратегия*** состоит из утверждения бесспорных истин, которые лежат в основе религиозного учения, например, в Евангелии от Луки 6: 20–21:

Καὶ αὐτὸς ἐπάρας τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτοῦ εἰς τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ ἔλεγεν, Μακάριοι οἱ πτωχοί, ὅτι ὑμετέρα ἐστὶν ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ. Μακάριοι οἱ πεινῶντες νῦν, ὅτι χορτασθήσεσθε. Μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν, ὅτι γελάσετε [5, с. 202].

И Он, подняв глаза Свои на учеников Своих, говорил: Блаженны нищие, ибо ваше есть Царство Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо вы будете насыщены. Блаженны плачущие ныне, ибо вы воссмеетесь [5, с. 203].

Кроме того, очень показательно утверждающая стратегия проявляется в следующем фрагменте Евангелия от Луки 6: 43–44:

Οὐ γάρ ἐστιν δένδρον καλὸν ποιοῦν καρπὸν σαπρόν, οὐδὲ πάλιν δένδρον σαπρὸν ποιοῦν καρπὸν καλόν. Ἕκαστον γὰρ δένδρον ἐκ τοῦ ἰδίου καρποῦ γινώσκεται· οὐ γὰρ ἐξ ἀκανθῶν συλλέγουσιν σῦκα οὐδὲ ἐκ βάτου σταφυλὴν τρυγῶσιν. Ὁ ἀγαθὸς ἄνθρωπος ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ θησαυροῦ τῆς καρδίας προφέρει τὸ ἀγαθόν, καὶ ὁ πονηρὸς ἐκ τοῦ πονηροῦ προφέρει τὸ πονηρόν· ἐκ γὰρ περισσεύματος καρδίας λαλεῖ τὸ στόμα αὐτοῦ [5, с. 204].

Нет дерева доброго, которое производило бы плохой плод, нет и дерева плохого, которое производило бы добрый плод. Ибо всякое дерево познаётся по его плоду. Ведь с терния не собирают смокв, и с колючего кустарника винограда не снимают. Добрый человек из доброго сокровища сердца износит доброе, и злой из злого износит злое. Ибо от избытка сердца говорят уста его [5, с. 205].

4. ***Призывающая стратегия*** заключается в призыве к определенным действиям и поведению, например, в следующем отрывке Евангелия от Матфея 5: 33–36:

Πάλιν ἠκούσατε, ὅτι ἐῤῥέθη τοῖς ἀρχαίοις, Οὐκ ἐπιορκήσεις, ἀποδώσεις δὲ τῷ κυρίῳ τοὺς ὅρκους σου. Ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν μὴ ὀμόσαι ὅλως· μήτε ἐν τῷ οὐρανῷ, ὅτι θρόνος ἐστὶν τοῦ θεοῦ, μήτε ἐν τῇ γῇ, ὅτι ὑποπόδιόν ἐστιν τῶν ποδῶν αὐτοῦ, μήτε εἰς Ἱεροσόλυμα, ὅτι πόλις ἐστὶν τοῦ μεγάλου βασιλέως, μήτε ἐν τῇ κεφαλῇ σου ὀμόσῃς, ὅτι οὐ δύνασαι μίαν τρίχα λευκὴν ποιῆσαι ἢ μέλαιναν [5, с. 22].

Еще слышали вы, что было сказано древними: «Не приноси ложной клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои». А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным [5, с. 23].

5. ***Содействующая стратегия*** заключается в поддержке и наставлении верующего, например, в Евангелии от Иоанна 14, 1–3:

Μὴ ταρασσέσθω ὑμῶν ἡ καρδία· πιστεύετε εἰς τὸν θεὸν καὶ εἰς ἐμὲ πιστεύετε. Ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ πατρός μου μοναὶ πολλαί εἰσιν· εἰδὲ μή, εἶπον ἂν ὑμῖν ὅτι πορεύομαι ἑτοιμάσαι τόπον ὑμῖν; Καὶ ἐὰν πορευθῶ καὶ ἑτοιμάσω τόπον ὑμῖν, πάλιν ἔρχομαι καὶ παραλήμψομαι ὑμᾶς πρὸς ἐμαυτόν, ἵνα ὅπου εἰμὶ ἐγὼ καὶ ὑμεῖς ἦτε [5, с. 338].

Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много. А если бы не было, разве Я сказал бы вам: иду приготовить место вам? И когда я пойду и приготовлю место вам, снова приду и возьму вас к себе, чтобы, где Я, и вы были [5, с. 339].

Кроме того, содействующую стратегию мы обнаруживаем вполне определенно в Евангелии от Иоанна 14: 15:

Ἐὰν ἀγαπᾶτέ με, τὰς ἐντολὰς τὰς ἐμὰς τηρήσετε· κἀγὼ ἐρωτήσω τὸν πατέρα καὶ ἄλλον παράκλητον δώσει ὑμῖν, ἵνα μεθ᾽ ὑμῶν εἰς τὸν αἰῶνα ᾖ… [5, с. 338].

Если любите Меня, заповеди Мои соблюдите. И я умолю Отца, и другого Утешителя даст вам, чтобы был с вами вовек… [5, с. 339].

6. ***Молитвенная стратегия*** состоит из обращения к Богу, а также связана с благодарностью и его восхвалением, например, в Евангелии от Матфея 6: 9–10:

Οὕτως οὖν προσεύχεσθε ὑμεῖς· Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς· ἁγιασθήτω τὸ ὄνομα σου· ἐλθέτω ἡ βασιλεία σου· γενηθήτω τὸ θέλημά σου, ὡς ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ γῆς… [5, с. 24].

Вы же молитесь так: Отче наш, Который на небесах! Да святится имя Твое. Да придет Царство Твое. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе [5, с. 25].

7. ***Организующая стратегия*** представляет собой совместные действия участников коммуникации по организации процесса коммуникации, например, в Послании к римлянам 14: 13–14 и 19:

Μηκέτι οὖν ἀλλήλους κρίνωμεν· ἀλλὰ τοῦτο κρίνατε μᾶλλον, τὸ μὴ τιθέναι πρόσκομμα τῷ ἀδελφῷ ἢ σκάνδαλον. Οἶδα καὶ πέπεισμαι ἐν κυρίῳ Ἰησοῦ ὅτι οὐδὲν κοινὸν δι᾽ ἑαυτοῦ, εἰ μὴ τῷ λογίζομένῳ τι κοινὸν εἶναι, ἐκείνῳ κοινόν… ἄρα οὖν τὰ τῆς εἰρήνης διώκωμεν καὶ τὰ τῆς οἰκοδομῆς τῆς εἰς ἀλλήλους [5, с. 502].

Не станем же больше судить друг друга; но лучше судите о том, как бы не ставить на пути брата преткновения или соблазна. Я знаю и убеждён в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого, разве как для того, кто считает что-либо нечистым: для того оно нечисто… итак, будем стремиться к тому, что служит к миру и к взаимному назиданию [5, с. 503].

8. ***Коммуникативная стратегия*** заключается в налаживании контактов, посредством вопросов, призывов к определённым действиям и манере поведения, например, в Евангелии от Марка 11: 29–30:

Ὁ δὲ Ἰησοῦς εἶπεν αὐτοῖς, Ἐπερωτήσω ὑμᾶς ἕνα λόγον, καὶ ἀποκρίθητέ μοι καὶ ἐρῶ ὑμῖν ἐν ποίᾳ ἐξουσίᾳ ταῦτα ποιῶ· τὸ βάπτισμα τὸ Ἰωάννου ἐξ οὐρανοῦ ἦν ἢ ἐξ ἀνθρώπων; Ἀποκρίθητέ μοι [5, с. 154].

Иисус же сказал им: спрошу вас об одном, и ответьте Мне, и я скажу вам, какою властью это делаю. Крещение Иоанново с неба было, или от людей? Ответьте мне [5, с. 155].

Таким образом, как видно из приведенных выше примеров, стратегии направлены на руководство к действию, разъяснение деяний и милости Божьей, репрезентацию картины мироустройства и жизни и т. д. Следует отметить, что все они, имеющие целью воспитание души или личности, в большинстве своем характерны не только для религиозного дискурса, но и, к примеру, для педагогического или политического.

Отмечается, что с политическим дискурсом его связывает мифологизация сознания, а также оба они основаны на внушении. С педагогическим же дискурсом его связывает общность целей и задач, причем оба они составляют некий ритуал передачи знаний.

Можно найти точки соприкосновения религиозного дискурса с художественным дискурсом, так как и там, и там с очевидностью прослеживается функция эстетического воздействия на адресата. Кроме того, религиозный дискурс с медицинским, например, объединяет сакральный характер.

Таким образом, религиозный дискурс, имея ряд соприкосновений с другими типами институциального общения [1; 6], между тем является особым, специфическим типом общения, или коммуникации.

Подводя итоги, следует отметить также, что при подготовке лингвиста-теолога, как кажется, очень важно акцентировать внимание

на употребление модальностей и применение стратегий в языке Нового Завета и шире Библии как важной составляющей религиозного дискурса. Причем, для полноценного владения древнегреческим языком важно это делать в сопоставлении с классическим языком аттического диалекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Монография. – Волгоград : Перемена, 2007. – 375 с.
2. *Вдовиченко А. В.* Дискурс – Текст – Слово: статьи по истории, библеистике, лингвистике, философии языка. – М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 2002. – 288 с.
3. *Мейчен Грешем Дж*. Учебник греческого языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Российское Библейское общество, 2006. – 240 с.
4. *Мельничук О. А., Мельничук Т. А*. Стратегии художественного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – №1. – С. 125–135.
5. Новый Завет на греческом и русском языках / сост. Д. И. Захарова ; под ред. А. А. Алексеева. – М. : Российское Библейское общество, 2002. – 800 с.
6. *Пиевская И. М.* Системные отношения религиозного дискурса (на материале английского и русского переводов «Книги псалмов»: дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 174 с.
7. *Славятинская М. Н*. Учебник древнегреческого языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Филоматис, 2003. – 620 с.
8. *Соболевский С. А.* Греческий язык библейских текстов. Κοινη. – М. : Изд-во Моск. Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2013. – 176 с.

УДК 811.11

Ф. Гёблер

доктор филологических наук, профессор Университета им. И. Гутенберга в Майнце; e-mail: goebler@uni-mainz.de

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРОЗЕ В. НАБОКОВА (на примере рассказа «Пильграм» / «The Aurelian»)

В статье показано, что в анализируемом рассказе В. Набокова энтомологическая терминология употребляется не только как профессиональный язык главного героя, специалиста по лепидопторологии, но и в метафорических смыслах. Энтомологический дискурс, разговор о бабочках является почти единственным видом общения героя с другими людьми, в остальном человека весьма необщительного. Как важные лепидопторологические метафоры выделяются мимикрия и метаморфоза. Они оказываются так же двусмысленными, даже противоречивыми, как и характеризуемый ими персонаж.

Ключевые слова: дискурс; энтомология; лепидопторология; мимикрия; метаморфоза.

F. Göbler

Doctor of Philology; Professor, the Johannes Gutenberg University of Mainz; e-mail: goebler@uni-mainz.de

THE ENTOMOLOGICAL DISCOURSE IN NABOKOV'S PROSE: «PILGRAM» / «THE AURELIAN»

The paper shows that the story by Nabokov uses entomological terminology as the professional language of the title character, a lepidoptorologist, but also with metaphorical implications. Entomological discourse, the talk about butterflies, is almost the sole form of communication of Pilgram who is an extremely uncommunicative character. The central lepidoptorological metaphors, mimikry and metamorphosis, are as ambiguous, even contradictory, as the person they are used to characterize.

Key words: discourse; entomology; lepidoptorology; mimikry; metamorphosis.

Широко известны фотографии из 60–70-х гг. прошлого века, показывающие писателя Владимира Набокова в шортах и с сачком в руке, ловящего бабочек в швейцарских Альпах. Мы, конечно, знаем, что это была не просто странность эксцентричного автора, в то время пользующегося всемирной славой. Набоков уже с детства довольно серьезно занимался бабочками, интересовался их научной систематикой. Этот интерес сохранился и во взрослые годы. После переезда

в Америку (с 1942 по 1948 гг.) он был сотрудником Музея сравнительной зоологии при Гарвардском университете, превратив свое увлечение в профессию. Но есть и литературная подоплека этого занятия. Проза Набокова изобилует энтомологическими мотивами и метафорами, которые «вплетены» в смысловую структуру текстов. Рассказ «Пильграм» является довольно ранним произведением, на материале которого можно показать, как Набоков на нескольких страницах развивает энтомологический дискурс, включающий в себя множество образных аспектов. Кроме того, в каком-то смысле научная коммуникация о бабочках сама является темой рассказа.

Набоков написал рассказ в 1930 г. в Берлине, где он жил с 1922 по 1937 гг. Он был издан в Париже в самом авторитетном зарубежном журнале «Современные записки»[1]. Английская версия рассказа, появившаяся в 1947 г., несколько отличается от русской, начиная с заглавия «The Aurelian» – архаического определения лепидопторологов, которое заменяет фамилию «Пильграм».

В рассказе повествуется о путешествии, которое Пильграм, носитель странной и достаточно редкой в Германии фамилиии, совершить не успел. Он – признанный в научных кругах специалист по бабочкам, однако ведет скромную жизнь владельца лавки в Берлине, долгие годы мечтал поехать в экспедицию и ловить бабочек в разных странах мира. Первую попытку путешествия уничтожила война, вторую – инфляция. За год до начала повествования у Пильграма был инсульт, от которого он не совсем оправился. Теперь после выгодной продажи ценного энтомологического собрания появляется третья возможность отправиться в экспедицию. Пильграм тайно готовится к отъезду, даже не думая о своей жене, которую готов оставить без средств к существованию. Но в тот момент, когда он собирается ехать на вокзал, его вновь разбивает инсульт, от которого он умирает. На следующее утро жена обнаруживает его тело в лавке.

Энтомологическая терминология встраивается в текст довольно гармонично: ее достаточно, чтобы указать на профессиональную компетенцию персонажа, но при этом не оттолкнуть читателя. Кроме таких названий, как «тутовый шелкопряд», «чешуекрылые», «капустница»,

[1] Рассказ был перепечатан в сборнике «Соглядатай» (Paris, 1938). Английский перевод, созданный автором вместе с Петром Перцовым (Peter Pertzov), появился в сборнике «Nine Stories» (New York, 1947). К различиям между русской и английской версиями рассказа см. [8, S. 133–136].

«махаон», «олеандровый бражник», «наездник», «стеклянистые», «морилка» или латинского «catocalinae», Набоков употребляет и общеизвестные обозначения, такие как «куколка», «лапка», «гусеница», «сачок», «ночница», «денница», «мотылек» и т. д. [4].

Подобная лексика придает характеристике Пильграма черты человека, умеющего воспринимать природу как ученый, дифференцировать и систематизировать разные явления фауны с необыкновенной тонкостью. Также упоминается о том, что Пильграм обладает отличной памятью, и что он очень умело обращается с хрупкими бабочками: «Это была особая безошибочная небрежность опытного хирурга» [4, с. 537].

Однако эти способности не имеют никакого влияния на его повседневную жизнь и социальные отношения (положительного влияния, по крайней мере). Они для людей его среды так же недостижимы, как и его мечта о научных экспедициях в дальние страны. В связи с этим Набоков пользуется двумя лепидопторологическими метафорами. Первая – мимикрия, а вторая – метаморфоза.

С мотивом мимикрии читатель сталкивается при описании продажи коллекции стеклянистых мотыльков. Эти мотыльки имитируют внешность комаров, ос и наездников-ихневмонидов. Подобным образом будущий покупатель коллекции, господин Зоммер, сначала имитирует поведение дилетанта, который зашел в магазин за почтовыми марками и случайно интересуется бабочками. В действительности же он хорошо знает о существовании именно этой коллекции и надеется на выгодное приобретение. Его маскировка служит для того, чтобы обмануть Пильграма, не показать того, что он знает настоящую ценность коллекции. Однако он выдает себя одним необдуманным латинским словом и должен признать, что он – известный в научных кругах знаток бабочек, фамилию которого давно знает Пильграм.

В каком-то смысле можно говорить и о мимикрии самого Пильграма. Его мещанский образ жизни можно рассматривать как маску или камуфляж ученого с превосходным воображением, которым он, подобно художнику, создает прекрасные и своеобразные образы чужих стран.

В своих воспоминаниях Набоков пишет о том, как его с детства пленяла «загадка “мимикрии”» [4, с. 116]. Он описывает, как разные бабочки и гусеницы обманывают природных врагов, имитируя внешность более опасных или несъедобных насекомых, сухих листьев

и т. п. Он не соглашается с теорией Дарвина, согласно которой такое искусство притворства – результат естественного отбора. Его представления – иные: «Таким образом, мальчиком, я уже находил в природе то сложное и “бесполезное”, которое я позже искал в другом восхитительным обмане – в искусстве» [4, с. 117].

В сравнении с искусством мимикрии разных бабочек, о которых говорит Набоков, маска духовно ограниченного мещанина, которую принимает Пильграм, или маска дилетанта, которую принимает Зоммер, не отличаются такой изысканностью, т. е. образ мимикрии становится двусмысленным, если не противоречивым.

Подобной двусмысленностью отличается также образ метаморфозы. Он вводится в текст с описанием живых куколок, которые иногда появляются в магазине Пильграма: «Тяжелые коричневые куколки, с симметрично сходящимися бороздками на грудке, показывающими, как упакованы зачаточные крылья, лапки, хоботок между ними, и с членистым остроконечным брюшком, которое вдруг начинало судорожно сгибаться вправо и влево, если такую куколку тронуть <…> со временем из них вылуплялась сморщенная, чудесно растущая бабочка» [4, с. 535]. Позже, когда Зоммер соглашается на покупку стеклянниц, Пильграм думает, «что мечта вот сейчас, сейчас из куколки вылупится» [4, с. 541].

В конце рассказа этот образ связывается со смертью Пильграма. Тут используется древнее, распространенное еще в Древнем Египте и Древней Греции представление о душе, как о бабочке, которая в минуту смерти освобождается из куколки человеческого тела [4, с. 651]. Набоков, описывая внешность Пильграма, как бы готовит читателя к этой метаморфозе, указывая на асимметрию в его облике: усы «неровно подстрижены», «правый глаз … открыт чуть пошире левого», потом говорится еще о том, что он ходит «чуть прихрамывая» [4, с. 532]. Описание напоминает о сгибах куколок, которые вначале рассказа изображаются как совершенно симметричные. Таким образом, инсульт Пильграма можно понять как предвестника метаморфозы, которая происходит с ним в конце рассказа. Его смерть – не конец, а переход [9, с. 185, 366].

В связи с этим интересно проследить за тем, как в тексте развиваются темы любви и счастья. Представление Пильграма о счастье не связано с семьей: «Детей Пильграм никогда не хотел, дети служили бы только лишней помехой к воплощению той страстной, неизменимой,

изнурительной и блаженной мечты, которой он болел с тех пор, как себя помнил» [4, с. 533]. Тут уже становится ясно, что представление Пильграма о счастье амбивалентно, что его «страсть» бессмысленна, так как она не направлена на другого человека. Зато о его мнимых путешествиях говорится почти как о любовных встречах: «Он с трудом воображал тропики, и попытка туда проникнуть мечтой вызвала сердцебиение и чувство, почти нестерпимое, сладкое, обморочное» [4, с. 538–539].

Позже упоминается коллекция, которую Пильграм продал еще до инфляции. Она содержала род бабочек, «видам которого … даны названия, относящиеся к любви: избранница, нареченная, супруга, прелюбодейка…» [4, с. 540][1]. Человеческая любовь для него существует только в этих названиях, и продажу коллекции можно понять как намек на то, что он окончательно расстается с какой-либо мыслью об эротических отношениях.

Пильграм обладает богатым внутренним миром и в то же время является почти антисоциальным существом. По субботам он ходит в трактир на углу своей улицы, но там почти ни с кем не общается: «Иногда кто-нибудь обращался к грузному человеку, спрашивал, как торгует его лавочка; тот медлил, прежде чем ответить, и часто не отвечал вовсе» [4, с. 532]. На вопросы хозяина, «как поживает господин профессор», он реагирует таким же образом: «Пыхтя трубкой, долго смотрел на него, прежде чем ответить, и затем … говорил что-нибудь грубое и несмешное» [4, с. 532].

К жене он относится грубо и резко. Вместо того чтобы говорить, он только бормочет («бормотал себе под нос», «мычал», «бормотал», «пробормотал»). Если он замечает ее присутствие, то она для него становится помехой, досадой. Показателен следующий отрывок: «Он отказался от ужина и очень долго, закрыв глаза, брюзжал на жену, думая, что она стоит у постели, но потом, прислушавшись, услышал, как она тихо плачет в кухне» [4, с. 541]. Всё, что мы узнаем о Пильграме, доказывает, что обыкновенные формы человеческого общения ему совершенно чужды.

У героя есть только единственная область социальной деятельности: участие в энтомологическом дискурсе. Говорится, например,

[1] Имеются в виду совки-катокалины [Catocalinae]. В русском языке таких названий бабочек нет. Это переведенные Набоковым латинские названия [10, с. 28].

о его признании в кругах специалистов: «Энтомолог он был превосходный, венец Ребель назвал его именем одну редкую бабочку» [4, с. 535]. Между ним и Зоммером, покупателем коллекции, возникает взаимопонимание с того момента, когда Зоммер разоблачает себя как знатока энтомологии.

В текст рассказа не входят научные дискуссии, но мы узнаем, что Пильграм раньше бывал в энтомологическом клубе, что порой к нему приходят специалисты, которым он показывает свои коллекции, но которым он в то же время завидует, потому что у них есть возможность путешествовать. Для него энтомология не является средством, чтобы войти в контакт с другими людьми. К человеческой стороне такого контакта у него нет никакого интереса. Как социальное существо Пильграм действует исключительно в мире энтомологии.

Зная Набокова, не следует ожидать, что он даст оценку своему персонажу, но нет сомнения в том, что такое противоречивое описание Пильграма, наряду с отказом от оценки, – это провокация читателя. Много лет спустя подобную роль выполнит известный Humbert Humbert. В этом смысле рассказ «Пильграм» можно назвать куклой, из которой «вылупился» роман «Лолита».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонов С.* Ассоциативные и образные виды текстовой связи в прозе В. Набокова (на материале рассказа «Пильграм») // Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологиии. – 1993. – № 1. – С. 83–93.
2. *Арбатова Е.* Простые вещи в особенном блеске. Анализ рассказа В. Набокова «Пильграм» // Литература. Журнал для учителей словесности. – 2003. – № 12. – С. 1–12.
3. *Бетея Д.* [= Bethea] Изгнание как уход в кокон. Образ бабочки у Набокова и Бродского // Русская литература. – 1991. – № 3. – С. 167–175.
4. *Набоков В. В.* Собр. соч. русского периода: в 5 т. – Т. 2. – СПб. : Симпозиум, 2000–2003. – 784 с.
5. *Сендерович С., Шварц Е.* Аурелиан и Элеонора, или Где Набоков ловил своих бабочек // Новый журнал. – № 213. – С. 205–212.
6. *Berdjis N. W.* Imagery in Vladimir Nabokov's last Russian novel (Dar), its English translation (The Gift), and other prose works of the 1930s. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1995. – 396 p.
7. *Boyd B.* Vladimir Nabokov. The Russian Years. – Princeton : Princeton Univ& Press, 1990. – 607 p.

8. *Grayson J.* Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose. – Oxford : OUP, 1977. – P. 139–166.
9. *Hüllen Ch*. Der Tod im Werk Vladimir Nabokovs. Terra Incognita (Arbeiten und Texte zur Slavistik. – Bd. 48). – München : Otto Sagner, 1990. – 276 S.
10. *Lurker M.* Wörterbuch der Symbolik. – Stuttgart : Kroner, 1995. – 686 S.
11. *Müller-Schmitt R.* Nachwort // Nabokov V. Tri rasskaza. Drei Erzählungen. – Stuttgart, 2011. – S. 78–94.
12. *Shrayer M. D.* Mapping Narrative Space in Nabokov's Short Fiction // Slavonic and East European Review 75. – 1997. – # 4. – P. 624–641.
13. Shrayer M. D. Pilgrimage, Memory and Death in Vladimir Nabokov's Short Story „The Aurelian“ // Slavic and East European Journal 40. – 1996. – Nr. 4. – P. 700–725.
14. *Zimmer D. E.* A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths. – URL: http://www.dezimmer.net/eGuide/PageOne.htm

УДК 81’112

Н. Н. Германова

кандидат филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: nata-germanova @yandex.ru

НОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается нормирование языка как средство формирования различных типов идентичности (этнической, социокультурной, индивидуально-личностной). По мнению автора, радикальное изменение отношения к стандартному английскому в англоязычной культуре, имевшее место на протяжении XVIII–XXI вв., объясняется тем, что стандартный английский стал способом формирования различных типов идентичности, востребованных в разные исторические эпохи.

Ключевые слова: этническая идентичность; социокультурная идентичность; литературный язык; нормирование языка; стандартный английский.

Germanova N. N.

Ph.D., Professor, the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: nata-germanova@yandex.ru

LANGUAGE STANDARDIZATION AS A MEANS OF CREATING DIFFERENT TYPES OF SOCIOCULTURAL IDENTITY

The article discusses language standardization as a means of creating different identities (ethnic, sociocultural, individual). According to the author, dramatic change in the attitude to Standard English, which took place in the English-speaking countries during the 18th – 21st centuries, can be explained by the fact that Standard English participated in creating different types of identity, which came to be important in different historical epochs.

Key words: ethnic identity; sociocultural identity; standard language; language standardization; Standard English.

Идентичность – это сложный феномен, «многослойная» психическая реальность, включающая различные уровни сознания и имеющая как индивидуальные, так и коллективные основания. В рамках настоящей статьи принципиально важным является то обстоятельство, что идентичность является коммуникативно конструируемой сущностью, из чего следует, что язык, как средство коммуникации, является важнейшим средством маркирования идентичности, способом обозначить свою принадлежность к определенной референтной группе. Поэтому нормирование языка, представляющее собой сознательное

конструирование языковых структур, является одновременно и способом конструирования различных типов этнокультурной и социокультурной идентичности.

В этом контексте важной представляется роль литературного языка как средства создания различных типов идентичности. В современном мире литературные языки (в англоязычной традиции их принято называть стандартными) получают неоднозначную оценку. В то время как одни филологи видят в выработке общенациональных норм закономерный исторический процесс, другие, напротив, рассматривают стандартизацию языка в контексте проблемы «язык и власть» как ограничение языковой свободы индивида. На наш взгляд, разное отношение к литературному языку и эволюция представлений о языковой правильности объясняются тем, что формирование литературного языка и распространение его норм через школу и СМИ являются способом формирования различных типов идентичности, востребованных в разные исторические эпохи. В данной статье это положение будет раскрыто на материале истории стандартного английского языка.

Для раннего этапа нормативной традиции (XVII–XVIII вв.) характерно позитивное восприятие практики нормирования английского языка. Одной из причин этого было то, что нормализационные процессы подкрепляли формирование нового имперского сознания: формирование и укрепление позиций «стандартного английского» означало борьбу с диалектным и региональным варьированием для создания единой британской этнокультурной идентичности. Исследователи связывают стандартизацию английского языка с реализацией глобального имперского проекта: формированием государственной идентичности британцев [19; 12]. Именно на этот период, т. е. XVIII–XIX вв., приходятся формирование нормативной грамматики, создание общенациональных толковых словарей (ср. знаменитый словарь С. Джонсона) и разработка орфоэпических и орфографических норм английского языка (см. подробнее [5]). Будучи наддиалектным, надрегиональным образованием, стандартный язык составлял базу для нового, общенационального, самосознания, которое бы вытеснило, или, по крайней мере, дополнило локальные этнические идентичности предшествовавшего периода.

Характерно, что авторы многих нормативных трудов, озабоченные тем, что региональные особенности речевой практики их соотечественников вызывали насмешки жителей Лондона, были родом

из Шотландии и Ирландии. Это шотландцы грамматист и лингвист-теоретик Дж. Битти, авторы ведущих риторик второй половины XVIII в. Дж. Кэмбелл и Х. Блэр, создатель первого авторитетного орфоэпического словаря английского языка Т. Шеридан (1780). Гнетущее чувство лингвистической неуверенности, царившее в культурных провинциях Великобритании, хорошо передал Дж. Битти: «Мы, жители Шотландии, вынуждены изучать английский язык по книгам, как мертвый язык … Мы рабы языка, на котором пишем, постоянно боимся совершить грубые ошибки, и когда нам на ум приходит простое, знакомое, идиоматическое выражение, мы не смеем употребить его без ссылки на чужой авторитет из страха употребить скоттицизм»[1].

Унификация языка позволяла реализовать актуальный для Нового времени принцип «одно государство – одна нация – один язык». Язык, таким образом, не только отражал, но и активно способствовал формированию новых форм этнического самосознания. По мнению многих историков и политологов, подчеркивавших сознательный характер конструирования языковых структур для этнического объединения, это является закономерностью этнополитических процессов в эпоху Нового времени [1; 3; 4; 8; 13]. Объединяющей роли языка способствовало формирование печатной фактуры речи и газетно-журнальной индустрии, предполагавшей высокую степень языковой стандартизации; это позволило Б. Андерсону назвать Новое время эпохой «печатного капитализма» (print capitalism) [1].

Задача укрепления общенационального самосознания остается актуальной и в XIX в., продолжая определять контуры британской науки о языке. Британские филологи осознавали патриотическую значимость лингвистики: их интересовала не эволюция человеческого языка в целом (*the history of language*), а история одного конкретного языка – английского (*the history of the language*). Это обстоятельство позволяет объяснить, почему в Великобритании в XIX в. не получило развитие сравнительно-историческое языкознание, и лингвистические исследования ограничивались, по большей части, историей английского языка и диалектологией. Рассуждая о путях становления британской лингвистики, Т. Кроули напрямую связывает бурное развитие англистики в этот период с необходимостью конструирования общенациональной британской идентичности: в эпоху обострения социальных противоречий, которые были, казалось, готовы расколоть

[1] Цит. по: [17, с. 8].

британское общество (ср. движение чартистов), именно язык выступал мощным средством этнического единства [12]. В отличие от истории общества, которая в трудах историков XIX в. определялась борьбой антагонистических сил, история языка демонстрировала поступательный эволюционный характер и преемственность языковой традиции. «Для многих историков языка середины XIX в. непрерывность его существования была неоспоримым фактом, что подводило к мысли о том, что английская нация была, в свою очередь, многовековой, устойчивой, последовательно развивающейся общностью», – справедливо отмечает Кроули [12, с. 39].

Однако, сглаживая диалектные различия, стандартный язык акцентирует различия социальные. Так, на более позднем этапе на первый план выходит проблема формирования социокультурной идентичности: владение нормами стандартного английского свидетельствует о социальном положении говорящего, поэтому овладение нормами литературного языка облегчает продвижение по социальной лестнице. Становлению нормативной традиции способствовало формирование среднего класса: если аристократы считали достаточным ориентироваться на речевую практику своего непосредственного окружения, выходцы из среднего класса, неуверенные в правильности своих речевых навыков, нуждались в руководстве нормативной традиции. Получившие распространение в среде среднего класса новые формы проведения досуга (членство в различных ассоциациях, клубах и обществах, посещение светских приемов, концертов и особенно кофеен, ставших своего рода дискуссионными клубами) вело к расширению круга общения. Важнейшей составляющей социального успеха становились при этом эффективные коммуникативные навыки. Таким образом, именно рост среднего класса в эпоху индустриальной революции обеспечивал устойчивый читательский спрос на учебную литературу по вопросам языка.

С точки зрения истории стандартного английского это означало усиление акцента на проблемах культуры речи. В этот период формировалась «идеология стандартного английского», а также концепция языковой правильности, подразумевавшая нетерпимое отношение к нарушениям языковой нормы. Об этом свидетельствует, в частности, растущая популярность термина «вульгаризм», возникшего в первую треть XIX в.; одним из первых слово «вульгаризм» вынес в заглавие пособия по проблемам культуры речи У. Г. Сэвидж, который понимал

под ним ошибки в речеупотреблении, вызванные недостатком образования и культуры [18]. Другой популярной публикацией по вопросам языковой правильности стала книга Р. М. Бейча «Вульгаризмы и другие ошибки речи». Как и для Сэвиджа, для Бейча главным в определении вульгаризма были нежелательные социальные коннотации: по его определению, вульгаризмы – это неграмотные обороты, недопустимые в речи образованных людей; при этом и оборот, совершенно правильный с собственно лингвистической точки зрения, может стать неприемлемым, если он ассоциируется с речевой практикой низших слоев населения [10]. Способность языка быть маркером социальной идентичности усиливается на протяжении XVIII – XIX вв. До XX в., пока социальная иерархия считалась незыблемой, нормативная традиция сохраняла свои позиции.

В XX в. ситуация радикальным образом меняется. Во-первых, смещаются границы между социальными группами (целый ряд современных социологов, в том числе Макс Вебер, вообще отказывается от понятия социального класса). Во-вторых, меняют очертания привычные этнические и государственные образования: с одной стороны, происходит формирование трансэтнических и трансгосударственных общностей (таких как ЕС), с другой – возрождение локальных этничностей (например, баскской, каталонской, шотландской). Это порождает критическое, порой даже воинственно критическое отношение к нормированию языка. Языковая норма рассматривается в разных, но неизменно негативных ракурсах: как нечто подавляющее свободное самовыражение индивида; как форма легитимизации социального неравенства; как результат «наивного», ненаучного подхода к языковым фактам и непонимание истинных (дескриптивных) задач лингвистического описания языка. Слово «прескриптивизм» употребляется исключительно с негативной окраской. Как пишет британский лингвист Т. МакАртур, в современной англоязычной лингвистике сложилась тенденция «рассматривать стандартные языки и языковые стандарты как идеологически и этнически подозрительные, как концепции, которые помогли социоэкономической элите осуществлять контроль над массами, обесценили их речевой узус и ограничили возможность самовыражения» [16, с. 114].

Еще одной причиной антинормативных настроений является то обстоятельство, что в эпоху постмодернизма переосмысляется само представление об идентичности. Представление о стабильных,

фиксированных идентичностях считается порождением эссенциалистского подхода и как таковое критикуется социальными конструктивистами. На смену представлению о коллективных и до определенной степени монолитных идентичностях приходит представление о многослойных, фрагментарных, гибких, подвижных, ситуативных, интерактивно формируемых идентичностях.

Этот подход находит поддержку в философии постмодернизма, породившей знаменитый тезис «смерть субъекта». Этот метафорический оборот, впервые введенный в философский обиход М. Фуко в его работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966) [7] и подхваченный Р. Бартом «Смерть автора» (1968) [2], подчеркивает тенденцию к размыванию субъектно-объектной оппозиции в рамках постмодернистской философии. Фуко утверждает, что картезианский суверенный субъект, порожденный эпохой рационализма, ушел в прошлое, уступив место новым моделям субъективности. Постмодернистский субъект больше не наделен самоидентичностью, способностью к саморефлексии, целостностью самосознания. Немецкий автор Герман Гессе писал, что личность – это тюрьма, в которой заперт человек, а представление о единстве «Я» – заблуждение науки, ценное только тем, что упрощает государству работу по воспитанию граждан [6]. «Любое “я”, даже самое наивное, – это не единство, а многосложнейший мир, это маленькое звездное небо, хаос форм, ступеней и состояний, наследственности и возможностей» [6, с. 55]. «Мы строим из фигур нашего расщепленного «я» все новые группы с новыми играми и напряженностями, с вечно новыми ситуациями» [6, с.147].

В целом постмодернизм расценивает стабильность и традицию как угрозу творческому самовыражению. Критика авторитетов затрагивает и отношение к общему доставшемуся от предков языку. Он воспринимается как отжившая система, нуждающаяся в деконструкции. Подлинная жизнь языка совершается в словесном творчестве, нарушающем устоявшиеся каноны. Постмодернистское видение мира враждебно идее нормативности, канона, рациональности, моноцентризма во всем, что связано с языком и текстом – как с его производством, так и с его интерпретацией. Понятие нормы в любых его ипостасях оказывается дискредитированным.

Эти факторы объясняют антинормативный пафос большой части современной англоязычной лингвистики. В XX в. демократизация общества, условность и гибкость границ между социальными

группами, появление новых социокультурных и региональных типов идентичности, не совпадающих с классовым делением общества и государственными границами, новое понимание идентичности приводят к необходимости расширить границы допустимого в языке. В результате многие современные лингвисты, придерживающиеся дескриптивных принципов, выводят прескриптивный подход к языку за пределы лингвистической науки.

В этих условиях нормативная традиция Великобритании ищет новые подходы к нормированию языка: жесткая оппозиция правильное / неправильное сменяется более гибкой оппозицией приемлемое / неприемлемое [15, p. 1–7][1]. Так, грамматики вводят градацию приемлемости / неприемлемости той или иной грамматической формы. Р. Картер и М. МакКарти предлагают пять шкал оценки приемлемости языковых явлений: оценка языковой формы варьирует от «приемлемой в письменной и устной форме стандартного английского» до «неприемлемой ни в одной из разновидностей английского». Особый интерес в свете обсуждаемых проблем представляет второй уровень приемлемости, куда попадают языковые формы, «приемлемые в стандартном письменном и устном английском языке, но не одобряемые в прескриптивных грамматиках» [11]. Это означает, что в стандартном английском можно выделить ядро с четко очерченными («сфокусированными») нормами, которые не допускают варьирования, и периферию, где варьирование имеет место.

Дескриптивный подход нашел последовательное отражение в таком авторитетном издании, как «Кембриджская грамматика английского языка» Р. Хаддлстона и Дж. Пуллума. Аргументируя избранный ими дескриптивный подход к фактам языкового варьирования, авторы поясняют: «Мы констатируем, что некоторые типы предложений сейчас широко распространены и часто употребляются, но мы не будем советовать вам их употреблять. Мы утверждаем, что некоторые типы предложений встречаются редко, или что их не рекомендуют составители справочников, или авторы статей по проблемам по культуре речи, или преподаватели языка, или что та или иная форма встречается только в неформальном стиле, но мы не будем указывать, что вам следует их избегать или давать другие рекомендации относительно

[1] Аналогичный подход характеризует и современные британские орфоэпические словари, отражающие региональное, социальное и половозрастное варьирование [9].

того, как вам следует говорить или писать», – поясняет Р. Хаддлстон задачи своей грамматики [14, с. 2].

Таким образом, современные англоязычные нормативные сочинения свидетельствует о значительном усилении в них дескриптивного начала и сглаживании границ между понятиями языковой нормы и нормы литературного языка. Их отличительной чертой является сведение к минимуму оценочных комментариев со стороны составителей. При этом главным критерием отбора материала становится его распространение в общественно-речевой практике большинства (а не ограниченной группы носителей языка).

Отказ от жестких рекомендаций означает, что говорящему предлагают самостоятельно конструировать свою идентичность в зависимости от индивидуальных склонностей и особенностей коммуникативной ситуации. Такой подход соответствует постмодернистскому видению мира и современному представлению об идентичности – подвижной и ситуативно изменчивой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М. : Канон-пресс центр, 2001.– 288 с.
2. *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – С. 384 –391.
3. *Биллиг М.* Нации и языки // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 44–70.
4. *Германова Н. Н.* Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике // Языковое существование человека и этноса. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 24–41. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 557. Сер. Лингвистика).
5. *Германова Н. Н.* История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики.– М. : ЛЕЛАНД, 2014. – 368 с.
6. *Гессе Г.* Степной волк. Игра в бисер. Паломничество в страну Востока. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2003. – 604 с.
7. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. на рус. яз. ; В. П. Визгин, Н. С. Автономова. – М. : Прогресс, 1977. – 405 с.
8. *Хобсбаум Э.* Язык, культура и национальная идентичность // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 33–43.
9. *Шляхова Е. С.* Проблемы орфоэпической нормы в современной Великобритании // Язык в социокультурном контексте. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 158–170. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5 (611). Сер. Языкознание).

10. *Bache R. M.* Vulgarisms and other errors of speech: to which is added a review of Mr. G. Washington Moon's 'Dean's English' and 'Bad English'. – 2nd ed. – Philadelphia : Claxton, Remsen and Haffelfinger, 1869. – 244 p.
11. *Carter R.* Cambridge Grammar of English: A Comprehensive Guide: Spoken and Written English Grammar and Usage / R. Carter, M. McCarthy. – Cambridge : CUP, 2006. – 973 p.
12. *Crowley T.* Standard English and the Politics of Language. – 2nd ed. – Basingstoke–N. Y. : Palgrave Macmillan, 2003. – 292 p.
13. *Hobsbawm E. J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. – Cambridge : CUP, 1992. – 206 p.
14. *Huddleston R. G.* The Cambridge Grammar of the English Language / R. G. Huddleston, G. K. Pullum. – CUP, 2002. – 1842 p.
15. *Locher M. A.* Standards and Norms in the English Language / M. A. Locher, J. Strässler. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. – 412 p.
16. *McArthur T. B.* The English Languages. – Cambridge–N. Y. : CUP, 2000. – 247 p.
17. *Morris K. M.* Words as the Manifestation of Reason // J. Beattie. The Theory of Language 1788 / R. C. Alston (Ed.). English Linguistics. 1500–1800. A collection of facsimile reprints. – № 88. – Menston : Scolar press, 1967. – P. 1–16.
18. *Savage W. H.* The Vulgarisms and improprieties of the English language, containing grammar errors, orthographical readings, tautological phrases, aspiration of H. Together with a critical preface on stage pronunciation. – L. : T. S. Porter, 1833. – 200 p.
19. *Sorensen J.* The Grammar of the Empire in Eighteenth-Century Britain. – Cambridge : CUP, 2000. – 318 p.

УДК 81’33

Н. П. Глинская

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: Glinskaya_nelly@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В ДИСКУРСЕ ВЕРХОВНОГО СУДА США

Статья посвящена структуре и динамике терминологической репрезентации юридических концептов TRUST и FIDUCIARY в конституционном судебном дискурсе (на материале корпуса судебных решений Верховного Суда США за период с 1789 по 2012 гг.). Изучение типов терминологической репрезентации в диахроническом аспекте позволяет выявить категориальные признаки специального концепта и закономерную последовательность их актуализации в судебном дискурсе изучаемого коллективного языкового субъекта.

Ключевые слова: термин; терминологическая репрезентация; юридический концепт; судебный дискурс; Верховный Суд США.

Glinskaya N. P.

Ph.D., Associate Professor, the Department of English, MSU; e-mail: Glinskaya_nelly@mail.ru

TERMINOLOGICAL REPRESENTATION OF LEGAL CONCEPTS IN THE US SUPREME COURT DISCOURSE

This article deals with the structure and dynamics of terminological representation of law concepts TRUST and FIDUCIARY found in the US Supreme court opinions from 1791 to 2012. The purpose of this article is to prove that different stages of Supreme court discourse development reveal the specific terminological models which correlate with the socio-economic changes and evolution of the law. To achieve this aim the legal terms representing the concepts under study from the US Supreme Court cases wihin the given period of time were selected and analysed. The author discusses the cognitive features and stages of legal terminology at the different time periods of the US Supreme court history.

Key words: term; terminological representation; legal concept; judicial discourse; US Supreme court.

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма предполагает, что познание и аккумуляция знаний происходят в динамике, в дискурсе, и именно человек является субъектом познания, речевой деятельности и языковой номинации в сфере профессиональной коммуникации. Это положение является справедливым и в случае дискурса одного языкового коллектива, члены которого объединены

профессиональным взаимодействием в рамках одной общественно важной социальной функции. Это обусловлено тем, что «постепенно у всех членов данного языкового коллектива создаются стереотипные установки, которые определяют единообразный способ членить объективную реальность и те черты, которые воспринимающий в первую очередь замечает в предметах и ситуациях и кладет в основу наименования» [3, с. 37]. В результате можно утверждать, что коллективный языковой субъект обладает специфическим узусом употребления языка профессиональной коммуникации и избирательностью, обусловливающей функционирование во времени процессов репрезентации терминологической информации в дискурсе.

В основу данной работы положена гипотеза о том, что качественно-количественный анализ проявленных в диахроническом корпусе текстов терминов-репрезентантов профессиональных концептов позволяет выделить ключевые когнитивные (категориальные) признаки, а их динамика – развитие концепта в целом. Методология исследования опирается на то, что когнитивные признаки, образованные в результате объединения в более обобщенные категории, не задаются априори, а выделяются из корпуса текстов по совокупности терминов – репрезентантов концептов (методику исследования см. подробно в [4]). Иными словами, мы полагаем, что статистически и хронологически регистрируемая актуализация терминологических средств, репрезентирующих независимые когнитивные (категориальные) признаки, отражает динамику приращения правовых знаний языкового субъекта.

В качестве коллективного языкового субъекта рассматривается Верховный Суд США, который представляет собой группу юристов высочайшей квалификации, судейское нормотворчество которых во многих аспектах определяет развитие не только американских юридических концептов и терминов, но и судебного дискурса в целом. Под судебным дискурсом понимается «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [6, с. 14].

Решения Верховного Суда США ценны для правовой системы не только своей собственно судебной функцией, но и правотворчеством, реализующимся в формулировке правовых позиций суда. Под

правовыми позициями понимаются важные правовые выводы, аргументы, принципы, выявленные судом в ходе рассмотрения конкретного дела, имеющие общий и обязательный характер. Иными словами, «кристаллизованное право», содержащееся в текстах судебных решений приемлемо для решения подобных проблем при рассмотрении последующих дел, а сами решения обладают юридической силой. Кроме того, Верховный Суд США выполняет сложную задачу периодической оценки уже существующих правовых позиций, пересматривает их в соответствии с современным состоянием правовой системы США. Поскольку судебные решения обладают юридической силой, а суды фактически занимаются нормотворчеством, трансформируя нормативно-правовую систему, то их место в иерархии правовых актов приравнивается к источникам права.

В русле когнитивно-дискурсивного направления объектом исследования становится профессиональный дискурс, континуум текстов конкретного языкового коллектива, члены которого объединены профессиональным взаимодействием. Согласно теории социальных представлений С. Московичи, именно опыт социальной группы, к которой индивид принадлежит, является основным фактором социального познания. Как пишет Г. М. Андреева, социальные отношения «задают своеобразную “рамку” принятия социальной информации – «идентификационную матрицу», объясняющую как вписывается новая информация в когнитивную структуру каждого индивида» [2, с. 158]. «Пафос рассуждений Московичи, – продолжает Г. М. Андреева, – «как раз состоит в постоянном акценте на том, что вся совокупность знаний (представлений) человека о мире дана в некоторой системе, включенной в исторический, социальный и культурный контекст. Это включение обеспечено, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что при помещении в идентификационную матрицу каждый новый социальный объект прежде всего должен быть назван, т. е. закреплен в системе категорий, выработанных культурой и следовательно укорененных в системе социальных отношений» (курсив наш. – *Г. М. Андреева*). Во-вторых, тем, что специфические знания, состоящие из совокупности социальных представлений … включены в широкую сеть коммуникаций» [2, с. 158].

Коллективный характер языкового субъекта требует изучения стабильных во времени терминологических феноменов, зафиксированных в континууме текстов коллективного языкового субъекта,

отражающих развитие профессионального институционального дискурса. Соответственно особое значение приобретает понятие узуса – «коллективного языкового употребления» и нормы, поскольку, по справедливому выражению А. Д. Швейцера, «представления о правильности или допустимости того или иного языкового выражения тесно связаны … с социальной оценкой, а сама норма – с ценностной ориентацией данного языкового или речевого коллектива» [12, с. 109, 102].

Когнитивно-дискурсивное терминоведение предполагает, что документы исследуются в исторической перспективе как речевые произведения, обусловленные изменениями, происходящими в правовой сфере общества, как особый тип документов, обеспечивающий контакт и взаимодействие между властными структурами и рядовыми гражданами. Опираясь на идею М. Фуко о том, что содержательные темы опосредованы, мы признаем, что «дискурс задает структуру того, как мы понимаем и реагируем на вещи… С этой точки зрения любая область знаний не может быть нейтральной. Наоборот, знания всегда конструируются или формируются в соответствии с определенной структурой. Так, предмет тюремной реформы можно было бы сконструировать в рамках юридического дискурса и совсем по-другому – в дискурсе социальной работы» [12, с. 148].

Современный анализ дискурса предполагает обязательное дополнение качественного анализа количественным анализом. По словам Н. Фэрклоу, корпусный анализ текстов может помочь обнаружить ключевые слова, специфические сочетания слов, отличительные схемы в употреблении языка [12, с. 6]. Используемая в настоящем исследовании опора на показатели относительной частотности терминологических словосочетаний обусловлена не только нашим интересом к границам устойчивости узуса, но и стремлением выявить прототипы, наиболее типичные образцы предпочтительного уровня абстракции для изучаемого языкового субъекта, поскольку «высокочастотные примеры действуют как “магниты” в психологическом пространстве, притягивая к себе близлежащие примеры» [7, с. 131].

Принимая во внимание тот факт, что именно когнитивное направление предусматривает моделирование социальных и профессиональных систем знаний, необходимых для порождения и объяснения дискурса [13], в работе используется понятийный аппарат когнитивно-дискурсивного терминоведения [1; 5]. Поскольку «каждый тип дискурса накладывает свои ограничения на форму и содержание

языковых знаков, которые в нем функционируют» [5, с. 19], терминологическая репрезентация отражает «присущий данному историческому периоду вектор ориентации коллективного сознания» [там же, с. 143].

Цель данной работы – выявить когнитивно-дискурсивную специфику терминологической репрезентации категориальных юридических концептов TRUST и FIDUCIARY в судебном дискурсе Верховного Суда США посредством выделения объективированных языковыми средствами категориальных признаков и определения очередности их актуализации в дискурсе. Выбор именно этих концептов для лингвокогнитивного исследования обусловлен их уникальностью в силу самобытности американского права, их значимостью в дискурсе Верховного Суда и привлекательностью института фидуциарных отношений в правовой культуре США, о чем свидетельствует более чем пятикратный рост востребованности термина *fiduciary* в дискурсе судебных решений Верховного Суда США за последние двадцать лет.

Базовый уровень категории доверительной собственности представляет концепт TRUST, в процессе развития которого примерно за 220 лет (с 1789 по 2012 гг.) на субординатном уровне категоризации в дискурсе было сформировано более пятидесяти различных видов форм доверительной собственности. В общем виде изменение языковой репрезентации профессионального концепта TRUST в течение изучаемого периода происходит в рамках девяти категориальных признаков. Так, по результатам лексико-статистического исследования, наиболее частотными признаками для субкатегоризации в дискурсе первой половины XIX в. и второй половины XX в. стали, во-первых, признак бенефициара (*secret/private/public/charitable trust*, etc. – в совокупности *beneficiary*); во-вторых, законность основания для учреждения траста (*resulting/constructive/implied trust*, etc. – в совокупности представляющих условно субкатегорию *law*); и, в-третьих, определенность намерения учредителя (*express/direct/voluntary trust*, etc. – в совокупности *settlor*) (см. рис. 1).

С первой половины XX в. субкатегоризация идет по таким семиотически маркированным когнитивным признакам, как: 1) объекты собственности, передаваемой в траст (*estate/land/savings trust*, etc. – в совокупности *objects*); 2) реализация специфических прав доверительных собственников (*discretionary/nondiscretionary trust*, etc. – в совокупности *rights*) (см. рис. 2).

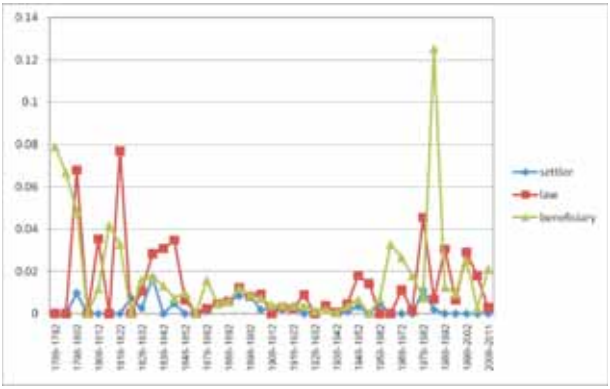


Рис. 1. График суммарной относительной частотности терминов-репрезентантов субкатегорий *settlor*, *law*, *beneficiary*

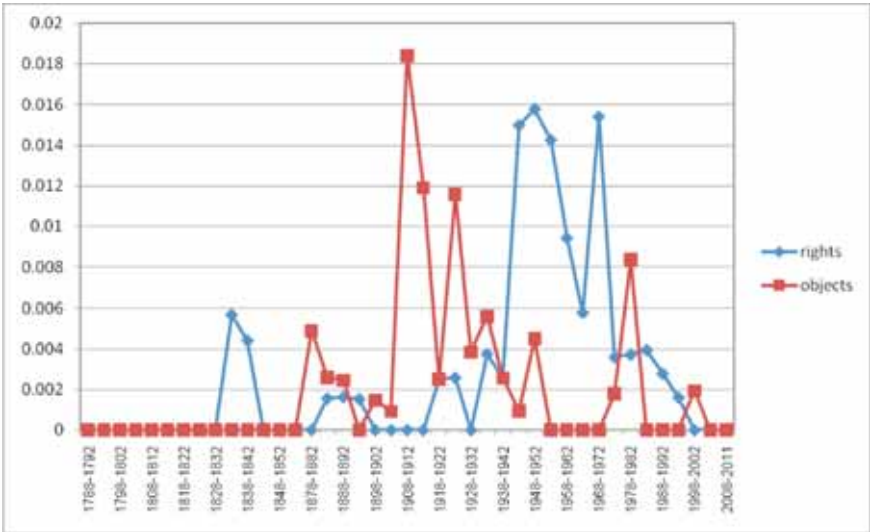


Рис. 2. График суммарной относительной частотности терминов-репрезентантов субкатегорий *rights*, *objects*

Термины, указывающие на тип коммерческой, инвестиционной деятельности траста (*insurance/investment trust*, etc. – в совокупности purpose) и на условие прекращения траста (возможность отмены *revocable/irrevocable trust*, etc. – в совокупности *termination*) оказываются наиболее востребованными в дискурсе суда после 30-х гг. XX в. (см. рис. 3).

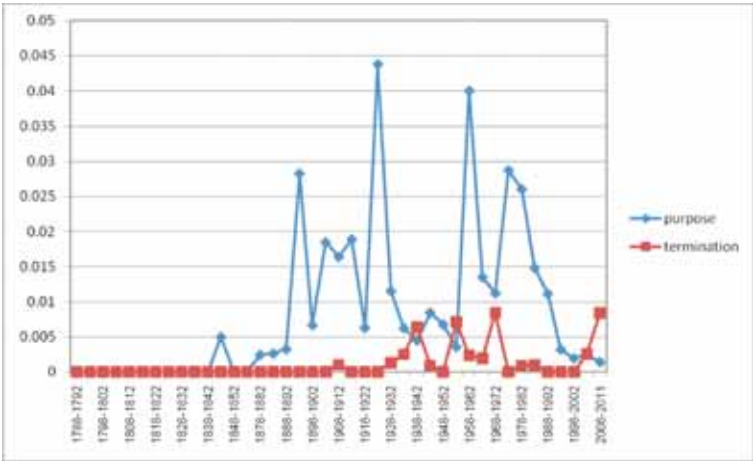


Рис. 3. График суммарной относительной частотности терминов-репрезентантов субкатегорий *purpose*, *termination*

И, наконец, во второй половине XX в. пополнение категории происходит за счет таких наименований, которые актуализируют собственно цель учреждения траста. При этом терминологическая номинация акцентирует конкретные способы ее достижения: для защиты интересов определенных категорий граждан (*alimony/spendthrift trust*, etc. – в совокупности *safety*), для минимизации налогообложения (*remainder/annuity trust*, etc. – в совокупности *taxation*) (см. рис.4).

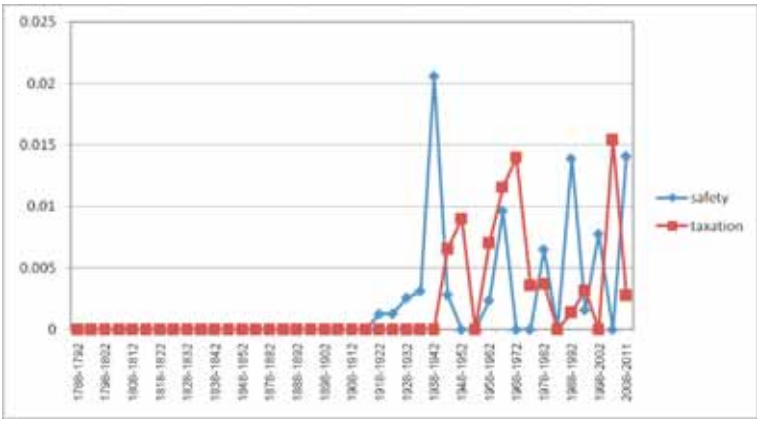


Рис. 4. График суммарной относительной частотности терминов-репрезентантов субкатегорий *safety*, *taxation*

Помимо фиксации исторически закономерной последовательности языковой репрезентации субкатегорий, отражающих процесс приращения правовых знаний изучаемого коллективного языкового субъекта в судебном дискурсе, проведенное исследование позволило взглянуть на особенности терминологической номинации еще и с другой стороны. В частности, в XIX в. субкатегориальные концепты в дискурсе изучаемого языкового субъекта формируются главным образом посредством идеализированных образно-схематических и метафорических когнитивных моделей. Так, например, атрибутивные признаки социальных и межличностных связей express, implied, secret, etc., лежащие в основе составных терминов этого периода, свидетельствуют о концептуализации некоторых видов TRUST в русле образно-схематической когнитивной модели СВЯЗЬ [9, с. 357]. В формировании субординатного уровня концепта TRUST большую роль сыграла образно-схематическая когнитивная модель КОНТЕЙНЕР (ВМЕСТИЛИЩЕ). Схема контейнера актуализирует идею защиты от внешнего мира. Объекты собственности помещаются в контейнер TRUST (*to be held in trust*), контейнер имеет определенную форму (*to establish/to form trust*), доверительная собственность пересекает границы контейнера (*pour-over trust*). Анализ таких терминологических номинаций, как *active/naked/passive/living/voting trust*, дает основание предполагать, что в основе категоризации этих концептов лежит метафорическая модель – TRUST – это ЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

Проведенный в рамках исследования корреляционный анализ графиков суммарной относительной частотности терминов, репрезентирующих категориальные признаки, показывает синхронность изменений признаков учредителя, законности и бенефициара, асинхронный характер актуализации когнитивных признаков цели и длительности, объекта и функций. Причем из всех выделенных категориальных признаков наиболее значимыми для изучаемого языкового субъекта стали признаки бенефициара и целевого назначения траста, а признак учредителя траста оказался наименее существенным. Можно предполагать, что дальнейшее развитие категории доверительной собственности будет идти в направлении новых форм защиты финансовых интересов.

Анализ терминологических словосочетаний, репрезентирующих концепты, показывает, что дифференцирующие когнитивные признаки, отражающие пространственное, субъектно-реляционное,

предметно-функциональное и телеологическое-темпоральное измерения правовой реальности, реализуются в целом ряде терминообразовательных средств. Как правило, терминологическая репрезентация концептов происходит за счет формирования мотивированных терминологических словосочетаний. Как справедливо пишет Е. С. Кубрякова, «прагматические основы деятельности таковы, что в ней должны быть сбалансированы возможности сочетать старый опыт с новым, моделируемое, предсказуемое – с немодулируемым, непредсказуемым. Языковая единица должна быть достаточно определенной и устойчивой, чтобы обеспечить взаимопонимание, и в то же время – достаточно гибкой и подвижной, чтобы обеспечить передачу новых смыслов» [8, с. 102]. «Доминантная когнитивная модель номинации, представляющая ход мыслительной деятельности человека по созданию нового имени», или когниотип, согласно концепции Е. И. Голованова, является «проявлением настроенной модальности восприятия в тот или иной исторический период, что обусловлено опытом взаимодействия человека с окружающей средой в процессе деятельности» [5, с. 143–144].

Проведенное исследование показало, что терминологическая репрезентация отражает не только обогащение концепта новыми структурами знаний и соответствующими единицами номинации, но и его концептуальную реорганизацию. Так, если в XIX в. понятие фидуциарной обязанности (*fiduciary duty*) включало в себя обязанность проявлять заботу (*duty of care*) и обязанность соблюдать добросовестность (*duty of good faith*), то в XX в. произошло не только введение в кластер признаков дополнительной обязанности соблюдать лояльность (*duty of loyalty*), но и указание на необходимость сосуществования всех трех признаков.

Если исторически по римскому праву термин *fiducia* восходил только к особой форме залога со специальной оговоркой, имевшей только «моральное значение: верность своему слову (*fides*, откуда и название сделки)» [10, с. 133], то в рамках современного концепта фидуциарные отношения возникают уже не только между доверительным собственником и бенефициантом, но и между адвокатом и клиентом, опекуном и подопечным, принципалом и агентом, исполнителем завещания и наследником. Они требуют проявления наивысшей степени ответственности, добросовестности и заботы, преданности и подотчетности в интересах подопечного, не допускают неправомерного обогащения за счет бенефициара.

Лексико-статистическое исследование наиболее частотных словосочетаний с термином *fiduciary* показало, что в самом начале XIX в. этот термин используется как имя существительное, обозначая доверительного собственника. Однако, начиная с 30-х гг. XIX в., происходит адъективация лексемы *fiduciary* и реализация категории фидуциарной правоспособности за счет составных терминов-дублетов *fiduciary capacity/character/nature*. Субкатегорию фидуциарных правоотношений представляет частотный в XIX в. термин *fiduciary relation*, а в XX в. – *fiduciary relationship*. С наступлением XX в. в дискурсе Суда актуализируется субкатегория фидуциарной обязанности, в совокупности представленная терминами *fiduciary duty/obligation/responsibility*. На рисунке 5 приведены графики суммарной относительной частотности словосочетаний – репрезентантов указанных категориальных признаков.

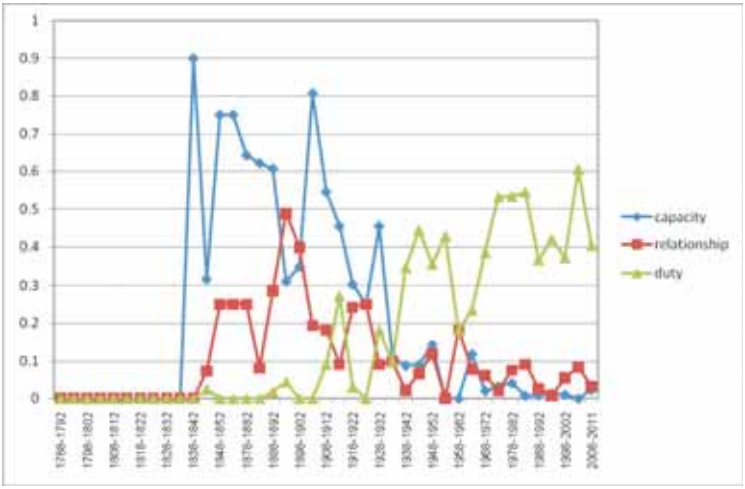


Рис. 5. График суммарной относительной частотности устойчивых словосочетаний с терминоэлементом *fiduciary* в атрибутивной позиции

В судебных решениях второй половины XX в., помимо субкатегории фидуциарной обязанности, в дискурсе Суда реализуются признаки нормативности фидуциарных отношений *fiduciary standard/principle*; нарушения фидуциарных обязательств или их исключение *fiduciary misconduct/malpractice/breach*. На рисунке 6 показаны графики суммарной относительной частотности терминологических словосочетаний, отражающих соответствующие категориальные признаки.

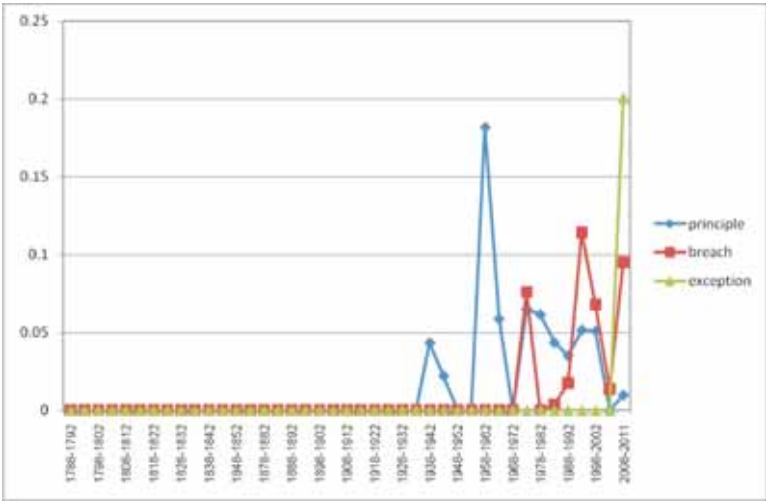


Рис. 6. График суммарной относительной частотности устойчивых словосочетаний с терминоэлементом *fiduciary* в атрибутивной позиции

Исследование показало, что терминологическая репрезентация профессионального концепта TRUST примерно за 220 лет в дискурсе Суда происходит согласно следующей схеме: явление – свойство (субъектная сторона) – свойство (объектная сторона) – свойство (функция) – свойство (длительность) – свойство (способ реализации функции). В общем виде терминологическая репрезентация профессионального концепта FIDICIARY за изучаемый период времени происходит согласно схеме: явление – свойство (субъектная сторона) – свойство (объектная сторона) – свойство (функция). Выявленная общая схема терминологической репрезентации концепта FIDUCIARY, в отличие от концепта TRUST, представляется неполной, что объясняется, по-видимому, ограниченной тематической разработанностью концепта FIDUCIARY в дискурсе Верховного Суда.

Таким образом, есть основания полагать, что когнитивно-дискурсивное исследование функционирования терминологического аппарата профессиональных категорий в дискурсе языкового субъекта является продуктивным для выявления наиболее значимых категориальных признаков, очередности их актуализации в дискурсе языкового субъекта. Динамика значимости выявленных категориальных признаков, по-видимому, отражает как направление процессов освоения правовой реальности, так и развитие судебного дискурса в целом.

В связи с этим возникает вопрос о существовании универсальных и специфичных стадий терминологической репрезентации категориальных признаков, отражающих процесс приращения знаний. Ответ на этот вопрос позволит объяснить уникальность системной организации концептов изучаемой сферы профессиональной коммуникации в дискурсе изучаемого языкового субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Л. М., Мишланова С. Л.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь : Перм. гос. ун., 2002. – 200 с.
2. *Андреева Г. М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления / отв. ред. О. В. Краснова. – М. : НОУ ВПО МПСИ, 2009. – 160 с.
3. *Гак В. Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики, 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 349–372.
4. *Глинская Н. П.* Юридический термин «privacy» как предмет системно-динамического исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 33–50.
5. *Голованова Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 224 с.
6. *Дубровская Т. В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале рус. и англ. языков). – М. : Академия МНЭПУ, 2010. – 351 с.
7. Когнитивная психология: учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М. : ПЕР СЭ, 2002. – 480 с.
8. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б. А. Серебренников. – 2-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 160 с.
9. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении: Кн. 1: Разум вне машины / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Гнозис, 2011. – 512 с.
10. *Новицкий И. Б.* Римское право: учебник. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 304 с.
11. *Титц С., Коэн Л., Массон Д.* Язык организаций. Интерпретация событий и создание значений / пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2008. – 324 с.
12. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 176 с.
13. *Weiss G., Wodak R.* (eds.) Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity. – L. : Palgrave Macmillan, 2003. – 321 p.
14. *Fairclough N.* Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. – L.–N. Y. : Routledge, 2004. – 270 p.

УДК 81’ 27

В. М. Глушак

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка МГИМО; e-mail: glushakvm@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СБЛИЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОБЩЕНИЯ ИЗ МОДУСА ВЕЖЛИВОСТИ И АГРЕССИВНОСТИ В МОДУС ФАМИЛЬЯРНОСТИ

Анализ ситуаций повседневного общения представителей немецкой лингвокультурной общности показывает, что большинство выделенных моделей речевого взаимодействия связано со сменой коммуникантами одного модуса речевого поведения на другой. В статье рассматриваются стратегии участников коммуникации, которые определяют модели речевого поведения.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии; стратегия сближения; коммуникативные шаги; модус речевого поведения.

Glushak V. M.

Doctor of Philology; Associate Professor, the Department of German, MGIMO; e-mail: glushakvm@mail.ru

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF APPROACHING: FROM POLITE AND AGGRESSIVE INTERACTION TO FAMILIARITY

The analysis of everyday situations of the German lingua-cultural community’s representatives shows that the majority of models of verbal interaction involve a change of modes of verbal behavior. The article explores the communicative strategies that determine the models of verbal behavior.

Key words: communicative strategies; strategy of approaching; communicative steps; mode of the speech behavior.

Речевое поведение – это вербальная форма организации взаимодействия участников коммуникации [4; 5]. Оно регулируется как осознанными, так и неосознанными скрытыми интенциями, имеющими неречевое происхождение [2, с. 191]. В интеракции адресант ставит своей целью как информирование адресата, так и оказание на него определенного воздействия [3, с. 99]. В лингвопрагматическом плане воздействие одного участника коммуникации на другого мотивируется неязыковыми факторами и преследует цель – либо изменить, либо сохранить характер существующих межличностных отношений [6, с. 5].

Парадигму речевого поведения составляет *лингвопрагматическая триада вежливости*, *фамильярности* и *агрессивности*. Для асимметричной интеракции, а также в условиях разного социально-

иерархического статуса характерно вежливое речевое поведение [7, с. 98–99; 10, с. 174–185]. Речевое взаимодействие на фоне равноправных отношений реализуется посредством фамильярного речевого поведения [1, с. 12]. Речевые поступки коммуниканта, нацеленные на причинение вреда своему собеседнику, образуют агрессивное речевое поведение [9, с. 11].

Различие типов речевого взаимодействия базируется на интенциях партнеров еще до начала интеракции. Характер протекания интеракции в большей степени обусловливается начальной интенцией того собеседника, который открывает диалог или на невербальном уровне своими действиями дает понять адресату, что на этот раз возможны отклонения от устоявшейся нормы их речевого взаимодействия. Выделяемые нами типы речевого поведения в ситуациях повседневного общения основываются на речевых стратегиях, которые подразделяются на две группы в зависимости от ролей участников коммуникации – адресанта или адресата. Адресант, являющийся инициатором речевого взаимодействия, использует *стратегии сближения*, *дистанцирования или сохранения имеющегося характера отношений*. Адресат прибегает к *стратегиям принятия, игнорирования/пропуска интенций или противодействия интенциям адресанта*.

В качестве основы моделирования акта коммуникации в несколько модифицированном виде используется методика К. Адамцик, которая основывается на учете начальных интенций инициатора диалога и ее возможных интерпретаций собеседником уже на втором коммуникативном ходу [8]. При описании моделей речевого поведения мы исходим из соотношения модуса речевого поведения, являющегося ситуативной или межличностной нормой взаимодействия коммуникантов, и модуса речевого поведения, в рамках которого инициатор диалога на первом коммуникативном ходу пытается реализовать свои интенции.

Необходимо отметить, что интенции говорящего, представленные в первом же речевом акте, уже на втором коммуникативном ходу могут привести к смене интенций у слушающего. Таким образом, участник коммуникации, который намеревается реализовать свои интенции, отличные от ожидаемых адресатом, задает тип речевого поведения. Каждый из типов речевого поведения коммуникантов базируется на одном из следующих комплексов интенций адресанта.

Интенции, направленные на поддержание имеющегося характера отношений, представляют собой коммуникативную норму, сложившуюся между интерактантами в процессе их длительного взаимодействия или на основе конвенциональных требований соответствующего дискурса, например выполнение участниками коммуникации ролей, предписанных разницей в возрасте или социально-иерархической принадлежностью. Тип речевого поведения коммуникантов, базирующийся на первом комплексе интенций, является наиболее стабильным и может сохраняться продолжительное время. При этом оба коммуниканта используют примерно одинаковые стратегии, если они заинтересованы и дальше придерживаться этого характера межличностных отношений.

Если один из интерактантов до начала интеракции делает вывод о том, что высказывания или действия потенциального партнера по коммуникации нарушают его имидж, то высока вероятность того, что он в следующем акте коммуникации будет реализовывать интенции, направленные на дистанцирование от своего собеседника.

Если же один из интерактантов решает отказаться от своих агрессивных намерений в отношении партнера по коммуникации или даже пойти из модуса вежливости в модус фамильярности на более тесный контакт с ним, то в следующем акте коммуникации он будет использовать речевые стратегии реализации интенций, направленных на сближение со своим собеседником.

В дальнейшем подробнее рассмотрим ***тип речевого поведения***, ***нацеленный на сближение адресанта с адресатом***, он может быть реализован посредством трех вариантов речевого взаимодействия. Первый вариант речевого поведения базируется на стратегии принятия адресатом интенций адресанта.

Модель 1 взаимодействия коммуникантов наблюдается в конвенционально предписанной ситуации вежливого речевого поведения. Находясь в равных социальных условиях, один из коммуникантов может предпринять попытки сближения, переходя в модус фамильярного речевого поведения. Отсутствие речевого протеста со стороны собеседника на втором коммуникативном ходу, т. е. реагирование адресата фамильярно на высказывание адресанта, позволяет последнему на третьем коммуникативном ходу продолжить свои речевые действия в модусе фамильярного речевого поведения.

Ситуативный контекст: в супермаркете одна покупательница по невнимательности стукнула тележкой для покупок другую

покупательницу. Обе собеседницы – молодые девушки примерно одинакового возраста:

(1) *Frau 1*: O, entschuldige, das war nicht absichtlich.

(2) *Frau 2*: [HÄLT MIT DER HAND DIE PRELLUNGSSTELLE] Mach dir keine Gedanken. Ich bin selber schuld. Ich habe schließlich nicht geschaut, wohin ich gehe.

(3) *Frau 1*: Komm, ich halte kurz deine Tüte.

(4) *Frau 2*: Ist schon in Ordnung (*AK, 7.12.2002*)[1].

Модель 2 представляет переход коммуникантов из модуса агрессивного в модус фамильярного речевого поведения. Если собеседник также готов к сближению и правильно интерпретирует намерения говорящего, конфликт разрешается, а интерактанты возвращаются к прежнему характеру межличностных отношений.

(1) *Frau*: Sag mal, wie lange hast du vor, mich zu ignorieren?

(2) *Mann*: Ich bin bereit, alles zu vergessen. Schon vergessen. Erinnere dich, wie toll es war, als wir uns noch nicht gestritten hatten. Verzeih mir doch!

(3) *Frau*: Ich hab' schon längst vergessen. Komm zurück nach Hause. [ER KÜSST SIE] (*AS, 16.05.2002*).

Модель 3 речевого взаимодействия возможна в асимметричной коммуникативной ситуации, когда интерактанты находятся в конфронтации. Адресант занимает более высокое положение в социальной иерархии и может совершать попытки сближения с целью добиться принятия своих интенций адресатом и, соответственно, отказа от агрессивных намерений. Адресат принимает интенции адресанта и реагирует в модусе вежливого речевого поведения.

Ситуативный контекст: так как ученик не следовал указаниям тренера, он был отправлен на трибуну до конца тренировки. Мальчик пытался агрессивно реагировать на жесткие замечания в свой адрес:

(1) *Trainer*: Jürgen, komm mal zu mir! … Von deinem Verhalten müsste ich eigentlich deinen Eltern berichten. Hältst du das für eine gute Idee?

(2) *Junge*: Entschuldigen Sie, Herr Bromm. Ich verspreche, dass das nie wieder vorkommt.

---

[1] Примеры взяты из авторского корпуса, составленного во время полевых исследований в Германии в 2002 и в 2007 гг.

(3) *Trainer*: Hoffentlich passiert so was nie mehr (*AK, 25.06.2002*).

Второй вариант речевого поведения базируется на **стратегии намеренного пропуска и игнорирования адресатом интенций адресанта**.

Модель 4 включает в себя ситуации, в которых наблюдается пропуск адресатом интенций адресанта и, как следствие, усиление дистанции со стороны адресата, несмотря на попытки сближения со стороны адресанта. Такое положение дел наблюдается в ситуациях, в которых один из коммуникантов совершает попытку перейти из модуса агрессивного в модус вежливого речевого поведения.

Ситуативный контекст: начальник отдела пытается уладить отношения с одной из сотрудниц после случившейся накануне ссоры на работе:

(1) *Chef*: Frau Schlösser, ich würde mich gerne mit Ihnen wieder vertragen.

(2) *Mitarbeiterin*: Das ist unverschämt, echt! Nach all den Beleidigungen, die Sie mir gestern an den Kopf geworfen haben.

(3) [CHEF BREITET DIE ARME VOR VERWUNDERUNG AUS UND SCHWEIGT] (*A, 12.03.2002*).

Модель 5 представляет вариант речевого взаимодействия, при котором адресант совершает попытку перейти из модуса агрессивного в модус фамильярного речевого поведения и тем самым пойти на сближение с партнером по коммуникации. Данная инициатива не находит понимания у адресата, который игнорирует интенции адресанта.

Ситуативный контекст: юноша пытается помириться со своей девушкой после произошедшей ссоры:

(1) *Junge*: Wollen wir nicht noch Mal ganz von vorne anfangen?

(2) *Mädchen*: Du bist ein Looser, ich hasse solche Typen.

(3) *Junge*: Reg dich nicht auf, wir können alles in Ruhe besprechen. [MÄDCHEN GEHT WEG] (*BS, 13.09.2002*).

Модель 6 речевого взаимодействия коммуникантов возможна в речевых ситуациях, в которых конвенционально предписанным является модус вежливого речевого поведения. Адресант, вступая в акт коммуникации, переходит в модус фамильярного речевого поведения. Адресат, используя стратегию пропуска или игнорирования интенций

адресанта, добивается возврата в модус вежливого речевого поведения.

Ситуативный контекст: юноша – распространитель газеты «Berliner Morgenpost» обращается на улице к проходящей мимо девушке:

(1) *Junge*: Nimm eine Zeitung mit, völlig kostenlos. [DIE PASSANTIN NIMMT DIE ZEITUNG] Bei mir kannst du auch mit Rabatt ein Abo schließen.

(2) *Mädchen*: Direkt bei Ihnen? Wie sieht Ihr Angebot genau aus?

(3) *Junge*: Wenn Sie bisschen Zeit für mich übrig haben, dann erkläre ich es Ihnen (*AK, 4.02.2002*).

Третий вариант речевого поведения базируется на **стратегии противодействия адресата в сторону дистанцирования от адресанта**.

Модель 7 развития коммуникации имеет место тогда, когда инициатор диалога выбирает для своего речевого поведения модус фамильярности вместо модуса вежливости, соответствующего конвенциональным требованиям коммуникативной ситуации. Такое поведение инициатора речевого взаимодействия может вызвать у адресата агрессивную реакцию и подтолкнуть его к противодействию в сторону дистанцирования на втором коммуникативном ходу.

Ситуативный контекст: на корпоративной вечеринке один их присутствующих обращается к молодой девушке – официантке:

(1) *Gast*: Kannst du mir vielleicht Wasser bringen? [BERÜHRT IHRE HAND]

(2) *Kellnerin*: Nehmen Sie Ihre Finger weg! Benehmen Sie sich gefälligst anständig.

(3) *Gast*: Ach, reg dich nicht auf! Ich habe doch nichts gemacht.

(4) [KELLNERIN GEHT WEG, OHNE ZU REAGIEREN] (*AK, 16.05.2002*).

В отличие от двух предыдущих сценариев речевого поведения, где инициатор диалога после ответной агрессивной реакции партнера по коммуникации либо вынужден вернуться в модус вежливого речевого поведения, либо продолжает совершать фамильярные речевые действия, *модель 8* развития коммуникации предполагает ее переход в модус агрессивного речевого поведения на третьем коммуникативном ходу, например:

(1) *Junge*: Sag mal, kennen wir uns nicht von irgendwoher?

(2) *Mädchen*: Soll das eine Anmache sein? Geh weg, damit ich dich nicht länger sehen muss.

(3) *Junge*: Was bildest du dir ein, du hässlicher Vogel (*AK, 18.12.2002*).

Модель 9 представляет сценарий речевого поведения в ситуации, в которой один коммуникант оценивает соотношения социальных ролей со своим собеседником как равноправные и переходит в модус фамильярного речевого поведения. Подобное речевое поведение может заставить его вернуться в модус вежливости после попыток партнера по коммуникации дистанцироваться в агрессивной манере.

Ситуативный контекст: юноша нечаянно наступает на ногу идущей впереди девушке:

(1) *Junge*: O ‘tschuldige!

(2) *Mädchen*: Passen Sie doch auf! Sie hätten mir beinahe den Schuh ausgezogen.

(3) *Junge*: Entschuldigen Sie, war nicht meine Absicht (*AK, 23.10.2002*).

В целом, анализ ситуаций повседневного общения представителей немецкой лингвокультурной общности показал, что большинство выделенных моделей речевого взаимодействия связано со сменой коммуникантами одного модуса речевого поведения на другой. **Переход адресанта из модуса вежливого в модус фамильярного речевого поведения** свидетельствует о его намерении пойти на *сближение с собеседником*. Если адресант не желает этого, он пропускает направленные на него интенции и отвечает вежливо, как того требует ситуативная норма или норма их межличностного взаимодействия (*модель 6*).

При правильной интерпретации слов адресанта адресат может принять интенции партнера и пойти с ним на сближение в рамках модуса фамильярного речевого поведения (*модель 1*). Если же адресат не заинтересован в смене существующего характера отношений, он выбирает стратегию пропуска интенций или противодействия в сторону дистанцирования (*модели 7, 9*). В этом случае он ведет себя вежливо, вынуждая адресанта на третьем коммуникативном ходу вернуться к исходному состоянию отношений.

Используя на втором коммуникативном ходу стратегию противодействия в сторону дистанцирования, адресат тем самым переводит свое речевое поведение в модус агрессивного речевого поведения.

В этом случае инициатор актуального акта коммуникации на третьем коммуникативном ходу может использовать одну из имеющихся у него возможностей: продолжить попытки сближения (*модель 7*), отреагировать агрессивно (*модель 8*) или вернуться к исходному характеру взаимоотношений со своим партнером по коммуникации – в модус вежливого речевого поведения (*модель 9*).

Использование *стратегии* сближения может привести к **смене модуса агрессивного на модус вежливого или фамильярного речевого поведения**. Если адресат правильно распознал в речевых действиях адресанта интенции на сближение, то он может перейти в модус фамильярного (модель 2) или вежливого (*модель 3*) речевого поведения, характеризовавшего их межличностные отношения до наступления конфликта. Если адресат не готов к примирению и возврату на прежний уровень речевого взаимодействия, он выберет стратегию пропуска интенций (*модели 4, 5*). В этом случае инициатор смены характера взаимоотношений на третьем коммуникативном ходу может совершить еще одну, возможно, более ярко выраженную попытку сближения (*модель 5*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бенаккьо Р.* Выражение вежливости формами повелительного наклонения совершенного и несовершенного вида в русском языке // Тр. аспектологического семинара филол. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова. – Т. 3. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. – С. 6–17.
2. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.
3. *Бубер М.* Два образа веры. – М. : Республика, 1995. – 464 с.
4. *Казарцева О. М.* Речевое общение // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. – М. : ФЛИНТА, 1998. – С. 192–193.
5. *Стернин И. А.* О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativfunktionale Sprachbetrachtung. – Halle : Martin-Luther-Univ., 1989. – S. 279-282.
6. *Тарасов Е. Ф.* Речевое воздействие: методология теория // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 5–18.
7. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М. : Икар, 2007. – 478 с.
8. *Adamzik K.* Sprachliches Handeln und sozialer Kontakt: zur Integration der Kategorie “Beziehungsaspekt” in einer sprechakttheoretischen Beschreibung des Deutschen. – Tübingen : G. Narr, 1984. – 365 S.

9. *Frank K.* Sprachgewalt. Die sprachliche Reproduktion der Geschlechterhierarchie; Elemente einer feministischen Linguistik im Kontext sozialwissenschaftlicher Frauenforschung. Reihe germanistische Linguistik 130. – Tübingen : Niemeyer, 1992. – 169 S.
10. *Rathmayr R.* Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart: Akten der Tagung aus Anlaß des 25-jährigen Bestehens des Instituts für Slawistik an der Universität Innsbruck; Innsbruck, 25.–27. Mai 1995. – Innsbruck : Un. Innsbr., 1996. – S. 174–185.

УДК 811.112.2’

Л. И. Гришаева

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского гос. ун-та; e-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

КАК В МЕДИАДИСКУРСЕ ИНФОРМИРОВАНИЕ СТАНОВИТСЯ МАНИПУЛИРОВАНИЕМ?

В статье на основании разграничения ситуаций, в которых в медиадискурсе информирование преобразуется в манипулирование, определяются соответствующие условия, называются наиболее значимые маркеры такой трансформации, характеризуется сфера реализации этого преобразования, а также намерения адресанта при порождении медиатекста. Называются номинативные стратегии, востребованные в обозначенных условиях. Трансформирование дискурсивных стратегий отграничивается от их мимикрии. Отмеченные положения стали результатом наблюдений над немецким медиапространством в период президентских выборов в России в 2012 г.

Ключевые слова: дискурсивная стратегия; номинативная стратегия; трансформация / мимикрия дискурсивных стратегий; манипулирование; информирование; медиатекст; медиадискурс.

Grishaeva L. I.

Doctor of Philology, Professor, the Department of German Philology, Voronezh State University; e-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

HOW DOES INFORMING TURN INTO MANIPULATING IN MEDIA DISCOURSE?

The paper presents a classification of situations where informing turns into manipulating in media discourse. The necessary conditions for this transformation are identified, its most significant markers are specified, and the domain of its realization is characterized as well as the addresser’s intentions in producing a media text. The paper lists nominative strategies commonly used in the conditions described. Transformation of discourse strategies is differentiated from their mimicry. These observations result from the study of the German media landscape during the Presidential election in Russia in 2012.

Key words: discourse strategy; nominative strategy; transformation / mimicry of discourse strategies; manipulating; informing; media text; media discourse.

Перспективность медиалингвистических исследований, осуществляемых, естественно, разными методами и приемами, а также согласно разным теоретическим подходам становится все более очевидной для исследователей-гуманитариев и основывается во многом

на свойствах медиатекстов, присущих им имманентно (см. подробнее анализ соответствующих характеристик [2, с. 25–35, 36–50]).

Особого внимания ученых, работающих в рамках разных исследовательских парадигм, заслуживает, пожалуй, один из многочисленных парадоксов медиатекстов и медиадискурса, в котором соответствующие тексты и порождаются, – преобразование дискурсивных стратегий, а именно – трансформирование информирования в манипулирование. Парадоксальной такого рода трансформация является потому, что реципиенты многочисленных медиатекстов, предназначенных теоретически для информирования, воспринимают их на практике в дискурсе иначе, а именно – как направляющие определенным образом действия адресата. Раскрыть причины этого положения дел для исследователя важно потому, что в таких условиях медиатексты кардинально влияют на концептуализацию новых сведений о реальности в частности (и тем самым на переструктурирование всей картины мира и единичного, и коллективного субъекта познания) и коммуникации в общем. Другими словами, такие медиатексты, образующие в медиапространстве некоторые сложные дискурсивные комплексы, организованные по разным основаниям, становятся весьма эффективным средством манипулирования сознанием и действиями носителей языка и культуры (подробнее о сущности манипулирования, условиях его реализации, общих и частных признаках проявления см. в [2; 4–5]).

Комплекс задач, решение которых позволяет выявить и изучить причины и последствия порождения в известных дискурсивных условиях медиатекстов, в которых информирование становится манипулированием, а также определить средства и способы реализации названных выше дискурсивных стратегий, чрезвычайно актуален именно сегодня, когда подобные ситуации, к сожалению, без их тщательной дифференциации по разным основаниям – описываются в профессиональной, полупрофессиональной и даже в околопрофессиональной среде то как информационная война, то как один из важных элементов/инструментов «гибридной войны», то как проявление когнитивной войны, то в качестве результата идеологической войны и пр. Между тем стратегия – это в самом общем смысле план действий для достижения некоторой цели, поэтому чрезвычайно важно различать и тщательно изучать генетически родственные, но не идентичные феномены: трансформацию дискурсивных стратегий и их мимикрию, чтобы понять, как они бытуют в известных дискурсивных условиях.

Таким образом, цель настоящего исследования – объяснить, как в медиадискурсе осуществляется преобразование информирования в манипулирование. Сказанное означает необходимость определить и проанализировать условия, в которых имеет место трансформация наиболее значимых для медиапространства дискурсивных стратегий, назвать маркеры соответствующего процесса, отграничить собственно трансформирование дискурсивных стратегий от иных близких и/или сходных с названным процессов.

Материалом для наблюдений и обобщений стал весь массив публикаций немецкого журнала «Зеркало», появившихся во время президентских выборов в России в 2012 г.

В актуальном медиадискурсе информирование и манипулирование – две наиболее часто и последовательно реализуемые дискурсивные стратегии. Нет сомнения в том, что это связано, прежде всего, с сущностью медиадискурса, а также с эндогенными и экзогенными характеристиками медиатекста.

Очевидно, что об информировании применительно к медиапространству вообще целесообразно говорить в случаях, если в медиадискурсе/медиатексте сообщаются:

– (абсолютно и/или в чем-то принципиально) новые для адресата сведения;

– сведения, которыми адресат, по убеждению/мнению адресанта, не располагает/не должен/не может располагать в силу особенностей развития соответствующего медиадискурса;

– сведения, благодаря которым переструктурируется имеющийся до сих пор у адресата комплекс знаний о мире или по той или иной важной для адресанта причине необходимо преструктурирование этого комплекса;

– сведения, когнитивная обработка которых реципиентом приводит к изменению стратегий восприятия им тех или иных сведений о мире, т. е. к изменению в когнитивных стратегиях, специализирующихся на определенных дискурсивных условиях, и др.

При манипулировании имеет место неосознаваемое адресатом воздействие со стороны адресанта, из-за которого адресат действует в разных случаях желаемым адресанту образом, в частности:

– при осмыслении получаемых от адресанта сведений, когда именно адресант своими действиями предопределяет результат концептуализации и категоризации воспринимаемых сведений;

– при реагировании после сообщения сведений в медиатексте и/или медиадискурсе на воспринимаемую действительность и/или на того или иного человека с конкретными особенностями, ставшего на более или менее длительное время медийным персонажем и т. д.;

– при сознательном или неосознаваемом осуществлении разнообразных видов деятельности адресатом в интересах адресанта и др.

В этой связи следует подчеркнуть необходимость тщательного разграничения двух типов ситуаций, в которых, как показывает анализ [2], имеет место обсуждаемое преобразование дискурсивных стратегий. С одной стороны, это ситуации, в которых реализуется «информационная война» и используются соответствующие языковые (и неязыковые) средства ее ведения, с другой – это стандартные для медиадискурса ситуации, в которых информирование преобразуется в манипулирование. Причиной такого разграничения является то, что в первом случае интенция «манипуляция как активное и сознательное очевидное воздействие в определенном смысле на реципиента» очевидна для реципиента, а во втором она по той или иной причине – с большей или меньшей степенью очевидности – разными способами камуфлируется в медиадискурсе с помощью разных приемов и не распознается реципиентом как таковая.

Первый тип ситуаций характеризуется тем, что акты информационной войны, разворачивающейся в медиадискурсе и реализуемой прежде всего определенным образом семантически и синтаксически организованным медиатекстом или их комплексом, осуществляются сознательно и очевидны как для реципиента, так и для стороннего наблюдателя. В силу этого распознавание стратегии манипулирования не представляет в процессе анализа особых сложностей; такие медиатексты, очевидно, менее интересны для исследователя-лингвиста.

Второй тип ситуаций более сложен для медиалингвистического анализа потому, что преобразование дискурсивных стратегий в медиадискурсе исследователь распознает не столь однозначно; это же касается также и реципиента, т. е. «нормального» коммуниканта в медиадискурсе. Сказанное тем более справедливо по отношению к манипулированию, поскольку последнее изначально камуфлируется под нечто иное – в противном случае манипулирование не могло бы достичь своих целей.

Применительно к политическому дискурсу, в котором манипулирование преобразуется в информирование, следует иметь в виду,

по крайней мере, два типа целей, которые в чистом виде можно выделить только в лабораторных условиях: (а) побуждение адресата к действию так, чтобы последний и не осознал этого; (б) переформатирование сложившегося у адресата комплекса сведений, чтобы он в дальнейшем действовал желательным для адресанта образом.

Условия, при которых информирование трансформируется в манипулирование, поддаются исчислению, поскольку адресант, реализуя свою интенцию, использует определенные языковые средства, функциональный потенциал которых более или менее легко распознаваем, и организует их специфическим образом. Характерно, что соответствующий потенциал языковых средств более или менее хорошо распознается не только носителями языка или культуры, которые владеют этим умением сознательно или интуитивно, но и исследователем. В этой связи следует обратить внимание и на то интересное обстоятельство, что сегодня корректнее говорить не об отдельном медиатексте, изолированно изучаемом тем или иным способом, и его некотором воздействии на реципиента, а о некотором их комплексе. Этот комплекс можно – или целесообразно – рассматривать и как гипертекст, имеющий более жесткую по сравнению с «обычными гипертекстами» тематически, функционально и интенционально организованных медиатекстов (см. подробнее о данном свойстве тематически связанных медиатекстов, бытующих с медиадискурсе, [2, с. 174, 180, 197, 241]). Такими условиями, как следует из обобщения наблюдений, являются:

– максимальная согласованность медийной, политической, публичной агенды в медиадискурсе в определенный период времени;

– совпадение тематики медиатекста / медиатекстов и разных видов агенды;

– тематическая согласованность когнитивной фигуры при профилировании комплекса сведений с понятийной сферой доминирующей агенды;

– решение адресантом некоторой коммуникативной задачи с помощью совокупности медиатекстов, каждый из которых призван решить частную задачу, подчиненную общей;

– наличие и / или конструирование эксплицитного и / или имплицитного аксиологического контекста, в котором активизируются сообщаемые в дискурсе сведения;

– апелляция к значимым в конкретном культурном пространстве ценностным ориентациям и др.

Согласно специальному анализу, в обеих группах медиатекстов, в которых исследователь прослеживает преобразование дискурсивных стратегий, активно востребованы следующие текстообразующие техники, так или иначе связанные с тематической, семантической и синтаксической организацией текста:

– изменение (переакцентуация) медийной, публичной и политической повестки дня (агенды) как следствие специфической организации текста на макросинтаксическом уровне;

– создание разными способами и разнообразными языковыми средствами аксиологического контекста, неуместного при реализации дискурсивной стратегии информирования;

– апелляция – эксплицитная и/или имплицитная – разными способами и средствами к негативным для определенной культуры ценностным ориентациям;

– активизация негативно заряженных представлений, актуальных для конкретной культуры, через апелляцию к негативно коннотированным прецедентным феноменам;

– использование номинативных стратегий косвенной идентификации, сгущения негативных смыслов, генерализации и др. при обозначении людей, их действий, ценностных ориентаций, артефактов, семиотических пространств и т. п. вместо стратегий прямой идентификации;

– варьирование степени детализации сообщаемых адресату сведений, степени дифференциации сведений из разных тематических сфер, неадекватное в конкретных коммуникативных условиях;

– перефокусировка внимания адресата через использование при порождении текста разных когнитивных и тема-рематических техник, следствием чего становится разное профилирование комплекса сведений, варьирование соотношения между когнитивным фоном и когнитивной фигурой (детальный анализ и обобщение названных явлений см. [2, с. 185–235]).

Преобразование дискурсивных стратегий в медиадискурсе – явление сложное и требующее тщательного и дифференциального анализа. При этом трансформацию дискурсивных стратегий необходимо отличать от мимикрии. О мимикрии дискурсивных стратегий целесообразно говорить потому, что глобальная дискурсивная задача решается поэтапно, через решение разнообразных частных коммуникативных задач, через неизбежную коррекцию адресантом своей

деятельности в зависимости от постоянно меняющихся дискурсивных условий. Поэтому ясно, что мимикрия стратегий может прослеживаться и в одном медиатексте.

При трансформации дискурсивных стратегий цель адресанта реализуется не в пределах одного медиатекста, а через некоторых их комплекс, организованный более или менее жестко по тематическим, макросемантическим и макросинтаксическим основаниям; причем каждый медиатекст представляет собой реализацию одной частной цели, подчиненной единой общей. Поэтому трансформация стратегий осуществляется на долговременной основе, в том время как при мимикрии – на кратковременной. Это обусловлено различиями в развитии коммуникативных и когнитивных процессов при трансформировании и мимикрии: при трансформировании коммуниканту необходимо на некотором этапе развития процесса кардинально изменить / переструктурировать свою деятельность, чтобы реализовать свою общую для целого ряда коммуникативных событий цель, а при мимикрии – приспособиться к актуальным и быстро меняющимся условиям, реализуя частную коммуникативную задачу (подробнее о критериях разграничения мимикрии и трансформации дискурсивных стратегий см. [2, с. 222–226, 230–235]).

В обозначенном контексте важно подчеркнуть еще одно различие обсуждаемых процессов, вытекающее из их темпоральной протяженности. При трансформировании стратегий адресант не меняет цель своей деятельности, однако при мимикрии происходит осознаваемая адресантом подмена одной коммуникативной цели другой. И если для характеристики адресата данное обстоятельство не столь значимо, то при анализе деятельности адресанта мимикрия, т. е. подмена одного другим для адаптации к изменившимся коммуникативным условиям, необходима, так как она учитывает поливариантность развития дискурса на самых разных его этапах (обобщение сопоставления характеристик названных процессов см. в [2]).

Способ достижения коммуникативной цели в дискурсе может многократно варьироваться – и варьируется в зависимости от меняющихся коммуникативных условий, мимикрируя, например, под запрос информации, под объяснение, повествование, описание, нарратив и т. п. Тем самым адресант способен удерживать внимание адресата, удовлетворять его коммуникативные запросы и даже способствовать расширению и более или менее тонкой дифференциации тех или иных комплексов сведений о мире.

В качестве примера мимикрии аксиологических стратегий под информирование немецких читателей об инокультурной реальности можно привести, например, перевод статьи Виктора Ерофеева, опубликованной в немецком журнале «Зеркало» («Der Spiegel») под названием «Массовый протест против Путина. «Мы, русские, хвастуну не доверяем! (*Massenprotest gegen Putin. "Wir Russen trauen keinem Angeber!" 03.01.2012*).

Мимикрию аксиологической стратегии можно распознать по следующим признакам (подробный анализ см. в [2, с. 226–229]): использование разнообразных средств на микро- и макротекстовом уровне, в частности:

– аксиологические средства для именования автора статьи (*популярнейший писатель* – populärster Schriftsteller), что немецкий реципиент воспринимает как информирование, поскольку он ориентируется на грамматическую семантику превосходной степени сравнения прилагательного (*populärster*) и мнение журнала;

– синтаксические и лексические повторы в макротексте (*Protest gegen Putin in Moskau: Russland ist klüger geworden – Московские протесты против Путина: Россия поумнела*). При этом редакция цитирует высказывание Виктора Ерофеева (важно обратить внимание на кавычки, оформляющие прямую речь): *Dem russischen Volk reißt der Geduldsfaden! – У русских терпение на пределе!* Характерно, что при переводе статьи Виктора Ерофеева журналист выбирает из всех возможных аксиологически заряженный эквивалент, к тому же фразеологизм. Учитывая коммуникативный тип предложения (восклицательное), использованного дважды в самом начале текста, в том числе в сильной позиции текста (комплекс «заголовок + подзаголовок»), следует признать, что немецкий реципиент не может не воспринимать ситуацию, о которой он будет читать в тексте, как предельно сложную и даже, пожалуй, чреватую социальным взрывом. Это в ситуации информирования о предвыборной борьбе в России реципиент воспринимает не как оценку, а как сообщение об инокультурной реальности;

– подзаголовки, тематически связанные друг с другом: W*ir Russen trauen keinem Angeber!* что перекликается с заголовком статьи, *Das Revolutionsjahr 2011 ist im stillen Russland angekommen – В спокойной России в 2011 году наступила революция*, а также *Russland ist klüger geworden – Россия поумнела*, что также повторяет фразу, помещенную редакцией в самом начале статьи;

– концептуальная метафора «штормовое предупреждение», предопределяющая концептуализацию сведений о выборах в России: *Putin und Medwedew haben ihre Machtspiele zu weit getrieben, die Zeichen stehen auf Sturm* (*Путин и Медведев далеко зашли в своих играх с властью, барометр показывает шторм*);

– отсылка к интертекстуальным связям, значимым для русской культуры: к горьковскому высокоэмоциональному и очень экспрессивному эпическому «Буревестнику», предупреждающему: «Буря, скоро грянет буря!», что известно большинству носителей русской культуры со школьных лет. Немецкий реципиент извлекает соответствующие сведения из текста. Это поддерживает воздействие концептуальной метафоры, поскольку концептуальная структура «шторм» становится основой для осмысления ситуации «выборы». Эти же сведения активизируются и в конце статьи, образуя содержательную рамку: *Der Kreml wird Zug um Zug mit dem von Gorki prophezeiten* "*Sturmwird*" *fertig werden. Auch die leichtfertigen Weichensteller, die ihn nicht verhinderten, könnten übers Knie gelegt werden. Der Kreml wird vorsichtiger, verschwiegener und härter, weil er unter keinen Umständen zu einem realen Machtwechsel bereit ist. Wer zurücktritt, muss Repressionen fürchten*;

– разные приемы макроструктурной организации текста. Так, содержание статьи начинает свое развитие в третьем абзаце отсылкой к «Кровавому воскресенью», представляющей собой не менее значимую интертекстуальную связь для носителей русской культуры. Статья завершается жесткой констатацией – пассажем об отрыве от реальности со стороны власть имущих, парящих из-за этого «в космосе»: *Unsere Machthaber haben sich gleichsam ins Weltall katapultiert. Dort schweben sie völlig losgelöst von der Realität*. Носителями немецкой культуры такое положение дел может восприниматься только негативно, так как, согласно представлениям носителей немецкой культуры, интересы электората – особенно в период выборной кампании – являются первичными и обязательными для властей.

В тексте присутствуют и иные средства, по которым можно распознать мимикрию аксиологических стратегий под информирование.

Приведенный пример может иллюстрировать мимикрию стратегий, потому что автор статьи не анализирует событие, мотивациию участников события и т. д., что неотъемлемо от информирования. Напротив, автор оценивает личность кандидата, не обосновывая свои

оценки, не анализируя его предвыборную программу. Другими словами, стратегия оценивания мимикрирует под стратегию информирования. Поэтому автор не стремится убедить адресата в своей правоте, он хочет озвучить свою позицию, не слишком заботясь о ее убедительности для адресата: он вещает, предсказывает, а не разбирает ситуацию.

Еще одним доказательством мимикрии стратегий является то, что в статье излагается впечатление от события – выборов в России, цитируется мнение одного из сторонников российской оппозиции, которому приписывается статус более значимый, чем он имеет на самом деле в своей культурной среде в целом, и мнение которого предлагается понимать немецкому читателю как широко распространенное и не нуждающееся в обосновании в России.

В контексте всех публикаций о выборах российского президента данная воспринимается немецким читателем, скорее всего, как доказательство объективности журнала и его корреспондентов, аналитичности излагаемой позиции, стремления сообщать достоверные и разнородные сведения об инокультурной реальности: указывается авторство, называется переводчик, характеризуется место цитируемого автора в культуре[1].

Степень успешности перечисленных и иных преобразований дискурсивных стратегий в дискурсе различна и может быть опознана исследователем прежде всего по изменению номинативных стратегий для решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи (подробнее о корреляции дискурсивных и номинативных стратегий при трансформации и мимикрии дискурсивных стратегий см. [2, с. 69–105, 122–184, 236–249] Другими словами, трансформацию

[1] Следует заметить, что о понятии коммуникативной мимикрии говорит в связи с размышлениями о социальной власти языка В. Б. Кашкин [3]. Описывая на примере реализации дискурсивных стратегий цыганками на улице детально типологию коммуникативной мимикрии, ее функции, маркеры и сферу проявления, исследователь называет следующие ее типы. Авторская мимикрия [3, с. 23–24] характеризуется в качестве явления общекоммуникативного типа, выступающего на уровне коммуникативной ситуации [3, с. 25]. Функциональная мимикрия [3, с. 24–25] выступает на уровне отдельных фраз и фрагментов текста [3, с. 25]. Мимикрия элементов коммуникации связана «с микроуровнем, уровнем состава текста, отдельных его элементов» [3, с. 25–26].

стратегий «информирование => манипулирование» можно распознать по изменившемуся и остающемуся в медиадискурсе константным на протяжении довольно длительного времени выбору средств именования некоторого референта. При информировании чаще всего адресант использует номинативные стратегии прямой идентификации, а при манипулировании в его распоряжении имеются к тому же номинативные стратегии косвенной, аксиологической, дескриптивной идентификации, стратегии генерализации, сгущения негативных смыслов и др.

Анализ преобразования дискурсивных стратегий в медиапространстве весьма продуктивен для осмысления результатов рецепции медиатекстов и позволяет описать трансформацию дискурсивных стратегий и их мимикрию как явлений не тождественных, но генетически родственных. Значимыми для осмысления обсуждаемого феномена являются четыре комплекса задач:

1) определение четких оснований для разграничения манипулирования и мимикрии как таковых;

2) выявление признаков камуфлирования манипулирования под иные дискурсивные стратегии, а также типы трансформации информирования в манипулирование;

3) определение характеристик реципиента, который наиболее подвержен неосознаваемому им манипулированию, либо не способен различать этого;

4) исчисление и описание особенностей адресанта, заинтересованного в преобразовании дискурсивных стратегий в некоторых дискурсивных условиях.

Другими словами, выявить причины трансформации дискурсивных стратегий, а также их мимикрии в некоторых дискурсивных условиях – значит описать, как язык проявляет свою «социальную власть» [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блакар Р. М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88–120.
2. *Гришаева Л. И.* Парадоксы медиалингвистики. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 295 с.
3. *Кашкин В. Б.* Коммуникативная мимикрия и социальная власть // Эссе о социальной власти языка: Коллективная монография / под ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 21–29.

4. *Pugatschjow V*. Faktoren und Merkmale der Manipulation // R. Leon Tsvasmann (Hrsg.) Das groβe Lexikon Medien und Kommunikation. – Würzburg : Ergon-Verlag, 2006. – S. 228 –232.
5. *Tsvasman L.* Manipulation [manipulation] // Leon R. Tsvasman (Hrsg.) Das große Lexikon. Medien und Kommunikation. – Würzburg : Ergon-Verlag, 2006. – S. 226 –228.

УДК 81-13

И. А. Гусейнова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: ginnap@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА И УПРАВЛЕНИЯ ВНИМАНИЕМ

В статье предпринимается попытка рассмотреть «информационный день» как один из видов социальной деятельности, обеспечивающий конструирование реального и виртуального видов пространства с учетом социокультурных параметров целевых аудиторий. Анализ социальной практики проводится на основе эмпирических данных, свидетельствующих о том, что когнитивные приемы конструирования и управления вниманием совпадают, но они различаются механизмами и степенью воздействия на сознание массового реципиента.

Ключевые слова: информационный день; управление вниманием; управление реальностью; виртуальная среда; социальная практика; конструирование; дискурс; социально-демографическая группа.

Guseynova I. A.

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, the Department of German, the Faculty of Translation and Interpretation, MSLU; e-mail: ginnap@mail.ru

SOCIAL ACTIVITY AS A MEANS OF CONSTRUCTING SPACE AND MANAGING ATTENTION

The article offers an opinion on “information day” as a kind of social activity that promotes the construction of real and virtual spaces with regard to sociocultural characteristics of the target audiences. The analysis of social practice relies on empirical evidence. Although cognitive methods of constructing and managing attention coincide, they still differ in terms of mechanisms and the degree of influence over public consciousness.

Key words: information day; attention management; reality management; virtual environment; social practice; construction; discourse; socio-demographic group.

Социальная деятельность наряду с предметно-практической и коммуникативной является одной из значимых в современном обществе. Охватывая различные группы людей, формируя ценностные системы в различных социумах, данная практика может служить различным целям, варьируемым в зависимости от конкретных социально-экономических и политических, а также геополитических условий.

Для реализации социально значимых целей представляется необходимым рассмотреть инструментарий, обеспечивающий насыщение пространства информацией, с одной стороны, и определяющий ее содержание – с другой. Отметим, что от качества содержания зависят формируемые профили социально-демографических групп. На наш взгляд, молодежь, в силу ее психологических характеристик, индивидуальных различий, в силу потребности в самоанализе и в стремлении к действию, наиболее сильно подвержена внешнему воздействию. Напомним, что молодежь – это «социально-демографическая группа людей, находящаяся в промежуточном возрасте между юностью и зрелостью, обладающая определенным общественным статусом и занимающаяся конкретной деятельностью» [1, с. 261]. Современная конкретная деятельность молодежи во многом определяется информационно-коммуникационными технологиями, применяемыми в процессе освоения виртуальных и реальных видов пространства.

Повсеместное внедрение дискурсивных практик приводит к необходимости детального изучения специфики институционального дискурса, с одной стороны, и анализа возможностей виртуальной среды – с другой. Для иллюстрации заявленного нами выше обратимся к одному из способов конструирования виртуального пространства, способного оказать влияние на социальную реальность применительно к институциональной, а именно – образовательной среде, обозначаемой нами «информационный день», известный в повседневной социальной практике как «день открытых дверей».

Напомним, что под информационным днем (ср.: *нем*. Informationstag, *англ*. open day) традиционно понимается серия мероприятий ознакомительного характера, направленных на информирование заинтересованных лиц о профессиональной деятельности институции – организации, учреждения, нацеленных на создание профессионального имиджа как в социальной, так и виртуальной среде. Известно, что информационный день проводится на регулярной основе для массовой аудитории, не имеющей возможности посещения данной институции в другое время, т. е. доступ к данной информации ограничен.

Анализ эмпирических данных о днях открытых дверей, проведенных в разных образовательных учреждениях г. Москвы, представленных в интернет-ресурсах, позволяет сделать некоторые выводы о способах конструирования имиджа вуза, с одной стороны, и выделить способы управления массовым вниманием – с другой. В этом случае

мы ограничимся анализом данных социологического мониторинга информационных дней, проведенных на базе ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»[1].

Эмпирическим путем нами установлено, что управление вниманием массового реципиента осуществляется: а) в межличностной среде; б) в виртуальной среде. Освоение социального и виртуального пространств при помощи семиотических средств реализуется в двух аспектах:

а) управление реальностью / **вниманием** через социальные механизмы путем применения различных дискурсивных практик, основанных прежде всего на межличностном общении;

б) управление реальностью / **вниманием** через интернет-ресурсы, обеспечивающие информационно-коммуникационное взаимодействие с массовым реципиентом в виртуальной среде при помощи различных презентаций, структурирующих пространство Интернета.

В контексте вышесказанного нам представляется необходимым остановиться на двух понятиях, широко используемых в различных типах среды и видах дискурса, – «технология» и «стратегия». Как справедливо отмечает С. Н. Плотникова, «и стратегия, и технология связывают когнитивное (ментальное, информационное) и материальное (вещественное, онтологическое). И стратегия, и технология действуют одновременно в сфере когнитивного и в сфере материального» [3, с. 15]. Данное утверждение кажется нам весомым в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, оно позволяет рассматривать «информационный день» как дискурсивную, шире – социальную практику, так и как инструмент управления вниманием целевых аудиторий. Важно, что оба процесса являются управляемыми, не зависят от типа среды и способствуют конструированию социального и виртуального видов пространства.

Во-вторых, понимание дискурса как саморазвивающейся системы требует уточнения: является ли процесс саморазвития управляемым или хаотичным? Можно ли регулировать «коммуникативную свободу»? На наш взгляд, компьютерно-опосредованные технологии

[1] «Информационные дни» на базе МГЛУ проводились 6, 13 и 27 апреля 2014 года. Социологический мониторинг проводился в форме выборочного устного опроса посетителей данных мероприятий. Всего в социологическом опросе приняли участие более 1000 человек.

дают возможность конструирования коммуникативно-дискурсивных пространств. Во многих случаях это происходит как бы свободно, однако в действительности существуют следующие ограничения:

– ***заданность макроструктуры*** – тема является обязательной для всех участников виртуального общения;

– ***заданность суперструктуры***, например электронное деловое письмо характеризуется следующими константными элементами: адрес получателя, адрес отправителя, дата, тема сообщения, обращение, информационный блок, формулы приветствия/прощания, подпись;

– ***заданность временны́х рамок***, когда участники виртуального общения, несмотря на возможность асинхронного взаимодействия, преимущественно участвуют в решении имеющихся проблем в определенный промежуток времени, а возможная отсрочка в ответе обусловлена техническими причинами или внешними обстоятельствами;

– ***заданность формата общения*** – статусно-ориентированного или личностно ориентированного, с соблюдением иерархии или с переходом в сетевое взаимодействие;

– ***наличие общественного мнения***, когда не все участники виртуального взаимодействия считают то или иное общение приемлемым для себя;

– ***заданность социокультурных параметров***, в том числе гендерных или возрастных и пр.

Примечательно, что подобные ограничения существуют и в социальной сфере.

В-третьих, **стратегия** и **технология** строятся на постулатах когнитивной лингвистики: 1) язык понимается как способ познания окружающей действительности; 2) коммуникативная деятельность является результатом обработки данных, полученных через различные каналы восприятия информации; 3) «языковые значения репрезентируют те структуры знаний, которые мы строим, субъективно познавая мир; выбор языковых выражений отражает способ конструирования мира индивидом» [2, с. 11–12]; 4) конструирование реальности осуществляется в процессе социокультурного взаимодействия, т. е. оно протекает с учетом особенностей коммуникативно-прагматической ситуации и социокультурных параметров коммуникантов.

Итак, когнитивные приемы конструирования подходов совпадают, но они различаются механизмами и степенью воздействия на сознание массового реципиента. Охват виртуальный, безусловно, *шире* социального, но социальное воздействие, несомненно, *глубже* виртуального.

Учитывая то обстоятельство, что в виртуальном пространстве коммуникативная свобода находится под влиянием различных социально, культурно и лингвистически обусловленных факторов, то можно также предположить следующее: в профессиональной среде виртуальное пространство нуждается в планомерном, стратегически продуманном освоении, реализуемом различными способами. На наш взгляд, конструирование социального/виртуального пространства с целью его материально-духовного освоения зависит от следующих параметров:

1) типа среды (социальная (реальная) или электронная (виртуальная);

2) социокультурных параметров (профессиональная целевая группа, массовый реципиент, специфическая группа пользователей, например школьники, абитуриенты и пр.);

3) жанровой специфики канала распространения информации (межличностное общение, компьютерно-опосредованная коммуникация и т. п.);

4) доминирующих ценностей.

Последнее представляется чрезвычайно актуальным, так как предполагает формирование вторичной ценностной системы в национально-культурном сообществе.

Напомним, что все ценности условно можно разделить на положительные vs. отрицательные; материальные vs. духовные; действительные vs. воображаемые; первичные vs. вторичные и др.

Важно, что из всего многообразия ценностных смыслов можно выделить **доминирующую ценность**. Принято считать, что ценность является доминирующей, если она: 1) освоена в конкретном национально-культурном сообществе; 2) признана (мировым) сообществом; 3) *внедрена в социальную практику*.

С позиций социальной деятельности доминирующей ценностью в виртуальном пространстве можно считать ***социокультурное взаимодействие***, так как оно:

1) декларируется в институциональной среде различных национально-культурных сообществ – в политическом, экономическом, рекламном, маркетинговом и других видах дискурса;

2) признается в качестве одной из основополагающих стратегий XXI в., заявленных в концепции устойчивого развития (ср.: *нем*. Nachhaltige Entwicklung, Nachhaltigkeit, ср. *англ*. Sustainable Development);

3) используется повсеместно как одна из разновидностей социодискурсивных практик.

На наш взгляд, «информационный день» может рассматриваться как способ конструирования пространства и управления вниманием, так как он: 1) учитывает социокультурные параметры участников общения; 2) учитывает их материально-духовные интересы; 3) обеспечивает информационно-коммуникационную деятельность между институцией и целевой аудиторией; 4) способствует формированию положительного имиджа институции.

В заключение подчеркнем, что «информационный день» является:

1) одной из дискурсивных практик, служащих достижению практической цели;

2) эффективным средством развития информационного, дискурсивного и коммуникативного способов управления;

3) способом освоения коммуникативно-дискурсивного, духовного и социально-экономического видов пространства;

4) способом овладения вниманием социально-демографических потоков (целевых групп, профессиональной аудиторией, массового реципиента; международной аудиторией и пр.);

5) способом структурирования виртуального и социального пространств.

Учет типа среды, социокультурных параметров целевой аудитории, направленности воздействия обеспечивает эффективное управление вниманием при конструировании имиджа организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Земцов И. Г.* Советский язык – энциклопедия жизни. – М. : Вече, 2009. – 512 с.
2. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования.– М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
3. Технологизация дискурса в современном обществе: Коллективная монография / под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 320 с.

УДК 81`42

Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская, С. О. Гуляйкина

Данкова Н. С., ст. преподаватель кафедры английского языка, Пензенский гос. ун-т; e-mail: n.s.dankova@mail.ru

Дубровская Т. В., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка, Пензенский гос. ун-т; e-mail: gynergy74@gmail.com

Гуляйкина С. О., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Пензенский гос. ун-т; e-mail: gulyaykina@list.ru

РОЛЬ ЖАНРА В КОНСТРУИРОВАНИИ ИМИДЖА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ[1]

Авторы рассматривают дискурсивные способы репрезентации института правосудия в пензенских печатных СМИ, выделяя основные жанры, в рамках которых отражена деятельность данного института. Цель исследования – определить роль жанра в конструировании имиджа судебной власти в местных СМИ. В рамках выделенных жанров проводится анализ языковых средств, используемых журналистами. В заключительной части делается вывод о влиянии выбранного жанра на создание образа института правосудия.

Ключевые слова: судебная власть; СМИ; жанр; репрезентация; положительный; отрицательный.

Dankova N. S.

Senior Lecturer, the Department of English, Penza State University, Penza; e-mail: n.s.dankova@mail.ru

Dubrovskaya T. V.

Doctor of Philology; Head of the Department of English, Penza State University, Penza; e-mail: gynergy74@gmail.com

Gulyaykina S. O.

Ph.D., Associate Professor, the Department of English, Penza State University, Penza; e-mail: gulyaykina@list.ru

THE ROLE OF GENRE IN CONSTRUCTING THE IMAGE OF JUDICIAL POWER

The authors examine discursive representations of the judiciary in printed mass media of Penza region distinguishing the dominating genres through which the work of the institution is revealed. The purpose of the study is to determine the

[1] Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ №14-14-58002 «Дискурсивное конструирование имиджа судебной власти в региональных средствах массовой информации (на примере Пензенской области)».

role of genre in constructing the image of judicial power in the local media. Within the determined genres, the analysis of linguistic means used by journalists is performed. The research indicates that the image of the judiciary is predetermined by the genre chosen by the journalist.

Key words: judicial power; mass media; genre; representation; positive; negative.

В настоящее время в нашей стране в целом и в Поволжском регионе, в частности наблюдается неоднозначное отношение общественности к институту правосудия. С одной стороны, все больше граждан обращаются в суд за защитой своих прав и интересов. С другой – социологические опросы выявляют недоверие общества судебной власти. Так, по данным соцопроса фонда «Общественное мнение» 2012 г., 40% опрошенных выразили свое негативное отношение в адрес судебной системы, только 24% оценили деятельность суда и судей положительно [10].

Нам представляется, что определенная доля ответственности за формирование общественного мнения о судебной системе ложится на СМИ, так как у большинства людей представление о системе правосудия складывается из информации, которую они получают из средств массовой информации, а не личного опыта пребывания в зале суда [6].

Отдельные аспекты, составляющие образ судебной власти, были рассмотрены ранее в работах, направленных на исследование репрезентации института судебной власти в английской прессе и российских СМИ [2; 3; 5; 6].

Полагаем, что репрезентация судебной власти в местных СМИ также заслуживает внимания. Данная работа является частью проекта, цель которого состоит в изучении типичных репрезентаций института правосудия в СМИ в Пензенском регионе. Вопросы взаимоотношений судебной власти и СМИ в Пензенской области, а также манипуляции прагмалингвистическими средствами при создании имиджа судебной власти обсуждены нами ранее [1; 7].

Одним из факторов, который во многом определяет способ репрезентации действительности, является жанр, выбранный журналистом. ***Целью*** данного фрагмента исследования является определение роли журналистского жанра в создании имиджа судебной власти в местных СМИ.

Материалом для исследования послужили статьи о судебной системе и судьях, опубликованные в местных газетах «Пензенская правда» (далее – ПП), которая представляет правительственную прессу, и «Улица Московская» (далее – УМ), которая позиционирует себя как оппозиционная газета. На примере 116 статей о судебной системе, отобранных методом сплошной выборки за период с января по март 2014 г., мы определим роль журналистских жанров в формировании имиджа института правосудия.

Методология исследования основана на дискурсивном анализе.

Понятие «жанр» получает в журналистике разные толкования, однако разные определения, на наш взгляд, имеют много общего. Большинство исследователей рассматривают жанр журналистики с точки зрения формальных признаков. Определение А. А. Тертычного сочетает в себе два подхода: с точки зрения формы и содержания, поэтому представляется нам наиболее удачным. Исследователь подразумевает под жанрами «устойчивые типы публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками» [12].

Отдельно следует сказать о классификации жанров журналистики. Большинство отечественных исследователей, чьи точки зрения мы берем за основу в данной работе, исходят из функциональной направленности жанра и выделяют информационные, аналитические и художественно-публицистические группы жанров [12; 13; 14].

Основная функция информационных жанров – информирование, что предполагает сообщение фактов. Несмотря на то, что данная группа жанров предполагает нейтральное и беспристрастное освещение событий, исследователи отмечают такие явления, присутствующие в информационных жанрах, как «жажда, поиск экспрессии» [11, с. 145], наличие «авторского начала» [8, с. 174], которые представляют своего рода отклонения от традиционных норм. Аналитические жанры анализируют и интерпретируют факты, события, явления, что предусматривает выражение оценки автора. Задача художественно-публицистических жанров – показать факты, события и явления с помощью художественных средств.

Несмотря на устойчивость формы, вытекающую из определения понятия «жанр», а также связь жанра с определенным типом материала и задачей журналиста, исследователи говорят о «размытости», «гибридизации» [4] или «диффузии» жанров [14]. Так, Т. В. Шмелева указывает на то, что информирование присутствует во всех жанрах

и считает информирование «генеральной интенцией медиасферы» [15, с. 44]. Собственно информационные жанры могут содержать комментарии, что, скорее, характерно для аналитических жанров, а «приемы, которые принято называть художественными, легко входят в медиатексты информационные и аналитические»[1].

Далее проследим, какие жанровые формы используются журналистами местных газет для освещения деятельности судебной системы, и какой создается образ института правосудия в рамках того или иного жанра.

Проведенный анализ показал, что для правительственной ПП доминирующим жанром репрезентации судебной системы, является ***новостной***. Посредством данного жанра ПП формирует положительный имидж судебной власти. Суд предстает как субъект, который вершит правосудие во благо общественной справедливости, наказывая виновных и реабилитируя невиновных. Использование журналистами активного залога *суд взыскал* (ПП 06.03.2014), *признал виновным* (ПП 06.03.2014), *вынес приговор* (ПП 17.01.2014), *наложил арест* (ПП 19.03.2014) позволяет представить судебную систему как активного агента и подчеркнуть социальную значимость института правосудия, его полномочия и авторитет.

Выбранный жанр способствует объективной репрезентации действительности, что выражается в отсутствии каких-либо оценочных комментариев со стороны журналистов. Вместе с тем мы наблюдаем несколько одностороннее освещение данной темы. Читателю предлагаются «голые» факты, отражающие результаты деятельности суда. События, непосредственно происходящие в зале заседания, остаются для читателей «за кадром». В проанализированных нами материалах информация непосредственно о работе представителей правосудия отсутствует, нет упоминания конкретных имен судей. Внимание журналистов как правило сосредоточено на фигурантах того или иного дела, будь то обвиняемые или пострадавшие. При этом бегло упоминается о решении суда по данному делу. Характерно в этой связи использование неопределенно-личных синтаксических конструкций (приговорили, будут судить), что проявляется в следующих примерах:

> За кражу банковских карт мужчину приговорили к 3 годам колонии (*ПП 20.02.2014*).

[1] Цит. по: [15, с. 44].

> В Пензенской области экс-директора МУПа будут судить за злоупотребление должностными полномочиям (*ПП 20.03.2014*).

Жанр ***аналитической статьи***, который предпочитают журналисты оппозиционной УМ, а также жанр ***аналитического комментария***, достаточно часто встречающийся на страницах газеты, дают автору возможность выносить какую-либо проблему на всеобщее обсуждение и при этом выражать свою позицию относительно обсуждаемой темы. Свобода в выражении собственной точки зрения, как представляется, предполагает свободу журналиста конструировать имидж судебной власти дискурсивными средствами.

Так, в следующей статье уже в самом названии «Несправедливость узаконили временем» (УМ 21.03.2014) ярко проявляется позиция автора, которая окрашивает способ репрезентации и лежит в основе создания образа судебной системы. В статье сообщается: «Пензенский областной суд оставил без удовлетворения иск пенсионера, квартиру которого незаконно приватизировали и продали» (*УМ 21.03.2014*). Следует отметить, что выбор активной грамматической конструкции в данном контексте (*суд оставил без удовлетворения*) указывает на то, что ответственность за упомянутую ранее несправедливость возлагается на Пензенский областной суд. Следующие далее стилистические приемы противопоставления, градации, а также двойное отрицание служат эффективными средствами эмоционального воздействия на читателей, которые призваны испытать чувство жалости по отношению к пенсионеру и чувство негодования в отношении системы правосудия:

> По словам родственников, на полученные деньги бывшая жена со своим новым супругом приобрела дом на Шуисте площадью 114 кв. м., сыну купили новую машину, а Николаю Маркину не купили ничего. И теперь он в свои 65 лет остался без угла (УМ 21.03.2014).

В ходе дальнейшего изложения автор эксплицитно оценивает описываемые события, что проявляется в следующем ироничном комментарии:

> Другими словами, Николай Маркин оказался виноват в том, что ему не сообщили о продаже его квартиры.

На страницах газеты УМ оценочные комментарии в адрес судебной системы часто высказаны частными лицами. Так, УМ цитирует слова обвиняемого в нарушении правил дорожного движения

предпринимателя Олега Тоцкого. Предприниматель говорит о наличии обвинительного уклона в ходе следствия. Вывод, сделанный им в отношении системы правосудия, указывает на ее предвзятость и отсутствие объективности:

> Однако я полагаю, что местные судебные органы уже приняли решение... (*УМ 21.02.2014*).

Кроме того, обвинение в предвзятости и отсутствии объективности выражается в номинации судебной системы как *устоявшейся системы* (*УМ 21.02.2014*), что в данном контексте конструирует отрицательный имидж местной системы правосудия.

Жанр аналитической статьи также широко используется на страницах оппозиционной прессы для создания положительного имиджа судебной власти. Конструирование положительного имиджа достигается посредством использования оценочной лексики с положительной коннотацией. Показательной в этом плане нам представляется статья «Арбитражный суд: итоги-2013» (*УМ 17. 02. 2014*), в которой отмечаются положительные изменения в работе арбитражного суда Пензенской области. Журналист ссылается на доклад председателя суда. Использование лексических единиц с положительной семантикой (*сэкономить время и силы, поблагодарил коллег, поблагодарил судей, оценил итоги 2013 г. как в целом положительные*) способствует конструированию положительного образа системы правосудия, так же как и следующая цитата председателя арбитражного суда, констатирующая соблюдение принципов открытости, прозрачности и доступности информации:

> Наш суд занял 11 место в рейтинге информационной открытости сайтов арбитражных судов субъектов РФ. И 13 место в рейтинге арбитражных судов из 110 с результатом 75 % (*УМ 17. 02. 2014*).

Хроника событий – еще один жанр, присутствующий на страницах газеты УМ. В частности, в рамках данного жанра описывается конфликт, возникший между Комитетом Пензенской области по физической культуре и спорту и редакцией газеты «Улица Московская», послуживший причиной судебного разбирательства. Комитет Пензенской области по физической культуре и спорту обратился с исковым заявлением в арбитражный суд Пензенской области, обвиняя журналиста газеты УМ в подрыве деловой репутации Комитета и публикации материала, не соответствующего действительности.

Нам представляется, что выбор именно этого жанра обусловлен стремлением журналиста к максимальной объективности в освещении событий. В соответствии с требованиями жанра в публикации отсутствуют какие-либо комментарии в адрес судебной системы и принятого по данному делу решения. Упоминается тот факт что, что суд частично удовлетворил требования облспорткомитета.

Несмотря на несогласие редакции газеты УМ с судебным решением, деятельность суда в данной публикации освещается нейтрально, вследствие чего и образ судебной системы складывается нейтральный. Суд предстает как авторитетная инстанция, а является ли данное решение справедливым или нет, выносится на суд читателей. В данной публикации привлекает внимание тот факт, что выбранный журналистом жанр не соответствует в полной мере тому, что является газетно-журнальным информационным жанром, который призван кратко сообщать о факте. Вместо этого читателю предлагается подборка информации о хронологической последовательности событий. Хронику такого рода В. Е. Петров относит к художественно-публицистическим жанрам, так как подборка информации здесь «определенным образом составленная и оформленная» [9]. Поскольку отбор фактов может иметь принципиальное значение: не только информировать, но и воздействовать на восприятие читателя, то и целью данной публикации является, на наш взгляд, стремление журналиста убедить читателей в правомерности своих действий, что, в свою очередь, может заставить усомниться в справедливости принятого судом решения.

Стенограмма судебного заседания – жанр, используемый оппозиционной прессой, который также предлагает читателям самостоятельно делать выводы о деятельности системы судопроизводства в Пензенской области. Уголовное дело в отношении предпринимателя Олега Тоцкого, который, разворачиваясь, не пропустил мотоцикл, получило широкую огласку и привлекло особое внимание журналистов УМ, использующих для освещения событий в том числе и жанр стенограммы судебного заседания. Так, читателям предлагается материал, основанный на стенограмме судебного заседания, в ходе которого допрашиваются представители потерпевший стороны, и содержащий некоторые поясняющие комментарии журналиста. Выбранный жанр дает читателю возможность взглянуть на ситуацию изнутри, почувствовать себя участниками процесса и, как следствие, сформировать свой взгляд на данное дело и собственное отношение к его

участникам. В целом, имидж судебной системы представлен в данном материале нейтрально.

Проведенный анализ показал, что правительственная ПП использует, главным образом, новостной жанр для освещения деятельности судебной власти, что способствует объективной, безоценочной репрезентации действительности. Новостной жанр представлен в его классическом варианте. Так называемые отклонения от традиционных норм в виде экспрессивных средств, а также наличие «авторского начала» нам не встречались. Максимальная объективность репрезентации достигается благодаря строгому соблюдению традиций информационных жанров. В рамках данного жанра конструируется положительный имидж института правосудия: суд предстает как авторитетная инстанция, призванная защищать права граждан и следить за соблюдением закона во благо общественной справедливости. Однако из-за поверхностного освещения деятельности института правосудия наблюдается некая завуалированность данного образа.

В материалах газеты УМ прослеживается более многогранное освещение функционирования судебной системы, что выражается в наличии таких жанров, как аналитическая статья, аналитический комментарий, хроника событий, стенограмма судебного заседания. Представленные жанры отражают такие ценности функционирования судебной власти, как открытость, доступность, прозрачность.

Отмечено такое явление, как взаимопроникновение жанровых форм. Так, жанры стенограммы судебного заседания и хроники событий включают журналистские комментарии. Кроме того, жанр хроники на страницах газеты УМ является нетипичным для информационных жанров журналистики и помимо информирования преследует также цель убеждения.

На страницах оппозиционной газеты присутствуют статьи, создающие как положительный образ судебной системы, так и отрицательный. Оценочные комментарии высказаны голосами частных лиц. Сами журналисты как правило склонны воздерживаться от оценочных суждений. Однако в некоторых материалах прослеживается авторская позиция, которая может выражаться как эксплицитными, так и имплицитными средствами.

Таким образом, выбранный жанр может ограничивать журналиста определенными рамками либо, напротив, предоставлять ему определенную свободу в репрезентации действительности, что определяет роль жанра в формировании имиджа судебной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуляйкина С. О., Дубровская Т. В., Данкова Н. С.* Манипулятивный потенциал медийных стратегий репрезентации судебной власти (на материале СМИ Пензенской области) // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С.101–108.
2. *Данкова Н. С.* Репрезентация отношений «судебная власть – народ» в дискурсе английских СМИ // Молодежь и наука: слово, текст, личность: материалы Международной молодежной научно-практической конференции. – Ч. 1. – Ульяновск : УлГПУ, 2014. – С. 122–127.
3. *Данкова Н. С., Дубровская Т. В.* Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ // Филология и человек. – 2014. – № 4. – С. 35–46.
4. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М. : Наука, 2008. – 264 с.
5. *Дубровская Т. В.* Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 3. – С. 72–81.
6. *Дубровская Т. В., Гуляйкина С. О.* О роли печатных СМИ в создании имиджа российской судебной системы // Язык. Право. Общество: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Барабаш, Г. И. Канакиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2013. – С. 118–124.
7. *Дубровская Т. В., Гуляйкина С. О., Данкова Н. С.* Современный контекст взаимоотношений судебной власти и СМИ в Пензенской области // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 163–173.
8. *Екимова О. А.* Авторское начало новостного текста в зеркале англо-русских соответствий // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб. : СПб. гос. ун-т, 2012. – С. 174–178.
9. *Петров В. Е.* Хроника как художественно-публицистический жанр: хорошо темперированное прошлое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kirshin.ru/about/arsii/03_05.html
10. Российский суд теряет завоеванное доверие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.ru/review/view/75723/
11. *Солганик Г. Я.* Язык информации и синонимия // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб. : СПб. гос. ун-т, 2012. – С. 145–149.
12. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати: учебное пособие. – М. : Аспект Пресс, 2000 – 312 с.

13. *Ученова В. В.* Гносеологические проблемы публицистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 157 с.
14. *Цвик В. Л.* Введение в журналистику: учебное пособие. – 2-е изд, доп. и перераб. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. – 134 с.
15. *Шмелева Т. В.* Медийное речеведение: сборник статей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569984_6705.pdfhttp://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569984_6705.pdf

УДК 372.881.1

Д. А. Демина, О. В. Негодова

Демина Д. А., кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области теологии ФНЯ, МГЛУ, заведующая лабораторией трехмерной виртуальной визуализации МГЛУ; e-mail: dasha_k@mail.ru

Негодова О. В., ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области экономики ИПЭУ МГЛУ, мл. научный сотрудник лабораторией трехмерной виртуальной визуализации МГЛУ; e-mail: 5252523@rambler.ru

ТЕХНОЛОГИЯ 3D КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассказывается о новых перспективах, которые открывает технология трехмерной визуализации в сфере обучения иностранным языкам. Авторы говорят о роли формирования пространственной картины мира у обучающихся и тех возможностях, которые предоставляет для этого стереокинематография. Также в статье приводятся результаты эксперимента по сравнению усвоения учащимися вербальной и визуальной информации в результате демонстрации им стереоскопических и моноскопических учебных фильмов, которые свидетельствуют об эффективности применения технологии 3D в лингводидактике.

Ключевые слова: картина мира; вторичная языковая личность; трехмерное изображение (3D); двухмерное изображение (2D); моноскопическое изображение; стереоскопическое изображение; метод обучения в сотрудничестве.

Demina D. A.

Ph.D., Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Theology, Head of the Laboratory of three-dimensional virtual modeling, MSLU; e-mail: dasha_k@mail.ru

Negodova O. V.

Senior Lecturer, the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Economics, Institute for Law, Economics, and Information Management, MSLU; e-mail: 5252523@rambler.ru

3D TECHNOLOGY AS AN INSTRUMENT FOR FORMING SECOND LANGUAGE PERSONALITY

The article demonstrates new prospects in the sphere of language teaching provided by the 3D technology. The authors write about the role of forming spatial world view by language learners and the new ways which are opened by

stereocinematography in this field. Experimental results of comparing the rate of storing verbal and visual information while viewing stereoscopic and monoscopic learning films are provided in the article. These results demonstrate efficiency of using 3D technology in language education.

Key words: world view; second language personality; 3D image; 2D image; monoscopic image; stereoscopic image; collaborative learning.

Пространство является универсальной категорией человеческого мышления, свойственной абсолютно всем культурам. Однако в разных культурах людей окружает разное реальное пространство: природный и архитектурный ландшафт, организация бытового пространства и т. п. Данные отличия находят свое отражение в языковой и когнитивной картинах мира, что, в свою очередь, выражается и в различном отношении к внешнему миру.

Картина мира формируется у человека как представителя определенной культуры с детства: как в процессе освоения языка, так и в процессе социализации. При изучении иностранного языка для наиболее полноценного формирования вторичной языковой личности необходимо, чтобы формирование иноязычной картины окружающего мира происходило в условиях, в которых отражаются все особенности изучаемой действительности, пространственные связи и зависимости являются аутентичными, а не домысливаются на основе опыта, полученного в родной культуре. В этом вопросе неоценимую помощь может оказать современная технология трехмерной визуализации, которая позволяет в учебных условиях смоделировать максимально приближенное к реальному пространство.

В лаборатории трехмерного виртуального моделирования МГЛУ был создан ряд учебных фильмов в стереоформате. На базе фильмов на немецком языке «Путешествие из Берлина в Бремен» и «Прибытие в Бремен на конференцию», активно применяющихся в учебном процессе, проведен ряд экспериментов.

В данной статье мы опишем один из этих экспериментов, суть которого заключается в сопоставлении усвоения учащимися вербальной и визуальной информации в результате просмотра стереоскопических и моноскопических учебных фильмов и определении эффективности усвоения учебного материала на основе стереоскопических учебных фильмов.

Для объяснения различия в восприятии информации в двухмерном и трехмерном форматах необходимо обратиться к терминологии.

Для начала приведем определения двухмерного, или моноскопического, и трехмерного, или стереоскопического, изображений.

Когда мы говорим о двухмерном пространстве, то мы имеем в виду плоскую модель физического мира без координаты глубины, за счет которой у человека формируется представление о рельефности, объемности и протяженности в пространстве различных объектов и изображений. Именно координата глубины делает то пространство, в котором мы живем, трехмерным.

Моноскопическое отображение – это предъявление обоим глазам наблюдателя одного и того же изображения, представление о трехмерности которого создается исключительно на основе монокулярных факторов пространственного зрения [1, с. 55].

Монокулярные факторы пространственного зрения – это факторы, позволяющие судить о протяженности пространства и рельефности объектов при монокулярном видении. К ним относятся линейная перспектива, видимые размеры известных объектов, частичное перекрывание задних объектов передними (частичное загораживание, частичная окклюзия, интерпозиция), распределение светотеней, воздушная перспектива, эффект оглядывания, изменения аккомодационного усилия и др. В обычных (двухмерных) кино-, фото- и видеоизображениях к монокулярным факторам пространственного зрения относят также изменение резкости изображений объектов, находящихся на различных расстояниях от съемочного аппарата [1, с. 55].

При рассматривании двумя глазами изображений, полученных такой обычной съемкой, двухмерность изображений подчеркивается и снижает ощущение пространственности.

Стереоскопическое отображение – процесс раздельного предъявления левому и правому глазу сопряженных изображений составляющих стереограмму (или стереопару), при котором наблюдатель воспринимает стереоизображение [1, с. 100].

Стереоскопическое восприятие, или бинокулярный стереоскопический эффект (стереоэффект), – психофизиологический процесс воссоздания трехмерной картины из двух отличающихся друг от друга изображений на сетчатках левого и правого глаза. В процессе стереоскопического восприятия мозг учитывает различия в этих изображениях и позволяет с большей точностью оценивать степень рельефности и относительную разницу расстояний между объектами по глубине при их наблюдении в реальном пространстве по их изображениям при стереоскопическом отображении.

Для восприятия стереоизображений необходимо обладать стереоскопическим зрением, или бинокулярным стереоскопическим зрением. Бинокулярное зрение позволяет оценить рельефность объектов и протяженность пространства [1, с. 100].

Современный стереокинематограф обладает возможностью создавать правдоподобные экранные изображения. Изображение на экране, выполненное в стереоформате, создает ***эффект присутствия, эффект реальности***, создает иллюзию вовлечения зрителя/учащегося в действия на экране.

Мы предполагаем, что те события, пусть даже экранные, которые человек пережил непосредственно, и частью которых он был, он запоминает лучше, поскольку помимо осознанного запоминания учебного материала в процессе просмотра учебного стереофильма у зрителя подключаются механизмы непроизвольного запоминания и он непроизвольно запоминает больший объем информации, чем при просмотре фильма в моноскопическом формате.

Взяв данное предположение за основу, мы провели ряд экспериментов по сравнению усвоения одного и того же учебного материала, показанного участникам эксперимента в 2D и 3D-форматах. Ход и результаты одного из экспериментов предлагаются вниманию читателей данной статьи.

Экспериментальное исследование на тему «Сравнительный анализ усвоения лексического и визуального материала на базе просмотра учебных моноскопических и стереоскопических учебных фильмов» в нашей Лаборатории проводилось при сотрудничестве с Институтом проблем передачи информации им. Харкевича (ИППИ РАН им. Харкевича), с сектором № 8.1 «Моделирование биоинформационных процессов в зрительных системах».

Как мы уже говорили выше, для того чтобы человек воспринимал стереоскопическое изображение, необходимо обладать стереоскопическим зрением, или бинокулярным стереоскопическим зрением, которое позволяет оценить рельефность объектов и протяженность пространства. По различным данным, от 2 до 6% людей не обладают стереоскопическим зрением и еще около 10% имеют различные отклонения от нормального стереозрения [1, с. 100]. В связи с этим перед повторным проведением эксперимента испытуемым было предложено пройти исследование в ИППИ РАН им. Харкевича.

В общей сложности в исследованиях ИППИ РАН приняли участие 25 человек – студентs экономических и лингвистических специальностей II–III курса, у которых была проведена комплексная поверка зрительной системы по основным показателям как бинокулярной, так и монокулярной зрительной системы.

У испытуемых были проведены следующие измерения:

1. Рефрактометрия – оценка оптических свойств глаза, его способности фокусировать зрительный стимул точно на сетчатке. Рефрактометрия входит в список основных оптометрических процедур, по результатам рефрактометрии оценивается, нужна ли обследуемому дополнительная оптическая коррекция (очки), какого знака (отрицательная при близорукости (миопии), положительная – при дальнозоркости (пресбиопии или гиперметропии)) и какой оптической силы.

2. Оценка остроты зрения (ОЗ) – условной разрешающей способности глаза. При измерении ОЗ производится максимально возможная коррекция оптики глаз (по результатам рефрактометрии), при этом разрешающая способность уже не зависит от оптики глаз, а определяется состоянием сетчатки и высших зрительных отделов (функциональным состоянием зрительных зон мозга). Для более точной оценки и для выявления интерокулярных рассогласований (различий ОЗ двух глаз, которое, как правило, сильно сказывается на способности воспринимать стереоскопические стимулы) ОЗ измеряется отдельно для правого и левого глаза.

3. Оценка фузионных резервов – характеристик бинокулярной зрительной системы, численно описывающих способность выдерживать рассогласование аккомодации (фокусировки глаза) и вергенции (сведения-разведения зрительных осей). В оптометрической практике отдельно измеряются конвергентные и дивергентные фузионные резервы (на сведение и разведение зрительных осей соответственно).

4. Оценка стереоостроты зрения – численной характеристики бинокулярной зрительной системы, условно описывающей способность человека разрешать объекты по глубине.

5. Оценка гетерофории – рассогласованности зрительных осей. Гетерофория («скрытое косоглазие») может не проявляться в присутствии единого зрительного образа для обоих глаз, но при напряженной зрительной работе может привести к астенопическим жалобам (боли в глазах, головной боли, чувству усталости). При существенном угле гетерофории необходимо производить оптическую коррекцию для

снятия напряжения с глазодвигательных мышц. Гетерофорию оценивают отдельно по вертикальной и горизонтальной составляющим.

Результаты измерений каждого испытуемого были зафиксированы в индивидуальном протоколе.

Пример протокола измерительной процедуры:

ФИО	
Дата рождения	

Коррекция*		ОЗ		ФР		СОЗ	Гетерофория (КЛИНОК)		Рефракция			
									П		Л	
П	Л	П	Л	Конв	Див		Горизонталь	Вертикаль	Sph	Cyl	Sph	Cyl

*«Коррекция» – столбец заполняется при использовании дополнительной коррекции в измерительных процедурах.

В результате проведенных измерений по основным показателям как бинокулярной, так и монокулярной зрительной системы было выявлено, что один испытуемый не обладает бинокулярным зрением вообще, а у двоих участников эксперимента оно имеет явные нарушения, в связи с чем при подсчете результатов экспериментального исследования их результаты мы не учитывали.

Для проведения данного эксперимента был использован метод Я – ТЫ – МЫ методики социально-ориентированного обучения **Cooperative Learning**, состоящий из трех фаз.

Для демонстрации участникам эксперимента был выбран эпизод из фильма «Прибытие в Бремен на конференцию» (продолжительность 1 мин. 40 сек.), описывающий прибытие главного героя в отель, его регистрацию на ресепшн, диалог с администратором отеля. ***Первая фаза эксперимента*** состояла из ознакомительного просмотра эпизода фильма в 2D участниками первой группы (8 человек) без предпросмотровых заданий.

После просмотра участники первой группы получили стикеры зеленого и розового цвета и задание записать на стикере зеленого цвета те лексические единицы по теме «Отель», которые они услышали в диалоге между служащим отеля и главным героем.

Второе задание для участников первой группы заключалось в том, что на стикерах розового цвета нужно было записать все лексические единицы, ***составляющие вербальный и невербальный фон эпизода***, но не относящиеся к теме «Отель».

Во второй фазе эксперимента участники первой группы были снова поделены на подгруппы методом случайного выбора.

Участники, вытянувшие карточки *зеленого цвета* (три человека), получили задание собрать все стикеры зеленого цвета с лексикой по теме «Отель», наклеить их на один лист бумаги и систематизировать в единый список.

Участники, вытянувшие карточки *синего цвета* (три человека), получили задание собрать все стикеры розового цвета с так называемой фоновой лексикой, наклеить их на один лист бумаги и систематизировать их в единый список.

Далее были приглашены участники эксперимента из второй группы. Им было предложено выполнить те же самые задания после просмотра ими того же эпизода в стереоформате.

Результаты эксперимента

В таблицах 1 и 2 представлены списки слов, составленные участниками первой группы, смотревшей эпизод в моноформате (2D), а также второй группы, смотревшей эпизод в стереоформате (3D).

Таблица 1

Списки слов, составленные участниками первой группы (2D) по темам «Отель» и «Вербальный и невербальный фон эпизода»

Лексика по теме «Отель»	Лексика, составляющая вербальный и невербальный фон эпизода
1. am Computer überprüfen	1. das Konferenzzimmer
2. buchen	2. Auf Wiedersehen!
3. das Zimmer Nummer	3. das Lächeln
4. das Einzelzimmer mit Bad reservieren	4. der Koffer fehlt am Anfang

5. die Schlüsselkarte	5. die Krawatte / blaue Krawatten
6. Anmeldung	6. orange Tapeten / grelle Tapeten / rote Tapeten
7. Wie kann ich Ihnen helfen?	7. schlechtes Wetter
8. sich anmelden	8. Herzlichen Dank!
9. das Hotel Atlantic	9. Willkommen!
	10. die Konferenz
	11. der Konferenzplan
	12. Der Kunde hat blaue Augen und trägt einen Anzug.
	13. das blaue Hotel Atlantic
	14. kleine Straßenlaternen
	15. Aufzüge
	16. Blumen an der Rezeption
	17. Pflanzen am Aufzug
	18. helle Decke
	19. der Kachelboden
	20. eine weiße Flagge am Eingang
	21. Freundlichkeit des Angestellten
	22. die Universität
	23. das blaue Hotelgebäude

Таблица 2

Списки слов, составленные участниками второй группы (3Д) по темам «Отель» и «Вербальный и невербальный фон эпизода»

Лексика по теме «Отель»	Лексика, составляющая вербальный и невербальный фон эпизода
1. am Computer überprüfen	1. das Konferenzzimmer
2. für zwei Nächte	2. der Konferenzplan
3. das Zimmer Nummer 237	3. Konferenzteilnehmer

Лексика по теме «Отель»	**Лексика, составляющая вербальный и невербальный фон эпизода**
4. das Einzelzimmer mit Bad / mit Badezimmer reservieren	4. der Informationsständer an der Rezeption
5. die Schlüsselkarte	5. die Krawatte / blaue Krawatten
6. die Anmeldung	6. der orange Hintergrund / rote Rezeption
7. der Koffer	7. grünes Gras
8. sich anmelden	8. Höflichkeit und Ordentlichkeit des Angestellten
9. das Hotel Atlantic	9. schwarze Anzüge
10.das Formular	10. die Konferenz
11.der Angestellte.	11. kahlköpfiger Angestellter
12.die Rezeption	12. eine Brille beim Angestellten
13.bestellen	13. das blau Hotel Atlantic
	14. kleine Straßenlaternen
	15. Aufzüge
	16. Blumen an der Rezeption
	17. Pflanzen am Aufzug
	18. feuchter Hals beim Kunden
	19. kleiner dunkler Rollkoffer
	20. dunkler Mantel
	21. es dämmerte
	22. viel Raum um das Hotel herum
	23. der Kunde und der Angestellte waren in Anzügen
	24. Konferenzunterlagen
	25. Anhänger des Teilnehmers
	26. der Koffer hatte einen Anhänger
	27. der Kunde ist ziemlich korpulent

Лексика по теме «Отель»	Лексика, составляющая вербальный и невербальный фон эпизода
	28. Herzlich willkommen!
	29. Herzlichen Dank!
	30. Wie kann ich zur Konferenz kommen?
	31. die Universität
	32. unterschreiben
	33. eine Karte / der Plan
	34. das Thema der Konferenz Transportsysteme in Deutschland
	35. das blaue Hotelgebäude

Результаты эксперимента приводятся ниже в виде диаграммы на рисунке 1.

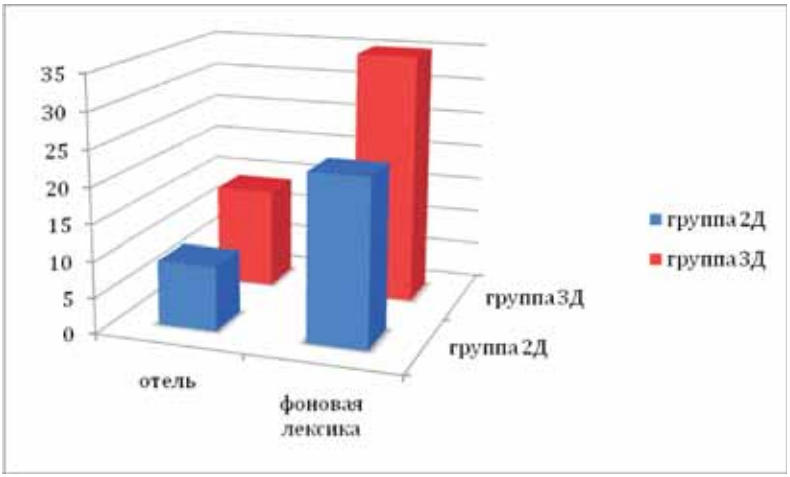


Рис. 1. Соотношение количества лексических единиц в группах 2D и 3D

Заключение

Как можно заметить, в результате проведения эксперимента в группе 3D наблюдается количественное превосходство лексических единиц, отмеченных испытуемыми как по теме «Отель», так и по теме «Вербальный и невербальный фон эпизода». Результаты данных

экспериментальных исследований могут служить подтверждением гипотезы о том, что при просмотре учебного фильма в стереоскопическом формате лексический и визуальный материал усваивается более эффективно. Значительный перевес в разделе фоновой лексики, а также более высокий уровень запоминания подробностей, связанных с оформлением отеля и внешним видом персонажей, у второй группы испытуемых показывают, что при просмотре фильма в стереоформате учащиеся замечают подробности, которые они не усваивают при просмотре фильма в моноформате; такая более высокая степень запоминания лексического и визуального материла расширяет возможности студентов в сфере формирования вторичной картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рожков С. Н., Овсянникова Н. А.* Стереоскопия в кино-, фото-, видеотехнике. Терминологический словарь. – М. : Парадиз, 2003. – 136 с.
2. *Соломин В. П., Шатровой О. В., Михайлов Л. А., Маликова Т. В.* Психологическая безопасность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookap.info/psywar/solomin_psihologicheskaya_bezopasnost/gl21.shtm

УДК 81’42

Ф. С. Дзуцева, Э. И. Каражаева

Дзуцева Ф. С., кандидат филологических наук, доцент Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ; e-mail: lamardoinag@mail.ru

Каражаева Э. И., аспирант каф. общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: reselmira@mail.ru

ПРЕДВЫБОРНЫЕ РЕЧИ Б. ОБАМЫ И ЕГО ОППОНЕНТОВ В ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГОНКАХ 2008 И 2012 годов

В статье рассматриваются некоторые НЛП-приемы, применяемые Бараком Обамой и его противниками во время предвыборных кампаний 2008 и 2012 гг. Контент-анализ позволяет выявить семантические доминанты текстов и их прагматическую ориентацию. Основные нейролингвистические методы программирования, используемые в выступлениях, основаны на мифах массового сознания, как универсальных, так и специфически американских.

Ключевые слова: контент-анализ; нейролингвистическое программирование; политический дискурс; самопрезентация; слайдинг; мифы массового сознания.

Dzutseva F.S.

Ph.D., Associate Professor, North Ossetian State University, Vladikavkaz; e-mail: lamardoinag@mail.ru

Karazhaeva E.I.

Postgraduate Student, the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: reselmira@mail.ru

CAMPAIGN SPEECHES BY B. OBAMA AND HIS OPPONENTS IN THE PRESIDENTIAL RACES OF 2008 AND 2012

The paper explores some NLP techniques applied by Barak Obama and his opponents during the pre-election campaigns of 2008 and 2012. The content-analysis brings out the semantic dominants of the texts and their focal pragmatic purport. The major neurolinguistic programming techniques used in the speeches are based on the myths of mass consciousness, both universal and specifically American.

Key words: content-analysis; neurolinguistic programming; pre-election campaign; political discourse; self-presentation; sliding; myths of mass consciousness.

Современная теория языка власти представляет собой самостоятельное междисциплинарное направление исследований, активно разрабатывающее лингвистический механизм НЛП в политическом дискурсе. Зрелость данного научного направления подтверждается

тем, что в его недрах определился целый ряд отдельных разнонаправленных векторов исследований. Выявляются и классифицируются различные «локальные» жанры политического дискурса. Например, в зависимости от характера ведущей интенции (программная речь (keynotes), предвыборная речь (election sermons), речь при вступлении в должность президента (presidential inaugurals) и т. д. [6]. Некоторые авторы выделяют даже «поджанры» (например, в электоральном дискурсе уже сегодня принято различать предвыборные обращения кандидатов на пост президента (Election Speeches), вербальное взаимодействие кандидатов с избирателями (Electoral Meetings Speeches), президентские предвыборные теледебаты (Presidential Election Debates) [2]. Нарабатывается собственный арсенал конкретных подходов к изучению политического дискурса за счет освоения методов, приемов и процедур анализа, применяемых в смежных областях знания. Большое внимание уделяется конкретным НЛП-приемам, ориентированным на трансформирование сознания аудитории с целью достижения политических целей [5, с. 698]. При этом особое значение придается потенциалу метафоры (понимаемой в самом широком смысле) как эффективного инструмента манипулирования сознанием массовой аудитории.

Интерес к политическому дискурсу не ограничивается стремлением раскрыть механизм воздействия на публику, что само по себе представляет несомненную научную ценность. Изучение медиадискурса, особенно текстов предвыборных речей (победителей или проигравших гонку), составленных с учетом результатов тщательно проведенных социологических исследований, позволяет воссоздать картину коллективного бессознательного данного конкретного сообщества, объединенного посредством горизонтальных, вертикальных и диагональных связей и проекций (расовых, этнических, профессиональных, конфессиональных, гендерных, возрастных).

В центре внимания предлагаемой работы – сравнительный контент-анализ предвыборных речей Б. Обамы и его оппонентов на президентских выборах 2008 и 2012 гг. Цель анализа – выявить основные смысловые доминанты текстов речей in question и определить сугубо лингвистические факторы, позволившие Б. Обаме дважды забрать симпатии и голоса избирателей у Дж. Маккейна (2008) и М. Ромни (2012).

Известно, что контент-анализ предусматривает выделение в тексте документа некоторых ключевых понятий (или иных смысловых единиц), в их систематической надежной фиксации, а также в квантификации получаемых данных [1].

Хотя контент-анализ в современной действительности хорошо экипирован технологически (имеются различные компьютерные программы, что позволяет обрабатывать большие массивы текстов), процедура анализа выполнена нами «вручную». Главный аргумент в пользу «ручной» обработки материала состоит в том, что искомые смыслы могут быть выражены как эксплицитно, через прямую номинацию понятий, так и опосредованно, через разного рода ассоциации и умалчивания того, что в подобных контекстах явно составляют необходимые звенья логической цепочки, а в исследуемом тексте отсутствуют.

Выводы и обобщения данной статьи основаны на анализе речей Б. Обамы, Дж. МакКейна и М. Ромни, в число которых входят Nomination Acceptance Speech каждого из претендентов, и тексты, произнесенные в течение двух месяцев, непосредственно предшествовавших выборам в 2008 и 2012 гг., когда предвыборная конкуренция достигла наивысшей степени интенсивности.

В целом, контент-узлы рассмотренных предвыборных речей не отличаются высокой степенью вариативности (ни смысловой, ни даже стилистической), независимо от того, для какой аудитории они были предназначены. Почти вся совокупность речей каждого участника предвыборной гонки представляет собой лишь несколько видоизмененные (в смысле фокусировок) версии Nomination Acceptance Speech, которую можно с полным основанием рассматривать как матрицу, содержащую весь диапазон манипулятивных приемов, используемых в дальнейшей предвыборной риторике.

Рассмотренные тексты содержат весь базовый комплекс психотехнических стратегий (самопрезентация, рефрейминг, позитивная или негативная модель действительности, полимодальность, метафоризация и т. д.), позволяющих существенно изменять восприятие через трансформирующую реорганизацию набора пресуппозиций реципиента речи, составляющих основу его восприятия. Созвучие речи политика массовому сознанию – необходимое условие ее успеха у аудитории.

В исследованных текстах были выделены контент-доминанты, наглядно демонстрирующие наличие сознательно используемых

манипулятивных технологий, а также риторическую манеру каждого оратора и степень эффективности применяемых речевых стратегий.

Анализ вербального соперничества между Б. Обамой и Дж. МакКейном в 2008 г. и Б. Обамой и М. Ромни в 2012 г. позволяет выявить как сходства, так и различия в риторике каждого из претендентов на высший пост в США.

Учитывая то, что в одной из ранее опубликованных работ мы выделили и достаточно подробно рассмотрели детали предвыборных стратегий Б. Обамы и Дж. МакКейна [3, с. 37–38], здесь мы ограничимся констатацией самых общих выводов (без аргументации и иллюстраций) о дуэли Б. Обама vs. и Дж. МакКейн, необходимых в контексте дальнейшего сравнительного анализа прагматического заряда речей Б. Обамы и его соперников.

Как известно, вся предвыборная борьба Б. Обамы в 2008 г. прошла под общим лозунгом «Change», который успешно использовался командой Б. Обамы для создания дополнительного канала НЛП. Пассажи, обозначающие векторы перемен, содержат большое количество сигналов о мифах массового сознания, представленные в самом общем виде, без уточнения деталей (равноправие и справедливость, оптимизм, стремление нации к единению, семейные ценности, активная гражданская позиция и собственно американский романтический миф “America – Land of Promise”, гордость за свою страну, образ Америки как лидера мира, а также миссионерство, имеющее своей целью распространение американского образа жизни).

В речах Б. Обамы 2008 г. имеются контент-доминанты: «Америка – великая держава, достойная лучшего правительства»; «Америка – единая семья»; «Я»; «Мой оппонент». В текстах речей Дж. МакКейна были выделены контент-доминанты: «Я» и «Мой оппонент». Выделенные нами контент-доминанты обладают неоднородной внутренней структурой, состоящей из определенного набора тематических конституентов.

Особенно весомо представлена тема «Мои идеалы и мечты», рельефно актуализируемая в рамках самопрезентации Б. Обамы, что совершенно естественно, учитывая, с одной стороны, его происхождение, с другой – общую атмосферу доверительного разговора с аудиторией, которую он стремится создать при всякой встрече с избирателями. Делясь с аудиторией персональной информацией, он как бы делает своих слушателей соучастниками своей судьбы,

внушает мысль, что если они его изберут своим президентом, это будет не только осуществлением его мечты, но и свидетельством того, что в Америке любой гражданин, независимо от каких-либо особенностей, действительно может реализовать свою сокровенную мечту, поднявшись на самый верх из глубин безвестности и нищеты. Идею «Американская мечта» по значимости в предвыборной риторике Б. Обамы можно было бы выделить в отдельную контент-доминанту, если бы не одно обстоятельство. Б. Обама тонко и тактично увязывает американскую мечту с собой, он изящно обыгрывает и свою расовую принадлежность. Совершенно очевидно, что он ассоциирует себя с такой легендарной и авторитетнейшей во всем мире фигурой, как Мартин Лютер Кинг, чью знаменитую речь он так, кстати, цитирует в конце своей Nomination Acceptance Speech, в которой дает согласие на участие в президентской гонке. Понятно, что подобная интрига позволяет слушателю морально вырасти, увидеть в себе борца за справедливость и представить Америку в величественном образе мирового лидера и покровителя всех народов.

Основные тактические приемы, которые использует Б. Обама для дискредитации своего оппонента: 1) подчеркивание близости позиций Дж. МакКейна и Дж. Буша, отсюда – высокая степень вероятности преемственности в дальнейшей политике; 2) разъяснение истинного смысла обещаний Дж. МакКейна; 3) максимально близкое соположение в тексте двух резко контрастирующих идеологических позиций – своей и Дж. МакКейна.

В речах Дж. МакКейна наблюдается совершенно иной подход к предвыборной агитации, хотя есть и точки пересечения.

Предвыборный слоган Дж. МакКейна – Fight – окрашивает всю его предвыборную риторику в воинствующие тона, что очевидно уже из анализа речи, в которой он дает согласие на участие в президентской гонке. В предвыборных речах Дж. МакКейна наиболее значимо представлены две тематические составляющие: контент-доминанты «Я» и «Мой оппонент».

Дж. МакКейн, в отличие от тонкой игры Б. Обамы, использует метод прямолинейной характеристики, как критикуя взгляды и личность своего политического противника, так и рекламируя себя как человека и политика. Дж. МакКейн также пользуется достаточно большим количеством риторических приемов, но лозунги, которые он предлагает, не столь харизматичны, ибо из всего калейдоскопа мифов массового

сознания он фокусируется на сугубо материальном процветании и воинствующем стремлении к победе над врагами.

Таким образом, тексты Б. Обамы, в отличие от текстов речей Дж. МакКейна, характеризуют его как искусного оратора-манипулятора массовым сознанием. Он создает красивую легенду о себе, вовлекает своих слушателей в интересную интригу, когда у избирателя создается впечатление, что он действительно может решать что-либо в судьбе страны и мира, он дарит аудитории чувство победы, виртуозно играя на чувствах избирателя. Метафорический автоимидж Б. Обамы образца 2008 г. – это романтический безупречный рыцарь-демократ из мифов американской массовой культуры; рыцарь, несущий позитивные перемены, а причина его успеха заключается именно в апелляции к глубинным, архетипическим слоям массового сознания. Значимость этих мифов подчеркивается исследователями языка власти, которые считают, что «…политика и магия так тесно переплелись, что в сознании людей искусство политики порой неотделимо от магии» [4].

Речи Б. Обамы образца 2012 г. построены в русле того же диапазона мифов, но с несколько измененной фокусировкой.

Прежде всего, Б. Обама предлагает новый слоган Forward («Вперед»), тем самым подчеркивая верность избранного им и его соратниками курса на социальное государство и обещая преемственность в своей дальнейшей деятельности (*…we're not going back. We are moving forward, America*). Многократно повторяясь и в речах, и в виде надписей на предметах, оформляющих каждую встречу с избирателями, этот призыв прочно ассоциирует Б. Обаму с позитивным образом будущего, близостью победы. Помимо лозунга Forward, абсолютно доминирующего в речах Б. Обамы, наибольшим числом репрезентаций в его речах 2012 г. отмечены контент-доминанты «Америка – Великая Нация» и «Я и мои оппоненты».

Контент-доминанта «Америка – Великая Нация» актуализируется через некоторый комплекс маркеров величия. Так, во всех речах Б. Обамы 2012 г. красной нитью проходит мысль, что подлинным автором всех позитивных перемен является народ Америки, и что только народ, объединенный под его началом, может помочь ему завершить начатую работу (S*o help me recruit… Let's improve ... Let's give 2 million workers the chance ... That's ... why I'm running for a second term as President of the United States*).

В речах 2012 г. также рекуррентна тема трудностей, которые предстоит еще преодолеть на пути к более справедливому обществу (*I will*

not pretend that the path I'm offering is quick or easy. What I said was, we can move forward. We can make progress. We can make things better).

Глобальная стратегия самопрезентации Б. Обамы в 2012 г. заметно изменилась, и перед американцами предстает умудренный опытом политический муж: небезупречный (ибо допущено немало ошибок, одержано не так много побед), но полный решимости не сворачивать с ранее обозначенного единственно верного курса. При этом он ассоциирует себя с Линкольном, одним из наиболее популярных президентов США (*I'm far more mindful of my own failings – knowing exactly what Lincoln meant when he said,* "*I have been driven to my knees many times by the overwhelming conviction that I had no place else to go*"). Героический ореол вокруг персоны самого Б. Обамы заметно смещается и переносится на американский народ в целом, вовлекая в агитационную процедуру весь потенциал мифа о «Великой Нации», которая в результате неустанных усилий своего авангарда (Б. Обамы и его команды) развернулась в сторону реставрации ценностей подлинной демократии и теперь медленно, но уверенно продвигается вперед, преодолевая трудности, сравнимые лишь с трудностями времен Великой Депрессии.

Б. Обама по-прежнему часто пользуется приемом слайдинга, что позволяет ему оказывать более активное воздействие на эмоции избирателей, например, идентифицируя себя и своего оппонента с двумя стезями развития, направленными в противоположные стороны (*...the choice you face…will be a choice between two different paths for America; a choice between two fundamentally different visions for the future*).

Характеризуя свою работу на посту президента, Б. Обама по-прежнему предпочитает обтекаемо обозначать лишь направления, а не цифровые показатели результатов своей деятельности, одновременно полемизируя с оппонентами (*We believe that America grows best when everybody has got a fair shot, and everybody is doing their fair share, and everybody is playing by the same rules from Main Street to Wall Street to Washington, D.C.*).

Примечательная особенность вербального творчества Б. Обамы 2012 г., по сравнению с 2008 г., – более высокая степень агрессивности, своеобразный наступательный кураж. В борьбе против М. Ромни Б. Обама очень часто упражняется в словесной эквилибристике, высмеивая М. Ромни, постоянно уличая его в непоследовательности, откровенной лжи. Эту тему можно рассматривать как еще одну

доминанту риторики Б. Обамы, специфическая функция которой состоит в создании еще одного, дополнительного модального плана, на фоне которого М. Ромни выглядит негативно, а порой нелепо (*Virginia, you've heard of the New Deal, you've heard of the Square Deal, the Fair Deal. Mitt Romney is trying to give you a Sketchy Deal* (*Laughter*.) ...*/ I mean, he's changing up so much and backtracking and sidestepping*– (*laughter*) – *we've got to name this condition that he's going through. I think it's called* "*Romnesia*" (*Laughter and applause.*)

Предвыборные речи М. Ромни производят впечатление déjà vu, напоминая Б. Обаму образца 2008 г. Они содержат тот же диапазон мифов массового сознания и риторический репертуар. Практически каждая из речей М. Ромни содержит серию протяженных пассажей, в которых говорится об избранности американской нации и ее Богом данном праве на мировое господство. Эти мысли «вплетены» в контекст критических высказываний о политических решениях Б. Обамы. Причем техника исполнения этой тактики дискредитации безупречна. М. Ромни не отрицает, но и не соглашается эксплицитно, что именно при Б. Обаме Америка практически вышла из тяжелого экономического кризиса в течение одного года. В то же время он, косвенно умаляя заслуги Б. Обамы и его команды, намекает, что преодоление тяжелой фазы кризиса – не что иное, как инерция поступательного движения великой американской нации. Деятельность Б. Обамы при этом предстает как сдерживающий, а не стимулирующий фактор, ведущий к стагнации (*But a troubled economy is not all that President Obama inherited. He inherited the greatest nation in the history of the earth. ... He inherited the largest economy in the world. ...What he inherited wasn't the only problem; what he did with what he inherited made the problem worse. ...the misguided policies...slowed the recovery, and caused ...lengthy unemployment and poverty. ... That is why the economy is stagnant*).

Манипулятивный потенциал контент-доминанты «Америка – самая великая нация и держава мира» в речах М. Ромни чаще всего направлена на создание негативного образа Б. Обамы и его дел на посту президента. Так, М. Ромни проводит мысль о том, что логика политики Б. Обамы позволит другим странам не только оспаривать лидерство Америки, но и привести к недопустимым последствиям. Этот же стереотип массового сознания о величии и миссии Америки М. Ромни, не менее искусно, чем Б. Обама в 2008 г., использует

для создания позитивной самопрезентации. Свидетельством того, что предвыборная риторика М. Ромни звучит как эхо предвыборной агитации Б. Обамы – является и то, что М. Ромни рассказывает о встречах с простыми американцами, чьи трогательные истории побуждают его, нового героя, встать на защиту их интересов. М. Ромни, так же как и Б. Обама, посвящает аудиторию в свою личную жизнь, предлагая ей подробный автобиографический рассказ со многими действующими лицами, в том числе из мормонского сообщества, в котором он сформировался как личность.

Тема американской мечты также является весомой константой речей М. Ромни. Это особенно заметно на фоне того, что в речах Б. Обамы 2012 г., в отличие от его речей 2008 г., тема американской мечты как бы мерцает, появляясь лишь периодически. Сравнительно малый удельный вес этого стереотипа в речах Б. Обамы 2012 г., возможно, объясняется тем, что в исполнении действующего президента, уже проявившего себя, обещание будущего благоденствия и исполнения желаний звучало бы не столь убедительно. А М. Ромни, очевидно, рассудил, что если эта тема так заворожила американскую публику в 2008 г., она же может возвести его, поборника традиционных американских ценностей, на высший пост в стране. Не менее деривативным от риторики Б. Обамы 2008 г. представляется нам тактика М. Ромни, в некоторых речах, обращенных к разной аудитории, фокусироваться на отдельных аспектах своей предвыборной платформы. Однако эффективность этого подхода снижается тем, что, в отличие от Б. Обамы, который использует такой тактический ход в 2008 г., чтобы предложить новую, более панорамную и конструктивную программу (хоть и не слишком обремененную точными цифрами), М. Ромни ограничивается предъявлением дополнительных аргументов для критики своего оппонента, например выступая перед военными. Неудачным, на наш взгляд, было и то, что М. Ромни, определив (вслед за Б. Обамой) пять основных направлений своей будущей деятельности на посту президента, практически не меняет их формулировок в дальнейших своих речах, не разворачивает их новыми конкретными гранями в пространстве будущего, как это делал Б. Обама. Из-за отсутствия новизны эта тема у М. Ромни звучит подобно заученному уроку, заданному другим человеком.

Далее М. Ромни, так же настойчиво, как Б. Обама в 2008 г., навязывает аудитории свой собственный образ в контексте позитивных

перемен, которые он обещает (*This election is about big things – like the education of our children, the value of our homes, the take home pay from our jobs, the price of the gasoline we buy, and the choices we have in our healthcare. It is also about the big things that determine these things – like the growth of the economy, the strength of our military, our dependence on foreign oil, and America's leadership in the world*).

В целом, как мы видим, в вербальном соперничестве между Б. Обамой и М. Ромни первый предстает в более выгодном свете, чем второй.

Б. Обама предлагает новые гибкие ходы, оперативно отфильтровывает то, на чем он вряд ли заработает дополнительные баллы, смело экспериментирует в своем взаимодействии с аудиторией, играет роль то умудренного опытом ответственного отца нации, оплота и гаранта ее ценностей, говорит от лица простого «маленького» человека, даже может предстать в образе суперпопулярной мегазвезды, развлечь аудиторию остроумными выпадами против своих оппонентов, словом, использует целый калейдоскоп манипулятивных приемов.

М. Ромни, напротив, производит впечатление капитана корабля, постоянно догоняющего, идущего в тени, в фарватере флагманского корабля, ведомого Б. Обамой. Это впечатление усиливается еще и оттого, что М. Ромни демонстрирует излишнее усердие, утрирует, переигрывает в исполнении выученной партии, что, вопреки его ожиданиям, создает образ малокреативного человека, не способного на нестандартные решения в постоянно изменяющемся мире, требующем находчивости.

Таким образом, двойной успех Б. Обамы на выборах 2008 г. и 2012 г., как мы считаем, во многом определяется, с одной стороны, тем, что оба его соперника выглядели неубедительно (каждый по-своему), с другой – способностью Б. Обамы точно смоделировать образ аудитории, спрогнозировать ее реакцию на те или иные актуальные проблемы и сообразно этому предложить ей беспроигрышный спектр приемов НЛП здесь и сейчас.

Он способен создать у аудитории ощущение того, что твердо стоит на прежних позициях и одновременно с легкостью мимикрировать, пересматривая их. Например, во время обеих предвыборных кампаний Б. Обама регулярно упрекал своих ретивых оппонентов в том, что они предлагают линию конфронтации в отношениях с такими странами, как Россия. Сегодня высказывания Б. Обамы, касающиеся

России, свидетельствуют о том, что его риторика претерпела чудесную метаморфозу, и вряд ли отличается от риторики наиболее агрессивных вашингтонских «ястребов» времен «холодной войны». Вполне возможно, это начало его нового раунда политической борьбы, новая глобальная стратегия на тот случай, если, паче чаяния, он решит выдвинуть свою кандидатуру в третий раз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверьянов Л.Я.* Контент-анализ. 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sociolog.narod.ru
2. *Атьман О.В.* Вербализация стратегии саморепрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1 (35). – С. 96–102.
3. *Дзуцева Ф.С., Каражаева Э.И.* Контент-анализ предвыборных речей Барака Обамы и Джона МакКейна // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы Второй междунар. науч. конф., 16–17 октября 2014 г. – Ч 1. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 37–38.
4. *Лассуэлл Г.* Язык власти. Гарольд Лассуэлл. Lasswell / пер. с англ. М.В. Толмачева // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/880
5. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. – М.: КРПА Олимп, 2005. – 960 с.
6. *Joslyn R.* Keeping Politics in the Study of Political Discourse // Form, Genre, and the Study of Political Discourse / Ed. Herbert W. Simons and Aram A. Aghazarian. – Columbia: University of South Carolina Press, 1986. – С. 301–338.

УДК 80/81

О. В. Евтушенко

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и теории словесности МГЛУ; e-mail: ovae@list.ru

КОММУНИКАТИВНОЕ СОЗНАНИЕ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА И ГИБРИДИЗАЦИЯ ДИСКУРСОВ

Статья посвящена выявлению индивидуально-авторских новаций, способных стать основой дальнейшего развития туристического дискурса, и анализу факторов, приведших к их возникновению. Обосновываются преимущества интеграции двух и более типов мышления при порождении текста. Описываются и оцениваются языковые формы воплощения гибридных категорий.

Ключевые слова: гибрид; коммуникативное сознание; тип мышления; туристический дискурс; категоризация; рекурсия.

Evtushenko O. V.

Doctor of Philology, Associate Professor; Professor, the Russian Language Department, MSLU; e-mail: ovae@list.ru

COMMUNICATIVE MIND OF THE POSTMODERNIST AGE AND DISCOURSE BLENDING

The article explores the author's innovations as the basis of further development of the tourism discourse and the factors that lead to their occurrence. The advantages of the integration of two and more types of thinking during the text generation are demonstrated in the research. The language means of blending categories are described and estimated.

Key words: blend; communicative mind; type of thinking; tourism discourse; categorization; recursion.

Для исследователя когнитивных механизмов порождения речи с заданными дискурсивными характеристиками базовым оказывается вопрос о соотношении социокультурной предопределенности результатов и творческого вклада индивида. Иными словами, важно понять, как взаимодействуют четыре фактора: 1) интенция осознанного выбора из того, что принадлежит дискурсу; 2) интенция творческого преобразования того, что принадлежит дискурсу; 3) спонтанное творческое преобразование, т. е. случайная находка удачного речевого средства; 4) спонтанное воспроизведение, т. е. речепорождение, доведенное до автоматизма. Перспективы дискурсивных исследований в условиях доминирования антропоцентрической научной парадигмы

нам видятся в выявлении, с одной стороны, характерных для каждого конкретного дискурса, т. е. маркированных, речевых стратегий и тактик, языковых приемов, наборов вербальных и невербальных средств, обеспечивающих дискурсу устойчивость и узнаваемость, с другой – индивидуально-авторских новаций, способных стать основой его дальнейшего развития.

Принципы языкотворчества достаточно подробно описаны исследователями языка художественной литературы, философии, рекламы, функциональных стилей. В целом это набор более или менее поддающихся формальному описанию приемов, привязанных к определенным уровням языка и представляющих собой либо развитие потенциала языковой системы, либо выходящие за рамки ее девиации. Поэтому мы сосредоточили внимание на менее изученном аспекте – спонтанных преобразованиях в дискурсе, явившихся следствием творческого использования языка в качестве инструмента отражения и познания мира.

Отправной точкой для наших рассуждений явилась предложенная А. Бадью концепция развития литературы. По мнению французского философа, новации привносятся не отдельным автором, а группой произведений, возникающих в короткий исторический период, иногда одновременно, и «конфигурирующих» новое восприятие адресата [2, с. 89]. А. Бадью обозначает это термином *Событие* и считает его проявлением ничем не детерминированной случайности. С этой точки зрения, *Событие* трудно прогнозировать.

Исследования, проведенные нами на русском материале, показали, что *Событие*, или инновационный прорыв в литературе, может оказаться проявлением закономерного скачка в эволюции коллективного художественного мышления, воплощающегося в текстах одной эпохи.

Эволюция совершается от синкретического отражения мира к всё более и более дробному – вплоть до апробации художественным мышлением категоризации настолько мелкой, что для нее приходится создавать окказиональные обозначения. Таким образом, граница этого этапа, который мы назвали этапом «инкрустирования», определена естественным языком. Далее закономерно наступает этап «моделирования», т. е. кардинальный поворот от когнитивных операций, нацеленных на деление категорий, к операциям переразложения структур

этих категорий. Началом данного этапа можно считать 10-е гг. XX в. (см. подробнее [5, с. 153–154]); один из характерных приемов, появившихся в это время, состоит в наложении двух развернутых метафор, за которым открывается интерференция денотативных пространств. Изменение «когнитивного сознания» получило объективацию в текстах, которые, в свою очередь, «конфигурировали» восприятие современников. Всё это подготовило почву для рождения философских и художественных концепций, обосновавших целесообразность поиска новых способов структурирования результатов отражения мира и накопленных знаний.

Идею «конфигурирования» восприятия необходимо распространить на всё коммуникативное сознание, ведь в процессе общения адресат и адресант постоянно меняются местами. Под коммуникативным сознанием понимается «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» [11, с. 50–51]. Результатом «конфигурирования» коммуникативного сознания явилась готовность поддерживать дискурс, несущий в себе те или иные следы переразложения, переходов из одного возможного мира в другой.

Нет ничего неожиданного в том, что эти тенденции получили воплощение в постмодернизме. Среди основных принципов этого направления Е. Н. Лучинская называет дискурсивную интерференцию, многоуровневую организацию текста, порождение нового смысла [8]. Эти принципы распространились и на другие формы словесности. Внимание лингвистов привлекло совмещение маркеров разных функциональных стилей в рекламе, в туристическом или искусствоведческом дискурсах; предметом изучения стали их поликодовость и полимодальность.

Примерно в это же время Ж. Фоконье и М. Тёрнер формулируют концепцию интеграции ментальных пространств и формирования блендов [13]. В этих условиях нам представляется неслучайным появление группы текстов, в которых отразилось взаимодействие разных типов мышления и в которых опробованы разные языковые формы воплощения гибридных категорий.

Речь идет о выпущенной в 2000-х гг. издательством «Афиша» серии путеводителей. К их созданию были привлечены искусствоведы и журналисты, т. е. авторы с гибридным – научным и художественным или обыденным, научным и художественным – типом мышления. В результате, как мы считаем, появился новый дискурсивный опыт с большим потенциалом дальнейшего развития. Назовем его туристический дискурс в версии «Афиши».

Чтобы оценить новации, вносимые в дискурс гибридным мышлением, опишем сначала лингвистические маркеры основных типов мышления, которые можно обнаружить в путеводителях «Афиши».

Одним из показателей обыденного мышления является его размытость, т. е. неготовность к оперативному выделению дифференциальных признаков категории, удовлетворенность неточной категоризацией, как, например:

> Мячовня (Míčovna), построенная в 1569 г. архитектором Вольмутом для игры во **что-то вроде** бадминтона [7, с. 56].
>
> На улице **Целетной** (Celetná) жили пекари, делавшие цалны, – **что-то сродни** нашим кренделям [7, с. 92].

Другим немаловажным признаком обыденного мышления является стереотипность. Автор путеводителя не просто воспроизводит чужие стереотипы (например: *...Абрамовича назвали «Челски». Здесь всегда окончание И ассоциировалось с русскими* [6, с. 16]), он еще и формирует стереотипы в сознании читателей:

> Ездить на велосипеде – **по-берлински** [1, с.13]
>
> В Лондоне довольно странное представление о том, что такое **нарядиться**. Если лондонская девушка надела джинсы на бедрах, широкий кожаный ремень, минимальные каблуки и топик – пусть даже самый дешевый, зато на тоненьких бретельках – всё, считай, она нарядилась [6, с. 15].

Частотны проявления интерсубъективности – стремления к коллективной выработке способа мышления и говорения на определенную тему. Даже если автор не согласен с коллективной точкой зрения, он обязательно ее воспроизводит:

> Хотя и нет исторических доказательств, что алхимики жили именно тут, – даже наоборот, есть прямые доказательства, что центром алхимиков была башня Мигулка и летний дворец Бельведер, – **народная молва, подкрепленная словами именитых писателей**, упорно называет Злату улочку улицей алхимиков [7, с. 13].

Научному мышлению свойственно стремление к дезантропоморфизму, т. е. к объективному представлению результатов отражения, что проявляется в их точном числовом измерении:

> Туристы собираются на Трафальгарской площади, перед конногвардейцами, в Вестминстерском аббатстве и галерее Тейт. Власти предержащие – на Уайтхолле и Миллбанке. Интересы **первой** и **второй** групп пересекаются в **трех** точках: резиденция премьер-министра, здание парламента и пабы [6, с. 18].

К признакам научного мышления относится также стремление к оппозитивному членению результатов отражения, проявление чего мы находим в следующем фрагменте путеводителя:

> У Дорсодуро две очень разные части: восточная и западная, правая и левая. В первой ... царит состоятельная тишина ... почти все в этом районе напоминает о конце Венеции, а не о ее начале. Иначе в западной части: здесь много здоровой бедности [4, с. 26].

Кроме того, научное мышление характеризуется нацеленностью на преобразование бесконечного ряда сущностей в ограниченное количество универсальных форм. Проявление этого признака можно продемонстрировать на следующем примере из путеводителя:

> Верхний Бельведер … знаменит своими необычными (как считается) зелеными крышами, якобы напоминающими очертания турецких шатров, которые располагались здесь во время осады (**но если это так, то и нынешние сосисочные ларьки по всей Вене того же происхождения**) [3, с. 82].

В результате бытовые реалии объединяются в одну группу с культурно-историческими, что выдает обязательную для постмодернистского коммуникативного сознания иронию.

Явно противоречит принципам научного мышления высокая степень субъективизма, проявляющаяся в высокой плотности показателей субъективной модальности, например:

> Правда, иногда **возникает ощущение**, **что** когда-то чехи хотели таким образом запутать многочисленных оккупантов, а потом привыкли и не смогли остановиться – даже самые новые районы вызывающе обходятся без внятной структуры. **На самом деле** причиной такой мешанины была река Влтава, разделяющая город на две примерно равные части [7, с. 36].

Подобная тактика выдвижения предположения с последующим его разоблачением увеличивает множество ментальных пространств, что коррелирует с постмодернистским принципом многоуровневой организации текста.

Признаками художественного мышления являются: высокая степень вовлеченности в процесс формирования новых знаний образной, эмотивной и перцептивной составляющей, например:

> На пьяцце у вас всегда будет **приподнятое настроение**, как на **многолюдном фуршете**. Гигантский колонный **зал перекрыт** самим **небом**, по краям расставлены столики кафе, и если не **играют** их оркестры, то и вы, как Пастернак, услышите «жернов равномерного **шарканья**» тысяч людей [4, с. 10].

Туристический дискурс в версии «Афиши», как и художественная речь, характеризуется высокой плотностью отражения разнородных ощущений – зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых, обонятельных. Наблюдаются резкие переходы от конкретного к абстрактному, от единичного к обобщенному:

> Здесь теперь не ходят не только туристы, но даже и венецианцы, и время забыло течь, как зеленая вода, окружающая кампо почти со всех сторон [4, с. 24].

Меньше всего в туристическом дискурсе можно ожидать проявлений философского мышления, однако в путеводителях «Афиши» есть и его признаки. Прежде всего, это особая системность, воплощающаяся в антиномиях. Примеры антиномий во множестве находим в текстах путеводителей:

> Тут постоянство сменяется столь же вечной переменчивостью (что, заметим, примерно одно и то же) [6, с. 18].
>
> Считается, что это одно из самых «венских» произведений венского искусства: в нем звучит какая-то психологическая мучительность и одновременно простецкая физиологичность местного характера [3, с. 80].

Другим маркером служит высокая степень обобщения за счет аналогии между узуально не объединяемыми понятиями:

> Аристократы этого города лелеяли медленное физическое разложение в прямом и переносном смысле – фактически ведь это и есть традиция. <…> По венским понятиям прошлое должно лежать в основании настоящего и постепенно гнить: так Мария Терезия строила одни свои дворцы из других, разобранных на части. Возможно, поэтому здесь и был открыт психоанализ, в этом прошлом копающийся [3, с. 30].

Философскому познанию, как, впрочем, и художественному, свойственно осмысление мира через анализ его отражения в языке. Этот принцип довольно регулярно воплощается в текстах путеводителей, например:

> Напротив Нового замка … был разбит **Народный** сад, или Фольксгартен (Volksgarten), который сразу же стал любимым садом **аристократии** (она ведь и была **народом** императора в тогдашнем понимании) [3, с. 56].

Отражение одного и того же фрагмента действительности – города или его части – с помощью разных типов мышления формирует различные ментальные пространства. В рассматриваемом дискурсе они не просто перемежаются (в противном случае были бы заметны швы денотативных пространств, стилевая разнородность), а порождают бленд, или гибрид. По определению Ж. Фоконье и М. Тёрнера, гибрид «не тождествен ни одному из исходных пространств и не является простой суммой их элементов, а представляет собой новое ментальное пространство со своим значением»[1]. Если говорить о новом ментальном пространстве туристического дискурса в версии «Афиши», то оно является насыщенным одновременно перцептивной и интеллектуальной информацией, причем интеллектуальная составляющая имеет как рационально-логическую, так и ассоциативную природу. К этому стоит добавить особого рода экспрессию: стандартные для рекламного дискурса приемы выразительности соединяются с интеллектуальной экспрессией (термин введен М. Н. Кожиной в 70-х гг. прошлого века [9, с. 14]), которая заключается в изяществе логического построения или в неожиданности ассоциативного сближения. Приведем пример:

> Это была столица огромной империи на задворках Европы. Город гениев, которые относились к своей стране с мучительной любовью-презрением/ <...> Цензура, тайная полиция ... «бюрократинизм» <...>.
>
> Но это был не Петербург.
>
> Потом вдруг столица огромной империи превратилась в столицу маленькой страны и тоже на задворках Европы. <...> Узкий круг художников и писателей-диссидентов собирался в кафе, чтобы жаловаться, злиться и думать. Страна не доверяла им, как не доверяла и своей много возомнившей о себе столице <...>.
>
> Но это была не Москва.

[1] Цит. по: [10, с. 176].

Вы почувствуете себя в Вене как дома. У нас общий византийский двуглавый орел и похожая кухня [3, с. 3].

Этот фрагмент, по сути, содержит отрицательное сравнение, которое строится по формуле: два ложных сопоставления и одно истинное. Эта фигура была воспринята языком художественной литературы из народной поэзии. По тематике и языковому воплощению этот фрагмент следует отнести к художественной публицистике. При этом оригинальность сопоставлений и неожиданность полученного на их основе знания придают фрагменту экспрессию. И всё это в рамках гетерогенного по своей природе туристического дискурса, который вобрал в себя дискурсивный опыт литературного жанра хождений, ставшего впоследствии очерком, и рекламного дискурса.

Проанализированный материал заставляет сделать осторожный вывод о рекурсивном характере когнитивного и коммуникативного сознания. Под рекурсией понимается включение тождественных схем друг в друга, подобно матрешке. Гибридное мышление притягивают к себе гибридные категории, такие как водочный мармелад [6, с. 17]. Это могут быть как новые артефакты, так и понятия, не имеющие эквивалентов в русской культуре и не соотносимые с какой-либо одной из известных россиянину категорий:

1. RER – региональная сеть экспрессов, которая связывает центр Парижа с отдаленными районами и ближайшими пригородами (5.30–1.00). Это ***еще не электричка, но уже и не метро*** [12, с. 25];
2. Булочки сконс. <...> ***Полубулочки-полукексы***, без которых не обходится ни один afternoon tea [6, с. 15]),

или объекты двойного назначения:

3. Хотя официально аббатство – вовсе не ***музей***, а действующий ***храм***, это неправда. Мужчины в черных сутанах – на самом деле не ***священники***, а переодетые ***гиды*** [6, с. 22].

В последнем примере два ментальных пространства – аббатство и музей – порождают третье, которое не является ни музеем, ни аббатством в чистом виде.

Собранный нами материал позволяет заметить, что гибридные категории могут облекаться в разные языковые формы, занимающие разные места на шкале сложности для восприятия. Наибольшую доступность восприятию обеспечивают те формы, которые эксплицируют взаимное притяжение частей, – такие как сложение слов одной

части речи (*полубулочки-полукексы*), синтаксические конструкции, объединенные параллелизмом (пример 3). Подобное оформление придает осваиваемой адресатом категории относительную целостность. Сложным для восприятия будет оформление, ведущее к размежеванию составных частей категории – словосочетание, включающее разные части речи (*водочный мармелад*) или предложение с сочинением двух отрицательных конструкций (пример 1).

В заключение попробуем ответить на вопрос, велика ли вероятность того, что адресант, задавшись целью изобрести оригинальный и эффективный способ воздействия на адресата, осознанно придет к решению создать такую рекурсивную структуру, которая включает гибридное ментальное пространство, порожденное комбинированием четырех типов мышления, и наполнено понятиями-гибридами. А. Бадью имел веские основания считать подобную находку Событием. Очевидно, что новация возникла вследствие стечения ряда обстоятельств: особого состояния когнитивного и коммуникативного сознания национального коллектива, типологических особенностей туристического дискурса, наличия общей способности у группы адресантов – использовать потенциал двух и более типов мышления.

Ближайшие задачи дискурсивных исследований нам видятся в обнаружении и описании спонтанно возникающих новаций с целью рекомендовать их к последующему сознательному использованию в породившем их дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агунович К., Борисова Е., Демичева К., Дорожкин Э., Соколов А.* Берлин. – М. : Афиша Индастриз, 2002. – 114 с.
2. *Бадью А.* Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию А. Бадью / пер. с франц. – М. : Институт Общегуманитарных исследований, 2013. – 192 с.
3. *Деготь Е. Ю.* Вена. – М. : Афиша, 2001. – 328 с.
4. *Деготь Е. Ю.* Венеция. – М. : Афиша Индастриз, 2007. – 344 с.
5. *Евтушенко О. В.* Эволюция концептов в художественной речи как отражение ее когнитивного потенциала : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 723 с.
6. *Егерева Е. Ю.* Лондон. – М. : Афиша Индастриз, 2002. – 208 с.
7. *Кармоди О., Ширяев А.* Прага. – М. : Афиша Индастриз, 2006. – 274 с.
8. *Лучинская Е. Н.* Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации : дис. … д-ра филол. наук. – Краснодар, 2002. – 329 с.

9. *Салимовский В. А*. Вклад М. Н. Кожиной в становление речеведения // Стилистика как речеведение: сб. науч. тр. славянских стилистов, посвященный памяти М. Н. Кожиной / под ред. Л. Р. Дускаевой. – М. : Флинта ; Наука, 2013. – С. 5–24.
10. *Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика: Курс лекций. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2011. – 256 с.
11. *Стернин И. А*. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: сб. науч. тр. – М.–Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002. – С. 44–51.
12. *Чесновицкая С*. Париж: Путеводитель. – М. : Афиша, 2000. – 224 с.
13. *Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blanding and the Mind's Hidden Complexities. – N. Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.

УДК 811.11

О. К. Ирисханова

доктор филологических наук, проф. кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ; e-mail: oiriskhanova@gmail.com

ОБЪЕКТЫ И СОБЫТИЯ ПРИРОДЫ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ: ЦЕФАЛОПОД ИЛИ СУПЕРМАМА?[1]

В статье уточнятся понятие социального (по)знания и социальных структур знания и доказывается значимость последних для конструирования объектов и событий природы в тексте. Показано, что по субъекту познания все познавательные процессы и ментальные структуры могут рассматриваться как социальные, однако по критерию «объект познания» можно отграничить социальные структуры от природных. Проведенный в работе когнитивный анализ англоязычных текстов СМИ о явлениях природы позволяет выявить характер взаимодействия данных структур знания, в ходе которого природные модели уподобляются социальным моделям или включаются в них. Демонстрируется, что в тексте между природными и социальными структурами знания выстраиваются разные типы отношений – иерархические (включения и паритета), темпоральные, оценочные и др.

Ключевые слова: социальное (по)знание; социальные и природные структуры знания; иерархические, темпоральные и оценочные отношения.

Iriskhanova O. K.

Doctor of Philology; Professor, the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: oiriskhanova@gmail.com

NATURAL OBJECTS AND EVENTS IN TERMS OF SOCIAL COGNITION: CEPHALOPOD OR SUPER-MUM?

The article focuses on the notions of social cognition and social cognitive structures, showing the role of the latter in the construal of natural objects and events in text. The author argues that following the criterion of the subject of cognition all cognitive processes and models should be viewed as social. However, the criterion of the object of cognition makes it possible to distinguish between social and natural mental structures. The cognitive analysis of English mass media texts reveals the interplay of the two types of structures, with the natural cognitive models being assimilated or inserted into the social models. Various relations (hierarchic, temporal, evaluative, etc.) are established between them with the help of different linguistic and non-linguistic means.

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-48-00067).

Key words: social cognition; social and natural cognitive structures; hierarchic, temporal, evaluative relations.

В последние годы в работах лингвистов-когнитологов все чаще можно встретить понятие социальной когниции (social cognition). Данный термин, указывающий как на социальное познание, так и на социальное знание, был заимствован в когнитивную лингвистику из социопсихологии и нашел свое наиболее последовательное развитие в трудах Т. ван Дейка, Т. Гивона, Д. Гираэртса, Н. Н. Болдырева, В. И. Карасика и некоторых других отечественных и зарубежных когнитологов [1; 3; 4; 5; 6]. Однако широкое понимание социального (по)знания приводит к тому, что любые структуры знаний могут определяться как социальные. В статье предпринимается попытка уточнить данное понятие, разграничить социальные структуры знаний от других и показать особенности взаимодействия социальных и не-социальных ментальных моделей в тексте.

В социальной психологии термин «social cognition» трактуется двояко. С одной стороны, социальное (по)знание определяется как совокупность процессов, нацеленных на кодирование, декодирование, хранение и обработку информации о людях как членах социума, об их деятельности и поведении, а также как знания, формирующиеся в результате данного процесса. С другой стороны, социальная когниция – это название соответствующей дисциплины внутри психологии, которая изучает когнитивные основания социальных явлений [7].

Общая задача социальной психологии как отдельной дисциплины состоит в том, чтобы изучать социальные феномены с учетом «роли когнитивных процессов (например, внимания, кодирования, организации и хранения знаний, памяти и пр.) как посредников между социальным познанием и деятельностью» [8, с. 306]. Теория социальной когниции дает выход в довольно широкий круг «поведенческих» тем: от эмоций, норм, стереотипов и предубеждений, мотивирующих поступки человека, до типовых сценариев и стратегий общения в разных социальных ситуациях. Важное место занимает изучение таких процессов и механизмов обработки и организации социальной информации, как категоризация, оценка, распределение внимания, которые служат ключом к пониманию того, как человек интерпретирует те или иные события из жизни социума.

В то же время теория социального познания имеет определенные ограничения. При всем разнообразии затрагиваемых проблем,

когнитивные процессы и структуры социального знания изучаются, главным образом, с нескольких точек зрения:

1) как с помощью когнитивных процессов обрабатываются внешние социальные стимулы, связанные с отношениями между группами людей и социальными структурами (см., например, труды Дж. Брунера и Дж. Аллпорта о предубеждениях и стереотипизации);

2) как накапливаются и развиваются социальные знания, умения и навыки, такие как общение, игра, борьба за власть, принятие социальной роли, научение и пр. в течение жизни человека, особенно в детском возрасте (см. восходящие к идеям Л. Выготского и Ж. Пиаже труды по психологии социального развития Т. Слама-Казаку, Х. Веллмана и др.);

3) какая существует связь между уровнем развития мышления и интеллекта и определенными когнитивными механизмами[1].

Подобные ограничения проблематики во многом объясняются преобладанием традиционных для психологии методик исследования социального познания. Являясь психологической дисциплиной, теория социальной когниции опирается, в основном, на эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагается решение относительно узкого круга социальных проблем в искусственно создаваемых условиях. В итоге возникает разрыв между симуляциями эксперимента и той естественной, постоянно меняющейся средой, в которой протекает реальное поведение людей. Также экспериментальные условия не всегда позволяют определить влияние на социальную деятельность скрытых специфических способов обработки информации конкретными индивидами [7, с. 353]. В результате, как справедливо отмечает Т. ван Дейк, работы социально психологического толка нередко опираются на те модели знания и поведения, которые по сути идентичны моделям, наблюдаемым у индивидуальных испытуемых [4, с. 9–10].

В контексте подобных ограничений важным шагом в изучении социального познания становится формирование социокогнитивной лингвистики (когнитивной социолингвистики), опирающейся на когнитивные методы анализа производимого и воспринимаемого

[1] Так, например, устанавливается корреляция между тремя типами интеллекта – физическим, абстрактным и социальным (по Э. Торндайку), и способами построения точки зрения (перспективы) – такими как применение силы, использование власти, убеждение, сотрудничество, синтез точек зрения [9].

в естественных условиях языкового материала – от слов до текстов. Более последовательное привнесение языковой составляющей позволяет не только выявлять нюансы в индивидуальных реакциях говорящих на социальные стимулы и исследовать речевое варьирование социальных групп, но и более эффективно описывать структуры социальных знаний с учетом динамики их трансформаций и взаимодействия с иными когнитивными структурами в конкретных актах коммуникации. Эффективность подобного анализа связана с тем, что, как показывают многочисленные исследования (в том числе экспериментальные), начиная с раннего возраста человека, язык служит средством формирования, закрепления и развития социальных ментальных репрезентаций как в долгосрочном, так и в текущем режиме (более подробно см. [10][1]). Следовательно, выбор говорящими тех или иных языковых выражений в дискурсе, указывает не только на наиболее значимые структуры социального знания в долговременной памяти носителей социокультуры, но и на релевантность данных структур для текущего осмысления тех или иных событий и объектов, в том числе не имеющих прямого отношения к социальной организации общества.

В целом, когнитивная лингвистика, в отличие от социопсихологии, сосредоточена прежде всего на моделировании структур социального знания (когнитивных моделях), которые стоят за семантикой тех или иных языковых выражений, а также на описании того, как эти структуры трансформируются под влиянием контекста и установок говорящих. В связи с этим уже почти три десятилетия не прекращаются попытки моделировать социально и культурно обусловленные знания. На основе анализа значения языковых выражений моделируются разнообразные структуры знания – в виде ИКМ (Дж. Лакофф), культурных скриптов (А. Вежбицкая), культурных моделей (Р. Д'Андраде, Н. Куинн, Д. Холланд), ситуативных моделей (Т. ван Дейк), социокогнитивных моделей и др. (см. краткий обзор в [2]). Структура данных

[1] В данной работе показывается влияние усвоения числительных на родном и иностранном языках на оперирование категорией числа. Так, у взрослых субординативных билингвов запоминание средних точных чисел находится в большей зависимости от степени владения языком, чем запоминание малых точных и больших приблизительных чисел. Аналогичная картина наблюдалась у детей от 2 до 3,5 лет при выполнении заданий со счетом на родном языке.

моделей получает описание в формате фреймов, сценариев, пропозиций и метафор.

Несмотря на то, что когнитологи добились немалых успехов в реконструировании таких моделей на основе анализа языковых фактов, не все вопросы, связанные со структурами социального знания, остаются проясненными. Остановимся на некоторых из них.

Первый вопрос связан с тем, что именно понимается под социальностью (по)знания. Сложность заключается в том, что понятие «социальное познание» может указывать на разные, хотя и взаимосвязанные, стороны познавательной деятельности[1]. Во-первых, социальная когниция может подразумевать то, что в роли субъекта познания выступает социум в целом или его отдельные представители. Во-вторых, объектом познания является общество, общественные процессы и факты социальной жизни. В-третьих, в самом широком плане социальность познания может означать то, что любое познание является социальным в силу социальной сущности человека, а любая структура знания является социальной хотя бы потому, что разделяется большинством членов того или иного общества. Иными словами, говоря о социальности познания, мы можем иметь в виду социальность познающего, или социальный характер познаваемого, или социальную обусловленность процесса познания и структур знания в целом. В последнем случае фактически признается, что все знания человека можно отнести к социальным, что ставит под сомнение целесообразность использования понятия «социальное (по)знание».

В связи с этим возникает еще один вопрос: все ли структуры знания говорящего следует относить к социальным, или можно выделить какие-то иные знания?

Ответ на него связан с необходимостью более последовательного разграничения субъекта и объекта социального познания. В социопсихологии и когнитивной лингвистике оба компонента фактически рассматриваются как неразрывное единство, в котором субъект (концептуализатор, обладающий социальными характеристиками и помещенный в социальный контекст) определяет то, как будет репрезентирован в контексте деятельности, включая речевую, тот или иной объект познания.

[1] В данной статье социальность рассматривается исключительно как свойство человека, хотя современные биологические исследования указывают на возможность социальной организации в животном мире.

Признавая взаимообусловленность данных компонентов в процессах социального познания, мы, тем не менее, подчеркиваем важность их разграничения, так как именно от этого зависит ответ на вопрос о том, все ли структуры знания относятся к социальным. Ориентация лишь на познающего субъекта приводит к безусловному признанию социальности всех процессов когниции и когнитивных структур. Однако, если в качестве критерия для классификации структур знаний выбрать не субъект, а объект познания, то картина существенно меняется. Как известно, не все объекты окружающего мира непосредственно относятся к фактам социальной жизни, например объекты природы[1]. В последнем случае социальным ментальным структурам можно противопоставить структуры «природные».

Здесь читатель может возразить, что природа всегда рассматривается по отношению к человеку – сущности социальной, и будет прав. «Природные» модели действительно связаны с социальными, так же как и субъект познания (концептуализатор, наблюдатель) всегда проецирует себя на объект. Однако эта связь неоднозначна, и социальный характер субъекта познания не всегда приводит к социальности познаваемого объекта. И наоборот, природный характер объекта не является гарантией того, что соответствующая структура знания будет свободна от всякой «социальности». Это становится особенно заметным при текстуальных сопоставлениях. Так, в одних контекстах слон как объект познания человека может предстать как сущность исключительно природная (*слон – крупное млекопитающее тропических стран*), в других – как сущность социальная (к*ак средство передвижения, жертва браконьеров, символ царской власти в Индии, Африке, Китае* и пр.).

Кроме того, необходимо учитывать, что сам субъект познания может обладать разной степенью «социальности». Конструируя в тексте свой образ закадрового концептуализатора (наблюдателя), он может так или иначе обозначить свои социальные характеристики (статус, политические взгляды, национальную идентичность, образование и пр.), но может оставить их в тени: сравним, например, журналиста – автора эссе об истреблении слонов, и биолога – автора энциклопедической статьи об этих животных.

---

[1] Вспомним распространенное в культурологии и антропологии противопоставление «nature vs. nurture».

В целом, связи между социальными и природными когнитивными моделями в тексте могут выстраиваться по-разному с точки зрения иерархических (включения или паритета), темпоральных, оценочных и иных отношений.

Например, для установления иерархических отношений значимым оказывается то, в какую более широкую структуру знаний включена «природная» структура, т. е. на фоне чего вводится объект или событие природы, какая структура знания – природная или социальная – обеспечивает доступ к «природной» ментальной модели. Поскольку такая структура создается в дискурсе и задает ракурс вúдения объекта природы, по выполняемой ею когнитивной функции некоторые исследователи называют ее ментальным пространством (далее – МП) перспективы.

В качестве иллюстрации иерархических отношений включения между разными типами структур знания приведем статью из BBC News Magazine «Silicon: After the chip, another revolution?» *(http://www.bbc.com/news/magazine-28600802*), в которой речь идет о силиконе, ставшим основой нескольких технологических революций.

Статья начинается с фрагмента, в котором песок – природный материал и основной источник силикона, описывается как часть природного ландшафта – пляжа (1):

> (1) Summer is upon us and you are almost certainly planning at least one trip to the beach. This year, as you lie back in the sun, put down your book or magazine and sift the sand through your fingers - and take a moment to reflect upon how much of the world economy is built on the stuff.
>
> (2) I don't mean "built on sand" in a philosophical sense, however true that may be. I'm talking about three technological revolutions that are literally based on sand, one of which is only just beginning and, if it lives up to its potential, has mind-boggling implications.
>
> You've probably already guessed the element at the heart of these revolutions – silicon, the main component of sand.

МП ПЛЯЖ задает перспективу человека, который пришел отдохнуть на берег моря или реки и для которого песок – лишь естественный компонент окружающего его пейзажа. Таким образом МП ПЛЯЖ становится МП перспективы по отношению к включенному в него «природному» фрейму ПЕСОК. Данная перспектива подкрепляется предваряющей статью фотографией, на которой крупным

планом изображены руки человека, просеивающие песок. В конце текстового фрагмента (1) появляется указание на смену перспективы, в соответствии с которой фрейм ПЕСОК становится компонентом других МП – МП МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА и МП ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, представляющие собой структуры социального (социально-экономического) знания (фрагмент (2)). Теперь уже в роли наблюдателя, выстраивающего перспективу, оказывается не человек вообще, а автор статьи – конкретный журналист как выразитель определенной социально значимой идеи. В связи с этим сдвигом перспективы обратим внимание на смену обобщающих местоимений us и you на местоимение первого лица единственного числа I. Данный фрагмент показывает, что смена МП перспективы, обеспечивающего доступ к фрейму ПЕСОК через отношения включения, приводит к контекстуальной перестройке «природного» фрейма в сторону его социализации: песок из природного материала превращается в социальный объект – инструмент развития человеческой цивилизации (sand ⟶ silicon).

Интересно, что по ходу статьи изначально «природный» фрейм ПЕСОК включается в состав последовательно сменяющих друг друга МП, репрезентирующих три технологические революции – изобретение стекла, микрочипов и солнечных батарей. Таким образом песок становится связующим природным элементом нескольких этапов развития цивилизации. Эта связь подкрепляется тем, что между «социализованным» фреймом «ПЕСОК как инструмент развития цивилизации» и социальными МП ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ устанавливается также темпоральное отношение: «постоянный элемент (песок) – вре́менное явление (революция)». Интересно, что в конце статьи природный объект ПЕСОК вновь включается в МП ПЛЯЖ, однако теперь уже с социальной оценкой «революционный» и «имеющий потенциал»: *Now that really would be <u>revolutionary</u> – and all thanks to the <u>potential</u> locked away <u>in the sand of your holiday beach</u>*. Читатель как бы совершает ментальный путь в несколько витков и возвращается к точке отсчета (природному материалу песку), но уже на новом уровне, на котором объект природы предстает как социально значимая сущность.

Другим типом иерархических отношений между «природными» и социальными структурами знаний, который мы обнаружили при

анализе текстов СМИ, является отношение паритета, при котором в тексте строятся два или более параллельных МП – природных и социальных, структурированных общим событийным фреймом. По сути, данные пространства представляют собой два равноправных способа конструирования одного и того же события природы.

Приведем в качестве примера статью “Broody octopus keeps record-breaking four-year vigil” (*BBC News Magazine, 30 июля 2014 г., http://www.bbc.com/news/science-environment-28545964*). В ней рассказывается о том, как самка осьминога высиживала яйца, отказываясь от приема пищи и не покидая кладки в течение четырех лет. С точки зрения зоологии данное поведение является обычным для головоногих моллюсков, к которым относятся осьминоги, однако необычайно долгий срок заставил наблюдающих за самкой зоологов, а вслед за ними и журналиста, взглянуть на это природное событие по-иному.

Название статьи задает биологический ракурс природному событию ВЫСИЖИВАНИЕ ЯИЦ ОСЬМИНОГОМ, при этом в соответствующий фрейм включается оценочный элемент «необычный по длительности» (*record-breaking, four-year vigil*). Однако далее приводится фотография осьминога, зависшего над кладкой, которая сопровождаются надписью: *The cephalopod super-mum refused food and warded off predators for a record-breaking 53 months*. Подчеркнутое нами словосочетание запускает создание бленда CEPHALOPOD SUPER-MUM (головоногая супермама), в которой осьминогу приписывается оценочная социальная роль «самая лучшая, превосходная мать».

По мере развертывания текста происходит попеременное построение двух МП – «природного», выстраиваемого с позиции ученого (2) – (4), (6), и социального, следующего перспективе любого человека, включенного в семейные отношения – читателя, журналиста и пр. (1), (5), (7):

> (1) In a feat that surely made good use of all eight arms, (2) an octopus revealed a new secret of deep sea life when ecologists observed her record-breaking behavior from a robotic submarine.

> (3) This doubles the longest brooding time ever seen in the animal kingdom, giving embryos time to develop in the cold.

(4) Dr Bruce Robison led the research at the Monterey Bay Aquarium Research Institute (MBARI).

(5) The only time the cameras saw this particular devoted mother pay any attention to the crabs or shrimps that strayed nearby – normally a square meal for an octopus – was when she batted them away from her 150 precious eggs.

Even when the team used one of the submarine's appendages *to offer her a snack*, they were resolutely ignored.

(6) Kerry Perkins, an aquarist at the Sea Life aquarium in Brighton, said a four-year fast was a possibility, but noted that the octopus may have got nutrients from unlaid eggs or very occasional, unobserved titbits.

(7) "They're exceptionally good mothers," she said. "It is very, very cold water and they're not moving much, so their metabolic rate would be pretty low – but still, you'd think in four and a half years you'd probably have to have a snack at some point."

Как видно из приведенных фрагментов, в тексте происходит «переплетение» двух относительно равноправных событийных МП: ВЫСИЖИВАНИЕ ЯИЦ ОСЬМИНОГОМ и ПОДВИГ МАТЕРИ-ОСЬМИНОГА. Нередко данные пространства дополняют друг друга в пределах одного абзаца, предложения или словосочетания. Обратим внимание на эпизоды (1) и (2), составляющие один абзац, в котором главное предложение (*an octopus revealed*...) и придаточное предложение времени (...*when ecologists observed*...) служат средством построения «природного» МП, структурированного фреймом ВЫСИЖИВАНИЕ ЯИЦ ГОЛОВОНОГИМ МОЛЛЮСКОМ. Обстоятельство образа действия *in a feat* и подчиненное ему придаточное предложение *that surely made good use of all eight arms* выстраивает МП ПОДВИГ МАТЕРИ-ОСЬМИНОГА, структурной основой которого становится фрейм ЗАБОТА МАТЕРИ О ДЕТЯХ.

Важно, что выстраиваемые «природные» и социальные структуры знания образуют определенные оценочные отношения: «рациональное, эпистемическое – эмоциональное, этическое». Для МП ВЫСИЖИВАНИЕ ЯИЦ ОСЬМИНОГОМ это, в основном, рациональная оценка необычной длительности события и эпистемическая оценка возможности (*record-breaking behavior, the longest brooding time,*

possibility). Для МП ПОДВИГ – это оценка эмоциональная (*feat ... of all eight arms*[1]*, exceptionally good mothers, it was more of a surprise, no one expected…, we wanted her to survive and to succeed, devoted*).

Отметим также, что в данной статье, как и в предыдущей, между природной и социальной ментальными структурами выстраиваются темпоральные отношения «постоянное – временное/переменное»:

(8) That was May 2007 – Tony Blair was still in office and the world had only seen two Shrek movies.

(9) Octopus and eggs were all still firmly in place in September 2011. By October, the same month that David Cameron urged his government to support same sex marriage and the first Puss in Boots spin-off landed, she had disappeared.

Фрагменты (8) и (9) указывают на то, что время природного события описывается в масштабе человеческого (социального) времени. Чтобы читатель мог оценить, как долго заботилась о своем потомстве самка осьминога, автор статьи приводит ряд социально значимых, с его точки зрения, событий (смена правительств, выход блокбастера, смена законодательства и пр.). Таким образом, фокусное событие природы становится константой, а фоновая жизнь людей – переменной сущностью.

В целом, анализ показал, что в текстах СМИ взаимодействуют социальные и «природные» структуры знания, причем нередко вторые уподобляются первым по определенным параметрам или включаются в них. Это означает, что можно говорить о существовании принципа, обратного принципу телесности – т. е. о конструировании природных, физических объектов и событий в соотнесении и по аналогии с событиями социальными. Между природными и социальными структурами знания в тексте выстраиваются разные типы отношений – иерархические (включения и паритета), темпоральные, оценочные и другие.

[1] Данное сочетание интересно тем, что здесь трансформируется идиоматическое выражение *feat of arms* (*ратный подвиг*). *Feat of eight arms* содержит указание на восемь щупалец самки осьминога, которыми она самоотверженно защищала свое потомство от крабов и креветок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Н. Н.* Оценочные категории как форма знания // Когнитивные исследования языка. – Вып. 3. Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. тр. – М.–Тамбов : ТГУ, 2008. – С. 25–37.
2. *Ирисханова О. К.* Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 4. – 2014. – С. 5–17.
3. *Карасик В. И.* Языковое проявление личности. – Волгоград : Парадигма, 2014. – 450 с.
4. *Dijk T. van.* Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
5. *Geeraerts D.* Cultural models of linguistic standardization // Cognitive models in language and thought: ideology, metaphor and meanings. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 25–68.
6. *Givón T.* Context as other minds: the pragmatics of sociality, cognition and communication. – Amsterdam : John Benjamins, 2005. – 283 p.
7. *Houdé O., Kayser D.* (ed.). Dictionary of Cognitive Science: Neuroscience, Psychology, Artificial Intelligence, Linguistics, and Philosophy. – Amsterdam : Routledge, 2003. – 416 p.
8. *Lambert A. J., Chasteen L. A.* Social cognition // A Companion to Cognitive Science / Ed. W. Bechtel, G. Graham. – Oxford : Blackwell, 1998. – P. 306–313.
9. *Selman R. L.* The development of interpersonal competence // Developmental Review, 1. – 1981. – P. 401–422.
10. *Spelke E.* What makes us smart? Core knowledge and natural language // Language in mind: advances in the study of language and thought / ed. D. Gentner, S. Goldin-Meadow. – Cambridge–Mass : MIT Press, 2003. – P. 277–311.

УДК 81’33

Е. В. Исаева

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации, Пермский гос. национальный исследовательский ун-т; e-mail: ekaterinaisae@gmail.com

ГРАФОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ТЕЗАУРУСНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ВИРУСОЛОГИИ

В статье освещаются важнейшие результаты, достигнутые в ходе работы над проектом «Тезаурусное моделирование предметной области компьютерной вирусологии с применением нейросетевых технологий для автоматизации разработки онтологий» (РФФИ, проект № 14-06-31143). Статья направлена на описание методики графосемантического моделирования с применением интеллектуальных систем для упорядочения терминологии компьютерной вирусологии. Исследование выполнено на стыке прикладной лингвистики и информационных компьютерных технологий.

Ключевые слова: передача знания; профессиональная коммуникация; графосемантическое моделирование; когнитивное моделирование; семограф.

Isaeva E. V.

Ph.D., Associate Professor, the Department of Professional Communication (English), Perm State National Research University, Perm; e-mail: ekaterinaisae@gmail.com

GRAPH-SEMANTIC THESAURUS MODELLING OF COMPUTER VIROLOGY TERMS

The paper presents the main results obtained in the project “Thesaurus Modelling of Computer Virology with the Application of Neuronet Technologies for the Automation of Ontology Construction”. The article is aimed at the description of graph-semantic based modelling with the application of intelligent systems for regulation of computer virology terms. The research is done at the confluence of applied linguistics and IT.

Key words: knowledge transfer; professional communication; graph-semantic based modelling; cognitive modelling; semograph.

В современном постиндустриальном обществе, погруженном в единое информационное пространство, появляются новые возможности передачи и получения информации. Открытость и доступность информации позволяет человеку XXI века самостоятельно получать знания об окружающем мире и на их основе принимать решения. Этот

двусторонний процесс передачи и получения информации происходит в интердискурсивном пространстве, так как участниками такой коммуникации являются носители экспертного знания в определенной предметной области (далее – специалисты), и обладатели наивного знания (далее – пользователи), и передача информации происходит путем ее перенесения из профессионального дискурса в наивный дискурс. При этом информация переходит из одного типа дискурса в другой не в исходном виде, а трансформируется.

Для понимания, что представляет собой трансформация передаваемой информации, необходимо рассмотреть содержание термина «информация». Согласно словарю С. Ожегова информация – это:

1. Сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством. 2. Сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-н.» [8].

С позиции когнитивной науки информация «относится ко всем тем данным, которые поступают к человеку извне по разным чувственно-перцептуальным и сенсорно-моторным каналам, а также к тем данным, которые уже переработаны центральной нервной системой, интериоризованы и реинтерпретированы человеком и представлены в его голове в виде ментальных репрезентаций» [5]. В процессе структурирования информации возникают концепты, «кванты» знания, отражающие содержание результатов человеческой деятельности и познания мира. По мнению Е. С. Кубряковой, концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику, и позволяют хранить знания о мире в памяти, ментальном лексиконе и концептуальной системе [5]. Система концептов, относящихся к определенной предметной области, образует специальное знание. Овладение специальным знанием характеризуется формированием в сознании человека обоснованного убеждения (мнения) разделяемого членами эпистемического сообщества, к которому он принадлежит [3]. Ратификация убеждений (мнений) осуществляется с опорой на критерии (стандарты) принятые группой носителей знаний, включающие в себя достоверные наблюдения, умозаключения, основанные на предшествующем опыте и обращение к источнику информации [9]. Так как критерии различных сообществ могут не совпадать, то и степень обоснованности убеждений (мнений) в различных сообществах может быть различной. В связи с этим в процессе передачи специального знания из одного эпистемического

сообщества (в контексте нашего исследования – профессионального дискурса) в другое эпистемическое сообщество (здесь наивный дискурс) может возникнуть когнитивный диссонанс, спровоцированный асимметрией в концептуальных системах коммуникантов.

В нашей статье будет рассматриваться графосемантическое моделирование терминосистемы предметной области как способ снижения когнитивного диссонанса при интердискурсивной коммуникации знания. Такой подход к упорядочению терминологии становится возможным в условиях междисциплинарного проекта «Тезаурусное моделирование предметной области компьютерной вирусологии с применением нейросетевых технологий для автоматизации разработки онтологий» (№ 14-06-31143) при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Лингвистическая составляющая данного исследования выполнялась с опорой на методологию когнитивно-дискурсивного подхода к изучению терминологии [6]. При этом термин является оперативной единицей дискурса как концептуально и «вербально опосредованной специальной деятельности» [7, с. 23]. В таком ключе термин рассматривается как трехмерная единица в коммуникационной (прагматической), концептуальной, знаковой проекциях [4]. Рассмотрим эти формы репрезентации термина в дискурсе.

Терминологизация знания происходит в процессе специальной деятельности в рамках определенной предметно области, в условиях конкретного события / событий (event / set of events), при взаимодействии определенных участников. Так, когнитивная модель термина включает в себя ситуативную и контекстную модель и является коммуникативно обусловленной.

Термин как элемент концептуальной системы представляет собой специальное знание, репрезентированное в неврологической системе человеческого мозга в компрессированной форме в виде ментальных моделей, заключающих в себе упорядоченную систему концептов. Поскольку контекстная модель термина генерируется как обобщенная система моделей ситуации употребления термина, она позволяет минимизировать различие в концептуальном содержании термина в рамках одного эпистемического сообщества.

Как элемент семиотической системы термин представляет собой знаковую номинацию компрессата специального знания, зафиксированную в отраслевом словаре с описанием семантического содержания

термина. В связи с эти следует отметить наличие асимметрии в плане содержания и плане выражения термина, так как знаковая лаконичность термина соответствует глубокому семантическому содержанию, коррелирующему с набором категоризированных концептов.

Согласно представленному трехмерному подходу к исследованию терминологии, была определена цель выполняемого нами проекта – тезаурусное моделирование терминологии компьютерной вирусологии на основе корпусного подхода и применения нейросетевых технологий для автоматизации разработки онтологии предметной области. Основными задачами проекта на 2014 г. были следующие: формирование корпуса текстов по теме «Компьютерная вирусология»; составление малой тезаурусной модели терминологии компьютерной вирусологии в информационной системе «Семограф»; разработка программы для автоматизированного выделения терминов.

Обоснованием для выбора дискурса компьютерной вирусологии являются: сравнительная новизна предметной области компьютерной вирусологии, комплексная система заимствования терминов из различных предметных областей (медицина, фармация, машиностроение, юриспруденция) [1], хаотичность в терминологизации (быстрый количественный прирост терминологии, препятствующий созданию терминосистемы). Таким образом, разработка автоматически пополняемого словаря тезауруса позволила бы разрешить вышеуказанные проблемы.

Реализация поставленных на 2014 год задач выполнялась с привлечением специалистов двух предметных областей: языкознание и информационные компьютерные технологии. На первом этапе были использованы методы корпусной лингвистики для автоматизированного выявления ключевых слов заявленной предметной области и создания конкорданса ключевых слов в контекстах их употребления.

На втором этапе проекта выполнялась экспертная обработка полученного конкорданса с привлечением специалистов в области компьютерной вирусологии (студентов и магистрантов направления компьютерная безопасность механико-математического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета). Участники проекта выполнили верификацию автоматически отобранного материала с последующим занесением терминов и контекстов их употребления в ИС «Семограф» (*http://semograph.com*).

Работа в ИС «Семограф» включает в себя создание Проекта – рабочего пространства, в котором осуществляется исследовательский

цикл, реализованный в ИС «Семограф» [2, с 15]. В нашей разработке был создан Проект «Graph Semantic Modelling of Computer Virology terminology». Фрейм Проекта состоит из следующих элементов: контекст (в нашем проекте – термин на английском языке); корпус контекстов (в нашем проекте – контекст употребления – контекст «C» и дефиниция – контекст «D»); набор значений, описывающих контекст, в том числе метаданные (в нашем проекте – участник проекта, внесший термин, дата внесения термина в базу данных, термин на английском языке, перевод на русский язык, тип контекста (C / D); ссылка на источник (автор статьи / монографии, место и дата издания, страница употребления термина, дата публикации, URL электронной публикации). См. рисунок 1.

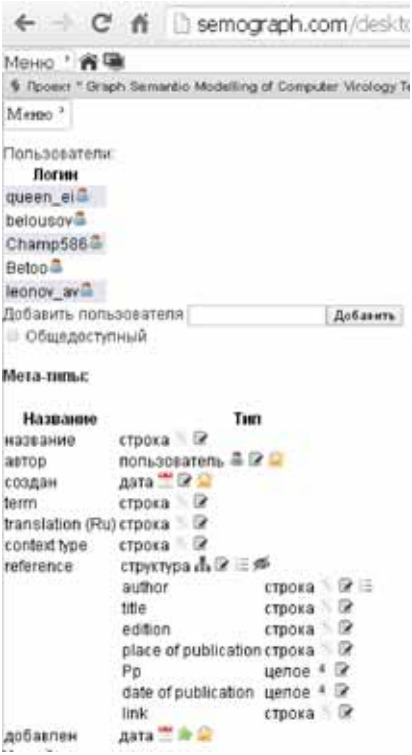


Рис. 1. Интерфейс Проекта в ИС "Семограф"

Дефиниции и перевод терминов были составлены на основе экспертного знания, в соответствии с ситуативными и контекстными

моделями их употребления. Таким образом, типичная словарная статья включила в себя следующие элементы: термин на английском языке, контекстный перевод, дефиниция и ряд метаданных (источник термина и контекста, источник дефиниции). См. рис. 2.

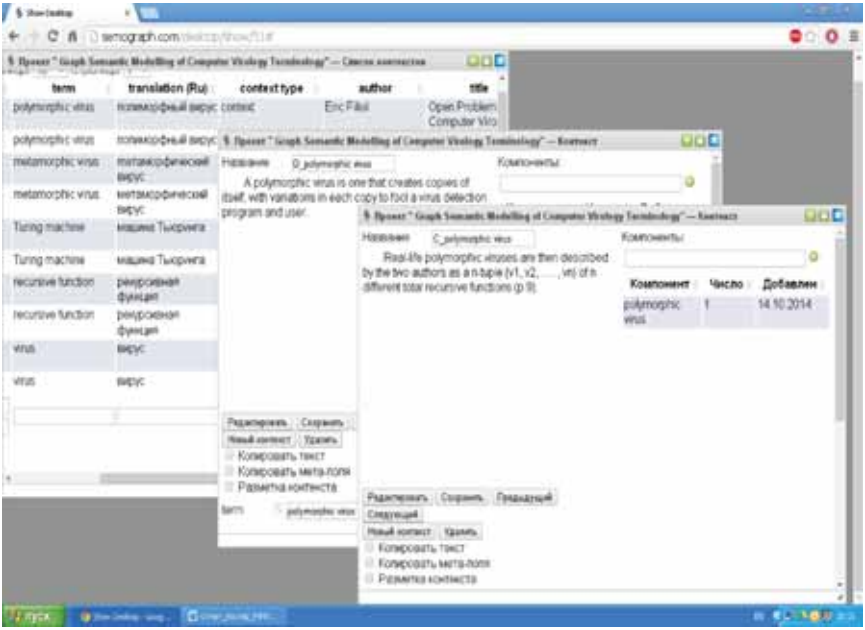


Рис. 2. Типичная статья тезауруса в ИС «Семограф»

Параллельно с лингвистическим направлением проекта велась работа по разработке программного обеспечения для автоматизированной идентификации терминов на основе бинарного дерева и нейросети. Полученная программа может быть встроена в качестве приложения в ИС «Семограф», а также работать самостоятельно, извлекая термины из корпуса текстов.

Отличительной особенностью нашей программы является возможность пополнять базу данных не посредством энциклопедического импорта из машиночитаемых словарей, а путем идентификации терминов из текстов, представленных в электронном формате. Кроме того, программа способна идентифицировать сложные термины, состоящие из двух и трех слов. Данный подход к обработке данных позволяет автоматизировать изучение лингвистических единиц в дискурсе, т. е. в среде их порождения, реализации и преобразования.

Использование нейросетевых технологий позволяет программе «самообучаться» на основе экспертной обработки полученных результатов.

В перспективе работы над проектом планируется внедрение и отладка программы для автоматизированного выделения терминов в ИС «Семограф»; автоматизированное пополнение коллекции терминов; разработка модуля категоризации (кластеризации) для программы автоматической идентификации терминов; графосемантическое моделирование терминосистемы компьютерной вирусологии.

Подводя итог проделанной по проекту «Тезаурусное моделирование предметной области компьютерной вирусологии с применением нейросетевых технологий для автоматизации разработки онтологий» работы, можно отметить ярко выраженный междисциплинарной характер проекта, направленного на применение интеллектуальных компьютерных технологий для разработки терминосистем. По нашему мнению, разработка автоматизированного словаря тезауруса с применением нейросетевого и графосемантического моделирования позволит автоматизировать процесс упорядочения терминосистем быстроразвивающихся предметных областей. Отдельный интерес данный проект представляет для изучения языков для специальных целей и оптимизации методов интердискурсивной коммуникации специального знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богатикова Е. П., Бурдина О. Б., Исаева Е. В., Мишланова С. Л.* Семантическая трансформация термина в полидискурсивном пространстве // European Social Science Journal. – № 3. – М., 2014. – С. 199–205.
2. *Белоусов К. И., Баранов Д. А., Ерофеева Е. В., Зелянская Н. Л., Ичкинеева Д. А*. Прогнозирование научной области (на материале ведущего тематического журнала) // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 2014. – № 10. – С. 13–25.
3. *Исаева Е. В.* Модели метафоры в дискурсе компьютерной безопасности : дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2013. – 186 с.
4. *Исаева Е. В., Мишланова С. Л.* Метафорическое моделирование разных типов знания в дискурсе компьютерной безопасности : Монография. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2014. – 171 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 245 с.

6. *Манерко Л.А.* Современные тенденции развития отечественной когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. / под ред. Л.А. Манерко; Институт языкознания РАН; Ряз. гос. ун.-т им. С.А. Есенина. – Вып.5. – Рязань, 2007. – С. 30–38.
7. *Мишланова С.Л., Уткина Т.И.* Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): монография. – Пермь : ПГУ, 2008. – 428 с.
8. *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992. – 506 с.
9. *Dijk T.A. van*. Discourse and Knowledge // Handbook of Discourse Analysis James Paul Gee, Michael Handford (Eds.). – L.: Routledge, 2012. – С. 587–603.

УДК 811-112

Е. И. Калмыкова

кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области экономики ИПЭУ МГЛУ;
e-mail: Le-brain@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В НЕМЕЦКИХ СМИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

В статье рассматривается экономический дискурс в немецких средствах массовой информации, определяются основные социальные приоритеты в развитии страны и мира.

Ключевые слова: экономический дискурс; когерентность; модульность дискурса; социальные приоритеты в СМИ.

Kalmykova E. I.

Ph.D., Professor, the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Economics, Institute for Law, Economics, and Information Management, MSLU; e-mail: Le-brain@yandex.ru

ECONOMIC DISCOURSE OF THE MASS MEDIA IN GERMANY: SOCIAL PRIORITIES

This article deals with economic discourse of the mass media in Germany. The purpose of this article is to consider the main social priorities of the development of the country and its international cooperation.

Keys words: economic discourse; coherence; modularity of the discourse; social priorities of the discourse of mass media.

Коммуникативное событие, которое лежит в основе дискурса, фиксируется в тексте. Поэтому естественно рассматривать коммуникативное событие как составную часть дискурсивной деятельности. С позиций лингвистики и когнитивистики текст и дискурс находятся в причинно-следственных отношениях, причем текст соотносится с определенной ментальной моделью некоторой предметной области [1], в частности экономики.

Экономический дискурс правомерно рассматривать как речь, погруженную в профессиональное экономическое общение, которое имеет определенную цель и использует средства выражения, которые регламентируются тематическим содержанием и целеполаганием автора.

Дискурс, отражая меняющиеся условия и тематику общения, динамичен, чего нельзя сказать о тексте, отражающим и фиксирующим дискурс.

Одновременно следует подчеркнуть, что именно текст реализует дискурс и фиксирует его динамику и в силу этого является надежным исходным материалом для дискурсивного анализа. В лингвистических исследованиях последних лет наметилась тенденция в направлении от лингвистики текста к лингвистике дискурса [6].

Дискурс по-разному трактуется в современных исследованиях. Если ученый рассматривает дискурс как общение посредством текста, то такой подход называется текстуально обусловленным, т. е. подходом изнутри; если дискурс рассматривается как текст, помещенный в ситуацию общения, то это подход извне, т. е. дискурс здесь ситуативно обусловлен. Мы будем использовать текстуально обусловленный подход изнутри [2]. При любом из подходов, которые дополняют друг друга, первоочередная значимость принадлежит ситуативной обусловленности.

Экономическому дискурсу свойственны четкая синтаксическая последовательность изложения, устоявшаяся терминология, тщательный отбор лексики, объективность и точность в передаче информации, строгость и однозначность изложения и его полнота, которая не исключает краткости и лаконичности при оформлении речи.

Сусть экономического дискурса состоит в вербальной реализации коммуникативных событий, зафиксированных в массиве текстов по разным отраслям экономики: предприятие и производство, маркетинг, менеджмент, инвестирование, движение капитала и рабочей силы, рынок труда, экологии.

В когнитивных исследованиях отмечается быстрый рост числа контентов и их номинаций, т. е. терминов, что свидетельствует о динамичном развитии самой экономики и о диверсификации социальной деятельности человека. Интерпретация экономических терминов зависит, с одной стороны, от объема научного и социального знания, с другой – от взаимодействия различных отраслей экономики.

Экономический дискурс не однороден по своей сути. В его типологии различают отдельные жанры, каждый из которых обладает собственными лингвистическими и стилистическими характеристиками. Это могут быть аналитическая или информационная статья, доклад, интервью, отчет о деятельности, репортаж, рекламный текст.

Хотя каждый жанр использует нормативный язык, нельзя не отметить в первую очередь стилистические особенности, специфические для каждого из жанров экономических текстов. При всем жанровом разнообразии текстов по экономике как реализации экономического дискурса правомерно выделить и его экстралингвистическую составляющую, под которой понимается социальная деятельность, помещенная в определенный контекст. Моделью, которая объединяет условия порождения и интерпретации текста и выступает лингвистическим ядром дискурса, является его ситуативная рамка [4]. Эта рамка схематично очерчивает коммуникативные условия экономического дискурса, особо выделяя их до- и посткоммуникативные стадии. Если ситуативная рамка служит лингвистическим ядром экономического дискурса, то его смыслосодержательным ядром выступает когерентность, позволяющая установить особые связи между частями дискурса.

Отношения когерентности структурно организуют дискурс с учетом характеристик дискурсивной ситуации, которая включает:

– намерение сообщить информацию;
– целенаправленность сообщения;
– связь передаваемой информации с уже известной адресату;
– усилия говорящего, направленные на понимание информации слушающим.

Отношения когерентности в дискурсе нацелены фактически на то, чтобы связать поступающую информацию с фоновыми знаниями адресата [3].

Кроме того, отношения когерентности могут касаться объяснения, т. е. выявления причинно-следственной связи.

Отношения когерентности, т. е. внутренняя смысловая связь компонентов текста / дискурса выражают заголовки и подзаголовки, иногда двухступенчатые, т. е. подзаголовок в подзаголовке.

Заголовок в яркой и краткой форме обычно анонсирует событие, подзаголовок в виде простого предложения частично раскрывает тему, обозначая в ней информационные приоритеты, а подподзаголовок еще больше конкретизирует информацию, сообщая дополнительные важные детали, например: заголовок статьи в экономической газете ФРГ Handelsblatt: «Больше стратегии, меньше пиаровской болтовни»; подзаголовок: «Эксперты требуют большей и серьезной ответственности менеджмента крупных концернов».

Встречаются и более пространные примеры.

Заголовок: «Производство проявляет инициативу в борьбе с парниковым эффектом».

Подзаголовок: «Предприятия встают на защиту климата и образуют новые сообщества по интересам».

Подподзаголовок: «Критики видят в этом прежде всего часто алиби».

Такая довольно подробная подача информации до чтения статьи есть не что иное, как рекламный прием, направленный на привлечения внимания максимального числа читателей. В публицистической и газетной практике этот прием оказался очень эффективным.

В вузовском опыте преподавания иностранных языков дискурс рассматривается не только как лингвистическое явление и объект исследования, но и как исходный, базовый, фактурный материал текстового массива коммуникативную компетенцию, наличие которой служит основным условием речевосприятия и речепорождения студентов на иностранном языке. Такой дискурс принято называть академическим, или институциональным [2], так как он обладает особым целеполаганием. Дискурсивные тексты относятся одновременно к разным уровням научного знания: от популярного до строго научного, которое предполагает понимание информации при зрелом научном чтении.

При обучении иностранным языкам будущих экономистов следует учитывать многие факторы, в том числе и модульность дискурса, т. е. режим общения коммуникантов. В учебном общении принять говорить о модусах общения: ведь всякий раз преподаватель и студент по-разному общаются в рамках одного и того же литературного и профессионального языка. При этом можно выделить следующие типы социальных действий, которые по-разному реализуются в академическом общении:

– действия, направленные на достижение конкретной цели. Их жанры: лекция, семинар, экзамен, консультация, зачет;

– действия, направленные на общение. Этот модус представлен как общение студент – преподаватель или студент – студент и носит профессиональный или личностный характер;

– формализованные, или ритуальные, действия, при которых дискурсивный модус сводится к организованному общению преподавателя с группой студентов, знакомству, информации о плане семестра, к определению сроков и форм контроля, к выдаче домашних заданий, к объявлению общих требований, к условиям восполнения пробелов в знании.

Исходя из принятого нами мнения считать дискурс как общение посредством текста, проследим, как реализуются методические усилия преподавателя по формированию коммуникативной компетенции с использованием такого жанра, как интервью. Интервью как один из медиажанров имеет собственные характеристики:

– диалогичность или полилогичность;
– информационная подготовленность сторон;
– ориентация на массовую аудиторию слушающих или читающих;
– разнообразие форм, качества и доступности информации.

Интервью сводится к получению максимальной информации с целью ее опубликования, к поиску сенсационной информации;

– речевая инициатива и наступательность, часто речевая агрессия, провокационные вопросы, обвинения, упреки [5].

В целом интервью является очень продуктивным жанром экономического дискурса для формирования коммуникативной компетенции с помощью специально созданных коммуникативных заданий, обеспечивающих достижение заявленной цели.

После прочтения интервью студентам предлагаются вопросы, выходящие за рамки данной публикации и требующие фоновых экономических и политических знаний, например:

– Кто и у кого берет интервью?
– Почему это интервью опубликовано в данном журнале и в данное время?
– Какие проблемы эксплицитно присутствуют в публикации?
– А имплицитно?
– Какие из экономических проблем связаны с политикой и социальной сферой?
– Каков общий настрой интервью: минорный, мажорный, смешанный тип, агрессия?
– Какова роль журналиста и разбирается ли он в экономической проблематике?
– Насколько убедительны и содержательны ответы на вопросы журналиста?
– Какой общий вывод можно сделать из этого интервью (односторонен, общественно не значим, политически ангажирован, социально ориентирован, формален, не интересен)?

Работа с интервью строится по принципу разделения труда, которая в целом выглядит как перечень коммуникативных задач для преподавателя и студентов.

Рассмотрим подробнее эти задачи:

Задачи преподавателя	Задачи студентов
– презентация нового материала	– ознакомление с новым материалом
– тренировка лексико-грамматических структур	– усвоение этих структур в разных видах и объемах текстов
– контроль и выявление дефицитов	– выявление дефицитов и их устранение
– выход в речь по теме: стимулирование речепорождения	– систематизирование ранее усвоенных образцов
– наводящие вопросы, просьба сравнить и прокомментировать данные – использование невербальных материалов по теме	– реакция на конкретное задание преподавателя – обобщающие выводы по теме / тексту

В экономическом дискурсе привлекает не столько его экономическая составляющая, сколько его политический и социальный аспект. Нет смысла подробно останавливаться на взаимосвязи экономики и политики. Она очевидна. Поскольку экономика обслуживает все слои населения страны / планеты, особенно велика роль социального аспекта экономического дискурса. Во главе угла при этом стоят проблемы и задачи, традиционно определяющие мощь и международный авторитет страны:

– рост ВВП и, как следствие, повышение благосостояния населения;

– экономические кризисы и их анализ прошлых лет, особенно времен Великой депрессии в США; поиск аналогичных подходов к выходу из кризиса;

– энергетическая безопасность как гарантия стабильного экономического развития страны / региона;

– защита от природных и техногенных катастроф, резко ухудшающих уровень жизни в пострадавших регионах;

– проблемы экологии, отказ от использования ядерных источников энергии как гарантия сохранения здоровья нации для современных и будущих поколений;

– государственная политика по разработке и практическому использования альтернативных источников энергии (плазма, биотопливо, энергия ветра, солнца, приливов, отливов, землетрясений);

– безработица как социальное явление, сопровождающее современное промышленное развитие, внедрение новых технологий, перенос производства в другие страны с целью экономической рентабельности;

– питание человека (достаточное, сбалансированное) и проблема питьевой воды.

Особое место в прессе ФРГ занимают сегодня ответные санкции России к странам Евросоюза и США, что еще раз подтверждает тесную связь политики и экономики. Большую озабоченность стран ЕС вызывают планы и конкретные меры России по импортозамещению. Все чаще раздаются голоса, что ответные санкции России оправданы и нанесут серьезный ущерб социальной сфере стран ЕС, так как приводят к нежелательным изменениям на рынке труда, к дисбалансу товаро-денежных потоков и к дальнейшему росту безработицы в европейских странах.

Эти немногие перечисленные социальные приоритеты можно назвать социально-политическими, поскольку они напрямую зависят от экономических и политических усилий, предпринимаемых сегодня в разных странах. Широкое и заинтересованное обсуждение этих аспектов постоянно присутствует в международных СМИ, в частности в общественно-политических журналах и газетах ФРГ – «локомотива» экономического развития Европы и Евросоюза.

Таким образом, академический экономический дискурс, составляющий содержание обучения студентов-экономистов, предоставляет различные возможности не только как объект лингвистического исследования, но и как способ выявления социальных приоритетов, реализуемых в текстах немецких СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ефимова Г. Л.* Структура аргументативного дискурса // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы Второй междунар. науч. конф., Москва, 16–17 октября 2014. – Ч. 1. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 82–83.

2. *Карасик В. И*. Дискурсивные модусы личности // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы Второй междунар. науч. конф., Москва, 16–17 октября 2014. – Ч. 1. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 25–27.
3. *Куликова О.В*. Аргументация в свете теории когнитивной когерентности // Дискурсивные стратегии профессионального общения. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 91–106. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 14 (593). Сер. Языкознание).
4. *Ракуль А.Ю*. Ситуативная рамка научного дискурса // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 17–18 ноября 2011. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 57–58.
5. *Ткачик А.К.* Реализация речевой стратегии «уход от ответа» в медиакурсе // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 17–18 ноября 2011. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 128–130.
6. *Шпетный К. И.* Дистинктивные признаки экономического дискурса // Дискурсивные стратегии профессионального общения. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 196–209. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 14 (593). Сер. Языкознание).

УДК 81'22

Е. И. Карпенко

кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и лексикологии немецкого языка, ФНЯ МГЛУ; e-mail: elena_karpenko@list.ru

ПОВЕСТВОВАНИЕ О СОБАКАХ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ: Часть II. Современная литература

В статье анализируются два современных произведения о собаках: «Хозяин и собака» (1919) Т. Манна и «Собака» (1952) Ф. Дюрренматта. Повествование о собаках в обоих произведениях становится способом описания событий и поведения людей военного времени в ответ на социальные запросы того периода. Данное свойство обусловлено тем, что художественный символизм образа собаки опирается на амбивалентность коннотации.

Ключевые слова: символ; аллегория; амбивалентность; интерпретация.

Karpenko E. I.

Ph.D., Associate Professor, the Department of German Lexicology and Stylistics, the Faculty of German, MSLU; e-mail: elena_karpenko@list.ru

TALKING ABOUT DOGS AS ACTING AMONG PEOPLE: PART II. MODERN TIMES

The article represents a study of two modern stories about dogs: «Herr und Hund» (1919) by Th. Mann and «Der Hund» (1952) by F. Durrenmatt. «Talking about dogs» is a narrative way of dealing with war experiences and therefore – as an answer to social demands of that time – an «action among people». This quallity is explained by the fact that the literary symbolism of «Dog» is rooted in the ambivalence of its connotations.

Key words: symbol; allegory; ambivalence; interpretation.

Karpenko E. I.

Ph.D., Associate Professor, Lehrstuhl für Lexikologie und Stilistik der deutschen Sprache, MSLU; e-mail: elena_karpenko@list.ru

SPRECHEN ÜBER HUNDE ALS HANDELN UNTER MENSCHEN: TEIL II. NEUZEIT

Der Beitrag setzt sich mit zwei neuzeitlichen Hundegeschichten auseinander: der Novelle «Herr und Hund» (1919) von Th. Mann und der Erzählung «Der Hund» (1952) von F. Dürrenmatt. Das fiktionale «Sprechen über Hunde» wird in den beiden Werken zur Methode der narrativen Kriegsverarbeitung und – als Antwort auf die damaligen gesellschaftlichen Bedürfnisse – zum «Handeln unter Menschen». Das literarische Symbol «der Hund» ermöglicht das dank der Vielfalt seiner ambivalenten Konnotationen.

Schlüsselwörter: Symbol; Allegorie; Ambivalenz; Interpretation.

In diesem Beitrag wird weiter an der These gearbeitet, dass es beim literarischen «Sprechen über Hunde» immer nur um den Menschen und «sein Handeln unter Menschen» geht[1]. In den zu erörternden Werken von Th. Mann und F. Dürrenmatt wird das fiktionale «Sprechen über Hunde» zum narrativen Verfahren, sich mit persönlichen Kriegserlebnissen von beiden Schriftstellern auseinanderzusetzen.

Die Nachkriegsliteratur – und, weiter gefasst, narrative Beschäftigung mit dem Krieg und dessen Folgen[2] – kennt verschiedene literarische Formen. Wenn manche Romane auf die authentische Kriegsdarstellung, dessen Grausamkeiten und Absurdität, abzielen, so können andere literarische Formen auf die explizite Schilderung der Kriegsrealität verzichten und trotzdem als eindeutig «antimilitärisch» gekennzeichnet werden (vgl. dazu [12, S. 158–159]).

In der Novelle «Herr und Hund» (1919) von Th. Mann, die im Untertitel *Ein Idyll* heißt, wird der Erste Weltkrieg mit keinem Wort erwähnt. Der namenslose Ich-Erzähler ist Thomas Mann selbst, soweit er wirklich während seines Lebens in München den Hund Bauschan besaß. Die Annäherung zwischen Mensch und Tier wird dadurch erreicht, dass das Tier «fast Mensch» wird. Da sind Bauschans Aussehen, sein Benehmen und das kaum bemerkbare Spiel seiner Mimik, die seinen Herrn an einen Menschen erinnern. Der Hund hat ein «kindliches Gesicht»; er weist emotionale Reaktionen und Gefühle eines Menschen auf. So wird z. B. die Begegnung mit einem fremden Hund beschrieben:

> Sie (=Bauschan und der fremde Hund) möchten wohl, sie wenden die Köpfe ab, sie schielen *traurig* beiseite, ein gemeinsames *Schuldbewusstsein* scheint auf ihnen zu liegen [9, S. 55]. (Hervorhebung von mir. – *E. K.*)

Und wenn Bauschan lacht, so tut er das wie sein Herr:

> Dies bringt uns beide zum Lachen – ja, *auch Bauschan muß lachen*, und das ist für mich, der ebenfalls lacht, der wunderlichste und führendste Anblick von der Welt [9, S. 59]. (Hervorhebung von mir. – *E. K.*)

---

[1] Sieh dazu «Teil I: Mittelalter» von Sabine Obermaier im gleichen Band.

[2] wobei ich vor allem die Auseinandersetzung mit den zwei Weltkriegen des XX. Jahrhunderts meine.

Das Entscheidende am Hund bleibt seine «zähe Treue» zu dem Herrn, die verschiedene Formen annimmt: von «ergebener Knechtfreundschaft» bis «Hingabe» und «Leidenschaft» [9, S. 33].

Die Grenze zwischen Mensch und Tier droht ganz zu verschwinden, wenn der Wärter in einer tierärztlichen Klinik, wohin Bauschan wegen der Blutungen eingeliefert werden muss, den Ich-Erzähler plötzlich an einen Hund erinnert:

> Er war mit einer Art von Gärtnerschürze bekleidet, ein gedrungener, rundbärtiger und rotbäckiger Mann mit braunen, etwas blutunterlaufenen Augen, deren treuer und feuchter Blick selbst auffallend *hundemäßig* anmutete [9, S. 107]. (Hervorhebung von mir. – *E. K.*)

Doch bleibt die Beschreibung Bauschans eben metaphorisch. Th. Mann wird sich der unüberbrückbaren Kluft zwischen Tier und Mensch bewusst. Darauf weist unter anderem der ironische Modus der Novelle hin. Schon bei der ersten Begegnung mit Bauschan fällt dem Herrn das Attribut «bäurisch» ein, welches durch die ironische Andeutung auf einen «Dorfburschen» und eine «ländliche Hochzeit» verstärkt wird [9, S. 29]. Über die Anthropomorphisierung bietet der Schriftsteller «eine sehr sensible Charakterzeichnung» des Hundes [15, S. 203].

Es ist kaum zu bestreiten, dass die idyllische *Hunde*geschichte erst vor dem Hintergrund der Zeitgeschehnisse die Tiefe einer großen *Menschen*geschichte erreicht. Th. Mann schrieb die Bauschan-Novelle gegen Ende des Ersten Weltkrieges. Das Idyll war nach seinem Geständnis «…eine seelische, idyllisch-menschliche Reaktion auf die Zeit, ein Ausdruck einer durch Leiden und Erschütterungen erzeugten weichen Stimmung, des Bedürfnisses nach Liebe, Zärtlichkeit, Güte, auch nach Ruhe und Sinnigkeit» [15, S. 207]. Diese Reaktion lässt sich meiner Meinung nach unter dem Begriff «Kriegsmüdigkeit» zusammenfassen. Die Kriegsmüdigkeit während des Ersten Weltkrieges breitete sich bekanntlich nicht nur in den Armeen aus; eine massive Kriegsmüdigkeit entstand an der Heimatfront, wo sie «durch den zunehmenden Versorgungsmangel, lange Schlangen vor Lebensmittelgeschäften bei geringster Auswahl und die harte Arbeit in den Rüstungsfabriken geschürt wurde» [8]. Familie Mann musste damals «Hungers leiden», wie die Inschrift am 2001 in Gmund am Tegernsee eingeweihten Thomas-Mann-Denkmal besagt, das den Herrn mit seinem Hund darstellt [4, S. 10]. Während sich die einen nach Ablenkung und Unterhaltung sehnten, was z. B. dem UFA-Filmstudio

zum Aufschwung verhalf[1], suchten die anderen – wie Th. Mann – «in der bewussten Abkehr von der Welt einen harmonischen Ausgleich zwischen sich und der Welt» [11]. Die Wiederherstellung der Harmonie findet der Ich-Erzähler dank seinen Spaziergängen mit Bauschan in jenem Revier nicht weit von seinem Haus im Münchener Herzogpark, den er nicht zufällig und nicht wegen der üppigen Natur einen «Zaubergarten» nennt:

> Das ist kein Wald und kein Park, das ist ein *Zaubergarten*, nicht mehr und nicht weniger. Ich will das Wort vertreten, obwohl es sich im Grunde um eine karge eingeschränkte und zur Krüppelhaftigkeit geneigte Natur handelt, die mit ein paar einfachen botanischen Namen erschöpft und bezeichnet ist [9, S. 66] (Hervorhebung von mir. – *E. K.*).

Hier sucht der Ich-Erzähler nach seinem «verlorenen Paradies», und der Hund (kein Mensch (!) – und darum kommt das Anthropomorphisieren des Hundes nicht in Frage) erweist sich als «Türöffner zu einer bukolischen, intakten Naturwelt», wo er «seine Mitte findet, sein kann, wie er ist, bis ihn die Forderungen der Welt lauter und lauter werdend, an sein Pflichtgefühl erinnern» [11]. Das Ende der Novelle, wenn der Herr und sein Hund vom Spaziergang nach Hause zurückkehren, macht deutlich, dass der Zaubergarten als eine klare Abgrenzung zur Außenwelt konzipiert ist:

> Oben vor der Haustür wende ich mich dann wohl noch einmal nach ihm um, und das ist das Zeichen für ihn, in zwei großen Sätzen über die Stufen zu mir heraufzuspringen und mit den Vorderpfoten an der Haustür hinaufzugehen, sich hoch daran aufzurichten, damit ich ihm zum Abschied die Schulter klopfe. „Morgen wieder, Bauschan", sage ich, „*falls ich nicht in die Welt gehen muß*" [9, S. 137]. (Hervorhebung von mir. – *E. K.*)

Auch in der parabelartigen Erzählung «Der Hund» (1952) von F. Dürrenmatt wird der Zweite Weltkrieg mit keinem Wort erwähnt. Ein Ich-Erzähler kommt in eine (nicht genannte) Stadt und begegnet dort auf einem Stadtplatz einem Bibel-Prediger. Später bemerkt er auch den Hund, der zu den Füßen des Predigers[2] liegt. Tag für Tag folgt der Ich-Erzähler dem Prediger in der labyrinthartigen Stadt, bis dieser ihn eines Tages in seinen Keller führt, wo der Prediger mit seiner erwachsenen Tochter lebt. Das Mädchen glaubt, dass der Ich-Erzähler sie vom Bösen

[1] Vgl. dazu [13].

[2] Sabine Obermaier bemerkt mit Verweis auf die Bibel [Lk 16: 21], dass im Mittelalter Hunde als Symbol der Prediger verstanden wurden (sieh «Teil I: Mittelalter» von Sabine Obermaier im gleichen Band).

befreit, sei das Böse der dominierende Vater oder der schreckliche Hund; und das Mädchen geht eine Beziehung mit dem Ich-Erzähler ein. Eines Tages finden sie im Keller den vom Hund zerfetzten Körper des Predigers, danach verschwinden das Tier und das Mädchen. Monate später sieht der Erzähler im Fenster das Mädchen, das den Hund wie ein gezähmtes Lamm an der Leine führt.

Durch wiederholte Hervorhebung, dass der Hund riesengroß und tiefschwarz ist sowie schwefelgelbe Augen und Zähne hat, entsteht das Bild eines höllischen Wesens:

> …erstaunt darüber, daß ein so *riesiges und entsetzliches Tier* meine Aufmerksamkeit nicht auf der Stelle erregt hatte, denn es war *von tiefschwarzer Farbe* und glattem, schweißbedecktem Fell. Seine Augen waren *schwefelgelb*, und wie es das riesige Maul öffnete, bemerkte ich mit Grauen *Zähne von ebenderselben Farbe*, und seine Gestalt war so, daß ich sie *mit keinem der lebenden Wesen* vergleichen konnte“ [2, S. 3]. (Hervorhebung von mir. – *E. K.*).

Einerseits verarbeitet hier F. Dürrenmatt sein Kindheitserlebnis, als er von einem wolfsartigen Hund, der ihn lange friedlich begleitet hat, angefallen und schwer verletzt wurde[1]. Andererseits lässt das groteske Bild des Hundes, der der Züge eines realen Tieres entbehrt, ihn als Sinnbild des Bösen verstehen. Auf das «höllische Wesen» des Hundes weist die Tatsache hin, dass er grade dann erscheint, wenn der Prediger öffentlich aus der Bibel zu lesen beginnt. Der Hund hat keinen Namen und kann deswegen nicht fortgeschickt werden [2, S. 6].

Darüber hinaus sei zu erwähnen, dass es mehrere ahistorische Parabeln im frühen Prosawerk von F. Dürrenmatt gibt («Der Alte», «Das Bild des Sysiphos»), deren Handlung sich als Anspielung auf die Verhältnisse im nationalsozialistischen Deutschland auslegen lässt. Dort betrachtet der Schriftsteller den zum Krieg führenden Fanatismus «nicht als gesellschaftliches Phänomen, sondern existenziell und somit als Resultat […] einer dunklen Macht, die ihre Wurzel im *Bösen selber* hatte» (Hervorhebung von mir. – *E. K.*) [6, S. 27]. F. Dürrenmatt selbst bezeichnete diese Texte als «Ausdruck bürgerlicher Ohnmacht und bürgerlichen Entsetzens über den sich in der Nachbarschaft abzeichnenden Niedergang der abendländischen Kultur» [6, S. 27]. Aus diesem Grund halte ich es für berechtigt, den Hund nicht nur als Symbol des Bösen im

[1] Vgl. dazu [1, p.16].

Allgemeinen, sondern auch als Allegorie eines ganz konkreten Weltkrieges zu betrachten.

Eine beachtenswerte Erklärung für die Gestalten des Predigers und des Mädchens schlägt Roger Alan Crockett in seiner Abhandlung «Understanding. Friedrich Dürrenmatt» (1998) vor. Er verweist auf zwei biografische Momente: Schon in seinen Jugendjahren lehnt F. Dürrenmatt die Religiosität seiner Eltern ab (F. Dürrenmatts Vater war ein Pfarrer). Auch später macht er nie ein Hehl aus seiner Abneigung gegen das organisierte Christentum. Der Prediger, der vom Hund zerfetzt wird, steht laut R. A. Crockett für den religiösen Vater. Sein grausamer Tod ist nicht nur F. Dürrenmatts literarische «Abrechnung» mit dem Vater. Er drückt auch seinen allgemeinen Pessimismus der Kirche gegenüber aus, die die Gräueltaten des Zweiten Weltkrieges nicht verhindern konnte.

Darüber hinaus gesteht F. Dürrenmatt im ersten Band der «Stoffe», dass er 1942 – 1943 eine Liaison mit einem französischen Mädchen hatte: «Die erste Liebesnacht. Wir lebten beide unbekümmert, die Umwelt war uns gleichgültig. Die Verbindungen nach Hause waren zwar nicht abgebrochen, doch ließ ich meine Eltern im Glauben, ich studiere, ohne sie über meine wirklichen Verhältnisse aufzuklären» [3, S. 313]. Diese Beziehung wirkte auf F. Dürrenmatt befreiend angesichts des Konfliktes mit dem Vater und der politischen Wirrnisse jener Zeit. Die erste Nacht des Ich-Erzählers mit dem Mädchen im Keller, der vom Prediger und seiner Tochter bewohnt wird, hat für die beiden denselben «liberating effect» [1, p. 16]:

> Wir lagen beisammen unter der Erde, eingehüllt in ihre warme Dunkelheit, *uns nicht mehr fürchtend*, und von der Ecke her, wo der Mann auf seiner Matratze schlief, lautlos wie ein Toter, starrten uns die gelben Augen des Hundes an, runde Scheiben zweier schwefliger Monde, die unsere Liebe belauerten [2, S. 7]. (Hervorhebung von mir. – *E. K.*)

Auf solche Weise, so R. A. Crockett, fusionieren in «Der Hund» – in allegorischer Form – drei von F. Dürrenmatt zu verarbeitende Ereignisse: sein jugendlicher Protest gegen die Religiosität seines Vaters, die Affäre mit dem französischen Mädchen und der Hundeangriff in der Kindheit. Das Mädchen als Opfer des Predigers steht für F. Dürrenmatt selbst (als Opfer seines religiösen Vaters): «This role reversal allows the author the freedom to write the story, which would have been too transparent otherwise» [1, p. 16]. Das verwirrende Erzählungsende – das Mädchen führt den Hund wie ein gezähmtes Lamm an der Leine – lässt sich dann als

Durchsetzung von Dürrenmatts bejahender Lebenskraft verstehen[1]. Hier ist das Persönliche mit dem Gesellschaftlichen und Zeitkritischen noch evidenter verflochten als im Mannschen Idyll. Aber bei diesem Erzählungsende gibt es meines Erachtens weiteren Freiraum für die Interpretation, die über die Grenze des Persönlichen hinausgeht. Schließlich sind die frühen Erzählungen von F. Dürrenmatt («Der Hund», «Pilatus», «Der Tunnel») «Ausdruck der Zeit und im weiteren Sinne der künstlerischen Reaktion auf ***die Katastrophe des Krieges*** und eines Neubeginns, der sich zunächst jeder Orientierung beraubt sieht» (Hervorhebung von mir. – *E. K.*) [6, S. 29].

Das Böse, das der Hund darstellt, ist gezähmt, doch nicht aus der Welt geschafft:

> den Bäumen entlang, schritt das Mädchen … und ihm zur Seite, ein dunkler Schatten, sanft und lautlos wie ein Lamm, ging *der Hund mit gelben, runden, funkelnden Augen* [2, S. 10]. (Hervorhebung von mir. – *E. K.*)

Wenn der Hund allegorisch für den Krieg steht, so war diese Katastrophe mit dem Ausgang des Zweiten Weltkrieges wirklich nur «gezähmt». Das Jahr 1946 markiert den Beginn des Kalten Krieges, der sich mit der Zeit durch die wachsende Drohung eines Atomkrieges zwischen Ost und West verschärft. Das Thema des nuklearen Konfliktes und dessen möglichen Auswirkungen begleitet F. Dürrenmatt in seinem Schaffen sein Leben lang. Eigentlich schon im Drama «Es steht geschrieben» (1946) beschreibt er die menschliche Geschichte als «Abfolge von sinnlosen Kriegen»[2] [7, S. 22]. In dieser Hinsicht impliziert das rätselhafte Erzählungsende in «Der Hund» F. Dürrenmatts

---

[1] Vgl. dazu: «The beast mangles the father – a final repudiation of his counterproductive withdrawal from the world into a religious cocoon – while Dürrenmatt's own passionate embrace of life in the world, as represented by erotic love, is vindicated» [1, p. 17].

[2] Vgl. im „Es steht geschrieben" (1946): «Wir stehen erst in der Mitte der Weltgeschichte! Eben ist das dunkle Mittelalter zu Ende gegangen! Bedenkt, was wir noch zu schuften haben! Vor uns, in der neblichten Zukunft, liegt der ganze Dreißigjährige Krieg, der Erbfolgekrieg, der Siebenjährige Krieg, die Revolution, Napoleon, der Deutsch-Französische Krieg, der Erste Weltkrieg, Hitler, der Zweite Weltkrieg, die Atombombe, der dritte, vierte, fünfte, sechste, siebente, achte, neunte, zehnte, elfte, zwölfte Weltkrieg! Da sind Kinder nötig, meine Damen und Herren, da sind Leichen nötig!» (zit. nach [7, S. 22])

Zweifel an den friedensstiftenden Bemühungen der Menschen. Es lässt sich erwähnen, dass in den frühen Prosawerken F. Dürrenmatts noch die Hoffnung auf die (scheinbare) Befreiung des Menschen vom Bösen durchschimmert (der Hund ist gezähmt). «Je weiter sein Arbeiten fortschreitet, desto pessimistischer, chaotischer und nihilistischer wird die dargestellte Welt in seinen Dramen» [5].

Zusammenfassend lässt mich die Analyse von zwei Nachkriegstexten über Hunde folgende drei Thesen festhalten:

1) Das eine literarische Symbol (der Hund) ermöglicht dank der Vielfalt seiner ambivalenten Konnotationen beiden großen Literaten zwei differente Auseinandersetzungen mit ihren persönlichen Kriegserlebnissen.

Die Novelle von Th. Mann speist sich aus jenem «Bedeutungsbündel» dieses Sinnbildes, das im Metzler Lexikon literarischer Symbole (2008) als «Symbol der Treue» verzeichnet ist. Diese symbolische Eigenschaft des Hundes ist von der Antike [1] durch das Mittelalter[2] in die Neuzeit gekommen. Sie ist tief im sprachlichen und kulturellen Bewusstsein verankert, wovon historisches und modernes Sprachmaterial zeugt, vgl.:

- Hundetreue; treu wie ein Hund sein;
- (hist.) An fremden Hunden und Kindern hat man das Brot verloren (= sie widerstehen fremden Verlockungen) [14].

Die Erzählung von F. Dürrenmatt konnotiert jene Symbolik des Hundes, die ihm Aggressivität und (zusammen mit dem Wolf) das Kriegerische zuschreibt. Auch diese Bedeutung kommt in moderner und historischer Idiomatik zum Vorschein, vgl.:

- schlafende Hunde wecken;
- (hist.) Auch einem frommen Hunde muss man die Hand nicht ins Maul stecken [14]; bösen Hunden weicht der Wolf aus [ibidem].

Die symbolischen Bedeutungen des «Hundes» basieren auf der binären Opposition von «Gut – Böse» (in konkreten Ausführungen: «Leben – Tod», «Frieden – Krieg», «Treue – Verrat» etc.), nach welcher auch erwartungsgemäß die Auseinandersetzung mit dem Krieg und dessen Folgen im Nachkriegsdiskurs organisiert werden kann.

---

[1] Vgl.: Hund Argos erkennt Odysseus nach zwanzig Jahren Krieg und trotz der Verkleidung wieder [10, S. 165].

[2] Sieh dazu «Teil I: Mittelalter» von Sabine Obermaier im gleichen Band.

2) Die Texte von Th. Mann und F. Dürrenmatt haben konzeptuell gesehen eine Gemeinsamkeit: Der Hund ist Begleiter eines Menschen in einem als mythisch konzipierten Ort. Bauschan ist der einzige Begleiter des Ich-Erzählers im idyllischen Zaubergarten, wo ihm nur der Hund dazu verhelfen kann, den Weg zu sich selbst zu finden. Wenn der Zaubergarten eine klare Abgrenzung zur Außenwelt darstellt, so ist das Labyrinth (die labyrinthartige Stadt) bei F. Dürrenmatt die Welt selbst. Der Mensch kann es nicht verlassen; sein ewiger «Begleiter» hier ist der Krieg.

3) Die beiden Schriftsteller «sprechen über Hunde», um ihre eigene Erschütterung über die Katastrophe des Krieges zu verarbeiten. Th. Mann sieht sein ganzes Werte- und Politiksystem durch den Ersten Weltkrieg zerstört; als Reaktion darauf hebt er die Eigenschaften des Hundes hervor, zu welchen Menschen nicht mehr fähig zu sein scheinen: Liebe, Zuneigung, Freundschaft, Anhänglichkeit, Treue. F. Dürrenmatt zweifelt an dem menschlichen Vermögen, das Böse zu bekämpfen. Der Krieg, allegorisiert durch ein «höllisches Wesen», ist eine zu gravierende Katastrophe für einen im Labyrinth des Lebens herumirrenden Menschen. Aber die Stimmung der Verunsicherung und der Verzweiflung, die Überzeugung in der Notwendigkeit der Kriegsverarbeitung konnten damals kaum nur persönlich sein. Th. Mann und F. Dürrenmatt sprachen aus der Seele jenen Menschen in Europa, die sowohl nach dem Ersten als auch nach dem Zweiten Weltkrieg vom «herrschenden Pessimismus» betroffen waren. Aus dieser Sicht erweist sich das literarische «Sprechen über Hunde» als «Handeln unter Menschen».

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Crockett A. R*. Understanding. Friedrich Dürrenmatt. – University of South Carolina, 1998. – (Understanding modern European and Latin American literature). – 198 p.
2. *Dürrenmatt F.* Der Hund. Der Tunnel. Die Panne. Erzählungen. – Zürich : Diogenes, 1980. – 77 S.
3. *Dürrenmatt F.* Stoffe I–III. – Zürich : Diogenes, 1981. – 357 S.
4. *Heißerer D*. Im Zaubergarten. Thomas Mann in Bayern. – München : Beck, 2005. – 303 S.
5. *Kerlein M.* Entwicklungen in Friedrich Dürrenmatts dramatischem Werk. Untersuchungen zum Grotesken, zum 'mutigen Menschen', zum Zufall und zur 'schlimmstmöglichen Wendung' in Dürrenmatts Dramen. Magisterarbeit. – Universität Konstanz, 2007. – 81 S.

6. *Knapp G.* Friedrich Dürrenmatt. – Stuttgart–Weimar : Metzler, 1993. – 224 S.
7. *Knopf J.* Friedrich Dürrenmatt. – München : Beck, 1988. – 218 S.
8. Lexikon Erster Weltkrieg. – URL: http://www.lexikon-erster-weltkrieg.de/Hauptseite
9. *Mann T.* Herr und Hund. – URL: https://archive.org/details/herrundhundgesan00mannuoft
10. Metzler Lexikon literarischer Symbole / Hrsg. von G. Butzer und J. Jacob. – Stuttgart–Weimar : J. B. Metzler, 2008. – 443 S.
11. *Nüse D.* Herr und Hund – Ein Mann in Nöten. – URL: https://eckersbestiarium.wordpress.com/2013/04/13/dominik-nuese-herr-und-hund-ein-mann-in-noten/
12. *Schieweg L. S.* Die Bürde der Geschichte. Der Untergang des Baedekerlandes im Werk von Thomas Pynchon. – Berlin : Lit Verlag, 2006. 347 S. – URL: https://books.google.de/booksid=xn6uf670HRYC&pg=PA196&lpg=PA196&dq=L.+S.+Schieweg
13. UFA – INSPIRING ENTERTAINTMENT. – URL: http://www.ufa.de/channels/spotlights/ufa_stars/ernst_lubitsch
14. *Wander K. F. W*. Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wader. – URL: http://woerterbuchnetz.de/Wander/
15. *Wiegmann H*. Die Erzählungen Thomas Manns. Interpretationen und Realien. – Bielefeld: Aisthesis Verlag, 1992. – 282 S.

УДК 81; 811.161.1; 811.111

М. И. Киосе

кандидат филологических наук; доцент, докторант сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН; e-mail: maria_kiose@mail.ru

ПРЯМОЕ И НЕПРЯМОЕ НАИМЕНОВАНИЕ КАК ФУНКЦИЯ В ТЕКСТЕ[1]

В статье исследуются возможности прямого и непрямого наименования референта в тексте. Предпринимается попытка объяснить динамический характер наименования, в результате которого одна и та же номинация может восприниматься как прямая и непрямая, функциональными изменениями в структуре конструируемых образов референта. Показываются возможности совмещения прямой и непрямой функции наименования в одной лексической единице в тексте.

Ключевые слова: функция наименования; прямая и непрямая номинация; перефокусирование; образ референта; конвенционализация номинации.

Kiose M. I.

Ph.D., Associate Professor, Postdoctoral Researcher, the Department of Theoretical Linguistics, the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; e-mail: maria_kiose@mail.ru

DIRECT AND INDIRECT NAMING AS TEXTUAL FUNCTION

The article investigates the process of direct and indirect naming of a referent in the text. Special attention is paid to the problem of dynamic character of naming which is viewed as a construal function. Functionality of naming can result in dual patterns comprising direct and indirect naming schemes.

Key words: naming function; direct and indirect names; focus shift; conceptual referent; entrenchment of a name.

Вопрос о разграничении прямого и непрямого наименования остается актуальным уже более двух тысячелетий, начиная с работ Аристотеля о «собственном» и «привходящем» [1, с. 352]. Неоднозначность разграничения прямой и непрямой номинаций объясняется комплексным характером отношений между объектом наименования и номинацией. Однако данную проблему представляется возможным

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

решить применительно к тексту, где множественные наименования одного и того же референта указывают на динамические особенности конструирования его образов. Выявляя структурные и содержательные характеристики образов – единичных и интегративных, мы можем определять зависимости между образами и восприятием номинации. В одних случаях одна и та же номинация будет идентифицироваться как прямая, в других – как непрямая. В данном исследовании мы укажем на некоторые когнитивные особенности наименования референта в тексте, которые определяют статус номинации. Покажем на текстовом примере, как может происходить изменение статуса номинации. В рассказе В. Шукшина «Три грации» девять раз используется номинация *грации* для означивания собирательного образа трех женщин, находящих удовольствие в издевательстве над прохожими (повествование ведется от лица автора). Приведем некоторые примеры номинаций:

С утра на скамейку под моим окном приходят *три грации* и беседуют [8, с. 333].

Мои грации осмелели – Алкоголик! Лысая ты коленка, диссертацию пишешь! [там же, с. 336].

Грации опупели. Молчали [там же, с. 339].

Я выпил рюмочку и спустился к *грациям* [там же, с. 340].

Обращает на себя внимание то, что в тексте образ референта трансформируется от одной номинации к другой, это, в свою очередь, меняет статус самой номинации, изначально непрямая, она постепенно начинает восприниматься как более и более прямая по отношению к референту. Такие случаи к настоящему времени не получили системного описания и обоснования именно потому, что динамические аспекты конструирования образа и наименования референта не рассматриваются во взаимосвязи. Как результат – не выявляются и когнитивные параметры, определяющие статус номинации при установлении этих взаимосвязей.

Предлагаемый подход, при котором исследуются возможности параметров в разграничении прямой и непрямой номинации, позволяет рассматривать наименование в тексте как функцию, результат которой определяется совокупностью параметров.

Функцию (в нашем случае – функцию номинации) мы понимаем, вслед за Е. С. Кубряковой, как «способность языковой формы к выполнению того или иного назначения» [5, с. 140]. При этом

результативный аспект функции определяется ее потенциальными аспектами как присущими «той или иной единице в языковой системе способностями к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию» [2, с. 14]. В отличие от традиционных в этом направлении подходов «от функции к средствам» и «от средств к функциям» (см. работы, посвященные разработке понятия функции в лингвистике [6; 9; 13]), мы обращаемся к тем условиям, которые обеспечивают реализацию языковыми средствами различных функций. Отметим, что функционально-семиотический подход в целом не свойствен когнитивным исследованиям, потому что предметом изучения в них являются когнитивные основания языка, а не отношения между самими лингвистическими знаками. Но, как мы показали на примере множественного наименования референта с помощью одной и той же номинации, сами отношения между ними также определяются когнитивными особенностями конструирования тех образов, которые этими знаками означиваются.

Последовательно рассмотрим, как происходит процесс конструирования интегративного образа референта в тексте и предпримем попытку выявить тот когнитивный параметр, который определяет функцию наименования и отвечает за ее варьирование.

Мы полагаем, что динамизм в конструировании и наименовании обусловлен тем, что формирование интегративного образа референта не есть сумма всех образов референта, создаваемых по ходу развертывания повествования. Взаимодействие их структур подразумевает поддержание активного уровня репрезентации одних элементов, и перемещение в неактивное состояние других. Данный процесс представляется целесообразным описывать в терминах перефокусирования (подробнее о фокусировании в тексте см. [3; 10; 11; 14]). При этом в тексте происходит повторная и множественная активизация одних элементов, а другие, переместившись в неактивную позицию, занимают это положение (периферийное) и в едином текстовом образе референта. Поэтому при выявлении отношений между номинациями образа референта и самими образами нужно подвергать анализу три компонента: структуру единичного и интегративного образа, представленную ядерными и периферийными элементами, тип активности фокуса и тип знака с позиций его роли в процессе семиозиса. Вся эта система является динамичной, выстраивается между референтом и знаком, и демонстрирует результат разной степени их связи:

от менее тесной – в случае непрямой номинации, до более тесной – в случае прямого наименования.

Рассмотрим, какова роль фокуса в конструировании интегративного образа референта в уже приведенном выше примере. Вновь обратимся к номинациям рассказа В. Шукшина «Три грации» и постараемся определить функцию каждой номинации, указав на особенности восприятия номинации «грация» как прямой или непрямой.

Первая номинация в предложении: *С утра на скамейку под моим окном приходят* ***три грации*** *и беседуют* – однозначно воспринимается как непрямая. Образ женщин конструируется за счет сближения двух пространств Женщины и Богини на основе общего элемента «принадлежность полу». В фокусе оказывается элемент «совершенный, красивый, божественный». Это иллюстрация метафорической схемы непрямого наименования.

Вторая номинация в предложении: ***Мои грации*** *осмелели: Алкоголик! Лысая ты коленка, диссертацию пишешь!* Трансформирует Образ1 женщины. Образ 1 и Образ 2 интегрируются на основе рассогласования предшествующего фокуса «совершенный» и нового фокуса «порочный». В связи с тем, что их появление связано с рассогласованием, они не могут занять центральное положение в структуре интегративного образа, хотя и занимают фокусное положение в структуре отдельных образов. Номинация, означивающая интегративный образ, оказывается непрямой.

Однако последующие номинации референта уже ощущаются как прямые за счет множественной активизации фокуса «порочный» в структуре единичных образов, что приводит к тому, что элемент «порочный» становится центральным в интегративном образе. В отличие от фокусного элемента единичного образа, центральный элемент интегративного образа является затушеванным, дефокусированным. Данный элемент входит в состав ядра интегративного образа в тексте и выполняет уже идентифицирующую функцию, а не характеризующую. Последующие номинации с участием лексемы *грации* интерпретируются как прямые.

Таким образом, именно положение фокуса единичного образа в составе интегративного образа и будет являться тем когнитивным параметром, который участвует в разграничении прямой и непрямой номинаций. Если фокус единичного образа занимает периферийное

положение в интегративном образе, номинация воспринимается как непрямая. В том случае если фокус затушевывается, оказавшись в центре образа, номинация меняет свою функцию и становится прямой.

Мы полагаем, что такая вариативность обусловливается различными сдвигами перспективы, которые способствуют перемещению фокуса в центральное или периферийное положение.

При этом дискурсивный анализ указывает и на то, что возможны совмещения двух результатов функции, прямой и непрямой номинаций, в одной лексической единице. Это обусловлено удвоением перспектив при конструировании интегративного образа. В этом случае номинацию, означивающую такой интегративный образ, мы воспринимаем и как прямую, и как непрямую. К возможностям совмещения текстовых функций прямого и непрямого наименования референта мы относим следующие: удвоение пространственной перспективы, удвоение точки обзора, удвоение адресата. Последовательно рассмотрим перечисленные возможности удвоения перспектив и, соответственно, совмещения функций прямой и непрямой номинации, которые мы зафиксировали в ходе дискурсивного анализа.

Проиллюстрируем вариант совмещения функций номинации за счет создания двойной пространственной перспективы на материале рассказа Р. Дала «Генезис и катастрофа». Данный вариант реализуется при введении альтернативного ментального пространства.

Это рассказ о женщине, которая рожает ребенка, переживает, что он слабый и, возможно, не сможет выжить. При этом она убеждает себя в том, что ребенок обязательно умрет. Трое ранее рожденных детей умерли в младенчестве. Подошедший супруг заставляет ее полностью поверить в неизбежность повторения этим хилым, на их взгляд, ребенком судьбы старших детей. Принимающий роды врач безуспешно старается переубедить родителей. Перечислим те номинации, которые означивают интегрирующиеся образы: *a fine son*, *a fine strong healthy child*, *a perfectly normal baby* (номинации, используемые врачом); *my fourth in four years*, *this new one*, *specimens* (*Why can't they be better specimens?* [12, с. 133]) (номинации, используемые родителями).

Так создается противоречивый интегративный образ референта ребенка, в структуре которого (на периферии) находятся как элементы «слабый, хилый», так и элементы «нормальный, здоровый».

Далее в тексте при обращении к женщине несколько раз используется ее имя *Frau Hitler*, один раз для обращения к отцу ребенка используется имя *Herr Hitler*, что заставляет читателя предположить существование еще одного ментального пространства, заданного иными координатами времени и места; и сближение этих двух пространств в сознании способствует установлению интегративной связи образов референта ребенка и Адольфа Гитлера.

Функция обращений в тексте исключительно идентифицирующая, что на данном этапе повествования не позволяет интегрировать образы двух пространств: *Just imagine, Frau Hitler, this time next year he will be almost learning how to walk* [там же, с. 133] и далее: *Herr Hitler! Yes. Come in, please* [там же, с. 134].

Нагнетание «подозрений» читателя усиливается введением имени ребенка: *I think my husband said that if it was a boy we were going to call him Adolfus* [там же], *Hello, my little Adolf* [там же]. Введение данной номинации способствует укреплению возможной связи между альтернативными пространствами. В связи с отсутствием прямых номинаций для означивания референта второго сближаемого пространства в тексте (отметим, что возможная прямая номинация для данного референта, состоящая в сочетании имени и фамилии *Adolf (us) Hitler* и которая могла бы больше сблизить эти пространства, в тексте отсутствует) окончательная интеграция образов все же наступить не может. Автор намеренно использует прием градации и завершает рассказ умолчанием, предлагая читателю самому выбрать: интегрировать или нет образы диктатора Адольфа Гитлера и ребенка.

Рассказ заканчивается словами женщины, которая обращается к Богу с мольбой оставить в живых ее ребенка:

> Every day for months I have gone to the church and begged on my knees that this one will be allowed to live. He must live, Alois. He must, he must. Oh God, be merciful into him now [там же, с. 136].

Представляется, что интеграция образов все же происходит, что обеспечивается наличием общих элементов в их структуре, а именно – элементов «живучий, сильный». Условием интеграции образов становится принятие позиции доктора о том, что ребенок здоровый и сильный, но не позиции матери и отца, т. е. в центре интегрируемого образа должны быть элементы «сильный, здоровый», а не «слабый и умирающий». Именно при этом условии происходит интеграция

образов, и мы осознаем связь двух пространств: пространства Ребенок и пространства Диктатор. Поэтому все номинации ребенка являются одновременно как прямыми, так и непрямыми – прямыми по отношению к референту ребенку и непрямыми по отношению к Гитлеру. Отметим, что здесь мы фиксируем не случай удвоенной референции, когда номинация реализует функцию прямого наименования одного референта и непрямого другого референта. Речь здесь идет именно о наименовании одного и того же референта, но за счет сближения двух пространств.

Далее покажем, как происходит совмещение функций номинации за счет удвоения точки обзора. Данный вариант совмещения двух функций номинации становится возможным потому, что образы референта, которые подвергаются интеграции, конструируются различными участниками повествования. Речь здесь также идет о введении альтернативного пространства, но, в отличие от предыдущего примера, где альтернативное пространство должно быть реконструировано читателем, здесь оно конструируется участником повествования. Поэтому сближение пространств происходит легче. Рассмотрим пример на материале рассказа Р. Дала «Эдвард Завоеватель».

Приведем краткое содержание рассказа. Неожиданно появившийся в доме кот удивляет хозяйку тем, что при звуках музыки Листа начинает испытывать повышенный интерес к исполняемому хозяйкой произведению, в то время как к музыке других композиторов остается равнодушным. Хозяйка объясняет это тем, что кот в прошлой жизни был тем самым композитором и требует почтительного отношения к коту. Ее супруга Эдварда такой вывод жены чрезвычайно смешит. Обе точки зрения представлены в рассказе. Приведем некоторые реплики жены, конструирующие образ референта кота – Листа:

> I think it might be possible that we are at this moment sitting in the presence of...of *Franz Liszt* himself! [там же, с. 144].
>
> This must be some sort of reincarnation” и ответ супруга: “You mean this lousy cat? [там же].

На этом этапе повествования мы фиксируем сближение двух пространств – пространства Бытийное, современное и пространство Музыкально-возвышенное, эпохи музыкального романтизма XIX в., за счет сближения образов кота и композитора Ф. Листа. С точки зрения супруги, оба образа конструируют один референт. Для супруга

два данных образа не являются результатом проецирования одного референта. Далее в тексте образ кота – композитора интегрирует новые образы с точки обзора супруги:

> My heavens, he was **Wagner's father-in-law**! I'm holding **Wagner's father-in-law** in my arms! [там же, с. 145].

Таким образом, в рассказе представлены два образа: один – с точки зрения жены, представленный интеграцией образов кота и композитора через реинкарнацию, второй – с точки зрения мужа, образ кота. Означаемый референт при этом один. Интеграция образов, с точки зрения жены, осуществляется за счет общих компонентов образов – «наличие "собственной" музыки», «наличие физического сходства» (жена обнаруживает у кота бородавки на тех же самых местах на лице, что и у композитора на фотографии). В том случае, если читатель принимает точку зрения жены, номинация *Franz Liszt* в высказывании: *Isn't it marvellous to think we've got Franz Liszt staying in the house?* [там же, с. 150] реализует функцию прямой. Если же позиция мужа превалирует, то функция номинации будет непрямой. Но в любом случае номинация *Franz Liszt* в тексте совмещает функции прямой и непрямой номинации по отношению к референту коту.

Третьей возможностью совмещения функций наименования в одной лексической единице выступает удвоение адресата. Так, типичным примером двойной адресации может быть номинация в произведении, предназначенном для чтения взрослыми детям. Рассмотрим отрывок из детского произведения Э. Успенского «Тетя дяди Федора».

> Матроскин отвечает:
>
> – Только он больше прав. Он за тех заступается, кто много работает и много хочет иметь. Он за таких, как я.
>
> – А она за таких, как я! – кричит Шарик. – Потому что ты корову имеешь и теленка. А я ничего не имею. Мне только на государство надеяться надо.
>
> – Знаешь, ты кто такой? – говорит Матроскин. – Ты – «**пролетарий всех стран, соединяйтесь**». Пролетал по жизни, как бабочка, и не заработал ничего [7, с. 330].

Номинация *пролетарий всех стран, соединяйтесь* означивает референт пес Шарик. Для адресата – ребенка в данном контексте номинация выполняет функцию прямой, ведь она формируется по словообразовательной модели глагольная конструкция – номинативная

конструкция (*пролетал по всем странам – пролетарий всех стран*). Для взрослого очевидна непрямая функция номинации в тексте.

Мы постарались показать, что прямая и непрямая номинации не только являются результатом функции наименования в тексте, но и обнаруживают возможности совместной реализации. Такое наблюдение свидетельствует о целесообразности дальнейшего изучения когнитивных и семиотических (языковых, дискурсивных) проявлений их взаимосвязи, особенно применительно к текстовым проявлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Топика // Сочинения: в 4 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1978. – 687 с.
2. *Бондарко А. В.* Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л. : Наука, 1987. – С. 5–39.
3. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
4. *Киосе М. И.* Когнитивно-функциональные особенности перефокусирования в непрямой номинации: аспекты семантики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3 (036). – С. 25–33.
5. *Кубрякова Е. С.* Функция в языкознании // БСЭ. – 1978. – Т. 28. – С. 140.
6. *Степанов Ю. С.* Семиотические структуры языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Т. 32. – 1973. – № 4. – С. 340–355.
7. *Успенский Э*. Все Простоквашино. – М. : Астрель, 2001. – 672 с.
8. *Шукшин В.* Крепкий мужик [Рассказы]. – М. : Прозаик, 2009. – С. 421–439.
9. *Якобсон Р. О.* Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.
10. *Chafe W.* The recall and verbalization of past experience // Current Issues in Linguistic Theory / P. Cole et al (eds.) – 1977. – P. 215–246.
11. *Givon T.* Beyond foreground and background // Coherence and grounding in discourse / R. S. Tomlin (ed.) – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987. – P. 175–168.
12. *Dahl R*. The collected short stories. – Basu Mudran, Kolkata : Penguin Books, 1995. – 762 p.
13. *Halliday M. A. K*. Halliday: System and function in language [Selected papers] / G. R. Kress (ed.) – Oxford : Oxford University Press, 1976. – 250 p.
14. *Langacker R. W.* Dynamicity, fictivity, and scanning. The imaginative basis of logic and linguistic meaning // Grounding cognition. The role of perception and action in memory, language and thinking. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – P. 164–197.

УДК 81.42

Л. П. Ковальчук

кандидат филологических наук; доцент кафедры английского языка, факультет лингвистики и перевода, Челябинский гос. ун-т; e-mail: kovalchuklidia@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА

Сказочный дискурс возник в результате игры воображения с элементами обыденного опыта путем его преувеличения и переосмысления. Дешифровка сказочного контекста с помощью теории концептуальной интеграции может привести к определению истоков языковой номинации героев и к пониманию особенностей менталитета русских и англичан. Цель настоящего исследования заключается в описании способов формирования сказочных блендов с исходным пространством «женщина» в русском и английском языках.

Ключевые слова: бленд; исходное пространство; концептуальная интеграция; общее пространство; ментальное пространство; сказочный дискурс.

Kovalchuk L. P.

Ph.D., Associate Professor, the Department of English, the Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University; e-mail: kovalchuklidia@yandex.ru

CONCEPTUAL INTEGRATION IN RUSSIAN AND ENGLISH FAIRYTALE DISCOURSE

Fairytale discourse appeared as a result of interaction between imagination and everyday experience by means of exaggeration and rethinking. The decoding of fairytale context with the help of the conceptual integration theory can reveal the origin of the heroes' names and can help to understand the mindset of Russian and English people. The aim of the research is to describe the blending with the input space "woman" in Russian and English fairytales.

Key words: blend; input space; conceptual integration; generic space; mental space; fairytale discourse.

Метафорическое осмысление действительности можно по праву назвать одним из самых древних способов познания мира. В результате наложения сущностей одного феномена на другой неизбежно возникают новые понятия и концепции. Сказочный дискурс является ярким тому доказательством. Первые сказки развивались из тотемических мифов и рассказов древних охотников о действительных событиях, перемешанных с выдумкой. В них отразились древние

представления человека о природе: анимизм, антропоморфизм и тотемизм. То, что мы традиционно воспринимаем как незатейливое повествование для детей, в действительности представляет собой попытку объяснения окружающей действительности путем наложения особенностей животного и растительного мира, а также мира вещей на уклад жизни социума.

Смешение сущностей разных понятий и концепций лежит в основе теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Ж. Фоконье в книге «Mappings in thought and language» объясняет функционирование концептуальных сетей нашего сознания сложной структурой аналогических и метафорических отображений, играющих ключевую роль в синхроническом конструировании значения и в его диахронической эволюции. Часть таких отображений настолько укоренилась в нашем сознании и языке, что мы их сознательно не замечаем, другая же часть воспринимается как нечто непривычное и оригинальное [9, p. 186].

Марк Тернер описывает блендинг как естественный процесс, лежащий в основе нашего мышления:

> Blending is not something special or costly. Blending operates almost entirely below the horizon of consciousness. We usually never detect the process of blending and typically do not recognize its products as blends. Very rarely, the scientists can drag a small part of blending onstage, where we can actually see it. But the mind is not made for looking into the mind, and as a result, we see blending only infrequently, and poorly [13, p. 18].

Под концептуальной интеграцией ученые понимают сложный когнитивный процесс, происходящий неосознанно в результате сопоставления двух независимых друг от друга явлений или понятий и соединяющий в общем счете четыре ментальных пространства: два исходных пространства (*input spaces*), одно общее пространство (*generic spaces*) и смешанное пространство (*blended space*), или бленд (*blend*).

Бленды образуются за счет проекции общего пространства, проекции некоторых элементов исходных пространств, не вошедших в общее пространство, и добавочных элементов, определяющихся фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями.

Аналогичные процессы происходят и в сказочном дискурсе. Для того чтобы понять, как процесс концептуальной интеграции

функционирует в сказочном повествовании, достаточно взять одно исходное пространство и проанализировать его взаимодействие с другими. Для точности суждений обратимся к самому распространенному и уникальному пространству, служащему неисчерпаемым источником формирования новых смешанных пространств и являющемуся одним из ключевых понятий любой культуры, – ментальному пространству «женщина».

Сказки наряду с мифами являются одним из древнейших произведений творческой мысли. Их возникновение приходится на то время, когда человек еще не отделял себя от животного мира и не считал центром Вселенной, но в то же время концептуализировал окружающую действительность сквозь призму своего сознания. Возможно поэтому антропоморфность в сказках выражается в основном за счет переноса человеческих особенностей на животный и растительный мир.

Природоморфные метафорические проекции моделируют образ женщины по принципу так называемого зеркального отражения: с одной стороны, природе и ее атрибутам приписываются антропоморфные свойства, такие как черты характера, манера поведения, особенности жизни женщины; с другой – природные образы проецируются на «прекрасную половину человечества», наделяя ее характеристиками природных явлений, стихий, животного мира.

Сказочные образы с женской символикой возникли не случайно. В их основе заложены традиции и верования предков, но эти представления претерпели метафорические трансформации, которые можно объяснить сложным когнитивным процессом – концептуальной интеграцией.

Например, хорошо всем известный образ Царевны-лягушки получен не иначе как с помощью совмещения двух понятий – *женщина* и *лягушка*:

> Иван-царевич лёг спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь [6, с. 73].

Почему же такое проекционное отображение стало возможным?

Женская символика лягушки подробно расписана в книге А. В. Гура «Символика животных в славянской народной традиции». Он говорит о том, что «из-за сходства лягушачьих лап с человеческими руками считают, что лягушка в прошлом была женщиной» [3, с. 381].

По представлениям славян, хтонический характер образа лягушки и ее принадлежность к подземному миру обусловливается особенностями биологических повадок. Из-за тонкой кожицы, быстро высыхающей на солнце, лягушки днем прячутся, а по ночам и в дождь вылезают из своих убежищ. Достаточно вспомнить, что Царевна-лягушка сбрасывала свою шкурку только ночью.

Наравне с мышами, жабами, змеями, насекомыми и пауками, лягушек в древности причисляли к нечистым животным. Считается, что они использовались в магических обрядах. Снова прослеживается параллель со сказочными сюжетами. Негативное восприятие образа Царевны-лягушки обусловливается ее связью с нелицеприятными существами, такими как Баба-Яга и Кощей Бессмертный (во многих сказках Царевна-лягушка приходится им дочерью):

> Стоит избушка; он вошел в нее. Там сидит старушка и спрашивает его: «Что, Иван-царевич, дело пытаешь или от дела лытаешь?» Иван-царевич говорит: «Ищу лягушку, жену свою». Старушка говорит: «Ой, Иван-царевич! Она тебя хочет извести; я ее мать» [6, с. 199].

Несмотря на то, что лягушки всегда считались воплощением внешнего уродства, в славянских поверьях они воспринимались как существа мудрые и хитрые:

> А лягушка *хитрая* только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, всё очистила, замазала, будто ни в чем не бывало… [1, с. 261].

> Василиса Премудрая *хитрей*, мудреней своего отца уродилась [6, с. 196].

Процесс смешения исходного пространства «женщина» с зооморфными ментальными пространствами наблюдается и в английском сказочном дискурсе.

Самое загадочное и таинственное животное, с которым когда-либо олицетворялась женщина, – это кошка. Красота, изящество, грациозность, независимость, хитрость, способность в долю секунды перемещаться с одного места на другое тысячелетиями завораживали и привлекали людей.

Но едва ли, кроме Англии, есть страна, где кошку почитают как человека. На Туманный Альбион животное завезли римляне. Во времена англосаксов продажа кошек регламентировалась законодательством, причем их стоимость составляла значительные суммы. Кроме того, протекция кошек обеспечивалась специальными законами – за

кражу и убийство животного назначалось серьезное наказание. В те времена кошки даже состояли на государственной службе – они охраняли королевские амбары и зернохранилища от грызунов [5].

В книге В. Бауэра, Н. Дюмоту и С. Головина «Энциклопедия символов» говорится о том, что кошка всегда сопровождала Фрею, англосаксонскую богиню любви и брака, позже отождествляемую с королевой ведьминого шабаша. В английских народных поверьях ведьмы, равно как и повитухи, неизбежно имели при себе «умную черную кошку» [2, с. 245].

Во времена Средневековья, когда развернулась крупномасштабная охота на ведьм, кошек подвергли демонизации и в Англии. Их стали считать ведьмовским отродьем и казнили вместе с женщинами, обвиненными в ведовстве. Если повреждение, нанесенное кошке, вызывало аналогичное повреждение у женщины, то последнюю считали слугой дьявола. Реабилитировали этих животных в Англии в XVIII в., где до сих пор они находятся в огромном почете. Неудивительно, что черная кошка, являющаяся предметом многих суеверий в других странах, здесь пользуется большим уважением.

В связи со своей ролью в истории и в жизни англичан, образ кошки в английском сказочном дискурсе довольно распространен. За редким исключением героем сказочного повествования становится кот, а не кошка («The King of the Cats»), или бесполое животное с обращением «it» («The Cottager and his Cat»), в остальных же случаях упоминается именно женский персонаж.

В Англии всегда почитали белых кошек. Считалось, что животные этого окраса лечат своей энергетикой, поэтому белых кошек продавали в аптеках. В волшебной сказке «The White Cat» кошка частично выполняет функцию лягушки в русском сказочном дискурсе. Данная аналогия прослеживается и в сюжетной линии, и в атрибутах самих героев сказок. Один из трех братьев попадает, как говорится в русских сказках, в «дремучий лес», но наталкивается там не на «избушку на курьих ножках», а на великолепный замок с золотыми дверями и фарфоровыми стенами, по воле случая оказывающийся кошачьей обителью:

> Instantly the door opened, and in came a tiny figure covered by a long black veil. It was conducted by two cats wearing black mantles and carrying swords, and a large party of cats followed, who brought in cages full of rats and mice. At first, the astonished prince thought he was dreaming, but the

little figure came up to him and threw back its veil to reveal the loveliest little white cat imaginable. She looked very young and very sad, and in a sweet little voice that went straight to his heart she spoke to him [10].

Женская красота и загадочность прослеживаются в таких эпитетах, как «the loveliest little cat imaginable», «a lovely princess», «mysterious cat».

Кошка, как и царевна-лягушка, три раза приходит на помощь главному герою. В английской сказке также подчеркивается и мудрость главной героини. В основном с помощью лексемы *wise* и сравнительной степени прилагательного *clever*: «She was ***cleverer*** than a cat has any right to be». Таким образом, даже на языковом уровне создается впечатление некоторого сходства образа женщины-кошки с образом царевны-лягушки: «Василиса Премудрая ***хитрей***, ***мудреней*** своего отца уродилась».

Современная ассоциация с «Catwoman» связана, прежде всего, с фильмами о женщине-кошке. Однако, если провести обратную метафорическую проекцию на когнитивном уровне, то она приведет сначала к героине одноименных комиксов и только потом – к образу, вышедшему из народных английских сказок. Последний в итоге будет иметь мало общего с проекционным отображением голливудского персонажа, несмотря на то, что образ женщины-кошки первоначально возник именно в сказках.

Другой сказочный образ, получивший на разных стадиях развития культуры и в разных национальных традициях многочисленные вариации, – змея. Это одно из самых противоречивых созданий природы в символике разных народов. Змея может олицетворять жизнь и смерть, свет и тьму, добро и зло, мудрость и слепую страсть, исцеление и яд, отрицательное и положительное начало. Она сопровождает практически все женские божества по всему миру и часто изображается либо у них в руках, либо обвивающейся вокруг них.

Ю. Д. Дмитриев отмечает, что культ змей у славян вырос из древнего тотемизма. Раньше даже существовало поверье: «души умерших переселяются в какое-либо животное, в частности – в змей» [4, с. 16].

В энциклопедии «Славянская мифология» сказано, что «женская символика змеи отражена в южнославянских поверьях о превращении змеи в девушку, в легендах и заклинаниях» [7, с. 187].

Именно данное поверье нашло свое отражение в русском сказочном дискурсе:

> «Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти». – Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу». – «Сунь в огонь свою пику; я по ней выберусь». Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся. Тотчас красная девица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы [1, с. 268].

После принятия христианства на Руси змеи обрамляли изображения святых и считались непременным их атрибутом. Таким образом, змеепоклонничество занимало важное место в жизни славян.

Помимо символики змеи, господствующей в культурной традиции, в сказочном дискурсе отразились и физиологические особенности пресмыкающегося. Например, способность этого хладнокровного существа жить практически во всех жизненных пространствах Земли и целиком заглатывать крупную добычу, по размерам часто превышающую толщину его туловища. Например, сказка «Катигорошек»: «Нагоняет она обратно, видит он [Катигорошек], что она близко, и бросил ей в рот три скалы. Опять змея полетела до синего моря воду пить» [6, с. 236].

Змею нередко отождествляют с другим сказочным персонажем – драконом. С культурной точки зрения это не совсем верно, так как змея является неотъемлемым атрибутом *русской* культуры, а дракон – *китайской*. Тем не менее образ дракона встречается во многих английских легендах и сказаниях, но если в них он представлен в мужской ипостаси как исключительно отрицательный персонаж, то в сказочном дискурсе дракон олицетворяет женское начало и несет в себе положительную оценочную характеристику.

Мифы, легенды, сказки, в которых фигурируют драконы или змеи, наделяют их положительными или отрицательными качествами, в зависимости от культурной традиции, составной частью которой эти персонажи являются. Поэтому образ дракона, как и образ змеи, невозможно охарактеризовать однозначно даже внутри одной культурной ветви. В любом случае эти персонажи не следует смешивать. Они образуют разные исходные пространства, формирующие отличные друг от друга бленды.

В консервативной Англии, которая чрезвычайно бережно относится к своему прошлому, включая дохристианскую историю, красный дракон является национальной эмблемой Уэльса. Сам же топоним Уэльс происходит от имени древнего европейского бога Велеса (Велса, Уэлса), связанного со змеиной природой [8, с. 63].

В английской сказочной традиции отождествление женщины с драконом – достаточно распространенное явление. Как правило, это отождествление связано с превращением молодой красивой девушки в чудовищного, извергающего пламя монстра:

В результате в английском сказочном бленде происходит слияние внешних черт женщины и дракона: *The queen has turned her stepdaughter into a loathsome, flame-breathing dragon* [12, p. 53].

Нельзя не отметить, что вновь контрастная внешность двух прототипов бленда передается за счет ряда эпитетов. Привлекательность девушки описывается исключительно прилагательными в превосходной степени *the loveliest of her kind*, *the fairest lady in the world* и сравнением *like a wild rose*. Антонимичная же ей сущность отражена прилагательными с отрицательной коннотацией *loathsome dragon*, *dreadful dragon*, а также сравнительным оборотом *so big and fat round as two-three girt oaks*. Драконьи черты выражены повтором итеративных глаголов:

> And when her maidens came in to dress her in the morning they found *coiled* up on the bed a dreadful dragon, which *uncoiled* itself and came towards them. But they ran away shrieking, and the Laidly Worm *crawled and crept*, and *crept and crawled* till it reached the Heugh or rock of the Spindlestone, round which it *coiled* itself [11, p. 115].

Таким образом, в сказочном дискурсе представлено особое соотношение фантазии и реальности, границу между которыми можно провести, опираясь на теорию концептуальной интеграции. Если принять во внимание культурные особенности, то становится понятно, почему главные героини русских и английских сказок с похожим сюжетом репрезентируются разными зооморфными символами. Смешение антропоморфных и зооморфных ментальных пространств свидетельствует об остатках в английском и русском сказочных дискурсах тотемистических и анимистических представлений древности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. – М.: Наука, 1985. – Т. 2. – 463 с.
2. *Бауэр В., Дюмоту Н., Головин С.* Энциклопедия символов / пер. с нем. Г. Гаева. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 512 с.

3. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
4. *Дмитриев Ю. Д.* Соседи по планете. Земноводные и пресмыкающиеся. – М. : Олимп ; АСТ, 1998 – 304 с.
5. Мир животных. Млекопитающие: энциклопедия для детей / сост. Е. Н. Синькевич, Л. В. Синькевич. – Минск : Миринда, Родиола-плюс, 2000. – 416 с.
6. *Нечаев А., Рыбакова Н.* Русские народные сказки. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. – 543 с.
7. Славянская мифология: энциклопедический словарь / сост. А. В. Гура. – 2-е изд. – М. : Международные отношения, 2002. – 512 с.
8. *Шамянина Т. И.* Традиционный китайский календарь и славянские мифологические параллели. – Минск : Издат. центр БГУ, 2010. – 169 с.
9. *Fauconnier G.* Mappings in Thought and Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
10. How Cats Got their Purr and Other Cat Fairy Tales Электронный ресурс. URL: http://www.messybeast.com/moggycat/brit-fairy.htm
11. *Jacobs J.* English Fairy Tales. – The Pennsylvania State University, 2005. – 169 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www2.hn.psu.edu/faculty/jmanis/joseph-jacobs/English-Fairy-Tales.pdf
12. *Kerven R.* English Fairy Tales and Legends. – L. : National Trust Books, 2008. – 197 p.
13. *Turner M.* The Origin of Ideas. – Oxford–New York : Oxford University Press, 2014. – 300 p.

УДК 81.42

И. В. Кожухова

кандидат филологических наук; доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский гос. ун-т; e-mail: vinantov@mail.ru

МАРКЕР «ACTUALLY» В АНГЛИЙСКОМ (EFL) КОНВЕРСАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

В статье описываются основные закономерности употребления дискурсивного маркера *actually* среди не-носителей английского языка (EFL). Показаны основные функциональные группы *actually* и процентное распределение.

Ключевые слова: дискурсивный маркер; конверсационный дискурс; маркер хезитации; митигатор; пропозициональный модификатор; смена темы.

Kozhukhova I. V.

Ph.D., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of English, Chelyabinsk State University; e-mail: vinantov@mail.ru

DISCOURSE MARKER «ACTUALLY» IN ENGLISH (EFL) CONVERSATIONAL DISCOURSE

The article analyzes the usage of *actually* by non-native English speakers (EFL). The author analyses the main functions of the discourse marker and their distribution.

Key words: discourse marker; conversational discourse; hesitation marker; mitigation; propositional modifier; topic shift.

Изучению дискурсивных маркеров уделяется остальное внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. Первые работы по исследованию маркеров дискурса появились три десятилетия назад – дискурсивные маркеры и конверсационный анализ описываются в работах [13; 17], в теории релевантности (лингвистической относительности) – в работе [10]. Основополагающей для многих исследователей стала работа Д. Шиффрин «Discourse Markers» (1987) [15]. В отечественной лингвистике основной цитируемой работой по дискурсивным маркерам является монография И. П. Массалиной «Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела» [4]. Одной из первых также была работа Е. В. Сарафанниковой «Дискурсивные маркеры соотнесения сообщаемого с действительностью» [7].

Несмотря на достаточное количество работ, посвященных дискурсивным маркерам, их статус остается маргинальным и до сих пор нет ясного и точного их определения. Дискурсивные маркеры «трактуют как индикаторы прагматической силы высказываний» [6], как средства связности дискурса, сигнализирующие об «отношении высказывания к его непосредственному контексту [14, p. 372] и «организующие» последовательность высказываний [15, p. 31][1].

Синтаксическая принадлежность дискурсивных маркеров разнообразна: от не-лексических единиц (например, *oh*), до слов типа *actually* и фраз типа *of course* и *you see*. К дискурсивным маркерам относятся как глаголы (*look*), наречия (*now*), предложные группы (*in particular*), идиомы (*by and large*), междометия (*well*), соединительные союзы (*and*), подчинительные союзы (*so*), так и слова типа *okay* и *right*, сложно поддающиеся категоризации. Несмотря на синтаксическую гетерогенность, эти слова регулярно появляются в высказываниях с пропозициональной структурой, формируют важную часть языковой компетенции индивида, обычно кодируя прагматическое значение [17, p. 246]. Нельзя назвать точное количество дискурсивных маркеров, так как некоторые из них (например, *y'know* и *I mean*) не показывают связь с предыдущим высказыванием.

Дискурсивные маркеры входят в учебную программу и подлежат осмыслению редко: использование дискурсивных маркеров носителем языка происходит само собой, неосознанно, часто без приложения усилий, и для изучающих иностранный язык вопрос использования дискурсивных единиц оказывается на периферии, а центральное место принадлежит изучению лексики, грамматики и др.

В своей речи мы не только устанавливаем и маркируем тип отношений (допустим, с использованием лексико-синтаксических средств), но и показываем свое отношение к ситуации. Основная функция дискурсивных маркеров – обеспечение когезии текста: «Дискурсивные маркеры не создают, но показывают отношения между сегментами дискурса» [15].

В целом, употребление дискурсивных маркеров более характерно для устной речи, которая является «генетически исходным» типом дискурса. Дискурсивные маркеры способствуют когезии и когерентности текста, которые играют важную роль в обеспечении успешности коммуникации [1, с. 118].

[1] Цит. по: [1, с. 117].

Предметом нашего интереса является дискурсивный маркер *actually*, популярность которого в англоязычном конверсационном дискурсе заметно выросла за последние десятилетия.

Причина пристального внимания к маркеру *actually* у не-носителей английского языка обусловлен в первую очередь широким использованием «ложного друга переводчика» *actual = актуальный*. По этой же схеме актуальность превращается в *actuality*. Тем не менее словарные эквиваленты совсем другие: *актуальный = relevant, urgent*, *pressing*, *contemporary*; *актуальность = topicality*, а контексты и словосочетания, в которых *актуальный = actual*, очень ограничены.

Исследования показывают, что использование *actually* в пропорции 10,3:1 более характерно для устной речи, чем для письменной в британском варианте английского языка [9], в американском английском – 2,4 :1 [12, p. 247].

Тем не менее, как это часто происходит с дискурсивными маркерами, нет единого мнения о функциях и значениях того или иного дискурсивного маркера. С. Гринбаум (1969) выделяет следующие значения:

1) дискурсивного модификатора (*Well actually it was me and not him who said that*)

2) пропозициональный модификатор-интенсификатор (*I was actually there when it happened*). Выделяются две образующие функции маркера: опровержение и исправления, два сильных ликосохраняющих смысла [11].

Дж. Таглихт, продолжая мысль С. Гринбаума, замечает, что в значении дискурсивного модификатора можно выделить следующие функции:

1a) митигатора, обладающего ликосохраняющим эффектом:

Well, actually when you say things like that…

1b) сигнала, извещающего о смене темы:

Actually, why didn't you go yourself then?

2) пропозицоинального модификатора:

I was actually there when it happened [16].

В рамках первой группы и по результатам нашего анализа выделяется еще одна подгруппа, очень продуктивная особенно среди неносителей языка (EFL), о которой говорит К. Айджмер – использование *actually* в качестве паузы хезитации [9].

Семантика *actually* контекстозависима, в связи с чем лексикографические данные не всегда дают исчерпывающую и адекватную информацию. В ABBYY Lingvo Universal есть следующие соответствия: 1. *Фактически, на самом деле, в действительности*. 2. *Как ни странно, как ни удивительно.*

Безусловно, данный перечень не может учитывать всех значений и ситуаций употребления. Даже беглый просмотр приведенного перечня выявляет семантическую несвязанность вариантов *в действительности* и *как ни удивительно*, *фактически* и *как ни странно*. Приведенное несоответствие можно объяснить тем, что «все возможные контекстуальные смыслы, формируемые в сознании при осмыслении ... являются результатом процесса интерпретации, идущего от ее достаточно четкого прототипического значения, которое можно вывести на основе информации, предоставляемой одноязычным английским словарем: *Actually is used when referring to the reality of a situation, to indicate that a situation or event happens or exists in reallife and not in theory or imagination* [5, с. 76]. То есть данная частица указывает на то, что «событие или факт, к которым она относится, происходит или существует в реальности, что противопоставляется гипотетическому или ошибочному представлению о положении дел» [там же]. Смысл, образуемый на основе прототипического значения частицы, достаточно часто может включать в себя концепты различных эмоций или оценки.

В результате исследования, проведенного на факультете лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, в котором были задействованы 32 студента с уровнем владения английским языком B2-C1, было выявлено 100 конситуаций с использованием маркера *actually*. В течение 2,5 месяцев на диктофон записывалась спонтанная речь (в ходе курса «Практикум по культуре речевого общения 1-го иностранного языка»). Далее записи расшифровывались, и выделялись ситуации с употреблением *actually*. Заметим, что *некоторые приведенные ниже примеры содержат грамматические ошибки*, которые не оказывают влияния на общий итог исследования.

Результаты функционального анализа использования маркера приведены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение использования *actually*

Функция	%
1a. Митигатор	39
1b. Смена темы	4
1(c) Хезитация	23
2. Пропозициональный модификатор	34
Итого:	100

Рассмотрим полученные результаты. *Actually* в роли митигатора (функциональное значение 1a). Общий смысл *actually* в данном употреблении – митигативный, с замечанием о том, что говорящий не совсем прав, либо же не прав вообще, но в рамках ликосохранения об этом не говорится открыто. В данном случае *actually* семантически близок к *well* со значением мягкого противоречия, но без угрозы лицу:

(1) Well actually it was never used before.

(2) Actually it's not always a good idea to differentiate travelling and tourism.

(3) I don't know, okay, actually it's the matter of preference but still the latest tendencies are freaking me out.

(4) He did this actually for some personal reasons not to mention…

Сюда также входят случаи смены темы, самоисправления:

(5) And it was a murder well actually assassination of Franz Ferdinand.

Исследования – как практические, так и теоретические, показывают, что использование *actually* в качестве средства исправления или мягкого противоречия более характерно для речи устной, не письменной, это связано как с ликосохранением, так и с поддержанием необходимого настроя беседы – все идет своим чередом, оба собеседника «в теме» [9].

Использование *actually* в качестве маркера смены темы (функциональное значение 1b) окказионально. Дж. Таглихт: «Это сигнал, извещающий слушающего об изменениях, которые меняют направление

дискурса» [16, p. 4]. В такой интерпретации мы видим, что маркер смены темы может быть и маркером вывода из дискурса:

(6) – knock-knock!
– actually you're fired!

(7) – I could never eat a frog.
– But actually you told me nothing about yourself.

Дж. Таглихт разделяет *actually* на сильные и слабые. Данный случай употребления (т. е. случаи, в которых мы наблюдаем угрозу лицу) относятся к сильным. Митигативное значение относится к слабым.

Смена темы влечет за собой нарушение принципа Кооперации Г. П. Грайса, который в своей работе отмечает: «В нормальной ситуации диалог не является последовательностью не связанных друг с другом реплик – в этом случае он не был бы осмысленным. Обычно диалог представляет собой, в той или иной степени, особого рода совместную деятельность участников, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них обоих цель (цели) или хотя бы "направление" диалога. <…> На каждом шагу диалога некоторые реплики исключаются как коммуникативно неуместные» [2, с. 221–222]. На базе этой идеи формулируется основной принцип – принцип Кооперации, которого должны придерживаться все участники коммуникации: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [там же, с. 222]. Участники разговора знают об интересах друг друга и предполагают, что их интересы совпадают.

Принцип кооперации включает в себя 4 постулата – количества, качества, отношения и манеры речи. Рассмотрим эти постулаты несколько подробнее:

Максима качества:

1. Не говори того, что считаешь ложным.
2. Не говори того, в чем сомневаешься.

Максима количества:

1. Говори настолько информативно, насколько это требуется.
2. Не говори информативнее, чем требуется.

Максима релевантности (отношения):

Будь релевантным (говори к месту).

Максима ясности (манеры речи).

Будь последовательным (излагай ясно).

1. Избегай неясности.
2. Избегай двусмысленности.
3. Будь краток (избегай излишнего многословия).
4. Будь аккуратен (систематичен)[1].

При всей существующей критике принципа Кооперации очевидно, что смена темы будет иметь ликоугрожающий эффект.

Actually как индикатор пауз хезитации (функциональное значение 1(c)). В данном случае употребление *actually* по своим функциям совпадает с употреблением *well* (также – *I think, maybe, perhaps*), извещающем о продолжении реплики. Понятен ход мысли говорящего, его раздумья и сомнения:

(8) I..well…actually…probably the combination of both?
(9) I'm actually not sure if she was a feminist before that.
(10) She would actually I think she would react positively.

Actually как пропозициональный модификатор (функциональное значение 2). Проверить этот случай употребления можно, заменив *actually* на *really / in fact*, либо на функцию – усилительную, интенсифицирующую.

Условная формула: *What I actually did was…*

(11) Right, actually it was not an anecdote but a pun. And actually an anecdote refers to some events in life.
(12) What is actually happening there? They are supposed to be qualified doctors but are they quacks?

Допускается также использование *actually* в разных функциях в одном высказывании. Анализируемый материал не дает подобных примеров, однако не считаем данный факт показателем того, что изучающие EFL не могут воспользоваться данной возможностью. Предположим, что неоднократное разнофункциональное использование *actually*, а также других дискурсивных маркеров более характерно для носителей языка, чья языковая компетенция и интуиция будут находиться на качественно другом уровне.

Нередко однозначная интерпретация использования *actually* была затруднительной. Очевидно, что в некоторых случаях интерпретатор / участники коммуникации могут неверно истолковать

[1] Цит. по: [3, с. 55–56].

коммуникативные интенции по причине индивидуальных особенностей, коммуникативной ситуации и других факторов. Тем не менее, принимая во внимание тот факт, что в речи, в процессе общения все решает слушающий, «слабые» (митигативные) *actually* могут быть восприняты как «сильные» (ликоугрожающие):

> Once at a supermarket a customer behind me was starting to unload groceries onto the checkout belt, failing to notice the “CLOSED” sign, and the checkout cashier said “Sorry, we're actually closed” [8].
>
> (В магазине покупатель начал выкладывать покупки на ленту, не заметив таблички «КАССА ЗАКРЫТА», и кассир ему сказал: «Извините мы (вообще-то) закрыты»).

Среди носителей языка развернулась дискуссия: что именно имел в виду кассир? С одной стороны, следуя правилам ликосохранения и негативной вежливости, данный случай употребления должен быть митигативным; с другой – многие из прочитавших пример восприняли *actually* как явную угрозу лицу.

Необходимо понимать, что полученные результаты специфичны и их, безусловно, нельзя экстраполировать не только на носителей языка, но и на тех, для кого английский является «почти» родным. Результаты могут быть интересны педагогам в рамках интерференционного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Власян Г.Р.* Особенности функционирования маркеров англоязычного конверсационного дискурса // Вестник Иркутского гос. лингвист. ун-та. – 2011. – № 16. – Т. 4 – С. 115–120.
2. *Грайс П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс 1985. – Вып. 16. – Лингвистическая прагматика. – С. 222–223.
3. *Кожухова И.В.* Интеррогативные косвенные речевые акты: реализация коммуникативной неимпозитивности (на материале английского и русского языков): Монография. – Челябинск : РЕКПОЛ, 2012. – 144 с.
4. *Массалина И.П.* Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела. – Калининград : Изд-во КГТУ, 2009. – 278 с.
5. *Минченков А.Г.* Приложение когнитивно-эвристической модели к переводу частицы *actually* // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И.Герцена. – 2008. – № 66. – С. 74–81.
6. *Почепцов О.Г.* Основы прагматического описания предложения. – Киев : Вища шк., 1986. – 116 с.

7. *Сарафанникова Е. В.* Дискурсивные маркеры соотнесения сообщаемого с действительностью (на материале телевизионных новостей на русском и английском языках) : дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 197 с.
8. Actually // Language Log. – URL: http://languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=1086
9. *Aijmer K.* Why is actually so popular in spoken English. English in Speech and Writing: A Symposium. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1986. – P. 119–129.
10. *Blakemore D.* Semantic Constraints on Relevance. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 274 p.
11. *Greenbaum S.* Studies in English Adverbial Usage. – L.: Longman, 1969. – 262 p.
12. *Oh S.-Y.* Actually and in fact in American English: a data-based analysis. – English Language and Linguistics. – 4(2). – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 243–268.
13. *Owen M.* Apologies and Remedial Interchanges: A Study of Language Use in Social Interaction. – Berlin : Berlin University Press, 1983. – 192 p.
14. *Redecker G.* Ideational and Pragmatic markers of Discourse Structure. – Journal of Pragmatics. – 1990. – № 14. – P. 367–381.
15. *Schiffrin D.* Discourse Markers. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
16. *Taglicht J.* Actually there's more to it than meets the eye. – English Language and Linguistics. – 5 (1). – Cambridge: Cambridge University Press, 2001 – P. 1–19.
17. *Watts R.* A relevance-theoretic approach to commentary pragmatic markers: The case of actually, really and basically // Acta Linguistica Hungarica. – 1988. – № 38. – P. 235–260.

УДК 821.111.09-21'255.2 + 929

Н. Н. Коноплева

кандидат филологических наук; доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, факультет иностранных языков и лингводидактики Саратовского гос. ун-та; e-mail: ninadurinova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТРАГЕДИЙ В. ШЕКСПИРА В КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОМАНТИЗМА

В статье рассматриваются национальные особенности литературной критики эпохи романтизма. Показано, что «культ Шекспира», созданный романтиками, не означал глубины понимания произведений великого драматурга. Установлено, что интерпретация трагедий Шекспира английскими романтиками отличалась избирательностью в выборе объекта изучения и высокой степенью субъективности. Отмечается, что русские романтики, несмотря на то, что знакомились с трагедиями Шекспира во французских и немецких переводах, смогли лучше понять их скрытый смысл.

Ключевые слова: литературная рецепция; Шекспир; «культ Шекспира»; трагедии; английский романтизм; русский романтизм; «романтический импрессионизм».

Konopleva N. N.

Ph.D., Associate Professor, the Department of English Language and its Teaching, the Faculty of Foreign Languages and Linguodidactics, Saratov State University; e-mail: ninadurinova@yandex.ru

LITERARY RECEPTION OF W. SHAKESPEARE'S TRAGEDIES IN THE ROMANTIC CRITICAL DISCOURSE

The article looks at the national characteristic features of the romantic literary criticism. It is shown that «Shakespeare's cult» did not mean a deep understanding of the great dramatist's tragedies. It is established that the interpretation of Shakespeare's tragedies by the English romantics was selective in the choice of the subject of study and highly subjective. It is observed that Russian romantiasts though familiar with Shakespeare's tragedies in the French and German translations could understand their hidden meaning better.

Key words: literary reception; Shakespeare; «Shakespeare's cult»; tragedies; English romanticism; Russian romanticism; «romantic impressionism».

Художественное произведение получает осмысление в эстетических и мировоззренческих рамках эпохи. Конечно, необходимо «сличать» великие произведения с веком, но не всегда литературоведческие представления находятся на той же высоте, что и анализируемое художественное произведение. По мнению современных исследователей,

мы бы получили «чрезвычайно бедное представление о В. Шекспире, если ли бы заключили себя в мир современных ему теоретических концепций» [10, с. 6]. Полнота и многообразие жизни в шекспировских трагедиях дают возможность каждому литературному течению заявить о своем праве считать великого драматурга творческим единомышленником и давать оценку его трагедиям, исходя из собственных мировоззренческих представлений.

Исторический контекст подсказывал, что литературный романтизм должен был возникнуть во Франции, но она была слишком увлечена социальными преобразованиями, поэтому родиной романтизма как духовного явления и как литературного течения стала Германия. Если признать, что романтизм имеет национальную окраску, то отличительными чертами немецких романтиков стало религиозно-мистическое отношение к действительности, пантеистическое восприятие природы, поиски божественного начала в человеке. В религии, прежде всего в христианстве, романтики увидели «живое чувство присутствия бесконечного в конечном» [5, с. 12]. На эту особенность религиозного восприятия мира указывал крупнейший исследователь немецкого романтизма В. М. Жирмунский.

Французские романтики, лишенные «мистических тонкостей», видели нравственно-этический пафос романтизма в достоинстве человеческой личности. Как следствие, важнейшей философско-эстетической категорией французского романтизма стал индивидуализм, понятый им как свобода личности.

В литературе романтизм принял форму отрицания принципов классицистической драмы, основывавшейся на принципах логической последовательности, и утверждения новой драмы – романтической.

Современные романтикам литераторы на роль «живых классиков», по всей видимости, подходили плохо, нужен был абсолютный творческий идеал, его романтики нашли в Вильяме Шекспире, ставшего культовым драматургом этого литературного течения. Именно в романтизме появился «культ Шекспира», который был осмыслен им как стремление к свободе художника от эстетики классицизма.

Иоганн Гердер, многие положения которого будут впоследствии развиты романтиками, восторженно отзывался о шекспировской драматургии, ставя ее выше и античной, и французской классической трагедии, последнюю он считал вторичной, подражательной [4]. Представители Йенской романтической школы, возглавляемой

братьями Шлегелями, разделяли эту оценку. Они сыграли выдающуюся роль в теоретическом обосновании этого духовного и литературного течения, однако не смогли дать ему правильного толкования. «В нем (романтизме. – *Н. К.*) было более инстинкта, чем сознания» [3, с. 12].

Та же участь постигла и французских романтиков, которые в содержательном плане не смогли сказать ничего существенного. Единственное, что является неоспоримым – противопоставление романтизма классицистической драме, которая, по мнению романтиков, ставит художника в жесткие рамки условностей – необходимости соблюдать единство места и времени.

Предшествующие романтикам поколения английских критиков считали, что В. Шекспиру недоставало знания законов искусства, хотя его талант не подвергался сомнению. Начавшаяся реакция против эстетики и поэтики классицизма в Англии привела к переоценке творческого наследия самого выдающегося английского драматурга.

Возвеличивание В. Шекспира началось с сентименталистов. В статье «Рассуждения об оригинальности произведений» Эдуард Юнг ставит В. Шекспира в один ряд с античными авторами, не сомневаясь в его равновеликости: «Шекспир дал нам Шекспира, и даже самый прославленный из древних авторов не дал нам больше! Шекспир не сын их, а брат; он равен им»[1].

Поскольку большинство английских критиков были поэтами или литераторами (С. Кольридж, В. Скотт, У. Хэзлитт, Т. де Квинси, Ч. Лэм), «живописность слога», «буйство фантазии» переносятся и в критические отзывы, характеризующиеся повышенной метафоричностью. Каждый из романтиков имел собственную субъективную точку зрения на каждую из трагедий – свойство, позже названное «романтическим импрессионизмом».

Несомненно, «культ Шекспира», доходящий до сакрализации, создал Сэмюэл Кольридж, лекции которого заново открывают читателю В. Шекспира. С. Кольридж разделял многие идеи немецких романтиков, что дало основание некоторым его современникам, например известному литературному критику и эссеисту Уильяму Хэзлитту настаивать на прямом заимствовании. Это напрасное обвинение: сходство взглядов в данном случае можно объяснить тем, что обыкновенно называется «духом времени». В подтверждение можно добавить,

[1] Цит по: [2, с. 145].

что разбор С. Кольриджем «Гамлета» лег в основу комментариев, сделанных Августом Шлегелем.

С большинством немецких романтиков С. Кольриджа роднит религиозно-мистическое чувство и христианское понимание нравственности: «Особенной заслугой христианства является то, что оно даже в самой искаженной своей форме неотделимо от морали, в то время как другие религии, даже в самой возвышенной своей форме, с нею не связаны» [8, с. 89].

Именно с этой позиции С. Кольридж оценивает великого драматурга, что отражено в лекции «Шекспир и его время». В противоположность просветителям, стремившимся, как иронично отзывался Фридрих Шлегель, «растворить все божественное и человеческое в сиропе гуманности» и представлявшим В. Шекспира как унылого моралиста, С. Кольридж ставит приверженность моральным нормам В. Шекспиру в заслугу [6, с. 19]. «Есть еще одна черта драматургии Шекспира, чисто шекспировская – стремление показывать лишь естественные, истинные черты жизни. У него нет невинных измен, он никогда не представляет в привлекательном свете то, что отвергается религией и разумом; он не рядит порок в одежды добродетели» [8, с. 272].

Другие литературные критики, разделяя общее мнение о В. Шекспире как о недостижимом идеале, видят его творческое превосходство при сопоставлении с современниками. Например, Чарльз Лэм (Charles Lamb), сравнивая В. Шекспира с его современником драматургом Дж. Флетчером, отмечает, что Дж. Флетчер не обладает творческой смелостью, динамичностью стиха, богатством мысли и яркой образностью. У В. Шекспира одна строка набегает на другую, он «вплетает в предложения метафоры», и мысли мгновенно сменяют одна другую [11, с. 72].

Данная цитата демонстрирует представление романтического критика о поэтическом идеале: неподчинение общепринятым литературным нормам, бурные, часто хаотично появляющиеся неуправляемые мысли, отрывистая поэтическая строка.

Вернемся к С. Кольриджу. Посмотрим, как представляется в его интерпретации одна из «высоких» и наиболее известных трагедий В. Шекспира – «Макбет». В ней традиционно сложными для понимания являются сцены со сверхъестественными существами (ведьмами). Они в значительной степени определяют концепцию «Макбета».

С. Кольридж с этим согласен: «Нет надобности говорить о том, что наличие общей идеи в художественном создании – это все, чего мы вправе требовать от поэта» [12, с. 271]. Вместе с тем он считает, что ведьмы появляются в трагедии, чтобы «дать ключ к пониманию характера драмы в целом»: «The true reason for the first appearance of the Witches is to strike the key-note of the character of the whole drama» [8, с. 158]. Но что это за характер, он обходит молчанием.

Анализируя конкретное произведение, романтическая критика часто оказывается поверхностной, поскольку исходит из глубоко субъективных, во многом предвзятых представлений, хотя интуитивно некоторые важные моменты ощущает верно. Например, литературные критики эпохи В. Шекспира считали, что сцены с ведьмами в «Макбете» заимствованы из пьесы другого автора, Томаса Мидлтона, которая так и называлась – «Ведьма». Для внимательного читателя становится очевидным, что изображение «темной» силы в обоих произведениях значительно разнится. Одним из первых, кто обратил на это внимание, был уже упоминавшийся Чарлз Лэм. «His (Shakespeare's. – *Н. К.*) witches are distinguished from the witches of Middleton by essential differences» [15, с. 12]. С его точки зрения, ведьмы в «Макбете» представляют собой мистическую, стихийную и зловещую силу, в то время как в «Ведьме» они более «реалистичны» и легко вписывались в повседневную жизнь елизаветинской эпохи, когда магические события были неотъемлемой частью.

С. Кольридж всегда ощущает дыхание иного мира, «реальную фантастичность» В. Шекспира. Он проводит параллели с другими его трагедиями. Сравнивая «Макбета» с «Гамлетом», он отмечает, что обе трагедии открываются сценой, связанной с суевериями, и показывает, что характер суеверия в каждой из пьес не только различен, но прямо противоположен. В первой он связан с «лучшими и священнейшими» чувствами, во второй – «с темными, дикими и порочными устремлениями человеческой воли»:

> In "Hamlet" and "Macbeth" the scene opens with superstition; but, in each it is not merely different, but opposite. In the first it is connected with the best and holiest feelings; in the second with the shadowy, turbulent, and sanctified cravings of the individual will [12, с. 296].

Это крайне субъективное суждение, поскольку в обеих трагедиях сверхъестественное связано с вестью из другого мира и вызывает смятение и в том, и другом случае: потрясен услышанным Гамлет,

потерял душевное спокойствие Макбет. И это несмотря на то, что в «Гамлете» действие намеренно замедляется, а в «Макбете» развивается с ошеломляющей скоростью. Различна, считает С. Кольридж, и цель появления вестников из другого мира: в «Гамлете» эта цель – взволновать, в «Макбете» – передать состояние духа уже взволнованного. Это, безусловно, верное наблюдение.

Удивительно, что С. Кольридж, обращаясь к народной демонологии, не видит бесовского характера этих сверхъестественных существ; он, несмотря на выраженную религиозность, в значительно меньшей степени интуитивен по сравнению с другими английскими романтиками.

Характерной чертой английских критиков романтического направления было то, что каждый из них сосредоточивается на одной определенной сцене, эпизоде в трагедии и подвергает ее тщательному субъективному анализу. Такой способ анализа получил название романтического импрессионизма.

Обратимся к той сцене, которую С. Кольридж считает не аутентичной, т. е. не принадлежащей В. Шекспиру, а приписывает ее сочинительство одному из актеров труппы: сцена с привратником (стуком в ворота) после убийства короля Дункана. Ее значение пытается осмыслить английский писатель и эссеист Томас де Квинси. Он начинает с призыва не доверять рассудку, что является вполне романтическим заявлением, поскольку, выбирая между чувством и рассудком, романтизм отдает приоритет чувству. Т. де Квинси приходит к заключению, что эту сцену можно осмыслить, если только не направлять внимание целиком на жертву. В противном случае на передний план выдвигается естественный, «низменный», как он считает, инстинкт, побуждающий человека цепляться за жизнь:

> This instinct … annihilates all distinctions, and degrades the greatest of men to the level of the poor beetle that we tread on, exhibits human nature in its most abject and humiliating attitude [16, с. 3].

Т. де Квинси предлагает сосредоточиться на личности преступника, пытаясь вызвать сочувствие к убийце. Это новый неожиданный этический поворот, поскольку ранее писатели обыкновенно принимали сторону жертвы. По-видимому, такая позиция оказалась слишком вызывающей для общественной морали, поэтому далее Т. де Квинси оправдывается:

Of course I mean a sympathy of comprehension, a sympathy by which we enter into his (the murderer's. – Н. К.) feelings, and are made to understand them, – not a sympathy of pity or approbation [там же].

– Конечно же, я говорю не о сочувственной жалости или сочувственном одобрении, а о сочувственном понимании, о сочувствии, благодаря которому мы проникаем в самую душу убийцы и обретаем способность понять его переживания (пер. С. Л. Сухарева) [7, с. 4].

Такое этически неоправданное отношение к преступнику психологически уравнивает его с жертвой, но, как это ни покажется странным, оно вполне соответствовало представлению романтиков о поэтическом предмете. С точки зрения романтизма даже самые «эксцентрические и уродливые разновидности поэзии имеют свою ценность, если в них хоть что-нибудь содержится, если они оригинальны» [6, с. 22].

Самое интересное объяснение, которое дает Т. де Квинси, касается самого стука в дверь.

Here … another world has stepped in; and the murderers are conformed to the image of devils. In order that a new world may step in, this world must for a time disappear [16, с. 3].

– Здесь … в привычный распорядок бытия вторгается иной, потусторонний, мир; преступники приобретают поистине дьявольские черты. Чтобы передать это ощущение, сделать его осязаемым, обыденность должна на какое-то время исчезнуть, чтобы в мир вторглось инобытие (пер. С. Л. Сухарева) [7, с. 4].

Когда злодейство совершено, раздается стук в ворота, он возвещает о начале обратного движения: человеческое вновь оттесняет дьявольское; мирское одерживает победу.

Как уже отмечалось, романтики всегда ощущают дыхание другого мира. Большинство исследователей считают, что это воображаемая сцена ада, и привратник перечисляет грехи каждого, кто туда попал.

Литературному критику и эссеисту Уильяму Хэзлитту принадлежит крылатая фраза: «Shakespeare is enough for us. – Кроме Шекспира нам больше никого не нужно» [13, с. 15]. На У. Хэзлитта ссылается Джон Китс, когда в письме Бенджамину Хейдону говорит, что Шекспир – единственный драматург, который умеет создавать трагедии: «He is your only tragedy-maker» [14, с. 5].

Наблюдения У. Хэзлитта, написанные, безусловно, изящно, все же захватывают «верхний слой» драматургического действия.

Так, говоря о «Макбете», он отмечает в этой трагедии прежде всего «буйное воображение и динамичность действия (“the wildness of the imagination and the rapidity of the action”)» [13, с. 6]. В ней сочетаются «суровость старой хроники с воображением поэта»: «It has the rugged severity of an old chronicle with all that the imagination of the poet can engraft upon traditional belief» [там же].

Нельзя не согласиться с ним, что в «Макбете» совершаются противоестественные и трагические события. Но если С. Кольридж возлагает вину за случившееся с Макбетом на него самого, то У. Хэзлитт подчеркивает фатальный характер происходящего: Макбет стал игрушкой в руках судьбы, «как челн на волнах». «Macbeth himself appears driven along by the violence of his fate like a vessel drifting before a storm» [там же].

Особенно отмечается зачин трагедии, который выделяет эту трагедию на фоне других. Подчеркивается, что «вещие сестры» толкают Макбета на преступление, руководствуясь принципом «зло во имя зла». «The Witches are equally instrumental in urging Macbeth to his fate for the mere love of mischief, and from a disinterested delight in deformity and cruelty» [там же].

Безусловно, английские романтики имели неоспоримое преимущество перед другими исследователями творчества В. Шекспира – они читали трагедии в оригинале. Русские романтики начинали знакомство с В. Шекспиром с немецких и французских переложений, но интуитивно почувствовали ущербность такой подмены и за ней увидели подлинный масштаб творческой личности английского драматурга.

Один из первых русских переводчиков В. Шекспира В. Кюхельбекер так писал об этой трагедии: «“Макбет” поразит с самого начала всякого. <...> В “Гамлете” Шекспир является преимущественно философом; в “Макбете” он первый, величайший (может быть) поэт романтический» [9, с. 2].

Уровень русской литературоведческой мысли этой эпохи определял, конечно, А. С. Пушкин – «более сложное явление русского романтизма». Пушкин считает В. Шекспира романтиком, понимая под истинным «романтизмом» искусство, соответствующее «духу века» и связанное с народом. «У меня кружится голова после чтения В. Шекспира. Я будто смотрю в бездну», – признался он в разговоре. Хотя

А. С. Пушкин первоначально познакомился с В. Шекспиром по французским переводам, его критика встает вровень с В. Шекспиром, в котором он ценил «естественность, реалистичность в изображении людей, полноту, многосторонность и противоречивость характера» [9, с. 5].

Высшей степенью признания А. С. Пушкиным таланта великого английского драматурга стало то, что «по системе отца нашего В. Шекспира» А. С. Пушкин строил свою трагедию «Борис Годунов», выдвинув на первый план проблемы, связанные с властью, ее нравственностью и отношением к народу. Такая интерпретация была настолько неожиданна и нова, что современники не смогли оценить «Бориса Годунова» по достоинству. Например, литературный критик И. В. Киреевский, объясняя, почему эта трагедия не была сразу воспринята зрителем, проводит параллели с «Макбетом»: «Если бы вместо фактических последствий цареубийства, А. С. Пушкин развил нам более его психологическое влияние на Бориса, как В. Шекспир в “Макбете”; если бы вместо русского монаха, который в темной келье произносит над Б. Годуновым приговор судьбы и потомства, поэт представил нам шекспировских ведьм ... тогда, конечно, он был бы скорее понят и принят с большим восторгом» [1, с. 252].

Можно согласиться с исследователями, что весь монолог Бориса «Достиг я высшей власти» стал результатом знакомства А. С. Пушкина с «Макбетом». Дарование русского поэта и поднятые в трагедии проблемы были настолько масштабны, что зарубежные исследователи драматургии пушкинского времени указывают на «Бориса Годунова» как на единственную для всей Европы XIX в. «шекспировскую» драму, как на тот образец, к которому английская драматургия бесплодно стремилась. Подводя итог, можно сказать, что русская критическая мысль ближе, чем европейская, подошла к осознанию глубины шекспировских трагедий, в чем видится несомненная заслуга А. С. Пушкина. Европейский литературный романтизм, несмотря на восхищение В. Шекспиром, не смог понять глубинный замысел его трагедий, что неудивительно, поскольку романтическое направление определяло себя не содержательно, а на основе отрицания принципов классической драмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М. П.* Пушкин и Шекспир // ФЭБ. Русская литература и фольклор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// feb-web > feb/pushkin/critics/a72/a72-240

2. *Аникст А. А.* Эдуард Юнг и его значение в истории шекспировской критики // Шекспировские чтения, 1976 / под ред. А. А. Аникста. – М. : Наука, 1977. – 286 с.
3. *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru >library/gukovskiy/veselovskiy _ gukovskiy.html
4. *Гердер И. Г.* Избранные сочинения / под ред. В. М. Жирмунского. – М.–Л. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 391 с.
5. *Жирмунский В. М.* Немецкий романтизм и современная мистика. Отсканированная книга. – СПб. : Новое время, 1914. – 207 с.
6. Зарубежная литература. XIX век. Романтизм. – М. : Просвещение, 1976. – 512 с.
7. *Квинси, де Т.* О стуке в ворота у Шекспира («Макбет») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://litmir.net >br/?=56243
8. *Кольридж С.* Избранные труды. – М. : Искусство, 1987. – 350 с.
9. *Левин Ю. Д.* «Макбет» Шекспира в переводе Кюхельбекера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// az.lib.ru > s/shekespir_w/text_1360.shtml
10. *Манн Ю. В.* Динамика русского романтизма. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 384 с.
11. Charles Lamb on Shakespeare / ed. by Joan Coldwell. – N. Y. : Harper & Row Publishers, 1978. – 175 p.
12. Full text of Coleridge's essays and lectures on Shakespeare. – URL: http://archive.org >stream_djvu.txt
13. *Hazlitt W.* «Macbeth» Characters Analysis: Shakespeare Essays. – URL: http://absoluteshakespeare.com > essays/ Macbeth
14. *Keats J.* Selected Letters. – URL: http://englishhistory.net > keats/letters.html
15. *Lamb Ch.* Characters of Dramatic Writers. –URL: http://enotes.com.> topics / charles-lamb…essays
16. *Quincey T., de.* On the Knocking at the Gate in «Macbeth». – URL: http://biblioclept.org. > knocking … macbeth – thomas … quincey

УДК 81-112.2

Б. Корбо

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: beatrice.corbo@hotmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИГРОВОЙ ЛЕКСИКИ В РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ ЯЗЫКА СМИ

В статье рассматривается использование игровой лексики в прямом и метафорическом значении на материале газетно-публицистического стиля русского и итальянского языков. Анализу подвергаются тексты, относящиеся к жанру спортивного комментария, аналитической статьи и интервью в рамках политического дискурса.

Ключевые слова: феномен игры; игровая лексика; метафоризация концепта «игра»; газетно-публицистический стиль; публицистические жанры.

Korbo B.

Postgraduate Student, the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail:beatrice.corbo@hotmail.com

SPECIFIC FEATURES OF GAME VOCABULARY IN DIFFERENT GENRES OF MASS MEDIA LANGUAGE

The article focuses on the use of game lexicon with literal and figurative meanings in journalistic publications in Russian and Italian. The textual analysis of different genres, such as sports commentary, analytical articles and political interviews is provided by the author.

Key words: game phenomenon; game vocabulary; metaphorization of “game” concept; journalese style; genres of journalistic writing.

Понятие игры рассматривается во всех гуманитарных дисциплинах – от философии до социологии и психологии, так как она является одной из составляющих человеческой природы. Еще Платон и Аристотель обращались к данному понятию, однако до сих пор проблема игры является дискуссионной.

Так, Г. Гадамер считает игру феноменом, включающим не только человека, но и всю Вселенную, и при этом рассматривает ее как непрерывный процесс [5]. Другие авторы, например психолог Э. Берн трактуют игру как подтекст коммуникативных отношений: «Основной принцип теории игр состоит в следующем: любое общение полезно и выгодно для людей» [2, с. 3]. Заметный вклад в исследование понятия игры внес Л. Витгенштейн, который считается основоположником

концепции игры как языковой реальности, поскольку он определяет игру как «одну из тех игр, посредством которых дети овладевают родным языком» [3, с. 83]. Практически все, кто исследовал феномен игры, сходятся во мнении, что игра уникальна, универсальна и неотделима от человека. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «понятие игры присутствует во всех видах деятельности человека» [1, с. 5].

Цель данной статьи заключается в анализе языковой репрезентации понятия «игра» в итальянских и российских СМИ. Поскольку мы отталкиваемся от тезиса об универсальности феномена игры, предполагается, что игровая лексика широко используется в дискурсе СМИ.

Обратимся к рассмотрению сходства и различия при употреблении игровой лексики в двух языках на материале газетных статей, так как в них затрагиваются различные области повседневной жизни человека – от политики и бизнеса до спорта и искусства. Таким образом, мы можем проследить использование игровой лексики в самых разных контекстах.

Объектом исследования является игровая лексика, т. е. слова, входящие в номинативное поле концепта «игра», которые употребляются в различных жанрах газетно-публистических текстов.

При этом игра трактуется нами достаточно широко с учетом большого количества разнообразных игр, в которые играют как дети,так и взрослые, например футбол (*забить гол*, *гол в свои ворота*), шахматы (*рокировка*, *пешка*, *ферзь*, *ход конем*), бокс (*нокаут*, *нокдаун*, *раунд*) и т. д. Отдельный фрагмент номинативного поля рассматриваемого концепта составляет лексика, связанная с театром, – *роль*, *спектакль*, *режиссер*, *публика*, *сцена*, *шут*, *клоун*, *сорвать аплодисменты* и др.

Использование игровой лексики рассматривается в аспекте ее возможного функционирования в прямом или переносном, метафорическом, значении, чтобы выявить избирательность русского и итальянского языков по отношению к указанной группе слов.

В данной статье нами были рассмотрены тексты, относящиеся к следующим жанрам: аналитическая статья, интервью, комментарий, спортивная заметка.

Мы исходим из предположения о существовании определенной корреляции между прямым и метафорическим употреблением игровой лексики в различных стилях и жанрах.

Многие отмечают, что проблема стилей до сих пор является дискуссионной [5]. Разные ученые выделяют разное количество

функциональных стилей и подстилей, по-разному трактуют понятие «жанр», противоречия наблюдаются даже в рамках одной концепции. Так, например, в учебнике В. В. Ворошилова «Журналистика» к числу информационно-журналистских жанров относятся: *новость*, *заметка*, *интервью*, *комментарий*, *репортаж*, *реплика*, *отчет*, к аналитическим – *статья*, *интервью*, *корреспонденция*, *рецензия*, *художественно-публицистический очерк*. Как видим, интервью включено автором и в информационные, и в аналитические виды жанров, однако автор не поясняет, в чем между ними различие.

Жанр спортивного комментария характеризуется неметафорическим употреблением игровой лексики. В контексте статей и заметок на тему спорта игра понимается как первичная номинация того или иного действия игрока. Например, такое событие, как первый гол на чемпионате мира по футболу, проходившем в Бразилии в июне 2014 г., в спортивном разделе газет комментировалось следующим образом:

> Бразилец Марсело, *срезавший мяч в собственные ворота* на 11 минуте матча открытия ЧМ-2014 с хорватами, вошел в историю футбола. Этот *автогол* стал самым ранним на мировых первенствах [14].

> Il primo gol del Mondiale è... *un autogol*! – Первый гол Чемпионата Мира – *автогол*![1] [17].

Данное употребление игровой лексики одинаково в русском и итальянском языках, но важно отметить, что то же самое выражение может быть использовано в переносном смысле при использовании в политическом дискурсе.

Например, в статье о неправильном стратегическом выборе России по отношению к Сербии в конце 2000-х гг. называются причины, по которым Россия *проиграла*, уступив Западу. Это является следствием решения прекратить поставки газа в Сербию, после чего сербы начали искать нового экономического партнера, найдя его в лице ЕС:

> Из-за гола, который Россия *забила в свои ворота*, ЕС победил в борьбе за Сербию [8].

В следующем примере речь идет об итальянской политике и бесконечной борьбе внутри левой фракции Парламента, которая не способна решить, кто главный, а Сильвио Берлускони тем времени побеждает на выборах.

---

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Б. К.*

Il centrosinistra pensa che anche solo parlare di Berlusconi significa «*fare autogol*». Ormai, anche il solo fatto di esistere, per la sinistra è diventato *un autogol*. – Левая фракция Парламента думает, что даже разговоры о Берлускони означают «*забивать гол в свои ворота*». В настоящее время даже само существование парламентской левой фракции стало автоголом [21].

Таким образом, мы видим, что в текстах на политическую тематику футбольная лексика подвергается метафоризации, а именно: *забить гол в свои ворота* или, что то же самое, *автогол*, здесь означает *действовать против своих интересов*. Необходимо отметить, что в русском языке футбольная терминология в политическом дискурсе используется довольно редко, в то время как в итальянском данная лексика встречается чаще. В приводимом ниже примере речь идет о победе действующего премьер-министра Маттео Ренци, который *выиграл* выборы очень легко, так как у него не было *соперников*:

Il trionfo elettorale di Renzi? Facile, *ha segnato un gol a porta vuota*. – Избирательный триумф Ренци? Он легко *забил гол в пустые ворота* [23].

Мы полагаем, что подобное высказывание в русском языке встречается нечасто именно потому, что в Италии футбол является важной частью жизни и культуры народа, и почти все население страны по воскресеньям собирается перед телевизором и смотрит игру. Таким образом, читатели газеты хорошо знают футбольную лексику, что позволяет журналистам активно использовать ее, создавая при этом яркий образ, связанный с метафорическим переосмыслением того или иного момента футбольного матча. Приведем еще несколько примеров, подтверждающих это:

Monti *ha fatto gol* a Berlusconi. – Монти *забил гол в ворота* Берлускони [25].

Выражением *забивать гол* журналист упрощенно передает ситуацию, возникшую между Марио Монти и Сильвио Берлускони. Последнему из-за экономического кризиса в стране пришлось уйти с должности премьер-министра, и его место занял Монти, поэтому справедливым является утверждение о том, что Монти *выиграл игру*.

I tentativi di Renzi di salvarsi *in calcio d'angolo*. – Ренци пытается спасти себя *угловым ударом* [19].

Италия является католической страной, поэтому отношения между политиками и представителями католической церкви всегда привлекают внимание прессы. В цитируемой статье журналист комментирует стратегию действующего премьер-министра Ренци, который находится в натянутых отношениях с Римской церковью, но пытается спасти ситуацию, встречаясь с религиозной молодежью.

> *Cartellino giallo* a Berlusconi. – Берлускони получил *желтую карточку* [20].

Желтая карточка в футболе является предупреждением игроку, который ведет себя некорректно. В данном случае Берлускони, который в настоящее время по решению суда выполняет общественные работы в доме для престарелых, получил официальное предупреждение в связи с нарушением предписанных правил поведения, а именно – критикой в адрес итальянской судебной системы.

Перейдем к анализу примеров использования шахматной лексики. В спортивных отчетах можно встретить следующие слова и словосочетания:

> Если представить, что *белому слону* придется отступать, тогда у черных будет большой перевес [15].

> Fisher prese il *pedone* h2 con il suo *alfiere.* – Фишер взял *пешку* h2 своим *слоном* [26].

Иное (метафорическое) значение приобретают термины, связанные с шахматной игрой, в контексте комментариев на международные темы. Например статья, в которой речь идет о политическом кризисе в Египте, называется:

> Египет: оппозиция поставит президенту шах и мат? [7].

То же значение реализуется и в следующем предложении:

> «Другая Россия» Каспарова обещает Путину *шах* и *мат* на поле «большой восьмерки» [9].

В итальянском политическом дискурсе наблюдается похожая ситуация. Например, заголовок статьи, сообщающей о победе Маттео Ренци на выборах 2014 г., выглядит следующим образом:

> Renzi *ha fatto scacco matto.* – Ренци объявил *шах* и *мат* (имеется в виду своим соперникам) [16].

Еще один пример заголовка статьи о презентации новой книги российского диссидента Гарри Каспарова:

> *Scacco matto a Putinle* istruzioni di Garry Kasparov. – Инструкции от Гарри Каспарова, как объявить *шах* и *мат* Путину [22].

В приведенных выше примерах шахматная лексика, используемая в переносном значении, способствует достижению максимального информационного эффекта. Таким способом журналисту удается решить двойную задачу: информировать читателя о конкретных фактах и выразить свою точку зрения на события, т. е. воздействовать тем самым на читателя.

Значение шахматных терминов не всегда одинаково трактуется в русском и итальянском языках. Например, *пешка* в русском языке – незначительная, самая слабая фигура в шахматной игре, а в итальянском *pedina* означает маленькую фигуру, которая вместе с тем может играть важную роль. Так, украинский писатель и политолог Платон Беседин еще до присоединения Крыма к России пишет:

> Севастопольцы. – *Пешки в российской игре* [10].

В то время как слово *pedina* в комментариях к событиям на Украине, относящимся к тому же периоду времени, обладает совсем иной коннотацией, указывающей на важность характеризуемого объекта:

> L'Ucraina è sull'orlo del collasso economico, ma resta *una pedinafondamentale* dello *scacchiere* geopolitico internazionale e specialmente nei rapporti tra l'Europa e la Russia. – Украина находится на грани экономического коллапса, но она остается *важной пешкой* на международной и геополитической *шахматной доске* и особенно в отношениях между Европой и Россией [18].

> Crimea: *la pedina* Ban Ki-moon nella *scacchiera* di Putin. – Крым: Пан Ги Мун – *важная пешка* на *шахматной доске* Путина [24].

В целом, анализируя примеры использования лексики шахматной игры в двух языках, можно отметить значительно большую частотность ее употребления в русском языке по сравнению с итальянским. Очевидно это связано с тем, что в России шахматы традиционно являются весьма популярной игрой, вследствие чего это находит отражение в языке российских СМИ.

Приведем несколько примеров из области экономики. В статье, посвященной новой производственной линии компании «Nintendo»,

которая представила планшет большого размера, сделав тем самым важный *стратегический шаг* против своих *соперников*, говорится:

> Но в «Nintendo» *решили сделать* «ход конем» и пошли другим путем. [11].

В газете «Комсомольская правда» приводится информация о самом дорогом и престижном отеле в мире, владельцы которого решили удивить посетителей и *сделать неожиданный ход*:

> «Burj Al Arab» решил *сделать ход конем* и заменить традиционные папочки с информацией об отеле и услугах в номерах-сьютах на планшетный компьютер iPad [12].

В газете «РБК» читаем о коммерческом крахе он-лайн СМИ Lenta.ru:

> В итоге речь идет об уничтожении ресурса, а не о *менеджерской рокировке* внутри крупного медиахолдинга. О военной кампании, в которой одержана очередная внушительная *победа* [13].

Словосочетания *делать рокировку* или *ход конем* довольно часто употребляются в газетных статьях экономического содержания, когда речь идет о бизнесе, сделках или о соглашениях между компаниями. Интересно, что это относится только к российской прессе, в итальянских СМИ такие случаи встречаются редко.

В статье был рассмотрен небольшой фрагмент номинативного поля «игра». Анализ показал, что в русском и в итальянском языках функционирование игровой лексики во многом совпадает, однако имеются и различия, связанные как с культурной традицией русского и итальянского народов (большая популярность футбола в Италии, а шахмат в России), так и со спецификой лексического значения и словоупотребления соответствующих лексем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* Виды игровых действий // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М.: Индрик, 2006. – С. 5–16.
2. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди (Психология человеческих взаимоотношений) – Екатеринбург: ЛИТУР, 1999. – 256 с.
3. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008 – 288 с.
4. *Ворошилов В. В*. Журналистика. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2000. – 360 с.

5. *Гадамер Х. Г.* Истина и метод. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
6. *Германова Н. Н.* Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. – М. : Либроком, 2011. – 224 с.
7. Аргументы и факты : онлайн газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/politics/world/44730; http://fastpic.ru/view/51/201 /122 6/308110a6808558844b319f8852070ec3.jpg.html
8. ИноСМИ : онлайн газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// inosmi.ru/world/20090128/246986.html
9. Известия : онлайн газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// izvestia.ru/news/380740#ixzz3Gfe5O6Ln
10. Известия : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http:// izvestia.ru/news/566760
11. Комсомольская правда : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа:http://m.kp.ru/daily/25907.4/2863296/
12. Комсомольская правда : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.kp.ru/daily/26081/2984885/
13. Daily : онлайн газета РБК [Электронный русурс]. – Режим доступа: http:// www.rbcdaily.ru/media/opinion/562949990830542
14. Daily : онлайн газета РБК [Электронный русурс]. – Режим доступа: http:// www.rg.ru/2014/06/13/owngoal-site.html
15. Журнал Шахматы в СССР [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://fastpic.ru/view/51/2012/1226/308110a6808558844b319f8852070ec3. jpg.html
16. Corriere della sera : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.corriere.it/politica/14_maggio_27/italicum-senato-riemergono-riforme-4b79f25c-e55d-11e3-8e3e-8f5de4ddd12f.shtml
17. Corriere dello sport : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.corrieredellosport.it/calcio/mondiali_2014/girone-a/ brasile/2014/06/12-365049/Mondiali+2014,+un'autorete+il+primo+gol%3A +ed+è+tormentone+sul+web
18. East Journal : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.eastjournal.net/dopo-le-proteste-il-punto-della-situazione-e-le-chiavi-di-lettura-possibili/39729
19. Il giornale d'Italia : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.ilgiornaleditalia.org/news/primopiano-focus/858566/Anche-i-vescovi-sconfessano-Renzi.html
20. La repubblica : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.repubblica.it/politica/la-situazione/2014/07/01/news/ cartellino_giallo_a_berlusconi_grillo_in_europa_attacca_l_italia-90468297/
21. La repubblica : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2013/10/17/ moretti-gli-errori della-sinistra-dal-94.html?ref=search

22. La stampa : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.lastampa.it/2014/04/04/cultura/garry-kasparov-istruzioni-per-dare-scacco-matto-a-putin-AKn6ckSXbIB6KWagX4hwYI/pagina.html
23. La stampa : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.lastampa.it/2014/05/28/italia/politica/passera-berlusconi-ha-fallito-ora-serve-una-casa-dei-moderati-fa3awB766dASAKkEDANRZP/pagina.html
24. La voce di new york : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.lavocedinewyork.com/Crimea-la-pedina-Ban-Ki-moon-nella-scacchiera-di-Putin/d/5335/
25. Rainews : онлайн газета [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://www.rainews.it/it/news.php?newsid=172485
26. Solo scacchi : онлайн журнал [Электронный русурс]. – Режим доступа: http://soloscacchi.altervista.org/?p=25540

УДК 81

Л. А. Кочетова

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Волгоградского гос. ун-та; e-mail: lakvolgu@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСКУРСОЛОГИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ДИСКУРСА[1]

В статье обсуждается проблематика, теоретико-методологические основания и место исторической дискурсологии в системе лингвистического знания. На примере английского рекламного дискурса рассматривается эволюция категории коммуникативной тональности. Описываются некоторые доминирующие типы коммуникативной тональности в конкретно-исторические периоды развития английской рекламы, устанавливается зависимость функций дискурса и тональности общения.

Ключевые слова: дискурс; рекламный дискурс; парадигма; теория дискурса; диахрония; историческая дискурсология; тональность.

Kochetova L. A.

Doctor of Philology; Associate Professor, Head of the Department of English Philology VolSU, Volgograd; e-mail: lakvolgu@mail.ru

HISTORICAL DISCOURSE STUDIES IN THE THEORY OF DISCOURSE

The paper discusses the main issues, theoretical background, methodological base and status of historical discourse studies in linguistics. The evolution of the category of tonality in English advertising discourse is considered, some dominant tonality types in certain historical periods are described, interdependence between discourse functions and tonality is revealed.

Key words: discourse; advertising discourse; paradigm; discourse theory; diachrony; historical discourse studies; tonality.

Современная антропоцентрическая лингвистика, пришедшая на смену сравнительно-историческому и системно-структурному языкознанию, характеризуется специфическим взаимодействием различных исследовательских направлений, их функциональной интеграцией и дифференциацией. В результате появляются новые области лингвистического знания, которые, если и не претендуют на

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, основной конкурс, проект № 15-04-00134 «Историческая дискурсология: проблемы, методология и перспективы развития».

статус парадигм, то образуют субпарадигмы, имеющие свои цели, задачи и предмет исследования. В точке пересечения теории коммуникации, лингвопрагматики и лингвистики текста возникает дискурсивная теория, изучающая речевую деятельность как производную от социокультурной ситуации общения. Когнитивно-дискурсивный подход исследует результаты познания мира по результатам языковой фиксации ментальной деятельности людей, осуществляемой в дискурсивной деятельности. На пересечении лингвопрагматики и когнитивной лингвистики обретает свои категориальные черты когнитивно-прагматическая субпарадигма, порожденная органическим взаимодействием речемыслительной деятельности человека с лингвопрагматикой [1].

В то же время в лингвистике ни одна область научного знания не прекращает своего существования окончательно, дожидаясь нового импульса, способного придать ей качественно новый рост. В этом плане ярким примером может служить сравнительно-историческая парадигма, которая с возникновением и обогащением других направлений лингвистической науки обретает новые векторы своего развития. В науке о языке сравнительно-исторический метод, который первоначально применялся для описания исторической изменчивости формальной стороны единиц языка, впоследствии распространился на выявление диахронических изменений языковой субстанции, что привело к развитию исторической семантики, изучающей динамические процессы не только в семантической структуре отдельной лексемы, но и в лексических подсистемах.

В конце XX в. с бурным развитием антропоцентрической парадигмы, включающей лингвокультурологию, концептологию, теорию дискурса, когнитологию, исторический метод, казалось бы, навсегда остался в прошлом, тем не менее, спустя некоторое время историческое языкознание благодаря новым идеям и подходам получает очередной виток развития. На стыке лингвоконцептологии и сравнительно-исторического метода возникает диахроническая (историческая) концептология, которая ставит своей целью изучение диахронических изменений концептов – ментальных образований, имеющих сложную и динамичную структуру и выполняющих текстообразующую функцию [4; 5]. В рамках данного направления устанавливаются закономерности исторического развития лингвокультурных концептов

и концептосферы, описываются корреляции между процессами развития структуры концептов и диахроническими изменениями лексических микропарадигм, объективирующих их в языке [5].

Дискурсивный поворот, произошедший в синхронной системно-структурной лингвистике во второй половине XX в., в исторической лингвистике происходит с некоторым опозданием, вызывая к жизни качественные изменения в этой области научного знания. Применение принципа историзма к изучению речи, относящейся к прошлым эпохам, приводит к возникновению новых исследовательских направлений, ориентированных на диахроническое изучение крупных коммуникативных форм (жанров, текстов, дискурсов). Интенсивное развитие получают ориентированная на диахронию лингвистика текста, тексто- или дискурсо-центрическая историческая лингвистика, использующие разные методологические подходы, различающиеся целями, задачами и предметом исследования.

Диахронно-ориентированная лингвистика текста ставит целью изучение типов текста и жанров в их тесной взаимосвязи с историей языка. В задачи данного направления входят: выявление репертуара жанров в отдельные исторические периоды; определение доминирующих жанров, различных форм существования жанров, описание генезиса и эволюции отдельных жанров, в том числе процессов перехода устных жанров в письменные. Это положение можно проиллюстрировать примером исследования жанра новостных текстов немецких газет XVII в., которое позволило генетически возвести данный жанр письменной речи к жанрам памфлета, хроники, написанных от руки информационных бюллетеней [13].

В задачи ориентированной на текст исторической лингвистики входит изучение влияния текстов, жанров и дискурсов на процесс языковых изменений [15]. Основные задачи данного направления можно свести к следующим: 1) описание текстов и жанров, созданных в предшествующие исторические периоды; 2) выявление функционально-языковых изменений в текстах и жанрах, призванных ответить на вопросы о том, как меняются языковые средства, необходимые для осуществления коммуникативной функции текста/жанра в историческом аспекте, как влияет изменение функций текста на характер используемых языковых средств в историческом ракурсе [10; 11; 14; 16]. Таким образом, в эволюции лингвистической науки мы наблюдаем, с одной стороны, постоянное возвращение к сравнительно-

историческим исследованиям, наступающее по мере новых достижений лингвистической теории; с другой – поступательное развитие исторической парадигмы в языкознании, которая с некоторым опозданием, по сравнению с синхронной лингвистикой, последовательно проходит те же основные стадии развития. Объединяющим началом двух интерпретаций развития науки о языке остается сравнительно-исторический метод, устойчивый интерес лингвистов к которому, на наш взгляд, обусловлен как свойствами языка, так и познавательными возможностями самого метода. Онтологическим свойством языковой системы выступает динамизм, который имманентно предполагает учет временнóго фактора, что делает неизбежным обращение к принципу историзма, позволяющему описать предыдущие состояния языка. К основным преимуществам сравнительно-исторического метода относят и его бóльшую объяснительную силу, поскольку знание об эволюции лингвистического объекта позволяет получить ценные сведения о его природе и является важным условием понимания его синхронного устройства и функционирования.

Все вышесказанное в полной мере применимо и к изучению дискурса как речевой деятельности, протекающей в конкретно-исторических условиях и испытывающей на себе влияние изменчивых социокультурных факторов. Вместе с тем сложившиеся на сегодняшний день когнитивно-дискурсивная и коммуникативно-дискурсивная субпарадигмы, два основных направления дискурсивных исследований, не в полной мере отражают сложную, динамичную природу человеческой коммуникации и не обладают достаточным объяснительным и эвристическим потенциалом. В этой связи развитие дискурсивного подхода видится в моделировании дискурса в историческом аспекте, в центре внимания которого находится дискурсивная эволюция и тенденции развития дискурса. Историко-дискурсивный анализ рассматривается нами как основной метод выявления исторических изменений в способах социального взаимодействия людей, их речемыслительной деятельности, что особенно важно для понимания динамики дискурса в социально-деятельностном аспекте.

Дискурсивно-текстовые диахронические исследования используют разные методологические подходы и могут рассматриваться как развитие самостоятельных лингвистических направлений, таких как лингвистика текста, прагмалингвистика, жанроведение, среди которых наиболее разработанным можно считать историческую прагматику,

изучающую историческую изменчивость функциональной нагрузки языковых единиц, а также вариативность способов языкового выражения функциональных единиц речи. Значительно менее востребованным является собственно диахронический анализ дискурса, который в этом случае понимается как хронологически организованная совокупность интенционально и тематически соотнесенных текстов, образующих непрерывный континуум, отражающих непрекращающуюся социальную практику, которая является основным условием существования дискурса [6]. Принадлежа к разным историческим периодам, каждый из текстов представляет в терминах Б. М. Гаспарова «частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта» [2, с. 10].

Представляется, что изучение исторических изменений в дискурсивных практиках, соотносимых с различными сферами коммуникации, требует выделения особого исследовательского поля – исторической дискурсологии, основанной на применении диахронического метода исторической лингвистики к лингвистическим теориям дискурса, или, в другом ракурсе, – включении исторической лингвистики в антропоцентрическую парадигму. Полагаем, что историческая дискурсология может рассматриваться как закономерный этап развития лингвистической науки. Она позволяет объединить в единое исследовательское поле историческую и дискурсивную теории в рамках антропологической лингвистики, основу которой в отечественном языкознании составляют работы Н. Ф. Алефиренко, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, А. А. Кибрика, Е. С. Кубряковой, Г. Г. Слышкина, Ю. С. Степанова и др.

Отправной точкой диахронического изучения дискурса как социальной деятельности можно считать мысль, высказанную Е. С. Кубряковой, которая указывает, что «поскольку тип дискурса детерминируется типом той социальной активности человека, в рамках которой он осуществляется, и с целями которой он согласуется, следует сказать, что сами типы подобной активности исторически обусловлены и напрямую связаны с уровнем развития общества и его культурой» [7, с. 525–526]. Из этой идеи выводится основная проблематика исторической дискурсологии, которая заключается в описании изменений в дискурсивных практиках социума, происходящих под влиянием ряда факторов: внутренних механизмов развития языка, специфики конкретно-исторических дискурсивных способов мышления и социокультурных обстоятельств функционирования дискурса в их тесной

взаимосвязи и взаимодействии. Основной тезис направления сводится к тому, что любой тип общения включает исторически устойчивые дискурсообразующие элементы, которые сохраняются во все периоды существования дискурса, и исторически изменчивые признаки и характеристики, свойственные отдельным и/или нескольким этапам его функционирования. Первые обеспечивают стабильность дискурсивной практики, принципиальную возможность ее выделения в самостоятельный тип дискурса и выполняют функцию ориентации, вторые отражают ее вариативность и адаптивность к меняющейся социокультурной ситуации.

Объектом исторической дискурсологии становятся дискурсивные функции и категории в диахронической перспективе, а предметом – тенденции их развития и функционирования, сопоставление которых на отдельных синхронных срезах позволяет выявить диахронические векторы дискурсивной эволюции. В философской традиции выделение главной, господствующей, тенденции – важнейший момент как исторического, так и структурно-функционального анализа любого развивающегося объекта [12, с. 675].

Опираясь на положение о тесной связи дискурса с экстралингвистическими условиями его функционирования, мы отводим особую роль в историко-дискурсивном анализе реконструкции социокультурных обстоятельств, выявлению и систематизации социокультурных факторов, определяющих изменения в текстовых реализациях дискурсивных категорий и признаков в историческом контексте, что позволяет выделить специфические дискурсивные характеристики в конкретно-исторический период существования дискурса. Сопоставительный дискурсивный анализ языковых данных, извлекаемых из текстов, принадлежащих прошлым эпохам, позволяет провести хронологизацию, выявить этапы развития конкретного типа дискурса и установить когнитивно-дискурсивные, когнитивно-прагматические, коммуникативно-прагматические, аксиологические и другие векторы дискурсивной эволюции.

В свете вышеизложенного можно предположить, что моделирование дискурса в историческом аспекте, исследующим становление и развитие дискурсивной деятельности людей в совокупности с историческими и социокультурными факторами, является развитием дискурсивного подхода, обладает большой объяснительной силой, позволяя глубже понять законы речевой деятельности, определяющие

построение речи в конкретно-исторические периоды существования социума. В этом плане историческую дискурсологию, опирающуюся на единство языка, речевой деятельности и человека в социокультурных обстоятельствах общения конкретно-исторического периода, можно рассматривать как вектор развития дискурсивной теории, в центре внимания которой находятся вопросы эволюции речевой деятельности человека во всем ее многообразии.

В рамках исторической дискурсологии обратимся к рекламному дискурсу как типу общения, функционирующему в тесной связи с развитием средств массовой коммуникации, на примере которого можно проследить изменения в коммуникативной деятельности социума на протяжении достаточно длительного периода. Остановимся на важной прагмалингвистической характеристике – категории коммуникативной тональности, которая представляет собой неотъемлемое свойство любого типа дискурса, характеризуя позиции и способы взаимодействия участников коммуникации и определяя выбор языковых и неязыковых средств их репрезентации [3].

Как показывает анализ корпуса рекламных текстов, динамика тональности общения в английской рекламной коммуникации вызвана изменениями позиций ее участников, различающихся в конкретно-исторических социокультурных обстоятельствах функционирования дискурса. Английская реклама начала середины XX в. характеризуется ярко выраженной статусно-ориентированной дидактической тональностью, которая тесно связана с функцией социализации, т. е. процессом усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, умений и навыков, позволяющих ему успешно существовать в обществе. Данная функция в целом свойственна педагогическому общению, и ее присутствие в рекламе свидетельствует об удлиненном типе социально-психологической дистанции между участниками рекламной коммуникации и коммуникативном доминировании адресанта, основная интенция которого в этот период состоит в разъяснении, объяснении, доказывании адресату преимуществ предлагаемых товаров и услуг. Соответственно в английской рекламе этого периода широко используются коммуникативные акты предупреждения, совета, рекомендации, порицания, инструкции, предостережения, наставления, которые интерпретируются в дидактической тональности. К языковым механизмам выражения данного типа тональности относятся

императивные формы в сочетании с придаточными предложениями условия, деонтические предикаты, например:

> If you value your health insist on Gordon's Gin <…>.
> Genuine Gin- not a 'spot' of coloring matter (*The Times Jan. 27, 1937*).

Приведенный текстовый фрагмент рекомендует адресату покупать рекламируемый товар, апеллируя к универсальной ценности здоровья, и предостерегает от употребления напитка других марок, поскольку их качество вызывает сомнение. Текст интерпретируется адресатом как прескриптивный, с оттенком угрозы наступления отрицательных последствий для здоровья в случае, если адресат не будет следовать рекомендациям.

Следующий рекламный образец, предполагая, что адресат обладает недостаточными знаниями, и намереваясь восполнить данный пробел, утверждает: «After even forty years of motoring you have still something to learn» (*The Times Febr. 26, 1937*). Далее рекламный текст обращается к познавательной активности адресата, предлагая научиться простой формуле, помогающей правильно выбрать шины:

> It's built for true economy and safety for those who want the best – or those who wisely divide purchase price by tyre mileage to determine tyre cost (*The Times, Apr. 1937*).

Текст предписывает адресату действовать в соответствии с предлагаемой моделью поведения и интерпретируется как инструкция к правильному выбору товара.

В следующем тексте индикатором дидактической тональности выступает неличный аксиологический предикат с прилагательным *useful*:

> In the swiftly moving world it's useful to remember that Austin Reed's are at all times able to equip you with first-class, ready tailored clothes for every social and sporting occasion (*The Times Apr. 28, 1937*).

Текст утверждает, что качество товаров, предлагаемых компанией, остается неизменно высоким и советует адресату помнить об этом факте. Перечисленным типам коммуникативных действий свойственна импозитивность, которую Т. В. Ларина определяет как допустимость оказания прямого воздействия, давления, навязывания своего мнения [8, с. 304].

Дискурсивная специфика языкового выражения дидактической тональности английского рекламного дискурса заключается в использовании культурно-специфических интертекстуальных знаков аллегорической природы, к которым относятся традиционные пословицы, поговорки, фразеологизмы, отражающие ценностно-маркированное положение дел и осмысливаемые как нормы поведения. Приведем пример рекламного текста, опубликованного в газете The Times:

> A NEW ISSUE Bird in hand 5 YEAR SHARES 12.25 % 17.50 % GROSS IF YOU PAY INCOME TAX AT BASIC RATE Withdrawal at 3 months notice * 1.50 % above the prevailing ordinary share rate currently 10.75 % … (*The Times Jan. 25, 1980*).

Идиома *a bird in hand* интерпретируется как предложение потенциальным клиентам определенного дохода при покупке акций и гарантия абсолютно надежного и выгодного вложения средств. Клиенты не только имеют возможность получить 12 % дохода, что соответствует второй части пословицы *birds in the bush*, присутствующей в языковом сознании адресата рекламы, но им обещают высокий уровень дохода при любых обстоятельствах – *a bird in hand.* Поверхностный смысл этого рекламного текста формируется образом, свойства которого хорошо известны представителям английской культуры, а глубинный однозначный дидактический ценностно-маркированный смысл идиомы интерпретируется как наставление в вопросах управления финансами, скрывающее заинтересованность рекламодателя в привлечении новых клиентов.

В постиндустриальную эпоху интенсивное развитие массовой коммуникации способствует приобретению рекламой коммуникативных характеристик, присущих массовой культуре, а именно, развлекательности, доступности, эпатажности и других. Реклама в целом утрачивает функцию социализации, поскольку возросший авторитет потребителей, обладающих необходимыми знаниями, не позволяет создателям рекламных текстов обращаться к средствам коммуникативного давления, что приводит к постепенному вытеснению дидактической тональности из дискурсивной практики рекламы. Конец XX в. отмечен персонализацией английского рекламного дискурса, которая проявляется в обращении к личностно ориентированным видам тональностей – шутливой, ироничной, юмористической. Юмористическая тональность, тесно связанная с развлекательностью как

общим свойством массовой культуры приобретает в рекламе различные оттенки и обертоны и интерпретируется адресатом как ирония, шутка, добродушное подтрунивание. Основным языковым механизмом реализации шутливой и/или юмористической тональности выступает языковая игра в различных формах и проявлениях. Помимо функции развлечения дискурсивная специфика шутливой/юмористической тональности в английском рекламном дискурсе выполняет функцию митигации, смягчающей негативные эмоциональные реакции, вызываемые, например, детабуизацией, т. е. намеренным нарушением табу.

Шутливая тональность выступает важным средством, помогающим сглаживать социальное напряжение, обусловленное существованием в обществе различного уровня доступа к товарам и услугам, и служит сигналом общего коммуникативного пространства равноправных участников коммуникации. Так, рекламный текст автомобиля *BMW 5* серии использует референтную ситуацию из телевизионного ролика компании *Shell*, в котором спортивный автомобиль *Ferrari*, заправляется на полном ходу с самолета. Рекламный ролик завершается слоганом, который произносит голос за кадром: *Where winning is the passion the fuel is Shell*. Создатели ролика *BMW* переключают общение в шутливую тональность, изображая водителя, который протягивает через люк в крыше автомобиля кружку, в которую летящий над ним самолет с невероятной точностью наливает из шланга кофе. Голос за кадром произносит следующий текст: *With just as little as 32 miles per gallon chances are you need refueling before it will*. В шутливой тональности создатели рекламного ролика имплицитно демонстрируют превосходство *BMW* над *Ferrari*: это не только высокая скорость, но и меньший расход топлива, поэтому «дозаправка» требуется водителю, а не автомобилю. Развлекая зрителей, реклама создает яркий запоминающийся образ, не принуждающий к покупке, а вызывающей обсуждение возможности выполнения такого трюка, реальности съемок и т. д.

Подводя итоги, скажем, что вектором развития дискурсивного исследования языка выступает моделирование дискурса в историческом аспекте в рамках самостоятельного исследовательского поля – исторической дискурсологии, возникающей на стыке исторической лингвистики, лингвистики текста, теории дискурса, исторической

прагматики и смежных научных дисциплин, представляющих данные для социокультурной интерпретации языковых фактов.

Отличительной характеристикой исторической дискурсологии является изучение диахронических изменений в речевой деятельности людей, обусловленных меняющимся социокультурным контекстом. Выявляя диахронические изменения типов общения, историческая дискурсология прослеживает изменение дискурсивных категорий и способов их реализации, описывает влияние изменений функций текста на характер языковых форм, трансформации коммуникативных текстовых функций под воздействием изменившихся языковых форм, определяет социокультурные факторы, стоящие за дискурсивными диахроническими трансформациями, и описывает тенденции развития дискурсивных практик.

Анализ корпуса текстов позволил установить тенденции в коммуникативной тональности рекламного общения, отражающие меняющиеся позиции участников рекламной коммуникации. Переход от статусно-ориентированных, например дидактического типа тональности, свойственного рекламным текстам первой половины середины XX в., к персонально-ориентированным, игровым типам в конце XX – начале XXI вв., отражает динамику функций рекламы, в которой важную роль начинает играть функция развлечения, пришедшая на смену функции социализации. Динамика функций рекламного дискурса говорит об изменившемся характере отношений между участниками рекламной коммуникации, в которых коммуникативная личность адресанта больше не является статусно-доминирующей, и адресат больше не склонен интерпретировать рекламное сообщение как наставление или инструкцию к действию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф.* Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: юбил. сб. науч. тр. к 65-летию д-ра филол. наук, проф., засл. деят. науки РФ Н. Ф. Алефиренко / сост.: И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. – М. : Флинта, 2011. – С. 16–27.
2. *Гаспаров Б. Н.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
3. *Карасик В. И.* Коммуникативная тональность // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. – Т. 4. – 2008. – С. 20–29.

4. *Клепикова Т. А., Нильсен Е. А.* Репрезентация темпорального сознания в языке: к основам диахронической концептологии // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: сб. статей к юбилею д-ра филол. наук, проф. Н. А. Кобриной / Федеральное агентство по образованию, Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, фак-т иностранных языков; редкол.: О. Е. Филимонова, О. А. Кобрина, Ю. В. Шарапова. – СПб. : РГПУ, 2010. – С. 42 – 55.
5. *Кононова И. В.* Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – СПб., 2010. – 40 с.
6. *Кочетова Л. А*. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Волгоград, 2013. – 49 с.
7. *Кубрякова Е. С*. Язык и знание. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
8. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставительный анализ английских и русских лингвокультурных традиций: Монография. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 516 с.
9. *Полуйкова С. Ю.* Прагматический потенциал коммуникативной тональности // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 25. – С. 80–85.
10. *Руберт И. Б.* Становление и развитие английских регулятивных текстов. – СПб.: Образование, 1995. – 209 с.
11. *Руберт И. Б.* Текст в синхронии и диахронии. Эволюционные аспекты жанров. – СПб.: Академпринт, 1998. – 62 с.
12. Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 836 с.
13. *Fritz G.* Text Types in a New Medium: The First Newspapers (1609) // Journal of Historical Pragmatics. – Vol. 2. – № 1. – 2001. – P. 69–83.
14. *Kovaloyva N.* Presidential Inaugural Addresses: A Study in a Genre Development / Opening Windows on Texts and Discourses of the Past / J. Skaffari (eds.). – Amsterdam : John Benjamin, 2005. – P. 39–52.
15. *Köhnen T.* Historical Text Linguistics: Investigating Language Change in Texts and Genres // English Historical Linguistics, 2008. – Vol. 2: Words, Texts and Genres H. Sauer, G. Waxenberger (eds.) – Amsterdam: John Benjamin Publishing Company, 2008. – P. 166–187.
16. *Taavitsainen I.* Genres and the Appropriation of Science: Loci communes in English in the Medieval and the Modern English Period // Opening Windows on Texts and Discourses of the Past / J. Skaffari (eds.) – Amsterdam : John Benjamin, 2005. – P. 39–52.

УДК 81’36:42

Н. Б. Кудрявцева

доктор филологических наук; доцент, заведующая кафедры грамматики и истории французского языка факультета французского языка МГЛУ;
e-mail: nkoudriavtseva@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (на материале французской грамматики)

Статья посвящена изучению дискурсивного потенциала языковой игры и анализу грамматических средств ее выражения во французском языке – морфологических (функциональной транспозиции частей речи, степеней сравнения и интенсивности прилагательного, валентности глагола) и синтаксических (сочинительных, амплифицированных, парцеллированных, анафорических и вводных конструкций, а также порядка слов).

Ключевые слова: дискурсивные функции; языковая игра; речевое воздействие.

Kudryavtseva N. B.

Doctor of Philology; Associate Professor, Head of the Department of the French Language Grammar and History, Faculty of French, MSLU;
e-mail: nkoudriavtseva@mail.ru

DISCURSIVE FUNCTIONS OF THE LINGUISTIC GAME (Based on French Grammar)

The article investigates the discourse potential of linguistic game and analyses the grammar means of its expression in French – morphological (functional transposition of speech parts, verbal valency, adjectival degrees of comparison and intensity) and syntactical ones (coordinative, amplified, anaphoric, introductory and parcellated constructions, as well as word order).

Key words: discursive functions; linguistic game; speech impact.

В статье излагаются результаты исследования дискурсивного, т. е. воздействующего потенциала языковой игры, опирающейся на средства французской грамматики. Под речевым воздействием мы понимаем речевое общение, рассматриваемое с точки зрения стратегий и тактик говорящего, а также используемых им лингвистических средств, обусловливающих достижение поставленных коммуникативных целей. К таким целям, в частности, относятся: формирование отношения реципиента к какому-либо лицу, предмету, явлению; модификация системы ценностей адресата; влияние на общий эмоциональный настрой последнего и т. д. Для достижения указанных целей адресант активно прибегает к языковой игре.

Языковая игра рассматривается нами как особая форма лингвокреативной деятельности, основывающейся на нарушениях языковой (в данном случае грамматической) нормы, с установкой на комический эффект (шутка, каламбур, индивидуально-авторские тропы и т. п.).

Основной функцией языковой игры является людическая (или игровая). Эта языковая функция выделяется далеко не всеми исследователями. Более того, она рассматривается ими лишь как второстепенная функция языка. Приведем в этой связи характерные высказывания французских лингвистов П. Гиро: «Если главной функцией языка является передача информации, то языковая игра лишена этой функции»[1] [7, с. 41] и Л.-Ж. Кальве: «Коммуникативная функция является наиболее важной, но не единственной функцией языка. Среди других языковых функций можно назвать людическую. Уровень языкового мастерства находит свое выражение не только в способности передавать информацию, но еще и в способности прибегать к игре слов и понимать ее» [5, с. 30]. Мы полагаем, что эти высказывания французских ученых чересчур категоричны, и с ними вряд ли можно полностью согласиться. Известно, что коммуникация в широком понимании включает в себя не только непосредственную передачу информации, но и условия общения говорящего и слушающего, их отношение к сообщаемому и друг к другу. Таким образом, противопоставляя игровую и коммуникативную функции языка, П. Гиро и Л.-Ж. Кальве игнорируют дискурсивно-прагматический аспект речевого взаимодействия. Между тем, акцентируя *как* нечто говорится (поиск наиболее адекватного способа передачи информации, стремление наглядно изобразить ситуацию, желание сымитировать речь человека и т. д.) и *отношение* коммуникантов к объекту речи и друг к другу (оценка, насмешка, шутка, ирония и т. д.), языковая игра явно тяготеет к сфере прагматики и анализа дискурса, изучающих употребление языка в конкретных коммуникативных ситуациях, т. е. речевое воздействие.

Следует также обратить внимание на то, что традиционному термину «игра слов» мы предпочитаем термин «языковая игра». Наш терминологический выбор объясняется тем, что понятие «языковая игра» значительно шире, чем понятие «игра слов». В самом деле, говорящим могут обыгрываться не только слова, но и другие языковые единицы – как бóльшие (словосочетание, предложение), так и меньшие (звук, морфема), чем слово, а также различного рода языковые

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Н. К.*

категории (например, порядок слов или тип синтаксической связи). В статье мы рассмотрим некоторые неканонические, отклоняющиеся от языковой нормы употребления грамматических явлений, используемые для создания игрового эффекта.

Прежде всего обратимся к примерам, представляющим собой случаи нарушения морфологической нормы французского языка. К их числу, в частности, относятся разнообразные изменения грамматических характеристик тех или иных частей речи, а также приписывание им грамматических категорий, которые им несвойственны. Среди подобных трансформаций одно из центральных мест, несомненно, занимают модификации глагольных форм: перевод глаголов из разряда переходных в непереходные и наоборот, изменение их валентностных особенностей, нарушение парадигм спряжения и т. д.:

(1) Par instants, on a l'impression que le carburateur va *divorcer* d'avec la boîte à vitesses [8, p. 202].

(2) Certains vitraux des fenêtres gothiques *manquent à l'appel* [8, p. 135].

(3) Le Gros attaque les petits pains après avoir pris la sage précaution de les envelopper dans plusieurs tranches de jambon pour qu'ils ne s'e*nrhument* pas [8, p. 147].

(4) Une formidable mornifle lui fait *éternuer* son râtelier [9, p. 77].

(5) La porte s'ouvre à la volée, et moi, j'*interloque* du spectacle [10, p. 25].

(6) *Je me prends à part* pour une conférence privée à l'issue de laquelle je *vote à l'unanimité* la motion suivante: « Faut faire quelque chose » [8, p. 137].

(7) Situation critique. Je *me convoque* pour une réunion de sommet à laquelle je *participe* immédiatement et je *vote* l'ordre du jour *à la majorité absolue*, lequel ordre du jour déclare que je dois mettre mes os en lieu sûr dans le plus bref délai [8, p. 177].

Так, в примерах (1), (2), (3) глаголы *divorcer*, *manquer à l'appel* и *s'enrhumer*, обычно употребляющиеся с одушевленными подлежащими и дополнениями, сопровождаются неодушевленными существительными, в результате чего высказывания приобретают комическую окраску. В (4) непереходный глагол *éternuer* сочетается с прямым дополнением *râtelier*, что способствует более образному описанию сцены драки. В (5), напротив, переходный глагол *interloquer* употребляется как непереходный, акцентируя таким образом степень

изумления персонажа при появлении в его кабинете незваных гостей. Но самыми интересными, безусловно, являются примеры (6) и (7), в которых выражениям *prendre quelqu'un à part* и *convoquer pour une réunion de sommet* предшествует личное местоимение первого лица, что никак не сочетается с действиями «отвести кого-либо в сторону» или «пригласить кого-либо на встречу в верхах»[1].

Для создания людического эффекта некоторые авторы используют особенности образования мофологических форм глаголов:

(8) Le botaniste contemple ses plantes *fleurissantes* avec une mine florissante [6, p. 94].

(9) Le verbe *choir* présente des difficultés de conjugaison et de nombreuses formes inusitées. Aussi conseillons-nous aux élèves l'utilisation du verbe se *casser la gueule* qui a un sens équivalent [6, p. 99].

Так, парадигма спряжения глагола II группы *fleurir* содержит две серии форм imparfait, participe présent, gérondif и adjectif verbal. Одна из них, передающая прямое значение этого глагола (*цвести – être en fleurs*), образуется от основы *fleur-* ; другая, выражающая переносное значение (*сиять – briller*), – от основы *flor-*. Сталкивая в рамках одного высказывания два разноосно́вных отглагольных прилагательных, автор образует забавный каламбур: ботаник наблюдает за цветущими растениями с цветущим видом. В примере (9), еще более комичном, речь идет о так называемом дефективном глаголе *choir – падать*. Дефективными во французской грамматике называются глаголы, в парадигме спряжения которых отсутствуют те или иные формы (например, у глагола *choir* нет форм imparfait de l'indicatif, présent du subjonctif, impératif). Кроме того, данный глагол отличается низкой частотностью и сложностью существующих форм. В этой связи автор шутливо предлагает употреблять вместо *choir* глагольное выражение *se casser la gueule – разбить себе физиономию*.

---

[1] Интересно, что французский писатель Фредерик Дар, более известный как автор иронических детективов, пишущий под псевдонимом Сан-Антонио, из произведений которого мы взяли цитируемые примеры, называет себя самым выдающимся «детранзитивизатором» (le plus grand détransitifieur) французской литературы [10, с. 129]. Тем самым автор подчеркивает, что он чаще, чем другие литераторы, прибегает к приему преобразования переходных глаголов в непереходные, и наоборот.

Кстати, примеры (8) и (9) взяты из учебника Ж.-Л. Фурнье «Grammaire française et impertinente», который полностью построен на основе языковой игры и название которого переводится на русский язык как «Нелепая грамматика французского языка». Как отмечает автор в предисловии к своей книге, все грамматические правила в ней формулируются четко и традиционно, а вот иллюстрирующие их примеры представляют собой балагурство [6, p. 4]. Так, в приведенном ниже фрагменте Ж.-Л. Фурнье объясняет, в чем заключается специфика служебных слов:

(10) Au péril de sa vie, le médecin se précipita au chevet du moribond et le délesta de son portefeuille [6, p. 10].

Комментарий, сопровождающий данный пример, выглядит следующим образом: *au* и *de* здесь являются предлогами, *et* – сочинительным союзом, а врач – настоящим мерзавцем [там же].

Грамматические характеристики прилагательных обыгрываются не менее часто, чем глагольные. Причем наиболее распространенным приемом языковой игры является образование степеней сравнения от прилагательных, не принадлежащих к категории качественных:

(11) Ce problème est le point d'interrogation *le plus majuscule* de macarrière [8, p. 18].

(12) L'instant est *aussi capital* que Paris, Rome, Madrid, Moscou, Washington, Bucarest, Athènes, Berne, Mexico, Canberra et Varsovie, c'est vous dire [8, p. 99].

(13) Un silence *aussi meuble* que celui des Galeries Barbès s'étale dans la cave [8, p. 111].

(14) Moi, c'est autre chose, *plus m'enfoutiste* encore [8, p. 82].

Так, в (11) автор образует превосходную степень от относительного прилагательного *majuscule – прописной, заглавный*, в результате чего персонаж произносит каламбур: «Данная проблема – самый заглавный вопросительный знак в моей карьере». В (12) сравнительная степень образуется от прилагательного *capital*, которое уже само по себе выражает идею превосходства. К тому же в контексте оно намеренно сталкивается с однокоренным существительным *capitale – столица*. Смысл полученного таким образом высказывания сводится к следующему: переживаемый момент не менее важен, чем перечисленные мировые столицы вместе взятые. В (13) мы имеем дело со сравнительной степенью окказионального отыменного

прилагательного *meuble*, призванного показать, что вокруг персонажа воцарилась полная (*букв*. 'мебельная') тишина. Наконец, в (14) образована степень сравнения от окказионального прилагательного, восходящего к предложению *Je m'en fous*, которое передает абсолютно безразличное отношение говорящего к происходящему.

Степени интенсивности признака, также присущие исключительно качественным прилагательным, в людических целях могут приписываться прилагательным других видов, как и степени сравнения:

(15) Pinuche est suivi d'un monsieur *tellement anonyme* que je suis surpris d'apprendre qu'il a un nom et même un prénom [8, p. 9].

(16) Elle va prendre dans son buffet *archibreton* une carafe remplie d'un liquide émeraude [10, p. 39].

(17) Blanche de Castille qui était *très collet monté* surveillait étroitement les jeunes époux [10, p. 67].

(18) Un brou *tout ce qu'il* y a de haha retentit au-dehors [8, p. 175].

(19) Le tohu est bohu *à ne plus en pouvoir* [8, p. 92].

Например, в (15) высокой степенью признака наделяется прилагательное *anonyme*, передающее характеристику, не поддающуюся градуированию. В примере (16) усилительный префикс *archi-* сочетается с прилагательным *breton*, обозначающим этническую принадлежность, что также исключает идею скалярности. В (17) высокая степень интенсивности признака образована от окказионального отыменного прилагательного *collet monté* для выражения чрезмерной чопорности и сдержанности королевы Бланш Кастильской, описываемой в историческом романе. В (18) и (19) сложные существительные с семантикой шума и суматохи расщепляются на составные части, первая из которых становится определяемым, а вторая – определяющим. Именно последняя – окказионально адъективная – часть сопровождается интенсификаторами признака *tout ce qu'il a de* и *à ne plus en pouvoir*, приписываемого первой части. Полученные таким образом высказывания, содержащие отсутствующие во французском языке и лишенные всякого смысла компоненты, все же передают в недифференцированном виде идею сильного беспорядка, которая адекватно воспринимается и интерпретируется реципиентом. Следует подчеркнуть, что для усиления степени интенсивности признака и для игровых целей могут использоваться сразу несколько наречий-интенсификаторов: *c'est une gonzesse si tant tellement expérimentée* [10, p. 24]; *ces engins sont tant tellement dangereux* [10, p. 108].

Некоторые из приведенных примеров позволяют также говорить об активной роли в создании людического эффекта функциональной транспозиции частей речи. Прежде всего следует упомянуть в этой связи конверсию, т. е. переход слова из одной части речи в другую без участия аффиксов, лишь путем изменения его синтаксической функции и морфологической парадигмы. Во французском языке авторы ради балагурства нередко прибегают к окказиональной конверсии в форме вербализации, особенно отыменной и отадъективной:

(20) Le vent *tornade* sur l'île [10, p. 121].

(21) – J'en ai ma claque de ces deux monstres, m'man. – Merci pour eux, *lugubre* le Gros en apparaissant [9, p. 201].

Не менее часто встречаются примеры окказиональной адъективации, причем даже целых предложений:

(22) L'unique fauteuil de la pièce est en cuir *artificiel-lavable-qu'avec-les enfants-on-ne-peut-pas-se-permettre-l'autre-qui-craint-tant* [10, p. 129].

До сих пор мы рассматривали лишь случаи языковой игры, основывающейся на использовании морфологических средств. Однако синтаксические средства также обладают значительным людическим потенциалом, но почему-то игнорируются исследователями. Так, О. С. Иссерс со ссылкой на Ш. Балли пишет: «Синтаксические средства являются (в отличие от "прямых" лексических) лишь «косвенными» выразительными средствами» [1, с. 144]. Между тем анализ корпуса примеров современного французского языка свидетельствует о том, что синтаксис обладает широкими возможностями для создания различного рода комических ситуаций и эффектов.

Прежде всего отметим, что, как и в случае игры со словами, опирающейся на лексическую многозначность (полисемию, омонимию, параомонимию), игра с синтаксическими конструкциями также основывается на неоднозначности, но только грамматических структур:

(23) C'était la devise d'une gente amie et je l'ai faite mienne (la devise et la gente amie) [8, p. 50].

Из приведенного примера, если бы за ним не следовала парентетическая конструкция с дополнительными разъяснениями, непонятно, что сделал своим говорящий – девушку или ее девиз. Обычно реципиент, столкнувшись с неоднозначным высказыванием, должен осуществить выбор в пользу одного из передаваемых смыслов. Однако

в примере (23) комизм, опирающийся на эффект обманутого ожидания, заключается в том, что для адекватной интерпретации сказанного необходимо принять во внимание оба смысла. Таким образом, в основе анализируемой языковой игры вновь лежит сосуществование нескольких означаемых при одном означающем.

Свою специфику при языковой игре имеют и авторские слова, вводящие чужую речь. В наших публикациях мы неоднократно подчеркивали, что в отличие от косвенной речи, прямую речь могут вводить не только глаголы говорения и мышления, но также глаголы эмоции и чувства, мимики и жеста. Именно на эту особенность феномена чужой речи опираются авторы художественных произведений, стремясь максимально разнообразить вводные конструкции:

(24) – A quoi tu rêves? *mastique* Béru [9, p. 374].

(25) – Chère maman, *rondejambe-t-elle*, je ne sais pas si vous avez déjà entendu en causer [9, p. 210].

(26) – Tu vas rejoindre ta souris? – Quelle souris? *froncé-je-les sourcils-je* [9, p. 106].

(27) – Allô, Gros ! C'est re-moi, *parodiébérus-je* [9, p. 296].

(28) – Je crois que le commissaire Létron vous a mis au courant? – Au courant de quoi ? *l'à-brûle-pourpoints-je* [10, p. 20].

Во-первых, в качестве вводящих глаголов используются такие, которые никак не связаны с процессом говорения. Во-вторых, часто данные глаголы представляют собой авторские неологизмы. В-третьих, указанные вводные конструкции употребляются в первом лице единственного числа, что для французского языка нетипично, поскольку практически непроизносимо. Таким образом, слова автора, сопровождающие прямую речь, привлекают внимание читателя своей необычностью и создают желаемый эффект – иронический, шутливый, оценочный и т. д.

Среди синтаксических конструкций, способных выполнять людическую функцию, следует также назвать анафорические. Подчеркнем, что в данном случае мы имеем в виду не средство внутритекстовой референции, отсылающее к тому, о чем говорилось раньше, а так называемое единоначатие [2, с. 50], заключающееся в повторении тождественных элементов в начале нескольких параллельных отрезков речи:

(29) Louis XIV regroupe ses Seigneurs autour de son auguste personne. Il *les comble* d'honneurs et crée des charges pompeuses et stupéfiantes telles

que celle de « Contrôleur des perruques » ! Il *les noie* dans les flots de dentelles ! Il *les étourdit* dans les lumières de ses fêtes ! Il *les fatigue* à coups de bals et de chasse ! Il *les mate* en leur faisant jouer les larbins, mais de telle manière qu'ils se battent pour lui tendre son papier hygiénique ou pour lui verser sa camomille du matin [9, p. 246].

В приведенном примере автор с юмором описывает, как король Людовик XIV после восхождения на трон создавал круг своих приближенных, возлагая на них надуманные обязанности (например, контролер париков), покрывая их многослойными кружевами и ослепляя пышными праздниками. В результате подобного обращения знать превращалась в смиренных лакеев, соревнующихся между собой за право подать королю утреннюю ромашковую настойку или туалетную бумагу.

Все предложения в данном отрывке построены по одной и той же модели: они начинаются с личного субъектного местоимения *il*, за которым следует объектное местоимение *les*, предшествующее переходному глаголу. Подобная позиция местоимений, отражающая подчиненное положение аристократии по отношению к монарху, активизирует внимание реципиента и выполняет усилительно-выделительную функцию. Кроме того, взаимодействуя с приемами «нагромождения» описываемых действий и их ниспадающей градацией, анафора также реализует оценочную функцию.

С анафорическими конструкциями в известном смысле сближаются амплифицированные: и те, и другие характеризуются избыточностью синтаксической структуры. Однако, если в первых избыточность создается вследствие многократного повторения одних и тех же элементов, то во вторых – в результате «нагромождения» равнозначных выражений, используемых для усиления выразительности речи [2, с. 42]. Понятно, что чем больше протяженность амплифицированного текста и чем несовместимее в семантическом плане соединяемые в нем компоненты, тем сильнее воздействующий потенциал такого речевого произведения, тем гротескнее производимый им людический эффект. В качестве примера можно привести отрывок из романа Сан-Антонио «Le loup habillé en grand-mère », в котором описывается, какие вещи жена (Berthe) сложила в чемодан мужа (Béru), прежде чем выставить его за дверь:

(30) – Berthe m'a fait ma valoche et m'a collé sur le palier.

Comme preuve de ses dires, Béru ouvre sa valise et en extirpe : trois chaussettes trouées, deux calbars sans manches, un tricot de corps à grille, une chemise-noire-qui-fut-blanche, une chemise-blanche-qui-fut-bleue, deux semelles de pantoufle, un manche à brosse à dents, un rasoir à manche sans manche, un blaireau sans poils, un disque 78 tours plié en quatre et recelant La Marseillaise, paroles et musique de Rouget de Lisle, une feuille d'impôt de couleur rose... [8, p. 100–102).

Нагромождение весьма неожиданных предметов, очутившихся в чемодане персонажа по имени Берю и перечисляемых через запятую, занимает в книге две с половиной страницы. Причем по мере чтения данной последовательности, представленной как одно (!) предложение, реципиент сталкивается со все более неуместными в описываемой ситуации вещами (например, с пустым тюбиком из-под майонеза, пластинкой с записью Марсельезы, разбитым термометром, велосипедным насосом, гипсовой копилкой в форме поросенка и т. д.), что не может не вызвать у него улыбку.

В качестве частного случая амплифицированных конструкций в лингвистике принято рассматривать однородные сочиненные ряды, к игровому потенциалу которых мы обращались в наших исследованиях неоднократно [3; 4]. Известно, что грамматически однородными считаются однофункциональные синтаксические единицы, одинаково относящиеся к некоторому третьему элементу, которому они соподчинены или который соподчинен им. При этом идеальный однородный ряд представляют собой структуры, объединяющие компоненты, однородные и по функции, и по форме, и по содержанию. Именно последней характеристикой часто пренебрегают говорящие при создании игрового эффекта:

(31) On n'utilise plus ce vieil ascenseur hydraulique que pour grimper *les caisses de bière ou le ministre*, tant il est lent [8, p. 16].

(32) Au rallye des landaus, beaucoup *de pneus et de bébés* ont crevé [6, p. 41].

(33) Après que le président de la République eut reçu *les ovations* du peuple africain, il reçut sur la tête *une noix de coco* [6, p. 110].

Как видим, в примерах (31) – (33) обыгрывается именно способность сочинительных союзов устанавливать отношения синтаксической однородности: они делают грамматически однородным то, что семантически таковым не является и тем самым создают эффект неожиданности.

Одним из самых распространенных видов языковой игры с участием сочинительных союзов является соединение в однородном ряду компонентов, близких по звучанию, но далеких по значению. Иными словами, в основе языковой игры в подобных случаях – явление парономазии:

(34) Pinaud, pas très vivant, et Tango, à demi clamsé, reposent ou se reposent dans la chambre que nous avons réservée [10, p. 199].

(35) Il laisse derrière lui des bris et des débris [9, p. 294].

Совершенно очевидно, что экспрессивный эффект такой языковой игры тем ярче, чем больше и неожиданнее контраст между звучанием и значением соотносимых слов. При этом особую роль играют сочинительные союзы, которые акцентируют экспрессивный эффект языковой игры еще сильнее благодаря своей конструктивной функции: именно сочинительные союзы позволяют соединить в однородном ряду семантически далекие компоненты, которые в обычных условиях несопоставимы. Более того, достаточно убрать сочинительный союз из приведенных выше примеров, и эти высказывания станут нерелевантными:

(34a) Pinaud et Tango reposent, se reposent dans la chambre.

(35a) Il laisse derrière lui des bris, des débris.

Таким образом, в анализируемых примерах сочинительные союзы являются своего рода цементирующим звеном, устранение которого приводит к разрушению высказывания. Впрочем, сочинительный союз, участвующий в языковой игре, позволяет соединить в грамматически однородном ряду любые лексемы, как бы далеко они ни находились друг от друга в семантическом плане (см. 31–33).

В людических целях могут использоваться не только амплифицированные, но и противоположные им – парцеллированные – конструкции. Прием парцелляции заключается в разделении синтаксической структуры высказывания на отдельные интонационно-смысловые блоки. В результате такого дробления высказывание распадается на несколько частей: базовый компонент (основу) и зависимые компоненты (парцелляты). Базовое предложение автосемантично, грамматически завершено, не требует обязательного распространения и имеет потенциальную возможность существовать вне контекста. Парцелляты, независимо от степени их грамматического распространения,

синсемантичны, а потому ориентированы на обязательное употребление в контексте. Вместе с тем, занимая синтаксически необычную, несамостоятельную позицию, парцелляты выполняют ряд важных в плане речевого воздействия функций: образование и выделение новых рем, усиление изобразительности и акцентирование деталей, передача авторского отношения к излагаемому, создание эффекта обманутого ожидания и т. п.:

(36) Le toubib se penche pour l'examen. Trop. Il choit. S'allonge contre Pinaud. S'endort. Fin de la séquence médicale [10, p. 154].

Так, в (36) при помощи парцеллированной конструкции описывается попытка не совсем трезвого доктора осмотреть раненого. «Рубленая» манера описания действий врача позволяет наглядно и с юмором представить данную сцену, вызвав улыбку у читателя.

Интересно отметить, что некоторые исследователи рассматривают парцелляцию как двойное отклонение от синтаксической нормы: а) как отклонение от нейтрального варианта текста; б) как отклонение от статистически вероятной структуры текста [2, с. 798]. Иначе говоря, языковая игра, опирающаяся на парцеллированные конструкции, вновь оказывается нарушением нормативных правил построения дискурса.

Наконец, особое место среди синтаксических средств языковой игры принадлежит порядку слов:

(37) On parlait de ce sacré Henri IV. Ou plus exactement, de cet Henri IV sacré à la sauvette et qui allait faire son métier de roi [9, p. 190].

Известно, что во французском языке существует целая группа прилагательных, способных менять свое значение в зависимости от позиции, занимаемой ими по отношению к существительному. Прилагательное *sacré* принадлежит к данному типу слов: находясь в препозиции, оно переводится как «проклятый», а в постпозиции – как «коронованный». В результате столкновения указанных значений высказывание приобретает отрицательный смысл, передавая негативное отношение говорящего к королю Генриху IV.

Итак, языковая игра – это креативное, отклоняющееся от языковой нормы использование языковых единиц с целью создания комического эффекта. Среди морфологических средств языковой игры наиболее эффективными в плане речевого воздействия на рецепиента

являются: манипулирование с переходностью и формами спряжения глаголов, создание степеней сравнения и интенсивности от относительных и окказиональных прилагательных, функциональная транспозиция частей речи. К синтаксическим структурам, обладающим значительным игровым потенциалом, относятся анафорические, сочинительные, амплифицированные, вводные и парцеллированные конструкции. При этом во многих случаях языковая игра (как морфологическая, так и синтаксическая) опирается на неоднозначность языковых единиц, намеренно создаваемую говорящим в контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иссерс О. С.* Речевое воздействие. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 224 с.
2. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.
3. *Кудрявцева Н. Б.* Реляционные элементы как компонент языковой игры // Разноуровневые единицы французского языка в высказывании и тексте: функционально-семантический и стилистический аспекты. – М. : Рема, 2004. – С. 56–65. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 486. Сер. Лингвистика).
4. *Кудрявцева Н. Б.* Языковая игра как способ самовыражения языковой личности в произведениях Фредерика Дара // Иностранные языки: теория и практика. – 2009. – № 2. – С. 3–9.
5. *Calvet L.-J.* Rire en français, parler français // Le français dans le monde. – 1980. – № 151. – P. 27–31.

УДК 81.22

А. В. Кулешова

адъюнкт кафедры романских языков Военного ун-та Минобороны РФ;
e-mail: grifos@mail.ru

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ (на материале португальского языка)

Основная цель статьи – рассмотреть наиболее характерные способы выражения перлокутивного компонента оппозитивного значения в португальском языке. На синтаксическом уровне перлокуция прагматической оппозиции наиболее ярко проявляется при использовании отрицательных местоимений или отрицательных наречий, в экспрессивном отрицании, а также в оппозиции глаголов *ser* и *estar* в их десемантизированном варианте. Таким образом, субъективное отношение говорящего / пишущего к высказыванию может выражаться не только эксплицитно, но и имплицитно, и при этом имеет более сильную эмоциональную и экспрессивную окраску.

Ключевые слова: перлокутивный компонент; прагматическая оппозиция; отрицательные местоимения или отрицательные наречия; экспрессивное отрицание; оппозиции глаголов *ser* и *estar*, имплицитно выраженное значение.

Kuleshova A.V.

Associate of the Department of Romance Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; e-mail: grifos@mail.ru

PERLOCUTIONARY POTENTIAL OF PRAGMATIC OPPOSITION IN THE PORTUGUESE LANGUAGE

The main purpose of the article is to analyze the most typical means through which the perlocutionary component of contrastive meaning is expressed in Portuguese. At the level of syntax the perlocution of pragmatic opposition is most evident. Negative pronouns or negative adverbs, expressive negation, as well as the opposition of the verbs *ser* and *estar* in their desemanticized variant are used to express the meaning. Thus subjective attitude of the speaker / writer to the utterance may be expressed not only explicitly but implicitly and has stronger emotional and expressive connotation.

Key words: perlocutionary component; pragmatic opposition; negative pronouns and adverbs; opposition in the verbs *ser* and *estar*; implicit meaning.

Во всех культурах существуют правила коммуникативного воздействия, которые определяют концепцию говорения в целом и формируют дискурс. Коммуникативный образ ситуации неразрывно связан

с функцией воздействия на адресата. Высказывание не может быть осуществлено без намерений, без активности, без интенций.

Оппозитивность служит основанием достаточно развитого метода в изучении языка. Успехи метода оппозиций в фонологии Н. С. Трубецкого привели к распространению данного метода исследования в морфологии. По замечанию М. И. Стеблина-Каменского, на основе того факта, что звуковая сторона языка сводится к более или менее стройной системе очень небольшого количества элементов, и именно благодаря этому поддается точному анализу, у языковедов возникла мысль об аналогичной системе в области языкового содержания, прежде всего грамматических значений [13, с. 52–53]. Позднее Ж. П. Кантино делает вывод о возможности применения принципов классификации Трубецкого к классификации любых объектов, а именно – в морфологии, синтаксисе, лексике [10, с. 66].

Попытки представить языковую семантику по методу парадигматических оппозиций предпринимались в глоссематике Л. Ельмслева [5], который предлагает выделять сигнификативные оппозиции в семантике аналогично материальным оппозициям в формальном аспекте языка, в работах В. В. Виноградова [3, с. 7], Д. Н. Шмелева [15, с. 109] и других исследователей.

Следуя традиционным семиотическим воззрениям на язык, мы ставим семантику в рамках семиотической трихотомии языка на второе место: синтактика – семантика – прагматика [8, с. 13–22]. Фонетические и грамматические оппозиции образуют внутреннее пространство языковой системы, позволяют выделить целостную структуру языка на данных уровнях. В нашем исследовании мы рассматриваем прагматическую оппозицию как один из способов осуществления коммуникативного имплицитного воздействия на адресата. Поэтому нас больше интересуют оппозиционные структуры в семантике языка, даже несмотря на то, что семантическая структура носит более расплывчатый характер. На этом уровне принцип языковой системы больше сталкивается с тем, что его фальсифицирует, чем с тем, что его верифицирует. Языковой закон больше носит характер не структуры, а метода. Тем не менее и здесь принято выделять оппозиции, применительно к ситуациям речевого выбора.

Мы полагаем, что в семантике и в стиле в основе построения оппозиционных структур лежит принцип речевой вариативности, на

первый план выходит синтагматический и контекстуальный фактор. Это нестрогие оппозиции, которые не меняют предмета речи, но придают прагматическое и оценочное экспрессивное значение. Нестрогие оппозиции могут приобретать более или менее устойчивый характер.

На наш взгляд, в португальском языке на синтаксическом уровне перлокутивный компонент прагматической оппозиции наиболее ярко проявляется при использовании аузентивов, в экспрессивном отрицании, а также в оппозиции глаголов *ser* и *estar* в их десемантизированном варианте.

Вслед за Н. В. Ивановым аузентивами мы называем «слова, выражающие отсутствие предмета, явления или признака (отрицательные местоимения или отрицательные наречия)» [7, с. 193]. По мнению исследователя, аузентивы – это один из самых строгих предикативных маркеров среднего уровня интенсивности. Нам представляется, что понятийный объем в значении таких элементов мыслится методом исключения: отрицательный элемент маркирует тот объем, который исключается или вычитается из возможного положительного объема. Последний и является здесь сущностью, с которой косвенно связывается отрицание через первый – «вычитаемый» объем. Однако исследования, проведенные в этой области, были скорее сконцентрированы на анализе *механизмов* отрицания одного *относительно* другого. То есть, если говорить о сущности отрицания в языковом выражении, имея в виду содержательную его сторону, то всякое отрицание есть относительное отрицание общего; или относительное отрицание общности с чем-то. Однако, на наш взгляд, не меньшее, а, возможно, большее значение имеет скрытый парадигматический потенциал аузентива – тот, который не очевиден на первый взгляд и как бы не имеет структурно-языкового закрепления, но который, на правах значимостного смыслового закона, раскрывает себя в речевом опыте языка. Если в первом случае можно сказать, что парадигматическая оппозиция служит основанием формирования речевого контраста, то во втором (когда значимостная парадигма явно не представлена), наоборот, контраст служит инструментом выявления парадигматического потенциала языка. Если мы говорим «никто», то подразумеваем его логический «антипод» – «кто-то». Если мы говорим «нигде», то этим имплицируем «где-то». «Отрицание как бы пользуется “чужой” референцией, имеет в качестве отправного пункта чужую референцию» [9, с. 1].

Рассмотрим следующие примеры:

Sei as lendas do mar como *ninguém*. («A Cidade e As Serras», Eça de Queirós)	Я знаю легенды моря, как никто другой (я / никто другой)
No caso do governador Amazonino Mendes, há muitas acusações contra ele, mas nada comprovado (José Jorge Vasconcelos)	Что касается губернатора Амазонину Мендеша, против него много обвинений, но ничего не доказано (много / ничего)

В представленных случаях в качестве аузентивов выступают неопределенные местоимения. На наш взгляд, именно при таком использовании аузентива в функции предикатива чаще всего и возникает отношение имплицитного противопоставления между множеством и единицей. Обычно в грамматиках категориальное значение числа представляется как бинарное противопоставление единичности и множественности, которое реализуется в формах ед. и мн. числа. Большинство исследователей ориентируются на широко распространенное определение грамматической категории числа существительных как «системы противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородным значением, в котором объективируются количественные значения, которые отражают количественные отношения между предметами и явлениями во внеязыковой действительности» [14, с. 4].

На наш взгляд, при таком подходе целесообразно отметить отношения противопоставления между подмножеством, выделяемым с помощью квантора, и собственно множеством. Так, кванторами, для которых величина подмножества больше нуля, являются такие неопределенные местоимения, как *alguém – кто-то, кто-нибудь*, *algum – какой-то, некий* (подмножество равно единице, соответственно противопоставлено подмножествам больше / меньше единицы); а также местоимения *alguns – некоторые, несколько* (подмножество больше единицы, соответственно противопоставлено подмножествам равно / меньше единицы).

Não existe nenhum país do mundo que tenha conseguido controlar uma hiperinflaçao sem uma recessão profunda... Nós conseguimos. Isso causa algum desgaste (28 Setembro 1997, Tasso Jereissati)	В мире нет ни одной страны, которой бы удалось взять под контроль гиперинфляцию и не уйти при этом в рецессию… Нам это удается. Но это приводит к некоторым потерям (некоторые / все)

В ряде исследований, посвященных механизмам воздействия экспрессивного отрицания на включающий дискурс, рассматривается характер влияния употребленных экспрессивных отрицательных высказываний на содержательный и формальный аспекты дискурса, изучается воздействие экспрессивного отрицания на смысловое развертывание, стратегическое и тактическое речевое поведение говорящего [11]. Мы, вслед за Н. В. Ивановым, мыслим экспрессивное отрицание как имплицитное противопоставление одного момента другому. В «противоположности двух моментов необходимо видеть также отрицание ими друг друга: качество выступает как отрицание сущности, своей нормы, норма же имплицируется как отрицание качества. Различение степеней интенсивности мы проводим, главным образом, с точки зрения отношения качества к сущности» [7, с. 168].

Экспрессивное отрицание, мылимое как имплицитное противопоставление одного момента другому, как прагматическая оппозиция, также может приобретать перлокутивный потенциал. Одной из особенностей португальской разговорной речи является наличие в ней большого количества структур, основанных на принципе экспрессивной избыточности и имплицитного противопоставления, что служит для усиления коммуникативного воздействия говорящих. Одна из структур, которая передает резкое, категорическое отрицание в португальском языке построена по принципу соединения варьируемых знаменательных слов с постоянными элементами (*qual… nem qual*). В первой части структуры содержится имплицитное отрицание – повтор предыдущей реплики, вызвавшей возражения, затем во второй части, вводимой отрицательным союзом *nem*, появляется интенсификатор отрицания – экспрессивное образное отрицание.

Homem tu? Qual homem nem qual cabaça! (Tavares Rodrigues U. “As mascaras finais”, Lisboa, 229)	Мужчина ты? Да какой ты мужчина?

Прежде всего, следует отметить, что подобные контрастные структуры реализуют себя исключительно в составе диалогического единства и характеризуются контекстной зависимостью. В первой части реплики-возражения отрицается один из элементов предыдущей реплики-стимула. Употребление вопросительного местоимения *qual* в качестве отрицания объясняется тем обстоятельством, что в португальском языке местоимение *qual* и в независимой позиции,

и в сочетании со знаменательными словами способно выражать в восклицательной форме явное отрицание. Необходимо отметить, что в русском языке данной восклицательной форме с явным отрицанием соответствуют два варианта в восклицательной (Ты совсем не мужчина!) и вопросительной (Да какой ты мужчина?) формах, которые также являются конструкциями с направленным отрицанием. Такое противопоставление особенно характерно для диалогической речи.

Mas… dá para todos! – Qual dá para todos (Gralheiro J. “O homem da bicicleta”, Lisboa, 1982, 10)	Но … хватит для всех! – Да какой там для всех!
Ė ela, ela, só pensas nela. – Qual cabaça, ela foi o que foi (Ruben A. “Silêncio para 4”, Lisboa, 1974, 14)	Она, она, ты думаешь только о ней. – Что за чушь, я вообще о ней не думаю!

В результате анализа языкового материала нами были выделены три основные схемы построения имплицитного контраста при помощи вопросительного местоимения *qual*:

1. qual + S(1) + qual + S(2)

Ė importante cumprir as tarefas, cumprindo as regras de segurança. – Quais regras de segurança, qual carapuça! (Gralheiro J. “O homem da bicicleta”, Lisboa, 1982, 125)	Важно выполнять задания, соблюдая правила безопасности. – Да какие там правила безопасности! Ерунда, вот что это такое!

В данной структуре формальные показатели отрицания вообще отсутствуют, отрицание имплицитно. Второй компонент выражен лишь лексемой *carapuça – колпак*, значение которой здесь фигурально, что повышает ее перлокутивный потенциал.

2. qual + S(1) + qual o que

Corália! – Qual Corália qual o que! Luísa, meu burro. Se tornas a chamar-me Corália, não sei que te faço (Babo A. “Sem vento de feição”, Lisboa, 1972, 43)	Коралия! – Какая я тебе Коралия! Луиза, осел. – И если ты еще раз назовешь меня Коралией, я даже не знаю, что с тобой сделаю!

Введение во вторую часть отрицательного местоимения *qual o que* еще больше усиливает категоричность отрицания и повышает степень воздействия на адресата сообщения.

3. qual + S(1) + nem meio + S(1)

Этот вариант оппозиционной модели характеризуется повторением в обеих частях одного и того же слова, вызывающего возражения, причем второй компонент вводится отрицательной частицей *nem – ни* и числительным *meio – половина*, которое как бы подчеркивает незначительность, несущественность отрицаемого факта.

Qual escândalo nem meio escândalo! Que idiotice a minha. Se o houvesse, não seria comigo, decerto! (Hernani Anjos "Um negro no pais das loiras", Lisboa, 1978, 72)	Да какой там скандал! Что за идиотизм! Если бы он и произошел, то не со мной, это уж точно!

В свете функциональной грамматики безусловный интерес приобретают языковые единицы, имеющие отношения к промежуточной области лексики и грамматики и в силу этого способные к совмещению различных функций и значений, соотносящихся с последними. В этой области особый интерес представляют широкозначные глаголы, определяемые исследователями как основные, фундаментальные, полифункциональные. Это прежде всего глаголы с семантикой «быть» и «иметь». Полифункциональные фундаментальные глаголы бытия и обладания выступают в качестве «двух важнейших типов структуры узла глагольного предложения» [4, с. 594]. Они реализуют свои лексические и синтаксические значения, становясь элементами целого ряда основных семантических типов предложений, представленных универсальными моделями [1; 2; 4; 12].

Исследователи отмечают, что романские языки Пиренейского полуострова – португальский, галльский, испанский и каталонский – пожалуй, единственные европейские языки, в которых так существенна разница употребления глаголов *ser* и *estar* для обозначения временны́х и постоянных признаков предмета. В итальянском языке есть глагол *stare*, но он четко ограничен в своем употреблении и означает «находится в каком-либо состоянии», например «стоять на ногах, остановиться – находиться в состоянии остановки». Этот глагол в итальянском также может означать продолжительное состояние при его употреблении с герундиальной формой глагола: *sta lavorando = está trabalhando – находиться в состоянии трудовой деятельности*. Но даже в этом случае *stare* не вступает в противоречие с глаголом *essere* (аналогом португальского *ser*), а скорее, становится синонимичным

для таких глаголов как *sedere* (*estar sentado – сидеть*) и *camminare* (*andar – ходить*). То же происходит и с его эквивалентами в английском *stand* и немецком *stehen*. Это не означает, что в этих языках не учитывается разница между вре́менным и постоянным признаком, она лишь выражается другими способами.

Считается, что исторически разница между глаголами *estar* и *ser* сложилась из-за их разного происхождения. Глагол *estar* восходит своими корнями к латинскому *stāre – находится на ногах, стоять*, тогда как *ser* произошел от латинского *sedĕre – сидеть*. Таким образом, само происхождение глаголов диктует особенности их употребления: *ser* – постоянное свойство, *estar* – вре́менное.

В исследовании рассматриваются глаголы *ser* и *estar* в их десемантизированном варианте как один из способов выражения перлокутивной оппозиции в португальском языке. В наиболее общем представлении глагол-связка *estar* не употребляется, когда именная часть сказуемого выражена прилагательным, означающим какое-либо постоянное свойство, либо прилагательным, характеризующим какое-либо психологическое состояние, не имеющее четких границ и пределов, что также можно отнести в некоторой степени к некоему постоянному качеству. Например: *Ele é ingénuo* [*bondoso / cruel / etc*.] // *Он наивный* [*добрый, жестокий*]. Прилагательные *ingénuo*, *bondoso e cruel* означают постоянное свойство, так, например, невозможно «быть добрым пять минут», поэтому употребление глагола *estar* здесь невозможно.

Когда речь идет о постоянном свойстве предмета, мы имеем в виду, что это свойство неизменно. Однако есть прилагательные, которые не означают постоянное свойство, а являются следствием перехода одного состояния в другое. Например, прилагательное *morto – мертвый* может употребляться как с глаголом *estar*, если задача – выразить переход из одного состояния в другое, так и с глаголом *ser*, если задача – описать характерный признак.

Ele está morto. (Ele está morto há 5 minutos).	Он мертв. (Он умер 5 минут назад).
Ele é morto.	Он мертв.
O céu está negro, vai chover.	Небо почернело, будет дождь.
A Mariana está grande, nem parece a mesma.	Марианна стала такой полной, даже на себя непохожа.

Чтобы подчеркнуть разницу между постоянным и переходным признаком также часто употребляются указатели времени, такие как *às vezes – иногда*, *hoje – сегодня*, *ontem – вчера* и др.

Вместе с тем существуют спорные случаи, когда признак сложно определить как постоянный или как временный, тогда в равной степени оправдано как употребление *ser*, так и употребление *estar*: а) *Ele está feliz*; б) *Ele é feliz*.

Э. М. Матеуш в своей «Грамматике португальского языка» рассматривает глаголы *ser / estar* как аспектуальную оппозицию [16, с. 136]. Она выдвигает гипотезу относительно сущности, лежащей в основе категоризации реальности, которую выражают языки, в том числе и португальский. Существует два вида объектов, противопоставленных друг другу, одним приписываются типичные свойства, другим – проявление этих свойств, ограниченное во времени. Выбор глагола обусловлен следующим критерием: «оппозиция *ser / estar* – это одна из форм, которой располагает португальский язык для того, чтобы выразить различие между предикатами типичных свойств и предикатами проявления этих свойств в ограниченном временно́м отрезке» [16, с. 138]. Когда выбор между *ser / estar* не является свободным, он отражает важное семантическое различие, и заставляет нас рассматривать эти глаголы как предикатные. В тех случаях, когда такой выбор возможен, выбор глагола отражает коммуникативную интенцию говорящего / пишущего, именно глагол является тем элементом, который указывает на характер свойства предикатива. Перлокутивный потенциал прагматической оппозиции *ser / estar* несет прежде всего принцип выбора глагола: часто он обусловлен не объективными отношениями между носителем признака и признаком, а точкой зрения говорящего, как он субъективно видит эти отношения. При этом говорящий, отдавая предпочтение одному из глаголов (в противовес другому) и характеризуя объект с той или иной стороны, имплицитно выражает свое мнение, формирует точку зрения адресата определенной коммуникативной ситуации (*A Mariana está grande, nem parece a mesma // Марианна стала такой полной* (не такой как была раньше), даже на себя непохожа (раньше она была совсем другой)). Таким образом, в случае реализации в речи аспектуальной оппозиции глаголов *ser/estar* контраст используется для характеристики признака не только как типичного (*ser*) или как типичного в его временно́м проявлении (*estar*), но и имплицитно отражает позицию говорящего.

Таким образом, рассмотрев три наиболее употребительных способа выражения прагматической оппозиции в португальском языке (аузентивы, экспрессивное отрицание и оппозиция глаголов *ser / estar*), мы можем сделать вывод о том, что они имплицитно выражают субъективное отношение говорящего / пишущего к высказыванию и обладают потенциалом воздействия на адресата. При этом имплицитно выраженная позиция говорящего / пишущего часто имеет более сильную эмоциональную и экспрессивную окраску, чем позиция, выраженная эксплицитно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адмони В. Г.* Типология предложений // Исследования по общей теории грамматики. – М. : Наука, 1968. – С. 232–291.
2. *Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 293 с.
3. *Виноградов В. В.* История слов. – М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. – 1138 с.
4. *Гак В. Г.* Функционально-семантическое поле предиката локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб. : Наука, 1996. – С. 6–27.
5. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка. – М. : Лингвистическое наследие XX века, 2006. – 246 с.
6. *Зимняя Н. А.* Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. – М. : Наука, 1976. – С. 5–33.
7. *Иванов Н. В.* Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов) : Монография. – М., 2010. – 262 с.
8. *Иванов Н. В.* Аксиомы и парадоксы языка: структура, коммуникация, дискурс // О двойственной природе языкового синтаксиса (семиотический подход): материалы VII Междунар. науч. конф. ВУ, 28 июня 2013. – М. : Книга и бизнес, 2013. – С. 13–22.
9. *Иванов Н. В.* Отрицательные маркеры рематического выделения в португальском и русском языках // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи: тез. конф., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. 25–26 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/y01_2011/177914/177914.pdf
10. *Кантино Ж. П.* Сигнификативные оппозиции // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б. А. Успенский. – М. : Наука, 1972. – С. 61–94.

11. *Пилатова В. Н.* Экспрессивное отрицание в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. Германские языки. – СПб., 2002. – 198 с.
12. *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
13. *Стеблин-Каменский М. И.* Спорное в языкознании. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 142 с.
14. *Шершукова О. А.* Способы количественной характеризации объектов (на примере португальского языка): дис. … канд. филол. наук. Романские языки. – М., 2002. – 266 с.
15. *Шмелев Д. Н.* Избранные труды по русскому языку. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 888 с.
16. *Mateus H. M., Duarte I., Faria I. H.* Gramática da Língua Portuguesa. – Lisboa : Editorial Caminho Mateus, 2003. – 1130 p.

УДК 81-13

О. В. Куликова

доктор филологических наук, профессор МГЛУ, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области экономики ИПЭУ МГЛУ;
e-mail: ok517@yandex.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена рассмотрению междисциплинарных оснований гуманитарного образовательного дискурса. Междисциплинарность трактуется как взаимодействие различных научных областей, что особенно актуально в условиях экономики знания. Выявляются основные признаки гуманитарного образовательного дискурса, а также факторы, обеспечивающие дискурсивное проявление его междисциплинарности.

Ключевые слова: гуманитарное образование; институциональный дискурс; междисциплинарность; взаимодействие дисциплин; смежные дисциплины; принцип комплементарности; знание.

Kulikova O. V.

Doctor of Philology, Head of the Department of Professional Communication in Economics, Institute of Law, Economics and Information Management, MSLU;
e-mail: ok517@yandex.ru

INTERDISCIPLINARY FOUNDATIONS OF THE EDUCATIONAL DISCOURSE IN THE HUMANITIES

The article considers the interdisciplinary foundations of the humanities educational discourse. Interdisciplinarity is treated as an interaction of different scientific fields, which is especially important for the economy of knowledge. The author identifies the main features of the humanities educational discourse as well as the factors determining its interdisciplinary character.

Key words: education in the humanities; institutional discourse; interdisciplinarity; interaction of disciplines; interdisciplinary subjects; the complementarity principle; knowledge.

В современной ситуации становления информационного общества происходит изменение основополагающих установок гуманитарного образования, представляющего собой «совокупность знаний в области общественных наук (философии, истории, филологии, права, экономики, искусствоведения и др.) и связанных с ними практических навыков и умений» (*http//dic/academic/ru/dic.nsf/bse/819791/*). Гуманитарное образование приобретает характер *фундаментальной*

подготовки, цель которой состоит, во-первых, в развитии личности и, во-вторых, в создании условий ее безопасного и достойного существования. Как полагают исследователи гуманитаризации образования, система образования может считаться гуманитарной тогда, когда она даст человеку возможность найти себе место в мире, который адекватно описывается языком той или иной модели, и язык этой модели понимаем личностью [3].

Приоритеты и содержание гуманитарного образования определяются социально-экономическим развитием общества. Такие факторы, как переход общества к рыночной экономике, создание единого экономического пространства регионов, рост наукоемких производств, резкое увеличение объема научной и технической информации, быстрая смена технологий, активное использование современных информационно-коммуникационных технологий как средств интеллектуальной деятельности, а также интегративный характер научных исследований и синтез предметных областей знаний обусловливают пересмотр гуманитарных оснований образовательной парадигмы.

Прежде всего гуманитарное образование приобретает междисциплинарный характер. Междисциплинарность как *взаимодействие различных научных областей* становится особенно актуальной в условиях экономики знания.

Сегодня понятие «знания» претерпевает изменения, обусловленные такими разнонаправленными тенденциями, как тенденция к специализации и тенденция к интеграции знания. Первая означает возрастание специализации различных научных дисциплин – «знание становится все более эзотерическим, доступным только специалистам, экспертам в узких дисциплинарных областях» [4, с. 344]. Вторая, противоположная тенденция, – это стремление к интеграции и целостности. В результате их «сосуществования» создаются «поля полидисциплинарных исследований» [4][1], способствующие возникновению нового знания на стыке смежных дисциплин[2]. Это

[1] Ссылка на данных авторов содержится также в [6].

[2] Идея возникновения полей полидисциплинарных исследований коррелирует с бытующей в области современной педагогики концепцией создания в процессе обучения интегративных курсов дисциплин, обеспечивающих тот или иной вид коммуникации, например математики, музыки, живописи, что позволяет ввести учащихся в «мир коммуникации» и сформировать у них более целостную картину мира [11, с. 147–148].

подтверждает мнение В. И. Вернадского о том, что «…рост научного знания XX в. быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам» [9, с.10].

Аналогичным образом полидисциплинарные поля возникают в рамках гуманитарного образовательного дискурса на пересечении составляющих его дискурсов.

Понятие «гуманитарный образовательный дискурс» является по своей сути весьма емким и вбирает в себя такие родственные понятия, как «академический дискурс», «учебный дискурс», «дидактический дискурс» и даже в определенной степени «научный дискурс». Цель гуманитарного образовательного дискурса – обмен информацией гуманитарного толка между участниками коммуникативного процесса (при реализации схемы общения «специалист – специалист») или односторонняя передача данных (схема «специалист – не-специалист», например при общении в процессе обучения преподавателя и студента), в результате чего происходит пополнение когнитивной базы реципиента, создание когнитивной основы, позволяющей дальнейшее пополнение – «приращение» следующей порции гуманитарной информации к уже имеющимся знаниям из определенной гуманитарной области. Расширение когнитивной базы за счет новых поступлений особенно важно, так как информационные тексты (например, научные) вызывают значительные трудности при построении реципиентом ситуативной модели с опорой на такие абстрактные сущности, как компоненты структуры научного или учебного текста, причинно-следственные связи и пр. Поэтому «без достаточных знаний о мире или, по крайней мере, о предмете обсуждения построить ситуативную модель такого текста бывает чрезвычайно непросто» [7, с. 145].

Гуманитарный образовательный дискурс представлен рядом дискурсивных практик (беседа, лекция, урок, семинар, конференция, самостоятельное приобретение знаний из различных источников), направленных на достижение его глобальной цели. При этом информация может исходить непосредственно из «источника» (например, от преподавателя в ходе урока), а также опосредованно – от «донора» (например, автора книги или учебника) к реципиенту посредством реального или виртуального носителя (например, электронная версия книги, лекции и т. д.). Соответственно, гуманитарный образовательный дискурс может протекать как в режиме он-лайн, когда

прием и обработка информации происходит при непосредственном общении участников процесса коммуникации, так и офф-лайн, т. е. вне процесса непосредственного общения, когда не требуется немедленной ответной реакции, и есть время на обработку поступившей информации. В любом случае получение новой информации реципиентом происходит в рамках гуманитарного диалога, развертывающегося в интерсубъективной коммуникативной среде, предполагающей наличие каналов для передачи смыслов, суггестивных способов обращения к чувствам, интуиции, использование личного опыта [3].

Наряду с такими его характеристиками, как *диалогичность* и *коммуникативная направленность*, гуманитарный образовательный дискурс обладает такими признаками, как гибкость и непрерывность. *Гибкость гуманитарного образовательного дискурса* достигается благодаря возможности модульной организации учебного материала, а также самостоятельной траектории приобретения знаний. *Непрерывность означает*, что гуманитарный образовательный дискурс проецируется не только на жизненный период доминирующего *формального* образования человека, но и на те периоды, когда в жизни человека преобладают такие формы образования, как *неформальное* и *спонтанное*, которые имеют место за стенами академического учреждения, включая профессиональную деятельность и др. Однако главным отличительным свойством современного гуманитарного образовательного дискурса является его *междисциплинарный характер*.

Образовательный дискурс – очень широкое понятие. Представляется, что по аналогии с «shell nouns»[1] он может рассматриваться как «shell discourse». При его «наполнении» конкретным содержанием и проявляется такая характеристика, как *междисциплинарность*, характеризующая современное гуманитарное познание.

Обладая всеми признаками институционального дискурса, гуманитарный образовательный дискурс, тем не менее, имеет ряд особенностей, главной из которых следует признать его *гетерогенность*, возникающую за счет присутствия и взаимодействия элементов различных типов дискурса, представляющих такие области знания, как философия, психология, лингвистика, экономика, менеджмент,

[1] Термин, автором которого является Schmid Hans-Jorg. (см. English Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Цит. по: [2]).

социология и др. Способ взаимодействия различных дисциплин в пределах гуманитарного образовательного дискурса опирается *на принцип комплементарности*, предполагающий взаимопроникновение *знаний*, *релевантных* как для дискурса-«донора», так и для принимающего дискурса из взаимодействующих научных областей. При этом происходит попеременное выдвижение на первый план (своеобразное «попадание в фокус») элементов того или иного дискурса, представленного в широком гуманитарном образовательном дискурсе.

В качестве примера можно привести экономическое образование, в частности в такой области, как менеджмент. С привлечением каких дисциплин строится такой курс, как, например, «Управление человеческими ресурсами»? Для полноценного создания такого курса, безусловно, требуются знания из области психологии, теории коммуникации, социологии и др. А если говорить об управлении персоналом в международной компании, то к данному списку добавятся лингвострановедческие знания. Таким образом, выстраивается дискурс, развертывание которого обеспечивается за счет *наложения дискурсов*, представляющих самые различные дисциплины. Кроме того, в контексте данного дискурса потребуется знание иностранных языков, т. е. предполагается, кроме всего прочего, и овладение *дополнительным* (*иноязычным*) *кодом* для успешного осуществления профессиональной коммуникации.

Такая дисциплина, которой обучают студентов-маркетологов, как бренд-менеджмент, требует *интеграции знаний* из области маркетинга, психологии, теории коммуникации, лингвистики, рекламы и PR. Кроме того, обычно коммуникационная политика бренда строится с использованием мультимедиа, что само по себе предполагает сочетание, взаимосвязь и взаимопроникновение различных дискурсов.

Конвергенцию, а также *интеграцию* дискурсов, оказавшихся «участниками» единого гуманитарного образовательного дискурса, нетрудно проследить на материале рекламного и PR-дискурсов, задействованных в процессе формирования устойчивого бренда, и включенных в гуманитарный образовательный дискурс с целью обучения студентов-маркетологов основным стратегиям бренд-менеджмента [5]. Данное явление (дискурсивная конвергенция / дискурсивная интеграция) подтверждает идею М. Фуко о том, что любой дискурс пронизан другими дискурсами, его автономность относительна,

дискурсы находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, в процессе непрерывной конфигурации под влиянием друг друга[1], т. е. в нашем случае речь идет об установлении интердискурсивных связей в рамках гуманитарного образовательного дискурса.

К факторам, обеспечивающим *дискурсивное проявление мультидисциплинарности* гуманитарного образовательного дискурса, прежде всего относятся:

– *смежная проблематика* (например, *метафора* как интердисциплинарная проблема философии и лингвистики [8];

– *поведение* как объект исследований в поведенческих науках и психологии, а также в маркетинге и экономике (ср., например, определение *экономики*, которая «изучает человеческое *поведение* в контексте связей между целями и способами их достижения с помощью ограниченных ресурсов, допускающих множество различных применений» [10]);

– *терминология* как область скрещения логико-философского и лингвистического описания [8, с. 43]);

– использование *данных исследований других наук* (так, в *маркетинге* и *бренд-менеджменте* используются данные *физиологии*, в частности при расположении товаров на полках магазина учитываются закономерности движения глаза человека и т. п.);

– *тематический репертуар* (например, раздел из курса «Управление персоналом организации» – «Социально-психологические аспекты управления служебными коллективами»);

– *заимствование понятий* (например, широко используемый в современных научных областях концепт «стратегия» происходит из военной области);

– лексическая составляющая (в основном, *термины* и тематически релевантная лексика). Так, например, признаком того, что учебная дисциплина «Бренд-менеджмент» строится с привлечением знаний из психологии, могут служить такие лексические единицы, иногда репрезентирующие сложные концепты или обозначающие целые области научного исследования, как *consumer behaviour*, *economic behaviour*, выступающие маркетинговыми терминами, составляющая часть которых является принадлежностью психологии (*behaviour*) и исследование которых проводится с использованием ее инструментария. Междисциплинарное взаимодействие можно проследить на примере таких терминов, как *top of mind – первая вспоминаемая марка*, «марка

[1] Цит. по: [1, с. 75].

из подсознания» (маркетинг, брендинг + психология) или, например, *achievement motivatio*n – *мотивация достижения, стремление к успеху* (психология + менеджмент).

В том случае, если речь идет о профессионально ориентированном обучении, *гетерогенность* гуманитарного образовательного дискурса способствует *формированию адекватной профессиональной картины мира* в сознании обучающегося, который в ближайшем будущем станет специалистом и вольется в «примыкающий» к образовательному профессиональный дискурс, при этом чаще всего не покидая дискурса образовательного. Таким образом, становится очевидным, что гуманитарный образовательный дискурс ориентирован не только на передачу, хранение и преумножение профессионально релевантных знаний гуманитарного характера, но и на *использование* полученных знаний в ходе профессиональной деятельности обучающегося, т. е. очевидна *смычка* профессионального и гуманитарного образовательного дискурсов, что можно считать *отличительной чертой* последнего.

При частичном «пересечении» профессионального и гуманитарного образовательного дискурсов процесс образования индивида довольно часто становится процессом самообразования в условиях реальной производственной деятельности.

Тенденция постоянного пополнения современного гуманитарного образовательного дискурса новыми компонентами – дискурсами или их элементами – свидетельствует об открытости гуманитарного образовательного дискурса и, соответственно, о возможной *изменчивости* его характеристик под воздействием «новых поступлений».

В заключение подчеркнем, что именно *междисциплинарность* как типологический признак гуманитарного образовательного дискурса придает ему такие черты, как *композиционная сложность, многомерность, открытость* и *вариативность*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бочарникова Е. А.* Основные когнитивные процессы при интердискурсивном взаимодействии (на материале научной экономической литературы) // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – Ч. I. – М. : МГЛУ, 2012. – С. 75–82. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5 (683). Серия Языкознание).
2. *Гарьковская Т. Н.* О когнитивном потенциале существительных с широким значением и их функционировании в дискурсе (на материале английского языка) // Бытие и язык. – Новосибирск, 2004. – С. 324–330.

3. Дискурс как смысловая детерминанта гуманитарного образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mjlych.ru/pedagogika/diskurs-kak-smyslovaja-determinanta-gumanitarnogo-obrazova
3. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Трансдисциплинарность синергетики: следствия для образования // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 341–357.
4. *Куликова О.В.* Дискурсивная конвергенция как условие формирования устойчивости бренда // Разновидности профессионального дискурса в обучении иностранным языкам. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 19–30. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 8 (694). Сер. Педагогические науки).
5. *Куликова О.В.* Междисциплинарность как базовый принцип формирования системы профессионально релевантных компетенций в сфере экономики и бизнеса // Экономика языка и бизнес: сб. науч. тр. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 64–73.
6. *Куликова О.В*. Эвристика аргументации (лингвокогнитивное исследование). – М.: ГЕОС, 2010. – 296 с.
7. *Никитина С.Е.* Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики / отв. ред. Н.А.Слюсарева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 146 с.
8. От редактора // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 7–14.
9. Поведенческая экономика: предсказуемая иррациональность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2008/1749
10. *Сергиенко М.И*. Межпредметные связи как средство гуманитаризации дисциплин лингвистического цикла // Вестник СамГУ. – № 5/2 (55). – 2007. – С. 144–151.
11. *Сергиенко М. И.* Межпредметные связи как средство гуманитаризации дисциплин лингвистического цикла // Вестник СамГУ. – № 5/2 (55). – 2007. – С. 144 – 151.

УДК 81'1

Е. Г. Логинова

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германских языков и методики их преподавания Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина; e-mail: e.loginova@rsu.edu.ru

СОЦИОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИСКУРСА: Э. ИОНЕСКО «СТУЛЬЯ»

В статье рассматриваются англоязычная и русскоязычная версии пьесы Э. Ионеско «Стулья», а также театральные постановки по этой пьесе, трактуемые как знаковые системы, являющиеся единой системой в рамках социосемиотического подхода к анализу дискурса. Данный подход позволяет уточнить механизмы упорядочения разных знаков и знаковых систем в процессе общения. Весь процесс можно суммировать как упорядочение через уподобление, что позволяет развивать теорию дискурса в рамках социопрагмалогики.

Ключевые слова: социосемиотический подход; знак; дискурс; упорядочение; уподобление; интерсемиотический перевод; драма абсурда.

Loginova E. G.

Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Germanic Languages and Teaching Methods, Ryazan State University named for S. Esenin; e-mail: e.loginova@rsu.edu.ru

SOCIOSEMIOTIC APPROACH TO DISCOURSE ANALYSIS: E. IONESCO “THE CHAIRS”

Using the English and the Russian versions of E. Ionesco’s play «The Chairs» as well as it theatrical interpretations, the paper approaches different types of signs integrated into discourse as a semiotic system and outlines its cumulative and communicative potential. The sociosemiotic approach is chosen as an instrument to disclose the mechanisms of bringing orderliness through analogy, which can be characterized as a universal means of sorting out linguistic and extralinguistic experience in discourse and, as such, accounts for investigating the logic of discourse development.

Key words: sociosemiotic approach; sign; discourse; order; analogy; intersemiotic translation; drama of the absurd.

В статье рассматривается процесс коммуникации как взаимодействие разнонаправленных и разноуровневых знаковых систем. Поскольку все предметы, явления, социальные отношения, а также система отношений между предметами, явлениями и самими отношениями носят знаковый характер, ученые, занимающиеся исследованием

коммуникации, неизбежно сталкиваются с необходимостью упорядочить «знаковый» хаос.

Исходным положением является то, что существует единое, упорядочивающее «знаковый хаос», развитие, в котором одним из основных способов упорядочения выступает уподобление как глубинная универсалия, объединяющая и систему языка, и систему коммуникации. Стержнем является знак, поэтому взаимодействие разнонаправленных знаков и знаковых систем, находящихся на поверхности, взаимодействие глубинных знаковых систем, а также связь поверхностных и глубинных знаковых систем между собой позволяет говорить об упорядочении опыта общения через знак, где знак есть обозначаемое, означающее и обобщающее опыта. Это обусловило выбор именно социосемиотического подхода к исследованию дискурса, поскольку данный подход позволяет уточнить механизмы упорядочения лингвистического и экстралингвистического опыта через уподобление за счет соотнесения разнонаправленных знаков и знаковых систем.

В драме абсурда, избранной нами в качестве материала исследования, мы можем говорить об уподоблении действий героев и их отношений друг к другу определенной стандартизованной схеме, а также о том, что минимизированная до абсурда и обобщенная до абсурда коммуникативная ситуация в пьесе есть результат уподобления потенциально возможной коммуникативной ситуации. Развиваясь симметрично, уподобление обусловливает интерпретацию лингвистической и экстралингвистической информации, выраженной эксплицитно, а также предопределяет возможность интерпретации имплицитно выраженного знания. Именно поэтому уподобление в дискурсе, в частности в драме абсурда, является не только функциональной универсалией, но и механизмом, обеспечивающим взаимосвязанную работу лингвокогнитивных и прагматических систем.

Использование драмы абсурда в качестве материала исследования неслучайно. Е. С. Кубрякова отмечает, что в когнитивном анализе дискурсивной деятельности нельзя обойтись без обращения к материалам драматургических произведений, фиксирующих «самые существенные, самые главные черты дискурса как такового, а именно – его ситуативную обусловленность, его зависимость от конкретных целей и задач всего произведения в целом, его ингерентную связь со всеми участниками самого дискурсивного события, их статусом и т. п.» [3, с. 134–135].

Драма абсурда рассматривается нами как особый «формат знания». Абсурд и упорядочение через уподобление, как ни парадоксально это может звучать, предполагают друг друга. Присущая драме абсурда минимализация языкового выражения требует постоянного обращения к индивидуальному опыту, что позволяет исследовать знаковый характер дискурса, соединяющего глубинные и внешние процессы, свойственные познанию (как процессу и результату образования знаков) и общению (как отношению между знаками).

Обратимся к пьесе Э. Ионеско «Стулья» («The Chairs»). Главные герои – 95-летний старик и его жена Семирамида, которой 94 года. Автор называет их лишенными метафизических корней, паяцами, существование которых не выходит за пределы символов, характеризующих эпоху [1, с. 585].

Всё, чем занимаются, что говорят герои по ходу действия, упорядочивается за счет уподобления отдельных характеристик опыта, а так как герои – символы, то опыт, который они переживают в любой концептуальной сфере, есть обобщение, некая абстракция, напоминающая повседневный опыт. Однако у этого уподобления есть очень важная для исследователя лингвистической, прагматической и когнитивной информации особенность: поступки персонажей, их слова, их отношение к миру и друг другу – «этикетки», категоризирующие опыт и за этот счет упорядочивающие его.

Каждая «этикетка» – означающее знака, в котором означаемое есть концепт, представляющий подобие концептуальной картины мира. Начинается упорядочение с пустой комнаты героев, на что указывается в ремарке: «A large, very sparsely furnished room» [6, с. 112]. Эту пустоту автор и/или режиссер могут по-разному наполнить, используя знаковую систему, которой они придерживаются.

Если обратиться к известным нам постановкам С. Юрского (Московский театр «Школа современной пьесы», 2010), Р. Крюкова (Общедоступный театр Мухадина Нагоева, 2011), В. Ваганова (Краснодарский муниципальный молодежный театр, 2010), а также переводам пьесы с французского на русский и на английский языки, то можно сделать вывод, что в отдельных коммуникативно значимых эпизодах одно и то же означаемое кодируется разными означающими. Так, например, означаемое «уход героев из хаотического состояния мира» репрезентируется по-разному. Согласно замыслу Э. Ионеско, на авансцене должно быть лишь два стула, которые вводят читателя

в семиотический ряд пьесы. По мере того, как будут приходить воображаемые гости, количество стульев будет увеличиваться. Их должно быть не менее сорока, на что указывает драматург, и его указание сохраняет в своем переводе пьесы на русский язык М. Кожевникова: «Стульев на сцене должно быть не менее сорока, а то и больше. Подносят их со все нарастающей быстротой, обилие стульев олицетворяет обилие гостей» [2, с. 68].

Ощущение непрерывной череды гостей – людей разного возраста, профессии, социального статуса и т. п.; людей, с которыми сталкивались в своей жизни герои пьесы, и незнакомых им людей – это ощущение необходимо, чтобы показать, что героям негде существовать. Их индивидуальности нет места в мире, наполненном общеизвестными предрассудками.

В пьесе Старик и Старуха, не выдерживая давления все наполняющих комнату стульев (своего рода символов вторгающихся в жизнь отдельного человека неуправляемых масс безликих гостей), выбрасываются из окон в неизвестность. В постановке С. Юрского герои поднимаются по лестнице, символизируя тем самым свою несопричастность тому, что происходит. В постановке Р. Крюкова Старик и его жена уходят в тот же шкаф, из которого на протяжении всего действия появляются бесчисленные невидимые гости. И здесь уже происходит изменение в означаемом, так как герои присоединяются ко всей той массе невидимых гостей. В любом случае схема одна и та же: пустое пространство – его постепенное хаотическое наполнение – уход в связи с невозможностью героев существовать в этом переполненном пространстве.

Авторы переводов пьесы, не меняя схему, также позволяют себе некоторые отступления от текста оригинала. Их отступления – это знаки, предполагающие изменения в интерпретации, но не в схеме.

Английский текст наиболее приближен к оригиналу. В русском тексте происходят некоторые изменения. Это могут быть изменения смысловых акцентов. Так, например, в английском варианте, перечисляя, кем мог бы стать ее муж, героиня произносит фразу: «You could have been head president, head king, or even head doctor, or head general, if you had wanted to, if only you'd had a little ambition in life…» [6, с. 114]. (Ср.: President chef, Roi chef, ou même Docteur chef, Maréchal chef).

В русском тексте фраза приобретает иное звучание, за счет изменения последовательности «притязаний» персонажа: «Ты мог быть и главным президентом, и главным королем, и главным маршалом, и даже главврачом, будь у тебя хоть немного честолюбия...» [2, с. 47].

Возможны изменения и в самой номенклатуре «притязаний» героя как в переводе следующего отрывка: «If you had had a little ambition in life you could have been head king, head journalist, head comedian, head general…» [6, с. 116].

В русском варианте: «Тебе бы еще честолюбие, и был бы ты главным императором, главным редактором, главным доктором, главным маршалом...» [2, с. 49].

Изменяется в русском переводе и перечень гостей-стульев, которые должны прийти к Старику и Старухе. Сравним:

Old Woman: Then, it really is for this evening? And have you invited everyone, all the characters, all the property owners and all the intellectuals? <…> The janitors? the bishops? the chemists? the tinsmiths? the violinists? the delegates? the presidents? the police? the merchants? the buildings? the pen holders? the chromosomes?	*Старушка*: Неужели и впрямь сегодня вечером? А ты всех пригласил? Именитых? Даровитых? Владельцев? Умельцев? …Охранников? Священников? Химиков? Жестянщиков? Президентов? Музыкантов? Делегатов? Спекулянтов? Хромоножек? Белоручек?
Old Man: Yes, yes, and the post-office employees, the inn-keepers, and the artists, everyone who is a little intellectual, a little proprietary! [6, с. 121].	*Старик*: Обещали быть все – службисты, кубисты, лингвисты, артисты, все, кто чем-то владеет или что-то умеет [2, с. 52].

Данный пример, так же как и предыдущие, наглядно демонстрирует, что перевод одной знаковой системы в другую – это не только смена означающего, но и интерпретация означаемого, которая может быть разной в зависимости от того, кто переводит и с какой целью. По-видимому, автор русского текста, стараясь охватить разные концептуальные сферы, разный опыт и желая сделать, тем самым, текст пьесы символическим, использует накладывающиеся друг на друга характеристики социума. Опыт героев упорядочивается благодаря

определенной стандартизации, которая достигается, в том числе, за счет рифмы.

Интересно, что рифма используется переводчиком неоднократно на протяжении пьесы, что дает возможность «комического заострения» образа и коммуникативной ситуации как в следующем отрывке:

Старушка: Что же там было, детка, и кто?
Старик: Чудное место, ходили без манто.
Старушка: Такая жарища? Нет, что-то не так!
Старик: Что же еще? В голове кавардак...
Старушка: Не напрягайся, детка, а то...
Старик: Все так далеко-далеко... я не могу... Где же было это?
Старушка: Что?
Старик: Да то, что... то, что... где же было это и кто? [2, с. 51–52].

Приведем пример коммуникативной ситуации из английского перевода, когда Старик, по просьбе Старухи, рассказывает смешную историю. В конце истории оба смеются, поэтому разобрать можно лишь обрывки фраз:

Old Man and Old Woman [*laughing together*]:
At last we laughed. Ah! … laughed … arrived … arrived … Ah! … Ah! … rived … arrived … arrived … the idiotic bare belly … arrived with the rice… arrived with the rice… [*This is all we hear*] At last we … bare-bellied … arrived … the trunk … [*Then the Old Man and Old Woman calm down little by little*] We lau .. Ah! … aughed … Ah! … arrived… Ah! … arrived… aughed… aughed.

Old Woman: So that's the way it was, your wonderful Paris [6, c. 117].

В русском переводе, в связи с особенностями русской поэтической культуры, игра слов усиливается за счет омонимии и за счет несколько измененного текста русской скороговорки, диктующей манеру произнесения. Сравним:

Старики (заливаясь, вместе):
Сме... я... змея... на дворе дрова... в руке топор... над дровами пар... с топором паришь...

Старушка: Вот он твой Париж! [2, с. 49].

В переводе М. Кожевниковой, как мы можем видеть, усиливается балаганность происходящего. Персонажи-паяцы в утрировано-

комической манере разыгрывают буффонаду, напоминая читателю слова Жака, одного из персонажей комедии В. Шекспира «Как вам это понравится» («As You Like It») о том, что мир – это сцена, на которую люди выходят играть свои многочисленные роли:

All the world's a stage,
And all the men and women merely players;
They have their exits and their entrances,
And one man in his time plays many parts… [7, с. 213].

В постановке С. Юрского эта же мысль подчеркивается с помощью других знаков: актеры используют грим и выглядят как клоуны. При встрече каждого нового «гостя» актеры меняют детали костюма: для встречи юной дамы Старик надевает фрак, а его жена – шляпку с пером. При встрече полковника на Старике высокая шляпа, напоминающая французскую двууголку, и деталь камзола, который было предписано носить французской пехоте. Свою первую любовь Старик встречает в берете и белой манишке и т. д. Смешная история, которую разыгрывают герои на сцене, иная по сравнению с переводом М. Кожевниковой, однако означаемое остается тем же самым: «Весь мир – театр».

Многочисленные варианты кодирования означаемого при интерсемиотическом переводе помогают уточнить и социальный статус опыта. Так, герои играют по мере развития пьесы несколько социальных ролей. Среди них роли мужа и жена; хозяина и хозяйки; актера и зрителя; ребенка и родителя и др.

Каждая социальная роль – это знак, где есть означающее и означаемое. Означающим для роли матери, например, являются используемые героиней обращения «my darling», «my little one» и др. (Ср.: «душенька», «деточка», «детка»); реплики о том, что мама рядом: «Here I am, what are you afraid of…I'm your wife, I'm the one who is your mother now» [6, с. 117–118]. Ср.: «Я с тобой, чего тебе бояться? ... Я тебе и жена, и мамочка» [2, с. 49–50].

Семирамида делает замечания своему мужу как взрослый, более опытный человек: «You shouldn't lean out, you might fall into the water … You must be careful…» [6, с. 113]. (Ср.: «Не перевешивайся так, а то в воду упадешь… Надо быть осторожнее» [2, с. 46]). Кроме того, эксплицирует содержание знака и поведение персонажей: Старуха гладит Старика по голове, баюкает, вытирает Старику нос и слезы;

Старик садится на колени к Старухе, плачет, капризничает. Приведем следующий отрывок:

Old Man [sobbing his mouth wide open like a baby]:
I'm an orphan… dworfan.

Old Woman [trying to console him by cajoling him]:
My orphan, my darling, you're breaking my heart, my orphan.
[She rocks the Old Man who is sitting on her knees again.]

Old Man [sobbing]:
Hi, hi, hi! My mamma! Where is my mamma?
I don't have a mamma anymore. <…>

Old Woman [still rocking him]:
My pet, my orphan, dworfan, worfan, morfan, orphan.

Old Man [still sulky, but giving in more and more]:
No…I don't want; I don't wa-a-a-ant.

Old Woman [crooning]:
Orphan-ly, orphan-lay, orphan-lo, orphan-loo. <…> [6, с. 118].

На протяжении всей пьесы герои ждут Оратора, который должен «выразить невыразимое». В финале Оратор появляется, но оказывается глухонемым. Он мучительно пытается произнести что-то, размахивает руками, тщетно стараясь быть понятым. Однако ничего не выходит, и Оратор пишет на черной доске сначала ANGEPAIN, что в английском тексте получает выражение ANGELFOOD. После этого Оратор пишет сочетания букв: NNAA NNM NWNWNW V (в английском тексте этот набор букв сохраняется).

ANGEPAIN в переводе с французского означает «хлеб для ангелов». Это то, чем становятся герои в конце жизненного пути. Кажущиеся на первый взгляд бессмысленные сочетания NNAA NNM NWNWNW V соответствуют английскому 'yum-yum', французскому 'miam-miam' и русскому 'ням-ням'. Так Э. Ионеско напоминает читателю и зрителю об участи каждого на земле: чередование рождения и смерти, смена поколений, поиск смысла жизни. Все это, имея цель, оказывается бесцельным: ничего невозможно достичь и ничего невозможно упорядочить. Люди, поколения сменяют друг друга, становясь своего рода «пищей для богов».

Широко открытая центральная дверь на фоне черной стены, на что указывается в ремарке, усиливает осознание того, что поиск

и ожидание героев ни к чему не приводит: «The main door is wide open onto darkness» [6, с. 160].

Согласно философии супрематизма, разработанной К. Малевичем и воплощенной им в картине «Черный квадрат», темнота – это «знак-приглашение к бесконечному углублению в нее – в Нуль, в Ничто; или – в себя» [4]. Так и Э. Ионеско, рассчитывая на то, что читатель декодирует означаемое, приглашает в темноту – «в себя». А гул невидимой толпы (смех, шепот, покашливание и т. п.), звучащий по замыслу драматурга на протяжении всего времени, пока опускается занавес и расходятся зрители, позволяет «включить» в непрерывный поток приходящих в этот мир и уходящих из него, и невидимых гостей, заполнивших всю сцену, и зрителей.

В спектакле С. Юрского Оратор пишет по доске сочетание ПРЩЙТ, повторяя финальную фразу героев. В постановке Р. Крюкова означаемое «невозможность постичь смысл жизни» получает несколько иное означающее. Вместо бессмыслицы Оратор рисует на зеркальной дверце шкафа знак бесконечности и формулу воды как символ вечности бытия и вечности поиска смысла жизни.

Рассмотренные нами английский и русский переводы пьесы Э. Ионеско «The Chairs», а также театральные постановки С. Юрского, Р. Крюкова, В. Ваганова являются иллюстрациями индивидуального стиля интерпретирующего. С одной стороны, все это – переводы – переходы из одной знаковой системы в другую, с другой – это разные интерпретации. При этом и пьеса, и ее переводы, и сценическое воплощение рассматриваются нами как дискурс в самом широком значении этого слова: как коммуникация, осуществляемая в ситуациях вербального и невербального общения, эксплицитно выраженная и имплицитно подразумеваемая.

Знаковая природа коммуникации самого разного рода предопределяет тот факт, что в любой коммуникативной ситуации означаемое сводится к членению опыта, оно едино, а означающее может быть самым разным, начиная от фонемы и заканчивая (в нашем случае) театральной постановкой. Это позволяет уточнить смысловой потенциал знака (знак как означающее, означаемое и обобщающее опыта), что, в свою очередь, позволяет определить основу единого смыслового кода, способствующего уподоблению отдельных характеристик опыта, т. е. обнаружению этих характеристик через уподобление.

Вспомним слова Г. Лейбница, который говорил о необходимости изучать знаки, что приводит к пониманию сущности вещей: «Никто не должен бояться, что наблюдение за знаками уведет нас от вещей: напротив, оно приводит нас к сущности вещей» [5, с. 37].

Социосемиотический подход, делающий акцент на всех сферах деятельности и отношениях человека, способствует более глубокому осмыслению взаимоотношений между знаками, которые обеспечивают структуру и функционирование высказывания на любом из трех уровней: лингвистическом, прагматическом и коммуникативном. Это, в свою очередь, расширяет существующее знание о сущности лингвистического знака и его связи с окружающей действительностью, превращая тем самым исследование познания и способов его организации средствами языка в поле действия социопрагмалогики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ионеско Э.* Театр Абсурда будет всегда // Собр. соч. Носорог: Пьесы. Проза. Эссе [Текст]: пер. с фр. / сост., предисл. и примеч. М. Яснова. – СПб. : Симпозиум, 1999. – 608 с.
2. *Ионеско Э.* Стулья // Лысая певица: Пьесы [Текст]: пер. с фр. / предисл. Г. Зингера. – М. : Известия, 1990. – С. 45–83.
3. *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкоз. РАН. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
4. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/303812/read

УДК 811.161.1

Н. В. Лучкина

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка № 1, Ростовский гос. мед. ун-т; e-mail: luchkina7@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИСКУРСА ПРЕДМЕТНОГО МИРА РУССКИХ

Целью статьи является исследование особенностей дискурса предметного мира русских. В статье рассматриваются такие понятия, как *повседневная жизнь*, *предметный мир русского человека*, *уют и комфорт*, *дискурс предметного мира* как некая смысловая коммуникационная система. Вещи, являясь феноменами культуры, аккумулируют в себе жизненный уклад людей, их социально-психологические установки, эстетические запросы и приобретают аксиологическую значимость. На примерах из художественной литературы демонстрируется связь вещей с их обладателями, что позволяет рассматривать предметный мир как скрытую сложную систему, имеющую национальную специфику. Обращается внимание на двойственное отношение человека к вещам: с одной стороны, он понимает их бренность, а с другой – личные вещи человека способны вступать с ним в трансцендентные отношения.

Ключевые слова: повседневность; дискурс; предметный мир русских; культура.

Luchkina N. V.

Ph.D., Head of the Russian Language Department № 1, Rostov State Medical University, Rostov; e-mail: luchkina7@mail.ru

ON THE PECULIARITIES OF THE RUSSIAN PHYSICAL WORLD DISCOURSE

The article discusses such concepts as *daily life*, *the physical world of a Russian man*, *coziness and comfort*, *the discourse of the physical world* as a semantic communication system. Things as phenomena of culture accumulate the way of life of the people, their social and psychological attitudes, aesthetic needs and acquire axiological significance. Examples from the literature demonstrate the connection of things with their owners, which allows the researcher to consider the physical world as a hidden complex system having national identity. Attention is drawn to the ambivalent attitude of the person to things: on the one hand, he understands their frailty, and on the other hand, personal belongings can participate in transcendental relationships with its owner.

Key words: daily life; discourse; the physical world of Russians; culture.

В последнее время появляется много исследований на тему семиотики материальной культуры; организации предметного пространства, которое трактуется как одно из важнейших проявлений повседневной жизни человека; социокультурных особенностей повседневного пространства. Когнитивные и лингвокультурологические исследования становятся все более актуальными в условиях тесных межкультурных коммуникационных контактов. Особую значимость при изучении культуры другого народа они приобретают, если это вызвано необходимостью получения образования или трудоустройства в другой стране, сменой местожительства.

Желая лучше понять предметные реалии российской жизни, обратимся к таким понятиям, как «повседневность», «предметный мир русского человека», «уют и комфорт», «дискурс предметного мира». Учитывая многозначность ключевых понятий – «повседневность» и «дискурс» – дадим им определения. Повседневная жизнь в философско-культурологическом смысле рассматривается как «пространственно-временной континуум, наполненный вещами и событиями» [8, с. 6].

Предметный мир как важнейшая составляющая повседневности представляет собой невербальное поле национальной культуры. Вслед за Г. Г. Шпетом мы полагаем, что «любое чувственное восприятие любой пространственной и временной формы, любого объекта и любой длительности может рассматриваться как знак и, следовательно, как осмысленный знак, как слово» [20, с. 381–382]. Различают семиотику, изучающую знаковые системы вербального характера, и семиотику материально-пространственной предметной среды, которая изучает знаковую общественно-историческую семантику бытовых реалий. Невербальный «текст» читается на основе культурно-исторических ассоциаций. «Любые предметы, по мнению Р. Барта, могут стать сообщением, если они что-либо значат» [3, с. 73]. Дискурс, образующий социальное поле человеческой деятельности, может быть выстроен при помощи материальных объектов, если они несут некую информацию. Таким образом, дискурс предметного мира может рассматриваться как целостная смысловая коммуникационная система, говорящая с нами на особом языке. Для обеспечения понимания надо владеть этим языком, что связано с разного рода трудностями. Даже в том случае, если люди принадлежат к одной культуре, но к разным поколениям, могут возникнуть трудности в общении и в понимании

художественных текстов. Каждая эпоха и социальная группа в рамках одной национальной культуры накладывают отпечаток на все вещи, им принадлежащие. При сравнительном анализе бытовых реалий разных временны́х периодов проявляется диахроничность семантики предметного мира. В своем рассказе «Однозвучный жизни шум» Д. Драгунский говорит о том, что нужен большой и подробный «Словарь русских реалий» и перечисляет некоторые из этих реалий, бытовавших в относительно недавнем прошлом: «Газировка с сиропом! Шкаф «Хельга»! Привинченный к стене телефон с привязанным на ниточке карандашом! Билеты на последний сеанс в последний ряд! … Отдельная малогабаритная квартира! Гарнитур! … Банка с вареньем с наклеенной бумажкой «Вишня 1967 г.». И в конце писатель задается вопросом: «Жизнь, зачем ты мне дана? Неужто для того, чтобы вспоминать, какой ты была еще совсем недавно?» [5, с. 59–60].

Особенности предметного мира русских исследовались с привлечением примеров из современной русской литературы, что позволило проиллюстрировать сделанные теоретические выводы.

Названия предметных реалий разных эпох и народов будут поразному компоноваться в их языковых картинах мира, так как одни из них будут нести бóльшую смысловую нагрузку и составлять ее ядро – другие будут видоизменяться, подстраиваясь под модные тенденции своего времени или отражая вкусовые пристрастия их обладателей, и располагаться на периферии. Если нам нужно будет назвать слова, обозначающие наиболее важные предметные реалии русской языковой картины мира, то это, безусловно, будут *дом*, *стол*, *кухня*, *источник света* (*лампа*, *свеча* и т. д.). Антропоцентризация мира позволяет рассматривать дом как одушевленное существо, во многом похожее на человека: «Дом – это внутреннее, обжитое человеком пространство мира, окруженное хаосом, это как бы двойник человека: кухня – это чрево, окна – глаза, лестница или крыльцо – ноги и т. д.» [9, с. 235].

В 2001 г. была опубликована монография И. А. Разумовой «Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История», которая представляет собой первое в отечественной науке исследование устной словесности современной российской семьи. Тексты были записаны в 1995–2000 гг. в городских и сельских семьях северо-запада России. Отдельная глава монографии посвящена символике домашнего уюта, мифологизации предметов городского быта, семейным реликвиям. В этой главе констатируется, что слово «дом» традиционно

в русской культуре использовалось как синоним слова «родина». Кровно-родственное единство соответствовало пространственному. «Дедовский дом» стал устойчивым топосом в семейных рассказах, преданиях, воспоминаниях, в литературной мемуаристике. Из числа всех предметов интерьера в монографии И. А. Разумовой выделены стол, очаг и источник света. «Стол (= престол, домашнее святилище), очаг и источник света составляют основную символическую триаду, которая отождествляется с домом, уютом, родственным кругом, и воплощают идею “святости семейного очага”. Эта идея имеет глубокие лингвистические основания» [12, с. 154].

Приглашение гостя прийти на огонек и пообщаться с ним на кухне – знак расположения и доверия к человеку. Ритуал гостеприимства в русском доме, кроме обильного угощения, включает демонстрацию фотоальбомов, слайдов, домашнего видео, книг, сувениров из других стран, где удалось побывать хозяевам и т. д.

Чем предопределяется отношение русских людей к предметам материального мира? Здесь можно назвать две основополагающие причины. Первая – это принадлежность к православной культуре. У многих людей существует убеждение в том, что сосредоточенность на мирском и тленном не дает радости человеку, это – суета, и ничего, кроме суеты и усталости, человек на пути стяжания богатства не получает. Русская пословица гласит: «У гроба карманов нет». Русская духовно-нравственная традиция признает духовное и материальное равно неотъемлемыми частями человеческого бытия, отдавая приоритет духовному над материальным, а к вещам предписывая бережное отношение. Вторая причина – особенности пути исторического развития России, который обусловил представление россиян о тщетности их усилий по благоустройству своего материально-пространственного бытия. Одной из главных проблем России Н. Н. Зарубина называет «неустойчивость повседневности, которая из сферы стабильности, прибежища от хаоса и неопределенности превращается в зону риска и дискомфорта» [6, с. 54]. Она подчеркивает, что эта ситуация существует столетиями. И на этот счет тоже есть пословица, например: «От тюрьмы и сумы не зарекайся». Накладывает ли это отпечаток на взаимоотношения человека с окружающими его предметами? Несомненно. Н. А. Бердяев называл Россию самой небуржуазной страной в мире. Работа над постоянным улучшением повседневной жизни всегда казалась русскому человеку недостойной его внимания. Российская

повседневность, по словам Н. А. Бердяева, «не любит красоты, боится красоты, как роскоши, не хочет никакой избыточности» [4, с. 21].

Хорошей иллюстрацией разницы менталитетов может служить следующий анекдот:

– А какая она, Америка?

– Америка – она как... офисный стул! Удобно, функционально, везде рычажки и ручечки, можно под себя настроить. Но скучно.

– А какая Англия?

– Англия – она как старое кожаное кресло. Неповоротливое, тяжелое, где-то протертое, где-то дырявое. Но уютное! И неповторимый запах...

– А Россия?

– Россия? Хм. Садовая скамейка. Жестко. Занозы. Дует. НО!!! на ней вырезаны наши имена [2].

Безусловно, предметный мир русских, как во всем мире, подвержен трансформации, обусловленной научно-техническим прогрессом. Но как в прежние времена Л. Н. Толстой задавался вопросом о том, делает ли цивилизация человека счастливее, так и в наше время этот вопрос не утрачивает своей актуальности. Более того, те предметы, которые облегчают быт человека, служат средством поиска информации, обеспечивают скорость коммуникации, т. е. разного рода технические новинки, не вызывают у их обладателей сильной привязанности. На смену прежним моделям быстро приходят более усовершенствованные.

Сравнительные социальные исследования базовых ценностей россиян показывают, что за последние десятилетия материальные блага начинают лидировать. Люди учатся ценить бытовой комфорт, а зарабатываемые денежные средства расходуют на обеспечение себе этого комфорта [1]. На российском телевидении появляются новые телепередачи о благоустройстве жилья и приусадебных участков, например: «Квартирный вопрос», «Мир ремонта», «Усадьба» и др.

Известна нелюбовь русского человека к чтению инструкций по использованию чего-либо и следованию этим предписаниям. Особенно трудная ситуация бывает связана с пользованием предметами, далекими от наших интересов. Так, в романе Майи Кучерской «Тетя Мотя» героине на свадьбу дарят кухонную утварь: миксер, электрическую мясорубку, несколько разнокалиберных сковородок, мисок, кастрюль, сверкающие инструменты неизвестного назначения. На

коробке с незнакомыми ей предметами героиня читает: *Ghidini* – и воспринимает это на эмоциональном уровне как имя своего врага, бога, которому надо было покориться. «Сколько неизвестных слов и понятий она выучила в те героические недели, сколько нового узнала, впервые открыв для себя, чем ростбиф отличается от шницеля, а гуляш – от антрекотов, что значит “толстый край”, “оковалок” и слово, за внешним легкомыслием таящее издевку, – “голяшка”!» [7, с. 11]. Кухня не была ее стихией, и от кулинарного рабства ее спасает дефолт, позволивший перейти на картошку и макароны.

Люди, хорошо знакомые с российской действительностью, с легкостью назовут те реалии, которые будут свидетельствовать о благосостоянии человека и о его социальном статусе. Причем семиотические ряды будут меняться в зависимости от эпохи. Сравните: *изолированная квартира – ковры – хрусталь – музыкальные центры – подписные издания … и благоустроенный дом – предметы искусства в интерьере – дача – престижная иномарка…*

Принадлежность к «сливкам общества» угадывается по тем вещам, которыми владеет человек. Так, у обозревателя светской хроники Б. Рынска в книге «Слава Богу, я – VIP», имеющей подзаголовком «Исповедь гламурной грешницы», читаем: «Сумки “Биркин” – абсолютное женское счастье. Наша женская версия “жизнь удалась”. И чем больше удалась, тем больше “Биркиных” разного цвета» [13, с. 103].

Главный герой повести Ю. Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова» определяет социальный статус незнакомой ему пышной дамы лет пятидесяти, выезжающей в составе туристической группы в Париж по ее одежде: «Одета она была в тот типичный импортный дефицит, который является своеобразной униформой жен крупных начальников» [11, с. 43]. Герой утверждается в своей догадке по поведению руководителя группы и внешнему виду женщины в том, что «вновь прибывшая дама – жена большого человека. Именно жена, для самодостаточной начальницы на ней было слишком много золотища и ювелирщины» [11, с. 43].

Владельцы вещей вступают с ними порой в особые отношения, которые могут ими самими не осознаваться. Иногда человек эмоционально привязан к каким-нибудь безделушкам, которые не имеют никакой материальной ценности, но почему-то человек не может с ними расстаться. Удачную метафору использовала Л. Улицкая для своего сборника автобиографической прозы и эссеистики – «Священный

мусор» [18]. Эти вещи можно назвать именно так – *священный мусор*. В большинстве своем русские люди неохотно расстаются с привычными для них вещами, и, если хорошенько покопаться в шкафах и ящиках их письменных столов и комодов, можно найти много «реликвий». Там можно обнаружить и октябрятскую звездочку, и грамоту за отличное окончание первого класса, и камешек с черноморского побережья, и открытку любовного содержания, написанную тринадцатилетним одноклассником…

Эмоциональное воздействие могут оказывать предметы, особым образом организованные, что позволяет говорить об уюте. Это понятие вошло в качестве концептуального в «Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова как слово очень важное в современном русском быту. Анализируя это слово, Ю. С. Степанов находит, что в пушкинской поэзии слова «уютный» и «укромный» были почти как полные синонимы, и делает заключение, что понятие уюта у современного русского человека так же, как и у Пушкина, «ассоциируется со “своим”, только себе принадлежащим небольшим пространством, как-то отгороженным от внешнего мира и, в противоположность последнему, – где веют ветры, происходят какие-то волнения … защищенным “уголком”, где тепло, где покой и не снуют посторонние люди» [15, с. 694]. И хотя С. И. Ожегов в своем Словаре русского языка определяет *уют* как удобный порядок, приятную устроенность быта, обстановки, а *комфорт* как условия жизни, пребывания, обстановки, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют, на наш взгляд, слово «уют» вполне обоснованно было включено Ю. С. Степановым в число концептов, характеризующих русский быт. Уют более личностен, индивидуален, нежели комфорт. Комфорт интернационален, поэтому, например, удобства многих отелей в разных странах схожи. А уют имеет национальную специфику, отличается своими особенностями, дорогими людям бытовыми подробностями. Эти особенности могут не нравиться другим, могут вызывать непонимание, а порой, может быть, провоцировать культурный шок. Так, герой рассказа А. Серова «Хозяин» обустраивает себе уютное пространство совершенно в невероятных условиях – на заводе: «Иногда он вовсе не уходил с завода, ночевал на бушлатах, удобно сложенных на трубах парового отопления. В полутьме огромного помещения, где скоро всё начнет греметь, сверкать и двигаться, было тепло, уютно» [14, с.1].

Во взаимоотношениях человека с миром материальных объектов все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Порой вещи начинают диктовать человеку способы общения с ними, превращая некие действия в ритуальные. Так, в рассказе О. Николаевой «Человек в интерьере. Кабинет писателя» у хозяйки с появлением в кабинете ковра началась новая жизнь. Вот как она говорит об этом: «Я положила себе за правило: что бы ни было, я должна каждое утро вычистить весь ковер жесткой маленькой щеткой. Если я почему-либо это не сделала, значит, что-то со мной не так. И наоборот: если с жизнью что-то не так, то есть “все погибло” и “все пропало”, прежде всего надо вычистить ковер жесткой маленькой щеткой» [10, с. 335]. Некоторые вещи, находящиеся в кабинете писательницы, никогда не исполняли своего функционального назначения, превратившись в символ. Так, например, золотой самовар символизирует мечту хозяйки о нормальной жизни. «Когда можно поехать на дачу. Растопить его шишками и сучками и потом долго-долго, по-чеховски нудно пить чай, отгонять от варенья мух и лениво поправлять на плече шаль, постепенно обрастая детьми, внуками, всякими там невестками, снохами, зятьями и кумовьями» [10, с. 341]. Но дачи у хозяйки кабинета нет и времени на долгие чаепития тоже, поэтому невостребованный самовар пребывает в ее кабинете как вещь в себе. А в конце рассказа мы узнаем о том, что и сам кабинет используется хозяйкой для разных нужд, но только не по назначению. В нем играют дети, пьют чай знакомые, ночуют приезжие друзья, а сама хозяйка работает ночью на кухне, где нет ничего: «Ни большого письменного стола, ни мягкой лампы, ни полок с книгами, ни картин: только черный квадрат окна перед глазами да обнаглевшие тараканы вокруг» [10, с. 350].

Здесь можно назвать еще одну особенность дискурса предметного мира русских – их двойственное отношение к вещам. С одной стороны, человек понимает бренность окружающих его вещей, с другой – они могут многое сказать его сердцу. Слова писательницы, обеспокоенной будущим своих вещей, как нельзя лучше показывают глубину отношений хозяина с его вещами и доказывают, что наш предметный мир составляет сложную систему, понятную порой извне не до конца, многое скрывающую от посторонних глаз. Она говорит о том времени, когда дети «Разгребут это скопище как бы бессвязных и бестолковых вещей, разъединят их: что-то выкинут на помойку, что-то – раздарят, что-то приспособят для себя самих» [10, с. 350]. Это авторское «как бы» дает

нам понять: и связь, и толк в интерьере кабинета, безусловно, присутствуют. Кабинет говорит языком предметов, его составляющих. «Кое о чем он говорит прямым текстом, кое о чем – проговаривается, но о большем – умалчивает, скрывает» [10, с. 350]. Но в словах писательницы сквозит сожаление не о физическом исчезновении ее вещей – это понятно, что они исчезнут, а о том большем, что они аккумулировали и что было важным для нее. Она говорит об этом так: «…эти вещи – не есть я, это даже не моя жизнь, в которой были, возможно, более важные для нее люди, события и сюжеты» [там же].

Материальные предметы способны вступать с человеком в трансцендентные отношения и выводить его на более высокий и тонкий уровень миросозерцания и мировосприятия. Это прекрасно дано понять в повести Т. Толстой «Легкие миры». Ее героиня покупает в Америке дом, который представляет собой «*длинный серый недостроенный сарай с протекающей крышей, спрятанный в глубине заросшего, запущенного участка в непрестижном сельском углу*» [16, с. 23]. Заставляет ее приобрести достаточно неудобное дорогостоящее жилье то обстоятельство, что недостроенная веранда, с которой открывался чудесный вид на зеленый сад, дает возможность выхода в «другие миры». Героиня понимает, «что эта нелепая, чудесная постройка, эта воздушная, прозрачная коробка, обещавшая выход в легкие миры, застряла в здешнем, тяжелом и душном» [16, с. 23]. Героиня ощущает ту невидимую грань, переступая которую человек начинает иначе видеть и чувствовать. Человек, тонко чувствующий, может привносить трансцендентный смысл во внешнюю реальность и может извлекать его оттуда. Т. Толстая пишет: «*Я снимала ненужное мне теперь дорогостоящее жилье, где держала свой жизненный багаж, накопленный за три года жизни в Америке. Не бог весть что там было, но все же семья из четырех человек обрастает бренными предметами – бренными чемоданами и бренной посудой – со страшной силой. У нас даже был бренный стол и четыре совсем уж бренных стула*» [16, с. 23]. Этот отрывок позволяет нам обратить внимание еще на одну особенность отношения русского человека к предметному миру – ироничность. Пятикратное повторение эпитета *бренный* подчеркивает это ироничное отношение.

Люди, находясь в постоянном контакте с окружающими их в повседневной жизни предметами, способны одушевлять их путем духовного освоения. В. А. Маслова приводит слова А. Лосева о привычном

жилом пространстве человека: «Возьмите вашу комнату, в которой вы постоянно работаете. Только в очень абстрактном мышлении ее можно представить себе как нечто нейтральное вашему настроению и вашему самочувствию. Она то кажется милой, веселой, радушной, то мрачной, скучной и покинутой. Она есть живая вещь не физического, но социального и исторического бытия» [9, с. 236]. Можно здесь добавить: духовного бытия. Эта способность человека вступать в контакт с вещами зависит от степени их духовного освоения, что предопределяется его личной духовностью. Вокруг человека возникает некий «малый мир», в котором принадлежащие ему вещи вступают с ним в своеобразный диалог. «Человеческое» в вещи, по мнению В. Н. Топорова, обнаруживается благодаря «той ауре духовности и душевности, которыми человек добровольно и свободно делится с вещью, как бы умаляясь и снисходя к ней. Условия соглашения определяются самим актом передачи «человеческого»: вещь выигрывает в том отношении, что «заражается» человеческим, приобретая новое «вневещное» измерение помимо исходного фонового «вещного»; человек выигрывает в том, что распространяет «человеческое» и вне себя, с тем чтобы и вещь могла теперь свидетельствовать о нем и с большим правом включиться в процессы формирования ноосферы» [17, с. 92].

При глубоком постижении предметного мира человек может ощущать многослойность его бытия, о чем писал С. Франк в своей работе «Непостижимое» [19].

Итак, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Предметный мир как целостная сложная система, заключенная в определенные пространственно-временны́е рамки, имеет свою семантику и национальную специфику.

Отношение русских людей к материальным вещам во многом определяется православными традициями, а также особенностями исторического пути развития России. Неустойчивая повседневность делает предметный мир русских не вполне надежным прибежищем: все может измениться весьма быстро, поэтому, хотя привязанность к своим вещам у русских людей, безусловно, присутствует, но они не переоценивают их значимость.

Предметный мир в последние десятилетия быстро трансформируется благодаря научно-техническому прогрессу. Но далеко не всеми русскими людьми технические усовершенствования воспринимаются

как благо. И периодически возникает вопрос: а делает ли цивилизация человека более счастливым?

Вещи выполняют роль социального маркера в российском обществе, подчеркивая статус их владельца, принадлежность к определенным кругам общества.

Эмоциональное воздействие предметного мира на человека может проявляться в хранении им вещей, которые служат исключительно как память о дорогих сердцу событиях.

Важной характеристикой предметного мира русского человека является тот способ его организации, который позволяет говорить об уюте, причем уют не всегда ассоциируется у русских с порядком и красотой.

Особенностью дискурса предметного мира русских является их двойственное отношение к вещам: с одной стороны, они понимают их бренность, а с другой – личные вещи человека способны вступать с ним в трансцендентные отношения. Благодаря человеку «вещь обретает дар говорить не только о себе, но и о том, что выше ее и что больше связано с человеческим, нежели с вещным» [17, с. 93].

Если имеется в виду лишь физическая сторона предметного мира и функциональная значимость вещей, то можно обнаружить ироничное отношение русского человека к материальным ценностям.

Вещи, являясь феноменами культуры, аккумулируют в себе жизненный уклад людей, их социально-психологические установки, эстетические запросы и приобретают аксиологическую значимость. Обладая национальными специфическими особенностями, предметный мир может служить объектом изучения при исследовании культуры другого народа. Предметный мир способен многое рассказать нам о его обладателях: как об отдельном человеке, так и о народе в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреенкова А. В.* Изменения в образе жизни и ценностях россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cessi.ru/index.php?id=171
2. Анекдотов.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://anekdotov.net/anekdot/all/zdtnnnvrznnshmn.htm
3. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
4. *Бердяев Н. А.* Судьба России. – М. : МГУ, 1990. – 240 с.

5. *Драгунский Д. В*. Нет такого слова. – М. : РИПОЛ классик, 2010. – 416 с.
6. *Зарубина Н. Н*. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 52–62.
7. *Кучерская М.* Тетя Мотя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litmir.me/br/?b=157624

УДК 81'42-81'255.2

Л. А. Манерко

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики английского языка факультета «Высшая школа перевода», МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: wordfnew@mail.ru

МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИООБУСЛОВЛЕННОСТИ И МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ ЗНАНИЯ В ТЕОРИИ ДИСКУРСА

В статье рассматривается коммуникативная модель и социолингвистический подход как основа для появления новых моделей. Разработка теории дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяет применить понятие дискурса к описанию когнитивных механизмов в переводе, в котором концептуальное моделирование играет центральную роль. В работе раскрывается участие ментальных и языковых особенностей в процессе анализа и перевода отрывков поэтических произведений, которые зависят от специфики коммуникативного события, типа дискурса, социообусловленности и мультимодальности проецируемого знания.

Ключевые слова: теория дискурса; когнитивно-дискурсивная парадигма; мультимодальность знания; перевод; межкультурная коммуникация, социолингвистические факторы; концептуальная информация.

Manerko L. A.

Doctor of Philology, Professor; Head of the Department of English Theory and Practice, the Faculty of «High School of Translation»; Lomonosov Moscow State University; e-mail: wordfnew@mail.ru

MODERN TRANSLATION AND INTERPRETATION MODELS IN TERMS OF SOCIAL FACTORS AND MULTIMODALITY OF KNOWLEDGE IN DISCOURSE THEORY

The article reveals the communicative model and offers a sociolinguistic approach as the basis for the new models. The elaboration of discourse theory in the framework of cognitive-discursive paradigm allows to apply the concept of discourse to the research of cognitive mechanisms in interpretation, where the conceptual modelling plays the crucial role. The paper describes mental and language peculiarities in analysis and interpretation of poetic passages, which are influenced by the communicative event, type of discourse, multimodality and socially dependent factors in the projected knowledge.

Key words: discourse theory; cognitive-discursive paradigm; multimodality of knowledge; translation and interpretation; cross-cultural communication; sociolinguistic factors; conceptual information.

На сегодняшний день существует несколько известных моделей в общей теории перевода. Ими являются теория языковых соответствий, информационная, трансформационная, семантическая, ситуативная (денотативная) и коммуникативная модели. Наибольшую актуальность во второй половине XX в. приобрели последние три модели. *Семантическая модель* подразумевает идентичность или достаточно близкое подобие всех или некоторых смысловых элементов, составляющих содержание сопоставляемых текстов. Она строится с учетом компонентного анализа содержательных единиц языка и наличия регулярных межъязыковых соответствий [10, с. 20]. *В ситуативной* (*ситуативно-денотативной*) *модели* инвариантной основой выступает соотнесенность языковых единиц «с предметами, явлениями и данностями самой действительности» [4, с. 27], что непосредственно связано с поиском аналогов ситуаций и нужных форм обозначения [7]. В данной модели применяются термин «адекватность перевода», поиск соответствия при передаче оригинала, использование разных приемов в процессе сопоставления однотипных элементов ситуаций. Данные понятия оказались полезными и в других моделях перевода.

В *коммуникативной модели* процесс перевода рассматривается как акт двуязычной коммуникации, а переводчик является участником процесса коммуникации, выполняющим двойную функцию – получателя и отправителя информации. Переводческие явления рассматриваются с точки зрения их коммуникативной установки и ситуации или на основе вербальной / невербальной коммуникации [24]. Последняя разновидность коммуникативной модели, изложенная в работе Х. Киршхофф, предполагает два этапа. Первый (невербальный) этап, осмысленный в рамках теории смысла (théorie du sens), учитывает трудности психолингвистического плана (а именно – количество передаваемой информации в соответствии с когнитивными решениями); на втором этапе функциональная эквивалентность адаптирует создаваемый переводимый текст «к коммуникативным нуждам получателей информации в зависимости от социокультурного окружения» [24, с. 22]. К данной модели впоследствии добавляются семиотические отношения, которые «в семиотике определяются как синтаксические, семантические и прагматические. <…> Семантика, ситуация и функция составляют инвариантную основу высказывания на языках оригинала и перевода» [4, с. 29]. Сопоставление двух кодов и двух культурных общностей выводит данную модель на уровень

межкультурной коммуникации. Эта модель получает свое развитие в терминах концептуального уровня коммуникации посредством ее соотнесения с социокультурным окружением [25] и акустических и визуальных систем обработки данных в синхронном и последовательном переводах в матричной модели Ф. Пойатоса [26].

Учитывая, что наука о переводе не стоит на месте и на нее оказывают влияние исследования в интегрированных с лингвистикой областях знания и особенно положения когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, следует учитывать появляющиеся новые тенденции, описываемые учеными применительно к теории перевода. В статье обсуждаются новые модели и методики перевода.

1. Социолингвистическая процессуальная модель перевода Д. Коукли учитывает экстралингвистические и психолингвистические факторы, опираясь на следующие этапы в процессе перевода:

1) восприятие сообщения (на уровне синтаксического, семантического, контекстуального знания);
2) предварительный этап обработки данных (лексического багажа знаний, умение выделять синтаксические конструкции и долговременной памяти на исходном языке);
3) участие кратковременной памяти, заключающейся в выделении лексико-фразовых структур и предложений в зависимости от уровня дискурса;
4) поиск семантической эквивалентности (межъязыковых и межкультурных соответствий в долговременной памяти на переводящем языке);
5) формулировка синтаксически правильного сообщения в сознании переводчика в зависимости от социолингвистических факторов, опирающихся на лингвистическую компетенцию, лингвистические и социальные маркеры;
6) производство сообщения (на основе физических, психолингвистических и межмодальных употреблений) [22].

2. В описании механизмов перевода следует учитывать понимание дискурса как явления, относящего к коммуникации и когниции, имеющего дело с мультимодальностью знания, а именно – его получением, оперированием, переработкой и передачей информации [14, с. 10]. Понятие дискурса «не следует смешивать с языком данной социальной группы» [19, с. 108]. При описании дискурса необходимо обратить внимание на то, как именно конкретный автор участвует

в создании коммуникации в конкретных социально-исторических условиях, и что за каждой языковой единицей стоят различные знания (о мире, коммуникативном событии, лингвистические знания и предполагаемые знания адресата). При описании дискурса лингвисты начинают изучение текста с языковых средств, встречаемых в нем, затем, пытаясь рассмотреть механизмы речемыслительной деятельности конкретного автора, представляют процессы понимания и когниции данного индивида, опираясь на экстралингвистические факторы, которые могли повлиять на создание конкретного текста. В настоящий период развития науки о языке в ее когнитивно-коммуникативном направлении оформились методологические основы теории дискурса и апробируются способы и приемы изучения основ языковых и ментальных механизмов через явления категоризации и концептуализации. Е. С. Кубрякова в свое время отмечала, что систему языка следует понимать как проекцию «познанного человеком, как рефлекс его размышлений о мире и о языке, как совокупность средств, служащих описанию всего этого. Знание о языке и знание языка предполагает выделение разных единиц и категорий как составляющих системы. Они опосредуют его роль (т. е. языка. – *Прим. авт.*) в понимании мира и в фиксации структур опыта и знаний, мнений и оценок, в их хранении и возможности оперирования ими в сознании человека» [14, с. 22–23].

Дискурс предполагает разные виды актуализации речемыслительной деятельности человека, участие ментальных процессов и экстралингвистических факторов, он может быть передан и понят на основе множества факторов общающимися в коммуникативном семиозисе. На этой методологической основе разрабатывается концепция о различных типах дискурса, определяемых социально-историческими условиями и существующими стереотипами в организации речевых форм построения мысли [16, с. 63].

Попытаемся показать особенности построения дискурса художественного произведения на примере отрывка из цикла «Второй годовщины» («Second Anniversary», 1612, строки 122–126) Дж. Донна, а также то, как прочитывает реципиент подобный текст, и на чем может остановиться его внимание.

Shee whose complexion was even so made
That which of her ingredients should invade
The other three, no Fear no Art could guess:
So far were all remov’d from more or less.

Отметим важное замечание, высказанное О. П. Воробьевой, которая указала, что на современном этапе художественным и, в частности, поэтическим дискурсом, должна заниматься «когнитивная поэтика, или когнитивная теория изучения литературы» (a cognitive theory of literature)». Она «служит мощным инструментом раскрытия и объяснения когнитивных процессов и стратегий, лежащих в основе формирования и интерпретации художественного текста как продукта познающего разума (cognizing mind) в контексте физического и социокультурного миров его, текста, создания и восприятия» [5, с. 379].

Итак, восприятие этого небольшого поэтического отрывка как печатного кода осуществляется на основе распознавания отдельных графически оформленных комплексов (морфем и слов) и их проговаривание (внутреннее или внешнее) в составе каждой строки и затем строфы. Читающий выделяет ударения в соответствии с четырехстопным дактилем: ´- - ´- - ´- - ´, напоминающим героический куплет (aa, bb) как у Дж. Чосера в «Кентерберийских рассказах», учитывает особое написание слов начала XVII столетия, передающих долготу гласного или особенности произнесения согласных: *Shee whose complexion*... Л. С. Выготский указывал, что чтение представляет собой «психический процесс очень сложного порядка» [6, с. 169]. Действительно, это коммуникативная деятельность, которая направлена на получение информации, ее понимание и интерпретацию. Одновременно это и когнитивная деятельность, так как происходит первичное формирование «образа восприятия» для распознавания графических свойств речевых сигналов [15, с. 131]. Графические свойства как при чтении вслух, так и проговаривании про себя («внутренняя речь» по Л. С. Выготскому) сливаются с фонетическими признаками, к которым затем добавляются динамические характеристики звучащей речи (на уровне грамматики, элементарного синтаксиса и частично семантики) и отсылка к концептуальным элементам сознания. Восприятие зависит от лингвистических и психолингвистических характеристик отдельной языковой личности-реципиента [15, с. 134].

Следующий этап полностью связан с осмыслением информации, так как орфоэпические характеристики речи интегрируются с синтаксическими – сначала на уровне смысловых звеньев (внешних синтагм, двусловных сочетаний, явлений «малого синтаксиса») происходит соотнесение образа звучания с вероятностным семантическим коррелятом [8, с. 32–33]. По мере продвижения взгляда читающего

происходит постижение единиц «большого» синтаксиса, оформленного графически и грамматически, и, конечно, посредством определенного метра, рифмы и иных поэтических средств. На этом этапе концептуализации происходит сопоставление с теми данными, которые имеются у реципиента в его сознании и осмысление отдельного высказывания в зависимости от разных видов связности, помогающих уяснить референциальную функцию и функцию эстетического воздействия целостного текста.

Часть информации, представленная в тексте, становится более значимой, релевантной, а другая отходит на второй план, может стать фоновой информацией. Обработка информации от поступающих речевых сигналов и ее дальнейшая переработка осуществляется на уровне пропозиций, при «смыслоформулировании» возникает «общий смысл сообщения» [8, с. 33]. Это концептуальное знание диктуется некоторой предварительной установкой на восприятие целого текста в соответствии с поставленной целью прочтения (ознакомительное чтение, просмотровое чтение, филологическое чтение, чтение для дальнейшего перевода текста и т. д. Сразу следует обратить внимание на то, что последние два вида чтения отличаются друг от друга, хотя любой высококвалифицированный переводчик должен иметь хорошую филологическую подготовку). В связи с этим воспринятый текст подвергается анализу в зависимости от иерархии смыслов, которые опираются на контекстуальное знание, ассоциативные отношения, культурную осведомленность читателя и другие факторы, ведущие к более глубокому анализу. Этот этап важен для переводчика как когнитивный этап, так как осуществлялся от текста к мысли, в зависимости от стоящих за ними представлениями, являющихся содержательной частью концептуальной системы.

Речепродуцирование представляет собой иной процесс, здесь наблюдается стратегия перехода от мысли к слову и затем – к созданию текста, когда сообразно особенностям своей личности и условиям коммуникативного акта, а также реальному замыслу и цели, переводчик «следует одному из путей формирования внешнего высказывания» [13, с. 77]. Коммуникативное задание стимулирует активизацию сознания с целью приведения в действие механизмов речи, предусматривает задействование необходимых областей знания и построения концептуального аналога текста. На этом этапе из памяти извлекаются определенные языковые средства, на основе связей и отношений

в переводящем языке они «связаны с данным фреймом и представляют собой его языковые корреляты» [13, с. 60].

Представленный отрывок из произведения Дж. Донна имеет отношение к средневековому пониманию ингредиентов, формирующих темперамент и личность человека. Напомним, что в средневековую эпоху сильное влияние оказывала птолемеевская теория о четырех первоэлементах, которые включают воду, воздух, огонь и землю. Эта теория получила свое развитие в работах великого греческого врача Гиппократа, который отмечал, что каждый первоэлемент связан с «телесными соками», например земля связана с меланхолией (*melancholy*), вода – с флегмой (*phlegm*), воздух – с кровью (*blood*), огонь – с желчью (*choler*). И потому в данном отрывке речь идет не о цвете лица, а о совокупности тех жизненных соков, которые привели к созданию спокойного темперамента девушки, мысль об этом и представлена в стихотворном отрывке (см. об этом более подробно [23, с. 183; 17]). Вследствие указанного перевод стихотворения должен опираться на такие ключевые элементы, как *Shee, complexion, even made, three ingredients* и т. д. Именно они находят отражение в тексте перевода:

Та, чей характер был ровным создан,
Черты трех остальных ингредиентов намешал,
Не побоявшись искусности пророка,
Взял и удалил излишки, не спеша

(*Перевод автора статьи*).

3. Понимание сознания как необходимое условие онтогенеза языкового значения, представлений и смысла в речемыслительной деятельности человека, отражено в: а) концептуальной модели перевода Т. А. Фесенко и б) фреймовой модели перевода В. И. Хайруллина. Обе модели опираются на связи, которые переводчик устанавливает на структурно-семантическом уровне в плане выделения соответствий на уровне семантического значения и грамматической формы, а затем на основе сформированности смысла переводчиком создается понятие-образ, которое, отвечая авторскому замыслу, является понятным реципиенту другой культуры.

Концептуальная модель Т. А. Фесенко учитывает два основных понятия – процесс концептуализации (осмысления) получаемой информации и концепта. Концептуализация является «моделью понимания текста как результата естественной обработки языковых

данных» [12, с. 56–57]. В процессе концептуализации определяется цель и интенции автора, анализируются социальные рамки высказывания и особенности «коммуникативной среды» [20, с. 135]. Концепт представляет собой некоторую репрезентацию реальной действительности, проецируемой «после “когнитивной обработки” в языковой уровень сознания» в процессе переводческой деятельности, что обусловлено «психосемиотическими характеристиками переводчика» [20, с. 132, 133]. Подобная когнитивная обработка информации происходит на основе социокультурной, лингвистической, текстовой, концептуальной и коммуникативной констант. Социокультурная константа проявляется в максимальном сохранении культурных реалий, лингвистическая формируется речевыми и языковыми нормами и вербальными системами исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ЯП), а текстовая константа отражает жанрово-стилистическую специфику текста в обоих языках [20, с. 130–131]. Вместе с тем переводчику следует обратить внимание на *коммуникативную константу*, относящуюся к «коммуникативной адекватности» текста ЯП в контексте его ориентации на реципиентов, и *концептуальную константу* перевода. Последняя константа репрезентируется при переводе характером «ментальных операций … в границах вербальных систем определенных лингвокультурных сообществ», взаимодействием ментальных пространств автора оригинала и «когнитивно-психологическими структурами мышления переводчика» и, наконец, «лингвоментальными моделями» исходного текста (ИТ) и концептуального текста [20, с. 130; 135].

Модель, предложенная В. И. Хайруллиным, дополняет модель Т. А. Фесенко. Эта модель учитывает влияние культурных факторов при переводе. «При передаче культуральных факторов в переводе текста фреймовые термины либо заполняются теми же элементами, что и в исходном тексте, либо элементами той культуры, к которой принадлежит реципиент перевода (пользователь)» [21, с. 14]. Ментальное пространство оригинального текста и затем текста перевода строится в соответствии с фреймовым конструированием концептов на основе семантики элементов из отрывков исходного и переведенного текстов.

4. Существует также ряд исследований, которые обращают внимание на ассоциативно-образную структуру перевода и участие переводческих трансформаций [1], явление типологической доминанты,

помогающей выделить консонансный и диссонансный типы перевода [2], содержание и форму произведения перевода на основе перестраивающего и воссоздающего типов [9].

На таком комплексном подходе строится интегрированная когнитивная методика сопоставления оригинала и перевода [18]. Она позволяет понять многие факторы, начиная от социолингвистических и культурологических и заканчивая когнитивными и функциональными, которые оказывают влияние на то, как осуществляется переводческая деятельность. Анализ перевода оригинала англо-шотландской баллады «Thomas of Erceldoune» из Торнтского манускрипта, выполненного С. В. Шабаловым, и варианта баллады из книги В. Скотта, созданного С. Я. Маршаком, описывается в исследовании Д. В. Бердниковой [3]. Этот анализ показал, что переводчики следовали разным стратегиям, имели разные цели и задачи. С. В. Шабалов следовал жанровыми требованиями передачи концептуально-смысловых констант англо-шотландского текста баллады. В переводе репрезентируется своеобразие языковой объективации поэтической идеи оригинала: двухчастность его композиции, обусловленная развитием двух тем (любовь смертного к представительнице «Иного мира» и путешествие по волшебному миру, выполненному в кельтских традициях). Структура перевода отображает межстрочные и межстрофические связи, а также все типологические параметры оригинала. Поэтичность текста перевода полностью согласуется с поэтичностью баллады «Thomas of Erceldoune», что в целом говорит о консонансной освоенности и транслированности смыслов и структуры оригинала, поэтому перевод С. В. Шабалова является консонансным и воссоздающим типом перевода. Выбранные С. В. Шабаловым принципы работы над текстом перевода первоисточника состояли в максимально приближенном, почти дословном переводе, в нем наиболее полно представлена типологическая доминанта (поэтичность и идейно-эмотивная основа) оригинального текста англо-шотландской баллады.

В своем переводе варианта баллады из собрания В. Скотта «True Thomas» С. Я. Маршак опирается на экспрессивную составляющую, которая является основополагающей для жанра лирической средне-английской баллады. Такая стратегия перестраивающего перевода относит произведение к диссонансному типу перевода, который характеризуется максимально редуцированной типологической доминантой оригинального текста. Переводчик, используя адаптацию как

основной переводческий прием, репрезентировал концептуальные структуры английского культурного пространства по алгоритму ментальных моделей русской культуры, т. е. он представил тот «образец»-проекцию христианской модели, который сложился в сознании носителей русского языка, а не кельтские характеристики. С. Я. Маршак создал завершенное самостоятельное произведение, в котором ему как переводчику удалось передать основные элементы концептуального пространства английского текста, в большей степени уйдя от конкретных реалий, обобщив их для того, чтобы познакомить русского читателя с сокровищницей англо-шотландского миропостижения средствами приближения к русскоязычной культуре. Перевод англо-шотландской баллады В. Скотта «True Thomas» можно назвать выполненным «по мотивам» баллады.

Таким образом, в статье были представлены современные подходы в теории перевода. Они направлены не только на то, чтобы показать, что перевод является коммуникативной, но и когнитивной деятельностью, направленной на раскрытие социообусловленных механизмов, участвующих в создании текста оригинала и затем перевода. Мультимодальность знания, многоступенчатость процесса прочтения, понимания и интерпретации замысла в своей основе опирается на теорию дискурса. Дискурс как базовое явление, учитывающее природу языковых и когнитивных механизмов человеческого сознания, способен показать, как переводчик выделяет ключевые моменты информации и адекватно вербализует концептуальные составляющие исходного текста, каким образом в тексте перевода представлены концептуально-ценностные ориентиры ментального пространства переводящей личности и одновременно как осуществляется лингвоментальная проекция, направленная на воплощение социокультурных элементов в переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С. А.* Когнитивные модели как средство сопоставления образности в оригинале и переводе // Перевод и стилистические ресурсы языка. – М. : Рема, 2004. – С. 5–20. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 488. Сер. Лингвистика).
2. *Алексеева Л. М., Шутемова Н. В.* Типология перевода : Монография. – Пермь, 2012. – 198 с.
3. *Бердникова Д. В.* Англо-шотландская баллада как объект сопоставительного изучения: лингвокогнитивный аспект (на материале вариантов

баллады «Thomas of Erceldoune» и их переводов: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2014. – 21 с.
4. *Виноградов В. С.* Перевод: Общие и лексические вопросы. – М. : Книжный дом : Университет, 2006. – 240 с.
5. *Воробьева О. П.* Художественная семантика: когнитивный сценарий // С любовью к языку: сб. науч. тр. посвящ. Е. С. Кубряковой. – М.–Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 349–384.
6. *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. – М. : Педагогика, 1956. – 379 с.
7. *Гарбовский Н. К.* Сопоставительная стилистика и методология перевода // Вестн. Моск. ун-та. – М. : 2013. – № 1. – С. 14 – 35. – (Сер. 22. Теория перевода).
8. *Зимняя И. А.* Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М. : Наука, 1976. – 153 с.
9. *Казакова Т. А.* Художественный перевод. Теория и практика. – СПб. : Инъязиздат, 2006. – 544 с.
10. *Комиссаров В. Н.* Общая теория перевода: Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых: учеб. пособие. – М. : ЧеРО, 1999. – 136 с.
12. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
13. *Кубрякова Е. С.* Роль номинации в онтогенезе семантического компонента речевой деятельности и проблемы соотношения значения и обозначения на ранних стадиях развития речи // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991. – С. 60–81.
14. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
15. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
16. *Манерко Л. А.* Типы знания, воплощенные в художественном и академическом дискурсах // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – Ч. 2. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 56–70. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 6 (639). Сер. Языкознание).
17. *Манерко Л. А.* Человек и его путь: от медико-физиологических к философским представлениям Джона Донна // Язык медицины. – Вып. 5. – Самара, 2015 (*в печати*).
18. *Манерко Л. А., Бердникова Д. В.* Англо-шотландская баллада: от глубинных смыслов к их интерпретации на русский язык на основе когнитивной методики перевода // Когнитивное варьирование в языковой

интерпретации мира: материалы «круглого стола» языка / отв. ред. В. З. Демьянков. – М.–Тамбов : Институт языкознания РАН; Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – С. 484–495. – (Когнитивные исследования языка. Вып. XIX).

19. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
20. *Фесенко Т. А.* Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 229 с.
21. *Хайруллин В. И.* Перевод и фреймы: учеб. пособие. – М. : Либроком, 2009. – 144 с.
22. *Cokely D.* Interpretation: A Sociolinguistic Model. – Burtonsville, MD: Linstok Press, 1992. – 199 p.
23. *Duran A., Fabb N.* Literary studies in action. – L.–N. Y. : Routledge, 1990. – 240 p.
24. *Kirchhoff H.* Das dreigliedrige, zweisprachige Kommunikationsystem Dolmetschen // Le Langage et l'Homme. – 1976. – № 31. – S. 21–27.
25. *Kondo M.* Japanese Interpreters in their Sociocultural Context // Meta. – 1988. – № 33 (1). – P. 70–78.
26. *Poyatos F.* Nonverbal Communication in Simultaneous and Consecutive Interpretation: A Theoretical Model and New Perspectives // The Interpreting Studies Reader / Ed. by F. Pöchhaker, M. Schlesinger. – L.–N. Y. : Routledge, 2002. – P. 235–246.

УДК 81’362

А. О. Манухина

кандидат филологических наук; доцент кафедрой классической филологии МГЛУ; e-mail: amanuhina@mail.ru

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДИСКУРСЕ (на материале старофранцузской «Морейской хроники» XIV века)

Статья посвящена анализу в рамках интертекстуального подхода «Морейской хроники», старофранцузского исторического памятника XIV века, эпохи Крестовых походов. Исследуется категория «автор» и способы ее реализации в тексте, а также способы вербализации интертекстуальных связей рассматриваемого сочинения и его архетипа, не дошедшего до наших дней первоисточника.

Ключевые слова: интертекстуальный подход в лингвистике; категория «автор» в средневековом тексте; старофранцузская хроника.

Manukhina A. O.

Ph.D., Associate Professor, the Department of Classical Philology, MSLU; e-mail: amanuhina@mail.ru

INTERTEXTUAL RELATIONS IN THE MEDIEVAL DISCOURSE: OLD FRENCH “CHRONICLE OF MOREA” OF THE 14TH CENTURY

The article is devoted to the analysis of intertextuality of the Old French “Chronicle of Morea” of the 14th century, historical monument of the epoch of the Crusades. The category “author” and its realization in the text are analysed, as well as the means of verbalization of the intertextual connections of the present text and its archetype, the original source that was lost.

Key words: the intertextual approach in linguistics; the category “author” in the Middle Age text; the Old French Chronicle.

Интертекстуальный подход, как одно из наиболее перспективных направлений современной науки, получил за последние десятилетия развитие во многих областях: философии, культурологии, текстологии. Основоположником интертекстуального подхода считают М. М. Бахтина, зафиксировавшего феномен диалога текста с текстами, предшествующими и параллельными ему во времени [2]. В нашей работе интертекстуальность исследуется в лингвистическом аспекте: созданный человеком текст рассматривается как переработанное повторение

других ранее существовавших текстов, в любом письменном произведении можно выявить отсылки к старым культурным кодам [4; 5]. По мнению М. Фуко, более ранние культурные слои присутствуют в любом сочинении, воспринимаемом как палимпсест: реально носитель культуры всегда «имеет дело с неразборчивыми, полустертыми, много раз переписанными пергаментами» [7, с.77].

Цель работы – выявить особенности интертекстуальных связей и провести анализ способов их вербализации в хронике как особом средневековом дискурсе на материале старофранцузской «Морейской хроники», важнейшего источника западноевропейского происхождения по истории Крестовых походов и господства крестоносцев в Морее.

Под «Морейской хроникой» ученые обычно подразумевают анонимное произведение, составленное в первой половине XIV в. и описывающее историю Морейского княжества эпохи Четвертого крестового похода (1202–1204). До наших дней дошли восемь рукописей, из которых одна старофранцузская (существуют также три греческих, итальянская, сицилийская, арагонская и каталанская версии хроники) [15; 16; 17]. В историографии до сих пор обсуждается вопрос о языке первоначального текста произведения, который был утрачен, видимо, еще в середине XIV в. во время войн крестоносцев на Пелопонесском полуострове [9; 10; 12; 13].

Материалом нашего исследования служит старофранцузский текст манускрипта № 15702 из Королевской библиотеки Брюсселя под названием *Livre de la conqueste de la princée de l'Amorée*, изданный Ж. Лоньоном в 1911 г. [14]. Очевидно, рукопись была написана между 1332 и 1346 гг. Повествование хроники начинается с 1095 г., т. е. с Первого крестового похода, главная ее часть охватывает события 1205–1292 гг. на Пелопоннесе (Четвертый крестовый поход и его последствия: судьбу Греции под господством французских крестоносцев), французская версия доходит до 1305 г., хотя в сочинении встречаются упоминания о событиях 1330–1340 гг.

Для дальнейшего анализа необходимо, вслед за Л. М. Скрелиной и Л. А. Становой [6], разграничить понятия «текст рукописи» (реальный рукописный текст, созданный и записанный в определенную эпоху) и «текст произведения» (оригинал, более ранний текст первоисточника). Текст произведения – это собрание рукописных вариантов, на базе которых современный исследователь воссоздает архетип, посредством собирания разнородных элементов воедино.

Придерживаясь позиции Ю. Кристевой на интертекст как на «ретроспективную категорию», где «текст интерпретирует историю и располагает ее в себе» [5, с. 1095], представляется возможным считать, что «текст произведения», по отношению к тексту изучаемый нами хроники, является «прецедентным текстом»: он послужил для автора рукописи источником и «определил мотивацию и ориентацию его письменной деятельности» [11, с. 107]. Специфика данной интертекстуальной связи «прецедентный текст» / «текст рукописи» заключается в том, что, в отличие от традиционного рассмотрения двух и более имеющихся в распоряжении исследователя текстов, мы имеем дело с только с отсылками на не дошедший до нас архетип в настоящем манускрипте.

Хроника-архетип, очевидно, была создана в начале XIII в., когда двор Морейских князей стал одним из значительных центров искусства и не уступал двору французского короля. Морейское княжество было одним из центров французской культуры, при дворе творили трубадуры, которыми становились и сами ахейские князья. «Еще спустя много лет после падения Латинской империи Константинополя, после 1300 года в Морейском княжестве и герцогстве Афин на французском языке говорили так же хорошо, как и в Париже» [13, с. 338].

Ввиду сложности изучаемого вопроса мы ограничились рамками анализа категории «автор» с позиций интертекстуального подхода. Исследователями отмечается такая специфическая черта старофранцузского текста, как «открытость» [3, с. 27]: автор не был единственным создателем средневекового текста, а сам текст не предназначался быть раз и навсегда неизменным [3, с. 28]. Понятие открытости трактуется как его возможность быть дополненным, измененным, исправленным в результате взаимодействий, контактов с рядом «авторов» (действительного автора, переписчика и устных исполнителей).

Проблема авторства «Морейской хроники» не решена до нашего времени, несмотря на длительную традицию в изучении вопроса. Исследователи Ж. Лоньон и Д. Жакоби [13; 14] высказывают предположение, что изучаемый рукописный вариант был создан для регентши Морейского княжества императрицы Екатерины Валуа около 1340 г. одним из ее советников, возможно, итальянским аристократом-интеллектуалом и покровителем искусств Николо Акциайоли. Однако в самом манускрипте на это нет прямых указаний; в нашей работе мы придерживаемся традиционной точки зрения: считается, что автором

был близко стоявший к описываемым событиям и хорошо знавший историю Морейского княжества рыцарь из полуфранков-полугреков (так называемых гасмулов[1]), который должен был жить при дворе Морейского правителя [15; 16; 17]. Интересно отметить, что в тексте сочинения войско французов именуется *nostre gent* («наши люди»):

> Et nostre gent alerent par la cite d'Antioche et la prirent [14,1[2]]. – И прошли наши люди сквозь город Антиохию и взяли его[3].

В рассматриваемом отрывке автор считает себя неотъемлемой частью «реальной референтной группы» [8, с. 90] рыцарей-крестоносцев, разделяет ее устремления и идеалы. На основе этого свидетельства, а также поскольку речь в хронике идет о событиях светской истории можно предположить, что автор хроники – не монах и не клирик, а светский человек, рыцарь, носитель французской культуры.

Присутствие автора выражено эксплицитно различными языковыми средствами. Наиболее частотный способ реализации авторского «Я» – местоимение *je*, выявленое в следующих контекстах:

– в начале сочинения, типичном для средневековой хроники *incipit* (*лат*. букв. 'зачин, пролог'):

> Pour ce que aucunes gens sont par le monde moult negligent, et lor annuye de auir une longue estoire ordonnéement faite et devisée, et ayment ancois que on leur conte en briez paroles, si vous diray mon compte, non pas ainxi com je trovay par escript, mais au plus brief que je pourray. Que cescuns l'entendre de bon cuer et de bonne voulenté [14, 1]. – Поскольку некоторые люди в мире весьма невежественны и их утомляет слушать долгую историю, созданную и рассказанную по порядку, они любят также, чтобы им рассказывали кратко, я вам изложу мой рассказ, не так, как я его нашел в письменном виде, но настолько кратко, насколько я смогу. Чтобы каждый послушал охотно и с удовольствием.

– в заключении вместо традиционного *explicit* («концовка, последние слова»):

---

[1] Гасмулами (*старофр*. gas – парень и mule – мул) в Средневековье презрительно называли детей от смешанных браков: отцов-крестоносных рыцарей и матерей-гречанок (*Прим. автора*).

[2] Здесь и далее вторая из указанных арабских цифр обозначает номер параграфа в хронике.

[3] Здесь и далее перевод наш. – *А. М.*

Tant com j'ay trove, tant j'ay escript de ceste conqueste de la Morée [14, 1024]. – Каким я нашел, таким я и описал это завоевание Мореи.

– в комментариях в самом тексте хроники:

Cy endroit faillent .ii. feulles. Pour ce j'ay laissiée l'espace [14, 205]. – В этом месте не хватает двух листов. Поэтому я здесь оставил (пустое) пространство.

Cy endroit fault bien .vi. feuilles, la ou parole du revel de l'Escorta, qui contre le prince Guillerme fu, et se rendirent au frère de l'empereur. Si ay leissé le espace [14, 338]. – В этом месте обрыв на шесть листов, там, где речь идет о восстании Эскорты, которое было против принца Гилерма, и что они сдались брату императора. Я здесь оставил (пустое) пространство.

Однако из нашей выборки следует, что референт местоимения *je* – автор текста рукописи, который не позиционирует себя как «автор-создатель» произведения. Во всех рассмотренных примерах присутствует отсылка к несохранившемуся архетипу: указывается, что изучаемый манускрипт представляет собой не оригинальный текст, и даже не точное воспроизведение первоисточника, а пересказ, резюме не дошедшего до наших дней оригинала. С позиций интертекстуального подхода такое соотношение может рассматриваться как метатекстуальность, т. е. «комментирующая и часто критическая ссылка на свой предшествующий текст» [5, с. 208].

Следует отдельно обратить внимание на последний из приведенных выше примеров: несмотря на отсутствие листов в рукописи-образце, автор манускрипта прекрасно осведомлен о содержании утраченного фрагмента, о чем он и сообщает адресату, очевидно, с целью активизации его внимания. Поскольку «Морейская хроника» описывает события Крестового похода почти сто лет спустя, события прошлого недоступны личному опыту автора. О них он знает, видимо, из других (также не дошедших до нас) списков. Соотношение элементов высказывания *cy endroit fault bien .vi. feuilles* (в «этом месте обрыв на шесть листов») / *la ou parole…* («там, где речь идет о…») определяется нами как катафорическая связь, которая «используется в тексте для создания напряженности, связанной с тайной, раскрываемой по мере чтения и вызывающей интерес читателя» [1, с. 143]. Употребление катафоры можно рассматривать как конкретный способ реализации интертекстуальной связи «прецедентный текст» / «текст рукописи».

Автор данного списка постоянно подчеркивает, что его роль в создании сочинения незначительна, он всего лишь нашел хронику и изложил ее содержание:

> C'est le livre de la conqueste de Constantinople et de l'empire de Romanie et dou pays de la prince de la Morée, qui fu trové en un livre qui fu jadis del noble baron messier Bartholomée Guys... Lequel livre il avoit en son chastel d'Estive [14, 1]. – Это рассказ о завоевании Константинополя и империии Романии и княжества Морейского, который был найден в книге, которая была когда-то у благородного барона мессира Бартоломео Гиза, каковую книгу он имел в своем замке.

Эта позиция автора отражена в тексте многократным повторением выражений с глаголом *trover*: *com je trovay par escript / com j'ay trove, tant j'ay escript / qui fu trové en un livre*.

Здесь мы сталкиваемся с определенным противоречием. С одной стороны, присутствие автора отчетливо прослеживается в тексте и формально вербализовано местоимением *je*: автор обращает на себя внимание адресата хроники, вставляя свои заметки по поводу утраченных фрагментов оригинала или сокращая документ, чтобы, по его мнению, не утомлять читателя. С другой – рассказчик осознанно устраняется из повествования. Этот факт можно объяснить тем, что исторически, начиная с раннего Средневековья, хронистика как особый жанр повествования была анонимной. По словам Поля Зюмтора, даже если в средневековом тексте и проявляется «Я» автора, «это "Я" чисто "грамматическое", оно универсализировано и лишено временно́й определенности; это, скорее роль, нежели уникальный субъект» [18, с. 95]. Эта особенность, когда «субъект повествования скрывается за условностью текста» [18, с. 96] была свойственна всем средневековым письменным памятникам.

Помимо *je*, субъект повествования формально выражен местоимением *nous*:

> Si vous lairons ores a conter de messier Goffroy de Villarduin et retournerons a parler dou noble conte de Champaigne [14, 137]. – И сейчас мы вам перестанем рассказывать о господине Жоффруа де Виллардуэне и вернемся к повествованию о благородном графе Шампанском.

> Pour ce serait grant annuys de conter particulerement par escript comment il furent et combattirent, si vous dirons en brief paroles [14, 485]. – Поскольку было бы большой скукой излагать письменно в деталях, какими они были и как сражались, мы вам расскажем кратко.

Традиционно местоимение *nous* имеет обобщенно-личное значение, и эксплицирует более общую степень обобщения, нежели *je*. Однако в представленных фрагментах хроники под этим языковым средством также подразумевается автор списка: его присутствие реализуется в том, что он произвольно переходит от одного сюжета к другому или пропускает некоторые эпизоды, другими словами, *nous=je* рассказчика.

Изученные отрывки иллюстрируют нетипичное для средневековых сочинений достаточно вольное обращение копииста с первоисточником (краткий пересказ вместо точного воспроизведения, опущение некоторых деталей, переход от одного сюжета к другому, добавление уточняющих комментариев от первого лица). Наоборот, в Средневековье «Книга» считалась священной, а вместо упоминания своего «Я», желая подтвердить достоверность сказанного, обычно ссылались на авторитет «Книги».

Ссылка на авторитет «Книги» не часто встречается в хронике, и реализуется посредством оборота *li livres fait mencion* («и о том упоминает книга»):

> Tous ces barons et prelas furent assené dou temps au Champenois, et plusieurs chevaliers, escuiers et sergans assés, de quoy li livres ne fait mencion cy endroit [14, 128]. – Все эти бароны и прелаты были вписаны со времен Шампанцев, а также многие рыцари, оруженосцы и сержанты, о чем книга не упоминает в этом месте.

> Et depuis que ce fu recoillis, la princesse lui manda de beaux joiaux, de quoy le livre ne fait mencion [14, 798]. – И когда все это было собрано, принцесса ему передала прекрасные драгоценности, о чем книга не упоминает.

В рассматриваемых контекстах *li livres* служит формальным обобщенным субъектом речи, употребленным вместо авторского «Я». С одной стороны, введение еще одного субъекта повествования можно объяснить влиянием канонов средневековой историографии, с другой – устранение авторского «Я» реализует прагматическую цель сочинения: придать большую объективность и сообщить читателю «истину».

Однако под «Книгой» здесь подразумевается не текст изучаемой рукописи, а то произведение, которое служило автору манускрипта образцом. Исходя из контекста, выражение *le livre ne fait mencion* имеет следующий смысл: описываемые здесь эпизоды не изложены

в хронике-первоисточнике, автор же знает о них и кратко излагает в данном списке.

Помимо *le livre ne fait mencion* в тексте часто употребляется выражение *li conte se taist de parler*, в котором референт *conte* («рассказ, повествование») также представлен хроникой-прототипом. Обе конструкции употреблены в одинаковых контекстах, имеют схожее значение и могут рассматриваться как синонимичные:

> Mais ore se taist li contes de parler dou prince Guillerme et dou seignor de Caraitaine, et vous dira comment le bon roi Charle le veillart, le frère dou roy de France, vint et coquesta le reaume de Cecille [14, 415]. – Но рассказ не говорит о принце Гилерме и о правителе Каритены, а вам расскажет о том, как добрый старый король Карл, брат короля Франции, пришел и завоевал королевство Сицилии.
>
> Mais or se taist cil contes de parler dou prince Guillerme et parlera dou roy Charles [14, 474]. – Но этот рассказ не говорит о принце Гилерме, а расскажет о короле Карле.

В ряде случаев связи архетип / исследуемая рукопись в тексте настолько переплетены, что в одном контексте присутствует отсылка и на оригинал, и на данное сочинение:

> Or dit li contes que puis que li sires de Caritaine revint de Puille, tout ainxi que l'estoire le vous a conté ça arriers, et il se accorda et ot la grace dou prince Guillerme son seignor [14, 440].
>
> И говорит рассказ, что после того, как правитель Каритены вернулся из Пуиля, как вам это сообщала история здесь выше, он вошел в сговор и получил милость от принца Гилерма своего господина.

Существительные *li contes* («рассказ, повествование») и *l'estoire* («история») были синонимами в старофранцузском языке, однако в приведенном фрагменте они называют разных референтов. Под *li contes* подразумевается произведение-образец, а под *l'estoire* – данный список хроники, в котором его автор уже упоминал о возвращении правителя Каритены (о чем свидетельствует контекст: *l'estoire le vous a conté ça arriers*).

Автор рукописи выступает и как компилятор, использовавший (помимо основного документа, утраченного сочинения-архетипа) несколько более ранних письменных памятников:

> Selonc ce que *la grant estoire* dou reaulme de Jherusalem nous raconte et temoigne, que a mil. Ciiij. ans puis l'incarnation Nostre Seignor Dieu Jhesu Crist, que le prince et li autre noble homme dou royaulme de France et des

autres regions de Ponent firent le passage… [14, 2]. – Согласно тому, что нам рассказывает и о чем свидетельствует великая история королевства Иерусалимского, в году 1104 от Рождества Нашего Господа Бога Иисуса Христа, принц и другие знатные люди из королевства Франции и из других областей Запада совершили поход.

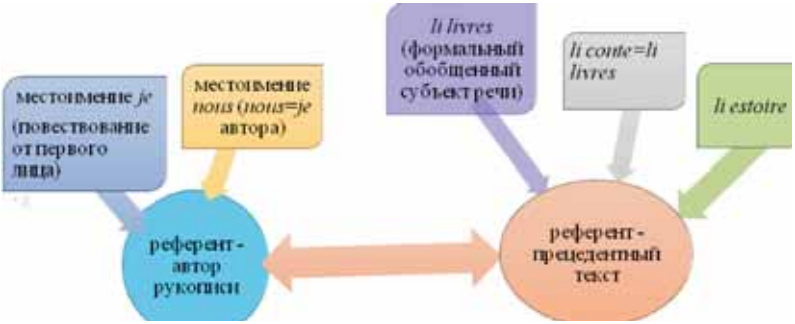
Автор специально неточно называет источник, на который он ссылается. Подразумевалось, что адресат хроники прекрасно осознавал культурный и исторический контекст: о какой именно *grand estoire* идет речь. В данном случае референт *estoire* («история») – не изучаемая рукопись (как в рассмотренном нами выше примере), а, по мнению исследователей [9, p. 182], «Historia belli sacri» («История священной войны») Гильома Тирского (1130–1186). Эта летопись французского историка XII в. имела большую популярность в средневековой Европе среди аристократов. Автор сознательно вставляет эпизод двухсотлетней давности в повествование о Морейском княжестве, чтобы возвысить современные ему события: он стремится имплицитно доказать, что крестоносцы Мореи подобны рыцарям XII в., эпохи Первого крестового похода, который к началу XIV в. стал уже легендарным. Если, вслед за Ю. Кристевой, принять понимание интертекстуальности как «ассоциативного взаимодействия ряда текстов» [11, с. 110] представляется возможным считать связь «Historia belli sacri» / «Морейская хроника» интертекстуальной: тексты сочинений соотносятся как «прецедентный текст» / «текст рукописи». Упоминания о сочинении Гильома Тирского присутствуют в виде реминисценций, т. е. «мысленной отсылки, сравнения с неким образцом, сознательное или неосознанное сопоставление, взгляд в прошлое» [1, с. 205].

Проведенное исследование анонимной старофранцузской рукописи «Морейской хроники» с позиций интертекстуального подхода позволяет сделать следующие выводы:

1. Ввиду сложности изучаемого вопроса мы ограничились в данной статье рамками анализа категории «автор». Поскольку автор, живший в начале XIV в. (его имя не представляется возможным установить достоверно), описывает Четвертый крестовый поход спустя сто с лишним лет, он позиционирует себя не как очевидец и свидетель событий, а как переписчик более раннего сочинения, о чем заявляет в прологе. Таким образом, выявленные нами в тексте хроники местоимения *je* и *nous*, вербализующие субъект повествования, имеют в качестве референта автора не оригинального произведения,

а конкретной рукописи, который таким образом обозначает свое присутствие при указании на проделанные им при переписке изменения.

Взаимосвязь «автор»/«оригинал произведения» и их средства вербализации наглядно представлены в следующей схеме:



2. Единственным источником, дающим сведения о существовании, характере и обстоятельствах обнаружения не дошедшего до нас оригинала, служат комментарии создателя рукописи. Из них мы также узнаем, насколько вольно автор обошелся с первоначальным текстом (краткий пересказ вместо точного воспроизведения, опущение некоторых деталей, переход от одного сюжета к другому, добавление уточняющих комментариев от первого лица). Такая переработка исходного текста нетипична для жанра хроники, что составляет специфику рассматриваемого манускрипта.

3. Помимо основного текста, повествующего о Четвертом крестовом походе, компилятор использовал и другие исторические документы, в частности, хронику Гильома Тирского. Исходя из контекста, по косвенным свидетельствам автора, можно предположить, что он пользовался и другими источниками по истории Крестовых походов, однако не представляется возможным их точно определить.

4. Интертекстуакстуальная связь текста утраченного оригинала и изучаемой рукописи эксплицируется посредством таких художественных приемов, как катафора и реминисценция, что свидетельствует о высоком уровне образования написавшего манускрипт.

Полученные выводы полностью соответствуют сложившемуся в интертекстуальном подходе восприятию текста как «сотканного, сплетенного» (от лат. *textus* – «сплетение, ткань, структура») [3, с. 27] из других текстов и культурных кодов. Проведенная работа доказывает, что интертекстуальный подход применим не только к текстам

современности, но и к сочинениям прошлого, однако, здесь следует принимать во внимание характер текста исторически отдаленной эпохи. На наш взгляд, анализ письменных памятников Средневековья в рамках интертекстуального подхода представляется перспективным направлением, так как подобные исследования дают ключ к пониманию того, что было важно для человека в определенный период истории, а что оказывалось вне поля его зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – 424 с.
3. *Игнатьева Т. Г.* Семантико-типологические особенности старофранцузского текста // Французский язык. Синтаксис, семантика, прагматика. – М.: МГЛУ, 2000. – С. 26–30. – (Тр. / МГЛУ; вып. 450. Сер. Лингвистика).
4. *Левит С. Я.* Культурология. XX век. Энциклопедия. – Т. 1. – СПб. : Университетская книга, 1998. – 447 с.
5. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
6. *Скрелина Л. М., Становая Л. А*. История французского языка. – М. : Высшая школа, 2001. – 463 с.
7. *Фуко М.* Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна. – Мн. : Красико-принт, 1996. – С. 74–97.
8. *Щедрина Е. В.* Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива / под ред. А. В. Петровского. – М. : Педагогика, 1979. – С. 111–127.
9. *Buchon J. A. C.* Chroniques étrangères relatives aux expeditions françaises pendant le XIII-ème siècle, publiées pour la première fois, élucidées et traduits. – P.: Auguste Desrez, 1840. – 316 p.
10. *Buchon J. A. C.* Recherches et matériaux pour sevir à une histoire de la domination française aux XIII-ème, XIV-ème et XV-ème siècles dans les provinces démembrées de l'empire grec à la suite de la quatième croisade. Première partie. – P.: Auguste Desrez, 1840. – 810 p.
11. *Kristeva J.* Le texte clos // Langages. – 1968. – Vol. 3. – N. 12. – P. 103–125.
12. *Jeffreys M. J.* The Chronicle of the Morea – a greek oral poem? // Résumés des communications du XIVe Congrès International des études byzantines. – Bucarest, 1971. – P. 27–29.
13. *Jacoby D.* Quelques considérations sur les versions de la «Chronique de Morée» // Journal des savants. – 1968. – № 3. – P. 133–189.

14. Livre de la conqueste de la princée de l'Amorée. Chronique de Morée (1204–1305) / Publiée par la Société de L'histoire de France par J. Longnon. – P.: Librairie Renouard, 1911. – 430 p.
15. *Michelet.* Le Moyen Age. Histoire de France. – P.: Édition Robert Laffront, 1881. – 1098 p.
16. *Molinier A*. Chronique de Morée // Les Sources de l'histoire de France. Des origines aux guerres d'Italie. – P. : A. Picard et fils, 1903. – P. 42–43.
17. The Chronicle of Morea / Ed. J. Schmitt. – L.: Edition Methuen & Co., 1904. – 374 p.
18. *Zumthor P*. Parler du Moyen Âge. – P.: les éditions de minuit, 1980. – 108 p.

УДК 81'37+81:008

Е. М. Масленникова

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского гос. ун-та;
e-mail: e-maslennikova@inbox.ru; arakin2grammar@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК ЧАСТЬ КОДА ЭПОХИ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА[1]

В статье обсуждаются особенности перевода вокативов как особых дискурсивных маркеров, отражающих специфику лингвокультурных кодов и характерные особенности национального коммуникативного стиля. Показана связь речевого этикета и «закодированного» языка социального взаимодействия. Подробно рассматриваются параметры (не)переводимости рядов господин – гражданин – товарищ и господа – граждане – товарищи как национально-специфичных идеологем эпохи.

Ключевые слова: текст; дискурс; дискурсивные маркеры; вокативы; идеологема; перевод.

Maslennikova E. M.

Ph.D., Associate Professor, the English Department, the Faculty of Foreign Languages and Crosscultural Communication, Tver State University;
e-mail: e-maslennikova@inbox.ru; arakin2grammar@mail.ru

DISCOURSE MARKERS AS THE REFLECTION OF THE CODE OF THE EPOCH: ISSUES IN TRANSLATION STUDIES

The article discusses different cases of the translation of vocatives. Being special discourse markers, vocatives reflect cultural codes and characteristics of the national communicative style. The connection between speech etiquette and the «coded» language of social interaction is shown. The author gives the detailed review of translatability' parameters concerning the Russian-language lexical chains of *gospodin* 'Mr.' – *grazhdanin* 'citizen' – *tovarishch* 'friend' and *gospoda* 'gentlemen' – *grazhdane* 'the citizens' – *tovarishchi* 'fellows'. These chains are viewed as nationally, culturally and ideologically significant elements (ideologemes) reflecting the codes of a definite Soviet epoch.

Key words: text; discourse; discourse markers; vocatives; ideologem; translation.

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00554 «Русская литература в современном мире: перевод как восприятие и восприятие перевода»).

Дискурсивные маркеры выполняют в высказывании прагматическую функцию и служат для логической организации сообщения; выделения говорящим новой позиции; разграничения нескольких тем; определения позиции говорящего по отношению к сказанному и помощи слушающему в самоопределении по отношению к говорящему и сказанному им.

Дискурсивные маркеры являются одной из характерных черт национального коммуникативного стиля, под которым понимается «устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредуемых культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [2, с. 14]. Например, восклицание *wow* считается более типичным для современного американского варианта английского языка по сравнению с британским английским. Если изначально «Wow!» выражало восхищение, радость, удивление или сигнализировало о личностной заинтересованности говорящего, то, попав в русский язык, *wow* стало часть молодежного или псевдомолодежного подъязыка:

> <…> Пока в наши дома приходят Хрюша, Степашка, Филя и Каркуша – родные, знакомые с младенчества, не опошленные компьютерной графикой, разговаривающие нормальным русским языком, никогда не кричащие «Йес!» и «Вау!» … мы можем надеяться, что в наших сыновьях и дочках останется та частичка нас самих, которую нам так хочется сохранить (*Комсомольская правда, 23.08.02*).

Стремление переводчика сохранить национальный колорит при помощи речевых маркеров, характерных для национального дискурса, часто приводит к избыточности выразительных средств при передаче смысла высказывания, например к удвоению структур: «Ясно. Теперь мне ясно, всё олл-райт» (*Р. Стаут. Лига запуганных мужчин. Перевод В. Шибаева*). В русском языке просторечное слово *хай* – «шум, скандал» совпадает по звучанию с англоязычным *hi* – «привет»: – «Хай, – сказал тонкий детский голос» (*Р. Стерлинг. Пешая прогулка. Перевод А. Молокина*).

Вокативы как особая группа дискурсивных маркеров служат не только средством идентификации адресата, но и показывают на определенную социальную позицию и установившуюся межличностную дистанцию между говорящим и слушающим. Сложившаяся в языке

система правил употребления вокативов дает представление о структуре лингвокультурного сообщества, тенденциях речевого этикета и о «закодированном» языке социального взаимодействия. В качестве вокативов обычно используются [4–8]: официальные обращения, включающие фамилию и соответствующее титулование; почтительные обращения (*honorofics*) типа *madam*, *sir*; названия профессий и военные звания как статусные вокативы; полная форма имени адресата; личные имена; дериваты имен (сокращенные, уменьшительно-ласкательные, фамильярные); прозвища; ласковые обращения типа *голубчик*, *sweetheart* и др.; термины родства типа *мама*, *матушка*, *mother*, *mom*, *mum*, *mummy*, *ma* и др.; состоящие из нескольких слов «расширенные» вокативы; массовые» вокативы, служащие для обращения к группе людей *господа*, *folks*, *everybody*, *ladies*, *gentlemen*; фамильярные вокативы (*familiarizers*) типа *чувак*, *buddy*, *dude*, *man*, *брат*, *bro* и т. д., служащие для привлечения говорящим внимания к себе и/или к сообщаемому, а также для обращения к незнакомому человеку. Вариативность и выбор формы обращения зависят от ряда социальных факторов, в том числе от общественного статуса, возраста и гендерной принадлежности коммуникантов. Например, в соответствии с английскими театральными традициями героиня романа С. Моэма (W. S. Maugham, 1874–1965) «Театр» («Theatre», 1937) выступает на сцене под девичьей фамилией, поэтому окружающие обращаются к ней как к *Miss Lambert*, но русский перевод из-за переводческого незнания или невнимательности содержит фактологическую ошибку-неточность:

> I should like to introduce you to Miss Lambert,» said Michael (*W. S. Maugham. Theatre*) ↔ Разрешите познакомить вас с *миссис* Лэмберт, – сказал Майкл (*С. Моэм. Театр. Перевод Г. Островской*).

Включенность переводчика в диалог культур предопределяет установление межъязыковых и межкультурных связей, для которых ему надлежит найти способы опредмечивания и распредмечивания с тем, чтобы обеспечить вторичному читателю возможность для выхода в национально-культурную спецификацию «другого» как «чужого». Некоторые современные переводчики романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–1831, полностью – 1833) А. С. Пушкина (1799–1837) на английский язык предпочитают передавать обращение *няня* как *nyanya*:

Не спится, няня: здесь так душно! (*А. С. Пушкин. Евгений Онегин*) ↔ I can't sleep, nyanya: it's so stifling! (*A. S. Pushkin. Eugene Onegin. Translated by Ch. Johnston, 1977*).

I can't sleep, nyanya: it's too hot! (*A. Pushkin. Eugene Onegin. Translated by O. Emmet, S. Makourenkova, 2007*).

Американский писатель, журналист и переводчик Б. Тейлор (B. Taylor, 1825–1878) пишет рассказ «Beauty and The Beast (A Story of Old Russia)» для сборника «Beauty and the Beast and Tales from Home» (1879) на материале повести П. И. Мельникова (1818–1883) «Старые годы». Б. Тейлор, служивший в России на должности секретаря посольства США (1862–1863), попытался сохранить исходные параметры «русскости» с помощью транслитерированных вокативов, указывающих на национальный коммуникативный стиль, объяснив *golubchik moi* как my *little pigeon*. Аналогичным образом поступил современный переводчик Г. Даниэлс (Guy Daniels) при работе над рассказами А. П. Чехова (опубликованы в 1977 и 2012), объяснив в примечаниях оставленные слова *batuyshka*, *dushenka* и *mamasha* как 'dear friend', 'darling' и 'mama', соответственно. Один из переводов повести Н. С. Лескова (1831–1895) «Сказ о тульском кривом левше и о стальной блохе» (1881) на английский язык выполнен Изабель Хапгуд (Isabel F. Hapgood) в 1890 г. Перевод для московского издательства «Progress Publishers» (1958, 1974) подготовил Дж. Ханна (George H. Hanna, 1891–1969). И. Хапгуд специально объясняет в сноске обращение тульских мастеровых к царю как *batiushka*, назвав слово «батюшка» непереводимым (*untranslatable word*, *but frequently rendered as* «dear little father»), ссылаясь на объяснение, полученное лично от Л. Н. Толстого: «Count L.N. Tolstoy said to me that there were only two genuine Russian titles – "batiushka" and "matushka"». В опубликованном в СССР переводе «Сказа…» царя называют *sir*.

Деятельность переводчика в качестве инфильтратора-посредника предполагает определенную отстраненность и отчужденность с тем, чтобы в попытке противопоставить себя автору переводчику как квази(со)автору не удалось бы «вытеснить» автора, изменив идиостиль или иные особенности оригинала. Переводчики часто пытаются внести дополнительную упорядоченность текстового пространства оригинала, ориентируясь на соответствующую культурно-языковую традицию, разделяемую ими с вторичными читателями из сферы

принимающего языка и культуры. Перевод романа французского писателя Оноре де Бальзака (H. de Balzac, 1799–1850) «Eugénie Grandet» («Евгения Гранде», 1833) на русский язык, выполненный Ф. М. Достоевским (1821–1881), несет в себе отличительные черты стиля великого русского писателя. Обращение папаши Гранде к дочери *ангельчик мой*– это обращение Макара Девушкина из произведения «Бедные люди» (1846), где оно встречается 47 раз (!):

> Fifille, dit-il, au lieu de signer cet acte qui coûtera gros à faire enregistrer… (*H. de Balzac. Eugénie Grandet*) ↔ Ангельчик мой, – сказал он, – этот акт дорого обойдется нам (*О. де Бальзак. Евгения Гранде. Перевод Ф. М. Достоевского, 1844*).

Передача вокативов как особых дискурсивных маркеров осложняется их параметрами относительно принятого кода культуры, действующего в исходном социуме, внутри которого был создан оригинал. Деятельность переводчика находится под воздействием типоформирующих факторов, среди которых назначение текста, тип аудитории / читателя. Переводчик ориентируется на «свои» нормы речевого общения. Беспризорники из романа И. Ильфа (1897–1937) и Е. Петрова (1902–1940) «Двенадцать стульев» (1928) используют обращение *дядя*, которое заменяется переводчиком на *mister* – мистер, господин. Отметим разговорную форму *gimme* (give + me) в качестве средства компенсации, благодаря чему оригинал и представленное в нем текстовое пространство адаптируются к «чужой» социокультурной среде:

> Дядя, – весело кричал он, – дай десять копеек (*И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев*) ↔ «Mister!» cried the boy gaily, «gimme ten kopeks!» (*I. Ilf and E. Petrov. The Twelve Chairs. Translated by John Richardson, 1961*) ← Gimme the half-crown (*Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat*).

Дореволюционная форма вежливого обращения, включающая фамилию, воспроизводится в переводе Дж. Ричардсона (John Richardson, 1961) так же, как *mister*, что в принципе соответствует правилам межъязыковой эквивалентности. Авторская подтекстовая игра с формульными «старыми» дореволюционными и «новыми» советскими обращениями представляет собой намеренную текстовую лакуну (в терминологии Ю. А. Сорокина), которая именно в этом случае окажется практически невоспроизводимой:

А с гробом как, господин Воробьянинов? (*И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев*) ↔ But what about the coffin, Mr Vorobyaninov? (*I. Ilf and E. Petrov. The Twelve Chairs. Translated by John Richardson, 1961*).

Другим примером намеренной эмотивной лакуны будет обыгранная И. Ильфом и Е. Петровым форма вежливого обращения *товарищ + звание*, так как высший генеральский чин царской армии *фельдмаршал* предполагал исключительно использование обращения *господин*:

За конспирацию, товарищ фельдмаршал, – быстро ответил Бендер (*И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев*) ↔ For reasons of security, Comrade Field Marshal! promptly answered Ostap (*I. Ilf and E. Petrov. The Twelve Chairs. Translated by John Richardson, 1961*).

Вокативы несут в себе прагматические и коннотативные признаки, за ними стоит оценка говорящим своего собеседника. Выполняя функцию социализации, отдельные вокативы постепенно перешли в разряд психологических детерминант социальных отношений, когда смысловые различия имплицируют не только социальную дифференциацию, но и отражают аксиологическую оппозицию СВОИ ↔ ЧУЖИЕ. В повести М. А. Булгакова (1891–1940) «Собачье сердце» (1925) на требование превращенного из бродячего пса в «нового» человека Полиграфа Полиграфовича Шарикова, чтобы к нему обращались по имени и отчеству, профессор Преображенский заявляет:

Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно “Шариков”, и я, и доктор Борменталь будем называть вас “господин Шариков” (*М. А. Булгаков. Собачье сердце*) ↔ … both Dr. Bormenthal and I will call you Mr. Sharikov (*M. Bulgakov. The Heart of a Dog. Translated by M. Ginsburg, 1968*).

…Doctor Bormenthal and I will call you “Mister Sharikov” (*M. Bulgakov. The Heart of a Dog. Translated by M. Glenny, 1968*); … we will call you ‘Mister Sharikov’ (*M. Bulgakov. The Heart of a Dog. Translated by A. Pyman, 1990*).

Следующая реплика героя показывает сложившееся в советском обществе восприятие формы обращения *господин + фамилия* как идеологически чуждой:

Я не господин, господа все в Париже! (*М. А. Булгаков. Собачье сердце*) ↔ I’m not mister – all “misters” are in Paris! (*M. Bulgakov. The Heart of a Dog. Translated by M. Glenny*).

I'm not a mister, all misters are in Paris! M. Bulgakov. The Heart of a Dog (*Translated by M. Ginsburg*).

I'm no mister, all the misters are in Paris! (*M. Bulgakov. The Heart of a Dog. Translated by A. Pyman*).

Общая атмосфера эпохи и ее культурные коды отражаются в способах моделирования текстового пространства, которое становится «отражением» реального пространства, и в используемых авторами нарративно-композиционных техниках. Одним из «бродячих» сюжетов советской литературы был активно развиваемый в ходе антишпионской кампании 20-х и 30-х гг. XX в. сюжет о тайно прибывших в СССР диверсантах, террористах и вредителях в лице эмигрантов из числа «бывших». В начале эпизода встречи будущих компаньонов по поиску стульев с зашитыми в них бриллиантами Остап Бендер называет своего собеседника товарищ из Парижа, но когда не удается договориться об условиях сделки, он резко меняет тон обращения на *господин из Парижа*:

Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это (*И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев*) ↔ Not less than that. However, if I were you, dear friend from Paris, I wouldn't give a damn about it (*I. Ilf and E. Petrov. The Twelve Chairs. Translated by John Richardson, 1961*).

Слушайте, господин из Парижа, а знаете ли вы, что наши бриллианты почти что у меня в кармане!» (*И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев*) ↔ Listen, gentleman from Paris, do you know your jewels are practically in my pocket? (*I. Ilf and E. Petrov. The Twelve Chairs. Translated by John Richardson*).

Как пишет В. З. Демьянков, «установление явных и скрытых намерений как раз и отличает интерпретацию от основных видов обращения со знаками» [1, с. 27], поэтому наиболее удачным представляется решение переводчика ввести в свой перевод «Собачьего сердца» М. А. Булгакова дополнительным элементом сокращенную от gentlemen форму *gents* «господа», подчеркнув тем самым сложившуюся в обществе классовую дифференциацию:

«I'm no mister, misters are gents, and the gents are all in Paris!» (*M. Bulgakov. A Dog's Heart: An Appalling Story. Translated by Andrew Bromfield, 2007*).

В произведениях английских писателей XIX в. форма *gents* обычно является простым сокращением от *gentlemen* и не несет каких-либо

сложных дополнительных коннотаций. Американские писатели XIX в., наоборот, часто прибегает к «массовому» вокативу *gents* как к нарочито-вежливой форме, используя ее в шутливых контекстах, в речи жуликов и проходимцев, ковбоев и золотодобытчиков:

> «Kinder off yer feed, ain't ye, gents?» he asks, fatherly and some sardonic (*O. Henry. Cupid a la carte, 1902*) ↔ «Страдаете отсутствием аппетита? – спросил он отечески, но не без сарказма» (*О. Генри. Купидон порционно. Перевод под редакцией М. Лорие, 1960*).

> 'Good-evening, gents', says I. 'Won't you 'light, and tie your horses?' (*O. Henry. The Hiding of Black Bill, 1908*) ↔ Добрый вечер, джентльмены, говорю я. – Не угодно ли вам спешиться и привязать своих коней? (*О. Генри. Как скрывался Чёрный Билл. Перевод Т. Озёрской, 1960*).

Относительно понятия «идеологема» сложилось представление «либо как о собственно вербальной единице, репрезентирующей базовые идеологические установки, ценности в языке и особенное значение приобретающей в языке тоталитарном, либо как о единице любого языкового (и даже текстового) уровня, функцией которой становится экспликация системы идеологических доминант)» [3, с. 34], поэтому идеологема становится единицей идеологической картины мира, а являясь многоуровневым концептом, она реализуется через знаки различных семиотических систем. Е. Г. Малышева предлагает классифицировать идеологемы на основании: 1) характера концептуализируемой информации; 2) сферы употребления и понимания ее носителями языка; 3) прагматического компонента; 4) актуальности / неактуальности в идеологической картине мира.

К числу вокативов, представляющих собой идеологемы эпохи, относятся официальные обращения, включающие фамилию и титулование, и так называемые массовые вокативы, служащие для обращения к группе людей. Подобные идеологемы-вокативы служат для четкого установления отношений внутри оппозиции Я / МЫ / СВОИ ↔ ОН / ОНИ / ЧУЖИЕ, благодаря чему усиливаются процессы идентификации и дистанцирования: «Господа офицеры, вся надежда Города на вас» (*М. А. Булгаков. Белая гвардия*). В русском языке отдельные идеологемы-вокативы образовали особые ряды типа *господин – гражданин – товарищ* и *господа – граждане – товарищи*, которые приобрели осложненный характер по причине лингвоспецифического способа экспликации в них невысказанного. Итак,

основные события из повести М. А. Булгакова «Дьяволиада» (1925) происходят в государственном учреждении «Главцентрбазспимат», расположенном в помещении бывшего ресторана «Альпийская роза». Кстати, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931) также показано работающее в переоборудованной гостинице советское учреждение «Геркулес». Сатирическая ретроспекция в прошлую дореволюционную жизнь отражена в обращении кассира к сослуживцам: «Не налезайте, господа, а то вы мне, товарищи, стол опрокинете. … – Граждане! – плачущим голосом запел кассир…» (*М. А. Булгаков. Дьяволиада*). Художественный перевод как полноценная двуязычная текстовая межкультурная коммуникация предполагает учет коммуникативно-стилистических норм, а также правил речевого этикета и соответствующих моделей поведения, поэтому «массовый» вокатив господа при переводе на английский язык обычно передается как *ladies and gentlemen*, а в переводе на французский язык господа становятся, соответственно, *messieurs*:

> Keep calm, ladies and gents, or you'll knock the desk over, comrades… «Citizens!» the cashier cried tearfully … (*M. Bulgakov. Diaboliad. Translated by K. M. Cook-Horujy, 1990*).
>
> Don't crowd, ladies and gentlemen, or else you'll overturn my desk, Comrades. … «Citizens!» the cashier sang out in a plaintive voice… (*M. Bulgakov. Diaboliad. Translated by H. Aplin, 2010*) ↔ Ne poussez, pas, messieurs-dames, sans quoi, camarades, vous allez me renverser la table. … Citoyens! chanta le caissier… (*M. Boulgakov. Diablerie. Traduit par W. Berelowitch, 1994*).

Кроме концептуализируемой информации данные ряды *господин – гражданин – товарищ* и *господа – граждане – товарищи* несут в себе различные экспрессивно-эмоциональные и социально-оценочные коннотации. Например, в момент нападения на администратора злополучного Варьете из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1920–1940, опубликован на русском языке в 1966–1967) он пытается подобрать соответствующее обращение:

> «Что вы, товари… – прошептал ополоумевший администратор, сообразил тут же, что слово "товарищи" никак не подходит к бандитам, напавшим на человека в общественной уборной, прохрипел: – гражда… – смекнул, что и это название они не заслуживают…» (*М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

Полностью роман был переведен на английский язык шесть раз. Усеченную форму обращения *товари…* передают как *com…* (M. Ginsburg, 1967; M. Glenny, 1967; D. Burgin and K. Tiernan O'Connor, 1995), *comr…* (R. Peaver and L. Volokhonsky, 1997), *comra…* (M. Karpelson, 2011), что позволяет англоязычному читателю легко восстановить слово полностью как *comrade*. Только в одном переводе оставлена полная форма *Comrade…* (H. Aplin, 2008). Что касается обращения гражда…, то М. Карпельсон передает его через «массовый» вокатив *Folks* (M. Karpelson). Остальные переводчики опираются на традиционное соответствие *citizens* в полной форме (M. Glenny) или на усеченное *citiz…* (M. Ginsburg; D. Burgin and K. Tiernan O'Connor; R. Peaver and L. Volokhonsky; H. Aplin).

Ряды *господин – гражданин – товарищ* и *господа – граждане – товарищи* отражают специфику русской лингвокультуры и ее коды, закрепившиеся в процессе ее развития, а также идеологическую картину мира. Одновременно возникает вопрос о возможности использования переводчиками произведений советских писателей в отдельных случаях заимствованной транскрибированной формы *tovarish* (в иных вариантах – *tovarisch* или *tovarich*) в качестве стилистического синонима для *comrade* для обращений. Программа «Google Books Ngram Viewer» (*http://books.google.ru/books*), построенная на основе существующих в период с 1800 по 2000 гг. текстов, показывает, что по данным из общего корпуса «English» две формы *tovarish* и *tovarisch* активизируются в английском языке с 1915 г., а форма *tovarich* возникает только в 1946 г. Для tovarish пик употреблений приходится на 1939 г., а с 1945 г. наметилось резкое падение числа его словоупотреблений. Наоборот, для *tovarisch* пик употреблений – это 1946 г. К началу 1990-х гг. «лидируют» словоформы *tovarisch* и *tovarich*, которых *tovarish* «догоняет» к 1998 г. В «Национальном британском корпусе» (*http://bnc.bl.uk*) преобладают формы *tovarisch* и *tovarich*.

Поскольку идеологемы-вокативы представляют собой особый способ кодирования национально-специфических ценностей, то при переводе различия в культурных кодах приводят к тому, что дискурсивные маркеры становятся причиной возникновения межъязыковой и межкультурной лакунарности. Их «расшифровка» переводчиком обусловлена историко-временными и социокультурными параметрами коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Демьянков В. З.* Интерпретация человеческая и интерпретация машинная: сравнительный анализ // Перевод и автоматическая обработка текста. – М. : ИЯ АН СССР, 1987. – С. 13–29.
2. *Куликова Л. В.* Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2006. – 39 с.
3. *Малышева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – 2009. – № 30. – С. 32–40.
4. *Масленникова Е. М.* Дискурсивные маркеры как идеологемы эпохи // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы Второй междунар. науч. конф., Москва, 16–17 ноября 2014 г. – Ч. I. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 44–45.
5. *Масленникова Е. М.* Категория вежливости и вокативы: специфика английского речевого этикета // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения. – Ч. 2. – М. : МГИМО (У), 2013. – С. 65–72.
6. *Biber D., Johanson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.* Grammar of Spoken and Written English. – L. : Longman, 2000. – 1204 p.
7. *Carter R., McCarthy M.* Cambridge Grammar of English. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 984 p.
8. *Crystal D.* The Cambridge Encylopedia of the English Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 489 p.

УДК 81’25

В. А. Митягина

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода института филологии и межкультурной коммуникации; Волгоградский гос. ун-т; e-mail: mityagina@mail.ru

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС: НОМИНАТИВНЫЕ ОШИБКИ КАК НЕГАТИВНЫЙ ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ[1]

Целью данной статьи является анализ номинативных ошибок в русско- и немецкоязычном туристическом интернет-дискурсе, который рассматривается как информационное пространство актуальных социокоммуникативных практик.

Ключевые слова: туристический интернет-дискурс; межкультурная коммуникация; номинативные ошибки.

Mityagina V. A.

Doctor of Philology, Associate Professor; Head of the Department of Translation Theory and practice, Institute of Philology and Cross-cultural Communication, Volgograd State University; e-mail: mityagina@mail.ru

TRAVEL INTERNET DISCOURSE: NOMINATIVE ERRORS AS A NEGATIVE FACTOR IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article is aimed at analyzing nominal mistakes in the Russian and German speaking travel Internet discourse, which is understood as an information space of current social and communicative practices.

Key words: travel Internet discourse; intercultural communication; nominative errors.

Востребованность лингвистических исследований дискурса со стороны разных направлений гуманитарной парадигмы вполне объяснима: наукам о духе в рациональную постиндустриальную информационно-коммуникационную эпоху нужны свидетельства изменений, которые затронули и интеллектуальную, и эмоциональную составляющие жизни общества, и изучение современных дискурсивных

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, региональный конкурс «Волжские земли в истории культуре России», проект № 15-14-34001 «Лингвистическая и транслятологическая логистика многоязычного интернет-портала: региональный путеводитель в координатах глобализации (Волгоград и Волгоградская область)».

пространств эти данные в избытке поставляет. Избранный Центром социокогнитивных исследований МГЛУ фокус рассмотрения дискурса как социальной деятельности [2], как и детализация анализа коммуникативной деятельности социума, предпринимаемая в ракурсе лингвосемиотики [11], представляют собой удачный вариант научной логистики. Лингвистика, предоставляя солидную «доказательную базу», обеспечивает широкий спектр гуманитарного знания данными о том, почему и как осуществляются интеракции, как дискурс формирует социокультурную реальность и регламентирует институциональную коммуникацию. Изучение различных аспектов туристического дискурса представляет собой весьма удобный вариант комплексного осмысления тенденций развития коммуникативных практик.

Появление свободного времени, изменение ценностных ориентиров, улучшение качества жизни сделали туризм одним из проявлений готовности этносоциумов не только к диалогу и интеграции, но и к глобализации, потому что в туристической деятельности находит выражение одобрение сосуществования культур в индивидуальном опыте. Туризм, удовлетворяя прежде всего потребности в отдыхе, эстетические потребности, гедонические потребности и потребности в информированности, постоянно совершенствует свои формы. При этом он унаследовал лучшие традиции классических путешествий, увеличил объем межкультурных взаимодействий в сотни раз и объективно трансформировал литературу путешествий в масштабный туристический дискурс, ставший предметом лингвистических исследований.

Так, Н. А. Тюленева рассматривает туристический дискурс как особый подвид рекламного дискурса, объединяющий различные виды рекламы туризма и направленный на позиционирование и продвижение туристических услуг с помощью стратегий аргументации, которые имеют лингвокогнитивный характер [9, с. 10]. С. А. Погодаева отмечает институциональность туристического дискурса и указывает на то, что он представляет собой речь, реализуемую в институциональных ситуациях общения в предметной области туризма [7, с. 5]. Также признавая институциональный характер туристического дискурса, Е. П. Лиховидова отмечает, что он «представляет собой персуазивную деятельность участников общения – адресанта и адресата, вследствие чего реализуется специфическими средствами английского языка разных уровней – лексического, морфологического, синтаксического, а также компонентами невербальных систем»

[3, с. 4]. Безусловно, есть и другие точки зрения на туристический дискурс, и их многообразие отражает сложность рассматриваемого феномена. Детализация анализа дискурса подтверждает этот тезис, особенно зримо это проявляется в работах, посвященных жанрам туристического дискурса. Н. В. Филатова обращается к его прототипическим характеристикам в системе институциональных дискурсивных практик и выделяет такие жанры, как экскурсия, диалог с продавцом услуги или диалог с представителем принимающей стороны, путеводитель, туристический проспект, каталог, статья, брошюра, листовка, виртуальная экскурсия, веб-страница туристического бюро, электронное письмо клиента в туристическое бюро, электронная переписка служащих туристической сферы [10, с. 78–79].

Отметим, что формат статьи, безусловно, заставил автора сократить рассуждения относительно логики включения всех типичных для институциональной коммуникации ситуаций в жанровую систему туристического дискурса и укажем на интересные наблюдения Н. В. Филатовой над жанром туристического путеводителя, важные для анализа номинативных характеристик рассматриваемого дискурса. Автор подчеркивает гибридный характер туристического дискурса, что представляется абсолютно правильным, и говорит об экспрессии стиля путеводителя, которая создается разными языковыми средствами: ономастическими, метафорическими, переводческими (калькирование, буквальный перевод).

Путеводитель достаточно часто становится объектом перевода, и роль переводческих решений сложно переоценить. Так, Э. Ю. Новикова говорит о сопровождающем перевод путеводителя дискурсивно обусловленном культурном трансфере и подчеркивает, что «изучение жанрово-обусловленных особенностей путеводителя с точки зрения прагматически адекватного перевода представляется актуальной исследовательской задачей, решение которой позволит определить, как перевод может повлиять на межкультурное взаимодействие посредством туризма» [5, с. 60]. Сравнительный анализ переводов текстов о достопримечательностях волжского города, выполненный носителями и не-носителями немецкого языка в рамках межвузовского научно-исследовательского проекта, ярко продемонстрировал различие прагматической адаптации, обусловленное культурным горизонтом переводчика. Более высокая степень культурно-прагматической адаптации задается и должна быть реализована в переводе экскурсии,

поскольку, как указывает Э. Ю. Новикова в статье, посвященной анализу специфики перевода этого базового жанра туристического дискурса, коммуникативная ситуация детерминирована составом группы, ее возрастными характеристиками и т. п. [6, с. 42].

Актуальное развитие туристического дискурса, безусловно, связано с его реализацией в пространстве сети Интернет, поскольку современное социокоммуникативное пространство переживает странную метаморфозу, ограничиваясь пределами сети Интернет и увеличиваясь пропорционально ее расширению. Ограничения связаны с предлагаемыми форматами коммуникации, а расширение наших возможностей получения и обмена информацией – с возможностями реализующих эти форматы жанров интернет-коммуникации. Эффект максимальной доступности информации и вариантов ее преумножения наиболее ярко проявляется в функционировании туристического интернет-дискурса.

Информационное сопровождение всех видов туризма немыслимо без перевода. В качестве объектов перевода выступают тексты турагентств, проспекты отелей, музеев, путеводители, меню, указатели и таблички, буклеты и т. п. В Сети размещается бóльшая часть из них как гипертекстовая составляющая контента различных интернет-ресурсов. В роли авторов и переводчиков текстов туристического дискурса достаточно часто выступают непрофессионалы, и их перевод в геометрической прогрессии множит допущенные ошибки и усиливает возможные дефекты.

Такие размышления связаны с рефлексиями германиста и переводчика по поводу качества контента сайтов германских и российских туристических агентств, сайтов городских информационных центров и других значимых для туристического дискурса интернет-ресурсов (подробнее см. [4]).

Расширение рынка туристических услуг за счет активного включения в данную сферу потребителей из России и других стран СНГ привело к появлению огромного количества информационных и рекламных материалов на русском языке. Тексты разной жанровой принадлежности представлены на сайтах российских и зарубежных туроператоров, и анализ используемых в них лексических номинаций исторических, культурных, географических и других достопримечательностей позволяет найти новые объяснения сбоев в разных контекстах межкультурной коммуникации.

Номинативные ошибки обусловлены разными причинами, остановимся на самых распространенных.

1. Недостаточная **культурная / историческая / географическая компетенция** как основа неполной или неправильной дефиниции / неверного выбора вариантного соответствия.

1.1. Даже самый простой пример демонстрирует «схему» потенциального межкультурного недоразумения и позволяет прогнозировать возможные сложности пребывания в таком туристическом центре, как Кельн. Ставшая традиционной на сайтах турагентств рубрика «7 (или 5, 10) *вещей*, *которые нужно увидеть* (посетить, сделать) *в городе N*» призывает в Кёльне среди прочего:

> увидеть главную ценность Кёльнского собора – ***ларь трех волхвов*** (*http://redigo.ru/geo/Europe/Germany/Koeln*)
>
> Сегодня главная ценность Кёльнского собора – ***ларь трех королей***, в котором хранятся мощи трех святых королей (трех волхвов): Каспара, Мельхиора и Балтазара, хранятся в великолепном золотом саркофаге, самом большом в Западной Европе (*http://www.holidaym.ru/mel/germany/gid_koln_dom.php*)
>
> ***Ларь с мощами трех волхвов*** является главной ценностью Кёльнского собора и занимает центральное место в сооружении. (*http://arttravelblog.ru/dostoprimechatelnosti/kafedralnyj-sobor-kyolna-germaniya.html*)
>
> Однако не это распятие считается главной ценностью Кёльнского собора. Это место заслуженно забрал ***ларь трех королей***, в котором «почивает» прах трех волхвов: Балтазара, Мельхиора и Каспара (*http://kruizi-mira.ru/833-goticheskiy-kafedralnyy-sobor-v-kelne-i-drugie-dostoynye-posescheniya-hramy-i-cerkvi.html*)

В текстах, адресованных далекому от знания соответствующей терминологии среднестатистическому клиенту туристического дискурса, используется сокращенная номинация *ларь*, которая при всем стремлении не «загрузить» получателя (см. *реликвенный ларь*, *рака*, *реликварий*), может его просто дезориентировать, и отказ от используемого в русском языке обозначения *ковчег со святыми мощами* представляется нелогичным. Подчеркнем, что переводческие ошибки лингвопрагматического и стилистического характера, в основе которых также недостаточное знание номинируемого объекта, довольно часто заимствуются из текстов Википедии:

По стенкам саркофага рассажены 74 рельефные фигуры из позолоченного серебра, изображающие пророков (внизу) и апостолов (сверху), а также сцены из жизни Христа (*https://ru.wikipedia.org/wiki/*)

1.2. «Свертывания» номинаций различных культурных и исторических объектов почти всегда идут не на пользу текстам туристического дискурса: информационная составляющая занимает одну из ведущих позиций, поэтому обобщение может дезориентировать адресата. Знаменитый Трептов-парк может быть воспринят неподготовленным молодым поколением просто как кладбище, а не как всемирно известный мемориальный комплекс, созданный Е. Вучетичем:

Трептов-парк, где похоронены солдаты советской армии, погибшие при штурме Берлина (*http://mail.samotur.ru/country.php?id=Germany*)

1.3. Лейпцигская Томаскирхе представлена на сайте агентства совсем не как церковь, в которой Бах создал лучшие свои произведения:

Церковь Томаскирхе, в которой играли Моцарт и Мендельсон и был крещен Вагнер (*http://www.destinations.ru/germany/leipzig*).

1.4. Некорректно подобранная номинация, безусловно, введет в заблуждение. Так, памятник Сталинградской битвы мельница Гергардта, или мельница Грудинина, названа в немецкоязычном тексте о достопримечательностях Волгограда Красной мельницей.

Die Kriegsruine "Rote Mühle" im Zentrum der Stadt (*http://www.sputnik-travel-berlin.de/Wolgograd.php*)

Разрушенная мельница построена из красного кирпича, но такого названия в русскоязычном туристическом дискурсе о памятниках Сталинградской битвы нет, и вопрос о Красной мельнице может вызвать странную реакцию. Этот же интернет-ресурс предлагает своеобразное деление племен Золотой Орды на монгол Золотой Орды и татар, а сооружение крепости Царицын связано с защитой от набегов не кочевников и воровских казаков, а татар и донских казаков:

Seit dem 13. Jh. war das Gebiet um Wolgograd von den Mongolen der «Goldenen Horde» und Tataren besetzt und gehörte wechselnd zu den Khanaten Kazan oder Astrakhan. Gegen 1590 wurde hier eine russische Festung zum Schutz gegen Tataren und Donkosaken и erbaut.

Даже переименование города интерпретируется с довольно странной точки зрения:

> Die Revolutionsgeneräle Stalin und Woroschilow errangen hier große Siege gegen die Weissgardisten. 1925 wurde die Stadt zu Ehren Stalins in Stalingrad umbenannt und genoss eine besondere Förderung durch den Namens-Paten. – Революционные генералы Сталин и Ворошилов одержали здесь крупные победы над белогвардейцами. В 1925 году город был переименован в Сталинград и получал особую поддержку благодаря своему имени в честь руководителя[1] (*http://www.sputnik-travel-berlin.de/Wolgograd.php*).

Сложно предположить, какие основания были у автора текста для таких утверждений, но небрежное отношение к лингвокультурному потенциалу значимых в рассматриваемом дискурсе единиц представляется не самым правильным решением, потому что, как очень верно указывает М. В. Томская, «среди языковых единиц, продуктивных в плане лингвокреативности, особое место занимают имена собственные, которые, помимо прочего, участвуют в качестве знаков-символов в построении языковой картины мира носителей определенной культуры. Имена собственные относятся к тем языковым единицам, которые благодаря процессам социокультурной символизации дают возможность в лаконичной форме передать объемное концептуальное и эмоциональное содержание» [8, с. 269].

2. **Неправильная транскрипция**.

2.1. Ошибки в передаче звуковой формы слова с помощью букв языка перевода достаточно часто связаны с тем, что транскрипция совершается с адаптацией, и тогда получаются следующие номинации:

> В Гамбурге стоит посетить ***соборы Св. Михаила и Николая*** (*http://www.samotur.ru/country.php?id=Germany*)
>
> ***Церковь Святого Михаила*** (*нем.* Hauptkirche Sankt Michaelis – «главная церковь Святого Михаила») – главная протестантская (евангелическая) церковь Гамбурга (*https://ru.wikipedia.org/wiki/*)

Русификация реалии, как и отказ от лексемы *собор* в пользу кальки *главная церковь*, отражают нестабильность лексической системы туристического дискурса, но достаточно часто имеют место в текстах туристического интернет-дискурса.

---

[1] Перевод наш. – *В. М.*

2.2. Тендированная транскрипция в пользу упрощения коммуникации, которую следует сопроводить в тексте исходной номинацией *Kölner Dom*, хотя бы просто для лучшей ориентации по карте города и указателям:

«*Кёльнердом*» – один из самых высоких и знаменитых в мире храмов (*http://redigo.ru/article/593/page/11*).

Время для сокровищницы и кофе с «Захер»ом... (*http://www.viktoria-reisen.com/*).

2.3 Транскрипция под влиянием английского – здесь также актуально сохранение в тексте оригинального названия *Tünnes und Schäl* («Тюннес и Шэль»):

Знаменитые пивные, Рейнландский карнавал, крупнейший в Европе гей-фестиваль, Рейнпарк, забавные легенды, связанные с гномами, которые покинули Кёльн из-за любопытной женщины, и с народными любимцами ***Тюннесом и Скалом***, – всё это в городе, уважающем свою историю.

Одна из 7 вещей, которые надо сделать в Кёльне, – потереть носы ***Тюннесу и Скалу*** (*http://redigo.ru/geo/Europe/Germany/Koeln*).

2.4. Вариативные сочетания «транскрипция + калька»/«транскрипция + транскрипция» могут ввести в заблуждение, особенно, если это подписи под фото в одном фрагменте гипертекста:

Aufgang zum Mamajew-Kurgan

Beginn der Allee zum Mamajew-Hügel (*http://www.sputnik-travel-berlin.de/Wolgograd.php*).

3. **Калькирование без указания на оригинальное название**.

Достаточно распространенный в туристическом дискурсе, насыщенном реалиями, прием поморфемного и пословного перевода, недополненный оригинальным названием, может привести к большим помехам и сбоям в межкультурной коммуникации, потому что у участников дискурса нет, как в случае 2.2 или 2.1, возможности правильно обозначить туристический объект:

После посещения Кёльнского собора мы пройдем по улочкам и переулкам старого города, где в Средние века проживали ремесленники и купцы. А подтверждением этому служат названия улиц и площадей: ***Соляной переулок***, ***Рыбный рынок***, ***Железный рынок***, ***Сенной рынок***, ***Рыночная площадь*** (*http://kompass-komfort.de/tours/metropolii_na_rejne_za_1_evro*).

Шварцвальдский торт («Черный лес»).

В Берлине стоит попробовать Берлинское белое – светлое пшеничное пиво с небольшим содержанием алкоголя.

Золотая крыша

Вполне приемлемым решением проблем, аналогичных указанным в пп. 2 и 3, представляется комбинированная номинация, содержащая и оригинальное, и транскрибированное переводное название, и нередко – разъяснительный / описательный перевод:

Как же Гамбург получил свой ***Свободный порт*** (***Freihafen***) и что, собственно, означает этот статус? (*http://www.e-reading.link/bookreader.php/1029710/Frey_-_Gamburg._Putevoditel.html*).

Санкт-Паули (St. Pauli): Прогулявшись вечером по этому кварталу досуга вокруг ***легендарной улицы Репербан*** (***Reeperbahn***), можно найти и эротику, и серьезную культуру, и просто развлечение (*http://libes.ru/167114.html*).

4. **Нарушение узуса как результат буквального перевода/калькирования** не всегда оказывает негативное воздействие на качество вербального компонента гипертекстов туристического интернет-дискурса. Безусловно, сложно принять номинации, которые представляют собой очевидные речевые ошибки: *Переднеазиатский музей, обзор по истории Берлинской стены, помощь в ориентировании на обширной территории, наглядная экспозиция, необычайная экспозиция*. Ошибки такого плана не нарушают референцию, но производят плохое впечатление, потому что качество коммуникации ухудшается. Однако имеют место и вполне приемлемые переводческие неологизмы, хотя они не сразу входят в специальную лексику анализируемого дискурса:

Полнодневная экскурсия в Альпы с посещением замка Нойшванштайн.

Полнодневная экскурсия в Майсен с посещением фарфоровой мануфактуры (http://www.viktoria-reisen.com/).

Буквальный перевод *ganztägige Tour*, *Stadtführung*, *Stadtrundfahrt* – *полнодневная экскурсия* (*общ*. – продолжающийся целый день; длящийся целый день; круглосуточный; суточный, *юр*. – целодневный) в данном случае представляет собой *неологизм*, который имеет право на существование, поскольку образован по продуктивной словообразовательной модели и, реализуя принцип языковой экономии, в свернутом

варианте отражает значение *продолжающийся целый день*. Если попытаться найти контексты употребления атрибута *полнодневный*, обнаружатся ссылки только на туры, связанные с немецкоязычными туристическими бюро. Таким образом, можно предположить, что данная номинация туруслуги пока только входит в русскоязычный дискурс. Отметим, что на первоначально окказиональный характер многих единиц туристической лексики, обозначающих новые услуги в рассматриваемой сфере, трансформирующийся в общеупотребительный, указывает в своей статье, посвященной анализу туристического блога как жанра интернет-коммуникации Т. А. Голикова [1, с. 271–279]. Отметим, что отдельного рассмотрения требует вопрос о влиянии окказионализмов на оформление институциональных клише:

> Мы охотно находимся в распоряжении клиента в любой день недели с 9.00 до 22.00 часов по среднеевропейскому времени. При выполнении делового сервиса – с 8.00 часов непрерывно до 23:00 часов (*http://www.hamburgtour.ru/page/o-nashem-agentstve.html*).
>
> Если вы не нашли подходящее предложение на нашей странице – звоните!!! Мы сочетаем немецкое качество и русское гостеприимство (*http://m-reisen24.de/busreisen-экскурсии/ct-wien-salzburg/*).

Можно констатировать, что номинативные и узуальные ошибки, нарушающие межкультурную коммуникацию, мешающие адекватному восприятию туристического объекта, навязывающие далекие от нормы и узуса денотативные решения, представляются серьезной проблемой, которая доступна для решения в рамках лингвистического исследования. Изучение туристического дискурса выступает, таким образом, основой оптимизации глобального диалога культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голикова Т. А*. Туристический блог как жанр интернет-коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Вып. 12. – Орел : ОГИИК : Горизонт, 2014. – С. 271–279.
2. Дискурс как социальная деятельность: проблемы институциональной коммуникации: Коллективная монография / под ред. И. И. Халеевой. – М. : ИПК МГЛУ «РЕМА», 2010. – 200 с. – (Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 18 (579). Сер. Языкознание).

3. *Лиховидова Е. П.* Авторские стратегии построения гипертекстового пространства англоязычных интернет-сайтов отелей: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008. – 21 с.
4. *Митягина В. А.* Глобальные и этнокультурные характеристики жанров туристического дискурса в Интернете // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: Коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта : Наука, 2014. – С. 271–291.
5. *Новикова Э. Ю.* Дискурсивно обусловленный культурный трансфер в переводе путеводителя // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – Волгоград, 2014. – № 3 (22). – С. 60–66.
6. *Новикова Э. Ю.* Экскурсионное обслуживание как объект профессиональной переводческой деятельности в рамках туристического дискурса // Известия Саратов. ун-та. – Саратов, 2014. – Т. 14. – С. 39–43. (Новая серия. Филология. Журналистика; вып. 3).
7. *Погодаева С. А.* Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2008. – 234 с.
8. *Томская М. В.* Антропонимы как результат гибридизации // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика. – Ч. I. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 269–276. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 19 (652). Сер. Языкознание).
9. *Тюленева Н. А.* Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе: дис. … канд. филол. наук. – Омск, 2008. – 269 с.
10. *Филатова Н. В.* Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М. А. Шолохова. – М., 2012. – С. 76–82. – (Сер. Филологические науки, № 2).
11. Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий: Коллективная монография / под ред. И. И. Халеевой. – М. : ИПК МГЛУ «РЕМА», 2011. – 404 с.

УДК 81’139

А. Моргенстерн, П. Бопуаль

Моргенстерн А., доктор филологических наук, университет Новая Сорбонна, Париж 3; e-mail: Aliyah.Morgenstern@univ-paris3.fr

Бопуаль П., аспирант, университет Новая Сорбонна, Париж 3; e-mail: Aliyah.Morgenstern@univ-paris3.fr

ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОВЛАДЕНИЮ ЯЗЫКОМ: ВЫРАЖЕНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Цель исследования заключается в анализе развития полимодальных навыков у детей. Изучение способов выражения отрицания на основе данных об общении взрослого и ребенка, взятые за несколько лет, дает уникальную возможность анализа полимодальных способностей детей. В некоторых работах отмечается, что отрицательные речевые акты обладают трансмодальной континуальностью. Мы собрали и проанализировали все действия, жесты, звуки и слова, произведенные франко- и англоговорящими детьми за период от одного до трех лет. Результаты показывают, что сначала зрительная и слуховая модальности объединяются общей интенцией, а затем начинают выполнять разные функции, каждая из которых усиливает или дополняет другую.

Ключевые слова: овладение языком; жест; полимодальность; отрицание.

Morgenstern A.

Dr. habil., Sorbonne Nouvelle University – Paris 3; e-mail: Aliyah.Morgenstern@univ-paris3.fr

Beaupoil P.

Ph.D. Student, Sorbonne Nouvelle University – Paris 3; e-mail: Aliyah.Morgenstern@univ-paris3.fr

MULTIMODAL APPROACHES TO LANGUAGE ACQUISITION THROUGH THE LENS OF NEGATION[1]

The aim of our research is the construction of a developmental overview of children’s multimodal skills. The study of the expression of negation in longitudinal data of adult-child conversations is a privileged locus to analyze children’s multimodal skills. A number of authors have observed the transmodal continuity in the expression of negative speech acts. We coded and analyzed all the actions, gestures, vocalizations and verbal productions of a French-speaking and an

[1]This research has been supported by Russian Science Foundation grant # 14-48-00067.

English-speaking monolingual child from one to three years old. Results indicate that the visual and auditory modalities are first combined into one communicative intent and then used with specific functions, which either reinforce or complement each other.

Key words: language acquisition; gesture; multimodality; negation.

Through constant exposure to adult input, in dialogue, children's language gradually develops into rich linguistic constructions that contain multiple cross-modal elements subtly used together for coherent communicative functions. The study of the expression of negation in longitudinal data of adult-child conversations is a privileged locus to analyze children's multimodal grammar under construction. Indeed, previous research on first language acquisition has highlighted a tight relation between actions, gestures, signs and speech to express negation. As discussed by Spitz [33] and Clark [8], children's first negative constructions seem to take over from early gestures of rejection and avoidance. In parallel to this developmental observation, for Kendon [22], in many cultures, gestures of negation are a progressive ritualization of spontaneous actions. In both cases, bodily reactions and actions are transformed into communicative gestures. A number of authors have observed the transmodal continuity in the expression of negative speech acts [3] and how negation is expressed through gestures as early as the end of the first year, sometimes before the first verbal markers [18]. However, the use of multimodality differs according to children's development. The multimodal resources are first used in an integrative manner in the service of a global communicational intent. The productions become more complex as the children grow older and each modality expresses specific functions, which either reinforce or complement each other. In this paper, we will first set the framework of our multimodal approach to language acquisition, then focus on negation. A study of two little girls' expression of negation will illustrate our approach. We first present quantitative analyses to show the similarities and differences between their pathways from one to three years old and end with qualitative analyses of the evolution of the use of gestures in our data.

1. Acquisition, dialogue and multimodality

Language – a social phenomenon – is captured, internalized and reconstructed again and again by each individual child thanks to its transmission by care-givers in their daily interactions with their upspring. Joint parent-child action / interaction provides the scaffold for children's

growing ability to grasp both what is happening around them, and what is being said in the situation. They learn to understand language and action together, each providing support for the other. To examine how children come to use language in general, one must examine the broader context in which they experience events and interaction. Gestures, verbal productions, signs, gaze, facial expressions, and postures, are all part of our socially learned, inter-subjective communicative system. Human beings, with all their representational skills, combine modalities in order to share meaning, to refer to present and absent entities and events, to express their intentions, their desires and their inner feelings. As McNeill [25, p. 2] pointed out, we might "broaden our concept of language." Research in signed languages has helped to show how the visual modality can be used symbolically. Thanks to combinations of experimental and field studies, video recordings, specialized software, multi-language databases, theoretical approaches that include multiple levels of analyses, and thanks to rich collaborations among experts from several scientific fields, we now have the tools to pursue the insight that "vocal language is inherently multimodal" [29, p. 216].

One approach to children's linguistic knowledge is to study longitudinal naturalistic recordings of individual children and analyze both the children's productions and the input they receive over a certain period of time. Child language research is one of the first fields in which spontaneous conversation data was systematically collected, initially through diary studies, and later by audio and video recordings shared worldwide thanks to the CHILDES project [24]. Corpora from various languages therefore form the backbone for a large number of issues in the field.

The data-centered method has allowed many researchers to confirm that in the course of their development, children make their way through successive transitory systems with their own internal coherence [11]. This phenomenon can be observed at all levels of linguistic analysis.

Following Tomasello [35], we assume that children initially learn concrete chunks of language, linguistic gestalts that can take different sizes and shapes, in dialogue. They then generalize across those various elements in order to assemble abstract constructions [14; 16] in the process of creating new utterances. These linguistic constructions are units of language that contain multiple cross-modal elements used together for coherent communicative functions. Language acquisition is a fruitful field in which to apply Construction Grammar and in particular "Multimodal Construction Grammar." The 19th-century observers of child language had

already expressed their intuitions about gestalt language in their diaries about their own children [34; 31]. These intuitions were expanded by many developmental-functionalist approaches to language acquisition [5; 10] to relate language development to other domains of cognition and to its social, conversational anchoring.

The starting point of language acquisition scholars' interest in gesture, visible bodily action or object-actions [32] could be summarized in de Laguna's assertion that "in order to understand what the baby is saying you must see what the baby is doing" [13, p. 91]. Children's productions are like evanescent sketches of adult language and can only be analyzed in their interactional context by taking into account shared knowledge, actions, manual gestures, facial expressions, body posture, head movements, all types of vocal productions, along with the recognizable words used by children [27]. Research in language acquisition has therefore developed the tools, methods, and theoretical approaches to analyze children's multimodal productions in context as early as the second half of the 19th century, through scientists' diary observations of their own children, followed by audio and then video-recordings made by outside observers. The detailed follow-ups of children's language anchored in their daily lives are a source of links between motor and psychological development, cognition, affectivity, and language.

2. Negation in language acquisition

Stern & Stern in 1928 had already noticed how early "no" and its equivalents were used in language acquisition and there has been a whole lineage of valuable scientific literature on that topic. However, actions and gestures interpreted as negative in dialogue have not thoroughly been included in research on negation. Tracing the transitions or complementarities between actions and gestures, and between gestures and verbalized/signed expressions in very young children, and apprehending the function of each modality can be quite complex. While the expression of negation may vary in terms of non-verbal and verbal form, and may not always exist in a dichotomous system, a unifying feature endures: all human systems of communication have a representation for negation [20, xiii]. Human beings use negation as a pragmatic tool for a whole set of functions, including refusal, denial, prohibition, and even affirmation in anaphoric negations [38; 4]. The study of negation in a pragmatic context is especially propitious in the

context of language acquisition. Children learn how to use negation as a tool to express their needs, their desires, and ultimately, their will, which is part of establishing their own identity [26, p. 10].

Gesture is a cornerstone in the development of negation, and should not be neglected. Clark & Clark [9, p. 348] report that the first expressions of negation are gestural, possibly combined with one word. According to Darwin (1899), habitual gestures, such as the headshake, have become associated with the movement of certain muscles. Darwin argues that the association between the intention behind the movement and the movement itself is so strongly imprinted in the mind that it becomes natural to perform that gesture with its corresponding intention. Darwin provides the example of a man wishing to get rid of someone. In "passion", he will move his arms as if to push the person away [12, p. 75] therefore enacting his intention. This could be paralleled in children's early bodily manifestations of negation. Mimetic schemas for imitable actions, shared representations of objects that can be manipulated, ground the acquisition of children's first gestures and first words or signs [39]. In addition, evidence from brain and behavioral studies shows that language use engages motor representations and that through complex imitation, manual-gestural communication in social interaction leads to spoken language [2].

Some researchers claim that there is an initial period when children produce communicative symbolic gestures independent of speech. In this initial stage, gestures are unaccompanied by speech sounds [3; 6]. However, gestures are not a sole modality of expression for long – as soon as children can break into the verbal realm, they learn to coordinate the two modalities within a single utterance. This shift from the gestural to the verbal does not necessarily attest to the child's preference for one modality over the other, but more likely takes place because of the abundance of verbal information in the child's input [3]. Other studies on the gesture-word relation have highlighted that symbolic gestures tend to develop in tandem with early words, which could mean that they are a manifestation of the same cognitive development [23]. For a number of children, gestures seem to represent an alternative means of expression until the linguistic means for the same function is available [1]. In the continuity of these studies, Guidetti [17] points out that, aside from pointing, gestures of agreement and refusal are the first symbolic gestures used by children, although the verbal modality for such functions already prevails at 2;00.

The first forms of negation are non-verbal: either vocal (intentional crying or babbling) or gestural (headshake, pushing away or physically stopping). It is yet to be definitively established which of these manifestations of negation are the first to emerge. Volterra et al. [37], suggest that vocal and gestural symbols (in general) emerge around the same time. In their study of children between the ages of nine and thirteen months, they found a correlation between the frequency of use and the rate of acquisition for both vocal and gestural symbols. The same pattern may be true for the meaningful use of negation since it has been proposed that the gestural manifestations of negation can be traced back to the earliest voluntary movements of the new born [33]. It should be noted, however, that the earliest manifestations of negation are not "gestural" in the true sense of the word; they are not representational and symbolic, but more accurately described as bodily movements that derive from natural expressions and will become re-organized as culturally specific gestures later on. The earliest forms of negation have largely been ignored in the modern, psycholinguistic approach in preference for studies focusing on verbal negation. It seems that the earliest stages and the development of negation have not received due attention. It should be acknowledged however that groundbreaking work was done, notably by Pea (1980) whose aim was to describe the transition period from nonverbal to verbal negation. He was also one of the few researchers to treat nonverbal and verbal on equal part. Contemporary researchers are now beginning to focus on this topic [17].

The study of the expression of negation via gesture is gaining ground, as is shown in Kendon's [22] study of the headshake, or [7] and [9] studies of gestures of negation. These analyses are interesting for the semantic values of adult gestures, however, in children's first uses of gesture, the forms are not this finely articulated – a horizontal movement of the hand will not be as clear-cut as the adult version – perhaps because these are cultural acquisitions that serve as intensifiers in speech or as an expression of attitudes about what is said, or as a form of meta-language [22]. Since children do not have a grasp of the subtleties of expression, gesture for them serves a more pragmatic purpose. It is only once the foundations of language have been acquired that children can supplement their expressions with gestures. The child's frequent and stubborn refusals are often accompanied by body movements and actions. The first symbolic gestures expressing negation are intentional and more controlled movements and the first of these to emerge is the headshake. The headshake is one of the most

widely recognized head gestures. Kendon defines eight ways in which the headshake can be used, including the use of the headshake alone, with a verbal "no," with speech to express implicit negation, or to complement a negative theme, to supplement superlatives, or as a metalinguistic tool for self-corrections. Thus, the headshake can be considered to play an important role in the meaning of linguistic utterances; it can either complement or anticipate an act of negation, or act alone. Indeed, because they cannot always be glossed by words, gestures (alone or in combination with words) express something about human experiences that cannot be captured by any other modality.

Other gestures are used by children to express negation, but they occur less frequently in the data. We have a few occurrences of shoulder shrugs and/or open arms palms up open hands that indicate lack of knowledge or absence. The headshake "no," and the gesture of raising palms up in the air for "all gone" (disappearance) or the shrug to express "I don't know" or "there is no X" are conventional gestures, because their meaning is specific to certain cultures and they are learned as such by children in the same types of situations as words or signs. We will also be particularly interested in children's non-conventional body movements expressing negation that we call "actions" and that are interpreted in dialogue by their addressees as negations. The aim of this study is to trace children's pathways into full bloom multimodal expressions of negation.

3. Data and Method

In line with the literature on gestures, the use of a multimodal approach emphasizes our desire to consider language as a communication system relying not only on words but also on the other modalities of expression used alone or in combination. In this longitudinal study, we analyzed the expression of negation in the utterances of a typically developing English monolingual child named Ellie and a French monolingual child named Madeleine from the *Paris Corpus* [28]. Ellie was born in England. Her grandmother filmed her and her mother in their natural environment for one hour a month from ages 0;10 to 4;00. In the great majority of the recordings only the mother and the child were being filmed by the grandmother. Yet, because these films are made at home and in a private sphere, other participants like the child's father or aunt are sometimes present on the videos. Madeleine was born in France and was filmed by Martine Sekali (2012) who is a linguist and her neighbor. Both Madeleine and Ellie's

parents are college educated middle class adults. The present paper casts a new light on the traditional analyses of children's first negative utterances in using a new methodological perspective.

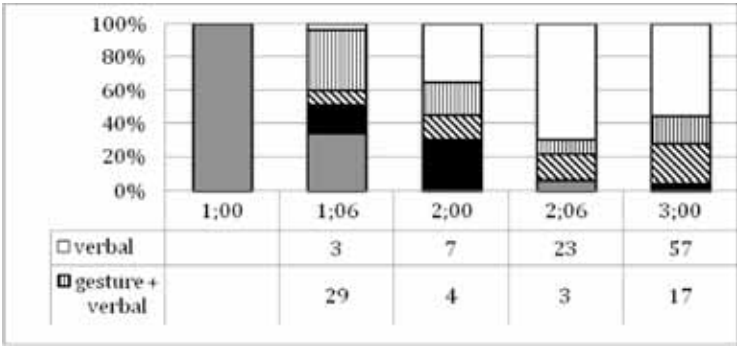
The coding system was developed by a group of researchers in Paris. We conducted a multimodal and multilevel analysis of the emergence of negations and we coded actions, gestures, vocalizations and words of mother and child from sessions every six months from 1;0 to 3;0. We used Excel and CLAN with video data and transcriptions to analyze the negative functions the child expressed and the context in which they occur in dialogue.

The children have a complex system at their disposal that includes symbolic and non-symbolic means of expressing negation in two modalities. They can use the visual modality and produce actions and symbolic gestures or they can use the auditory modality and produce vocalizations or words. We consider gestures such as head shakes, or shrugs and words such as "no" "all gone" as symbolic conventional means of expressions words whereas we consider actions such as pushing away a glass of milk or vocalizations such as screaming as non symbolic means of expressions.

4. Quantitative Results

4.1. Ellie's expression of negation

Graph 1 shows the results of our coding for Ellie's longitudinal data.

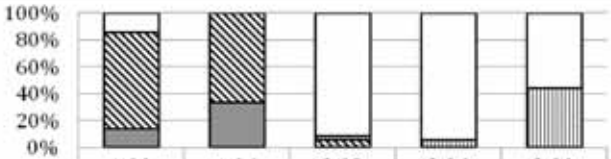


Graph 1. Rate of actions, gestures, and speech and number of occurrences per category in **Ellie'sdata**

At the beginning of the data, action seems to be sufficient for the child to express negation. Beaupoil et al. (in press) have shown that the child begins to use gestures and enters a symbolic mode of expression at 1;02. But as early as 1;06, she is already using an important proportion

of symbolic means of expression, and predominantly with gestures (over 30% gesture in isolation and 35% combinations of speech and gesture). After 1;06, speech is the predominant modality either in isolation (over 35%) or combined with gestures (20%) or actions (15%). At 2;06, there is a decrease in the use of gestures (less than 10% and always in combination with speech). However the use of gestures makes a comeback at 3;00 in combination with speech (almost 20% of all negative productions) and in isolation. Overall, the child uses actions in 35% and gesture in almost 30% of her negative productions. Even though 71% of the child's productions involve speech, only 35% of them are only verbal, 36% of the negative productions coded for this study are combinations of speech and either an action or a gesture. What is also extremely important is that as speech becomes predominant, Ellie's spoken negative utterances are more and more complex. We observe that her spoken productions for negation are constantly getting more elaborate. At 3;00 the child's negative utterances have an MLU – mean length of utterance – a little bit below 3. In only three years, she has developed a good mastery of her mother tongue. Even though speech becomes predominant around 2;00, an analysis of negations restricted to speech would leave aside a great proportion of Ellie's productions and the role of the visual-gestural modality in her pathway. The come-back of the visual modality in the role of co-verbal actions and gestures at 3;00 also seems to indicate that once Ellie has acquired the verbal means to express negations, she can still resort to actions and gestures to complement her speech.

4.2. Madeleine's expression of negation



	1;00	1;06	2;00	2;06	3;00
verbal	2		102	34	20
gesture + verbal			4	2	16
action + verbal	10	4	6		
action	2	2			

Graph 2. Rate of actions, gestures, and speech and number of occurrences per category in **Madeleine's data**

Madeleine's pathway is quite different from Ellie's as she does not use gestures during an intermediary period to enter the symbolic expression of negation. She is already producing speech at the beginning of the data, but mostly in combination with actions interpreted as negative by her addressee and the coder (pushing away toys, turning away from her mother, avoiding spoonfuls of food…). At 2;00 her speech in isolation is highly predominant (over 90% of her productions). However, co-verbal gestures start emerging and are part of 45 % of her productions at 3;00. Gestures seem to be used by Madeleine once she has a finer mastery of speech. As she has been extensively studied in the CoLaJE project, we know that Madeleine's mastery of speech is quite precocious and that as of 2;03, she has mastered the French phonological system, she uses quite a variety of grammatical tenses [28], produces 3 argument clauses, prepositions and connectives, she refers to herself in the first person, starts using complex sentences and can self-repair her utterances.

5. The blossoming of multimodality

The analysis of each child's individual pathway into negation clearly demonstrates their differences but there are some common features. In this section, we will analyse two examples drawn from Ellie's data (for simplicity since the data is in English) but both children's multimodal skills follow similar paths from an integrative multimodal intent, to more elaborate use of each modality for specific functions.

All the children who have access to the gestural-visual and auditory-vocal modalities use them both but they all start expressing their rejections and refusals with actions that are clearly interpreted by their interlocutors and integrated in the on-going dialogue. Children's neurological maturation enables them to control their bodily movements and transform them into gestures thanks to increasingly finer motor skills. Some of these gestures are assigned meaning by their interlocutorsas in the following example.

(1) Ellie 1;05 *Ellie and her grandmother are outside and playing with a toy pushcart in which her Teddie bear is seated. The grand-mother has just asked Ellie if she is going shopping.*

Grandmother: Do you need your basket?
Ellie: 0.
Action: holds the handles of the push-chair.
Gaze: looks behind her.

Ellie: 0.

Action: moves her upper body from left to right.

Grandmother: +< Mummy might find your basket.

Ellie: 0.

Action: Ellie lets go of the stroller, turns her back on the camera.

Gesture: produces a palm-up gesture (8 seconds)

Grandmother:Oh! We don't know where it is, do we Ellie?

Ellie: 0.

Action: Ellie walks away looking for the basket.

Gesture: Her arms are still in a palm-up configuration

but there is no tension in her hands.

Grandmother:oh! She says, I don't know.

Ellie: uh uh::

Action: looks for the basket.

Gesture: Palm-up gesture.

Mother: Ellie!

Action : She holds out the basket.

Ellie: 0.

Action: Ellie turns round to face her mother.

Ellie: Mummy:::!

Action: walks to the mother, extends her arm to take the basket.

At 1;05, the child's lexicon is still very limited but she knows the negative marker *no* and uses it from time to time even if her communicative system still relies on body actions. In this sequence, Ellie is involved in a we-relationship [15] because there is a community of space and of time between the inhabitants of the interaction. There is also a strong link with the environment in which the interaction is taking place as well as with objects: the three inhabitants – the child, the grandmother who is filming and the mother - are looking for a basket. The notion of co-operation is fundamental in this sequence, as the grandmother is co-constructing what we could call the child's narrative (the sequence of events that are taking place form a story that they are acting out together). When her grand-mother asks her where her basket it (to go shopping), without speaking, Ellie lets go of the stroller, turns her back on the camera and produces a palm-up gesture with both hands. She walks toward the garden, looking for the basket, her arms still held in a palm-up gesture configuration. According to the grandmother this gestural form has an epistemic meaning; she interprets Ellie's gesture and glosses it when she says "oh we don't know where it is, do we Ellie" and "oh, she says, I don't know". At this early age, it is still quite complex to distinguish between expressing absence and asking where the object is. The palm-up gesture Ellie produces in this sequence encapsulates both meanings because she successively answers her grandmother's questions and looks for the basket. The gesture Ellie produces expresses an observation the child makes based on the environment: the basket is not present in the environment; as soon as she starts looking for the object the gesture's meaning turns into "where is the basket?" This analysis is reinforced by the second production of a palm-up gesture when Ellie turns to face her mother, thus showing that she hasn't found the basket and has no other choice now but to ask for her mother's help.Instead of using speech, in this example, Ellie has resorted to a conventional gesture which has entered her repertoire at the beginning of hersecond year, the epistemic gesture or shrug + palm up gesture. Gestural communicationdoes not disappear with the emergence of vocal productions and especially that specific epistemic gesture. Ellie uses that gesture 57 times in our data between 1;0 and 3;0 and there are as many occurrences in the first half of the data as in the second half. Furthermore, it is still largely used by adults themselves in combination with vocal productions (). Gestures do not only remain

functional but diversify in form and function as children become skilled multimodal conversationalists.

(2) Ellie, Palm-up avec verbal (3;00)

Ellie: 0 [=! making a horse noise] .

Action: Plays with her horse toy.

Ellie: where's the yellow horsy?

Gaze: looks up.

Gesture: palm-up gesture on the right hand.

Mother: <oh hey Maria> [=! neighs] !

Action: Plays with a horse toy.

In this excerpt, Ellie is playing with her mother. She puts a horse toy into a small stable her mother built for her, then she looks up, flips her right hand up and asks "where's the yellow horsy?" At 3;00 Ellie is able to combine her gestures with speech. The gesture she produces is less visible than the ones she used before 2;00. As Ellie grows older, her gestures are less and less distal. In this example, she produces a hand flip with her hand held close to her body and not extended in the adult's direction. At 3;00, Ellie's gestures are less visibly displayed in the environment and more subtle. In this sequence, Ellie produces the gesture with speech and uses the word *where*. At 1;05, Ellie didn't combine the gesture with speech but thanks to the context we could understand that she meant "the basket is not there, where is it?" At 3;00 she is able to put her thoughts into words without her mother or her grandmother's help. However, gesture and speech in combination are not redundant. Her spoken utterance is a question and she is asking for missing information; the gesture shows that the referent is not within the child's field of vision. In this combination, the speech is not syntactically or semantically negative, yet we argue that the gesture has negative meaning and expresses absence – a common negative function observed in children's data [4].

At the end of our data, Ellie thus combines the specific functions of speech and of gesture to express a rich range of subtle and complex contents.

Conclusion

The two little girls, despite their differences both use the multi-semiotic resources at their disposal and progressively enrich the complexity of their productions.At the beginning of the data, they both seem to be more involved in non-conventional bodily movements to express rejection or avoidance and will then use the conventional gestures and words that surround them. Their vocal productions (even screaming and crying) are going to develop into symbolic spoken productions. Interestingly enough, each child follows a different pathway. Madeleine enters the verbal modality very early and co-verbal gestures are added as soon as her speech is quite elaborate. Ellie uses more symbolic gestures before she masters speech. If we analyse the forms used in detail, we can observe how the two children are both multimodal from the very beginning but also how the use of multimodality differs according to the stage they are in, and their cognitive, motor and linguistic development. The multimodal resources are first used in an integrative manner in the service of a global communicational intent and will then be subtly mastered. The productions are going to become more complex and each modality can then be used with specific different functions, which either reinforce or complement each other.

Madeleine and Ellie's very sophisticated gesturing illustrates, specifies, reinforces or modalises the meanings of their vocal productions. Gestures thus continue to enhance the blossoming of children's communication skills after the "pre-linguistic" and the first gesture-word combinations. They are part of an intersubjective multimodal communicative system in which it is more and more complex to tease apart gestures from speech. The performative, interactional and sociocultural nature of language involves the cooperation of both modalities, with one constantly supporting, extending or modifying the other.

REFERENCES

1. *Acredolo L., Goodwyn S.* Symbolic gesturing in normal infants // Child development. – 1988. – # 59 (2). – P. 450–466.

2. *Arbib M. A.* How the Brain got Language, the Mirror System Hypothesis. – Oxford–N. Y. : Oxford University Press, 2012. – 432 p.
3. *Bates E., Benigni L., Bretherton I., Camaioni L., Volterra V.* The emergence of symbols: Cognition and communication in infancy. – N. Y. : Academic Press, 1979. – 388 p.
4. *Bloom L.* Language development from two to three. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 528 p.
5. *Budwig N.A* developmental-functionalist approach to child language. – Mahwah–NJ : Erlbaum, 1995. – 240 p.
6. *Butcher C., Goldin-Meadow S.* Gesture and the transition from one-to two-word speech: When hand and mouth come together // Language and Gesture / David McNeill (ed.). – N. Y. : Cambridge University Press, 2000. – P. 235–257.
7. *Calbris G.* La négation: Son symbolisme physique // Interacting Bodies – Corps en Interaction: 2nd Conference of the International Society for Gesture Studies École Normale Supérieure Lettres et Sciences Humaines, Lyon, France, June 15–18 2005. – Lyon. – P. 77–79.
8. *Clark E. V.* From gesture to word, on the natural history of deixis in language acquisition // Human Growth and Development / ed. Jerome Seymour Bruner and Alison Garton. – Oxford : Oxford University Press, 1978. – P. 85–120.
9. *Clark H.H., Clark E.V.* Psychology of language: An introduction to psycholinguistics. – N. Y. : Harcourt, Brace, 1977. – 545 p.
10. *Clark E. V.* First language acquisition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003 – 500 p.
11. *Cohen M.* Sur les langages successifs de l'enfant // Mélanges linguistiques offerts à M. J. Vendryès par ses amis et ses élèves. Collection publiée par la société de linguistique, XVII. – P. : Champion, 1924. – P. 109–127.
12. *Darwin Ch.* A Biographical Sketch of an Infant. – Mind 2. – 1877. – P. 285–294.
13. *De Laguna G.* Speech: Its function and development. – New Haven : Yale University Press, 1927. – 363 p.
14. *Fillmore Ch.* The Mechanisms of "Construction Grammar" // Berkeley Linguistics Society 14. – 1988. – P. 35–55.
15. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – N. Y. : Simon and Schuster Inc., 1990. – 176 p.
16. *Goldberg A.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. – Chicago : University of Chicago Press, 1995. – 276 p.
17. *Guidetti M.* Les usages des gestes conventionnels chez les enfants // De l'usage des gestes et des mots chez l'enfant / Josie Bernicot et al. (ed). – P. : Armand Colin, 1998. – P. 27–50.
18. *Guidetti M.* Yes or no? How do young children combine gestures and words to agree and refuse // Journal of Child Language. – 2005. – 32. – P. 911–924.

19. *Harrison S.* Evidence for node and scope of negation in coverbal gesture // Gesture. – 2010. – 10(1). – P. 29–51.
20. *Horn L. R.* A natural history of negation. The David Hume Series: Philosophy and cognitive science reissues. – Stanford, CA : CSLI Publications, 2001. – 640 p.
21. *Kendon A.* How gestures can become like words // Cross-Cultural Perspectives in Nonverbal Communication / Fernando Poyatos (ed.). – Lewiston–N. Y. : C. J. Hogrefe, 1988. – P. 131–141.
22. *Kendon A*. Some uses of the headshake // Gesture. – 2002. – 2, 2. – P. 147–182.
23. *Kita S., Özyürek A.* What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal? Evidence for an interface representation of spatial thinking and speaking // Journal of Memory and Language. – 2003. – # 48. – P.16–32.
24. *MacWhinney B*. The CHILDES Project: Tools for analyzing talk. – Vol. 2: The Database. – Mahwah–NJ : Erlbaum, 2000. – 118 p.
25. *McNeill D.* Hand and Mind: What gestures reveal about thought. – Chicago : University of Chicago Press, 1996. – 428 p.
26. *Morgenstern A.* Un JE en construction. – P. : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2006. – 178 p.
27. *Morgenstern A., Parisse Ch*. Codage et interprétation du langage spontané d'enfants de 1 à 3 ans // Corpus n°6 “Interprétation, contextes, codage”. – 2007. – P. 55–78.
28. *Morgenstern A., Parisse Ch.* The Paris Corpus, French Language Studies 22(1). – 2012. – P. 7–12.
29. *Muller C.* Gesture and Language // Routledge’s Linguistics Encyclopedia / Kirsten Malmkjaer (ed.). – L. : Routledge, 2009. – P. 214–217.
30. *Parisse Ch., Morgenstern A*. The unfolding of the verbal temporal system in French children’s speech between 18 and 36 months // Journal of French Language Studies. – 2012. – # 22/1. – P. 95–114.
31. *Pavlovitch M.* Le langage enfantin, acquisition du serbe et du français par un enfant serbe. – P. : Champion, 1920. – 203 p.
32. *Sansavini A. et al.* Early development of gestures, object-related actions, word comprehension and word production, and their relationships in Italian infants // Gesture 10:1. – 2010. – P. 52–85.
33. *Spitz R. A*. No and Yes: On the Genesis of Human Communication. – N. Y. : International Universities Press, Inc. New York. – 218 p.
34. *Stern C., Stern W.* Die Kindersprache – Eine psychologische Untersuchung. – Leipzig : Barth, 1957. – 436 p.
35. *Tomasello M.* A Usage-Based Theory of Language Acquisition. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003. – 408 p.

36. *Volterra V., Antinucci F.* Negation in child language: a pragmatic study // Developmental Pragmatics / Elinor Ochs and Bambi B. Schieffelin (ed.). – N. Y. : Academic Press, 1979. – P. 281–303.
37. *Volterra V., Caselli M.C., Capirci O., Pizzuto E.* Gesture and the emergence and development of language // Beyond nature-nurture: Essays in honor of Elisabeth Bates / M. Tomasello, D.I. Slobin (eds.). – Mahwah–N J : Earlbaum, 2005. – P. 3–40.
38. *Wode H.* Four early stages in the development of L1 negation // Journal of Child Language. – 1977. – # 4. – P. 87–102.
39. *Zlatev J.* Situated Embodiment, Studies in the Emergence of Spatial Meaning. – Stockholm : Gotab Press, 1997. – 316 p.

УДК 81’139

К. Мюллер

доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики факультета социальных наук и культурологии, Европейский университет Виадрина, Франкфурт-на-Одере, Германия; e-mail: cmh.mueller@t-online.de

ЖЕСТЫ В РЕЧИ: ПЕРЕМЕННЫЕ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В статье исследуется вариативность отношений между речью и сопровождающим ее жестом. Предлагается обзор риторических и лингвистических исследований жестов в речи. Основываясь на двух эмпирических исследованиях, автор показывает, что связь между жестом и речью имеет тесный, но гибкий характер. Квантитативный кросс-лингвистический анализ жестов, сопровождающих глаголы движения в условиях естественного диалога, демонстрирует, что данные глаголы обычно используются с референциальными жестами движения, но также и с перформативными и дейктическими жестами. Во втором исследовании, представленном в статье, изучается влияние буквального и метафорического контекста на жесты. Участникам эксперимента было предложено воспроизвести определенное предложение и сопроводить его жестами. Результаты показали, что в буквальных контекстах используются телесные жесты, а в метафорических – как телесные, так и сокращенные жесты руки. Автор делает вывод о том, что жесты являются телесными концептуализациями, репрезентирующими то, как говорящие представляют события. Подчеркивается, что жесты вариативны в функциональном плане, обладают специфической семантической или прагматической функцией и указывают на семантическую точку зрения (перспективу) на вербализуемое событие.

Ключевые слова: жест; событие движения в пространстве; метафора.

Müller C.

Dr. habil., Professor of Applied Linguistics at the Faculty of Social and Cultural Sciences at European University Viadrina Frankfurt (Oder); e-mail: cmh.mueller@t-online.de

USING GESTURES WITH SPEECH: VARIABLE COGNITIVE-SEMANTIC AND PRAGMATIC RELATIONS[1]

This article explores the variability of relations between gestures and concurrent speech. After a brief excursion into the rhetoric history of gesture studies current research into gesture and speech from a linguistic perspective is alluded to. Based on two very different empirical studies the point is made that the relation between

[1] The research has been supported by RScF (grant № 14-48-00067).

gestures and speech is tight but at the same time flexible. A quantitative cross-linguistic study of gestures with motion verbs in naturalistic conversations shows that motion-verbs mostly co-occur with motion related referential gestures, but may also co-occur with performative and deictic gestures. A second study investigates in a priming design the influence of 'literal' versus 'metaphoric' context on co-speech gestures. Subjects were asked to repeat the target sentence and perform a gesture with it. Results showed that literal contexts mostly body gestures were used, but in metaphoric contexts both body gestures and more reduced hand gestures were used. As a consequence, it is suggested that gestures are embodied conceptualizations which show how people imagine the events they talk about. It is concluded that gestures vary with regard to function and thus highlight a specific function (semantic or pragmatic) and a semantic perspective on the verbalized event.

Key words: gesture; motion events; metaphor.

There are many works of art that indicate the fact that someone is speaking by showing the person with her or his hands up in the air, gesturing. On the other hand, people who do not speak are depicted with their hands down, in resting positions. Just think of Rodin's famous sculpture «the thinker», who is using his hands to support his head. Gesturing hands are so intricately bound to the act of speaking that they function as an icon for speaking in the visual arts.

Although this close relationship between the verbal and the bodily modes of expression has been known to rhetoricians since Classical times, modern linguistics 'proper', as much as discourse and conversation analysis, have not payed much attention to an analysis of gesture with speech until the nineties.

Notably, with the advent of cognitive science in the early 1990s this changed significantly. It was David McNeill's book *Hand and Mind*: *What gestures reveal about thought* that became a milestone for a fresh view on co-speech gesturing [17]. McNeill advanced a theory that made gestures a highly attractive field of study for psychologists and cognitive linguistics: he suggested that gestures reveal the imagistic part of speakers' thoughts. Despite this psychological view on gesture, he was in line with Adam Kendon's anthropological understanding of gesture and speech as two sides of the same process of utterance [14]. With these landmark insights at hand a field of gesture studies began to take shape, and with it, fertile grounds were provided to take up the rhetorical tradition and study why people use gestures while speaking. Recent books that explore gestures and speech from various disciplinary perspectives offer vivid testimony

of this development: Geneviève Calbris' *The semiotics of French gestures* and her *Elements of meaning in gestures* [3; 4], Alan Cienki and Cornelia Müller's edited volume *Metaphor and gesture* [5], Nick Enfield's *The anatomy of meaning: speech, gesture, and composite utterances* [10], Ellen Fricke's *Origo, Geste und Raum: Lokaldeixis im Deutschen* and *Grammatik multimodal* [11; 12], Adam Kendon's *Gesture*: *Visible action as utterance* [14], David McNeill's edited volume *Language and gesture* as well as his more recent book *Gesture and Thought* [18; 19], Jürgen Streeck's book *Gesture craft* [31], Cornelia Müller and Roland Posner's edited volume *The semantics and pragmatics of everyday gestures* [26] and Müller's book *Redebegleitende Gesten: Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich* [22].

Against this background of linguistic gesture studies [25]this article addresses the variability of relations between hand gestures and concurrent speech. Despite an extremely tight relationship between gestures and their concurrent speech, there is no simple match between the two modalities of human expression. Since both, gestures, as much as language, fulfill multiple functions at the same time and both are independent articulatory modes, many forms of relations are imaginable [23]. Also scholars outside of speech-act theory proper basically agree, that verbal utterances realize something like a propositional content as well as some kind of illocutionary force [1; 30]. This article will suggest that one major reason for the variability of relations between gestures and speech is that gestures may highlight specific communicative functions. Generally speaken, gestures might relate to the semantic content or to the pragmatic function of a given verbal utterance by co-expressing semantic or pragmatic meaning. For instance, when looking at politician's gestures very rarely gestures depicting aspects of referential meaning are found, most of the time we see pragmatic gestures, gestures which embody and perform communicative actions, such as presenting (on the palm up open hand), pointing out (with the precision grip), or rejecting (by holding off or pushing away) arguments [2]. On the contrary, a professor of linguistics, whose goal it is to explain grammatical theory, will use many referential gestures that relate to the abstract grammatical notions, such as verbs, nouns and embedded constituents [20; 21].

Interesting enough, these insights into the manifold functions of co-speech gestures were already discovered way back in Antiquity. At the

height of classical rhetoric Quintilian, late Roman teacher of rhetoric, developed a detailed understanding of the communicative functions of co-speech gestures. Quintilian stands out among other rhetoricians by considering the *actio* (the bodily performance of a speaker), a major aspect of an orator's performance on stage. In his lectures for a speaker *Institutiones Oratoriae* [28, p. 92–106] he distinguished gestures relating to parts of speech (beginning, narration, debate, accusation, conviction), gestures expressing speech-acts (accusing, denouncing, promising, advising, praising, affirming, questioning), gestures expressing affective stance and emotions (certainty, sharpness of accusation, emphasis, affirmation, modesty, anxiety, admiration, indignation, fear, remorse, rage, refusal) and gestures which relate to the structure of speech itself (presenting, structuring and emphasizing the speech, enumerating evidences and discriminating different aspects from one another) [22, p. 33–43; 9; 13].

Although the functional variability of gestures is known since Antiquity, contemporary gesture work has not payed much attention to it. Kendon, however, does address,at least implicitly, a functional variability of gestures much along a speech-act systematics. When speaking about «the gestural component of an utterance» that «can be part of its referential content» [14, p.158] he avoids a speech act terminology, but addresses basically the same phenomenon. This becomes clear, when we see how he describes the pragmatic functions of gestures:

«The functions of the gestures in these examples are instances of what will be referred to as pragmatic functions, by which we mean any of the ways in which gestures may relate to features of an utterance's meaning that are not a part of ist referential meaning or propositional content» [14, p. 158]

We agree with Kendon's decision to groundthe classification of gestures in their functional variability. Elsewhere [22; 23], we have proposed a functional classification of gestures that distinguishes gestures based on their communicative function: concrete and abstract referential gestures (referring to concrete or abstract meaning) from performative gestures (enacting and performing a communicative action) discourse gestures (structuring discourse) and modal gestures (qualifying function, for instance a negative assessment) [27]. This typology follows the same basic distinction of gestures expressing referential content from gestures relating to pragmatic meaning as suggested by Kendon.

semantics	pragmatics
➢ concrete referential gestures	➢ performative gestures
➢ abstract referential gestures (metaphoric gestures)	➢ discourse gestures
	➢ modal gestures
➢ deictic gestures	➢ deictic gestures

Figure 1. Typology of gestures based on the semantic or pragmatic function

In the following, the multifunctionality and the potential variability of gestures will be explored on the basis of two quantitative studies: a cross-linguistic investigation of gestures with motion verbs in naturalistic conversations and a priming experiment that investigates the influence of 'literal' versus 'metaphoric' context on co-speech gestures.

Frequency and types of gestures: Motion-verbs in naturalistic conversations

Whether gestures actually play a significant role in language use can be turned into a simple quantitative question: Do speakers gesture all the time? And what about the distribution of different types of gestures? Are gestures 'glued' to the meaning of a concurrent lexical item? The discussion concerning the prepositioning of gestures with regard to their so-called 'lexical affiliates' could point into that direction [15] even if interpreted in a conversation- analytic way, as opening up a projection space [29]. Because, what is being projected, is the semantic meaning of a gesture. The gesture thus foreshadows the semantics of the up-coming lexical affiliate. Thus, already the notion of a lexical affiliate of a gesture presupposes a semantic relation between a gesture and a given lexical item. The same holds for the results of many experimental cross-linguistic studies on the semantics of co-speech gestures that are used with motion event descriptions [7; 8]. These studies have shown that the 'semantics' of gestures varies along with the language specific semantics of motion verb-complexes. Notably all those studies were based on narratives of a Sylvester and Tweetie Cartoon that participants had seen beforehand and were asked to re-tell for somebody not acquainted with the cartoon. The advantage of such an experimental setting is, apart from generating lots of motion event descriptions, of course

the comparability of the data. On the other hand, this type of research does not tell us anything about the frequency and distribution of different types of gestures. Here a naturalistic setting might be interesting to look at. It has the disadvantage of generating lots of different types of motion event descriptions, but on the other hand it allows us to gain some insights into the potential variability of gestures that are used with a particular semantic domain of meaning.

In a cross-linguistic study of Spanish and German speakers we investigated this assumption by looking at gestures that 10 German and 10 Spanish speakers produced when talking about motion-events [22]. The setting was a naturalistic one, participants were acquainted with each other, and were free to talk about whatever they wanted to. The conversations were about 20 minutes long, they were video-recorded and all the motion-events were transcribed and coded. An annotation system was developed to code the semantics of the lexicalization patterns of motion-event complexes (following Talmy's approach [32; 33]) as well as the semantics and pragmatics of the gestures that co-occurred with motion-events.

In a first step, we looked at how often gestures were used when people speak about motion events. All together, we found 381 verb-complexes with a motion event lexicalization pattern, 58 % produced by the Spanish speakers, 42 % by Germans. When we looked at the frequency of hand-gestures as compared to when hands were in a rest-position, we got basically two unexpected results: first, it turned out that most of the time people did not gesture at all, when talking about motion events in a conversational situation (See Fig. 2). To be precise: German's had their hands in a resting position in 62,5 % of the cases, Spanish speakers in 61,1%. In absolute numbers this makes 100 rest-positions for the Germans versus 135 ones for the Spanish speakers and 60 and 86 gestures for the Germans and the Spanish speakers respectively. In relative numbers thus Germans gestured in 37,5% and Spanish speakers in 38,9 % of the time, when using a verb-complex with a lexicalized motion-event (See Fig. 2).

Apart from this surprisingly small number of gestures that speaker's appeared to use with motion-event complexes in our setting, there was a second unexpected result: German's and Spanish did not differ with regard to the frequency of gestures used. This countered a longstanding stereotype of southern Europeans as using gestures much more frequently than northern Europeans would. Elsewhere, we have suggested that the stereotype is much more based on a different use of gesture space than on the amount of gestures used [22]. However, what interests us here

is, on the one hand, the mere fact of speakers not gesturing all the time when talking about motion-events, and, on the other hand, the functional relation between gestures and motion-verb complexes. Put differently, do all speakers use motion gestures when talking about motion-events? We operationalized this functional relation by annotating the types of gestures people were using and distinguished: referential, performative, discursive and deictic gestures (Fig. 3).

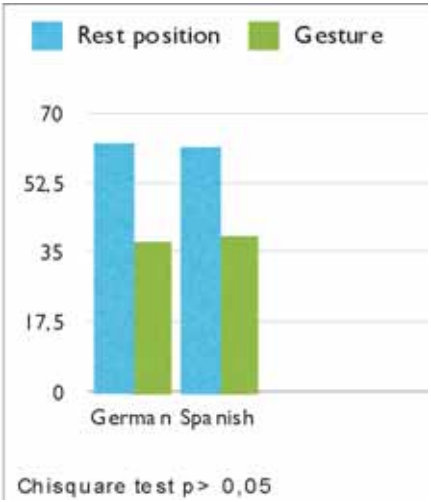


Fig. 2. Comparing German and Spanish speakers' gestures and rest positions when talking about motion-events

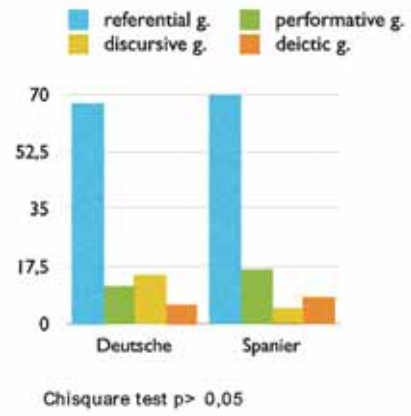


Fig. 3. Comparing German and Spanish speakers' types of gestures when talking about motion-events

Now, if the functions of gestures (referential, performative, discursive, deictic) were invariably bound to specific lexical units, we would expect to see only referential gestures. Yet, this is not what we found. Clearly, most of the time speakers used referential gestures with motion verbs. Spanish as much as German speakers had a high preference to use gestures that relate semantically to a concurrent verbal expression: 67,4 % of the Spanish and 70 % of the gestures that were spontaneously produced when the participants talked about motion-events actually depicted some aspect of a motion-event (e.g., 58 Spanish and 42 German referential gestures in absolute numbers).Yet apart from referential gestures, speakers of both languages used other kinds of gestures with motion verb-complexes: performative (including modals), discursive, and deictic gestures. In relatively small percentages, but still they did (cf., Fig. 4).

	Referential gestures	Performative gestures	Discursive gestures	Deictic gestures
Spanish	67,4 % (58)	11 % (10)	15,1 % (13)	5,8 % (5)
German	70,0 % (42)	16,7 % (10)	5,0 % (3)	8,3 % (5)

Fig. 4. Comparing German and Spanish speakers' types of gestures when talking about motion-events (N= 146)

This is an interesting finding, because it shows that even though people appear to use referential gestures predominantly to express meaning that relates semantically to the lexical item they are co-ocurring with, there is no fixed connection between the two. There are cases in which speakers choose to use a different kind of gesture, a performative, discoursive or a deictic one. This is the kind of variability that we refer to in the title of this article. The relation between the verbal and the gestural part of an utterance is one that is constructed by a given speaker. It responds to the interactive affordances of the situation, it displays and sets up a particular focus of attention and foregrounds the semantic or the pragmatic dimensions of an utterance. Here is where we come back to Searle: gestures can foreground what is implicit in a given utterance. By performing a dismissive brushing aside gesture (performative / modal gesture) while describing how somebody walked up the stairs, speakers may gesturally perform a communicative action that qualifies the semantic meaning of the utterance and thus give gestural meta-communicative comment. But even when gestures relate semantically to the verbal expression we find lots of variability. This is what the next section is about.

Gestural conceptualizations: metaphoric and non-metaphoric contexts

In order to gain a closer understanding of how referential gestures relate to the semantics of co-gestured speech, we designed a priming experiment in which gestures were produced either in the context of a literal or a metaphoric use of the same verbal expression(see also [24])[1]. In this test, the production of a gesture with either metaphoric or literal

[1] I would like to thank Sedinha Tessendorf and Silva Ladewig here explicitly. With their creative minds and fun in inventing fourty story pairs they were the vital forces in designing and conducting the experiment.

target sentences was compared. Fourty stories were designed, in which the same expression was presented one time within a context that prompted a metaphoric and another time in a context that suggested a literal reading of the target sentence. Thirty-six subjects listened to the story from a computer and were asked to repeat the last sentence and to produce a gesture with it. The experiment was conducted in German. Here is an example of one target sentence that was realized in a literal and in a metaphoric context «he unpacked» (German: «erpackteaus»).

(1) *Literal context*

Greece, white beaches a blue ocean. They were finally there. She jumped into the water. He unpacked.

(2) *Metaphoric context*

Bankrobber Ede was up to his neck in it. Again they had caught him and again only him. He asked himself if this was really a coincidence. The inspector offered him a good deal. He didn‘t need to think a lot. He unpacked. (e.g., he revealed his contribution in the crime)

We were interested in the following questions: «Do gestures differ when used in literal and metaphoric contexts of the same verbal expression?» Would it make a difference whether somebody would gesture 'unpacking a suitcase' or gesture the metaphoric 'unpacking' of secrets.Would gestures, which refer to the semantics of a literal verbal expression, differ from those that are used metaphorically, e.g. which relate to the source domain of a verbalized metaphoric expression? Would speakers be more likely to use bodily enactments (full body gestures with a higher semantic density) when talking about 'concrete' rather than 'abstract' topics. After all, in this case 'speakers' were depicting a concrete event often a manual action, a bodily action that they probably had experienced many times, such as the unpacking of suitcase in a hotel room. On the other side, when talking about abstract issues metaphorically, such as the revealing of a secret (here metaphorically as 'unpacking' a secret) would their gestures be more abstract? Would the form of the gestures be more reduced, more abstract in a sense? Without much bodily involvement only reduced to hand movements?

The results came with a confirmation and a surprise: With regard to the literal meanings and the concrete contexts of use the results matched our expectations: We found that people were much more likely to use full body enactments (full body gestures) to describe the action. The woman

depicted in Fig. 5 engages in a very vivid bodily enactment of grabbing with both hands into a suitcase that stands in front of her. We see how she moves both hands in a grabbing configuration fairly far down (into the imagined suitcase) and then moves them up and to her right hand side, where she releases the grabbing configuration as-if-dropping a big pullover right next to her. But she does not only move her hands, she also involves her upper body and her head in the movement. The woman is showing an integrated movement of upper body, head, arms and hands. This is what we conceive of as a full body gesture and this the type of gestures that were predominantly used, when asked to repeat the following target sentence from the literal context: «Greece, white beaches a blue ocean. They were finally there. She jumped into the water. He unpacked.»

Fig. 5. A full body gesture performed in a literal context: "He unpacked"[1]

Most of the time, e.g. 71% of the cases speakers used body gestures when depicting the semantics of a literal verbal expression (cf. Fig. 6). The

[1] Drawings courtesy to Mathias Roloff (www.mathiasroloff.de)

surprise was that even in metaphoric contexts, subjects still used full body gestures in more than half of the cases (55% to be precise) (cf. Fig. 6).

literal contexts	metaphoric contexts
☞ 71 % used body gestures	☞ 55 % used body gestures
☞ 29 % used hand gestures	☞ 45 % used hand gestures

Fig. 6. Body gestures versus hand gestures in literal versus metaphoric contexts

This could, be an artifact of the experimental setting. After all, the setting demanded participants to make a gesture with the target sentence. But it is still interesting that in 45% of the cases speakers performed hand-gestures only, when primed to a metaphoric reading of the target sentence: «He unpacked.»

Fig. 7. A hand gesture performed in a metaphoric context: "He unpacked" (e.g., he revealed a secret)

Fig. 7 shows a typical case of a hand-gesture without much body-movement involved. Although the woman is also using both hands to perform an 'upacking' movement, the rest of her body does not move. Moreover, the configuration is unspecific, hand-shape is not articulated as in our 'concrete' example above. Hands are loose and are moved upwards in a circular motion from the wrist and end in a kind of cupped palm-up-open-hand. The form of the hand-movement is in itself significantly more abstract. It is an interesting finding that the metaphorical contexts triggered almost 50% percent of abstract gestures. This could indicate that for those speakers and gestures the metaphoric meaning of the target sentence was more abstract too. For the full-body gestures the opposite would then be true: when making such an elaborate body gesture the speakers display a very specific bodily conceptualization of the verbalized meaning. Put differently, we see in those gestures embodied conceptualizations of literal and metaphoric meanings. Interestingly enough can those bodily conceptualizations be as vivid in metaphoric contexts as in 'literal' ones, which points to another level of variability in the functional relations, we introduced above. Here we deal with cognitive-semantic variation, that is visible and embodied by either hand or body gestures. The kind of gestural display a speaker chooses, displays his or her imagination and conceptualization of the verbalized meaning.

Conclusion

What can we conclude from these two very different settings? First, much of the latter findings could simply be an artifact caused by the experimental setting. Since the participants were instructed to gesture, while repeating the target sentence and this could have 'forced' them to gesture where they would normally not. However, the fact that we did find a systematic variation of full-body gestures and more abstract hand-gestures indicates that also the specific relations between a referential gesture and its semantic context are variable. What we see in those referential gestures are different bodily conceptualizations of semantic content. This means, semantic variation also applies within the group of concrete and abstract referential gestures. Talking about the same event – even with the same words – will not automatically lead to the same gestures in different speakers or even in the same speaker at another time.

On the other hand, the cross-linguistic study presented above also indicates that gesture students must also be prepared to find variations in the type of gestures, when comparing gestures in similar semantic contexts.

Although it is very likely that we will find referential gestures when looking at a specific class of verbs, such as motion-verbs, it is not always the case that concurrent gestures relate semantically to the verb. Sometimes, performative gestures might be used to comment meta-communicately on the utterance or a pointing gestures might be used to direct the attention of a co-participant to an empty cup of tea, waiting to be refilled. All while the speaker talks about driving a car to Spain. Put differently: there is no such thing as a fixed correlation between gestural and verbal meaning. Gesture and speech are partners in the process of utterance, they are two expressive modalities which are tightly correlated and at the same time independent. In a nutshell, using gestures with speech comes with variable cognitive-semantic and pragmatic relations.

REFERENCES

1. *Austin J. L.* Zur Theorie der Sprechakte (How to do things with words). Stuttgart : Reclam, 1985. – 219 p.
2. *Bressem J., Müller C.* A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // Body – Language – Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction. (Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.2.) / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeilland J. Bressem (eds.). – Berlin–Boston : De Gruyter Mouton, 2014. – P. 1575–1591.
3. *Calbris G.* The semiotics of French gestures. – Bloomington : Indiana University Press, 1990. – 236 p.
4. *Calbris G.* Elements of meaning in gesture. – Amsterdam : John Benjamins, 2011. – 378 p.
5. *Cienki A., Müller C.* Metaphor and gesture. – Amsterdam : John Benjamins, 2008. – 316 p.
6. *Cienki A., Müller C.* Metaphor, gesture and thought // The Cambridge handbook of metaphor and thought / Gibbs, Raymond W. (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 484–501.
7. *Duncan S. D.* Grammatical form and 'thinking-for-speaking' in Mandarin Chinese and English: An analysis based on speech-accompanying gestures. University of Chicago, 1996. – URL: http://mcneilllab.uchicago.edu/pdfs/susan_duncan/S.Duncan_ dissertation.PDF
8. *Duncan S. D.* Co-expressivity of speech and gesture: Manner of motion in Spanish, English, and Chinese // Proceedings of the 27th Berkeley Linguistic Society Annual Meeting. – Berkeley, CA : Berkeley University Press, 2006. – P. 353–370.

9. *Dutsch D.* Towards a grammar of gesture: A comparison between the types of hand movements of the orator and the actor in Quintilian's 'Institutio Oratoria' 3.11.85–124 // Gesture 2. – № 2. – 2002. – P. 259–281.
10. *Enfield N.* The anatomy of meaning: Speech, gesture, and composite utterances. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 264 p.
11. *Fricke E.* Origo, Geste und Raum : Lokaldeixis im Deutschen. – Berlin–N. Y. : Walter de Gruyter, 2007. – 401 p.
12. *Fricke E*. Grammatik multimodal: Wie Wörter und Gesten zusammenwirken. – Berlin–Boston : De Gruyter – 2012. – 296 p.
13. *Graf F.* Gestures and conventions: The gestures of Roman actors and orators // A cultural history of gesture / J. Bremmer and H. Roodenburg (eds.). – Cambridge : Polity Press,1994. – P. 36–58.
14. *Kendon A.* Gesture: Visible action as utterance. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 412 p.
15. *Krauss R. M., Palmer M.-S., Colasante C.* Do conversational hand gestures communicate? // Journal of Personality and Social Psychology. 61, 5, 1991. – P.743–754.
16. *Ladewig S. H.* Recurrent gestures // Body, Language, Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill and J. Bressem (eds.). – Berlin–Boston : De Gruyter Mouton, 2014. – P. 1558–1575 (Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.2.).
17. *McNeill D.* Hand and mind. What gestures reveal about thought. – Chicago : University of Chicago Press, 1996. – 428 p.
18. *McNeill D.* Language and gesture. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 420 p.
19. *McNeill D*. Gesture and thought. – Chicago : University of Chicago Press, 2007. – 330 p.
20. *Mittelberg I.* Metaphor and metonymy in language and gesture: Discoursive evidence for multimodal models of grammar. – N. Y. : Cornell University, 2006. – 324 p.
21. *Mittelberg I.* Peircean semiotics meets conceptual metaphor: Iconic modes in gestural representations of grammar // Metaphor and Gesture / A. Cienki and C. Müller (eds). – Amsterdam–Philadelphia : John Benjamins. – 2008. – P. 114–154.
22. *Müller C*. Redebegleitende Gesten: Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich. – Berlin : Berlin Verlag, Arno Spitz, 1998. – 314 p.
23. *Müller C*. Gestures as a medium of expression // Body, Language, Communication. An International Handbook on Multimodality in Interaction / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill and S. Tessendorf

(eds.). – Berlin–Boston : De Gruyter Mouton, 2013. – P. 202–217. (Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.1.).

24. *Müller C., Bressem J., Ladewig S. H.* Towards a grammar of gesture: A form-based view // Body, Language, Communication. An International Handbook on Multimodality in Interaction / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill and S. Tessendorf (eds.). – Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2013. – P. 707–733. (Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.1.).
25. Müller C., Ladewig S. H., Bressem J. Gestures and speech from a linguistic perspective: a new field and its history // Body, Language, Communication. An International Handbook on Multimodality in Interaction / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill and S. Tessendorf (eds.). – Berlin–Boston : De Gruyter Mouton, 2013. – P. 55–81. (Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.1.).
26. *Müller C., Posner R.* The semantics and pragmatics of everyday gestures. – Berlin : Weidler Buchverlag, 2004. – 262 p.
27. *Müller C., Speckmann G.* Gestos con una valoración negativa en la conversación cubana // De Signis 3 / E. Chauvel and M. Rector (eds.). – Buenos Aires : Gedisa, 2002. – P. 91–103.
28. Quintilian. Instiutionis oratoriae / Ausbildung des Redners. H. Rahn. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988. – P. 485–496.
29. *Schegloff E.A.* On some gestures' relation to talk // Structures of Social Action. Studies in Conversation Analysis / M. Atkinson, J. Heritage (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 266–296.
30. *Searle J. R.* Speech Acts. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 214 p.
31. *Streeck J.* Gesturecraft. The manu-facture of meaning. – Amsterdam–N. Y. : John Benjamins, 2009 – 248 p.
32. *Talmy L.* Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms // Language Typology and Syntactic Description. Vol. III. Grammatical Categories and the Lexicon / T. Shopen (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 57–149.
33. *Talmy L.* Lexicalization Patterns: Typologies and Universals [Cognitive Science Program Report 47]. – Berkeley : Universtiy of California, 1987. – P. 1–9.

УДК 81’25

Э. Ю. Новикова

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский гос. ун-т; e-mail: nov-elina@yandex.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «ГЛОКАЛЬНОГО ГОРОДА» НА ГОРОДСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛЕ[1]

В статье рассматриваются вопросы лингвистического формирования образа туристически привлекательного города на многоязычном городском интернет-портале. Исследование выполнено в русле лингвомаркетологии, лингвопрагматики с учетом социокультурных доминант двух разных лингвокультур – России, Германии. Задача предлагаемого исследования – показать дискурсивно-обусловленные стратегии создания образа «глокального города» на переводной немецкоязычной версии городского веб-портала.

Ключевые слова: туристический интернет-дискурс; межкультурная коммуникация; глокальный город.

Novikova E. Yu.

Ph.D., Associate Professor, Department of Translation Theory and practice, Institute of Philology and Cross-cultural Communication, Volgograd State University; e-mail: nov-elina@yandex.ru

DISCOURSE OF THE «GLOCAL CITY» ON THE URBAN WEBSITE

The article deals with the linguistic formation of an image of an attractive tourist city on the urban multilingual websites. The study is performed in the field of linguistic marketology and pragmatics considering social and cultural dominants of two different linguocultures – Russian and German. The aim of the study is to present discursively determined strategies for creating an image of the so-called "glocal city" on the translated German-language version of the urban web portal.

Key words: travel Internet discours; intercultural communication; glocal city.

В современном медиацентричном мире, ориентированном на вызовы и установки глобализации, большая роль отводится сети Интернет. Интернет, как справедливо отмечает Н. Г. Шилина,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, региональный конкурс «Волжские земли в истории культуры России», проект № 15-14-34001 «Лингвистическая и транслятологическая логистика многоязычного интернет-портала: региональный путеводитель в координатах глобализации (Волгоград и Волгоградская область)».

представляет собой матрицу глокального инфопространства [7], т. е. сочетает интернациональные ценности и сугубо национально-специфические элементы различных дискурсов и видов коммуникации, что, безусловно, ведет к популяризации отдельных видов национального достояния (культуры, экономики, политики, туризма и т. д.) по всему миру. В. А. Митягина характеризует Интернет как новую социокультурную среду, которая применительно к туристическому дискурсу создает особые коммуникативные возможности за счет высокой функциональности виртуальных жанров в удовлетворении различных потребностей лингвосоциума в сфере туризма [4, с. 290]. По этой причине значение имиджевых веб-страниц экономических, политических, культурных, административных и прочих структур, с точки зрения интеграции в глобализованное пространство, постоянно возрастает.

Интересным исследовательским материалом представляется интернет-портал города, который создает определенное социокультурное пространство и сочетает в себе признаки и элементы различных институциональных дискурсов: медийного, виртуального, административного, туристического, маркетингового, культурного и др. Выстраивать иерархию указанных видов дискурсов представляется нецелесообразным, так как каждый из них выполняет целый ряд прикладных, социопрагматических задач для формирования образа глобально-ориентированного города, привлечения внимания широкого круга потенциальных потребителей. Формирование модели «глокального города» представляет собой в современных условиях позиционирования «своей» / «чужой» страны / региона / города важную социально-экономическую задачу. Под «глокальным городом» мы понимаем современный самобытный креативный город, интегрированный в транснациональную культуру. Следует отметить, что прагматическая программа городского веб-сайта может кардинально меняться в зависимости от типа потребителя – представителя своей или чужой лингвокультуры.

Для иноязычных пользователей и гостей городского веб-портала наиболее релевантной будет информация туристического характера, в соответствии с этим вырабатывается прагматически ориентированная стратегия создания иноязычной версии. Интернет, вне всяких сомнений, способствует развитию туристической сферы в целом и вовлечению отдельных городов в глобальное межкультурное пространство, в частности на страницах городских порталов.

Глобализованные условия межкультурного общения и диалога различных общественно-политических структур незамедлительно приводят к развитию туризма и рынка услуг в этой сфере. Туристический дискурс представляет собой сложное полижанровое образование, которое соприкасается со смежными видами дискурсов, например интернет-дискурсом. Гипертекстовое пространство интернет-страниц города позволяет создавать культурно-значимые социокоммуникативные контексты в различных лингвопрагматических формах. Интернет-порталы о городе аккумулируют на своих страницах от краткой до максимально детальной и понятной информации по наиболее интересным культурным достопримечательностям, реализуя при этом основную прагматическую функцию – создание положительного образа и продвижение культурного имиджа.

Изучение лингвокультурной специфики сайта города, с точки зрения прагматически адекватного перевода, представляется интересным ракурсом анализа логики развития и функционирования современных плоскостей взаимодействия, потому что характеристики коммуникации участников массового туризма обусловлены как его универсальной, глобальной социокультурной и экономической программой, так и локальными, национальными особенностями туристического дискурса в целом. Изучение гипертекста связано с большим кругом лингвистических, социологических, маркетинговых, политологических и других задач. Кроме того, в актуальную исследовательскую парадигму интернет-сайт вошел как объект перевода и, по мнению И. Г. Фомичевой, «стал инновационным объектом перевода, а проблема обеспечения полноценности вторичного текста приобрела новые грани» [6]. Иноязычные версии городского портала необходимы для поддержания глобальных интеграционных процессов, связи с партнерами, маркетинговых установок и привлечения туристов в регион. Поэтому полиязычность – это залог эффективности сайта в целом. От качества выполняемых переводов интернет-страниц общественно-значимых учреждений, особенно сложных многожанровых и многофункциональных формаций, таких как интернет-портал города, зависит не только успех маркетинговых стратегий, но и формирование образа «чужой» страны в сознании иностранцев, стереотипизация инокультурных реалий. Переводчик должен обладать обширными знаниями в предметной культурно-специфической области, в области технологии перевода, практическими навыками и умениями, формирующими

его профессиональную компетентность в области письменного перевода и локализации текста. В процессе перевода переводчик формирует определенное переводческое пространство, ориентированное на конвенциональные условия, признаки и задачи коммуникации в целом, на прагматические факторы коммуникативной ситуации, дискурсивно-обусловленные стратегии перевода. Переводческое пространство, по определению Л. В. Кушниной, «это мысленное пространство, куда попадает текст, подлежащий переводу» [3]. Это пространство динамично, оно задает рамочные условия переводческой программы и переводческого действия в каждом конкретном случае. Формально переводческое действие подразделяется на *предпереводческое* (*подготовка к переводу*), *собственно переводческое* (*создание текста перевода*) и *постпереводческое* (*этап редактирования*).

Предпереводческое действие предполагает осмысление условий перевода, целеполагание и выработку стратегии. Применительно к переводу сайта города с целью создания туристически привлекательного образа «глокального города», переводчик должен определить:

- прагматические ожидания «глобального» получателя;
- собственные и смежные дискурсивно-обусловленные стилистические компоненты и признаки текста оригинала;
- их необходимость, функциональную нагрузку при переводе;
- специфику и частотность использования лексических единиц туристического дискурса;
- уровень переводческой адаптации при переводе текстов с установкой на стереотипизированные ожидания представителей «чужой» лингвокультуры;
- способы верификации глобальных тенденций в локальной версии сайта;
- специфику переводческих решений и возможные переводческие приемы и др.

Собственно переводческое действие – это процесс порождения эквивалентного, адекватного и гармоничного текста перевода. Гармоничным текстом, по мнению Л. В. Кушниной, признается текст, который выражает тот же смысл, что и текст оригинала, функционируя в другом языке и другой культуре [1]. В процессе перевода интернет-сайта переводчик сталкивается с двумя понятиями и процессами, учет которых является необходимым переводческим условием: *локализация* и *глобализация*.

Локализация – это, скорее, технический термин, подразумевающий перевод и техническую адаптацию веб-ресурса для иноязычных пользователей с привлечением высококвалифицированных специалистов из области лингвистики и программирования – переводчиков, редакторов, веб-дизайнеров, веб-программистов, тестировщиков и менеджеров проекта [3]. Безусловно, локализация сайта – одна из форм межкультурной коммуникации и, как справедливо отмечают Е. Е. Сухорева и О. В. Шурлина, «локализированый сайт должен выглядеть так, как будто он изначально создан на языке пользователя» [5]. Совершенно очевидно, что прагматическая задача формирования визитной каточки города для иноязычного туриста заключается в локальной адаптации сайта. Локализация предполагает в первую очередь трансфер дискурсивно-значимой информации: административно-политической, экономической, культурной с учетом достижения максимального соответствия ожиданиям потенциальных реципиентов.

Глобализация – это понятие из области интеграционных меж- и транскультурных процессов. Глобализация в переводе, по мнению И. Г. Фомичевой, предполагает учет внешнекультурных, поликультурных требований вхождения в межкультурное информационное гиперпространство [6]. В связи с этим нам представляется логичным и наиболее адекватным в отношении перевода городского интернет-портала употребление термина «глокализация», предложенного Р. Робертсоном, поскольку этот термин подразумевает взаимопроникновение локальных культур в глобализированных условиях, т. е. глобализацию локального и локализацию глобального [8].

В качестве исследовательского материала для лингвистической верификации глобальных и локальных тенденций в процессе создания туристически привлекательного города выступает контент мультиязычного городского портала г. Нижний Новгород (*http://xn--b1acdfjbh2acclca1a.xn--p1ai*), прежде всего его немецкоязычная версия.

Иноязычные версии данного сайта (английская, немецкая, французская, испанская) практически идентичны по своей структуре и языковой манифестации, каждая из них создавалась на основе русскоязычной версии в соответствии с лингвокультурными особенностями языка перевода и переводческим пространством переводчика. Однако все они, тем не менее, обнаруживают ряд принципиальных отличий от оригинала на вне- и внутритекстовом уровнях. Если для

русскоязычного пользователя сайта города важной представляется информация, связанная с решением социально-политических, экономических, экологических и прочих задач, то для иноязычного гостя – скорее общая информация об экономическо-социальном статусе города и более подробная культурно-значимая перспектива. С этой целью переводчик значительно преобразовывает структуру сайта, уменьшает объем подачи информации, сокращает и упрощает меню сайта, акцентирует внимание на возможностях туризма в городе и выбирает языковые средства, которые помогают отразить историческую идентичность и самобытность города, с одной стороны, и ориентированность российского города на глобальную коммуникацию – с другой. В переводной версии на стартовой странице появляется текст-обращение к потенциальным пользователям, гостям сайта с целью привлечения внимания к знакомству с городом.

Страница, посвященная административному руководству, также претерпевает значительные структурные и содержательные изменения в переводе. В переводной версии представлена краткая и наглядная информация о руководстве города и административных ведомств, в то время как оригинальная русскоязычная страница изобилует дополнительной информацией, фото и важными ссылками.

Рубрика «Туризм», по сравнению с другими рубриками сайта, наиболее полно приближена к оригиналу. Однако и здесь заметен ряд отличий, как и в дальнейшей рубрикации окна, так и самом текстовом наполнении. Совпадение обнаружено лишь на половине перечня рубрик.

Sehenswürdigkeiten	**Туристический потенциал**
Hotels	**Гостиницы и отели**
Museen	**Музеи и выставочные залы**
Theater	**Театры**
Reisebüros	**Памятники культуры**
Restaurants und Cafes	*Заказ экскурсии по городу*
Öffentlicher Verkehr	*Народные художественные промыслы на территории города*
Aktuelle Events	*Нормативно-правовые документы по туризму*
Wichtige Rufnummern	*Образование в туризме*
Hinweise zur Pflichtanmeldung	*Видео*
	Контакты

Текстовое наполнение рубрик также отличается. Например, в рубрике «Гостиницы» в русскоязычной версии представлен большой список городских гостиниц с указанием адреса, в то время как в немецкоязычной – наиболее привлекательные, с точки зрения расположения, гостиницы с кратким описанием. Очевидно, что переводная версия ориентирована на уже давно сложившиеся и закрепленные в сознании представителя «чужой» культуры ожидания от подобного рода информации. В немецкоязычной медиакультуре сайт города предлагает краткую информацию о гостиницах. Рассмотрим пример перевода-адаптации, корректного с точки зрения достижения необходимого прагматического эффекта:

Волна**
Адрес: просп. Ленина, 98
Телефон: 8 (831) 295 19 00
(www.volnahotel.ru)

Hotel** «Volna»**

Das Hotel befindet sich in guter Lage in der Unterstadt, gut an den öffentlichen Nahverkehr angebunden. Das Hotel verfügt über 198 Zimmer aller Kategorien. Hotelbars, Resteraunts, Konferenzsäle, diverse Seminarräume, ein Fitnessraum, Saunen, Massage und ein bewachter Parkplatz sind vorhanden.

Adresse:
Prospekt Lenina 98, Nishnij Nowgorod
Tel: (831) 95-19-00, 95-82-44
Fax: 95-19-99
Mail: hotel@volnahotel.ru
(http://www.volnahotel.ru)

Кроме того, обнаружены различия в наполнении рубрики «Sehenswürdigkeiten» и «Туристический потенциал». В русскоязычной версии информация о достопримечательностях представлена размыто и кратко на страницах различных рубрик, в самой же рубрике о туризме освещены возможности города с точки зрения глобального туризма. В немецкоязычной версии, напротив, сконцентрированы, описаны и проиллюстрированы фотографиями наиболее значимые для иностранного туриста памятные места культуры и архитектуры.

Итак, как показывает анализ материала, графический и текстовый контенты анализируемых языковых версий сайта обнаруживают

значительные расхождения в подаче материала. Структура и навигация немецкоязычной версии сайта понятна, проста и логична, что, безусловно, способствует быстрому «погружению» иноязычного туриста в «чужую» культуру, знакомству с новыми культурными реалиями, повышению интереса к ним. Кроме того, достоинством локализованной версии можно считать переводческие решения по прагматической адаптации конвенциональных особенностей сайта города с учетом инокультурных традиций и способов восприятия действительности. Отдельно можно отметить также реализацию маркетинговой стратегии привлечения «глобальных» туристов на стартовой странице англоязычной версии с указанием отдельной рубрики For Investors.

Анализ текстового материала также показал сформированную на основе матричных дискурсивных признаков переводческую программу. Выбор языковых средств в текстах локализированной версии сайта обусловлен их коммуникативно-прагматической и этнокультурной спецификой, с одной стороны, и функциональной направленностью – с другой. Так, в случае реализации рекламно-развлекательной и/или рекламно-информационной функции текста переводчик прибегает к использованию стилистических приемов и средств: экспрессивной лексики, стилистически маркированного синтаксиса, мейоративов, эпитетов и т. д.:

> Wir **heißen Sie** auf der Internetseite der Stadt Nischni Nowgorod **herzlich willkommen**! Wir laden Sie zu einem Besuch ein, damit Sie Ihr **eigenes Nischni entdecken**. **Es lohnt sich, die endlose Weite vom Wolga-Hang zu erblicken**, einen Spaziergang durch die zentrale Fußgängerzone, Bolschaja-Pokrowskaja-Straße, und den alten Kreml zu machen, den berühmten Jahrmarkt zu Nischni Nowgorod zu besuchen. Danach **verlieben Sie sich** bestimmt in unsere Stadt!
>
> **Dieses einzigartige Ensemble** vereinigt die Schlichtheit mittelalterlicher Bauweise mit edler Strenge der klassischen Gebäude des 19. Jh.
>
> Das Schauspielhaus, das den Theaterplatz an der Pokrowskaja-Straße **beherrscht**, wurde anlässlich der Industrie-und Kunstausstellung 1896 erbaut und erinnert an das Mailänder Scala. **Bemerkenswert** ist die Tatsache, dass das Theater nicht mit einem Dramastück, sondern mit einer Oper eröffnet wurde. Das war "Leben für den Zaren", wo die Partie von Iwan Susanin der junge, damals nur wenig bekannte Opernsänger Fjodor Schaljapin sang.
>
> Mitte des 19. Jahrhunderts hatte sich Nischni Nowgrord als **führende Handelsstadt des Russischen Reiches etabliert**.

При реализации информационной функции текст перевода тяготеет к нейтральному, обезличенному и формальному повествованию:

Neben der Tatsache, dass es das Herz eines industriellen Ballungsgebietes ist, ist Nishnij Nowgorod eines der größten Wissenschafts- und Forschungszentren Russlands. In der Stadt befinden sich 107 Forschungsinstitute, 7 davon funktionieren als Abteilungen der Russischen Wissenschaftsakademie. In diesen Einrichtungen sind ungefähr 48000 wissenschaftliche Fachkräfte tätig, 5% von ihnen haben einen wissenschaftlichen Grad/

Die öffentlichen Verkehrsmittel in Nischni Nowgorod sind:

- Busse: staatliche (sogenannte "soziale") und private
- Omnibusse (städtisch)
- Straßenbahnen (städtisch)
- U-Bahn (städtisch)
- Taxi (privat)

Nikolaj Lobatschewskij (1792–1856), ein russischer Mathematiker, Begründer der nichteuklidischen Geometrie

Подводя итог проведенному анализу, можно отметить положительный опыт властей Нижнего Новгорода, интернет-сайт которого использован в качестве исследовательского материала: позитивный виртуальный образ «глокального» города сформирован. Глобальные и локальные особенности вербального компонента контента обеспечивают:

- полиязычность;
- учет конвенциональных, содержательных и лингвопрагматических особенностей туристического дискурса в общей дискурсивной парадигме гипертекста «интернет-сайт»;
- учет культурно значимых контекстов для представителей «чужой» культуры;
- сохранение в адаптированной переводной версии культурных особенностей, культурной идентичности и самобытности российского города с богатыми историческими традициями;
- гармоничность перевода в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кушнина Л. В.* Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-yazykov-i-kultur-v-perevodcheskom-prostranstve-geshtalt-sinergeticheskii-podk#ixzz3Fd9SwL00

2. *Кушнина Л. В.* Перевод как синергетическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/download/14859750.pdf
3. Локализация и перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.abbyy.ru/translation_ and_localization/website_localization/
4. *Митягина В. А.* Глобальные и этнокультурные характеристики жанров туристического дискурса в Интернете // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: Коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2014. – С. 271–291.
5. *Сухорева Е. Е., Шурлина О. В.* Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/download/20907723.pdf
6. *Фомичева И. Г.* Глобализация как цель перевода гипертекта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/download/98480813.pdf
7. *Шилина Н. Г.* Стратегии исследования современных медиа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nammi.ru/sites/default/files/Tezis_2014.pdf#page=145
8. *Robertson R*. Globalization: Social Theory and Global Culture. – L. : Sage, 1992. – 211 p.

УДК 81’22

С. Обермайер

Ph.D., доцент кафедры немецкого языка университета им. И. Гутенберга в Майнце, Германия; e-mail: soberm@uni-mainz.de

ПОВЕСТВОВАНИЕ О СОБАКАХ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ: ЧАСТЬ I. СРЕДНИЕ ВЕКА

Повествование о собаках в Средние века характеризуется строгой социальной дифференциацией и используется соответствующим образом в художественных текстах. В баснях о животных Стрикера повествование о собаках носит поучительный характер. В «Тристане» Готтфрида комнатная собачка по кличке Петиткре и охотничая собака Хьюдан воплощают различные аспекты любовной метафорики «Тристана». Таким образом, авторы, «говоря о собаках», во-первых, описывают действия людей, а, во-вторых, сами воздействуют на них.

Ключевые слова: кинологическая терминология; взаимоотношения людей и собак; метафоричность; социальная иерархия; Средние века.

Obermaier S.

Ph.D., Associate Professor of Medieval German Literature in the German Department, Johannes Gutenberg University of Mainz;
e-mail: soberm@uni-mainz.de

TALKING ABOUT DOGS AS ACTING AMONG PEOPLE: PART I. THE MIDDLE AGES

The medieval «Talking about dogs» is strongly differentiated socially and therefore it is instumentalized in literary texts in the same way. In Stricker’s animal fables «talking about dogs» is used for what we call «Ständedidaxe» (teaching on tasks and obligations of the different estates). In Gottfried’s Tristan, the lap dog-artifact Petitcreiu and the hunting hound-reality Hiudan symbolize various aspects of the Tristan-Minne. Thus, the authors «talk on dogs» to discuss a) an «action among people» and b) to «act among people» themselves.

Key words: dog terminology; human-animal relation; imagery; social hierarchy; the Middle Ages.

Obermaier S.

Ph.D., Deutsches Institut, Johannes Gutenberg-Universität Mainz, Deutschland;
e-mail: soberm@uni-mainz.de

SPRECHEN ÜBER HUNDE ALS HANDELN UNTER MENSCHEN: TEIL I. MITTELALTER[1]

Das mittelalterliche «Sprechen über Hunde» ist stark sozial differenziert und wird entsprechend literarisch instrumentalisiert. In Strickers Tierfabeln dient das «Sprechen über Hunde» der Ständedidaxe, in Gottfrieds Tristan versinnbildlichen das Schoßhund-Artefakt Petitcreiu und die Jagdhund-Realität Hiudan verschiedene Aspekte der Tristan-Minne. Die Autoren «sprechen» also «über Hunde», um a) über ein «Handeln unter Menschen» zu sprechen und b) um selbst «unter Menschen zu handeln».

Schlüsselwörter: Hundeterminologie; Mensch-Tier-Beziehung; Metaphorik; soziale Hierarchie; Mittelalter

Will man Diskurse als soziales Handeln verstehen, bietet sich das «Sprechen über Hunde» gut als Untersuchungsgegenstand an: Als eines der ältesten und beliebtesten Haustiere des Menschen [19, Sp. 1317] (vgl. [1, S. 68; 2, S. 7]) ist der Hund schon immer Gegenstand verschiedener menschlicher Diskurse, und – insofern die Hund-Mensch-Beziehung historischem Wandel unterliegt – bildet das «Sprechen über Hunde» auch einen Spiegel für den Wandel sozialen Handelns.

Ausgangspunkt meiner Überlegungen ist das mittelhochdeutsche Hunde-Vokabular, wobei hier die Hunde nicht – wie wir es heute tun – nach Hunderassen, sondern nach ihrer Funktion als Jagd-, Wach-, Hirten- und Schoßhund unterschieden werden (zur Entstehung der Hunderassen: [30], Rassismus-kritisch: [16]; zu den Hundearten im Mittelalter: [12, S. 27–31]; ausführlich: [6, Kap. 2]; vgl. die Illustrationen in [25]).

In den zentralen mittelhochdeutschen Hunde-Vokabeln *bracke* (für den Leit- und Spürhund bei der Pirschjagd), *wint* (für den Windhund bei der Hetzjagd) und *hovewart* (für den Hund, der Haus und Hof bewacht) wird die sozial-funktionale Differenzierung bereits deutlich. Darüber hinaus verfügt das Mittelhochdeutsche über sehr viele Komposita mit dem Grundwort -*hunt* (seltener -*belle*), die zeigen, dass man Hunde vorrangig nach Funktion, Einsatzart oder Einsatzort unterscheidet:

- <u>Jagdtyp</u>: *beizhunt*, *birshunt*, *hessehunt*, *jagehunt*
  bzw. <u>gejagtes Wild</u>: *piparhunt* (‚für Biber‘), *dahshunt*, *vogelhunt*
- <u>bewachtes Vieh</u>: *schâfhunt*
  als pars pro toto: *schal-* / *vleischhunt* ‚Metzgerhund‘

[1] Siehe dazu «Teil II. Neuzeit» von Elena Karpenko im gleichen Band.

- Tun / Funktion: *leithunt*, *löuferhunt*, *schurpfehunt* (zu ‚bissig'), *spürhunt*, *suochhunt*, *spilhunt* (‚Schoßhund'), *trîbhunt*
- Ort: *dorfhunt*, *hûshunt*, *klôsterhunt*, *mistbelle*
- Besitzer: *vrouwenhunt* (‚Schoßhund')
- Eigenschaft: *belhunt* (‚schöner Hund')
- Hunderasse: *mülhunt* (‚Molosser')

Der Grad der Differenzierung variiert von Diskurs zu Diskurs: Im jagdpraktischen Diskurs werden verschiedene Jagdhundearten detailliert unterschieden (bzw. von Hundearten mit anderen Funktionen abgegrenzt), wie z.B. im Jagdtraktat von Heinrich Münsinger (entstanden 1440–1450):

> Das ander Capitel, das da sagt von den ***edeln hunden***, [...] ZV dem ersten vnder den ***jag hunden*** vnd vnder den ***leydhunden*** so ist der ***aller edelst***, der diß nachgeschriben zeichen an jme hat. [...] Also sol man auch tůn mit den ***winden***, wann man ***edel winde*** ziehen vnde haben wil. [...] das er hasset das bellen vnd das gůnen, das ***die hund*** tund, ***die da huten***. [...] Vnd die großen ***hofwarten***, die da sint als wolff, sol man auch verwaren mit sym gelichen [...] [17, 143,3–145,7][1].

Hunde von guter Qualität nennt man hier *edel*, man benutzt also Kategorien aus der Sozialwelt des Menschen.

Im theologisch-moraldidaktischen Diskurs – was ich hier an den Predigten Bertholds von Regensburg (2. Hälfte des 13. Jahrhunderts) zeigen möchte (weitere Belege bei [20, S. 315–320]) – wird terminologisch nicht differenziert: hier ist nur vom *hunt* die Rede (obgleich man bisweilen ein bestimmtes Exemplar vor Augen hat, wie hier den Wachhund):

> Der ***hunt*** ist guot unde nütze, und sprechent manige liute: ‚dû lebest ***als ein hunt***.' Alsô sprichet manic mensche zuo dem andern, swenne ez dünket daz ez unordenlîchen lebet. Owê, wie wol ez danne lebte, swelch mensche als gar nâch gotes ordenunge lebte ***als ein hunt***! Wan der ***hunt*** lebet anders niht danne als in got geordent hât [...] [2, S. 551, 20–23].

Der naturkundliche Diskurs nimmt gleichsam eine Zwischenstellung ein. So gibt es im ‚Buch der Natur' Konrads von Megenberg (entstanden 1348–1350) ein Kapitel *Von den hunden* (obgleich auch hier bestimmte Arten in den Blick kommen) sowie ein Kapitel *Von dem ruden*, womit hier die Jagdhunderasse Molosser gemeint ist, nicht der ‚Rüde', also der ‚männliche Hund' (diese Bedeutung erzählt das Wort erst im Neuhochdeutschen):

[1] Hervorhebungen von mir. – *S. O.*

Von dem hunde

Jacobus ſpricht, daz ***die hund*** gelernigiv tier ſein zv̊ allen ſpiln, vnd wie daz ſei, daz ſie gern ſlaffen, jedoch behů̊tend ſie irr herren haů̊ser wachend. Sie habent ir herren ſo liep, daz ſie oft vmb ſie ſterbent [13, III.A. 9, S. 149, 25–27].

Von dem ruden

Moloſus haizzt ein ***rů̊d***. Daz iſt ***ein grozzer hunt***, ſam man ſi gar grozz vint in Lamparten. [...] [13, III.A. 49, S. 176, 8f].

Je nach Diskurs erfährt der Hund unterschiedliche Bewertungen: Im klerikalen Diskurs ist der Hund – wie schon in der Bibel – oft negativ konnotiert: Er gilt als unrein (weil er zu dem, was er erbrochen hat, zurückkehrt – so Prv 26, 11), gierig (so Is 56, 10f.; vgl. die Fabel «Hund am Wasser») und gefährlich (so Ps 21 [22], 17; 58, 7; aber auch: Apc 22, 15; Phil 3, 2; Mt 7, 6; vgl. das antike *Cave canem*). Im aristokratisch-höfischen Kontext dagegen überwiegt die positive Wertschätzung des Tiers, dem vor allem Treue, Gehorsam und Wachsamkeit attribuiert werden [15, S. 92f.]; vgl. [6, Kap. 3.1]. Überdies werden Hunde – auf der Basis von Lk 16, 21 – als Symbol der Prediger verstanden.

Beispiel 1: Strickers Hundfabeln

Der (in diesem Kontext in der Regel negativ bewertete) Hund ist ein beliebter Protagonist der äsopischen Fabel. Wie für den moraldidaktischen Diskurs üblich, spricht man auch in der Fabel meist nur vom *hunt*. Deshalb verdienen Fabeln, die die Differenzierung zwischen den verschiedenen Hundearten narrativ nutzen, hier unsere Aufmerksamkeit. Dazu gehört Strickers Fabel «Der Hofhund und die Jagdhunde» [22, Nr. XIV], eine vom Stricker vermutlich erfundene Fabel ohne lateinische Vorlage [10, S. 17, 109]). Protagonist der Fabel ist ein *hovewart*, der von seinem armen Herrn nicht mehr versorgt werden kann. Auf der Burg eines reichen Herrn gelingt es dem Hund, an die höfische Tafel zu kommen, nur bemerkt von den Jagdhunden, die versuchen, die neue Konkurrenz zu verjagen. Er kann sich behaupten, indem er sich ergeben zeigt. Als er etwas kräftiger ist, besticht er die Hetzhunde mit Knochen. Als er noch kräftiger ist, wehrt er sich; und schließlich wird er so stark, dass sich die Hetzhunde nicht mehr gegen ihn wehren können. So erlangt der Hofhund schließlich die Herrschaft über die Jagdhunde. Diese Herrschaftsposition unterstreicht der Stricker noch dadurch, dass der Hofhund in vermeintliche Löwennähe rückt [22]: XIV, 56–58: *der wart er so vermezzen* / *hæt in ein* ***lewe*** *bestan,* / *er wolt ez im*

niht vertragen han; XIV, 67–71: *und muosen in vermiden* / *als er ein* ***lewe*** *wære*).

Im ausführlichen Epimythion (zur Auslegungspraxis des Strickers siehe [10, Kap. IV]) deutet der Stricker den Hofhund als *gebur*, als Bauern, und setzt die Jagdhunde mit *den edelen*, den Adligen, gleich:

Nu gelichet disem mære:
swa ***ein gebur*** ze hove gat,
[...]
unz er in gewonet bi,
daz er ze hove wirt erkant,
so muoz er sich iesa zehant
den edelen gelichen
und wil den niht entwichen [22, XIV, 72–82].

Stricker nutzt demnach die sozial-funktionale Differenz zwischen den Hundearten zur Markierung des Standesunterschiedes und zur Ständedidaxe: Das Aufstreben des Bauerntums brandmarkt der Stricker als einen Verstoß gegen die gottgewollte Ordnung [24, S. 94], mit Verweisen auf ältere Literatur).

In der Fabel «Von einem Hofhund» [22, Nr. XIII] dagegen erzählt der Stricker von einem *hovewart*, der hoch springen kann und sich damit sein Futter verdient, dass er über jeden ihm dargebotenen Arm springt. Eines Tages wird seine Gutmütigkeit jedoch ausgenutzt: Er wird gezwungen zu springen, obgleich er müde ist. Dies führt dazu, dass ihn niemand mehr dazu bringen kann zu springen, auch wenn er dadurch Not leiden muss.

Diesen Hofhund vergleicht der Stricker mit einem freigebigen Mann, den man so lange ausnutzt, bis ihm die Freigebigkeit verleidet wird.

Recht also tuot ein milter man:
swie milte er iemer werden kan,
wil man in ze harte varen,
in muoz diu milte swaren.
[...]
daz er tuot ***sam der hovewart***,
den man ze springene twanc
so lange, unz er durch niemen spranc [22, XIII, 27–42].

Die soziale Differenz, die in «Der Hofhund und die Jagdhunde» zentral war, erscheint hier eingeebnet; der Hofhund repräsentiert hier den freigebigen Hausherrn. Auch in Strickers Fabel «Der Wolf und der Hund»

[22, Nr. VIII] steht der im Verlauf der Fabel als *hovewart* bestimmte *hunt* für den Hausherrn. Auffällig ist in dieser Fabel die Positivwertung des Wolfes gegenüber der Negativwertung des Hundes als dem schlechten Gastgeber [9, S. 156f.]; zur Deutung [10, S. 147–149].

Es hängt also vom Fabelkontext ab, welche ständische Markierung der *hovewart* erhält. In allen drei Fabeln aber dient das «Sprechen über Hunde» dazu, eine Form des «Handelns unter Menschen» vorzuführen und zu kritisieren (nämlich: ständische *inordinatio* und Habgier). Und: Indem der Stricker «über Hunde spricht», «handelt er unter Menschen», indem er sie über standesgemäßes Handeln belehrt.

Beispiel 2: Hunde in den Tristan-Romanen

Die höfische Epik bevorzugt eher die Jagd- und Schoßhunde als Wach- und Hirtenhunde: Besonderer Beliebtheit erfreut sich vor allem der *bracke*. Prominente Beispiele sind Didos buntgescheckter *bracke* in Veldekes *Eneasroman* oder der *bracke* Gardevias in Wolframs *Titurel* (weitere Beispiele bei [4]). Am berühmtesten sind aber doch wohl die Hundefiguren aus den *Tristan*-Romanen: In Eilharts *Tristrant* (um 1170) ist es Tristrants Lieblings-*bracke* Utant, der den Liebenden in das Waldleben folgt und der in der Dornbusch-Episode die Rolle des von Isolde verhätschelten Schoßhundes übernehmen darf. Gottfried von Straßburg (oder schon seine Quelle) spaltet in seinem *Tristan*-Roman (um 1210) diese beiden Hunde-Rollen markant auf: Tristan erwirbt für Isolde das *hundelîn* Petitcreiu, das in den Gottfried-Fortsetzungen Ulrichs von Türheim und Heinrichs von Freiberg die genannte Funktion in der Dornbusch-Episode übernehmen wird. Dagegen ist es der *bracke* Hiudan, Tristans Lieblingsjagdhund, der die Liebenden in die Minnegrotte begleiten darf.

Petitcreiu und Hiudan sind bei Gottfried auf mehreren Ebenen stark differenziert: Das *hundelîn* Petitcreiu ist ein magisches Schoßhündchen-Artefakt, das Herzog Gilan als Minnegeschenk von einer Göttin aus Avalon erhalten hat (*Tristan* 15806–15810; zitierte Ausgabe: [10]) und das ihm Tristan mit List abgewinnt (*Tristan* 15905–15914, 16225–16262). In seiner Farbe ist das Hündchen unbestimmbar, genauer gesagt: eine optische Täuschung (*Tristan* 15811–15844). Es ist eigentlich kein richtiger Hund (vgl. [29, S. 115]: «looks like a dog, is called a dog, but is not a dog»), denn es bellt und knurrt nicht, es ist unverdrießlich und völlig bedürfnislos, braucht also weder Fressen noch Trinken (*Tristan* 15886–15890). Es hat ein Glöckchen um den Hals, das Leid zu vertreiben vermag (*Tristan*

15845–15859). Dagegen ist Hiudan ein Bracke aus einer ganzen Meute von Bracken, von Tristan (neben Harfe, Schwert, Armbrust und Horn) ausgewählt als Utensil, das mit in die Minnegrotte darf (*Tristan* 16646–16650), und es wird betont: *Hiudanen*, *niht Petitcreiu* (*Tristan* 16659). Hiudan ist ein richtiger Hund, der erst noch lernen muss, lautlos zu jagen, das heißt: er bellt (*Tristan* 17251–17260).

Die beiden Hunde treten überdies in unterschiedlichen Situationen auf: Petitcreiu kommt ins Spiel, als Tristan und Isolde voneinander getrennt sind. Als Isoldes ständiger Begleiter erinnert er sie stets an Tristan (*Tristan* 16336–16358). Hiudan dagegen begleitet die Liebenden an den Ort, an dem sie vereint sind und ihre Liebe leben können: in die Minnegrotte (*Tristan* 16657–16659). Während Petitcreiu (obgleich Geschenk Tristans) also eher Isolde zugeordnet werden kann, ist Hiudan (obgleich Begleiter *beider* Liebender) als Lieblingsbracke Tristans eher Tristan zugeordnet.

Gottfried nutzt nun diese – im Rahmen des Üblichen auch *gender*-markierte – Differenzierung zwischen Jagd- und Schoßhund (siehe [6, S. 39]; vgl. [22] zur *gender*-bestimmten Schoßhund-Ikonographie) für unterschiedliche Akzentuierungen der liebesmetaphorischen Semantik der Hunde.

Durch seine magische Herkunft als Liebesgöttinnen-Geschenk symbolisiert das Feenhündchen Petitcreiu den zauberhaften Ursprung der Tristan-Minne, die durch den Minnetrank entsteht, dann aber von den Liebenden aktiv angenommen wird. Es ist damit weit mehr als ein «representative of the absent lover» [26, S. 90]. Die Unverdrießlichkeit und Bedürfnislosigkeit des Hündchens weist bereits auf das Minnegrotten-Leben von Tristan und Isolde voraus, die dort ebenfalls nichts zu essen brauchen [8, S. 39], weshalb FRANZISKA WESSEL in Petitcreiu eine «Präfiguration» des Minnegrottenereignisses sieht [27, S. 446f.]; vgl. [7, S. 134]. Die irritierende Färbung des Hündchens deutet auf die Notwendigkeit von Trug und Täuschung hin, die dieser Ausnahme-Minne, die zugleich Ehebruchs-Minne ist, eigen ist (vgl. [13, S. 163]; anders [28, S. 511]: Hier wird das Oszillieren der Farbe «als visualisierte Kommentierung» der die hövescheit bedrohenden Minnekonzeption gedeutet). Das heilende Glöckchen, das vorübergehend die Rolle eines remedium amoris zu spielen vermag, verweist dagegen auf die Gefährdung der Minne «von innen“, nämlich durch die Möglichkeit des Vergessens während des Getrennt-Seins – doch für beide Liebenden ist das keine Option: Tristan wird zwar durch den Hund vorübergehend aufgeheitert, erwirbt ihn aber nicht für

sich, sondern gibt das Hündchen an Isolde weiter. Isolde aber zerstört das Glöckchen (Tristan 16359–16402) und verwandelt damit Petitcreiu vom «Instrument leidaufhebender Freude» in ein Zeichen «leidbejahender Liebe» [7, S. 131], in Anschluss an [21]. Für LOUISE GNÄDINGER wird Petitcreiu damit «zum Sinnbild nicht nur der gegenseitigen Minne, vielmehr auch zum Inbegriff der beidseitigen Selbstlosigkeit und zu einem Bild der steten Vermischung von Minne und Leid. […]» [8, S. 27]. Zu einem ähnlichen Ergebnis kommt DIRK GLOGAU, der in dem Hündchen eine «komplexe Metapher» sieht: «Petitcreiu ist in mehrfacher Hinsicht Zeichen der Tristanminne; das Hündchen zeigt die Liebe als höfisches Geschenk, konnotiert aber auch die Leidbedingtheit dieser Minne [...]. Schließlich ist das Hündchen noch Zeichen der Leidbereitschaft der Liebenden sowie deren beständiger und reiner *triuwe* über alle Entfernung hinweg» [7, S. 129].

Gegen die in der Forschung weitläufig vertretene Auffassung, die Petitcreiu-Episode sei ein «Beleg für die Selbstlosigkeit und Opferbereitschaft der Liebe zwischen Tristan und Isolde» hat jüngst [KATHARINA-] SILKE PHILIPOWSKI [17] Front gemacht. Ausgangspunkt ihrer Argumentation ist die unterschiedliche Wirkung, die der Hund ihrer Ansicht nach bei den Liebenden auslöst: Vergessen bei Tristan, Erinnern bei Isolde; für PHILIPOWSKI wird der Hund damit zum Indikator einer Brechung der Tristan-Minne, ein Hinweis auf das Scheitern der Tristan-Minne sowie als Vorausdeutung auf die Isolde-Weißhand-Episode, in der sich Tristan einer anderen Isolde zuwendet. Diese nicht unintelligente Interpretation setzt m.E. jedoch an einer falschen Beobachtung an: a) Tristan vergisst Isolde nur temporär in Gegenwart des Tieres (und übrigens: auch das Vergessen Isoldes mittels Isolde Weißhand gelingt eigentlich nicht wirklich); ist das Tier fortgetragen, ist Tristans Liebesschmerz lebendig wie eh und je, und damit auch die Erinnerung an Isolde (*Tristan* 15891–15904), für die er das Tier – unter Einsatz seines Lebens und mit Hilfe einer List – erwirbt. b) Auch auf Isolde wirkt der Vergessenszauber, sonst müsste sie ihn nicht brechen; es heißt explizit: *und sî die schellen vernam, / von ders ir triure vergâz* (*Tristan* 16366f.). Beide Liebenden verzichten auf die Freude, Tristan, indem er das Hunde-Zauber-Kunstwerk verschenkt; Isolde, indem sie es zerstört. Zum Medium der Minneleid-Erinnerung kann das Tier erst ohne Glöckchen werden.

Reizvoll wäre darüber hinaus der Gedanke, das Hunde-Zauber-Kunstwerk Petitcreiu, als eine poetologische Metapher zu verstehen,

also als ein Bild für das süß klingende, besänftigend wirkende und mit den *colores rhetorici* aufwändig ausgestattete *senemaere* [29, S. 116]: Petitcreiu «is a poem»; bekräftigt bei [5, S. 179]: hier wird der Hund als «(literarisches) Gedächtnis» apostrophiert. Doch dies auszuführen, würde hier zu weit führen.

Hiudan, der die Liebenden bei ihrer Jagd begleitet, die sie allerdings nur zum Zeitvertreib, nicht zum Nahrungserwerb unternehmen (*Tristan* 17242–17251), führt demnach die völlige Zweckfreiheit dieser Liebe vor Augen Wenn Petitcreiu als «Präfiguration» der Grottenminne gesehen werden kann, dann verkörpert Hiudan, der Minnegrotten-Hund, ihre «Erfüllung», die allerdings eine utopische bleibt. Dass der Hund – obwohl man an Beutewild gar nicht interessiert ist – lernen muss, lautlos zu jagen, ist ein Bild für die Notwendigkeit zur Wachsamkeit, die für heimlich Liebende überlebenswichtig ist – denn sinnvoll wird diese Maßnahme nur, wenn wir sie zugleich als «Tarnungsmanöver» verstehen, «das die exilierten Tristan und Isolde vor Entdeckung schützen sollte» [8, S. 25]. Schließlich ist diese Minne auch «von außen» gefährdet: So leben die Liebenden stets in der Gefahr, entdeckt zu werden. Nach DIRK GLOGAU verkörpert Hiudan gleichzeitig die vom Paar in der Minnegrotte gelebte zweckfreie Lustbarkeit sowie ihre ständige Bedrohung, womit auch Tristans «Ambivalenz als Jäger und Gejagter» erfasst ist [7, S. 135]. In Hiudan wird damit nach LOUISE GNÄDINGER die Untrennbarkeit von Liebe und Leid versinnbildlicht, die wesentlich zum Programm von Gottfrieds *Tristan* gehört [8, S. 25].

Wir sehen: Gottfried nutzt das «Sprechen über Hunde», um über eine bestimmte Form des «Handelns unter Menschen» zu sprechen, nämlich: über das Lieben, genauer: über ein ebenso außerordentliches wie illegitimes Lieben. Und: Indem Gottfried «über Hunde spricht», «handelt er unter Menschen»: Er vermittelt seinen Rezipienten damit die Komplexität seiner Minne-Konzeption.

Fazit

Literarisches «Sprechen über Hunde» – das heißt im Mittelalter:

1. «sozial-funktionales Sprechen über Hunde»: Die mittelalterliche Hunde-Terminologie spiegelt die soziale Hierarchie der mittelalterlichen Gesellschaft wider, welche auch die Beziehung zwischen Hund und Mensch prägt.

2. «diskurs-differentes Sprechen über Hunde»: Wie differenziert ein Mensch die mittelalterliche Hunde-Terminologie einsetzt und wie er Hunde bewertet, hängt ab vom Diskurs, indem er sich bewegt.

3. «Handeln unter Menschen»: Man spricht nicht über Hunde um der Hunde willen, es geht immer nur um den Menschen und sein «Handeln unter Menschen». Das hier untersuchte literarische «Sprechen über Hunde» kann – wie wir gesehen haben – in zweifacher Hinsicht als «Handeln unter Menschen» begriffen werden:

a) Der Autor nutzt das «Sprechen über Hunde», um über ein «Handeln unter Menschen» zu sprechen: In der Fabel stehen die Hunde für bestimmte Menschentypen, die miteinander sozial agieren. Im *Tristan* stehen die Hunde zwar nicht stellvertretend für die liebenden Menschen, aber sie verkörpern wesentliche Eigenschaften der *Tristan*-Minne, die das Handeln der Liebenden bestimmen.
b) Der Autor «spricht über Hunde», um selbst «unter Menschen zu handeln»: Der Fabel-Autor will seine Rezipienten über standesgemäßes Handeln belehren, weshalb er das Verhalten von Hunden mit dem Handeln von Menschen direkt vergleicht. Der *Tristan*-Autor will seine Rezipienten für sein ambigues Konzept von Minne gewinnen, weshalb er von Hunden erzählt, deren Eigenschaften indirekt auf die Eigenschaften der *Tristan*-Minne verweisen.

Dabei nutzen die Autoren die sozial-funktionale Differenzierung der Hunde-Bezeichnungen für Differenzierungen im «Handeln unter Menschen», die auf anderen Ebenen angesiedelt sind: Der Stricker nutzt die Differenz zwischen bäuerischem Hofhund und den höfischen Jagdhunden zur Markierung von Standesunterschieden (wobei in anderem Kontext der Hofhund auch den freigebigen Adligen symbolisieren kann). Gottfried nutzt die Differenz zwischen dem Schoßhund-Artefakt Petitcreiu und der Jagdhund-Realität Hiudan, um verschiedene Aspekte der *Tristan*-Minne zu akzentuieren, z.B. die Gefahr «von innen» (dem Lebensraum von Frau und Schoßhund) versus die Gefahr «von außen» (dem Lebensraum des Mannes und des Jagdhundes). Schoßhund wie Jagdhund verweisen auf den Adel dieser Minne wie der Liebenden. Beide Hunde werden aber ihrer natürlichen Eigenschaften enthoben, womit diese Minne als etwas Besonderes gekennzeichnet wird. In beiden Fällen aber, beim Stricker wie bei Gottfried, dient das «Sprechen über Hunde» dem «Handeln unter Menschen», einmal im Dienste einer Stände-Ethik, einmal im Dienste einer Minne-Theorie.

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Benecke N.* Der Mensch und seine Haustiere. Die Geschichte einer jahrtausendealten Beziehung. – Stuttgart : Theiss, 1994. – 470 S.
2. Berthold von Regensburg. Predigt Nr. XXXV // Vollständige Ausgabe seiner Predigten mit Anmerkungen und Wörterbuch / Ed. F. Pfeiffer. – Bd. 1. – Wien : Wilhelm Braumüller, 1862–1880. – Nachdruck. – Berlin : Walter de Gruyter, 1965, S. 549– 565.
3. *Béteille R.* Histoire du chien. – Paris : Presses Universitaires de France 1997. – 125 p.
4. *Classen A*. The dog in German courtly literature. The mystical, the magical and the loyal animal // S. Hartmann (Hg.) Fauna and Flora in the Middle Ages. Studies of the Medieval Environment and its Impact on the Human Mind. – Frankfurt a. M. : Peter Lang. – S. 67–86.
5. *Fritsch-Rößler W.* Multiple Memorialisierung in Gottfrieds von Straßburg ‹Tristan› // U. Ernst, K. Ridder (Hg.) Kunst und Erinnerung. Memoriale Konzepte in der Erzählliteratur des Mittelalters. – Köln u.a. : Böhlau, 2003. – S. 159–197.
6. *Frömmel M.* Aspekte der sozialen Funktion von Hunden im Mittelalter: Magisterarbeit. – Wien, 1999 [Masch.].
7. *Glogau D.R.* Petitcreiu und Hiudan, die Hunde // Untersuchungen zu einer konstruktivistischen Mediävistik. Tiere und Pflanzen im «Tristan» Gottfrieds von Straßburg und im «Nibelungenlied». – Essen : Item-Verlag, 1993. – S. 129–136.
8. *Gnädinger L.* Hiudan und Petitcreiu. Gestalt und Figur eines Hundes in der mittelalterlichen Tristandichtung. – Zürich u. a. : Atlantis, 1971. – 107 S.
9. *Gonzáles E.* Die Figur *des lupus poenitens* im Tierbispel «Der Wolf und sein Sohn» // E. Gonzáles, V. Millet (Hg.) Die Kleinepik des Strickers. Texte, Gattungstraditionen und Interpretationsprobleme. – Berlin : Erich Schmidt, 2006. – S. 155–172.
10. Gottfried von Straßburg. Tristan / ed. Walter Haug. – 2 Bde. – Berlin : Deutscher Klassiker-Verlag, 2011.
11. *Hagby M.* man hat uns für die warheit … geseit. Die Strickersche Kurzerzählung im Kontext mittellateinischer «narrationens» des 12. und 13. Jahrhunderts. – Münster : Waxmann, 2001. – 360 S.
12. *Janotta Ch. E.* Der Hund im Mittelalter // Innsbrucker Historische Studien. – 14/15. – 1994. – S. 13–32.
13. Konrad von Megenberg. Das «Buch der Natur». Bd II: Kritischer Text nach den Handschriften / Hg. von R. Luff und G. Steer. – Tübingen : Niemeyer, 2003. – 529 S.
14. *Lewis G.J.* Das Tier und seine dichterische Funktion in Erec, Iwein, Parzival und Tristan. – Bern–Frankfurt/M. : Herbert Lang, 1974. – 199 S.

15. *Miquel P.* Chien // Dictionnaire symbolique des animaux. Zoologie mystique. – Paris : Le Léopart d'Or, 1992. – S. 91–96.
16. *Miramon Ch. de*. Noble dogs, noble blood: the invention of the concept of race in the late Middle Ages // M. Eliav-Feldon, B. Issac, J. Ziegler (Hg.) The Origins of Racism in the West. – Cambridge : University Press, 2009. – P. 200–216.
17. Münsinger Heinrich. Bůch von den falcken, hebchen, sperbern, pferden und hůnden // Von Falken, Hunden und Pferden. Deutsche Albertus-Magnus-Übersetzungen aus der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts. – Teil II. / Ed. K. Lindner. – Berlin : Walter de Gruyter, 1962. – S. 9–150. – (Kapitel über die Hunde: S. 141–150).
18. *Philipowski [K.-]S.* Mittelbare und unmittelbare Gegenwärtigkeit oder: Erinnern und Vergessen in der Petitcriu-Episode des ‹Tristan› Gottfrieds von Straßburg // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur [PBB]. – № 120. – 1998. – S. 29–35.
19. *Schenda R.* Hund // Enzyklopädie des Märchens. – Bd. 6. – 1990. – Sp. 1317–1340.
20. *Schmidtke D.* Geistliche Tierinterpretation in der deutschsprachigen Literatur des Mittelalters (1100–1500): Diss. – Berlin, 1968. – 671 S.
21. *Schröder W.* Das Hündchen Petitcreiu im Tristan Gottfrieds von Straßburg // R. Schönhaar (Hg.) Dialog. Literatur und Literaturwissenschaft im Zeichen deutsch-französischer Begegnung. Festgabe für Josef Kunz. – Berlin : Erich Schmidt, 1973. – S. 32–42.
22. Der Stricker. Tier*bispel* / Ed. U. Schwab. – Tübingen : Max Niemeyer, 1983. – 88 S.
23. *Unzeitig M.* Der Schoßhund der Dame. Notizen zu einer Spurensuche in der mittelhochdeutschen Literatur und ihren handschriftlichen Illustrationen // H. W. Jäger, H. Böning, G. Sautermeister (Hg.) Genußmittel und Literatur. – Bremen : Edition Lumière, 2002. – S. 65–73.
24. *Vogt D.* Ritterbild und Ritterlehre in der lehrhaften Kleindichtung des Stricker und im sog. Seifried Helbling. – Frankfurt a. M. u.a. : Peter Lang 1985. – 224 S.
25. *Walker-Meikle K.* Medieval dogs. – L. : The British Library, 2013. – 89 S.
26. *Walker-Meikle K*. Medieval pets. – Woodbridge : The Boydell Press, 2012. – 179 S.
27. *Wessel F.* Petitcreiu als Symbol der sich selbst betrachtenden Tristan-Minne. – Exkurs VIII // Probleme der Metaphorik und die Minnemetaphorik in Gottfrieds von Straßburg «Tristan und Isolde». – München : Fink, 1984. – S. 444–453.
28. *Wittmann V.* Bunte Hunde. Zur narrativen Funktion tierischer Farbexoten im Mittelalter / I. Bennewitz, K. Hanauska, P. Hinkelmanns, B. M. Becker (Hg.) // Farbe im Mittelalter. Materialität, Medialität, Semantik. – Berlin : Akademie-Verlag, 2011. – S. 505–519.

29. *Wright A. E.* Petitcreiu. A Text-Critical Note on the «Tristan» of Gottfried von Strassburg // Colloquia Germanica. – 1992. – № 25. – S. 112–121.
30. *Zimen E.* Vom Hofhund zum Rassehund // Der Hund. Abstammung – Verhalten – Mensch und Hund. – München : Bertelsmann, 1989. – S. 99–141.

УДК 80

Д. Б. Ольховиков

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и теории словесности МГЛУ; e-mail: olkhovikov1960@mail.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СЛОВЕСНОГО ИСКУССТВА

В статье исследуется словесное искусство как сложное явление, формируемое совокупностью теоретических концепций, лингвопоэтическими особенностями языковой ткани словесно-художественных произведений и литературно-эстетическим сознанием языкового коллектива.

Ключевые слова: поэтический язык; художественная речь; интерпретация.

Olkhovikov D. B.

Ph.D., Associate Professor, the Russian Language Department, MSLU; e-mail: olkhovikov1960@mail.ru

ONTOLOGICAL FEATURES OF VERBAL ART

The article focuses on the concept of verbal art regarded as an integral system based on certain general theoretical principles, as well as the linguistic nature of poetic diction, and conditioned by a certain type of artistic consciousness.

Key words: poetic diction; artistic language, interpretation.

Опыт осмысления – уже в течение более чем двух с половиной тысяч лет – природы или, иначе говоря, сущности словесного искусства ретроспективно представлен на сегодняшний день рядом частично антагонистичных, частично дополняющих друг друга научных концепций. Успешное стремление выявить глубинную онтологическую черту словесного творчества оставляет вне поля зрения два принципиальных вопроса: 1) в основном один какой-либо признак или же целая совокупность признаков предопределяет особый характер словесного искусства? 2) сама сущность словесного искусства может с течением времени каким-либо образом меняться или же она, как подсказывает логика здравого смысла, – всегда неизменна?

Связь произведения словесного искусства и его творца, а также воспринимающего произведение словесного искусства слушателя и, параллельно этому, отношение словесного искусства к внешнему миру – два вопроса, находящиеся в центре внимания эллинской культуры, равно как и всей европейской философии искусства и эстетики

поэтического творчества. Существует, однако, и никогда не выпадал из поля зрения исследователей и третий аспект природы словесного искусства: поэтический язык как результат реализации внутреннего потенциала языковой системы и, одновременно, как результат отражения природы языка в человеческой личности.

Если мы хотим осмыслить, в чем состоит сущность словесного искусства, необходимо, прежде всего, категорично сформулировать свою позицию по вопросу, лежащему в основе понимания онтологии «поэтического» произведения: является ли природа произведений словесного искусства их имманентным качеством или же правильнее говорить о неразрывном симбиозе «вещи» и человеческого сознания (не просто о результате резонанса, не просто о бытии словесного искусства как части культурного пространства, а именно о поэтическом сознании языкового коллектива в качестве единственно реальной формы существования и поэтического языка, и в целом словесного искусства)?

Второе суждение представляется справедливым. Оно, однако, не дает исчерпывающего объяснения тех языковых и речевых фактов, где эстетическое чувство языковой личности в известной мере предопределено и, предположительно, порождается внутренними свойствами широкого круга «природных» явлений (таких как, например, ритм), по отношению к которым человек в качестве биологической и культурной данности оказывается частным случаем.

Недостаточность имманентного анализа художественного текста состоит, прежде всего, не в отсутствии соотнесенности его с широким лингвокультурным контекстом и также не в том, что компоненты мозаики текста, на которые он с вдохновляющей исследователя легкостью распадается при атомарном структурном анализе, не складываются вновь воедино, вскрывая механизм возникновения содержательности формальных элементов. Концептуальная слабость имманентного анализа заключается в выпадении из поля зрения исследователя факта бытия художественной формы не самой по себе, а преломленной в сознании языковой личности.

Абсолютная значимость семантико-стилистической и структурно-семиотической ткани художественной речи заключается в том, что, как совершенно очевидно, посредством них реализуется конкретное произведение словесного искусства; роль языковой личности состоит, конечно, и в индивидуальности прочтения текста, но, главное, в том,

что только посредством нее и только в соединении с ней компоненты текста имеют фиксируемые в ходе интерпретации характеристики и качества.

Понимание значимости языковой личности или, точнее, рефлексивно-эмотивной активности лингвокультурного сознания адресанта: заданного словесным сообщением особого состояния его сознания в качестве цели словесного сообщения – известно европейской эстетике еще со времен Платона и Аристотеля и имеет длительную историю изучения в рамках эмотивной теории искусства. Однако именно в санскритской теории расы дана удивительная по глубине проникновения в суть изучаемого явления и по детальности описания концепция этой стороны словесного искусства.

Согласно учению о расе, эмоциональное содержание искусства является его определяющей характеристикой [6, с. 148]. В драме раса составляет содержание субъективного восприятия зрителя и представляет собой особый вид познания [6, с. 173]. Раса – субъективное состояние читателя или зрителя, его душевное переживание, отклик его сознания на события поэмы или пьесы. Раса – процесс восприятия универсализованной поэзией эмоции, являющейся наслаждением, поскольку такой процесс связан с самопознанием. В трактовке Абхинавагупты – ключевой, по мнению П. А. Гринцера, фигуры в санскритской поэтике – раса «не познается, так как ее восприятие неотделимо от ее существования. Ибо то, что познается, как, например, кувшин [освещенный светильником], существует и тогда, когда он не познан, раса же вне восприятия не существует» [6, с. 174].

По замечанию П. А. Гринцера, «соображения Абхинавагупты о локусе расы интересны в свете полемики современной эстетики между субъективистами (или экспрессионистами), полагающими, что эмоциональная реакция на поэтическое произведение целиком принадлежит реципиенту, и объективистами (или эмоционалистами), утверждающими, что чувства, которые мы испытываем, локализованы уже в самой поэме или пьесе, обусловлены спецификой ее языка и ситуационным контекстом» [6, с. 174].

Кажется справедливым считать, что эстетическое и поэтическое сознание всего языкового коллектива и сопричастное ему индивидуальное сознание отдельного адресанта объекта словесного искусства сообщают «строительным кирпичикам» такого объекта их оценочную составляющую. Из этого следует отсутствие необходимости

объяснять, как объективное качество произведения может стать субъективным переживанием читателя: качества и характеристики элементов словесной формы изначально входят в культурную компетенцию читателя. Эстетический эффект объекта словесного искусства, таким образом, вызывает то, что можно было бы назвать лингвопоэтическим резонансом.

Итак, необходимой, но необязательно единственной, онтологической характеристикой словесного искусства оказывается фактор осознанности, придающей словесной форме традиционно описываемый в категориях и понятиях поэтики, риторики, стилистики и т. д. эстетический смысл.

Стремясь осмыслить сущность словесного искусства, и санскритская поэтика, и античная литературная теория опираются на два понятия: «познание» и «подражание». Выстраивается приблизительно следующая цепочка суждений: поэтическое искусство есть искусство подражательное – посредством подражания достигается познание/самопознание – познание дает чувство (эстетического) наслаждения – эстетическое чувство формирует (характер) человека.

В греческой и далее европейской традиции «подражание», или «мимесис», выступает в качестве гносеологической основы искусства, ее специфической черты, источника истолкования поэтики. Как известно, греко-латинская традиция сочинений по поэтике, равно как и риторике, лежащая в основе современной теории литературы, в последующем развитии знания опиралась по преимуществу на трактат Аристотеля [15, с. 112].

По Аристотелю, две причины породили поэтическое искусство: людям присуще подражать, и результаты подражания всем доставляют удовольствие. Объясняется это тем, что познавание – приятнейшее дело. Так как подражание свойственно нам по природе не менее, чем гармония и ритм, то с самого начала одаренные люди, постепенно развивая свои способности, породили из своих импровизаций поэзию. Подражания различаются между собой трояко: или разными средствами подражания, или разными его предметами, или разными нетождественными способами (чем, чему и как подражать). Поэты совершают подражание, пользуясь ритмом, словом и гармонией или раздельно, или вместе [1, с. 646–649].

Всё то, о чем говорится в «Поэтике» о подражании, сведено, в интерпретации А. Ф. Лосева, к одной содержащей двенадцать

существенных компонентов формуле: «подражание есть: 1) человеческое творчество, 2) к которому человек склонен по своей природе, 3) которым он специфически отличается от прочих живых существ, 4) в силу которого он приобретает свои первые познания, 5) творчество, доставляющее ему удовольствие, 6) от мыслительно комбинирующего, 7) обобщающего 8) созерцания 9) воспроизведенного предмета, 10) с точки зрения того или другого 11) нейтрально бытийного 12) прообраза» [10, с. 407].

Формулируя понятие мимесиса у Аристотеля, А. Ф. Лосев следующим образом трактует содержание его концепции. Бытие, являющееся предметом подражания, есть прообраз художественного произведения, которое должно заставить нас сравнивать художественный образ с художественным первообразом. В этом сравнении заключается сущность художественного переживания: оно определяется не содержанием и не формой произведения, а его пульсирующей структурой. Это сравнение, создающееся при помощи художественного подражания, вызывает специфическое чувство удовольствия. Такая концепция подражания представляет собой проповедь автономности искусства: его внутренних законов, эстетического переживания и полной свободы художественной сферы от логики, этики и науки о природе. Подражание есть такая сущность искусства, которая делает его автономной сферой человеческого творчества [10, с. 408–409].

Создается впечатление, что эта интерпретация является не просто индивидуальным прочтением текста Аристотеля, вскрывающем объективное содержание его концепции; возможно, здесь в завуалированной форме А. Ф. Лосев формулирует и собственное ви́дение сущности искусства, как бы вкладывая их в уста античного мыслителя.

Авторитет Аристотеля и многовековая традиция определения поэзии как подражания создавали ощущение аксиоматичности данного утверждения, которое, как представляется, не будучи отвергаемым в целом, тем не менее, не единожды было либо поставлено под сомнение, либо существенно уточнялось.

Так, например, в «Поэтике» Томмазо Компанелла утверждается: суждение Аристотеля о том, что подражание присуще нам от природы, справедливо, но недостаточно [8, с. 176]. Автор трактата полагает, что наслаждение есть либо ощущение блага, либо результат этого ощущения; благо же то, что способствует самосохранению. Следовательно, наслаждение есть чувство самосохранения. Подражание

содержит в себе наслаждение, ибо заключает в себе чувство самосохранения, будучи его причиной. Когда мы видим изображение дракона, то не потому испытываем удовольствие, что приобретаем знание, но потому, что картина раскрывает нам в творении живописца великолепие его мастерства. Искусство ведь и есть хранитель рода человеческого и потому таит в себе наслаждение [8, с. 178–179].

Нетрудно заметить различие в суждениях Аристотеля и Т. Кампанеллы. Высказанной в начале «Метафизики» Аристотелем мысли: «Все люди от природы стремятся к знанию» [2, с. 65] Т. Кампанелла противопоставляет стремление к самосохранению, одну из форм которого он видит в искусстве. Поэтому наслаждение произведением искусства исходит, по его мнению, не от приобретаемых знаний (понимаемых, по-видимому, в смысле информации), а, скорее, от ощущения мастерства [8, с. 177]. Аргументация Т. Кампанеллы не представляется нам безупречной в силу неуточненности объема понятия «знание»: допустимо ли, трактуя «знание» в широком смысле слова, относить сюда и чувство? Важным, однако, представляется не истинность какого-либо одного из противопоставляемых суждений, а принципиальная возможность относительной верности более чем одного (и, на первый взгляд, исключающего иные) субъективного взгляда на природу и сущность искусства. Ведь будучи явлением скорее рукотворным, чем природным, словесное искусство обладает способностью самостановления: выстраивания самого себя в процессе литературной эволюции и, что очень важно, ее осмысления. Поэтому нетривиальное суждение о сущности словесного искусства потенциально чревато, как бы прорастает новой литературной реальностью.

Оба суждения: и что подражание лежит в основе словесного искусства, и что этот тезис ошибочен – звучат по-своему убедительно. «Целью искусства является прекрасное само по себе, а не копирование природы» [5, с. 205].

Немецкий философ Мартин Хайдеггер, полагавший отжившим, «к счастью», мнение, «будто искусство есть подражание действительному, списывание действительного» [16, с. 69], писал: «Сущность искусства, внутри которой покоится художественное творение и покоится художник, есть творящаяся истина, полагающаяся вовнутрь творения [16, с. 102].

Переформулируя изложенные трудным, «мифологическим», языком идеи М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамер в своем «Введении

к истоку художественного творения» (одной из наиболее значимых работ М. Хайдеггера) подчеркивает, что «художественное творение ничего не подразумевает, оно не указывает на какое-то значение, подобно знаку; оно воздвигает само себя в своем бытии, принуждая созерцателя пребывать при нем» [4, с. 126]; «бытие его – не в том, чтобы становиться «переживанием» [4, с. 127]; «творение искусства не просто раскрывает перед нами истину, оно само есть событие [4, с. 128].

Если источник поэтического творчества осмысливается нами не как трансцендентный, а как интеллектуальный, то, следовательно, словесное искусство есть собирательное представление, сложившееся в ходе отчасти случайной литературной эволюции, в основу которой могут быть положены различные принципы. Сказанное не означает конструирование словесно-художественного произведения, исходя из обязательно только одного какого-либо принципа; при этом в соотношении их может просматриваться доминирующий характер наиболее значимого качества текста. Большое значение здесь имеет жанровая принадлежность текста.

Если главной целью текста является, в соответствии с индийской теорией, вызывание у адресанта определенной гаммы эстетических переживаний (являющееся, в свою очередь, способом вызвать в душе человека преобладание доброго начала над злым [15, с. 117–121]), то мы имеем дело с этической концепцией словесного искусства. Если конечная цель словесно-художественного текста видится как некоторая умудренность опытом в процессе обретения знания, то мы имеем дело с своего рода гносеологической концепцией словесного искусства. Если в качестве преобладающей цели ощущается наделенная самодостаточной для читателя ценностью собственно-языковая ткань текста, то мы имеем дело с филологической концепцией словесного искусства. В этом случае происходит своего рода овеществление в тексте внутренней коммуникативной потребности его автора. Языковой и стилистический аспекты оказываются здесь не просто безусловно значимыми, как и в двух других случаях, но также в явной (и часто отраженной в литературных манифестах и критике) форме доминирующими аспектами словесного искусства.

Филологический подход к словесно-художественному произведению высвечивает проблему материала и формы, которые можно

рассматривать либо изолированно, либо с точки зрения заложенных в самой человеческой природе предпосылок их восприятия. В первом случае применительно к форме мы получаем имманентный – структурный и семиотический – анализ текста. Второй подход восходит к античным теориям художественной речи.

Как известно, еще философы-пифагорейцы стремились понять действие музыкальных звуков на человеческую душу. По мысли пифагорейцев, ритмы заключены в природе, а человеку свойственны от рождения, и он не способен произвольно придумывать их, а может лишь приспосабливаться к ним. Платон в средствах музыкальной экспрессии, ритме и гармонии видит их соотнесенность с определенными этическими ценностями, их связь с характером человека, с определенным типом его жизни [11, с. 53]. Воспитательное значение мусического искусства, согласно Платону, состоит в том, что «оно все более проникает в глубь души и всего сильнее ее затрагивает; ритм и гармония несут собой благообразие, а оно делает благообразным и человека, если кто правильно воспитан, если же нет, то наоборот» («Государство», 401 d); участники диалога Платона стремятся понять, «какие размеры подходят для выражения низости, наглости, безумия и других дурных свойств, а какие ритмы надо оставить для выражения противоположных состояний» (400 b) [14].

И сегодня, спустя более двух тысячелетий со времени Платона, распространено суждение, что человеческая жизнь протекает по законам ритма – основы мироздания и всего живого, в ритме человек ощущает гармонию мира и с ритмом связывает свое эстетическое чувство [7, с. 51]. Такой подход лежит в основе большого количества исследований ритма с точки зрения наличия соотнесенности между субстанцией плана выражения и субстанцией плана содержания. Ритм в стихотворной речи и ритм прозы – не единственный случай проявления «природного в словесном искусстве». Сюда относится и звуковой символизм, суть которого состоит в определенной корреляции между звучанием и значением слова. Считается, что в основе феномена языкового символизма лежит особое свойство человеческого восприятия: синестезия – возможность соотнесения звука речи с незвуковыми представлениями; при этом имеет место транспозиция одних видов ощущений в другие [9, с. 54]. Значительно сложнее сформулировать, в чем именно проявляется «природное» начало

словесного искусства на лексическом уровне. Если справедливо, что когнитивная метафора представляет собой универсальный способ человеческого мышления, то метафоричность художественной речи, как и языка в целом, может быть проявлением чего-то похожего на «генетически обусловленную» [13] языковую способность человека.

С момента возникновения словесное искусство представляет собой симбиоз «природного» начала и начала «рукотворного», представляющего собой, во-первых, словесную деятельность в смысле технэ, во-вторых, теоретическую мысль, закрепляемую в рекомендующих частных искусствах речи, в-третьих, интерпретацию, имеющую свою историю и приобретающую в рамках литературной традиции функцию коллективной памяти.

Очевидно, что «рукотворная» природа словесного искусства не может получить иное выражение, чем в формах языка или стиля. Комментируя М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамер следующим образом характеризует отношения «творца-поэта» к уже сформировавшейся литературной реальности: «Замышление поэтического творения зависит от прежде проторенных путей, какие нельзя придумать наново, – это предначертанные проторенные тропы языка. Поэт столь зависим от них, что язык поэтического творения способен достигать лишь тех, кто знает язык, на котором оно написано» [4, с. 131]. Приведенное суждение перекликается с отрывком из Нобелевской лекции поэта Иосифа Бродского: «Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он средством языка к продолжению своего существования» [3, с. 460]. По мысли И. Бродского, независимо от соображений, по которым поэт берется за перо, «немедленное последствие этого предприятия – ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее – ощущение немедленного впадения в зависимость от оного, от всего, что на нем уже высказано, написано, осуществлено» [3, с. 461]. Метафорически эту мысль кажется возможным переформулировать так: поэтический язык подобен живым организмам в смысле наличия «генетического кода», в соответствии с которым поэтический язык зарождается и проходит предопределенный его лингвистическими особенностями путь развития.

Нельзя, однако, упускать из виду, что свобода выражения создателя словесно-художественного произведения заключена в определенные рамки не только языком, но и складывающейся конструкцией

конкретного произведения, его структурой. Этот аспект очень точно отражен в работах известного деятеля Пражского лингвистического кружка Яна Мукаржовского. По мысли Я. Мукаржовского, специфическим свойством структуры в искусстве являются динамические по сути взаимоотношения между ее элементами. Тождественность структуры сохраняется во временном континууме, но взаимосвязь ее элементов непрерывно изменяется. Структура как целое находится в постоянном движении, что отличает ее от суммарного целого, которое при изменении нарушается [12, с. 257, 276]. «Хотя каждое художественное произведение само по себе является структурой, – пишет Я. Мукаржовский, – художественная структура не представляет собой свойство отдельного произведения, а пребывает во времени, переходя в процессе его развертывания от произведения к произведению и постоянно при этом меняясь; изменения заключаются в непрестанной перегруппировке взаимных связей и относительной значимости отдельных элементов» [12, с. 259]. Исследуя структуру как динамическое единство, Я. Мукаржовский формулирует важнейший критерий ее идентификации. Структура – это прежде всего каждое отдельное произведение само по себе, создаваемое и воспринимаемое на фоне определенных художественных канонов, данных художественной традицией, бытующей в подсознании художника и воспринимающего [12, с. 276]. Развивая под несколько иным углом зрения эту мысль, Я. Мукаржовский размышляет о предопределенном предшествующим развитием взаимоотношении между творящим индивидуумом и надличностным развитием искусства. Поскольку известное состояние развития структуры требует для своего преобразования определенным способом организованных индивидов, даже художественное дарование не является исключительно делом самого индивида, а связано с функцией, которая предначертана индивиду объективным развитием структуры [12, с. 262–263]. Объективное развитие искусства, по заключению Я. Мукаржовского, подчинено имманентной закономерности, источником которой является свойственное каждой развивающейся структуре стремление сохранить внутреннюю тождественность. Но чтобы вызвать движение, имманентная закономерность должна быть дополнена приходящей извне случайностью, роль которой берет на себя индивид.

Итак, поэтический язык в качестве «строительного материала» словесно-художественного произведения и структура

словесно-художественного произведения представляют собой две взаимосвязанные формы, в которых может запечатлеваться филологичность языкового сознания автора и читателя. Филологичность языкового сознания проявляется в эстетическом восприятии языковой ткани текста, а также в способности сознания читателя как бы «резонировать» с интерпретативным континуумом и его метаязыком.

Филологичность языкового сознания читателя привносит эстетическую значимость в языковую ткань художественных текстов; в итоге, словесное искусство эволюционирует как игра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т. 4. – М. : Мысль, 1993. – С. 645–680.
2. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1975. – С. 5–367.
3. *Бродский И. А.* Нобелевская лекция // Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. – Т. 2. – Минск : Эридан, 1992. – С. 450–462.
4. *Гадамер Г.-Г.* Введение к истоку художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет: пер. с нем. / сост., пер., вступ. статья, примеч. А. В. Михайлова. – М. : Гнозис, 1993. – С. 117–132.
5. *Гегель.* Работы разных лет: в 2 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1971. – 630 с.
6. *Гринцер П. А.* Основные категории классической индийской поэтики. – М. : Наука, 1987. – 312 с.
7. *Иванова-Лукьянова Г. Н.* Художественный текст как искусство. – М. : Рема, 2009. – 144 с.
8. *Кампанелла Т.* Поэтика // Эстетика Ренессанса: Антология: в 2 т. – Т. 2. – М. : Искусство, 1980. – С. 171–209.
9. *Красникова Е. И.* Прогнозирование оценки квазислова в связном тексте // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград : Калининград. гос. ун-т, 1976. – С. 54–60.
10. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М. : Искусство, 1975. – 776 с.
11. *Миллер Т. А.* Основные этапы изучения «поэтики» Аристотеля // Аристотель и античная литература. – М. : Наука, 1978. – С. 5–106.
12. *Мукаржовский Я.* Исследования по эстетике и теории искусства / пер. с чешск. – М. : Искусство, 1994. – 606 с.
13. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
14. *Платон*. Государство // Платон. Сочинения: в 3 т. / пер. с др.-греч. ; под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. – Т. 3. – Ч. 1. – М. : Мысль, 1971. – С. 89–454.

15. *Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. – М. : Высшая школа, 1979. – 224 с.
16. *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет / пер. с нем. ; сост., пер., вступ. статья, примеч. А. В. Михайлова. – М. : Гнозис, 1993. – 464 с.

УДК 802/809(082)

М. В. Ополовникова, М. В. Зимина

Ополовникова М. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Ивановский гос. ун-т; e-mail: omw@mail.ru

Зимина М. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Ивановский гос. ун-т; e-mail: m_zimina@mail.ru

ЛОГИЧЕСКИЕ ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена анализу функционирования немецких логических частиц в политической коммуникации. Отмечается, что частицы могут участвовать в формировании оценочного компонента высказывания. Выделяются три аспекта, позволяющие использовать частицы как средство речевого воздействия: семантика частицы, текстообразующая и коммуникативная функции. Определяются особенности функционирования и прагматический потенциал частиц при доминировании каждого из аспектов.

Ключевые слова: политическая коммуникация; речевое воздействие; логические частицы; прагматика; семантика.

Opolovnikova M. V.

Ph.D., Associate Professor, the Department of Germanic and Romance Philology, Ivanovo State University; e-mail: omw@mail.ru

Zimina M. V.

Ph.D., Associate Professor, the Department of Germanic and Romance Philology, Ivanovo State University; e-mail: m_zimina@mail.ru

LOGICAL PARTICLES AS A MEANS OF VERBAL MANIPULATION IN GERMAN POLITICAL COMMUNICATION

The article deals with the functioning of the logical particles in the political discourse. The particles can be used for creating evaluation component of the speech. Three aspects of using logical particles as a means of verbal manipulation are considered: semantic, text-linking, communicative. The functioning and pragmatic potential of the particles is analysed in detail.

Key words: political communication; verbal manipulation; logical particles; pragmatics; semantics.

Политический дискурс – один из наиболее популярных объектов исследования последних десятилетий. Различные ракурсы рассмотрения политического дискурса находятся в центре внимания многих

исследователей. Большинство ученых сходятся во мнении, что основной целью политического дискурса является борьба за власть [4, с. 234], которая осуществляется, главным образом, посредством языка. Оценочный компонент в большей или меньшей степени присущ всем текстам политической коммуникации, при этом оценка может быть как эксплицитной, так и имплицитной [11, с. 63]. Скрытая оценка – одно из средств речевого манипулирования, широко используемое в данном типе дискурса. В существующих исследованиях основное внимание уделяется лексическим, риторическим и стилистическим средствам формирования оценки. При рассмотрении лексических средств в центр внимания попадают полнозначные слова, а служебные части речи, в частности, частицы, в данном ракурсе почти не исследуются. Между тем способность частиц немецкого языка выполнять различные прагматические функции и вводить в сферу рассмотрения пласт имплицитной информации делает их действенным средством речевого воздействия. Такие возможности частиц исследовались на примере рекламного дискурса [2]. Политический дискурс – еще одно широкое поле для использования прагматического персуазивного потенциала данных слов.

Немецкий и русский языки богаты частицами. Класс частиц не является однородным, в отечественной германистике принято выделять следующие группы: логические, модальные и грамматические частицы [6], которые отличаются друг от друга по своим функциям. Грамматические частицы (*am, zu*) служат исключительно для образования грамматических форм и представляют собой аналог словоизменительных морфем. Модальные частицы (*denn, wohl, doch* и др.) выражают различные оттенки субъективной модальности и являются характерными для диалогической речи. Что касается логических частиц (*auch, nur, schon* и др.), то они устанавливают различные логические отношения между смежными понятиями (ядром и коррелятом), поэтому сфера их употребления достаточно широка и охватывает разные виды и формы дискурса.

Как показал анализ фактического материала, в политических текстах разных жанров встречается достаточно широкий спектр логических частиц. Лингвистический механизм использования логических частиц в качестве одного из языковых средств, лежащих в основе того или иного приема речевого воздействия, базируется на трех

основных аспектах функционирования частицы в речи: 1) семантическом; 2) текстообразующем (функция соотнесения понятий); 3) коммуникативном (функция маркирования ремы).

Как правило, все три аспекта существенны и взаимодействуют, но для разных контекстов характерно доминирование определенного аспекта.

1. Семантический аспект как база реализации речевого воздействия

Вопрос о семантике частиц – один из наиболее сложных и широко дискутируемых. Общепризнанной является точка зрения, что частицы не обладают самостоятельным значением, а проявляют его лишь в процессе функционирования в речи: «Лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями. Поэтому семантический объем этих частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления» [1, с. 544]. Что касается класса логических частиц, то исследователи отмечают, что их значение «соответствует содержанию отношений между объектом и фоном выделения» [8, с. 23], при этом фон выделения (т. е. коррелят частицы) может быть имплицитен. В ряде случаев именно тип логической связи между соотносимыми понятиями, устанавливаемой логической частицей, является определяющим для достижения определенного прагматического (манипулятивного) эффекта.

Так, с помощью присоединительных (*auch, noch*) и ограничительных (*nur, allein*) логических частиц (как правило, с эксплицитным коррелятом) формируются образы «своих» и «чужих»:

> (1) *Liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger, für jeden von uns* bringt das neue Jahr seine ganz eigenen Herausforderungen mit sich. Das gilt *auch für die Bundesregierung*. Wir wollen, dass unser Land das bleiben kann, was es ist: menschlich und erfolgreich [12].

Логическая частица *auch*, имеющая в данном высказывании добавительное значение, соотносит ядерный элемент *für die Bundesregierung* с эксплицитным противочленом *Mitbürgerinnen und Mitbürger, für jeden von uns*, маркируя данные понятия как однородные и формируя образ «своих» (граждане – канцлер – правительство).

Частицы с темпоральной семантикой (*schon, noch, bereits, erst*) маркируют ядерный элемент как процесс либо результат, локализуя его определенным образом на временно́й шкале:

(2) Deutschland *ist* mit 80 Millionen Einwohnern *noch das größte unter den europäischen Ländern*, wird aber in Kürze weniger als ein Prozent der Weltbevölkerung ausmachen [12].

Ядром темпоральной частицы *noch* является составное именное сказуемое *ist das größte unter den europäischen Ländern*. Благодаря семантике частицы, базовой семой которой является ‘процессуальность’, данное состояние характеризуется как «было до момента речи, есть в момент речи, продолжается после него и постепенно исчезнет» [10, с. 6]. Таким образом имплицируется потеря Германией в будущем статуса самой большой европейской страны.

Употребление логических частиц в ряде случаев может обусловливать трансформацию семантической структуры ее ядерного элемента, т. е. благодаря использованию частиц определенных семантических групп сопровождаемое ею слово приобретает дополнительные, узуально несвойственные ему семы. Наиболее ярко это можно проиллюстрировать на примере частиц с временны́м значением (*schon, noch, bereits, erst*), которые обычно сопровождают слова, указывающие на некий период времени: наречия времени (*heute, gestern, damals, nie, jetzt* и др.), именные группы с временны́м значением (*im kommenden Jahr, in diesem Monat* и др.), глаголы в соответствующих временны́х формах.

(3) Es gibt **schon** *jetzt* viele Ereignisse, auf die wir uns *im kommenden Jahr* freuen können: auf die Fußballweltmeisterschaft, auf die Veranstaltungen in Essen und im Ruhrgebiet, das Kulturhauptstadt Europas 2010 sein wird, oder auf den Ökumenischen Kirchentag [12].

Частица *schon* относится к наречию времени *jetzt*, соотнося его с эксплицитным коррелятом, также обладающим временны́м значением: *im kommenden Jahr*, при этом ядерный элемент благодаря семантике частицы характеризуется как *результат* и оценивается как *рано* на фоне другого указанного срока (коррелята), и имеет место нарушение пресуппозиции ожидания.

В случае, когда в качестве ядерного элемента выступает языковая единица, узуально не обладающая временны́м компонентом значения, она приобретает его благодаря семантике частицы.

(4) Theis: Ja, und finden Sie nicht, von Ihrer Seite ist da mal ein dickes Lob fällig für die schwarz-gelbe Koalition?

Sommer: Was heißt ein dickes Lob? Wenn, dann würde ich das Lob vor allen Dingen dann auch ausstellen für die Bundeskanzlerin, die ja dann auch **schon** *als Bundeskanzlerin* der großen Koalition dieses Programm auf den Weg gebracht hat. Wenn dann heute sich der Brüderle hinstellt und sich für einen Aufschwung lobt, den er selber nicht wollte, denn alle die Maßnahmen, die er *heute* als seinen großen Erfolg feiert, hat er **noch** *als FDP-Politiker bekämpft* [13].

В данном контексте частицы *schon* и *noch* маркируют в качестве ядерного элемента именную группу *als* + существительное, относящееся к тематической группе «род деятельности (профессия)». Благодаря частице данные именные группы можно рассматривать как свернутые пропозиции: schon als Bundeskanzlerin = als sie schon Bundeskanzlerin geworden war, noch als FDP-Politiker = als er noch FDP-Politiker war, а существительные Bundeskanzlerin и FDP-Politiker получают окказиональные семы времени и обозначают не только (и не столько) род деятельности, сколько определенный период времени, в течение которого осуществляется (или осуществлялась) данная деятельность. Частица *schon* маркирует данный этап как завершающий в ряду однородных, а частица *noch* – как начальный. Ядерные элементы обеих частиц соотносятся с однородным понятием, представленным наречием времени *heute*, при этом в семантике частицы *schon* в данном контексте актуализируется сема результативности, а у частицы *noch* на значение процессуальности наслаивается оценка *давно*.

2. Текстообразующий аспект как база реализации речевого воздействия

Одной из основных функций логических частиц является текстообразующая, т. е. частицы соотносят однородные понятия (ядро и коррелят), особенности которых могут быть использованы для осуществления речевого воздействия. Можно выделить следующие типы взаимодействия ядерного элемента и коррелята: а) ядро актуализирует информацию, заключенную в корреляте; б) коррелят влияет на интерпретацию ядра.

Рассмотрим эти случаи подробнее.

а. Первый тип подразумевает наличие имплицитного коррелята, вывод о котором адресат делает на основе частицы и ее ядерного

элемента. Поскольку однозначно восстановить коррелят на основе только ядра и частицы нельзя, это дает возможность для речевого воздействия. Такие особенности функционирования логических частиц позволяют имплицировать в высказывании те смыслы, которые важны для автора, но по тем или иным причинам не могут быть выражены явно.

(5) Heute nun können Sie darauf vertrauen, dass ich alles daran setze, den Euro zu stärken. Gelingen aber wird das **nur**, *wenn Europa Lehren aus Fehlern der Vergangenheit zieht*. Eine davon ist, dass eine gemeinsame Währung erst dann wirklich erfolgreich sein kann, wenn wir mehr als bisher in Europa zusammenarbeiten [12].

Ядерным элементом частицы *nur* является придаточное предложение, которое в структуре сложноподчиненного предложения всегда представляет собой рематический компонент. Ограничительная частица *nur* выделяет ядерный элемент как одну из возможностей на фоне неопределенного количества других однородных понятий, представляющих собой имплицитный коррелят. Воссоздание имплицитного коррелята зависит от индивидуального когнитивного пространства адресата, совокупности его знаний и представлений.

Особая возможность для речевого воздействия имеется при употреблении отрицательной частицы *nicht* с ядерным элементом, выраженным модальным глаголом, поскольку в этом случае наблюдается не только соотнесение посредством отрицания смежных понятий (ядерного элемента и его положительного коррелята), но и взаимодействие разных речевых актов. Причем состав пары взаимодействующих речевых актов зависит от того, к какому модальному глаголу относится отрицание, и что является его положительным коррелятом. Модальные глаголы с отрицанием чаще всего встречаются в таких речевых актах, как запрет, отказ, предупреждение, предложение и т. д., при этом положительный коррелят будет функционировать в речевом акте, имеющем противоположную коммуникативную направленность. Если предложение с отрицанием при модальном глаголе участвует в реализации речевого акта «отказ», то положительный коррелят будет в составе предложения, реализующего один из директивных речевых актов (просьба, приказ, предложение …). Например:

(6) Es war das Jahr, in dem wir in Europa in lange nicht gekannter Härte erfahren haben, was es bedeutet, wenn Grundlagen unserer europäischen

Friedensordnung in Frage gestellt werden – also die freie Selbstbestimmung der Völker. Genau das mutet Russland der Ukraine zu. Es steht völlig außer Frage, dass wir Sicherheit in Europa gemeinsam mit Russland wollen, nicht gegen Russland. Aber ebenso steht völlig außer Frage, dass Europa ein angebliches Recht eines Stärkeren, der das Völkerrecht missachtet, **nicht** *akzeptieren kann* und nicht akzeptieren wird. Deshalb war 2014 auch das Jahr, in dem Europa genau diese Herausforderung verstanden und gemeinsam mit seinen transatlantischen Partnern angenommen hat [12].

Отрицательная частица **nicht** маркирует в качестве ядерного элемента составное глагольное сказуемое *akzeptieren kann*, которое употребляется в речевом акте «отказ», и соотносит его с имплицитным положительным коррелятом, который может быть эксплицирован в рамках директивного речевого акта «требование».

б. В тех случаях, когда коррелят логической частицы эксплицитно представлен в предшествующем контексте и содержит в своей семантике ярко выраженный оценочный компонент, он может влиять на значение ядерного элемента, привнося в него положительные или отрицательные коннотации.

(7) Das mussten wir wieder mit Schrecken erfahren, als im Herbst eine rechtsextremistische Terror- und Mörderbande aufgedeckt wurde. <…> Wir wissen, dass wir das Leid der Angehörigen der Opfer nicht wiedergutmachen können. Aber ihnen und uns gemeinsam sind wir es schuldig, die Taten umfassend aufzuklären und *alle Beteiligten, auch die Helfershelfer*, zur Rechenschaft zu ziehen [12].

Ядерный элемент *die Helfershelfer* благодаря добавительной частице *auch* выделяется как особая часть коррелята *alle Beteiligten der rechtsextremistischen Terror- und Mörderbande*. Использование частицы позволяет указать на то, что пособники – это тоже соучастники. Благодаря употреблению логической частицы *auch* образ «чужих» конкретизируется, и негативная оценка вербально выраженного в предтексте коррелята распространяется на соотносимое понятие, не несущее в своей семантике отрицательной коннотации.

Часто перенос положительной либо отрицательной оценки событий и действующих лиц происходит при соотнесении временны́х пластов. В качестве соотносимых понятий выступают языковые единицы с временны́м значением, причем ядром, как правило, является указание на настоящее или будущее время, а противочленом – временны́е отрезки, относящиеся к прошлому либо настоящему:

(8) Wir wollen unser Gesundheits- und Pflegesystem weiter verbessern, damit **auch** *in Zukunft* jeder Mensch die Gesundheitsversorgung und Pflege bekommt, die er braucht [12].

Добавительная частица *auch* относится к ядерному элементу, выраженному обстоятельством времени *in Zukunft*, которое характеризует временну́ю отнесенность действия к будущему, и соотносит его с коррелятом, представленным временно́й формой глагола, выражающей настоящее. Поскольку частицы всегда соотносят однородные понятия, положительная характеристика ядра добавительной частицы, вербально выраженная в тексте, переносится (добавляется) и на коррелят.

3. Коммуникативный аспект как база реализации речевого воздействия

Еще одной возможностью осуществления речевого воздействия является способность логических частиц маркировать наиболее значимый в информационном плане элемент высказывания (или сверхфразового единства), т. е. рему. Тема и рема могут быть выделены на основе порядка слов, интонации, контекста, лексических средств. Тематический компонент, как правило, занимает начальную позицию, не несет основного логического ударения, известен из контекста и обычно характеризуется как данное. Считается, что следующие категории слов, в большинстве случаев, выражают данное, т. е. выступают в качестве темы: «Личные и указательные местоимения, имена собственные, имена нарицательные, называющие определенное единичное лицо или предмет» [5, с. 46], а также обстоятельственные детерминанты со значением места и времени, особенно «когда они обозначают данное, названное в предшествующем контексте» [5, с. 84]. Для рематического компонента характерна конечная позиция в предложении, при этом он несет на себе логическое ударение. Указывать на рему могут «неопределенный артикль и агентивное дополнение в пассивной конструкции» [7, с. 410], а также логические частицы, которые считаются «универсальным средством маркирования ремы высказывания» [9, с. 10]. Однако при этом роль частиц «не сводится только к логическому выделению нового. Подчеркивая новое, они вместе с тем могут предавать ему разнообразные эмоционально-экспрессивные оттенки» [3, с. 348].

Логическая частица может маркировать любой элемент высказывания в качестве ремы, поскольку «выделение того или иного компонента предложения как ремы сообщения в условиях контекста определяется … тем, что информативно важно с точки зрения говорящего, развивающего мысль в данном контексте или конситуации» [3, с. 334].

(9) Deutschland hat die Krise wie kaum ein anderes Land gemeistert. Was wir uns vorgenommen hatten, das haben wir auch geschafft: Wir sind **sogar** *gestärkt* aus der Krise herausgekommen. Und das ist vor allem Ihr Verdienst, liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger [12].

Логическая частица *sogar* относится к ядерному элементу *gestärkt* и маркирует его в качестве фокуса рематической группы. Выделение данного слова на фоне имплицитного коррелята, входящего в пресуппозицию ожидания, характеризует ситуацию как более благоприятную, чем было запланировано. При отсутствии частицы фокус ремы сместился бы на сказуемое, и при этом исчезло бы нарушение пресуппозиции ожидания.

Функция маркирования ремы особенно важна в случае, когда ядро частицы обладает признаками, характерными для тематического компонента.

(10) Anfang dieses Jahres begannen *die Menschen in Nordafrika und Nahost*, in ihrer Region die politische Ordnung entscheidend zu verändern. Im März wurde *Japan* von einem gewaltigen Erdbeben, einer furchtbaren Flutwelle und in der Folge einer verheerenden Reaktorkatastrophe heimgesucht. Im Herbst wurde der siebenmilliardste *Erdenbürger* geboren – dies sind nur ganz wenige Ausschnitte aus dem zurückliegenden Jahr. 2011 war ohne Zweifel ein Jahr tiefgreifender Veränderungen. Das gilt **auch** *für uns* in Europa. Hier hält uns unverändert die Schuldenkrise der Staaten in Atem [12].

Частица *auch* выделяет в качестве ремы личное местоимение, что не характерно для данного класса слов, поскольку они всегда указывают на известное и потому являются темой высказывания. В данном контексте прослеживается наличие сквозной темы, выраженной местоимением *wir*. Благодаря наличию частицы появляется возможность показать значимость данного концепта, при этом он выделяется в качестве составной, но наиболее важной для говорящего части на фоне смежных понятий, представленных в предтексте (d*ie Menschen in Nordafrika und Nahost, Japan, Erdenbürger*).

Подводя итог, следует отметить, что оценочный компонент является неотъемлемой частью политической коммуникации, и для его формирования используются не только полнозначные, но и служебные слова, в частности логические частицы. Речевое воздействие базируется либо на семантике, либо на функциях частиц. За счет семантических особенностей возможны манипулятивные эффекты создания пресуппозиций ожидания, формирования и конкретизации образа «своих» и «чужих», а также трансформация семантической структуры ядерного элемента. В случаях, когда доминирующей является функция соотнесения смежных понятий, речевое воздействие осуществляется за счет взаимодействия смысловых компонентов, заключенных в ядерном элементе частицы и его корреляте. Имплицитный коррелят позволяет ввести в сферу рассмотрения некую информацию, которая является важной, но по тем или иным причинам не может быть (не должна быть) вербально выражена. При эксплицитном корреляте возможен перенос оценочной характеристики с одного соотносимого понятия на другое. Когда имеет место приоритет коммуникативной функции частицы, становится возможным смещение фокуса внимания адресата на наиболее важный, по мнению говорящего, элемент высказывания.

Таким образом, исследование функционирования частиц в политической коммуникации позволяет, с одной стороны, уточнить семантику частиц, а с другой – вскрыть механизмы речевого воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Русский язык, 2001. – 615 с.
2. *Емельянова А. В.* Темпоральные частицы в немецкоязычной рекламе: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2007. – 23 с.
3. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
4. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М. : УРСС, 2002. – 240 с.
6. *Кривоносов А. Т.* Система неизменяемых классов слов (на материале немецкого языка). – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1974. – 118 с.

7. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. *Торопова Н. А.* Пресуппозиции логических частиц (на материале немецкого языка) // Вестник Иванов. гос. ун-та. Вып. 1. Сер. Филология. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002. – С. 61–69.
9. *Торопова Н. А.* Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1980. – 173 с.
10. *Торопова Н. А*. Эгоцентричность темпоральных частиц *noch* и *schon* в современном немецком языке // Теория и практика иностранного языка в высшей школе: сб. науч. тр. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2003. – С. 3–17.
11. *Чудинов А. П*. Политическая лингвистика. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 256 с.
12. Neujahrsansprache der Bundeskanzlerin. – URL: http://www.bundeskanzlerin.de
13. Interview mit DGB-Chef Sommer. – URL: http://www.swr.de/swr2/programm/sendungen/tagesgespraech/-/id=7116662/property=download/nid=660264/1bor82d/swr2-tagesgespraech-20101229.pdf

УДК 81’33

Н. К. Рябцева

доктор филологических наук, заведующая сектором прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru

ГИПЕРМОДАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье раскрывается сущность, роль и значение гипермодальности как принципиально нового коммуникационного метода синтеза лингвистической и семиотической информации в социальном информационном киберпространстве.

Ключевые слова: коммуникационная деятельность; навигационный стиль; социальная семиотика; гуманизация социального общения.

Riabtseva N. K.

Doctor of Philology; Head of Applied Linguistics Department, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru

HYPERMODALITY OF SOCIAL COMMUNICATION IN INTERNET: PRIORITIES AND PERSPECTIVES

The paper exposes the nature, functions and implications characteristic to a principally new method of synthesizing linguistic and semiotic information – hypermodality of communication in social cyberspace.

Key words: communicative activities; navigation style; social semiotics; humanization in social communication.

Приоритетные направления развития социальной коммуникации

Современное общество и все его уровни, слои и составляющие все более интенсивно подвергаются инновационному воздействию стремительно развивающихся кибернетических средств коммуникационной деятельности. При этом общество не только не успевает осознать это воздействие, но часто не чувствует, что этим воздействием можно и нужно управлять. Так, главным приоритетом здесь становится гуманизация общества, т. е. межличностных, международных и межнациональных отношений, которые все больше сближаются и сливаются.

Подобная «гуманизация» имеет целый ряд источников, «двигателей» и проявлений; она все более осознанно осваивается специалистами

самых разных областей деятельности и теперь уже представляет собой важнейший императив современного цивилизованного общения и потому требует сознательной поддержки, намеренного стимулирования и активного распространения. Одной из приоритетных областей ее «бытования» выступает социальная коммуникация, которая благодаря своей «интервенции» в интернет-пространство приобретает многие свойства, характерные для него, в том числе и «гуманистические», которые проявляются в первую очередь в изменении и эволюции модальности общения. Кроме того, что она становится все более «поли- и гипермодальной», она благодаря этому и непосредственно вместе с этим становится и более динамичной, активной, персонифицированной, «непринужденной», «естественной», комфортной и потому более дружественной, демократичной и гуманистичной.

Ведущее инновационное свойство социальной интернет-коммуникации: гипермодальность

Социальная коммуникация в интернет-пространстве представлена в первую очередь информационными / официальными интернет-сайтами государственных и иных организаций и отличается рядом важных свойств. Ведущим инновационным свойством социальной интернет-коммуникации на пути ее гуманизации становится тенденция к демократизации, которая складывается из целого комплекса показателей, факторов, возможностей и перспектив, главным из которых выступает гипермодальность интернет-взаимодействия.

Гипермодальность интернет-сайта определяется гипермодальностью его ресурсов: синтезом текстовой информации, изображений и гиперссылок, которые в процессе взаимодействия интегрируют информационный, лингвистический и навигационный контент сайта в гипермодальный мультимедийный продукт, предоставляющий пользователю широкий спектр информационных и социальных услуг.

Важнейшим объектом усовершенствования контента сайта становится лингвистическая и семиотическая форма доступа к нему и его содержанию, которые все более активно ориентируются на «потребителя информации». При этом создается и проявляется «официальное лицо» держателя сайта, его индивидуальные черты и позитивная социальная позиция по отношению к пользователю сайта. Следовательно эффективность социальной коммуникации в интернет-пространстве в этом отношении зависит (помимо качества и количества информационных

и видеоматериалов) от количества и качества гипермодальных связей между ними, т. е. от формы и содержания информационного контента и возможностей предоставляемого к ним доступа при помощи специальных лингвистических и семиотических средств, а также навигационных стилей и техник. В результате гипермодальность интернет-ресурсов порождает гипермодальность социальной коммуникации в интернет-пространстве, задает ее особенности и в целом порождает комплекс дополнительных социальных смыслов, имеющих первостепенное значение в эволюции социальной коммуникации и социальной семиотики, которые имеют непосредственное отношение к гуманизации современного общества.

Принципы и приемы повышения гипермодальности социальной коммуникации в интернет-пространстве

1. Одним из главных приемов повышения гипермодальности интернет-коммуникации является «семиотизация» новых навигационных инструментов: широкое внедрение разнообразных символов, значков, знаков, обозначений, изображений и т. п. семиотических ресурсов общепонятного характера в качестве «активаторов» гиперссылок. Они облегчают поиск необходимой информации, задают возможность выбора путей ее получения, разнообразят операциональные приемы навигации и тем самым делают ее менее обременительной, более быстрой, эффективной (и даже увлекательной – достаточно упомянуть остроумное решение с «всплывающими окнами» и другими навигационными инструментами, в том числе обыгрывающими цветовые решения). Они придают информационному ресурсу и навигационным инструментам наглядность, компактность, выразительность, интегративность и потому интерактивность взаимодействия пользователя и запрашиваемых данных. И в целом создают дружественный пользователю интерфейс, который нацелен на то, чтобы «предугадать» информационные потребности пользователя и облегчить их удовлетворение.

2. Другим важнейшим принципом повышения гипермодальности интернет-дискурса является «гипермодализация» информационного контента интернет-сайта: придание ему более привлекательной формы за счет использования модальных ресурсов языка, позволяющих передавать дружественное, доброжелательное и открытое отношение

к пользователю сайта, сократить дистанцию в межличностных отношениях и в целом повысить интерактивность и позитивность взаимодействия (см. об этом ниже).

3. Креативное сочетание гипермодальности информационного ресурса и разнообразия навигационных стилей на чисто информационном интернет-сайте позволяет его официальному держателю / субъекту превратить его в площадку активного позитивного взаимодействия с потенциальным пользователем и провести свое позиционирование в наиболее благоприятных тонах и регистрах. В результате создается привлекательный неформальный образ субъекта, причем не в последнюю очередь благодаря выражению дружественного и потому демократичного отношения к потенциальным клиентам, в результате чего повышается рейтинг субъекта, улучшается его имидж, поддерживается его социальная состоятельность, происходит его маркетизация и др., а главное – происходит сокращение дистанции между держателем сайта и его пользователем.

Лингвистические и семиотические средства, способствующие созданию позитивного стиля общения в социальной интернет-коммуникации и ее гуманизация

Итак, web-сайт официальной организации состоит из информационного (мультимедийного и гипертекстового) контента и семиотического навигационного ресурса, позволяющего посредством специальных визуальных средств – гиперссылок – строить свой собственный путь получения искомой информации, и в целом представляет собой «гипермодальный дискурс» [11, с. 90]. При этом строение навигационного контента, форма его объективации и принципы активации могут способствовать облегчению поиска нужной информации и оперативного доступа к ней. Внимание к лингвистическим характеристикам информационного контента может обеспечить доступность ее содержания и легкость восприятия и понимания. В целом соответствующие семиотические и лингвистические средства порождают некоторый новый нетривиальный социальный смысл и задают новый, более позитивный «гипермодальный» стиль общения с пользователем – посетителем сайта, потенциальным клиентом и т. д.

Так, традиционный официально-деловой стиль общения, присущий институциональному дискурсу в обществе, перемещенный в новое для него, кибернетическое / виртуальное пространство Интернета,

начинает эволюционировать и приобретать новые черты, ему не только не свойственные, но еще недавно даже чуждые. Он начинает ощущать на себе воздействие, с одной стороны, web-среды, а с другой – глобальных коммуникационных тенденций, становящихся все более очевидными в мире в целом, в мире, объединенном в единую Сеть и потому неизбежно взаимосвязанном.

Вобрав в себя идеи демократизации общения, политкорректности социального взаимодействия и другие, институциональный интернет-дискурс изменяет, в первую очередь, свое отношение к получателю информации, своему клиенту и пользователю, и преобразует свои отношения с ним в более межперсональные, контактные, менее официальные и дистанцированные, тем самым получая возможность более эффективного позиционирования себя как доброжелательного и позитивного партнера, что создает положительный имидж учреждения, поднимает его престиж и тем самым увеличивает его социальный и даже коммерческий «вес».

В качестве простого примера лингвистических средств достижения соответствующего эффекта можно привести принципы синтеза на интернет-сайте текстовой информации, навигационных гиперссылок и социолингвистической формы взаимодействия с адресатом при помощи двух противоположных способов самореференции. В одном случае выбирается традиционный подход – каждый раз (в каждой гиперссылке) указывать полное (или сокращенное) официальное название держателя сайта – официального учреждения, ср. «Структура Фонда “N”», «История / функции / состав и т. д. Фонда “N”». В другом случае в качестве гиперссылок используются не формальные модели самореференции, а более «персонифицированные», например «О нашей истории», «Структура нашего Фонда» и т. п. При этом в последнем случае подчеркивается не официальный статус учреждения, а сокращение межперсональной дистанции между учреждением, его сотрудниками и посетителями сайта [6, с. 236–257].

Подобные лингвистические принципы изменения модальности общения и тем самым сокращения межперсональной дистанции между официальным органом и его клиентами получают все более широкое и сознательное использование на официальных интернет-сайтах [11, с. 96–105].

Форма и содержание навигационного контента также имеет большое значение во взаимоотношениях с пользователями сайта. Так,

навигационные категории и рубрики, а также навигационные стили постоянно совершенствуются с тем, чтобы предугадать поисковые потребности посетителя, облегчить доступ к информации, упростить и ускорить ее поиск и многое другое. [5]. При этом еще и создаются принципиально новые рубрики и инструменты взаимодействия с пользователем. Так, для создания и поддержания положительной репутации создаются рубрики типа «Что о нас говорят / пишут», которые демонстрируют социализацию учреждения, поднимают его престиж и подчеркивают демократичность и социальную открытость.

Если традиционно навигационный стиль формируется рядом семиотических гипертекстовых средств: ссылками, иконками, кнопками, то все более явное стремление к их разнообразию, содержательности, увеличению их количества и улучшению качества за счет сокращения «дистанции» между ними и искомой информацией становится новым правилом оптимизации доступа к информации, позволяющим воплотить идею удобства и потому дружественности создаваемого интерфейса (см., например, [3, с. 313–330; 12, с. 195–218]). Так, многофакторная категоризация информации в сочетании с разнообразием навигационных средств доступа к ней, профессиональное использование их цветового и семиотического оформления, вплоть до создания чисто визуальных, не-текстовых поисковых средств в качестве гиперссылок (фотографий, рисунков и других изображений) значительно упрощают и облегчают поиск даже для неподготовленного пользователя [4]. Так, вместо «иерархически» организованной информации и пошагового (многошагового) доступа к ней все чаще строится сетевой, прямой путь ее организации и получения.

Кроме того, к наиболее распространенным лингвистическим и семиотическим средствам достижения подобного эффекта относятся, помимо указанных, также прямое обращение к пользователю, предоставляемая ему специальными рубриками возможность оставить свои отклики, пожелания и замечания и т. п., благодаря чему развивается социальная семиотика [7] и новые формы позитивного коммуникационного социального взаимодействия. В результате намеренное «гипермодальное» [8; 9] конструирование возникающего при этом дополнительного социолингвистического, стилистического и семиотического смысла, порождающего и передающего «персональное», открытое, «интерактивное» и доброжелательное отношение к пользователю, позволяет официальному органу создать на своем сайте

условия для более комфортной, качественной, эффективной и позитивно ориентированной социальной коммуникации [11].

В целом можно сказать, что гипермодальный подход к созданию мультимедийных социальных продуктов имеет все более важное значение в социокультурной эволюции общества в его движении к более позитивным, открытым, интерактивным, привлекательным, дружественным, демократичным и потому гуманистичным принципам межличностного информационного взаимодействия на всех социальных уровнях, причем не только в интернет-пространстве, но и в живой социально значимой коммуникации. И при этом в межнациональном и в международном масштабе [1]. Более того, соответствующие процессы демократизации дискурса находят свое яркое инновационное воплощение в современной художественной литературе [2].

Перспективы: проблема гуманизации социальной коммуникации в более широком научном контексте

В некотором роде противоположной к рассмотренной проблеме гуманизации социального общения является тенденция к распространению так называемого клипового мышления, которое в настоящее время считается самой большой угрозой на пути к гуманизации и интеллектуализации современного общества (ср. пейджер, СМС, (рекламный) клип, экзаменационные тесты-«квесты» и т. п.), и которая также нуждается в сознательном, внимательном и активном рассмотрении (*http://global-school.ru/ notes/view/181/*).

Не менее значимой в соответствующем более широком социальном контексте представляется также проблема изучения резкой и неожиданной смены «информационных приоритетов» в общественном и особенно в межличностном общении, которая заключается в растущем коммуникативном преобладании визуальной информации над вербальной. Эта принципиально новая тенденция в современном мире (*http://bloomsbury.com/multimodal-teaching-and-learning-9781472522719/*) [10] вызвана в первую очередь революционным развитием кибернетических средств передачи визуальной информации, которые не только активно создаются и совершенствуются, но и активно встраиваются во все возможные (и даже совершенно неожиданные) приборы, механизмы и гаджеты; превращаются в «регистраторы», «коммуникаторы», «виджеты» и т. п., которые не могут не оказывать влияния на социальное взаимодействие, соответствующие изменения в котором требуют их научного и прикладного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Войтак М.* Генологический анализ текста // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Баженовой. – Вып. 18. – Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2014. – С. 77–86.
2. *Чжоу Чжунчэн*. Языковое пространство современной русской прозы: интертекстуальность и графическая маркированность: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2014. – 23 с.
3. *DjonovE.* Website hierarchy and interaction between content organization, webpage and navigation design: A systemic functional hypermedia discourse analysis perspective // Information Design Journal. – 2007. – № 15/2. – P. 313–330.
4. *Fletcher R.* The impact of culture on web site content, design, and structure: An international and a multicultural perspective // Journal of Communication Management. – 2006. – № 10/3. – P. 259–273.
5. *Johnson D., White A., Charland A*. Enterprise AJAX: Strategies for Building High Performance Web Applications. – N. J. : Prentice Hall, 2008. – 468 p.
6. *Jones S.* Evolution of corporate homepages // Journal of Business Communication. – № 44/ 3. – 2007. – P. 236–257.
7. *Leeuwen T., van.* Introducing social semiotics. – L. : Poutledge, 2005. – 300 p.
8. *Lemke J. L*. Travels in hypermodality // Visual Communication. – 2002. – № 1/3. – P. 299–235.
9. *Lemke J. L.* Multimodal genres and transmedia traversals: Social semiotics and the political economy of the sign // Semiotica. – 2009. – № 173, 1/4. – P. 283–297.
10. Semiotics and Visual Communication: Concepts and Practices / Ed. by S. Couture. – Cambridge Scholars Publishing, 2014. – 340 p.
11. *Zhang Y., O'Halloran K. L.* The gate of the gateway: A hypermodal approach to university homepages // Semiotica. – 2012. – № 190, 1/4. – P. 87–109.
12. *Zhao S.* Intersemiotic relations as logogenetic patterns: Towards restoration of the time dimension in hypertext description // New Discourse on Language: Functional Perspectives on Multimodality, Identity, and Affiliation. – London, 2010. – P. 195–218.

УДК 80

Л. К. Салиева

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета государственного управления, МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: liudmila.salieva@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕКСТОВ М. БАХТИНА

Понятие «ответственность речевого поступка» М. М. Бахтина, в отличие от понятий «карнавал» и «диалог», не освоено наукой в должной мере.

В статье рассматриваются два противоречащих принципу ответственного слова метода создания ложных картин мира, а именно: 1) подмена денотативного значения слова при сохранении положительной коннотации, или наоборот; 2) создание нарративных текстов на основе строгого отбора фактов.

Ключевые слова: ответственность речевого поступка; манипуляция; картина мира; нарративный текст; ложное именование.

Salieva L. K.

Ph.D., Associate Professor, the Foreign Languages Department, Faculty of State Management, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: liudmila.salieva@gmail.com

MODERN DISCOURSE THROUGH THE LENS OF M. BAKHTIN'S TEXTS

The concept of answerability of speech act in contrast to the concepts of carnival and dialogue has not been adequately mastered by the science. The article examines two methods of creating false world view that are contradictory to the principle of answerability: 1) the substitution of denotative meaning of the word while maintaining a positive connotation (or vice versa); 2) the creation of narrations on the basis of rigorous selection of facts.

Key words: answerability of speech act; manipulation; world view; narrative; false nomination.

Одно из названий современности – эпоха М. М. Бахтина [4; 5; 18]. Однако часто его концепция не воспринимается целостно, а только в отдельных ее элементах. Такие понятия, как «диалог» и «карнавал» стали популярными, в то время как базовое понятие «ответственность» находится на периферии внимания.

М. М. Бахтиным было показано (предсказано), что суть кризиса нашего времени состоит в безответственности слова (речевого поступка) [6], ведущей к невозможности воспроизводства общества. Поступок, осуществление решения, «стягивает, соотносит и разрешает

в едином и единственном и уже последнем контексте и смысл, и факт, и общее, и индивидуальное, и реальное, и идеальное, ибо все входит в его ответственную мотивацию…» [6, с. 32]. Свойствами поступка, по М. М. Бахтину, являются включенность в конкретный жизненный контекст, утверждение предмета речи как ценности, новизна смысла (продолженная в духе целого, однажды признанного), ответственность за утверждение нового смысла, новой ценности. Только ответственность своей жизнью за утверждение нового смысла в любой сфере, будь то наука или искусство или что-то третье, создает единство личности и правду ситуации. Ответственность поступка обеспечивает единство культуры и деятельности. Безответственность ведет к культурному нигилизму, разрыву между мотивом и продуктом поступка, действительным свершением и его содержательным смыслом, абстрактным и конкретным, теоретическим и практическим мирами. «Вследствие того, что теория оторвалась от поступка и развивается по собственному внутреннему имманентному закону, поступок, отпустивший от себя теорию, сам начинает деградировать … Если мы возьмем современный поступок оторвано от замкнувшейся в себе теории, то получим биологический или технический акт … Жизнь может быть осознана только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть только нравственной философией» [6, с. 52–53].

Особую значимость проблема ответственности речевого поступка приобретает в информационную эпоху, когда власть осуществляется посредством управления информационными ресурсами и информационными потоками. Другой великий русский мыслитель XX в. Ю. В. Рождественский писал: «Слово как лексис становится особенно ответственным, так как правильное именование, лежащее в основании лексических единиц, не только толкует назначение и применение всех вещей, но и определяет их понимание, воспитание людей и управление общественными процессами. Здесь этический центр философии языка. В XX в. слишком много было создано неправильных имен – “мифологем”. Отсюда невозможность разумного устроения жизни, так как каждая мифологема, увы, есть желание пользы себе в ущерб другим. Примеры многочисленны. <…> Этические задачи языка: “не лгать, не лжесвидетельствовать” – не новы, но существенны. В современных условиях возникли новые этические задачи, отвечающие информационному обществу. Это задачи об именах: не создавай имен, в которых лишь частичная правда, не искажай

толкование имен и мыслей другого. Эти новые этические задачи связаны с конструированием текстов массовой информации прежде всего» [26, с. 64–65].

В статье рассматриваются два метода создания ложных смыслов и ложных картин мира при помощи слова. Это, во-первых, подмена денотативного значения слова при сохранении положительной коннотации, и наоборот, во-вторых, «просеивание фактов» при написании историй.

Начнем с первого. Ответственное употребление слова, по М. М. Бахтину, означает использование его во всей смысловой полноте, в которую входят «и его содержательно-смысловая сторона (слово-понятие), и наглядно-выразительная (слово-образ), и эмоционально-волевая (интонация слова) в их единстве» [6, с. 34] в исторической ретроспективе, когда слово несет в себе эхо всех своих предшествующих употреблений. Такое слово способно обеспечить воспроизводство общества посредством передачи новым поколениям значимой информации. В противном случае имеет место вандализм, нарушается связь времен.

СМИ, по словам Ж. Бодрийяра, формируют «неореальность» [11, с. 104], в создание которой вносит вклад также и реклама. Последней принадлежит важная роль в формировании системы ценностей общества потребления. Как отмечает Г. Дебор, идет «непрерывная опиумная война, которая ведется с целью уничтожить даже в мыслях людей различия между товарами и жизненными ценностями…» [15].

Проиллюстрируем сказанное примерами из списка «100 лучших слоганов мировой рекламы» [31]:

Продукт замещает личность человека	
I am what I am	REEBOK
I am Canadian	Molson Canadian Beer
It’s all about you	NESCAFE
Nothing comes between me and my Calvins	Calvin Klein Jeans
Продукт – хорошая жизнь	
Life tastes good	COCA-COLA
Live unböring	Ikea
Pure Life	NESTLE
Продукт – настоящее, неподдельное	
It’s the real thing	Coca-Cola

Pure Gold	Benson&Hedges Cigarettes
Продукт – вдохновение, жизненная сила	
It Gives You Wiings	RED BULL
Inspired Living	Haier (бытовая техника)
Продукт – свобода	
Liberte toujours	GAULOISES
State of Independence	SAAB
Продукт – счастье	
Happiness is a cigar called Hamlet	Hamlet
Happiness is egg shaped	BritishEggMarketing Board
Продукт – лучшее будущее	
Let’s Make Things Better	SHARP
Let's Make Things Better	Philips
Making Tomorrow Better	ONGC (Oil & Natural Gas Commission, India)

Также используется прием изменения коннотации с отрицательной на положительную при сохранении предметного содержания:

Obey Your Thirst	Sprite

Ответственность за слово и перед словом как определяющий фактор целостности общества и в его истории, и в его современности – основа философии М. М. Бахтина, сущностная для информационной эпохи. Здесь важно помнить, что под словом подразумевается не только слово как лексис, но и слово как произведение речи. Отсюда для нашего рассуждения другим не менее значимым аспектом философии М. М. Бахтина является развитие им теории нарратива как теории риторической. В силу того, что благодаря совмещению словесного, визуального и аудиального воздействия мультимедийный рассказ о событиях стал постоянным контекстом человеческой жизни и формирует реальность, в которой мы живем, существенное значение приобретает именно риторический подход к нарративным текстам, раскрывающий не только способы конструирования картин мира в повествовательном тексте, но и возможности использования картин мира в качестве аргументов для продвижения своих идей.

Нарратив по природе своей является ситуативно-обусловленной интерпретацией ряда событий. Именно этот момент подчеркнут

в следующем высказывании М. М. Бахтина: «Перед нами два события: событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания … события эти происходят в разные времена … и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте <…>. Мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно понимаем и всю разность составляющих ее моментов» [9, с. 403–404]. Целостность и нераздельность создается оценкой, которая и проецирует определенное эмоционально-оценочное отношение к предмету речи, делая его иллюстрацией той или иной идеи. М. М. Бахтин говорит об интонационной и семантической метафорах [8, с. 213]. Метафорическое переосмысление и значения слова и поэтической формы – закон развития и обыденного и поэтического языков. Однако М. М. Бахтин предупреждает: не надо путать вдохновение и содержание [7, с. 5–6].

В наше время убеждающий потенциал нарратива вполне осознан, и эта форма речи стала основной в управлении массовым сознанием как в коммерческих, так и в политических целях [1; 3; 11; 12; 16; 17; 21; 22; 23; 25; 30; 32; 33; 34; 35; 37; 38; 40; 41; 42; 45].

В чем заключается действенность нарратива?

Повествование – отбор и монтаж элементов событийного ряда, при помощи которого автор достигает реализации своего пафоса косвенным путем – посредством рассказывания истории, создающей определенную точку зрения на предмет речи, т. е. его образ [17; 30; 35; 42]. История является результатом смыслопорождающего отбора ситуаций, фактов, лиц, действий и их свойств. «Отбор элементов и их свойств создает не только историю, но также перцептивную, пространственную, временну́ю, идеологическую и языковую точку зрения, с которой воспринимаются и осмысливаются события» [42, с. 14].

Риторика испокон веков рассматривает повествование как вид сильного аргумента, использующегося во всех родах речи [20, с. 347]. В повествовании образ события создается при помощи разложения некоего отрезка действительности (реальной или вымышленной) на ряд отдельных атомарных событий. «Этот ряд может в принципе дробиться до бесконечности, но в текст изложения входят только некоторые из них. Для читателя эта связь естественна и очевидна, а смысловые пропуски незаметны» [14, с. 244]. Автор выбирает те события и факты, совокупность которых повлечет за собой определенный

вывод, создаст определенный образ предмета речи. Эффективность повествования как довода обусловлена во многом тем, что в основе выделения и объединения аудитории словом лежат дейксис и модальность, которые в повествовании одновременно «служат инструментом смысловой организации всего высказывания, границы которого определяются выраженным в слове единством действия» [14, с. 226].

Начиная со второй половины XIX в., проблематика риторики переходит в поэтику. В этой связи необходимо отметить, что теория повествования и сюжетосложения великого русского ученого А. Н. Веселовского [13] имеет непреходящее значение для науки и просвещения. Историческая поэтика А. Н. Веселовского говорит о том, что сюжет – это метафорическая картина мира и потому, как и всякая метафора, является суггестивным приемом воздействия. Он также пишет о жанрах дидактической литературы (позже в трудах Г. Г. Шпета, получивших название прозопоэтических жанров [43]), которые используют поэтические приемы в прозаических целях (для достижения практических интересов), он показывает, почему поэтический образ может переходить в миф.

Суггестивный потенциал метафоры состоит в том, что один предмет непосредственно замещает другой, и это не оставляет места рассуждению. Данное утверждение согласуется с современным широким пониманием метафоры, например Максом Блэком, когда предмет речи видится сквозь определенную сетку понятий, положений, событий [10]. Медийные тексты конструируют истории о реальных людях [22, с. 176], и эти истории являются теми метафорами, которыми мы живем. Для правильной оценки содержания СМИ, которое в основном сформировано текстами прозопоэтических жанров, необходимо помнить, что эти тексты поэтические по строению, но созданы для репрезентации идей, создания картин мира. Аргументация здесь осуществляется при помощи суггестивных образов, чем и обусловлен их мифотворческий потенциал. Такой прием является манипуляцией, так как имеет целью заставить человека вынести определенное решение, не осознавая мотивов своего поступка.

Идеальным средством создания нужных картин мира может служить кино. В связи с этим обращает на себя внимание ряд фильмов и театральных постановок, посвященных британской монархии XX в., таких как *Bertie & Elizabeth* (фильм, 2002), *The Queen* (фильм, 2006), *The King's Speech* (фильм, 2010), *The Audince* (пьеса и постановка,

2013), *Wallis & Edward* (фильм, 2005), *W./E* (фильм, 2011), *William & Kate* (фильм, 2011). Эти произведения появились на фоне резкого падения имиджа монархии после интервью Дианы в ноябре 1995 г. (программа «Panorama»).

В структуре нарратива можно выделить два типа элементов: те, которые используются для создания образа мира, и те, которые управляют восприятием: к последним относится сюжет, композиция, архитектоника, ритм, к первым – события, составляющие сюжет, герои (их номенклатура и атрибуты), мысли, язык, невербальные элементы (зрительный и звуковой ряды). Для проведения качественного контент-анализа [29] надо выделить категории, значимые с точки зрения распространения стиля. Это можно сделать, опираясь на содержательные элементы нарратива.

Очень важно, на каких текстах растут наши дети. Нарратив массовой коммуникации для детей закладывает фундамент массового сознания ближайшего будущего [24]. Частичное представление о детском медийном нарративе можно получить на основе исследования продукции одного из самых успешных проектов на рынке детской мультимедийной продукции «Человек-паук» (издательство Marvel), который существует на разных материальных носителях (в качестве комиксов, карточной игры, на телевидении, в кинофильмах и видеоиграх). Был проведен качественный контент-анализ журналов за 2009 год и 400 карточек. Результаты представлены (*http://psyjournals.ru/sociosphera/2010/n3/35467.shtml*). Здесь же приведем такой пример: бонусные карточки с надписью «Укради!» с пояснением, что данная карточка дает право украсть (не взять, а именно украсть) некоторое количество карточек у любого игрока. Подобные приемы делают нормативными элементы зла в той части образа мира, которая представляет добро. Искажение смыслов является самой худшей формой вандализма, поскольку подрывает основы общества.

Заключение. Работа М. М. Бахтина «К философии поступка» написана в 1919–1921 гг. в начале бурного развития общества и средств массовой коммуникации. И. Пешков отмечает, что «М. М. Бахтин с самого начала писал глобально новую риторику», риторику массового общества, он создавал новую «риторическую парадигму, корень которой в архитектонике поступка» [23]. Пожалуй, наиболее полное воплощение это намерение М. М. Бахтина нашло в современной риторике Ю. В. Рождественского, окончательно оформленной в конце

XX в. в таких работах, как «Теория риторики», «Принципы современной риторики», «Философия языка и учебный предмет». Ю. В. Рождественский писал, что в XX в. глобальная безответственность речевого поступка стала реальностью, которой нельзя избежать: «…создание СМИ как коллективного и глобального текста сделало фактически невозможным правовой контроль над содержанием текстов. СМИ постепенно содействовали распространению безграничной возможности диффамации уже не только личности, но и целых общественных групп, институтов, страны, продукции; расшатывали семейные устои, агитировали за разрушение гражданского порядка в обществе. Притом что de-jure цензурные законы по-прежнему сохраняются в разных формах и направлены на то, чтобы препятствовать развитию общества вседозволенности» [26]. Такое положение вещей «выдвигает первую задачу риторики. Первая задача риторики состоит в умении быстро воспринимать речь во всех видах слова и извлекать нужные смыслы для принятия оперативных решений, не давать себя увлечь, сбить на деятельность, невыгодную себе и обществу. Вторая задача риторики есть умение изобретать мысли и действия и облекать их в такую речевую форму, которая отвечает обстоятельствам. Это значит уметь создавать монолог, вести диалог и управлять им, управлять системой речевых коммуникаций в пределах своей компетенции. Обе задачи должны опираться на культуру данного общества» [27, с. 10].

Сейчас много говорят о важности критического мышления и введении специальных курсов критического мышления [19][1] , часто его развитие связывают с курсом медиаграмотности и понятием медиакомпетентности [33; 44]. Однако, как показывает наше рассуждение, развитие критического мышления надо начинать на уроках литературы и риторики. Не имея должных филологических знаний, противостоять рассмотренным в статье видам манипуляции практически невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева В. А.* Литературный нарратив: текст и дискурс: Монография. – СПб. : Норма, 2006. – 182 с.

[1] Также см. *Волков Е. Н.* Критическое мышление: библиография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.evolkov.net/critic.think/bibliography/bibliogr.crit.think.html

2. *Аристотель*. Поэтика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.ru/library/aristotle/poet.html
3. *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 196–238.
4. *Бахтин М. М.* pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. – Т. 1. – СПб. : РХГИ, 2001. – 552 с. (Русский путь).
5. *Бахтин М. М.* Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры. – Т. 2. – СПб. : РХГИ, 2002. – 712 с. (Русский путь).
6. *Бахтин М. М.* К философии поступка // Работы 1920-х гг. – Киев : Next, 1994. – С. 9–69.
7. *Бахтин М. М.* Искусство и ответственность // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 5–6.
8. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 181–187.
9. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/ 84/1/783188.pdf
10. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–173.
11. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. – М. : Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с. (Мыслители XX в.).
12. *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – №3. – С. 29–42.
13. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. – М. : Высшая школа,1989. – 406 с. (Классика литературной науки).
14. *Волков А. А.* Основы русской риторики. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 1996. – 344 с.
15. *Дебор Г. Э.* Общество спектакля. Перевод Болеслава Немана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://avtonom.org/old/lib/theory/debord/society_of_spectacle.html?q=lib/theory/debord/society_of_spectacle.html
16. *Дерябин А.* Телевизионные новости как коммуникативное событие // Дискурс. – 1998. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dedovkgu.narod.ru/bib/derjabin.htm
17. *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс // Фигуры: в 2 т. – Т. 2. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1998. – С. 60–281.
18. *Кожинов В. В.* Судьба России. Вчера, сегодня, завтра. – М. : Молодая гвардия, 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kozh_bahtin.html
19. Критическое мышление: отчет об экспертном консенсусе в отношении образовательного оценивания и обучения (Дельфи-доклад). Краткое

изложение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://evolkov.net/critic.think/basics/delphi.report.html
20. *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – М.–Л., 1950–1983. – Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 996 с.
21. *Луканина М. В., Салиева Л. К.* Нарративное манипулирование // Государственное управление: электронный вестник. – Вып. 46. – Октябрь 2014. – С. 1–13.
22. *Москаленко Е. С.* Личностный нарратив как когнитивный принцип организации массмедийного дискурса // Вестник ИГЛУ. – № 1. – 2009. – С. 175–180. (Сер. Филология).
23. *Пешков И. В.* М. М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.ru/library/bahtin/peshkov.html
24. *Платон*. Государство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/plato/01/0.html
25. *Репьевская М. В.* Подходы к изучению нарратива // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 25. – С. 136–143. (Сер. Лингвистика).
26. *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. – М. : Флинта : Наука, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text7/35.htm
27. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. – М. : Добросвет, 1997. – 298 с.
28. *Рождественский Ю. В.* Философия языка и учебный предмет // Философия языка. Культуроведение и дидактика. – М. : Грантъ, 2003. – С. 9–146.
29. *Салиева Л. К.* Информационный аспект деятельности специалиста по связям с общественностью // Связи с общественностью как интегрированное научное знание периода открытого информационного общества: сб. материалов Третьей всерос. науч.-практ. конф. – М. : Флинта : Наука, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istina.msu.ru/publications/article/4488894/
30. *Салиева Л. К.* Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. – 2012. – № 3. – С. 116–128. – (Сер. 21. Управление: государство и общество).
31. Сто лучших слоганов мировой рекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.adme.ru/rejting-adme/100-luchshih-sloganov-mirovoj-reklamy-23755/
32. *Троцук И. В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. – 2004. – № 6–7. – С. 56–75. – (Сер. Социология).

33. *Трубина Е. Г.* Нарратология: основы, проблемы, перспективы: материалы к специальному курсу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.myword.ru
34. *Тюпа В. И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). – Тверь : ТГУ, 2001. – 58 с.
35. *Тюпа В. И.* Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. – 2002. – С. 5–31.
36. *Федоров А. В*. Медиаобразование: вчера и сегодня. – М. : МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2009. – 234 с.
37. *Федосеева Е. В*. Изменение структуры нарратива как основа риторически модифицированного массмедийного дискурса // Вестник ИГЛУ. – № 3. – 2012. – С. 122–127.
38. *Чернякова М. В.* Реализация манипулятивного потенциала концептуальной метафоры в российском и американском политическом нарративе, посвященном войне в Ираке 2003–2004 гг.: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.disserCat.ru
39. Человек-паук. Герои и злодеи. (Marvel. An Eaglemoss Publication. 2009. № 2. Сериал).
40. *Шейгал Е. И*. Политический скандал как нарратив // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. / ВГПУ; СГУ. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 55–68.
41. *Шейгал Е. И*. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. – Вып. (2) 22. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 2007. – С. 86–93.
42. *Шмид В.* Нарратология. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. (Studia philologica) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/volf_shmid/narratologiya/read_online.html?page=1
43. *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на тему Гумбольдта). – 3-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2006. – 216 с. (Академия фундаментальных исследований: философия).
44. *Masterman L.* Teaching the Media. – L. : Comedia Publishing Group, 1985. – 341 p.
45. *Ochs E.* Narrative Lessons // Duranti A. (ed.) A Companion to Linguistic Anthropology. – Oxford : Blackwell, 2004. – P. 269–287.

УДК 811.161.1’42

А. О. Стеблецова

кандидат филологических наук; заведующая кафедрой иностранных языков, Воронежская гос. мед. академия им. Н. Н. Бурденко; e-mail: annastebl@mail.ru

ДЕЛОВОЙ ДИСКУРС И ЕГО ТИПЫ: АЛГОРИТМ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена проблеме моделирования делового дискурса. Дискурсы трудоустройства, оперативного взаимодействия и кадровый определены как типы делового дискурса, выявлены дискурсивные события каждого. Автор предлагает трехуровневый аспектный алгоритм дискурсивного анализа как метод определения конституирующих признаков делового дискурса, прагмалингвистического описания дискурсивных событий и сопоставительного анализа дискурсов англоязычной и русскоязычной коммуникативных культур.

Ключевые слова: деловой дискурс; дискурс трудоустройства; оперативного взаимодействия; кадровый; алгоритм дискурсивного анализа.

Stebletsova A. O.

Ph.D., Head of the Foreign Languages Department, Voronezh N.N. Burdenko State Medical Academy; e-mail: annastebl@mail.ru

BUSINESS DISCOURSE AND ITS TYPES: AN ALGORITHM OF ANALYSIS

The paper discusses the issue of institutional discourse modelling. Employment, workplace and human resource discourses are defined as institutional discourse types along with their structural discourse events. The author introduces a three-level algorithm of analysis for discourse constitutive features identification. The algorithm also provides a pragmalinguistic and comparative description of English and Russian discourse events.

Key words: institutional discourse; employment; workplace; human resource discourses; algorithm of discourse analysis.

Лингвистические модели языковой и речевой деятельности становятся все более востребованным исследовательским методом и способом конструирования процессов коммуникативного взаимодействия. «Модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка и рядоположенными феноменами» [9, с. 6].

Рассматривая проблему дискурсивного моделирования, необходимо отметить достаточно широкий круг подходов к ее решению.

Разнообразие подходов обусловлено как многогранностью и комплексностью самого феномена дискурса, так и теоретическими основаниями авторов, а также фокусом их исследовательского интереса. Выделением отдельных видов и типов дискурса на основе разработанной В. И. Карасиком системы институциональных признаков [8] давно и плодотворно занимаются ученые Волгоградской лингвистической школы. В русле социолингвистического подхода они провели серьезные исследования медицинского [4; 5; 7], судебного [14], художественного [15] и других видов дискурса.

Когнитивное моделирование дискурса является еще одним развивающимся направлением. В работах исследователей, занимающихся описанием процессов порождения и восприятия текста / дискурса, способов декодирования текста и извлечения дискурсивно-релевантной информации решается задача построения интегральной когнитивной модели дискурсивного процесса [10; 12; 26].

Особый интерес представляют работы по моделированию дискурса, находящихся на пересечении дискурсивного анализа, лингвостилистики, лингвистики текста и теории жанров [1; 6; 16; 22–25]. И хотя далеко не все исследователи дискурса «…пользуются терминологическим аппаратом теории жанров» [6, с. 79] или опираются на положения Бахтина [2], возникают неизбежные параллели между понятиями типа *дискурса*, *коммуникативного события*, *коммуникативного акта*, с одной стороны, и понятиями *жанра речи*, *речевого акта*, *типа текста* – с другой.

Многогранность понятия *деловой дискурс* проявляется в разнообразии его дефиниций и широком спектре подходов к его исследованию. Можно достаточно четко проследить коммуникативно-риторический и жанровый подходы к моделированию делового дискурса, при которых деловой дискурс рассматривается как совокупность риторических жанров деловой речи [1].

Когнитивное моделирование делового дискурса осуществляет Т. А. Ширяева [26], анализируя способы актуализации институциональных фреймов в определенных типах текстов, а также «ментальные процессы, происходящие в сознании адресата и адресанта во время профессиональной коммуникации в современном деловом сообществе» [26, с. 7].

Деловой дискурс традиционно разрабатывался в русле функциональной стилистики и лингвистики текста: различные типы

официально-делового текста составляли «коммуникативное пространство, в котором доминируют коммуникативные процессы, связанные с реализацией посредством официально-деловых текстов регулятивной функции…» [1, с. 5]. Деловая коммуникация, деловой или официально-деловой текст, в силу своей доминирующей позиции в деловом дискурсе, продолжает оставаться в центре внимания широкого круга исследователей [3; 11; 13; 18–20].

В зарубежной лингвистике также наблюдаются постоянные обращения ученых к деловому дискурсу. За два последних десятилетия исследователи признали деловой дискурс самостоятельной отраслью дискурсивных исследований. За этим признанием стоит четкое осознание того, что понятие «дискурс» в самом широком смысле необходимо для исследования деловой интеракции. Центр исследований переместился с изучения делового языка на изучение делового дискурса. Иными словами, понимание делового языка как изолированного феномена сменилось понятием делового дискурса, под которым подразумевают «текстуализированное общение, которое конструируется коммуникантами в ходе выполнения своих каждодневных обязанностей, решения деловых вопросом и достижения поставленных целей, как делового, так и личного характера» [29, с. 274]. Таким образом, язык как социальная практика является ключевым объектом любого исследования в рамках делового дискурса.

Наряду с исследованиями делового текста и дискурса, понимаемого как коммуникативное взаимодействие в коммерческих организациях, т. е. как бизнес-дискурс, большое количество исследований ведется в области изучения и моделирования институционального дискурса социальных институтов. Во многих работах институциональный дискурс трансформируется в понятие *workplace interaction* или *discourse in work-related settings* [27; 28; 31; 32].

В настоящее время выделяют следующие основные трактовки делового дискурса, а именно: «1) деловой дискурс как дискурс официальный, институционально-административный; 2) деловой дискурс как речевая практика определенной специальной сферы; 3) деловой дискурс как «business communication» [13, с. 17]. Признавая справедливость каждой из трактовок, мы предлагаем свое видение делового дискурса.

Деловой дискурс как социальная интеракция его участников по вопросам, связанным с организацией и структурой общения,

обеспечения эффективного и результативного общения для решения профессиональных задач, поддержания внутреннего статусного и функционального устройства социального института – таков неполный перечень содержательных компонентов делового дискурса любого социального института в любой профессиональной сфере. Иными словами, мы рассматриваем деловой дискурс как *способ организации и структурирования языкового взаимодействия людей вне зависимости от сферы их профессиональной деятельности*. В данной трактовке деловой дискурс выступает как универсальный метадискурс, социопрагматическими чертами которого являются целенаправленность и результативность. Деловой дискурс является своего рода теоретическим конструктом, узуальным подтверждением которого является существование конкретных типов дискурса, существующих в любых социальных и профессиональных сферах и разных языковых культурах. Мы выделяем три типа дискурса: *трудоустройства*, *оперативного взаимодействия* и *кадровый*. Эти типы соединяют в себе универсальность делового дискурса (целенаправленность, результативность, *метапрофессиональный характер*, дискурсивное сообщество) с собственными специфическими способами структурной организации, особыми дискурсивными событиями и участниками. Представленные ниже дефиниции отражают типологические свойства делового дискурса в сочетании с социопрагматической спецификой каждого конкретного типа.

Дискурс *трудоустройства* – это процесс целенаправленного коммуникативного взаимодействия участников рынка труда по поиску работы или работника.

Дискурс *оперативного взаимодействия* – это процесс оперативно-коммуникативной деятельности на рабочем месте для решения текущих вопросов.

Кадровый дискурс – это коммуникативное взаимодействие внутри организации между работодателем и работником по вопросам должностного положения и карьерного роста последнего.

Моделирование и описание дискурсов включает не только теоретическое определение, но и выявление конституирующих и дифференциальных признаков, разработку интеракциональной структуры и последовательности дискурсивных событий. С целью наиболее полного и объемного описания был разработан *алгоритм анализа делового дискурса*, предусматривающий выделение нескольких уровней и аспектов описания дискурса.

Первый уровень – анализ конституирующих признаков дискурса включал в себя следующие аспекты:

• *социокультурный аспект*, в котором представлены релевантные для описания дискурса факторы: особенности историко-экономического развития, основы правового обеспечения дискурса идеологические и ценностные принципы развития дискурса;

• *аспект участников дискурса*, предполагающий анализ институционального, профессионального, дискурсивно-иерархического и дискурсивно-событийного статусов участников, их дискурсивных целей;

• *аспект интеракциональной структуры дискурса*, включающий способ организации структуры (линейная / циклическая), способ развертывания дискурса (хронологический / функциональный), выявление и номинация дискурсивных событий.

Следует уточнить, что анализ дискурсов трудоустройства, оперативного взаимодействия и кадрового проводился на материале деловых текстов англоязычной и коммуникации сферы высшего образования. Аутентичные тексты – документы внутренней коммуникации британских, американских и российских вузов послужили непосредственным материалом анализа.

Для более наглядного представления действия алгоритма на первом уровне предлагаем анализ интеракциональной структуры дискурса каждого типа, предварительно уточнив используемые термины. Под *интеракциональной структурой* понимается конвенциональный, т. е. общепринятый и закрепленный в коммуникативной культуре способ организации дискурса, выраженный виде последовательности дискурсивных событий. *Дискурсивное событие* – это отдельный фрагмент дискурса, обладающий признаками *тематической целостности и законченности*, объединенный определенным *составом участников*, совершающих *дискурсивные действия*, и общей *тональностью*. Одно дискурсивное событие легко отграничить от другого: смена темы события или состава участников будет означать завершение одного дискурсивного события и совершение другого.

Типичная интеракциональная структура дискурса *трудоустройства* состоит из следующих диалогических пар дискурсивных событий:

• «объявление о вакантной должности» – «соискательство вакантной должности»;

• «запрос о вакантной должности» – «реакция на запрос».

Часто ход дискурса трудоустройства останавливается уже на этом дискурсивном обмене. Это происходит в случае отсутствия интереса работодателя к кандидату, присланному им резюме. Если же интерес проявлен, то развитие дискурса происходит в следующей паре дискурсивных событий:

- «запрос рекомендации» – «рекомендация»;
- «приглашение на собеседование» – «реакция на приглашение»;
- «собеседование»;
- «результат собеседования» – «реакция на предложение должности»;
- «заключение контракта».

Интеракциональная структура дискурса трудоустройства демонстрирует линейный характер и отличается последовательно-хронологическим способом развертывания во времени и в пространстве. Большинство дискурсивных событий представляют собой диалогические пары (стимул – реакция). Исключение составляют одиночные дискурсивные события «собеседование» и «заключение контракта».

Интеракциональная структура дискурса *оперативного взаимодействия* существенно отличается от предыдущего типа тем, что не носит линейного, строго закрепленного характера, когда одно дискурсивное событие должно следовать за другим. Дискурсивные события оперативного взаимодействия являются частью целостного коммуникативного процесса в институциональных рамках, носящего цикличный, повторяющийся, регулярный характер. Интеракциональная структура дискурса, таким образом, демонстрирует цикличный и функциональный характер.

Дискурсивные события оперативного взаимодействия органично «вплетены» в деловое общение. Они могут быть *плановыми* как, например, заседания, совещания, советы, планерки или *неплановыми* как, например, внутренняя переписка, связанная с решением текущих вопросов. В центре внимания нашего исследования оказываются события второго типа, так как именно *неплановые* дискурсивные события отражают содержание дискурса. Конкретные события дискурса были распределены по двум функционально-прагматическим категориям: *информационные* и *побудительные*. Наиболее общая интеракциональная структура дискурса оперативного взаимодействия сферы высшего образования выглядит следующим образом:

Категория	Дискурсивное событие
информационная	объявление о свершившихся событиях объявление о предстоящих событиях обсуждение текущих вопросов
побудительная	решение академических вопросов решение организационно-административных вопросов решение частных деловых вопросов

Интеракциональная структура *кадрового* дискурса также имеет собственную специфику. ***Кадровые*** дискурсивные события сферы высшего образования представляют определенную сложность в плане их выявления, так как некоторые из них одновременно входят в структуру дискурса трудоустройства (объявление о вакансии, заключение трудового договора) и в структуру дискурса оперативного (объявление о принятии на должность, объявление об уходе). Однако моделирование кадрового дискурса предполагает выделение собственных уникальных дискурсивных событий. К таким событиям мы относим события внутреннего характера: выборы и избрание по конкурсу, поощрения и взыскания, частные кадровые вопросы, события оценочного характера (отчеты, аттестации).

С точки зрения функционально-прагматической функции кадровые дискурсивные события можно классифицировать как:

1) декларативно-побудительные – призванные *изменить* или *привести в соответствие* с действительностью дискурсивно-событийный, иерархический или имидж-статус коммуниканта;

2) оценочные – призванные *оценить* дискурсивно-событийный, иерархический или имидж-статус коммуниканта.

Оценочные действия могут быть частью декларативных дискурсивных событий или самостоятельными дискурсивными событиями, например дискурсивное событие «аттестация». Однако можно заметить, что побуждение, декларация или оценивание как функционально-прагматические функции всегда приводят к изменению дискурсивно-иерархического или имидж-статуса участника дискурса. Поэтому именно *изменение статуса* как целеполагающий признак кадрового дискурса стало для нас базовым критерием категоризации дискурсивных событий.

На основании признака ***изменение статуса*** такие дискурсивные события, как назначение или увольнение можно классифицировать как события, характеризующиеся *полным изменением статуса*. Другие события, такие как частные кадровые вопросы – *частичным изменением статуса*. Таким образом, наиболее общая интеракциональная структура кадрового дискурса сферы высшего образования выглядит следующим образом:

Категория	**Дискурсивное событие**
полное изменение статуса	назначение на должность увольнение с должности
частичное изменение статуса	частный кадровый вопрос аттестация поощрение взыскание

Второй уровень анализа делового дискурса заключается в прагмалингвистическом описании каждого дискурсивного события и осуществляется в трех аспектах: *ситуативно-прагматическом*, *текстовом* и *лингвостилистическом*. Каждый аспект, в свою очередь, состоит из ряда факторов, а именно:

- *ситуативно-прагматический*: обстановка события, место в структуре дискурса, участники дискурса, их статусы, направление интеракции, тип дискурсивного действия, характер воздействия, канал коммуникации;
- *текстовый*: дискурсивный жанр, тип текста, форма текста, степень информационной «жесткости» текста, тема, содержательная структура, композиционная структура текста;
- *лингвостилистический*: языковые средства выражения дискурсивного действия, лексические средства (семантические категории), синтаксические средства, визуально-графические средства, дискурсивная тональность, регистр и тон, дискурсивные стратегии.

Каждый фактор включает ряд параметров и признаков, релевантных в описании делового дискурса.

Третий уровень алгоритма предполагает сопоставительный анализ англоязычных и русскоязычных дискурсивных событий каждого типа, проводимый поаспектно с выявлением сходных

и дифференциальных характеристик. В качестве иллюстрации предлагаем результаты анализа дискурсивного события «назначение на должность» англоязычного и русскоязычного кадрового дискурса.

Письменный модус события представлен дискурсивным жанром назначения, реализуемый разными типами текстов. В англоязычном дискурсе это письмо – Letter of Appointment, в русскоязычном – *приказ о назначении*. Это обусловило дальнейшие композиционные и визуально-графические различия: абзацное структурирование текста Letter of Appointment и унифицированный шаблон приказа (форма Т-1). Тематическое структурирование и содержательное наполнение текстов свидетельствует о наличии *общих* для обоих дискурсов информационных компонентов: номинация события и номинация должности. Тематические различия проявляются в наличии/отсутствии других информационных компонентов (размер зарплаты, бонусов, льгот, просьба подтвердить согласие с назначением до установленного срока, подтверждение ознакомления с приказом и др.) в текстах Letter of Appointment и приказа о назначении.

В лингвопрагматическом смысле Letter of Appointment и приказ о назначении обнаруживают существенные различия. Так, в текстах Letter of Appointment дискурсивное действие назначения реализуется с помощью речевого акта (РА) информирования, предложения и подтверждения должности, тогда как в тексте приказа назначение реализуется одноименным прямым РА приказа. В текстах Letter of Appointment происходит некая прагматическая трансформация: адресат понимает, что происходит назначение из информирования об этом событии или его подтверждения. Использование перформативных глаголов *inform*, *confirm*, *offer* вместо декларатива *appoint* является прагматическим способом ухода автора от демонстрации собственной власти, авторитарности, высокого статуса. Такое прагматическое преуменьшение собственной значимости является проявлением дискурсивной стратегии смягчения воздействия на адресата, а также свидетельством политкорректности в деловом дискурсе, что интерпретируется нами как характерная черта англоязычного дискурсивного стиля.

В тексте приказа о назначении на должность мы отмечаем противоположную дискурсивную тактику – демонстрацию властных полномочий и высокого статуса руководителя. Эта стратегия усиления воздействия на адресата является конвенциональной дискурсивной

практикой и национальной особенностью русскоязычного дискурсивного стиля.

Использование эмоционально-экспрессивной лексики является отличительной чертой англоязычного делового письма. Сочетание эмоционально-окрашенных существительных, прилагательных, причастий, наречий с перформативными глаголами, их присутствие в деловых клише уже стало конвенциональным способом снижения категоричности речевых актов, создания благожелательной тональности текста. Использование эмоционально-экспрессивной лексики как элемента разговорного языка свидетельствует о тенденции движения деловых текстов (особенно текстов деловых писем) от высокоформального в сторону нейтрального или неформального стилевого регистра коммуникации. Мы считаем эту тенденцию специфической чертой англоязычного делового коммуникативного стиля.

Текст приказа выдержан в официально-деловом стиле, не предполагающем использования эмоционально-экспрессивных средств выражения. Формальная тональность, стилистическая сдержанность и лаконичность, достигаемые за счет деловых клише и синтаксических конструкций, языковой минимализм, ригидность формы и содержания – таковы характерные черты русскоязычного дискурсивного стиля.

Подведем итоги. Дискурсивное моделирование является эффективным методологическим инструментом, позволяющим исследовать новые и малоизученные типы дискурсов. Определение и описание дискурса трудоустройства, кадрового дискурса и дискурса оперативного взаимодействия позволяет в теоретическом смысле уточнить понятие делового дискурса как способа организации и структурирования коммуникативного взаимодействия людей. Социокультурные особенности, участники дискурса, его дискурсивные события и их интеракциональная последовательность стали ключевыми аспектами первого уровня алгоритма анализа делового дискурса. Второй и третий уровни анализа позволили осуществить полное прагмалингвистическое описание каждого дискурсивного события, провести аспектное сопоставление англоязычного и русскоязычного деловых дискурсов. Полученные в результате анализа данные позволяют сделать выводы относительно дискурсивной специфики трех типов дискурса, смоделировать общий «профиль» каждого типа и сформулировать особенности дискурсивного стиля деловой коммуникации исследуемых лингвокультур. Можно сделать вывод, что предлагаемый алгоритм анализа делового дискурса

подтвердил возможность и целесообразность его использования на материале разных коммуникативных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимова Т. А.* Типология жанров деловой речи (риторический аспект): автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Краснодар, 2000. – 41 с.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // М. М. Бахтин Собр. соч.: в 5 т. – Т. 5. – Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М. : Русские словари, 1996. – С. 159–206.
3. *Баландина Н. А.* Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 192 с.
4. *Бейлинсон Л. С.* Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы. – Волгоград : Перемена, 2009. – 278 с.
5. *Гончаренко Н. В.* Суггестивные характеристики медицинского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 24 с.
6. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
7. *Жура В. В.* Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: дис. … д-ра филол. наук. – Волгоград, 2008. – 406 с.
8. *Карасик В. И.* Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 37–64.
9. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
10. *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. … д-ра филол. наук. – М., 2003. – 90 с.
11. *Кушнерук С. П.* Теория современного документного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2008. – 45 с.
12. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
13. *Мкртычян С. В.* Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2012. – 40 с.
14. *Палашевская И. В.* Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2012. – 39 с.
15. *Погребняк Ю. В.* Характеристики интериоризованного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2012. – 39 с.
16. *Седов К. Ф.* Психолингвистика в анекдотах. – М. : Лабиринт, 2005. – 112 с.
17. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. – 177 с. – (Сер. Дискурсология).
18. *Сологуб О. П.* Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Кемерово, 2009. – 45 с.

19. *Стеблецова А. О.* Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – 207 с.
20. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Истоки, 2001. – 252 с.
21. *Стернин И. А.* Контрастивная лингвистика. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 288 с.
22. *Тюпа В. И.* Жанр и дискурс // Критика и семиотика. – Вып. 15. – Новосибирск – М., 2011. – С. 31–42.
23. *Федосюк М. Ю.* Неявные способы передачи информации в тексте. – М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. – 83 с.
24. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – М. : Гнозис, 2004. – 324 с.
25. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. – Вып. 1. – Саратов : Колледж, 1997. – С. 88–99.
26. *Ширяева Т. А.* Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: дис. …д-ра филол. наук. – Ставрополь, 2008. – 545 с.
27. *Agar M.* Institutional Discourse // Text 5. – L.: Routledge, 1985. – P. 147–168.
28. *Alatalo P.* Directive Functions in Intra-corporate Cross-border Email Interaction. – Jyväskylä : University of Jyväskylä, 2006. – 470 p.
29. *Bargiela-Chiappini F., Harris S.* The Language of Business: An International Perspective. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1997. – 386 p.
30. *Bargiela-Chiappini F., Nickerson C., Planken B.* Business Discourse. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – 282 p.
31. *Sarangi S., Roberts C.* The dynamics of interactional and institutional orders in workrelated settings // Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical, Mediation and Management Settings. – N. Y. : Mouton de Gtuyter, 1999. – P. 1–66.
32. *Wodak R*. Fragment Identities: Redefining and Recontextualizing National Identity // Politics as text and talk: analytic approaches to political discourse / Chilton P., Schäffner C. (eds.). – Amsterdam : John Benjamin, 2002. – P. 143–169.

УДК 81'42

М. В. Толмачева

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ; e-mail: marie_joie@mail.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТЕЛЕВИЗИОННОГО МЕДИАДИСКУРСА (на примере информационно-аналитических программ французского телевидения)

Статья посвящена изучению жанрового своеобразия франкоязычного телевизионного медиадискурса на материале информационно-аналитических программ, а именно – выделению в рамках информационно-аналитического макрожанра таких микрожанров, как комментарий, беседа, информационно-аналитическое интервью и информационно-аналитический опрос.

Ключевые слова: телевизионный медиадискурс; информационно-аналитический жанр.

Tolmacheva M. V.

Lecturer, the Department of the French Language Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail: marie_joie@mail.ru

GENRE FEATURES OF THE TELEVISION DISCOURSE: FRENCH INFO-ANALYTICAL TV PROGRAMS

The article covers the genre features of the French info-analytical TV discourse with the focus on the identification of such micro-genres as commentary, info-analytical interview, info-analytical discussion and info-analytical interrogation within the framework of the info-analytical macro-genre.

Key words: media discourse; TV discourse; info-analytical genre.

Проблема жанра носит междисциплинарный характер и в настоящее время является чрезвычайно актуальной. В языкознании данное понятие всегда трактовалось согласно распространенному в те или иные годы подходу и наполнялось содержанием за счет появления в лингвистической науке новых направлений (социолингвистики, когнитивной лингвистики, медиалингвистики и др.). Комплексное исследование жанров массово-информационного дискурса представлено в одноименной работе В. А. Тырыгиной, где жанр определяется как «окно, через которое мы воспринимаем мир как особого рода матрицы, внутри которых мы организуем наш язык» [5]. Автор подчеркивает, что такие матрицы значимы во многих отношениях:

они несут информацию об областях деятельности коммуникантов, об особенностях ситуации общения и позициях адресанта и адресата, об определенном ракурсе в подаче сообщения, о стратегической коммуникативной цели говорящего и т. п.

Говоря о природе жанра, В. А. Тырыгина выделяет некоторые основания – культурологические, социологические, коммуникативные и когнитивные – для его интерпретации. В исследовании мы будем опираться главным образом на коммуникативные основания, поскольку рассматриваем телевизионный медиадискурс как сложное коммуникативное явление, в основе которого лежит «коммуникативный контракт» [7].

В статье речь пойдет о жанровом своеобразии франкоязычного телевизионного медиадискурса, а именно – об информационно-аналитических программах, представленных такими жанрами, как комментарий, беседа, информационно-аналитическое интервью и информационно-аналитический опрос. Следует подчеркнуть, что поскольку информационно-аналитические программы сами являются одним из типов телевизионного медиадискурса (наряду с информационными и развлекательными), для разграничения этих понятий мы считаем необходимым ввести термины «макрожанр» и «микрожанр».

Если представить медиадискурс как многоярусное образование, распадающееся на ряд субсистем, то его уровнями в зависимости от характера оформления и восприятия информации, можно считать такие виды (или модусы существования) дискурса, как визуальные (печатная пресса), аудиальные (радио) и аудиовизуальные (телевидение, Интернет). Те, в свою очередь, распадаются на системы более низкого порядка, т. е. макрожанры. Поскольку в нашем случае речь идет о программах французского телевидения, то они представлены тремя основными макрожанрами: информационным, информационно-аналитическим и развлекательным. Если считать, что в основу жанровой классификации телепрограмм положены способы и цели распространения информации, то можно утверждать, что информационные программы выполняют функцию информирования, развлекательные – функцию развлечения, а с информационно-аналитическим жанром, помимо функции информирования, соотносится функция интерпретации и воздействия. Данные макрожанры подразделяются на более узкие по своему содержанию микрожанры. Так, интересующий нас информационно-аналитический макрожанр образуется такими

микрожанрами, как комментарий, информационно-аналитическое интервью, информационно-аналитическая беседа и информационно-аналитический опрос [3]. Именно на микрожанрах, выделенных нами в информационно-аналитическом типе телевизионного дискурса, мы и сосредоточим особое внимание.

Одной из наиболее распространенных форм исследуемого нами макрожанра на французском телевидении является ***информационно-аналитическое интервью***. В отличие от привычного для зрителя информационного интервью, цель которого состоит в информировании слушателей и в сообщении им тех или иных фактов, информационно-аналитическое интервью обращается к анализу событий и процессов, происходящих в обществе, разъясняя их суть, причинно-следственные связи, значимость, тенденции развития. Журналист задает вопросы интервьюируемому, чтобы подтолкнуть его к размышлениям, хотя последний может и сам дать развернутый анализ обсуждаемого явления без каких-либо наводящих вопросов со стороны журналиста.

Информационно-аналитическое интервью лучше всего демонстрирует телепередача под названием *En quête de lois с Анитой Оссер*. Так, в одной из программ, посвященной созданию нового типа родильных домов как альтернативы специализированным медучреждениям, с одной стороны, и естественным родам в домашних условиях – с другой, журналист Анита Оссер приглашает в студию депутата Национального собрания Франции Беранжер Полетти, поддерживающую идею создания таких учреждений в стране.

(1) ***Anita Hausser***: De plus en plus de femmes refusent l'environnement hypermédicalisé de l'hôpital et préfèrent accoucher chez elles en dépit des risques que cela représente. La députée des Ardennes suggère une alternation avec la création de maisons de naissance, une structure non-médicalisée, qui seraient néanmoins adossées à une maternité.

(2) ***Anita Hausser***: Bérengère Poletti, vous déposez une proposition de loi relative à l'expérimentation des maisons de naissance. Autrement dit, vous ne voulez plus que les femmes aillent accoucher à l'hôpital?

(3) ***Bérengère Poletti***: Bien sûr, il faut continuer à accoucher à l'hôpital. Mais on est arrivé à un point de la médicalisation de l'accouchement extrême. La plupart des femmes sont plutôt sécurisées par ce fait-là, plutôt satisfaites. Mais il y a quelques femmes qui sont très stressées et qui ont envie de retrouver des sensations naturelles dans l'accouchement. Donc, il faut trouver une solution qui permette à ces femmes de pouvoir retrouver ce naturel

sans s'exposer aux accouchements à domicile, parce que c'est quand même dangereux d'accoucher à domicile, et de leur donner une sécurité.

(4) ***Anita Hausser***: En quoiconsiste vraiment une maison de naissance?

(5) ***Bérengère Poletti***: Là, une maison de naisance – c'est un bâtiment où il y a des pièces qui sont accolées à une maternité médicalisée et dans lesquels des femmes peuvent venir pour l'accouchement... Mais on ne va accoucher dans une maison de naissance que si on a éliminé tout risque au départ. Et bien, on vient dans les pièces emménagées comme à la maison en fait, on peut venir avec son conjoint, et il y a la possibilité de s'allonger ou d'être assise ou d'être debout – tout à fait différemment (*En quête de loi : expérimenter les maisons de naissance/ http://lcp.fr/149367*).

Значимость данного события объясняется выбором сюжета (тематическая лексика: *accoucher*, *maisons de naissance*, *maternité*, *accouchements à domicile*) и использованием приема драматизации за счет лексических единиц: *en dépit des risques*, *l'accouchement extrême*, *des femmes stressées*, *c'est dangereux*). До того как начать интервью, журналист разъясняет суть события и устанавливает причинно-следственные связи между явлениями (пример 1). Далее Анита Оссер задает вопросы Беранжер Полетти, подталкивая ее дать развернутый аналитический ответ по данному вопросу (пример 2). В своих ответах депутат представляет тенденции развития события (*il faut trouver une solution*): с одной стороны – удовлетворить потребности всех рожениц (оценочная лексика: *des femmes sécurisées, satisfaites*), с другой – избежать риски (*éliminer tout risque*). Интерпретацией явления могут служить рассуждения депутата относительно того, почему многие женщины предпочитают рожать дома (пример 3: *envie de retrouver des sensations naturelles dans l'accouchement*), а также относительно преимуществ новых медучреждений (в основе лежит принцип детализации: домашняя обстановка, присутствие мужа и т. д. – пример 5).

Важным компонентом информационно-аналитического интервью, представляющего собой диалог, является наличие оценки, причем как со стороны журналиста, так и со стороны интервьюируемого. Так, в данном примере субъективизм проявляется не только на лексическом уровне: эмоционально-окрашенная, оценочная лексика (*dessensations naturelles*; *des femmes sécurisées*, *satisfaites*; *l'accouchement extrême*; *c'est dangereux*); модальные выражения: *biensûr*, *vraiment*, *enfait*; глаголы желания и волеизъявления (*refusent*, *préfèrent*, *vous ne voulez plus*, *il faut*), семантическое употребление сослагательного наклонения (*il faut*

trouver une solution qui permette; *vous ne voulez plus que les femmes aillent accoucher*); наречия интенсивности и оценки (*deplusenplus*, *plutôt*), но и на синтаксическом: риторический вопрос (*vous ne voulez plus que les femmes aillent accoucher à l'hôpital*?); придаточные определительные предложения как качественные определения при существительных (*il y a quelques femmes qui sont très stressées et qui ont envie de retrouver des sensations naturelles dans l'accouchement*); сравнения (*les pièces emménagées comme à la maison*).

Другая весьма распространенная на французском телевидении разновидность информационно-аналитического макрожанра – ***информационно-аналитический опрос*** – отличается от интервью тем, что для получения различных ответов на один и тот же вопрос он ориентируется не на одного, а на нескольких или многих опрашиваемых. Задача данного микрожанра – представить анализируемое событие с «3D эффектом», т. е. показать телезрителю всю панораму мнений по обсуждаемому вопросу.

Информационно-аналитический опрос хорошо иллюстрирует отрывок из программы ***Europe hebdo*** с Ахмедом Тазиром, посвященной борьбе с отмыванием денег в Европе и представляющей собой опрос приглашенных в студию депутатов Европарламента. Отметим, что в рамках коммуникативного подхода мы сосредоточим свое внимание не столько на лингвистической составляющей данного микрожанра, сколько на категории адресанта. Так, телепередача подобного характера представляет собой полилог. Что касается структуры данного микрожанра, то собственно аналитическая часть телепередачи (мнения приглашенных) следует за информационным сообщением журналиста Ахмеда Тазира о том, что для борьбы с отмыванием денег, коррупцией и уклонением от уплаты налогов в Страсбурге открывается Высшая полицейская школа (пример 6):

(6) ***Ahmed Tazir***: Une École pour pister l'argent sale: une trentaine de policiers, de magistrats européens de haut niveau se forment à Strasbourg. Mission – lutter contre le blanchiment d'argent, la corruption, l'évasion fiscale (*Europe hebdo: la lutte contre le blanchiment d'argent sale en Europe/ http://lcp.fr/157820*).

В рамках данной проблемы депутат Поль Гозес предлагает различать преднамеренное уклонение от уплаты налогов, что является преступлением и должно караться законом, и легальный уход от

налогообложения, что также можно минимизировать за счет создания общеевропейской налоговой организации (пример 8). Франсуаза Кастэ считает, что более эффективными методами борьбы с подобными преступлениями могут стать создание в рамках ЕС прокуратуры, введение санкций в виде конфискации имущества, а также занесение в черный список предприятий, уклоняющихся от уплаты налогов (пример 7).

(7) ***Françoise Castex***: Et en ce qui me concerne, je propose des mesures beaucoup plus fortes avec la création d'un parquet, et puis, des sanctions de type confiscation des biens, et puis, une liste noire des entreprises qui fraudent.

(8) ***Paul Gauzès***: La fraude fiscale, c'est un délit. Ça doit être poursuivi, reprimé avec les dispositifs qui étaient votés. L'évitement fiscal, c'est le fait contribuable, et c'est légalement de ne pas payer des impôts puisqu'on a envie d'éviter. Et cet évitement fiscal peut être lui-même évité si on a une meilleure organisation fiscale au niveau européen [там же].

Важным жанром информационно-аналитических программ французского телевидения является ***информационно-аналитическая беседа***. Главное отличие беседы от интервью заключается в той активной роли, которую играет журналист в анализе события. Если в интервью он только задает вопросы, а отвечает на них интервьюируемый, то здесь позиция журналиста совершенно другая: он является равноправным коммуникативным партнером всех участников беседы. Иными словами, данному виду телепередач присущи более полное и многостороннее видение анализируемого явления за счет столкновения различных позиций по обсуждаемому вопросу.

Информационно-аналитическую беседу наглядно иллюстрирует телепередача *Parlons-en* с Фредериком Азиза и Патрисом Трапье. Журналисты беседуют с приглашенными в студию гостями – философом Бернаром-Анри Леви, художником Аделем Абдессемедом и др. (примеры 10–11) – о том, может ли искусство быть философией жизни и в чем заключается эта философия (пример 9). С точки зрения категории адресанта, важным для нас представляется тот факт, что за счет большого количества суждений по рассматриваемому вопросу (в том числе и мнений журналистов (пример 13–14)), информационно-аналитическая беседа, являясь полилогом, олицетворяет собой полифонический подход к обсуждаемой проблеме:

(9) ***Fréderic Haziza***: En quoi l'art est-il la philosophie de notre vie? En quoi l'art, en quoi la peinture font-ils réfléchir? font-ils penser? permettent-ils de comprendre, de mieux comprendre le?

(10) ***Adel Abdessemed, plasticien***: Je pense que l'art d'abord, c'est... il s'agit de l'image. L'art, ça veut dire, si on peut résumer, la vie... c'est un ensemble d'images. L'art, çavientdel'expérience.

(11) ***Bernard-Henry Lévy, philosophe***: L'art... et bon, il y a autant d'arts que d'artistes… Des artistes sont les gens qui vont explorer la part obscure, noire, maudite de la condition humaine, ce dont les autres ne parlent pas.

(12) ***Pouria Amirshali, député PS***: La pratique de la peinture est toujours une réinterprétation du monde. Et tout ce qui réinterprète le monde est forcément un acte philosophique.

(13) ***Fréderic Haziza***: L'art est inscrit dans le monde qui bouge tout le temps... L'art c'est plus que la philosophie de la vie, c'est la liberté.

(14) ***Patrice Trapier***: L'art est assez subversif pour être pris en cibleréel (*Parlons-en: l'art: une philosophie de la vie/http://lcp.fr/148698*).

Наконец, комментарий как микрожанр информационно-аналитических телепрограмм представляет собой аналитическое, доказательное, часто закадровое рассуждение относительно той или иной проблемы, затронутой в информационном сообщении, и может быть рассмотрен на примере передач *L'écho des lois*. Так, в одной из них речь идет о равноправии женщин и мужчин в профессиональной деятельности. В отличие от других информационно-аналитических микрожанров (интервью, беседы и опроса, предполагающих нескольких участников коммуникации), комментарий – это своего рода монолог, включающий следующие структурные элементы: сообщение о некотором событии (пример 15); формулирование возникших в связи с данным событием проблемных вопросов (пример 16); изложение комментирующих фактов, мыслей и деталей (пример 17) и др. Главная цель комментария состоит в том, чтобы установить причинно-следственные связи между рассматриваемыми явлениями, спрогнозировать дальнейшее развитие событий (пример 18), дать оценку происходящего и повлиять на общественное мнение по рассматриваемому вопросу.

(15) ***Elsa Mondin-Gava***: Cette fois, nous allons nous intéresser à la place des femmes dans le monde des entreprises. Écarts de salaires, difficultés à occuper des postes à responsabilités, carrières freinées par une

grossesse – aujourd'hui les femmes n'ont pas le même parcours professionnel que leurs collègues masculins.

(16) ***Elsa Mondin-Gava***: Alors, aujourd'hui, quelles sont les obligations légales des entreprises? Comment les femmes peuvent-elles se défendre?

(17) ***Elsa Mondin-Gava***: La constitution proclame que la loi garantit à une femme des droits égaux à ceux de l'homme. 1968 – cela ne fait que trois ans que les femmes peuvent travailler sans l'accord de leurs maris, mais elles commencent déjà à s'interroger sur la différence de traitement entre femmes et hommes. 1972 – l'égalité salariale est inscite dans la loi. Pourtant, malgré la loi et le travail égal, les femmes sont moins payées que les hommes: 30% de moins en moyenne.

(18) ***Elsa Mondin-Gava***: Mais la loi ne peut pas tout. Il faut aussi que les mentalités évoluent. Cela se passe à l'école, par exemple, en encourageant les jeunes filles à se diriger vers des filières qu'elles ont tendance à s'interdire, mais aussi à la maison, avec la nouvelle répartition des tâches ménagères et la prise en charge des enfants. Et enfin, dans un meilleur équilibre entre la vie professionnelle et la vie privée. Et sur ce point, les hommes et les femmes peuvent se mettre d'accord (*L'écho des lois: égalité hommes-femmes: mode d'emploi / http://lcp.fr/156723*).

Итак, на материале французского языка мы определили место информационно-аналитического *макрожанра* в телевизионном медиадискурсе, а также проанализировали образующие его *микрожанры*: информационно-аналитическое интервью, информационно-аналитический опрос, информационно-аналитическую беседу и комментарий, проиллюстрировав примерами каждый из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта : Наука, 2003. – 837 с.
2. *Оломская Н. Н.* К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17) : Филология. – С. 250–259.
3. *Толмачева М. В.* Жанрово-дискурсивные особенности информационно-аналитических программ французского телевидения // Гуманитарные науки в XXI веке: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., 10.12.2013. – М. : Спутник +, 2013. – С. 120–137.
4. *Тертычный А. А.* Аналитическая журналистика: учеб. пособие для студентов вузов. – М. : Аспект-пресс, 2010. – 352 с.
5. *Тырыгина В. А.* Жанры в информационно-массовом дискурсе: Монография. – М. : Прометей, 2007. – 360 с.

6. *Шестеркина Л.П., Николаева Т.Д.* Методика телевизионной журналистики: учеб. пособие для студентов вузов. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 224 с.
7. *Charaudeau P.* Le contrat de communication de l'information médiatique // Le français dans le monde. – Numéro spécial, juillet 1994. – P. 8–19.
8. Site de l'Assemblée nationale. – URL: http://www.lcp.fr

УДК 81-14.2

М. В. Томская

кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией гендерных исследований Центра социокогнитивных исследований дискурса при МГЛУ; e-mail: scog@linguanet.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ[1]

Статья посвящена анализу коммуникативных неудач при конструировании профессионального статуса в научном дискурсе, которое осуществляется при взаимодействии основных компонентов социальной идентичности — гендерной, возрастной и этнической. Анализ отклонений от институциональной нормы подтвердил, что социальная идентичность есть конструкт, параметры которого могут проявляться с переменной интенсивностью.

Ключевые слова: социальная идентичность; профессиональная идентичность; гендерная идентичность; этническая идентичность; возрастная идентичность; научный дискурс.

Tomskaya M. V.

Ph.D., Associate Professor, Director of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies at MSLU; e-mail: scog@linguanet.ru

CONSTRUCTING PROFESSIONAL IDENTITY IN SCIENTIFIC DISCOURSE

This article presents the results of the analysis, which focuses on communicative failures in the constructing professional status in the scientific discourse. Professional identity is viewed as an interaction of the components of social identity – gender, age and ethnic identities. Deviation of the institutional norms has confirmed that social identity is a construct, and the parameters of social identity can be considered as variables.

Key words: social identity; professional identity; gender identity; ethnic identity; age identity; scientific discourse.

В последние годы профессиональное общение все чаще становится объектом исследовательского интереса, что обусловлено насущной необходимостью изучения значимой для личности и социума профессиональной активности, которая предопределяет во многом весь спектр коммуникации человека, поскольку институциональный

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 14-48-00067.

дискурс в большей степени, чем иной другой, «погружен в жизнь» – как отдельного говорящего, так и социума в целом [11, с. 11].

В институциональном дискурсе регламентации подвергаются многие коммуникативные параметры – пространственные и временные отношения, тематика, виды коммуникативной деятельности и т. д., а также участники институционального общения, их взаимоотношения, речевое поведение. Степень их регламентированности варьирует в зависимости от типа дискурса и его жанровой специфики, т. е. данные коммуникативные параметры являются переменными [2, с. 51].

Для нас в рамках научно-академического дискурса интерес представляют прежде всего сами коммуниканты, а именно – их социальная идентичность, которая, с одной стороны, определена культурными и социальными факторами, с другой – обусловливает дальнейшие параметры институциональной коммуникации, как, например, речевое поведение, отношения между коммуникантами и т. п. [3, с. 18–19].

При анализе мы опирались на социоконструктивистскую точку зрения, представленную в трудах И. Гоффмана, П. Бергера, Т. Лукмана, Ю. Хабермаса, Г. Тэджфела, Дж. Тернера и других, где идентичность рассматривается как комплекс ролей и статусов, построенных адекватно социальной системе, важнейшими составляющими которого являются общение, опыт, речь. Причем общение и опыт порождают идентичность, а в речи она выражается [10, с. 20].

Современные исследования социальной идентичности в гуманитарных науках опираются на две основные социопсихологические теории: теорию социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, а также теорию самокатегоризации Дж. Тернера.

Г. Тэджфел и Дж. Тернер определили социальную идентичность как «те аспекты “образа Я” человека, которые возникают из социальных категорий, к которым он ощущает свою принадлежность» [14, с. 40].

Теория самокатегоризации опирается на когнитивные процессы, вовлеченные в процесс самоопределения и самоинтерпретации. Дж. Тернер признает, что каждый человек принадлежит к нескольким социальным группам, в своей теории он делает акцент на том, почему личность идентифицируется с определенной социальной категорией в определенной ситуации, и какие ситуационные факторы объясняют подобные идентификационные «флуктуации». Для того

чтобы предсказать, с какой именно социальной категорией личность будет идентифицироваться в определенной ситуации, теория самокатегоризации предполагает, что для того чтобы определенная социальная идентичность стала доминирующей, необходимо не только, чтобы межгрупповые различия были больше, чем внутригрупповые (принцип метаконтраста), но и объективные различия между группами должны совпадать с ожидаемыми стереотипизированными характеристиками этих групп (принцип нормативного соответствия) [15].

Для нас принципиально важно также, что в названных теориях подчеркивается изменчивость, подвижность социальной идентичности, ее зависимость от контекста, что позволяет считать данную категорию переменной.

С позиций конструктивистских теорий в современной научной парадигме язык рассматривается как инструмент для создания (конструирования) в процессе коммуникации некой реальности, некоего образа мира. В самом общем виде идеи конструктивизма могут быть сведены к следующему утверждению: «Человек живет в мире, творимом им самим» [4, с. 25]. Мы исходим из того, что социальная идентичность есть также результат процесса конструирования, и предполагаем, что конструирование социальной идентичности должно осуществляться при тесном взаимодействии ее компонентов. В структуре социальной идентичности выделяются такие центральные компоненты, как гендерная, этническая, возрастная, профессиональная идентичности, поскольку именно принадлежность к группам по данным параметрам представляет собой наиболее очевидные основания для категоризации [7]. Кроме того, названные параметры отражают важнейшие аспекты социального бытия личности.

Конструирование социальной идентичности осуществляется в любом коммуникативном акте, независимо от типа дискурса, более того, он обусловлен им. Это касается и научного дискурса[1].

Наблюдение и сбор материала исследования осуществлялись во время работы научных конференций и симпозиумов гуманитарной направленности, анализ докладов в научно-академической среде проводился с интроспективной точки зрения.

Внимание привлекали чаще всего нетипичные для научного дискурса ситуации, в которых конструировался низкий профессиональный

[1] О конструировании идентичности ученого в различных национально-культурных научных сообществах см. [8].

статус как отклонение от стереотипного представления о том, каким должен быть настоящий ученый (нормативное соответствие).

При этом мы отдавали себе отчет в том, что неординарные ситуации, которые могут возникать во время научных форумов, происходят не настолько часто, а также в том, что в целом нарушения норм институциональной коммуникации встречаются не повсеместно. Хотим, однако, отметить, что именно нарушения и отклонения являются наиболее убедительным доказательством того, что социальная идентичность есть конструкт, имеющий ряд параметров, которые могут проявляться с переменной интенсивностью.

Согласно наблюдениям Л. Н. Масловой, созданию образа некомпетентного ученого в российском научном дискурсе способствует использование *тактики снижения значимости собственного исследования*, получающая реализацию при помощи формул, указывающих на незавершенность проводимого исследования («я заранее извиняюсь, что выводы неокончательны»); сомнение в объективности высказываемого мнения и подчеркивание субъективности предлагаемой точки зрения («это мой взгляд / я не настаиваю на такой трактовке») и т. п., а также тактики предвосхищения критики, приемами которой служат извинение как инициальная формула; перформативное высказывание с частицей не при глаголе, выражающем амбициозное желание («я не претендую на… / я не обобщаю…» и т. п.); предупреждение, выраженное моделью наречие времени + глагол говорения «заранее говорю / сообщаю / информирую» и т. п., эксплицирующее незавершенность результата, о котором идет речь [6].

Рассмотрим примеры формирования негативной профессиональной идентичности, которые были зафиксированы нами во время научных форумов:

а) конструирование профессиональной идентичности при взаимодействии с гендерной идентичностью.

Исследования академического дискурса Б. Барон на материале немецкого языка и Л. Н. Масловой на материале русского убедительно продемонстрировали, что конструирование статуса компетентного лица тесно связано с конструированием гендера и, по сути, происходит параллельно с ним [1; 6]. А. В. Кирилина и Л. Н. Маслова обнаружили, что конструирование женственности, «т. е. неконфликтности, готовности помочь, согласиться, проявлять эмпатию и самоограничение, не выпячивать свои достижения и т. п. одновременно является

конструированием низкого профессионального статуса в устной научной дискуссии и реализацией стратегии негативной самопрезентации» [5, с. 74]. Ученые-женщины заметно чаще ученых-мужчин используют *тактику снижения значимости собственного исследования*, а также *тактику предвосхищения критики*.

Оговоримся, что речь идет о внутреннем (формируемом ситуативно) статусе, возникающем в результате коммуникативного взаимодействия в конкретной коммуникативной ситуации. Он может в случае конструирования гендера не совпадать с внешним (уже сформированным) статусом, возникшем в результате предшествующей деятельности, известной профессиональному сообществу[1].

б) конструирование профессиональной идентичности при взаимодействии с возрастной идентичностью.

Параметр возраста в научно-академическом дискурсе может играть существенную роль. Мы обнаружили, что конструирование низкого профессионального статуса взаимосвязано также с возрастной идентичностью. Молодые ученые, увы, в редчайших случаях могут иметь высокий статус, а также не всегда могут продемонстрировать позитивно оцениваемую профессиональную идентичность. Чаще всего в публичных выступлениях молодые ученые используют тактику снижения значимости собственного исследования, которая способствует созданию низкого профессионального статуса: «Мы только-только приступили к исследованию»; «Это лишь предварительные результаты исследования»; «Мы еще работаем над этим»; «У меня недостаточно опыта публичных выступлений».

В научной коммуникации общение младших и старших коллег сопоставимо с академической средой, где взаимоотношения между преподавателем и студентами достаточно регламентированы. Так, в российском вузе коммуникация между преподавателями и студентами, за определенным исключением, преимущественно однонаправленная (преподаватель – студент(ы)). Это накладывает некоторый отпечаток на общение молодых ученых и их более авторитетных коллег.

в) конструирование профессиональной идентичности при взаимодействии с этнической идентичностью.

Конструирование низкого профессионального статуса сопряжено также с конструированием этнической идентичности. Так, во время

[1] Подробнее – в работах Х. Коттхофф и Б. Барон, которые разграничивают понятия внешнего и внутреннего статуса [12; 13].

одной из научных конференций при обсуждении лингвистических проблем перевода наблюдалось доминирование этнической составляющей, которая вытеснила профессиональный аспект. Во время представления доклада о проблемах перевода с одного из языков РФ на русский докладчик так сосредоточился на этнической составляющей, что отклонился от тематики доклада, чем вызвал недоумение у аудитории. В результате произошло замещение: докладчик, уже обладающий достаточно высоким внешним статусом, вместо его подтверждения сформировал низкий внутренний профессиональный статус, который оказался также усилен этническим компонентом. В итоге докладчик вынужден был в дальнейшем компенсировать свою «мнимую» профессиональную несостоятельность, однако впечатление было уже испорчено.

Этнический параметр может также доминировать, если культура относится к так называемым традиционным (коллективистским) культурам, и ее представители должны соблюдать принятые в ней нормы поведения[1]. В качестве иллюстрации можно привести выступления китайских ученых, которые должны, чтобы «не потерять свое лицо» и «не нанести ущерб лицу» другого, придерживаться определенных правил выступления и поведения перед аудиторией. Наблюдения показывают, что даже несмотря на высокий внешний статус, китайский ученый не может избежать тактики снижения собственной значимости и значимости своего исследования, которая выражается при помощи таких уничижительных фраз, как: «Я не смею отнимать Ваше время…»; «Это слишком большая честь для меня…»; «Знания мои ничтожны…», что с точки зрения европейской научной традиции приравнивается к конструированию низкого профессионального статуса.

В научном сообществе самопрезентация чрезвычайно важна. Предполагалось, что в научно-академическом дискурсе на первый план выдвигается именно профессиональная идентичность, которая тесно связана с понятием «статус эксперта», т. е. специалиста, компетентного, знающего лица, причем этот статус является одним из условий формирования профессиональной идентичности ученого. Однако, как показал анализ, конструирование профессиональной идентичности также не свободно от влияния этнической, гендерной, возрастной идентичностей, являющихся составляющими социальной

[1] Подробнее о межкультурной институциональной коммуникации см. [9].

идентичности. В этом случае, как показал анализ, конструируется, как правило, низкий профессиональный статус, что является, скорее, отклонением от институциональных норм научной коммуникации. В качестве нормативного соответствия следует рассматривать достижение высокого статуса, т. е. конструирование позитивно оцениваемой профессиональной идентичности, что является одной из целей профессионального общения ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барон Б.* «Закрытое общество»: Существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации? // Гендер и язык / Моск. гос. лингвист. ун-т; лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 511–538.
2. *Гусейнова И. А., Томская М. В.* Глобальный и национально-культурный аспекты институционального дискурса // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: тез. докл. Междунар. науч. конф. к 100-летию И. И. Чернышевой, Москва, 14–15 марта 2011 г. – М.: Рема, 2011 – С. 50–52.
3. Дискурс как социальная деятельность: проблемы институциональной коммуникации: Коллективная монография / под ред. И. И. Халеевой. – М. : Рема, 2010. – 200 с. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 18 (597); сер. Языкознание).
4. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с. – (Studia philologica).
5. *Кирилина А. В., Маслова Л. Н.* Гендерные аспекты авторитетности // Авторитетность и коммуникация: Коллективная монография; серия «Аспекты языка и коммуникации» / под общ. ред. В. Б. Кашкина. – Вып. 4. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т; Издат. дом Алейниковых, 2008. – С. 52–74.
6. *Маслова Л. Н.* Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): дис. … канд. филол. наук. – М., 2007. – 191 с.
7. *Микляева А. В., Румянцева П. В.* Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 118 с.
8. *Томская М. В.* Идентичность ученого как переменная научной коммуникации // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – Ч. II. – М.: МГЛУ, 2012. – С. 240–248. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 6 (597); сер. Языкознание).

9. *Трошина Н. Н.* Лингвистический аспект межкультурной коммуникации // Лингвистические исследования в конце XX века: сб. обзоров ИНИОН; отв. ред. Ф. М. Березин. – М. : ИНИОН, 2000. – С. 56–68.
10. *Шнейдер Л. Б.* Профессиональная идентичность: Монография. – М. : МОСУ, 2001. – 272 с.
11. *Халеева И. И.* Институциональная коммуникация: на пересечении социального и индивидуального // Дискурс как социальная деятельность: проблемы институциональной коммуникации: Коллективная монография / под ред. И. И. Халеевой. – М. : Рема, 2010. – С. 9–16. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 18 (597); сер. Языкознание).
12. *Baron B.* Freiwillige Selbstkontrolle im Fachgespräch // Feministische Linguistik. Linguistische Geschlechterforschung / G. Schoental (Hrsg.). – Hildesheim–Zürich : Olms, 1998. – S. 175–201.
13. *Kotthoff H.* The interactional achievement of expert status: Creating asymmetries by “Teaching conversational lectures” in TV discussions // Communicating Gender in Context (Published as Vol. 42. of the series Pragmatics and Beyond New Series) / ed. by H. Kotthoff, R. Wodak. – Amsterdam–Philadelphia : John Benjamin, 1997. – P. 139–178.
14. *Tajfel H., Turner J. C.* An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / Ed. W. G. Austin, S. Worchel. – Monterey, CA: Brooks-Cole, 1979. – P. 33–48.
15. *Turner J.* Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behaviour // Advances in Group Processes / Ed. E. Lawer. –1985. – Vol. 2. – P. 77–121.

УДК 37:81

Н. Н. Трошина

кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Отдела языкознания ИНИОН РАН; e-mail: troshinat@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЖАНРЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ: КОРПОРАТИВНЫЕ ГИМНЫ

В статье анализируются корпоративные гимны как один из коммуникативных жанров символического менеджмента, заимствованный из западной корпоративной культуры с целью адаптации российской деловой культуры к западным стандартам, но неоднозначно воспринимаемый в российской корпоративной культуре.

Ключевые слова: корпоративная культура; корпоративный гимн; ритуал; символический менеджмент; коммуникативный жанр; культурная память; дуализм русской культуры; дискурсивные практики; прецедентные языковые феномены.

Troshina N. N.

Ph.D., Institute of Scientific Information for Social Sciences Russian Academy of Sciences; e-mail:troshinat@mail.ru

COMMUNICATIVE GENRES OF SYMBOLIC MANAGEMENT IN MODERN RUSSIAN BUSINESS DISCOURSE: CORPORATE HYMNS

In the article corporate hymns are analyzed as one of the communicative genres of symbolic management adopted from the Western corporate culture to adapt Russian business culture to the Western standards. However, this genre is understood ambiguously in the Russian corporate culture.

Key words: corporate culture; corporate hymn; ritual; symbolic management; communicative genre; cultural memory; dualism of Russian culture; discourse practices; precedent language phenomena.

Тема статьи самым тесным образом связана с современной корпоративной культурой в ее специфическом российском преломлении.

Понятие корпорации трактуется в специальной литературе как социальная группа со своим регламентом – уставом, статусом, кодексом поведения, обязательным для всех ее членов. «Группа давала своим членам занятие, гарантировала соблюдение определенного образа жизни, навязывала культурные поведение, взгляды, а в некоторых случаях обеспечивала им материальное существование» [7, с. 200],

т. е. определяла «набор стандартов поведения в данном коллективе» [24, S. 21], а также «способ порождения, хранения, трансляции определенного социального опыта, эффективного в конкретных жизненных условиях» [15, с. 9].

Широкая трактовка современного феномена «корпорация» в значении «фирма», «компания» позволяет подойти к нему как к особому социальному институту, имеющему также и культурное измерение, отмечает Д. Зайдлер: «Если раньше деятельность и устройство корпораций описывалось через когнитивную метафору *машина*, *организм*, то сегодня – через когнитивную метафору *культура*, за которой стоит понимание корпорации как сложной социальной системы с определенными ценностями и нормами, согласно которым осуществляется деятельность компании» [29, S. 13]. Действительно, современный менеджмент все в большей степени вынужден учитывать социокультурный фон применяемых методов управления и степень готовности принятия их сотрудниками компании. При этом «каждая фирма все более отчетливо предстает … носителем определенной культуры» [15, с. 8], от которой зависит ее репутация на рынке и в обществе. С. Перминова и Г. Тульчинский указывают, что «за последние 20–30 лет доля стоимости репутации в общей стоимости компании выросла с 15 % до 82 %. При этом снижение репутации на одну позицию дает падение рыночной стоимости фирмы в среднем на 3 %» [8, с. 21]. Воспринимая культуру как важный фактор экономического успеха, корпоративный менеджмент уделяет большое внимание внедрению в повседневную жизнь компании определенных моделей восприятия, мышления и эмоционального выражения отношения к задачам компании – моделей, которым должны быть обучены все сотрудники. Их трудовая деятельность в сегодняшней России протекает в социокультурном контексте, который характеризуется следующими факторами:

1) наличием в массовом сознании различных (часто диаметрально противоположных) представлений об общественных процессах и их оценках; так, по данным социологического опроса, проведенного в 2009 г. на тему «Мнения о настоящем положении России, представления о ее историческом прошлом и будущем в массовом сознании россиян» (опрошено 2002 человека в возрасте от 18 до 29 лет; опрос проведен в 24-х субъектах РФ), большинство опрошенных считают, что было бы ошибкой отказаться от рыночной экономики, но одновременно они отрицательно оценивают последствия социальных и экономических реформ для себя и для общества [11, с. 25];

2) усиливающимся интересом к историческому прошлому России (свыше 80 % населения проявляют эту заинтересованность) [9, с. 29];

3) предпочтением собственно российского пути развития страны западному: 15 лет назад такого мнения придерживались лишь 15 % населения, 70 % были за развитие страны по западной модели [9, с. 29]; соответственно различается и отношение к западным культурным ценностям и стандартам поведения;

4) отчетливым проявлением «традиционного дуализма в развитии русской культуры», т. е. «ее членения на динамические сменяющие друг друга этапы, причем каждый новый период … ориентирован на решительный отрыв от предыдущего. Однако одновременно исследователь наталкивается на ряды повторяющихся или весьма сходных событий, историко-психологических ситуаций или текстов», отмечают Б. А. Успенский и Ю. М. Лотман [21, с. 3].

Текстуальное сходство, наблюдаемое в весьма различных дискурсивных практиках, т. е. речевой деятельности, осуществляемой в различных социокультурных условиях и, следовательно, дискурсах, возможно лишь благодаря задействованию определенных пластов культурной памяти данного языкового коллектива. Культурная память, вербально представленная прецедентными языковыми феноменами (словами, фразеологизмами, цитатами, текстами различной жанровой принадлежности и т. д.), активно исследуется в рамках направления, получившего название “memory studies”. Эти исследования имеют исключительную актуальность в ситуации, когда «общество охватывают сложные и противоречивые процессы обретения новой модели социокультурной самоидентификации, когда наблюдается разрыв культурной преемственности» [19, с. 3] и возрастает потребность субъекта в понятных ему ориентирах, в ощущении своей принадлежности к определенной социальной группе. Как пишет И. И. Глебова, «работа памяти есть инструмент установления социальных связей, определяющих чувство “ассоциации”, потребность в принадлежности» [5, с. 51]. Н. В. Романовский неслучайно определяет «бум памяти» как объект социологии, в значительной степени обусловивший прогресс в этой отрасли знания [18].

Современная деловая культура в России характеризуется интенсивным взаимодействием и, следовательно, смешением концептов и ценностей исходной российской культуры и культуры западной, пришедшей к нам в 90-х гг. XX в. Следует отметить, что деловая культура с ее моделями поведения (в том числе и речевыми), церемониями,

праздниками и ритуалами существовала и в советское время, хотя сам термин «деловая культура» отсутствовал.

Реализуемый сегодня в рыночной экономике принцип «капитализма соучастия» (stakeholder capitalism) [2, с. 16], при котором предприниматель должен соблюдать интересы всех сотрудников предприятия, требует от менеджмента подходов, опирающихся на базовые ценности и представления людей или хотя бы не противоречащие этим ценностям и представлениям, поскольку они являются главным управленческим рычагом. Именно на этом основывается так называемый символический менеджмент (symbolic management), т. е. «технологии создания символических ресурсов, помогающих привлекательно представить образ какого-либо субъекта, а также повысить управляемость или эффективность развития различных объектов: от организаций в экономической области до государств в политической сфере приложения» [14, с. 13].

Различаются несколько видов символического менеджмента: *брендинг* (инструмент формирования устойчивых ассоциаций и позитивной эмоциональной связи у людей с образом субъекта), *имиджмейкинг* (процедура создания положительной репутации или запоминающегося образа какого-либо субъекта), *паблик арт* (проекты интеграции современного искусства в городскую среду, чтобы подчеркнуть функции и смысл места размещения) [1, с. 132]. Адресатами символического менеджмента могут быть не только клиенты компании и потребители ее продукции, но и ее сотрудники, которые «воспитываются» в соответствии с корпоративной культурной парадигмой: неслучайно голландский культуролог Г. Хофстед называл культуру «программированием ума» (software of the mind) [25]. Эта парадигма построена на единой социокультурной эмоции, общем символическом ряде, в который входят логотип фирмы, ее флаг, корпоративные истории и анекдоты, традиции, обычаи и ритуалы. С помощью этих корпоративных символов менеджмент стремится внедрить в сознание сотрудников философию фирмы и создать общий трудовой настрой, подчеркивает С. А. Липатов [13]. Эти усилия приносят успех, если корпоративные ценности и их символы одинаково воспринимаются всеми участниками корпоративного общения, а вербальные манифестации этих символов находят одинаковое отражение в культурной памяти людей, считает Ю. Больтен [22], и поэтому используются как основа для совместных корпоративных действий [29]. Специфической

особенностью создаваемой семиотической среды и, следовательно, стилеобразующим фактором дискурса символического менеджмента является обыгрывание семантической оппозиции «Свой – Чужой». «Свой» – тот, кто верен фирме, ее традициям, правилам поведения и демонстрирует эту верность на корпоративных мероприятиях. «Чужой» – тот, кто нарушает эти заповеди.

Символический менеджмент реализуется в дискурсивных практиках управления через использование корпоративно-специфических коммуникативных жанров. Это понятие находит применение не только в лингвистике, но и в социологии, куда оно было введено Т. Лукманом, который описывает коммуникативные действия именно через понятие коммуникативных жанров (kommunikative Gattungen), т. е. «специфических в культурно-историческом отношении общественно закрепленных и формализованных способов решений коммуникативных проблем» [26][1]. Функцию коммуникативных жанров Т. Лукман видит в передаче и закреплении интерсубъективного опыта, в «освобождении участников коммуникации от решения этих проблем всякий раз заново. <…> Более того, коммуникативные жанры ответственны за социализацию и социальную интеграцию индивидуумов», излагает концепцию Т. Лукмана О. Е. Галанова [4, с. 81]. Таким образом, подчеркивает О. Е. Галанова, понятие коммуникативного жанра (по Т. Лукману) находится «в области пересечения теорий институтов и социальных структур, с одной стороны, и лингвистических интерпретаций коммуникативных действий … с другой. Языковым структурам придан статус непосредственной основы для передачи социального знания» [4, с. 83]. Из этого следует, что коммуникативные жанры нацелены на формирование представлений об окружающем мире (в том числе и мире корпоративном) с определенными ценностными доминантами. Поскольку стиль корпоративной культуры реализуется как стиль корпоративной коммуникации, инновации в плане использования коммуникативных жанров характеризуют корпоративную культуру в целом.

Некоторые коммуникативные жанры, заимствованные из западной деловой культуры, воспринимаются в России как странные и вызывают ироническое отношение к себе. К таким коммуникативным жанрам относятся, например, обязательное регулярное посещение корпоративных вечеринок, участие в корпоративных играх и пение

[1] Цит. по: [4, с. 83].

гимнов. Последнее напоминает школьные традиции советского времени, отношение к которому оказывается различным у людей разных возрастных групп и взглядов.

Гимн – это ритуал, характеризующийся стереотипным сценарием, публично инсценируемый и вызывающий сильные социально-эмоциональные реакции участников. Гимны создаются и как один из символов компании в целом, и специально – к особо торжественным событиям в ее жизни.

Специалисты видят в гимне наиболее яркое отличие современной российской корпоративной культуры от деловой культуры прошлого. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в этом ритуале нередко используется (если не сказать эксплуатируется) одна из основных ценностей традиционной российской и советской культуры – коллективизм, который сегодня часто именуется командностью и используется в целях так называемого тимбилдинга (teambuilding). Так, в командном духе видит залог своих успехов, в том числе и спортивных, Сбербанк, к Спартакиаде которого был специально написан «Гимн Сбербанкиады»:

Время пришло, мы опять собрались здесь,
И командный дух нас снова всех собрал!
Вместе мы сильны, пусть каждому из нас
Свою мечту спортивный праздник даст!
……..
Мы любим спорт, Сбербанкиаду!
Мы вместе здесь, мы любим жизнь,
И дело не в наградах!
Это выбор наш – здоровье и успех!
Здесь побеждают все всегда,
Ведь спорт для всех!

При этом не учитывается семантическое различие концептов «корпорация» и «коллектив» для человека с российской ментальностью: если корпорация основывается прежде всего на формальных отношениях, четко прописанных в служебных инструкциях, то коллектив, напротив, – на эмоционально-психологических отношениях сотрудников. Это различие отражено в толковом словаре русского языка он-лайн «Форма слов» (formaslov.ru):

Корпорация: 1. *Объединенная группа, круг лиц одной профессии, одного сословия*. Ученая К. 2. *Одна из форм монополистического объединения*.

Коллектив: *Группа лиц, объединенных общей работой, общими интересами*.

Команда: *Группа связанных чем-то людей, чье-либо окружение*.

Все эти семантические нюансы отражены в распространенном высказывании: «У нас есть команда, но нет коллектива».

Семантически дифференцируются слова *Team* – «команда» и *Kollektiv* – «коллектив» также и в толковом словаре немецкого языка «Deutsches Universalwörterbuch» (Duden):

Team, das: *Gruppe von Personen, die gemeinsam an einer Aufgabe arbeiten*: ein T. von Fachleuten; in einem T. arbeiten.

Kollektiv, das: a) *Gruppe, in der Menschen zusammenleben*: in einem K. leben; ein K. bilden; b) *Gruppe, in der Menschen zusammenarbeiten; Team*: im K. arbeiten; 2) *in den sozialistischen Staaten von gemeinsamen Zielvorstellungen und Überzeugungen getragene Arbeits- od. Produktionsgemeinschaft*: das Lexikon ist von einem K. erarbeitet worden.

Отметим, что в русскоязычном деловом общении слово «корпорация» употребляются редко, хотя производные от него используются активно: «корпоративный», «корпоратив».

Чаще всего корпоративный гимн определяется как торжественная песня, прославляющая и восхваляющая компанию или организацию, в том числе и государственную. Гимн – это один из официальных символов компании наряду с уставом, флагом и товарным знаком. Однако все же возникает вопрос о жанровой дифференциации корпоративного гимна и корпоративной песни. На сайте (*www.gorn.pro*) читаем: «Вообще-то корпоративный гимн мало чем отличается от корпоративной песни, особенно по задачам, которые на него возлагаются. Любопытно, что представители бизнеса обычно любое музыкальное произведение про свою компанию предпочитают называть гимном. Разграничивают же эти понятия, как правило, в фирмах, которые корпоративные гимны создают. Как сказал генеральный директор фирмы-продюсера «Бонжур» Владимир Руднев, если отделять одно от другого, то гимн поют, прижав руку к сердцу, а песню – за столом на празднике» [8]. Отметим в связи с этим, что четкого терминологического разделения корпоративного гимна и корпоративной песни нет и в западной, например, в немецкоязычной корпоративной культуре: там используются близкие по значению слова *Hymne, Mitarbeiter-Motivierungsgesang, Song* (*ALDI-Song, VW-Song*).

В гимне, который поется на торжественных мероприятиях, подчеркивается любовь к своему делу, преданность компании / организации,

указывается сфера ее деятельности, ее миссия, причем это в равной степени относится как к компаниям, производящим какие-либо материальные продукты, так и к организациям, таковых не производящих. Для иллюстрации сказанного приведем фрагменты из корпоративных гимнов двух очень разных субъектов:

Гимн МГЛУ

Славься, студенчества гордость столичная,
Славься, Отечества вечный оплот!
Наша к ИнЯзу любовь безграничная
Пусть от победы к победе зовет.

ИнЯз! Ты – глубина, и ты – вершина!
Ты – парус наш, и ты маяк для нас.
Инязовцы! Нам целый мир – чужбина,
Отечество – Московский наш ИнЯз.

Славься, инязовский дух и горенье
Душ, устремленных на благо страны!
Все наши знания, все озаренья
В сердце ИнЯза всегда рождены.

Англоязычная версия этого же гимна

Hail to you, InYaz, our prized alma mater,
Forever a pillar of our fatherland!
Our measureless love for you our guides our way,
It helps us to win, and on it we stand.

InYaz, you are our depth and are our summit,
Our sail and lamp, wherever we might roam.
My college mates, the whole world's strange and foreign,
InYaz in Moscow – that is our true home.

InYaz, you're a source of the spirit and vigor
Of young folks who foster the good of their land.
We know that our knowledge and our inspiration
Is what we received from your generous hand.

Гимн Царицынского мясокомбината

Как на праздник всегда мы приходим сюда
По царицынским стежкам-дорожкам.
Может где-нибудь нужно и меньше труда –
Только наш комбинат нам дороже.

Мы не варим металл, мы не учим детей,
Просто кормим красиво и вкусно,
И мы очень гордимся работой своей
И ее превращаем в искусство.

Хлебосольный по русской традиции,
Он всегда чем богат, тем и рад
Наш Царицынский, наш Царицынский,
Наш родной, наш родной комбинат! …

Первый корпоративный гимн, припев из которого приводится ниже, был сочинен в американской компании IBM в 1931 г.:

Ever onward! ever onward!
that's the spirit that has brought us fame.
e're big but bigger we will be,
we can't fail for all can see,
that to serve humanity has been our aim.
our products now are known
in every zone.

our reputation sparkles like a gem.
we've fought our way through
and new fields we're sure to conquer, too,
for the ever onward IBM!

Большим успехом пользуются и считаются весьма эффективными корпоративные гимны в Японии. Так, например, пишет И. Голунов, небольшая японская компания Nihon Break Kogyo, специализирующаяся на проведении подрывных работ, написала гимн и сняла на его основе видеоклип, в котором сотрудники компании в спецодежде и защитных шлемах взрывают здания, весело при этом напевая и играя на гитаре. Клип попал в первые строчки музыкальных чартов, в результате чего компания получила много заказов и попала в тройку лидеров отрасли [6].

В Германии корпоративные гимны приобрели популярность лишь в последнее время, но исчисляются уже тысячами, считает швейцарский специалист по корпоративной культуре Р. Майер [27].

Примеры успешных гимнов можно найти и в России, так например, гимн Красноярского комбайнового завода приобрел такую популярность, что местные операторы мобильной связи стали использовать его в качестве мелодии для мобильных телефонов.

Однако и в западных странах, и в России отношение к корпоративным гимнам неоднозначно. Как показал опрос, проведенный институтом Гэллапа в 2011 г., в Германии всего лишь 13 % работающих по найму испытывают чувство долга перед работодателем, и пение корпоративных гимнов не меняет этой ситуации [10]: гимны часто не воспринимаются всерьез, на них пишутся пародии.

На многих современных российских предприятиях к гимну сотрудники часто относятся иронически как к дани моде, поскольку считают этот ритуал вычурным пережитком эпохи коллективизма. Социокультурным фоном такого отношения к корпоративным гимнам является феномен, отмечаемый сегодня многими социологами, – феномен атомизации общества, т. е. распада традиционных связей, социального разобщения, появление изолированных индивидов. Поэтому обязательное пение корпоративных гимнов часто вызывает реакцию, противоположную желаемой. На сайте (*26ru*) приводится следующее свидетельство одного менеджера: «Мы каждый день слушаем, как поют гимны в соседнем офисе … не знаю, как они выдерживают это. <…> Если бы меня заставили петь по утрам, думаю, пошла бы искать другую работу» [12]. Сайт (*focusgoroda.ru*) свидетельствует: «Выстраивают в шеренгу и заставляют петь корпоративный гимн. Я-то старый человек, мне все это смешно было, а на молодежь действовало» [12].

Таким образом, в плане отношения к корпоративному гимну как к ритуальному жанру символического менеджмента складывается весьма противоречивая ситуация: с одной стороны, корпоративный гимн осознается как новация, призванная адаптировать российскую деловую культуру к стандартам западной деловой культуры, а с другой – гимны вызывают в памяти участников этого ритуала ассоциации с обязательным и потому нередко надуманным коллективизмом советского периода. Эти ассоциации бывают обусловлены использованием в текстах гимнов слов и выражений, вербализующих концепты именно того времени. Примером может служить гимн сети кафе «Крошка-картошка», популярность которого вышла далеко за пределы этой компании (не в последнюю очередь из-за привлекательной мелодии). В припеве этого гимна:

Мы – флагман русского фаст-фуда,
Мы будем первыми всегда!
И наше фирменное блюдо –
Союз Картошки и Труда!

использованы следующие прецедентные выражения, обусловленные торжественным стилем текста: 1) «флагман» в значении «лидер» – метафора, типичная для советского официального стиля («флагман производства», «флагман соревнования»); 2) «Мы будем первыми всегда!» – традиционный советский лозунг победителей; 3) «Союз Картошки и Труда» – аллюзия к устойчивым словосочетаниям, построенным по модели «Союз + и + род. пад. им. сущ.» и активно использовавшимся в советском официальном дискурсе («Союз города и деревни», «Союз коммунистов и беспартийных», «Союз партии и народа»). Эмоциональное восприятие этого корпоративного гимна обусловлено также и тем, что он напоминает пионерскую песню «Здравствуй, милая картошка!», название которой используется и на сайте компании.

В заключение подчеркнем, что проникновение западных моделей деловой жизни в современную российскую деловую культуру способствует адаптации российского бизнеса к международным культурным нормам в этой сфере, смешение западных и российских моделей общения затрагивают те пласты культурной памяти россиян и, соответственно, те концепты, которые являются ментальной базой для возникновения ассоциаций с недавним прошлым. Если учесть усилившийся сегодня интерес людей к историческому прошлому нашей страны и наличие противоположных точек зрения по нему, то следует признать, что в дискурсе символического менеджмента в определенной степени проявляется традиционный дуализм российской культуры. Весьма ярко это проявляется в отношении россиян к корпоративным гимнам как жанру символического менеджмента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абалмасова Н. Е.* Технологии «symbolic management» в российской региональной политике // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4 : История. – Волгоград, 2012. – № 1 (21). – С. 132–137.
2. *Абалов И. Ю.* Этнонациональный фактор корпоративной культуры современных российских организаций: автореф. дис … канд. социол. наук. – М., 2006. – 23 с.
3. *Арсюхин Е.* Мода на корпоративные гимны: Рабочий день начинается с песни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.focusgoroda.ru/
4. *Галанова О. Е.* «Коммуникативный жанр» как методологический концепт изучения форм социального взаимодействия // Социс. – М., 2009. – № 6. – С. 80–86.

5. *Глебова И. И.* Политическая культура России: Образы прошлого и современность. – М. : Наука, 2006. – 332 с.
6. *Голунов И.* Музыкальная мотивация // Ведомости. – 2005. – № 12 (1294).
7. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр., доп. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
8. *Егошин Е*. Песня строить и жить помогает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.comsibpress.ru/08.02.2002/society/57360
9. *Клейтман А.Ю.* «Эпоха коммеморации»: Мнемоническое основание социокультурной идентичности // Память и памятники: Волгоградский исторический семинар. – Вып. 3. – Волгоград, 2012. – С. 29–46.
10. *Королева Н.* Гимн как элемент корпоративной культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dw.de/p/15MZVT, 2012.
11. Круглый стол «Метаморфозы массового сознания россиян» // Социс. – 2009. – № 5. – С. 24–30.
12. *Левинская О*. Бухгалтер под звездным небом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 26.ru/
13. *Липатов С. А.* Организационная культура: Концептуальные модели и методы диагностики // Вестник МГУ. Сер.14: Психология. – 1997. – № 4. – С. 55–65.
14. *Малинова О. Ю*. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
15. *Перминова С., Тульчинский Г.* Культура фирмы. – СПб. : Алетейя, 2006. – 292 с.
16. Песня строить и жить помогает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gorn.pro/archive/2009/4/1944843
17. Корпоративный гимн в России: От бессмысленного креатива до тренда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Sostav.ru/news/2011/01/27/cod8/
18. *Романовский Н. В.* Новое в социологии – «бум памяти» // Социс. – 2011. – № 6. – С. 13–23.
19. *Соломина И. Ю.* Социальная память и культура: Архетипы, памятник, забвение. – Самара: Ilim, 2013. – 231 с.
20. Толковый словарь русского языка он-лайн 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www. formaslov.ru
21. *Успенский Б., Лотман Ю.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуре (до конца XVIII в.) // Труды по русской и славянской филологии. – Т. 28 : Литературоведение. – Тарту, 1977. – С. 3–36.
22. *Bolten J.* Kommunikativer Stil, kulturelles Gedächtnis und Kommunikationsmonopole // Wirtschaftskommunikation in Europa. – Tosted, 1998. – S. 113–132.
23. Duden, Deutsches Universalwörterbuch (PC). – URL: www. duden.de/suchen/dudenonline

24. *Hansen K. P*. Sprache und Kollektiv: Ein Essay // Sprache – Kognition – Kultur: Sprache zwischen mentaler Struktur und kultureller Prägung. – Berlin–N. Y.: De Gruyter, 2008. – S. 14–23.
25. *Hofstede G*. Cultures and organizations: Software of the mind. – N.Y.: McGraw Hill Professional, 1997. – 297 p.
26. *Luckmann T.* Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung des Wissens: Kommunikative Gattungen // Köllner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – Köln, 1986. – Sonderheft 27. – S. 191–211.
27. *Maier R.* Wir-Gefühl mit Firmenlied. – URL: www.hna.de/nachrichten/11/01/13
28. *Schein E.H*. Coming to a new awareness of organizational culture // Sloan management review. – Massachusetts, 1984. – Vol. 25 (Winkler). – P. 3–16.
29. *Seidler D.* Unternehmenskultur, Unternehmenskommunikation & Unternehmensmanagement. – Tosted : Attikon Verlag, 1997. – 126 S.

УДК 81-114.2

Г. А. Туманова (Адаменко)

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, МГЛУ;
e-mail: 11_geminy@mail.ru

ГЕНДЕР И КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются различия в применяемых средствах реализации коммуникативной стратегии убеждения политиками разного пола и обосновывается невозможность четкого разграничения мужского и женского стиля политического общения.

Ключевые слова: гендер; коммуникативная стратегия убеждения; политический дискурс; мужской и женский типы речевого поведения.

Tumanova G. A. (Adamenko)

Postgraduate Student, the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: 11_geminy@mail.ru

GENDER AND COMMUNICATIVE STRATEGY OF PERSUASION IN POLITICAL COMMUNICATION

The article analyzes the differences in the communicative strategies of persuasion used by politicians of different sex. The author argues that the boundaries between male and female styles of political communication are blurred.

Key words: gender; communicative strategy of persuasion; political discourse; male and female types of verbal behavior.

В конце XX – начале XXI вв. появился целый ряд работ зарубежных (R. Lakoff, A. Linke, D. Tannen и др.) и отечественных (Е. И. Горошко Е. А. Земская, А. В. Кирилина, И. И. Халеева и др.) лингвистов, посвященных различиям в речевом поведении мужчин и женщин. Сформировались две противоположные точки зрения: сторонники первой считали, что существуют женский и мужской стили речи (гендерлекты), т. е. при равенстве прочих условий (социальный и профессиональный статус, коммуникативная роль и др.) мужчины и женщины могут избирать различные стратегии речевого поведения, что дает основание говорить о гендерных особенностях мужской и женской речи. Мнение их оппонентов заключается в том, что стабильных женского и мужского языков не существует. О женском и мужском языках можно говорить лишь как о моделях, в которых сосредоточены гендерные сходства и различия.

Гендерный подход позволяет построить для антропоориентированного изучения языка двухъярусную модель, состоящую из метагендерного и гендерного уровней. Взаимоотношения между названными ярусами довольно сложны и зависят от того, употребляются ли соответствующие языковые единицы в прямом или метафорическом значении, от общего контекста, культуры данного языкового сообщества, от структуры языка, его характерологических особенностей и многих других факторов [1].

Как отмечает И. И. Халеева, «подход к гендеризму как к реальности, опосредуемой знаками, символами и текстами (т. е. с позиции герменевтики), позволяет определить гендер в качестве своего рода *междисциплинарной интриги*, в основе которой «сплетается» множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриге как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность» [7, с. 10].

В современном толковании гендер как социальный пол предполагает те аспекты мужского и женского, которые задаются в первую очередь обществом как некоторый социальный норматив.

Гендер в политической коммуникации был предметом рассмотрения в целом ряде работ (Табурова, 1999; Талина, 2003; Полякова, 2011). Так, С. К. Табурова анализировала гендерные особенности публичных выступлений депутатов Бундестага и пришла к выводу, что средства, используемые в рамках стратегии убеждения у мужчин и женщин, могут восприниматься и оцениваться по-разному даже в том случае, если они говорят в совершенно одинаковом стиле.

Т. В. Харламова отмечает, что «политический дискурс является отражением общественно-политической жизни страны, он несет в себе элементы ее культуры, общие и национально-специфические культурные ценности» [8, с. 240]. Следовательно, гендер входит в число важнейших характеристик политической коммуникации.

Вслед за Ф. Феррари мы полагаем, что в любой коммуникативной ситуации происходит гендерная идентификация личности вследствие распознавания реализуемых гендерных стереотипов [6]. Однако политика – особый вид деятельности, в котором существуют своеобразные отношения между мужскими и женскими стереотипами речевого поведения. Мужчина-политик может использовать некоторые приемы, характерные для женской языковой личности, но весьма ограниченно

и далеко не всегда (мягкость, уговоры, уклонение от прямого ответа). Женщина-политик, если она хочет добиться уважения коллег-мужчин, должна ориентироваться на мужской вариант реализации коммуникативной стратегии убеждения. Это подтверждается тем, что женщины, играющие важную роль в управлении государством, часто представляют собой тип личности с элементами авторитаризма.

Одна из представительниц феминистской лингвистики США Дебора Таннен заметила, что конфликт между женственностью и авторитетом нигде не проявляется так ярко, как у женщин, которые идут в политику: «Признаки хорошего мужчины и хорошего политика идентичны, а вот женщине приходится решать, хочет ли она слыть сильным руководителем или хорошей женщиной» [10, с. 266]. Исходя из вышесказанного, актуальным, на наш взгляд, является сравнение способов реализации коммуникативной стратегии убеждения у мужчин-политиков и женщин-политиков.

Многие справедливо считают аргументацию составной частью убеждения, опирающейся на рационально-логические принципы и методы. Как отмечает Г. И. Рузавин, в процессе коммуникации аргументация осуществляется в неразрывной связи с другими компонентами убеждения: «Аргументация, в отличие от других форм убеждения, составляет его рационально-логическую составляющую, которая влияет на разум людей и потому оказывает более сильное и продолжительное воздействие на сознание и поведение людей» [3, с. 7].

Исследование средств убеждения и приемов аргументации политиками-женщинами и политиками-мужчинами проводилось на материале выпусков программ «Право знать» от 13.09.2014 г., 27.09.2014 г. и 25.10.2014 г., а также «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» от 23.10.2014 г. Основной темой всех телепередач была политическая и экономическая ситуация на Украине, а также связанные с этим проблемы внешней политики России. Кроме того, обсуждались возможные пути выхода из сложившегося кризиса.

В этих телепередачах принимали участие политические деятели, экономисты и журналисты как из России, так и из Украины: О. Баталина, Е. Бондаренко, О. Калетник, О. Ковитиди, В. Крашенинникова, Н. Нарочницкая, И. Яровая; П. Беседин, К. Долгов, В. Карасев, А. Кофман, С. Лавров, Н. Левченко, С. Минаев, В. Соловьев, М. Шевченко, К. Эггерт. Наибольший интерес представляют программы, участниками которых были министр иностранных дел РФ Сергей Викторович Лавров и депутат Верховной Рады Украины Елена Бондаренко.

Рассмотрим более подробно основные характеристики, присущие мужскому или женскому типу речевого поведения в политической коммуникации.

По нашим наблюдениям, можно выявить следующие признаки «мужского» стиля речевого поведения и убеждения: мужчины стремятся доминировать в общении, часто прерывают собеседника, склонны не соглашаться с партнером, игнорировать высказывания собеседников, более жестко контролируют тему разговора, часто прямо выражают свое мнение. Это подтверждается, например, манерой общения с оппонентами К. Эггерта:

> Да, я в Киеве давно бывал. Максим Леонардович (М. Шевченко. – *Г. Т.*), я с Вами разговаривать не буду. Я бывал там и не раз, Вы ничего не понимаете, в армии не служили … рассказываете мне про баллистические ракеты тут ерунду … баллистическая ракета, да. Вы знаете, что такое баллистическая ракета? Мне это неинтересно (*http://www.youtube.com/*).

В программе «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» – общественно-политическом телевизионном журнале, содержащем элементы ток-шоу, телемоста и интервью, ведущий попытался успокоить гостей программы, которые начали одновременно кричать, пытаясь перебить друг друга, следующим образом:

> Мы сейчас дадим договорить, а потом все дружно запинаем ногами (*http://www.youtube.com/*).

Еще один пример из той же программы:

> *А. Ципко*: Ну зачем Вы перебиваете?!
>
> *В. Соловьев*: Потому что Вы говорите, вкладывая … делая вид, что истина, цитируя людей, что истина, цитируете людей, которые находятся здесь и которые никогда ничего подобного не говорили!
>
> *Е. Бондаренко*: Говорите за себя!
>
> *А. Ципко*: Я Вас не перебиваю, ведите себя прилично!
>
> *А. Кофман*: Вы даже не представляете, насколько прилично я себя веду (*http://www.youtube.com/*).

Последняя реплика А. Кофмана, первого заместителя председателя парламента Новороссии, с учетом интонации и мимики воспринимается неоднозначно.

Американская исследовательница Р. Лакофф в своей работе «Language and Woman's Place» приходит к выводу, что женщины чаще,

чем мужчины используют формы, выражающие неуверенность («вы знаете», «мне кажется», «наверное», «может быть» и т. д.), что отнюдь не способствует достижению эффекта убедительности их аргументов [9]. Тем не менее женщины-политики вынуждены быть более категоричными (т. е. прямо выражать свою точку зрения) в коммуникации с коллегами-мужчинами, четко выражать свою позицию по каждому вопросу:

> *С. Минаев*: Вы согласны с этим? (наличие у украинской оппозиции возможности высказывать свою точку зрения. – *Г. Т.*)
>
> *Е. Бондаренко*: «**Абсолютно нет**. Более того, за иную точку зрения может быть физическое наказание … Вы знаете, это касается даже тех, например, политиков, которые … ну, где-то в районе полугода назад сбежали из коалиции, которая когда-то была создана под президента Януковича. И эти люди сейчас больше всех и страдают: их засовывают в мусорные баки, их избивают до сотрясения мозга, и они попадают с этими травмами в больницу, их оскорбляют – это самое легкое, что вообще-то можно придумать…» (*http://www.youtube.com/*).

Здесь можно говорить не только о несогласии с мнением оппонента. Е. Бондаренко дает сначала лаконичный, емкий ответ на поставленный ведущим вопрос («абсолютно нет»), а затем приводит наглядные и убедительные доказательства в подтверждение своих слов. На попытку К. Эггерта вставить очередное замечание о том, что «все их начальники, включая президента Януковича, живут здесь и смотрят на то, как их сторонников избивают», она отвечает следующим образом:

> Я Вас приглашаю в Киев вместе со мной пройти на мое рабочее место, только я подожду где-нибудь рядышком, а Вы пройдете с плакатом «За Бондаренко» до Верховной Рады, и я посмотрю, что с Вами будет (*http://www.youtube.com/*).

Очевидно, что Е. Бондаренко четко выстраивает линию поведения с журналистами-мужчинами. Она убеждена в правоте своих слов, что выражается в тактике построения диалога:

несогласие с высказыванием оппонента

↓

использование примеров и фактов для иллюстрации собственных слов

↓

предложение проверить сказанное ею на личном опыте

Реализация данной схемы позволяет добиться максимального воздействия как на собеседника, так и на аудиторию в целом.

Некоторые ученые отмечают тот факт, что женщинам свойственно более редкое, чем мужчинам употребление сленговой лексики. В примере приводимом ниже, Е. Бондаренко противопоставляет реплике ведущего деловой стиль общения:

> *С. Минаев*: Такое массовое дезертирство было! Это значит, что они не были в политике, они пришли, когда можно было какой-то ***бизнес замутить***, а потом убежали?!
>
> *Е. Бондаренко*: Они ***пришли*** скорее всего ***из-за каких-то карьерных соображений***, безусловно. Кто-то наверняка пришел, чтобы защитить свой бизнес, который остался ***вне рамок парламента***.
>
> *С. Минаев*: То есть люди шли не за политикой, а за ***своим карманом*** (*http://www.youtube.com/*).

Помимо этого, в телепрограммах из уст представителей сильного пола звучали следующие слова и словосочетания: скурвился, убожество, враль, не попрешь и т. д. Неоднократно были озвучены взаимные обвинения и оскорбления:

> *М. Шевченко*: Посмотрите на этого лгуна! ... Да с удовольствием оскорблю, потому что он лжец!
>
> *С. Минаев*: Макс, я задаю вопрос, замолчи!
>
> *А. Кофман*: Вы мерзавец, подлец и провокатор! (*http://www.youtube.com/*)

Отметим что, разговорные слова и словосочетания со сниженной стилистической окраской, оскорбления и грубые слова неоднократно звучат из уст политиков-мужчин в прямом эфире. Это объясняется спецификой программы и высоким полемическим накалом.

Для Е. Бондаренко это нехарактерно. В своих выступлениях, всегда стилистически сбалансированных, она говорит о фактах, которые ей хорошо известны, о людях, к которым она имела непосредственное отношение:

> Что касается настроения тех людей, которые сейчас в ополчении, я не могу подобрать для них слова, чтобы убедить их оставаться в единой стране. У них ***погибли*** дети, у них ***погибли*** жены, их родственники ***погибли***. Да. Они сражались плечом к плечу со своими одноклассниками. Я, например, узнала совсем недавно, что ***погибли*** те люди, которых я знала по школе. Да. Они не учились в моем классе, но мы общались, и я их прекрасно знала, и они ***погибли*** там (*http://www.youtube.com/*).

Для большей выразительности и экспрессивности Е. Бондаренко использует повторы, а также перечисление на их основе.

Речь Елены Бондаренко является стилистически и эмоционально нейтральной, тем не менее, в ее речи часто встречаются метафоры и сравнения, фразеологизмы, пословицы и поговорки (например, *пинок в спину человека, который стоит у пропасти; дорога ложка к обеду; через пень-колоду* и т. д.).

Главная цель в процессе убеждения – сделать собеседника или аудиторию своими единомышленниками по обсуждаемому вопросу. Умение соединять рациональное и эмоциональное убеждение в нужных пропорциях выгодно отличает хорошего оратора:

> Так я Вам скажу! ***Как мать и как женщина***: никакой кусок земли (пауза) человеческих жизней не стоит … Воевать нужно за души людей, которые там живут … Что делать с душами людей, которые не хотят иметь ничего общего со своей страной? Для них страна стала ***не матерью, а мачехой***! (*http://www.youtube.com/*)

Е. Бондаренко, апеллируя к общечеловеческим ценностям, подчеркивая присущую всем женщинам заботливость, женскую мудрость и милосердие (как противопоставление мужскому эгоизму и бездушности), пытается воздействовать на эмоции аудитории. Таким образом реализуется стратегия убеждения посредством выстраивания нужного говорящему эмоционального фона аудитории. На фоне стилистически нейтральной речи сильно выделяются обращения к чувствам и эмоциям слушателей. В ответ на высказывания А. Ципко о том, что гибнут только ополченцы, а не мирные жители, Е. Бондаренко упрекает оппонента в незнании вопроса. Она объясняет, что ополченцы вынуждены воевать не по собственной воле. Она взывает не только к здравому смыслу собеседника, но и воздействует на его чувства:

> Вы не были на Донбассе, Вы не знаете, что там творится. Вы стали жертвой информационного недостатка. <…> Скажите, пожалуйста, как можно договориться изнасилованной с насильником, как можно договориться отцу, матери убитого ребенка с убийцей этого ребенка, когда он приходит и убивает, и насилует дальше по очереди все живое и оставшееся на этой земле? Куда летят кассетные бомбы, которые принадлежат украинским военным? <…> Скажите, пожалуйста, как в этом случае поступать людям, которые живут там? Договариваться с убийцами?! Вы о чем? Нельзя договариваться с убийцами собственных детей. Нельзя договариваться с насильником! На нынешний момент

у Донбасса один выбор – отстоять свои дома! Они воюют за свою Родину, они воюют за свои дома, они воюют за свою жизнь! (*http://www.youtube.com/*).

Мы можем сделать вывод, что Е. Бондаренко всегда спокойна, держится со своим оппонентом на равных, стараясь не принижать его, но и себя не позволяет оскорблять, на необоснованные обвинения она отвечает тем, что требует предоставить доказательства. В ее ответах и высказываниях прослеживается единая линия поведения, ее не захлестывают эмоции, как это часто бывает с представительницами слабого пола. Ответы взвешены, продуманны и четко сформулированы.

Человек, задающий вопрос, всегда имеет более выгодное положение, так как определяет тему разговора. Отвечающему всегда сложнее, однако Е. Бондаренко контролирует беседу, умело используя ситуацию в своих интересах. Как мы видим, она идет в «контрнаступление», отвечая вопросом на вопрос, при этом наводящим вопросом давая собеседнику подсказку, ключ к правильному ответу:

М. Шевченко: Война стоила Киеву ежедневно 70 миллионов долларов – день войны обходился. В месяц, стало быть, Киев тратил порядка 2.1 млрд долларов. Откуда эти деньги берутся? Вот эта война дорогостоящая с 56-тысячной группировкой, с огромным количеством боеприпасов, которые тратились, с огромными коммуникациями – кто это все оплачивал?!

Е. Бондаренко: Максим, а где гарантия, что эти деньги шли на войну?

С. Минаев: Но ведь солдаты должны были там чем-то питаться?

Е. Бондаренко: Ми-ну-то-чку! (повышение голоса и интонации). Интереснейший вопрос! Если Вы зайдете в зону еще более или менее свободной информации – украинский Интернет, Вы увидите бесконечные жалобы самих военных на то, что они полуголодные, неодетые…» (*http://www.youtube.com/*).

Для большей выразительности и достижения максимального эффекта воздействия Е. Бондаренко использует риторические вопросы и восклицания, повторы вводных конструкций с однокоренными словами со значением «убеждение»:

Что касается третьего Майдана, ***мое убеждение***, что Украина не выдержит третьего Майдана. Его просто не будет. Вот действительно тогда не будет страны. А что касается Вашего убеждения, что водораздел произошел в Одессе, я думаю, что он произошел гораздо раньше.

> Я немного пожила на этом свете, не так много поработала в политике украинской, ***но у меня есть убеждение***, такая тенденция, которую я для себя отловила: как только украинский политик едет за аплодисментами, например, куда-нибудь в Соединенные Штаты Америки, в Вашингтон или Брюссель, и срывает их там по полной программе, тем хуже экономическая ситуация в нашей стране.
>
> …***Мое убеждение, мой прогноз***, что пока у власти находятся неадекватные политики, нельзя рассчитывать на улучшение ситуации с любым из соседей, которые есть у Украины (*http://www.youtube.com/*).

Женщинам в современных условиях жесткой конкуренции приходится отстаивать свое право на участие в чисто мужской сфере деятельности, демонстрировать силу и волю к борьбе. Женщины-политики перенимают у мужчин их агрессивное речевое поведение, поскольку фактор статуса в данном случае важнее гендерной принадлежности.

Итак, Е. Бондаренко можно охарактеризовать как сильного, опытного политика «мужского типа», отстаивающего свою точку зрения, способного убедить оппонента не угрозами физической расправы, а логически выстроенной аргументацией, никогда не теряющего выдержки и самообладания.

Вернемся к анализу дискурса мужчин-участников указанных выше программ. Поскольку жанр научной статьи предполагает ограниченный объем, остановимся на программе «Право знать» от 13.09.2014 г. с участием С. В. Лаврова.

Следует сразу оговориться, что С. В. Лаврова как министра иностранных дел отличает особый дипломатический стиль общения. Столь высокий пост требует от оратора наличия безупречного владения литературным языком, хорошей речи, умения заинтересованно вести беседу, а также такта, корректности и контроля над своими эмоциями. Для оратора-дипломата нужны воля, сила, интеллект и вместе с тем осторожность и осмотрительность. На наш взгляд, С. В. Лавров в полной мере обладает всеми перечисленными качествами.

Должность главного гостя внесла коррективы в стиль общения в анализируемом выпуске программы «Право знать», который характеризуется отсутствием острой полемики и столь привычного для данной программы накала страстей. В данном случае имел место дискурс в формате диалога, ведущая роль в котором была отведена С. В. Лаврову.

Министр иностранных дел РФ, безусловно обладая исчерпывающей информацией по ситуации в мире, делает определенные выводы, подкрепляя их аргументами относительно бесперспективности санкций в отношении РФ:

> *С. Минаев*: Получается, что мы проигрываем Европу американцам?
>
> *С. Лавров*: Думаю, нет. Сейчас мы наблюдаем переосмысление этой ситуации внутри ЕС. Тот факт, что не самые крупные и ведущие страны Евросоюза начинают открыто говорить о том, что политика санкций является тупиковой и контрпродуктивной, говорит о многом (*http://www.youtube.com/*).

Как для Е. Бондаренко, так и для С. В. Лаврова аргументация является краеугольным камнем, на котором выстраивается вся структура убеждения. В первую очередь это объясняется спецификой его профессиональной деятельности, ведь дипломатия не терпит неподтвержденных («притянутых за уши») фактов, эмоций и лишних слов:

> *С. Бабаева*: «Из Ваших же слов получается, что по-прежнему от нас “шарахается” весь мир, и за 25 лет постсоветского развития мы так и не стали ни фактическим, ни культурологическим, ни политическим примером для подражания. Почему?
>
> *С. В. Лавров*: От нас мир не «шарахается», я Вас в этом заверяю. География контактов международных и в Российской Федерации, и за ее пределами тому подтверждение. И не только география, но и содержание договоренностей, которые мы заключили. Мы подписывали многочисленные документы и с членами БРИКС, странами Персидского залива; недавно у нас был Наследный принц Бахрейна, подписал Соглашение с Фондом прямых инвестиций и много чего другого. Так что не могу согласиться с тем, что все против нас, не могу согласиться, что от нас все «шарахаются», и что у нас нет партнеров, с которыми развиваем конструктивную правильную повестку дня (*http://www.youtube.com/*).

И С. В. Лавров, и Е. Бондаренко выстаивают линию поведения диалога с собеседником схожим образом. Схематично ответ министра иностранных дел можно представить так:

несогласие с высказыванием оппонента

↓

обоснование причин(ы) несогласия

↓

использование примеров и фактов из своей профессиональной деятельности для иллюстрации собственной позиции

В следующем примере, убеждая аудиторию в своей правоте, он делает основной акцент на возможной выгоде, которую могут получить рападные партнеры в союзе с Россией.

> *Ф. Лукьянов*: Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини сказала, что Евросоюз больше не рассматривает Россию в качестве стратегического партнера. Мы снова – «враг номер один»?
>
> *С. В. Лавров*: Я уверен, что это пройдет. В ЕС уже начинают звучать здравые голоса. Мы абсолютно не предполагаем, что это отчуждение станет стратегическим. Россия заинтересована, чтобы наше стратегическое партнерство с Евросоюзом укреплялось и развивалось. Подтверждаем неоднократно формулируемую Президентом России В. В. Путиным инициативу о создании единого пространства безопасности – экономического и гуманитарного – от Атлантического до Тихого океана в контексте равной, неделимой безопасности и использования конкурентных преимуществ в нашу очень непростую эпоху, когда в экономике нужно иметь партнеров и сравнительные преимущества. Если сложить потенциал России и Евросоюза, то от более сильных позиций на мировых рынках выиграют оба (*http://www.youtube.com/*).

С. В. Лавров, как человек с огромным профессиональным и личным опытом воздействует на аудиторию и через назидания и предостережения от возможных ошибок, напоминая о том, что история циклична:

> Надо помнить, что ставка на чью бы то ни было исключительность неоднократно приводила человечество к катастрофам. Нужно учить историю и извлекать из нее уроки (*http://www.youtube.com/*).

Обладая обширными знаниями по мировой и российской истории, С. В. Лавров часто прибегает к подтверждению своей позиции посредством фактов и примеров из истории:

> Не только приведенный Вами пример показывает, что мало изменилось с тех пор. Была еще Гренада, события на Гаити в последней четверти прошлого века, когда президент Ж.-Б. Аристид был свергнут в результате «гаитянского майдана» и уехал из столицы. США его приютили, поддержали, взбодрили, подкрепили и снова привели к власти на Гаити (*http://www.youtube.com/*).

Помимо этого, используется сопоставление политики России и США и подчеркивание различий между ними для усиления эффекта воздействия:

Мы вспомнили про Панаму, Гренаду, Гаити и Кубу совсем не для того, чтобы сказать: «Вам можно, и нам можно», а только для того, чтобы показать внешнеполитическую философию США. В их доктрине национальной безопасности записано, что они будут применять силу независимо от того, предусмотрено это международным правом или нет. Вот о чем речь (*http://www.youtube.com/*).

Все перечисленные выше приемы аргументации (факты и их сопоставление) способствуют убеждению в правоте оратора, как это видно на примере ответа на вопрос ведущего:

С. Минаев: Мы видим, что Запад не выполняет большую часть обещаний, которые он дает П. А. Порошенко. В этой ситуации, как мне кажется, ему необходимо сделать шаг навстречу России. Почему этого не происходит? Или я его просто не вижу?

С. Лавров: Последние контакты между президентами наших государств (двусторонняя встреча в Минске и последовавшие затем телефонные разговоры, которые привели к подписанию договоренностей 5 сентября) говорят о том, что у нас все-таки есть надежда на движение вперед именно в плане установления мира и завязывания подлинного, настоящего национального диалога о дальнейшей судьбе украинского государства (*http://www.youtube.com/*).

Выступления С. В. Лаврова отличаются логической последовательностью, точностью, ясностью, уместностью, образностью и выразительностью. Обязательным для него является использование стилистически нейтральной речи и делового стиля общения, так как нейтральная литературная речь в большей степени соответствует статусу политика государственного масштаба. Однако формат теледебатов означает отсутствие жестких рамок, поэтому С. В. Лавров позволяет себе несколько раз использовать сленговую и разговорную лексику:

Британский коллега не ответил публично. Они ждали месяца три, прежде чем **«слить»** в прессу фразу, принадлежащую не мне. <…> Почему они сделали **«слив»** через три месяца и решили, что я использовал ту лексику, я оставляю на их совести.

Расчет делается на то, чтобы **под эту «сурдинку»** втягивать в НАТО как можно больше стран, продолжая логику разделительных линий, передвижения инфраструктуры поближе к нашим границам – это неприемлемо.

Придумать, что мы сорвали приднестровское урегулирование, поэтому мы сейчас хотим сделать то же самое на Украине, мог только воспаленный мозг в расчете на оболванивание публики (*http://www.youtube.com/*).

Как уже отмечалось выше, в целом для мужского типа убеждения характерно использование стилистически сниженной разговорной речи, а также сленга. Однако причины применения подобных слов и словосочетаний совершенно иные. Здесь, скорее, речь идет о попытке сблизиться с аудиторией, создать образ «своего парня».

И С. В. Лавров, и Е. Бондаренко стремятся использовать весь арсенал средств для максимально эффективного воздействия на аудиторию. Однако определяющим фактором при выборе типа аргументации и убеждения является тип личности говорящего.

Таким образом, для политика главным является не гендерная принадлежность, а его социальный статус. Именно это формирует тот или иной тип речевого поведения, использование определенных тактических приемов в рамках стратегии убеждения, что сближает речевое поведение женщины-политика с дискурсом политика-мужчины.

Итак, в результате проведенного исследования можно сделать вывод о полной или частичной нейтрализации гендерных стереотипов в области политической коммуникации, что подтверждается анализом выступлений Елены Бондаренко и Сергея Викторовича Лаврова, система аргументации которых во многом сходна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кирилина А. В.* Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. Caucasiology. – М., 2002. – № 2. – С. 134–141.
2. *Полякова Л. С.* Проявление гендерных стратегий в политических выступлениях: социолингвистическое экспериментальное исследование // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 125–128.
3. *Рузавин Г. И.* Методологические проблемы аргументации. – М. : ИФ РАН, 1997. – 159 с.
4. *Табурова С. К.* Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения (на материале пленарных дебатов Бундестага): дис. … канд. филол. наук. – М., 1999. – 215 с.
5. *Талина И. В.* Гендерные маркеры речевого поведения политического деятеля: на материале политического интервью: дис. … канд. филол. наук. – Ульяновск, 2003. – 175 с.
6. *Феррари Ф.* Гендер и отождествление в политическом дискурсе: американская женщина как категория анализа // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 39–54.
7. *Халеева И. И.* Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания: сб. статей. – М. : Рудомино, 2000. – С. 9–18.

8. *Харламова Т. В.* Политический дискурс как отражение общественных процессов (на материале предвыборной кампании в США 2004 г.) // Романо-германская филология. – Вып. 4. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – С. 240–245.
9. *Lakoff R*. Language and Woman's Place. – N. Y. : Harper and Row, 1975. – 328 p.
10. *Tannen D*. Du kannst mich einfach nicht verstehen. Warum Мдnner und Frauen aneinander vorbeireden. – München : Goldmann Verlag, 1994. – 359 S.

УДК 81'1+81'271

Е. Л. Туницкая

доктор филологических наук, заведующая кафедрой, профессор кафедры романских языков Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России; e-mail: thon@list.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОВТОРА И ПЕРЕСПРОСА В ДИАЛОГЕ (на материале французских пьес)

Автор рассматривает повтор (самоповтор) и переспрос в диалоге в прагматическом аспекте как вторичный текст. На материале современных французских пьес в статье исследуются дискурсивные стратегии участников драматического диалога (поддержание контакта, модификация темы, эмоциональное воздействие на собеседника). Базовой единицей описания служит диалогическое единство, в котором вторичная реплика (повтор или переспрос) сохраняет денотативное значение инициальной реплики, изменяя ее поверхностно-синтаксическую актуальную структуру. Таким образом, решается основная задача исследования – установление взаимосвязи дискурсивной стратегии партнеров по диалогу и дискурсивных функций повтора и переспроса. Автор доказывает, что любой лексико-синтаксический (структурный) повтор в ином коммуникативно-прагматическом контексте является важным элементом интеракции коммуникантов. В большинстве случаев речь при самоповторе, повторе или переспросе идет о модификациях на уровне актуализации (актуальное членение, эмфаза, модальный компонент) и связанных с ними синтаксических трансформациях. Повтор и переспрос поддерживают коммуникацию и одновременно продвигают диалог в двух направлениях: 1) сохраняет и одновременно модифицирует предмет разговора (топик); 2) выражает отношение одного собеседника к сказанному другим (перлокутивный аспект диалога).

Ключевые слова: прагматика; диалогический дискурс; стратегия дискурса; диалогическое единство; повтор; переспрос; вторичный текст; взаимодействие коммуникантов; актуализация высказывания.

Tunitskaya E. L.

Doctor of Philology; Head of the Department of Romance Languages, Russian Foreign Trade Academy; e-mail: thon@list.ru

PRAGMATICS OF REPETITION AND REQUEST TO REPEAT IN THE DIALOGUE OF FRENCH PLAYS

The author considers repetition and request to repeat in the dialogue as a secondary text. On the basis of modern French plays the article explores the discursive strategies of the participants of the dramatic dialogue (maintaining

contact, modification of topics, emotional impact on the interlocutor). The basic unit of description is a dialogical unity, in which the repeated remark preserves the denotative sense of the initial remark, only changing its surface-syntactic structure. Thus, the main objective of the research is to establish the interrelationship between discursive strategies of the partners in the dialogue and discourse functions of repetition and request to repeat. The author proves that any lexico-syntactic (structural) repetition in different communicative-pragmatic contexts is an important element of the interaction between communicants. In most cases, repetitions or requests to repeat concern modifications at the level of actualization (topic-comment structure, emphasis, modal component) and their associated syntactic transformations. Repetitions and requests to repeat support communication and at the same time promote dialogue in two directions: 1) they maintain and modify the topic; 2) they express the attitude of one interlocutor to another (perlocutionary aspect of the dialogue).

Key words: pragmatics; dialogical discourse; strategy of discourse; dialogical unity; repetition; request to repeat; secondary text; interaction of communicants; actualization of statement.

Повтор реплики собеседника в диалоге следует рассматривать как форму перифразы или как небольшой по объему вторичный текст со всеми атрибутами, свойственными данному типу высказываний [1]. Повтор реплики коммуникативного партнера в диалоге или самоповтор можно назвать непосредственным, поскольку речь идет об устном дискурсе, где реакция собеседника является незамедлительной во временно́м плане. Граница реплики формально соответствует смене говорящего. Инициальная реплика и ее повтор составляют диалогическое единство, которое мы рассматриваем как минимальную структурно-композиционную единицу диалога.

Повторение не является доминирующей стратегией собеседников для диалога в целом. Действительно, трудно себе представить коммуниканта, последовательно повторяющего все реплики партнера. Какие же частные задачи коммуникант решает, воспроизводя в большей или меньшей степени предшествующую реплику собеседника?

В предварительном порядке следует уточнить, что мы говорим о воспроизведении (повторении) предыдущей реплики в большей или меньшей степени, поскольку речь может идти о повторе синтаксической конструкции при изменении смысла реплики, о более или менее точном воспроизведении смысла сказанного или об описании другими словами той же ситуации (денотативный повтор).

На материале нескольких французских пьес XX столетия проследим отбор и функционирование языковых средств при различных видах повтора в диалоге.

Разумеется, устноречевое высказывание не может быть описано вне его интонационной составляющей и экстралингвистических средств выражения, поэтому, используя в качестве материала диалоги в современных французских пьесах, мы сужаем возможности исследования. Тем не менее даже письменная фиксация диалога позволяет сделать некоторые выводы. Наиболее простой для анализа формой повтора является самоповтор.

В ряде случаев он является вынужденным, например, если собеседник не расслышал реплики коммуниканта или не понял ее адекватно:

> Et si je veux?
> Pardon?
> Et si je veux? [9, с. 142].

> Qu'en pensez-vous?
> Mais de quoi?
> Que pensez-vous des jeunes gens de votre âge, vous savez, ceux qui font des barricades… [9, с. 126].

Во втором случае повтор сопровождается восстановлением замещенной именной группы с соответствующим изменением тема-рематической структуры высказывания.

Самоповтор может носить и смысловой характер. Так, в следующем примере он служит для выражения длительности:

> Le temps passait, le temps passait, et tout à coup on vous laboure le coeur [9, с. 140].

Распространены также эмфатические самоповторы:

> Mais j'étais si bouleversé, l'autre nuit… Quelle expérience, Sylviane… Quelle experience [9, с. 131].

> Il ne faut pas chercher, Marcellin, il ne faut pas chercher. La vie est trop courte [4, с. 71].

Чаще всего наблюдаются самоповторы, сопровождающиеся изменением тема-рематической структуры высказывания: один исходный топик с разным рематическим развитием:

> Hé bien, vivez, bon Dieu, si vous en êtes capable!.. Vivez! Ce n'est pas si commode, vous verrez [4, с. 70].

Несмотря на то, что повторяющийся компонент высказывания является в обоих случаях его темой, развивается данная тема по-разному.

Vous êtes un ange, Estelle. Un ange trop patient [4, c. 76].

Эмфатические конструкции часто сопровождаются модификацией актуального членения высказывания и его пресуппозиции:

Quelqu'un à vous, qui n'aime que vous, qui vous aime, vous [9, c. 124].

Возможен также самоповтор с изменением модальности высказывания:

Tu existes aussi, non?
Prends garde, chéri!
Mais je tiens à ce que tu existes, chérie [7, c. 278].

Et maintenant, c'est fini.
En tout cas, il sait que c'est fini [9, c. 144] (добавление модуса).

Sois juste… Elle a du talent.
Hein?

Dans un genre affreux, c'est entendu. Mais sous un certain angle, sur un certain plan, elle en a [4, c. 96].

Ce n'est pas… Non, ce n'est pas possible!.. Je veux dire… Pas possible dans le contexte de… de ta…. Enfin de tes… de ton intériorité… [7, c. 276]. (*Уточнение условий истинности сужения*).

Модальные модификации часто сопровождаются эмфатическими:

Il en parlait toujours: il ne peut pas ne pas en avoir parlé [4, c. 60].

Je n'en sais rien. Je suis navrée, Henri, mais je n'en sais rien [9, c. 117].

Самоповтор часто выступает в качестве вывода, заключающего высказывание:

C'est mon journal de l'époque. Tout y est consigné, jour par jour… Tout [9, c. 118].

Таким образом, при самоповторе денотативное значение высказывания сохраняется, а его смысл обогащается за счет эмфазы, модально-оценочного компонента, модификаций актуального членения.

Варианты повтора чужой реплики, по нашим наблюдениям, более разнообразны, что отражает разнообразие решаемых повторяющим прагматических задач.

В отличие от самоповтора, при повторении чужой реплики естественно изменение дейктической составляющей для описания одной и той же ситуации с разных прагматических позиций:

Tu devrais être contente que je parle de toi.

C'est toi qui en parle? Non, c'est lui [5, c. 94–95].

Действительно, местоимение *je* в первой реплике кореферентно *toi* – во второй, а *de toi* в первой кореферентно *en* – во второй.

Тем не менее речь идет именно о повторе с сохранением ситуации – денотата.

Тогда как в иных случаях конструкции, идентичные по языковому значению, по сути, смысловым повтором не являются, поскольку описывают разные ситуации:

Je t'aime bien, Louis.

Je t'aime bien, Maud [9, c. 133].

Je suis sûr que vous comprenez ce qu'il y aurait d'audieux…

Est-ce que vous avez compris, vous, ce qu'il y avait d'odieux à l'avoir fait venir? [4, c. 46].

Вряд ли следует относить к повтору и отрицание смысла инициальной реплики:

Mais…Henri, je rêve?

Non, tu ne rêves pas… [9, c. 137].

Si Jean-Louis était là!

Mais il n'est pas là [9, c. 121].

Специфичным является повтор, напоминающий «передразнивания» собеседника. Вероятно, речь может идти в этом случае о поддержании коммуникативной связи (фатическая функция): коммуникант поддерживает диалогический контакт, подтверждая сам факт приема сообщения и выигрывая время на его обработку (снимает коммуникативное напряжение).

Tu l'aimais tant que ça?

Tant que ça? Je n'ai jamais aimé que lui [9, c. 132].

Ma chérie, ne pleure pas, ce n'est rien, tu as le nez un peu écorché, c'est tout.

C'est tout, c'est tout, tu es drôle, toi [9, c. 136–137].

Non? La vieille Van-Krook?

Vieille, vieille! Qu'est-ce que tu entends par vieille? [2, c. 130].

Les bonnes intensions, tout le monde en a, mais on peut peu.

On peut peu, on peut peu…. En tout cas… [4, c. 70].

Контекст и интонация позволяют в подобных случаях выявить различные эмоциональные коннотации: сомнение в сказанном, недоверие к словам собеседника и т. п.

Повтор инициальной реплики в диалогическом единстве может означать согласие с собеседником:

C'est superbe.

C'est vrai, c'est superbe [9, c. 130].

Vous avez tout simplement beaucoup de peine, comme nous tous.

Oui, j'ai de la peine [4, c. 34].

Примечательно, что повтор может с формальной точки зрения являться подтверждением, а по сути – отрицанием предыдущего суждения:

J'ai repris a vieille 404, quel bonheur!

Quel bonheur, oui! On se traîne et puis on aura bonne mine sur le Port! [9, c. 117].

Интерес представляет и повтор в форме подтверждения истинности предыдущего суждения, в котором оговариваются более узкие ситуативные рамки истинности:

Un grand, très grand théâtre!

Un grand théâtre, d'une certaine époque [4, c. 38].

Je serai peut-être long.

Long… pour vous [5, c. 115].

Последний пример является также иллюстрацией эллиптической конструкции при повторе. Приведем еще один подобный пример:

<u>Personne n'a jamais compris votre retenue</u>.

<u>Personne</u>, même pas moi [4, c. 56].

Либо напротив: при повторе расширяются рамки истинности суждения. В этом случае мы имеем дело с обобщением. Подобные высказывания лежат на границе повтора:

Il faut avoir pitié des notaires allemands englués dans la politesse.

Il faut avoir pitié de tout le monde, Estelle [4, c. 57].

… Je trouve votre fille terriblement mal élevée!

Nos enfants sont, tous, très mal élevés! [4, c. 33].

Cette mission qui sera dure pour notre pauvre Sylviane.

Ca va être dur pour tout le monde [4, c. 11].

Обобщение, наблюдаемое в примерах, сочетается с модификацией актуального членения высказываний.

Очень часто повтор служит «отправной точкой» развития суждения в различных его аспектах, передачи дополнительной информации, часто обобщающего характера или оценки:

C'est pour ça que tu nous as invités? Vingt temps après, comme dans Alexandre Dumas?

Pour ça et aussi pour autre chose [9, c. 116–117].

Vous n'êtes pas très bronzés.

Naturellement on n'est pas bronzés, on ne bronze qu'à la mer [9, c. 121].

On pense vite, c'est fou, dans ces cas-là.

On pense vite et égoïstement, me semble-t-il [9, c. 136].

Таким образом, повтор самым непосредственным образом соотносится с тема-рематической организацией высказывания, часто становясь темой ответной реплики. При таком повторе происходит развертывание предикативной части высказывания с перенесением на нее основной информации.

Le vrai homme à femme. Et celle-ci?

Celle-ci, je l'aime, hélas [9, c. 130].

В следующем примере рематическая часть является вопросительной:

Vous ne trouvez pas qu'on a trop de chance?

Trop de chance pour quoi? [4, c. 107].

Интересен случай инверсии актуального членения при повторе:

Oui, mais toi, tu es un monstre, ma chérie.

C'est vrai. J'oubliais, c'est moi, le monstre [9, c. 144].

Разумеется, модальные модификации также часты при повторах чужой реплики:

Cela peut tomber, ces choses-là?
Cela tombe (parfois) [4, c. 40].

N'y compte pas.
ça, non, il ne faut pas y compter [9, c. 119].

Je vous prie d'être poli, Louis.
On ne peut l'être plus [9, c. 113].

Близкую группу составляют высказывания, добавляющие или устраняющие модус при сохранении диктума:

Ce qu'on est bien dans l'herbe.
C'est fou ce qu'on est bien dans l'herbe [9, c. 143].

Que reprochez-vous le plus à cette jeune fille, d'avoir été le dernier amour d'Antoine ou de l'avoir quitté?
J'ai souhaité passionnément qu'elle le quitte [4, c. 47].

Vous êtes drôle, Estelle.
Il ne me reste plus qu'à être drôle [4, c. 75].

В приведенных выше примерах ответная реплика выражает субъективное отношение к изложенному факту.

Заметим, что изменение модальности обычно сопровождается изменением актуального членения за счет перенесения ремы на модальный компонент предиката.

Довольно часто встречается полная смена или смягчение иллокутивного значения высказывания при повторе:

Giflez-moi! Giflez-moi!... Vous ne voulez pas me gifler, Antoine?
Antoine, vous auriez dû la gifler, puisqu'elle vous reconnaissait ce droit [4, c. 73].

Je ne peux pas croire que cette glace est molle. Enfin, j'essaye.
Essayez [9, c. 115].

Ne t'affole pas, Henri, c'est le choc.
Je ne m'affole pas, je m'en fiche [9, c. 137].

Смена иллокутивного значения лежит, как нам кажется, на периферии повтора.

В заключение остановимся на специфической форме повтора, которой является переспрос.

Функции переспроса (частный вид повтора) в диалоге посвящено диссертационное исследование И. П. Гавриловой [2]. Наши выводы о функциях переспроса совпадают с выводами автора. Сошлемся также на исследование Р. Виона [10] и Ж.-К. Мильнера [8].

Интонационный переспрос часто содержит имплицитное сомнение в истинности суждения или иронию:

Figue-toi que pour une fois je me trouve seule.
Seule? [9, c. 117].

Неполные предложения особенно часты при переспросах. Пропозиция в этом случае сохранена, так как сохраняются семантика предиката и имплицитно – субъект действия:

Qu'est-ce qui vous prend, Edmonde? Il m'a mordu.

Modrue?
Mais oui, mordue. Regarde, Henri [9, c. 145].

В данном примере переспрос, в свою очередь, провоцирует подтверждение, делая диалогическое единство трехсоставным.

Dieu merci!
Comment Dieu merci? [9, c. 138].

Je me suis suicidée trois fois.
Suicidée? [4, c. 63].

Vous n'allez pas me dire que vous ne vous êtes pas aperçu de rien et qu'il est naturel qu'un homme sous lequel on ôte une chaise reste suspendu en l'air au lieu de tomber.
Suspendu en l'air? [5, c. 102].

В последнем случае также речь идет о тематическом выборе одной из предикаций предшествующего развернутого сообщения в качестве дальнейшего предмета разговора.

То же наблюдаем и в следующем примере, где переспрос выделяет из первой реплики вовсе не рему, а информативно второстепенный для первого говорящего элемент. Налицо так называемый топикальный конфликт:

Tu peux prévoir, toi, l'effet qu'aura plus tard sur les consommateurs en herbe, le produit que tu leur balances à longueur de journées?
Moi je leur balance un produit? [7, c. 268].

Переспрос часто служит для уточнения информации:

C'est prodigieux.
Qu'est-ce qui est prodigieux [4, с. 65].

Целью переспроса при топикальном конфликте может быть и возвращение к предыдущей, но «отложенной» теме:

Il n'y a qu'à aller à Saint-Tropez?
Non, mon petit, on ne va pas à Saint-Tropez…
Alors, on ne va pas à Saint-Tropez? [9, с. 115].

Переспрос, в свою очередь, может провоцировать повтор, создавая многокомпонентное диалогическое единство:

Il y a dix ans que j'en veux à tout le monde.
De quoi?
De ne pas avoir été moi.
Qu'est ce que vous voulez dire?
Que je n'ai jamais été moi [4, с. 57].

Итак, какова прагматическая специфика и какова функции повтора и переспроса в диалоге? Опираясь на существующие исследования функций повтора в диалоге, мы полностью разделяем мнение о том, что любой лексико-синтаксический (структурный) повтор в ином коммуникативно-прагматическом контексте таковым в чистом виде не является, но является элементом интеракции коммуникантов.

Диалогические единства благодаря такой специфике, как поочередная смена говорящего субъекта (субъективный модуль дискурса), реализация каждым из партнеров собственной дискурсивной стратегии (топикальный, иллокутивно-перлокутивный модули дискурса), дают обширный материал для лингвопрагматических исследований. В большинстве случаев речь при самоповторе, повторе или переспросе идет о модификациях на уровне актуализации (актуальное членение, эмфаза, дейксис, модальный компонент). Встречаются также синтаксические трансформации типа неполного предложения, свертывания предиката, замена имени или предиката на его лексический синоним, на обобщающее имя. Часто коммуниканты используют сочетание нескольких языковых ресурсов, «работающих» на тематическую структуру диалогического дискурса и на его субъективацию.

Повтор поддерживает коммуникацию и одновременно продвигает диалог в двух направлениях: 1) модифицируя топик; 2) выражая

отношение одного собеседника к сказанному другим. Напомним, что представление диалога как своего рода конфликта, где партнеры стремятся навязать друг другу свою дискурсивную стратегию, встречается у целого ряда исследователей [6]. Прежде всего, это касается сохранения или смены предмета обсуждения, что и организует топикальную структуру диалогического дискурса. С другой стороны, «навязывается» и отношение к обсуждаемому (перлокутивный аспект диалога) [3].

Заметим, что повтор предшествующей реплики в начале ответа ориентирован в большей степени на поддержание интеракции; если же он возникает во второй части ответной реплики, то этот ход в большей степени ориентирован на модификацию смысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вербицкая М. В.* Теория вторичных текстов (на материале английского языка). – М. : Моск. гос. ун-т, 2000. – 220 с.
2. *Гаврилова И. П.* Прагматико-семантические особенности функционирования переспроса во французском диалогическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 22 с.
3. *Гренобль Л. А.* Синтаксис и совместное построение в русском диалоге // Вопросы языкознания. – 2008. – № 1. – С. 25–36.
4. *Anouilh J.* Cher Antoine, ou l'amour raté // Современная французская комедия: сб. / сост. Т. Б. Проскурникова. – М. : Радуга, 1986. – С. 27–109.
5. *Cocteau J.* Orphée // Ж. Кокто. Избранные произведения на французском языке. – М. : Прогресс, 1976. – С. 87–137.
6. *Grobet A.* L'identification des topiques dans les dialogues. – P. : Duculot, 2002. – 421 p.
7. *Jamiaque Y.* Acapulco, Madame // Современная французская комедия: сборник / сост. Т. Б. Проскурникова. – М. : Радуга, 1986. – С. 261–370.
8. *Milner J.-Cl.* Interrogations, reprises, dialogue // Langue, discours, société: pour Emile Benveniste / sous la dir. de J. Kristeva. – P. : Nathan, 1997. – P. 122–149.
9. *Sagan F.* Un piano dans l'herbe // Современная французская комедия: сборник / сост. Т. Б. Проскурникова. – М. : Радуга, 1986. – P. 111–169.
10. *Vion R.* La gestion pluridimentionnelle du dialogue // Cahiers de linguistique française. – 1995. – № 17. – P. 179–203.

УДК 81:1

В. А. Тырыгина, Д. С. Крашенинникова

Тырыгина В. А., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Нижегородский гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова; e-mail: tyryguinav@gmail.com

Крашенинникова Д. С., аспирант кафедры романо-германской филологии гуманитарного факультета, Волжский ун-т им. В. Н. Татищева; e-mail: shade-87@inbox.ru

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО В ДИСКУРСНОМ АНАЛИЗЕ

Целью статьи является дискурсный анализ производных слов английского языка, образованных с помощью таких словообразовательных средств, как аффиксация, конверсия и словосложение. Проанализированы существительные, вербализующие концепт «деятель», на материале художественных и медийных текстов, а также словарей. Выявлено влияние дискурсивного фактора как на процесс собственно словообразования, так и на возникновение новых окказиональных значений.

Ключевые слова: дискурс; производное слово; строительная функция; ономасиологическая функция; когнитивный анализ; словообразовательная модель; концепт; информационная структура.

Tyryguina V. A.

Doctor of Philology; Professor, the Department of English Philology, Linguistics University of Nizhniy Novgorod; e-mail: tyryguinav@gmail.com

Krasheninnikova D. S.

Postgraduate Student, the Department of Romano-Germanic Philology, Volzhsky University; e-mail: shade-87@inbox.ru

DERIVATIVE WORDS IN DISCOURSE ANALYSIS

The aim of the paper is the discourse analysis of English derivatives, created by affixation, conversion and compounding. Nouns verbalizing the concept of “agent” taken from fiction, media texts and dictionaries are investigated to show the influence of discourse factor on both word-formation and emergence of new senses.

Key words: discourse; derivative; word-building function; onomasiological function; cognitive analysis; word-building model; concept; information structure.

Производное слово является одной из единиц системы словообразования. При исследовании производного слова в дискурсивном анализе доминирует динамическая точка зрения в словообразовании,

т. е. описание и объяснение процессов словообразования в режиме on-line. Суть словообразовательных процессов заключается в создании новых наименований, новых вторичных единиц обозначения, и коль скоро такие наименования являются словами, термин «словообразование» используется в буквальном смысле, т. е. прежде всего как наименование процесса образования слов. Словообразование, как процесс создания новых слов посредством различных механизмов деривации, тесно связано с текстом и как процесс напрямую зависит от него.

Источником деривации является некоторая мотивирующая единица, результатом − мотивированная единица или производное слово. «Производное слово, в отличие от простого слова, передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова» [3, с. 8].

Рассмотрение производного слова в рамках дискурсного анализа неслучайно, так как именно в дискурсе происходит мотивация создания новой единицы. По словам Жака Деррида, «дискурс … имеет форму структуры толкований. Каждое предложение, которое уже само по себе имеет толковательную природу, поддается толкованию в другом предложении» [6, с. 3].

Эмиль Бенвенист трактует дискурс (discours) как речь, присваиваемую говорящим (включающую позицию говорящего), в противоположность повествованию (rȩcit), которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта [1, с. 139]. Дискурсный, или дискурсивный, анализ – это изучение языка, используемого членами некоторого языкового общества. При этом рассматривается как форма языка, так и его функция. В качестве исходного материала берутся разговорная речь и письменные тексты. Ведь текст, по словам Т. В. Милевской, «является областью схождения разнонаправленных … по своей природе действий, совершаемых коммуникантами. Характеристика дискурса … позволяет анализировать текст … как связующее словообразовательную частицу с контекстом, в котором видна интерпретация данной единицы» [4, с. 39].

«Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире. Построение такой системы до усвоения языка есть

невербальный этап ее образования» [2, с. 20]. Концепт, материализуемый в слове, находит свое выражение в речи, что приводит исследователей к необходимости обращаться именно к дискурсу как продукту речевого действия. «Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным (поскольку значения слов, которыми он передается, известны носителям языка, отражаются в словарях)» [5, с. 79].

В центре внимания авторов данной статьи – изучение влияния дискурсивных факторов на процесс образования слов со значением «деятель» в дискурсе английской художественной литературы и в медиадискурсе. Выбор последнего обусловлен мощным воздействием в современном обществе средств массовой информации на формирование картины окружающего мира в массовом и индивидуальном сознании. Ниже будет рассмотрен концепт «деятель» в производных словах, образованных с помощью таких словообразовательных средств, как *аффиксация*, *словосложение* и *конверсия*.

В словарном составе современного английского языка производное слово превалирует над словом непроизводным. Производная единица занимает центральное место при образовании нового слова по нескольким причинам: 1) производное слово − это высокоэкономичная единица; 2) информация производного слова легко «вычисляется» благодаря определенным правилам, по которым образуются данные единицы.

Анализируя производное слово в дискурсе, мы наблюдаем возникновение новых качеств производной единицы. Производное слово имеет много значений, при этом новые значения могут появляться из-за изменений в обществе, в любой сфере жизнедеятельности человека и развития современного мира в целом. Таким образом, выделяется еще одна причина более частого использования производного слова, чем слова непроизводного: производное слово легко применить в любом контексте из-за многозначности данной единицы.

Е. С. Кубрякова указывает еще на одну причину использования производного слова в тексте, а именно – стремление говорящего избежать повтора мотивирующего слова в составе придаточного предложения, а также синтаксического усложнения текста [3, с. 180–181].

Конструктивный характер производного слова со значением «деятель» проецируется на информативный уровень высказывания.

В производном слове оформляется новый опыт и сохраняются имеющиеся знания. Особенно это хорошо развито в аффиксации, в частности в группе суффиксов, при помощи которых образуется концептуальное поле «деятель». При анализе производного слова в дискурсе со значением «деятель» также важен когнитивный анализ всех единиц словообразования, к каким принадлежат словообразовательные гнезда, модели, типы и цепочки.

В рамках дискурса повышается активность словообразовательных структур, т. е. моделей внутри словообразовательных средств. Концепт со значением «деятель» формируется суффиксами *-er*, *-ist*, *-ian*, *-an*, *-arian*, *-ant*, *-eer*, *-man*, *-ese*, *-ster*, *-monger*, *-aholic*, *-ess* и другие. Зная значение основы слова, реципиент легко воспринимает нужную для него информацию.

Дискурс требует от производной единицы информативности. При словообразовательном процессе морфемы слова связаны с дискурсом и с его лексико-грамматическим окружением, а также с семантикой окружающих слово единиц языка. Дериват при вхождении в текст имеет свою «информационную структуру», т. е. отношение между лингвистической формой и сознанием говорящих. Например, модель **V+er →N** выражает «who (or that) Vs» (*a worker – one who works*):

> Trains pulling in and pulling out in the shadow of Terminus Hotel. Mid-morning passengers. Luggage *haulers*. The milling, the lost, the late, *the meeters*, the met, the platform-cleaning machines [9, p. 49].

Благодаря семантике окружающих слов дериваты *haulers*, *meeters*, обеспечивают стилистическую информативность и лингвосемиотическую экономность. Пример еще интересен тем, что здесь в относительно короткой речевой цепи совмещаются суффиксация, конверсия и субстантивация (*the milling, the lost, the late, the met*).

Другой пример демонстрирует небольшой семантический сдвиг, возникающий под влиянием дискурса:

> People assume animals are much better *smellers* than us. Humans are remarkably good at smelling things [7].

Дериват *smellers* образован с помощью присоединения суффикса *-er* к производящей основе глагола *to smell*, который может переводиться как «обонять, чувствовать, нюхать, пахнуть». Новый Большой англо-русский словарь дает нам следующее определения слова *smeller*: 1) человек или предмет, от которого (дурно) пахнет;

2) человек, сующий нос в чужие дела; 3) специальное значение: щупальце, усик, антенна. В рассматриваемом контексте подразумевается способность животных на очень большом расстоянии (подобно антенне) чувствовать приближающегося врага – способность, которой не обладают люди. Однако здесь речь идет о человеческих существах, способных предчувствовать возможный поворот событий. Благодаря контексту производное слово лаконично характеризует деятеля, при этом, сколько бы ни было значений у слова, получатель улавливает ту информацию, которая точно передает смысл сказанного.

Смысл производного слова со значением «деятель» вычисляется на основе либо индивидуального, либо социального опыта. Так, один и тот же производный знак может вызвать в сознании адресата несколько сцен. Сцена воспринимается как дискурсивно обусловленное значение, как смысл словообразовательной номинации. Это значит, что в зависимости от ситуации, в которой находится говорящий, слово будет восприниматься по-разному. Так, в прямом значении слово *novelist* – писатель-романист, автор романов, прозаик. **Модель N+ist →N** в основном применяется для обозначения приверженца какого-либо дела, либо профессии.

Рассмотрим предложение, взятое из сайта новостей (*bbc.com*) в разделе «Entertainment», в котором слово *novelist* не совпадает с привычным для нас значением этого слова:

> With her red Princess Leia-style coiffure and clashing arty-meets-hearty wardrobe, Lansbury's Madame A is a quivering, deliciously erratic blend of bohemian lady *novelist* and girl guide [8].

Из контекста адресат понимает, что автор не имел в виду, что героиня является автором романов, он лишь наделяет ее внешними характеристиками, присущими авторам романов.

По мере развертывания дискурса в содержательной структуре производного слова могут формироваться эмоционально-оценочные коннотации. Стремясь удержать интерес адресата к референту, автор создает новые производные слова. Что касается вновь созданных производных слов со значением «деятель», догадаться об их значении читателю помогают известные ему модели словообразования:

> My mug rim has traces of lipstick. I construct a legal case to argue that sipping from this part of the bowl constitutes *a kiss* with a stranger. That would increase my tally of *kissed girls* to three, still less than the national average. I look around the Jupiter Café for a potential *kissee* [9, p. 5].

Суффикс *-ee*, присоединяясь к глаголу, указывает на лицо, которое подвергается какому-то воздействию. «Вычисление» нового термина происходит за счет дериватов, образующих словообразовательный контекст. Здесь автор демонстрирует своего рода деривативный пилотаж, трижды обращаясь к одной и той же производящей основе (*a kiss, kissed girls, a kissee*). Возможно, в строгом смысле слова дериват *a kissee*, скорее, пациенс, чем деятель (агенс).

Также активно участвует в вербализации концепта «деятель» словосложение. Причем вероятность создания сложного слова в дискурсе выше, чем вне дискурса в изоляции, так как автор создает производную единицу, соответствующую контексту и раскрывающую его, экономя при этом речевые средства:

> Mrs. Sasaki warned me Saturday is busier, not quieter, than weekdays, because commuters are more careful with their baggage than *weekend shoppers* and *Friday-nighters*, and because a lot of people wait until Saturday before coming in to claim lost items [9, p. 65].

Модель, лежащая в основе деривата *Friday-nighters*, обладает, на наш взгляд, словообразовательным потенциалом: лица, занимающиеся какой-то деятельностью в определенные дни недели, могут называться *Monday-runners*, *Wednesday workers* и т. д.

Модели словосложения многообразны:

> The first man was a *will-digger* who travelled from village to village (*«The Times», No. 68751, July 13, 2006*).

В номинации *a will-digger* – энтузиаст-золотоискатель модель **N+N+er** указывает на синтаксическое словосложение, также отражающее аналитический строй английского языка. При этом способе образования производных слов происходит процесс трансформации синтаксических единиц в лексические (сложные слова), о чем пишут многие лингвисты.

Сложные слова прагматически и социально маркированы, поэтому они очень часто встречаются не только в художественной литературе, но и в медийном дискурсе:

> In Washington there is irritation with what one official characterized as the “overactive *spin-doctors*” of the three (*«The Times», No. 68778, August 14, 2006*).

Здесь используется модель **N+N**: *spin-doctors* – «спин-доктор», политтехнолог, эксперт по связям с общественностью. С развитием

современного общества развивается язык: появляются новые профессии, требуются новые номинации. В подобных случаях такой способ словообразования, как словосложение становится востребованным:

> No, madam, I am the *assistant station-master*
>
> Oh. Well, you look like a porter in that get-up. Come on, Yuki (*«The Times», No. 68779. August 15, 2006*).

Здесь используется трехосновная модель **N+N+N** *assistant station-master*.

В рамках словосложения выделяются также сложносокращенные слова разных типов: а) композиты с усечением первого компонента: *cyberspace* < *cybernetic space*; б) композиты с усечением второго компонента: *slanguage* < *slang* + *language*; в) композиты с усечением обоих компонентов: *opart* < *optical art*.

Реципиент эффективно вычисляет значение производного сложносокращенного слова со значением «деятель» благодаря его внутренней форме и связи с мотивирующей основой:

> He hasn't stopped playing his *vidboy*. Lao Tzu coughs a cough of no return, and dabs phlegm off his *vidboy* screen with his shirtsleeve (vidboy = videoboy) [9, p. 5].
>
> Most of my friends are *e-friends*. Other hackers. We use our own language, right" (e-friends = electronic friends, as e-mail) [9, p. 80].

Однако дискурс конструирует дополнительные смыслы: в первом примере синтаксическое окружение ***vidboy*** (*dabs phlegm off his* ***vidboy*** *screen with his shirtsleeve*) указывает на него как неодушевленный объект; во втором ***e-friends*** осложняется дополнительными смыслами вследствие его противопоставленности слову *hackers*.

Конверсия, безаффиксальный способ словообразования также дает немало примеров производных слов со агентивным значением:

> Oh, but we want you to,"said her other mother."We want you to stay. And it's just a little thing.
>
> "It won't hurt", said her other father.
>
> Coraline knew that when *grown-ups* told you something wouldn't hurt it almost always did [10, p. 45].

Далее автор еще раз употребляет данное производное слово, но в другом контексте.

> She waited for her parents to come back.
>
> When it began to get dark, Coraline microwaved herself a frozen pizza.
>
> Then Coraline watched television. She wondered why *grown-ups* gave themselves all the good programmes… [10, p. 49].

Производное слово *grown-ups* является конвертированным словом, созданным по словообразовательной модели **V→N**, при которой происходит переход одной части речи слова в другую. Как в первом, так и во втором варианте оно опирается на контекст: *mother*, *father* – в первом варианте; *parents* – во втором варианте. Но производное слово содержит не только референтную информацию, но и выражает оценку, в отличие от слов *mother*, *father*, *parents*, содержащих нейтральную оценку. Дискурс придает слову grown-ups некоторые дополнительные смыслы, возникающие благодаря детскому восприятию. С этим словом в лексике ребенка связываются важность, значимость взрослых, неоспоримость их действий.

В заключение отметим, что производные слова, вербализующие концепт «деятель», по-видимому, составляют очень важную часть лексикона говорящих. Встречаются, например, высказывания, содержащие цепочки нанизывающихся один на другой номинатов-деятелей разной деривативной природы:

> You didn't hear me. I'm a *security guard*. I am not a *receptionist*. I am employed to keep *time-wasters*, *salesmen* and assorted scum out" [9, p. 39].

Здесь *security guard* − конверсия, *receptionist* − аффиксация, *time-wasters* − словосложение плюс аффиксация, *salesmen* – словосложение.

Таким образом, наше исследование продемонстрировало следующее: во-первых, при словообразовательном процессе морфемы слова связаны с дискурсом и с его лексико-грамматическим окружением, а также с семантикой окружающих слово единиц языка; во-вторых, ономасиологическая структура деривата может трансформироваться в зависимости от мотиваций говорящего; в-третьих, аффиксация, словосложение и конверсия обнаруживают высокий словообразовательный потенциал при вербализации концепта «деятель» в дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – 4-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 448 с.
2. Дискурс, текст, когниция: Коллективная монография. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. – 496 с.
3. *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 208 с.

4. *Милевская Т. В.* Связность как категория дискурса и текста. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 2003. – 335 с.
5. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2010. – 314 с.
6. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Сер. Дискурсология). – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – 177 с.
7. BBC. – URL: bbc.co.uk/news/health-26638085
8. BBC. – URL: bbc.co.uk/news/entertainment-arts-26627171
9. *Mitchell D*. Number9Dream. – L. : Scepter, 2001. – 418 p.
10. *Gaiman N.* Coraline. – N Y : Harper Entertainment, 2002. – 162 p.

УДК 81-13

Г. М. Фадеева

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка ФНЯ МГЛУ; e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

О ПОНЯТИИ «ВНЕВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС» НА МАТЕРИАЛЕ «МАКСИМ И РЕФЛЕКСИЙ» И. В. ГЁТЕ

В статье дискурс понимается как совокупность высказываний на определенную тему, сделанных в рамках самых разнообразных текстов. Часто цитируемые тексты разных эпох и культур автор статьи рассматривает как тексты, которые обеспечивают общую для пространства культуры память. В корпусе этих текстов можно выделить тематические вневременные (сквозные) дискурсы.

Ключевые слова: дискурс; частный дискурс; сквозной (вневременный) дискурс; совокупность высказываний; память культуры.

Fadeeva G. M.

Ph.D., Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of German, Faculty of German Language, MSLU; e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

ON THE NOTION OF EXTRA-TEMPORAL DISCOURSE: "MAXIMS AND REFLECTIONS" BY J. W. GOETHE

In the article discourse is viewed as totality of utterances that, originating from various texts, deal with the same topic. Quotations belonging to different epochs and cultures are for the most part deemed to be texts that constitute cultural memory, common to a cultural space. It is suggested that comments on a certain issue should be regarded as extra-temporal discourses.

Key words: discourse; topical discourse; extra-temporal discourse; totality of utterances; cultural memory.

Дискурс рассматривается нами в русле теории немецкого исследователя М. Юнга (M. Jung), который понимает под этим не совокупность текстов, объединяемых рядом признаков, **а совокупность высказываний на определенную тему**, сделанных в рамках самых разнообразных текстов и образующих корпус, развивающийся во времени и в пространстве [16]. Теория М. Юнга была подробно проанализирована автором данной статьи на примере искусствоведческого, музыкально-теоретического, экологического и других дискурсов, т. е. на материале нехудожественных текстов [8–10]. На основании проведенных исследований был сделан вывод о перспективности данного подхода к лингвистической операционализации дискурса.

В центре внимания таких исследований находится **дискурсообразующий лексикон**, поскольку именно лексикон в первую очередь конституирует и реализует как общий дискурс (Gesamtdiskurs Dn), так и его частные дискурсы (Teildiskurse), являющиеся его конституентами. Дискурсивный анализ вокабуляра позволяет выделить опорные (ключевые) для дискурса лексические единицы, которые образуют изотопические цепочки и сетки, обеспечивая его семантическую связность [8–10].

Как показали наши наблюдения при последующей работе с новыми корпусами текстов, данный подход остается надежным инструментом, позволяющим не только исследовать тот или иной дискурс, возникающий вокруг определенной темы, но и выделять различные дискурсы в политематических корпусах.

Это можно проиллюстрировать на материале «Максим и рефлексий» И. В. Гёте.

«Максимы и рефлексии» относятся к тем текстам культуры, которые обеспечивают общую для пространства культуры память. Знаменитая гётевская концепция мировой литературы как части мировой культуры (Weltliteratur) представляет собой концепцию международной культурной коммуникации, духовного взаимодействия разных культур.

По утверждениям авторитетных исследователей, «Максимы и рефлексии» И. В. Гёте принадлежат к наиболее цитируемым текстам западноевропейской литературы [13, S. 1257], а это означает, что они входят в «толщу культуры», в пространство общей памяти культуры, которая, как подчеркивал Ю. М. Лотман, «не склад информации, а механизм ее регенерирования» [5, с. 262].

Методологической основой для рассмотрения «Максим и рефлексий» И. В. Гёте как текстов культурной памяти послужили труды Д. С. Лихачева и Ю. М. Лотмана, а также работы известных исследователей жизни и творчества поэта [11].

Часто цитируемые высказывания авторитетных представителей разных эпох и культур по определенному вопросу можно, на наш взгляд, рассматривать как сквозную тему, т. е. как вневременный дискурс, наряду со многими другими вечными/сквозными образами и темами в памяти культуры ср. [5, с. 260].

Рассматривая культуру с точки зрения семиотики, Ю. М. Лотман подчеркивал, что культура представляет собой коллективный

интеллект и коллективную память, т. е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых текстов и выработки новых: «В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы. <…> Таким образом, общая для пространства данной культуры память обеспечивается, во-первых, наличием некоторых константных текстов и, во-вторых, или единством кодов, или их инвариантностью и закономерным характером их трансформации» [4, с. 249].

О памяти культуры неоднократно писал и Д. С. Лихачев, взгляды которого во многом совпадали с позицией Ю. М. Лотмана: «Одна из величайших основ, на которых зиждется культура, – память. <…> История культуры – это история человеческой памяти <…>. Память противостоит уничтожающей силе времени. И накапливает то, что называется культурой» [3, с. 68–74].

Одним из главных аспектов изучения культурной памяти является объединяющая сила культуры, соединяющей писателей, мыслителей и целые народы. Крупнейший российский исследователь творчества И. В. Гёте и его роли в культурной памяти России В. М. Жирмунский также рассматривает проблему международных культурных (литературных) взаимодействий, осмысливая их как проблему освоения культурного наследия, обусловленного общими закономерностями социально-исторического развития [1], что, на наш взгляд, говорит в пользу представленной в данной статье точки зрения.

«Максимы и рефлексии» как часть универсальной духовной деятельности И. В. Гёте, зафиксированная в письменных текстах, была систематизирована и издана в 1907 г. Максом Хекером (Hecker). В издании М. Хекера тексты поэта были разделены на две части: в первую часть входили афоризмы, опубликованные самим И. В. Гёте, в хронологическом порядке их публикации; во вторую – посмертно опубликованные максимы и рефлексии из его наследия [11].

Один из признанных знатоков творчества поэта Курт Хохофф (Hohoff) констатирует, что И. В. Гёте записывал афоризмы и изречения (Sprüche und Aussprüche) в течение всей жизни. «Из своих 1400 афоризмов (Aphorismen) он опубликовал 800. Эккерман и Ример опубликовали позже под названием «Изречения в прозе» (Sprüche in Prosa) многочисленные неопубликованные тексты из посмертного наследия,

но только издание Макса Хекера по рукописным записям определило и прокомментировало в 1907 г. весь корпус «Максим и рефлексий» [15, S. 455][1].

Первые известные нам издания части этих текстов И. В. Гёте на русском языке вышли в свет как:

– Изречения в прозе. – Санкт-Петер.: В. Л. Берман и др., 1885;

– Изречения в прозе. – Санкт-Петер.: В. Л. Берман, 1888;

– Избранные афоризмы и мысли: Научные афоризмы выбраны и проред. проф. Гэксли, лит. проф. Лейтоном / пер. с англ. М. С. Модель. – Санкт-Петер., 1903.

В качестве примера освоения духовного наследия И. В. Гёте другими выдающимися деятелями мировой культуры можно привести тот факт, что Лев Толстой в течение всей свой жизни на страницах **Дневников** вел опосредованный диалог с ним. Конечно, отношение Л. Толстого к И. В. Гёте и его воззрениям менялось на разных этапах жизни писателя, что нашло отражение в ряде довольно пространных, в том числе критических, дневниковых записей последних лет (1896–1909). Однако для нашего подхода к «Максимам и рефлексиям», как константным текстам культуры, важен сам факт постоянного обращения Л. Толстого к И. В. Гёте, включение им поэта в свое культурное пространство, культурную память, в свой творческий процесс, в духовный поиск и жизнеосмысление [11].

Если рассматривать «Максимы и рефлексии» как частный дискурс в общем мировом дискурсе размышлений на те же или близкие вечные темы, волнующие писателей и философов разных эпох и культур, то в соответствии с теорией М. Юнга его можно разделить на более мелкие тематические дискурсы (Teildiskurse). Именно так выглядит, например, часть корпуса «Максим и рефлексий», известная как «Aus dem Nachlass», структурированная составителями и издателями по тематическому принципу:

– Über Literatur und Leben (О литературе и жизни).

– Über Kunst und Kunstgeschichte (Об искусстве и истории искусства).

– Über Natur und Naturwissenschaft (О природе и естественных науках) и др.

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Г. Ф.*

Далее в рамках этих частных дискурсов, составляющих корпус «Максим и рефлексий», можно выделить еще более мелкие конституенты.

Как мы уже отмечали, изречения И. В. Гёте относятся к наиболее часто цитируемым текстам европейской и мировой литературы, в том числе как способ аргументации – ссылка на авторитет.

Ограничимся одним примером. В последние десятилетия актуальность приобретают междисциплинарные исследования культурных и языковых контактов и сопровождающих их процессов заимствования лексики. С одной стороны, в эпоху глобализации интенсифицируется диалог культур, с другой – возрастает осознание этноидентифицирующей роли родного языка [7, с. 121].

Современных авторов, как и их предшественников, волнуют вопросы: 1) в какой степени иностранные заимствования способны воздействовать на менталитет народа и сферу его эмоциональной жизни? 2) достаточны ли внутренние ресурсы русского языка для того, чтобы справиться с инокультурным воздействием, в котором многим вновь видится угроза национальному самосознанию и столкновение концептосфер? [2, с. 165].

Занимаясь этими вопросами с позиций лингвокультурологии, неизбежно обращаешься к размышлениям И. В. Гёте, связанным с пуристской деятельностью в Германии того времени. Позиция поэта выражена определенно в целом ряде его опубликованных высказываний, которые мы рассматриваем как один из частных дискурсов на данную тему в рамках общего дискурса И. В. Гёте и в рамках памяти культуры. Приведем ряд примеров:

> Сила языка не в том, что он отвергает чужое, а в том, что он поглощает это.
>
> Die Gewalt einer Sprache ist nicht, dass sie das Fremde abweist, sondern dass sie es verschlingt.

> Я проклинаю весь негативный пуризм, который требует, чтобы мы не употребляли слово, в котором другой язык заключает многое или нечто более тонкое.
>
> Ich verfluche allen negativen Purismus, dass man ein Wort nicht brauchen soll, in welchem eine andre Sprache Vieles oder Zarteres gefasst hat.

> Педантичный пуризм есть абсурдное отрицание дальнейшего распространения разума и духа.
>
> Der pedantische Purismus ist ein absurdes Ablehnen weiterer Ausbreitung des Sinnes und Geistes [14, S. 798–799].

Этот дискурс прослеживается и в высказываниях других крупных деятелей культуры разных стран и эпох.

В подтверждение существования данного сквозного дискурса в памяти культуры достаточно обратиться к истории русской культуры. Среди авторов, оставивших свое мнение по данному вопросу и неоднократно возвращавшихся к нему, А. П. Сумароков, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, К. Г. Паустовский, М. А. Шолохов и др. Корпус высказываний на эту тему будет очень значительным. Позиция отдельных выдающихся деятелей российской культуры по проблемам контакта языков и культур изучается в научных монографиях, статьях, обсуждается на конференциях (ср. статью В. А. Недзвецкого «И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой о русском языке и нынешняя лингвокультурная ситуация в России» или статью А. А. Горелова «Язык Л. Толстого и современность» [6]).

Можно, очевидно, говорить о совокупности этих высказываний как об одном из вневременных дискурсов культурной памяти. При этом с точки зрения существования данного дискурса в памяти культуры не имеет значения, **что** именно говорил тот или иной деятель культуры на данную тему, считал ли он как И. В. Гёте, что заимствования обогащают язык или резко выступал против засилья иностранных слов. Нередко у одного и того же автора можно найти высказывания и в пользу заимствованной лексики как одного из путей обогащения языка, и резкую критику. Изучение данного вопроса не связано напрямую с задачами статьи и понятием вневременного дискурса. *Важно, что совокупность высказываний на данную тему образует частный дискурс, который имеет давнюю историю, развивается во времени и в пространстве, пересекая границы эпох и культур как один из вневременных (сквозных) дискурсов культурной памяти*.

Что касается противоречивых высказываний на одну и ту же тему, приведем мнение И. В. Гёте: «…человек думает о любом предмете (в том числе и о самом себе) сегодня не так, как вчера» [«…der Mensch denkt über eine Sache (wie über sich selber) nicht einen Tag wie den anderen»] (an Sulpiz Boisserée; zit. nach: 13, S. 1218].

Изменение характера дневниковых записей Л. Толстого о И. В. Гёте, упоминавшееся нами выше, от восторженных эпитетов «восхитительно» в 1856–1857 гг. до резких оценок 1906–1909 гг. доказывает справедливость слов И. В. Гёте.

Одним из сложных вопросов изучения культурной памяти остается вопрос сохранения идентичности текста в контексте новой эпохи.

Определяя пространство культуры как пространство общей памяти, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы, Ю. М. Лотман приходит к следующему выводу: «При этом актуализация их совершается в пределах некоторого смыслового инварианта, позволяющего говорить, что текст в контексте новой эпохи сохраняет, при всей инвариантности истолкований, идентичность самому себе» [4, с. 249].

В «Максимах и рефлексиях» И. В. Гёте читаем по этому поводу: «Различные изречения древних, которые мы имеем обыкновение повторять, имели совершенно иное значение, нежели те, которые мы придаем им в более поздние времена» (Verschiedene Sprüche der Alten, die man sich öfters zu wiederholen pflegt, hatten eine ganz andere Bedeutung, als man ihnen in späteren Zeiten geben möchte) [14, S. 755].

Думается, что здесь нет противоречия с концепцией Ю. М. Лотмана, которую он разъяснил на примере так называемых вечных образов культуры: «Культурный комплекс, обозначаемый нами словами “доктор Фауст”, пройдя через ряд сменивших друг друга культурных эпох, сохраняет определенную инвариантность, постоянно реконструирующую в нашем сознании те культурные контексты, в которые он исторически включался. Для каждой отдельной эпохи он выглядит как цитата из другого времени. Одновременно, если поставить перед собой проблему: “Фауст как сквозной образ разных эпох”, то активизируется его инвариантность …» [5, с. 260].

И. В. Гёте постоянно подчеркивал связь своего творчества, в том числе «Максим и рефлексий», с духовной культурой предшественников, что отразилось как в названии выпущенного при его жизни издания «Eigenes und Angeeignetes in Sprüchen» – «Свое и усвоенное в изречениях», так и в самих изречениях. Приведем в заключение лишь одно из них: «Viele Gedanken heben sich erst aus der allgemeinen Kultur hervor, wie die Blüten aus den grünen Zweigen» – «Многие мысли возникают из общей культуры, как цветы из зеленых веток» (Пер. В. Лихтенштадта и И. Канаева).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жирмунский В. М.* Гёте в русской литературе. – М. : Наука, 1982. – 560 с.
2. *Леонтович О. А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М. : Гнозис, 2007. – 368 с.

3. *Лихачев Д. С.* Искусство памяти и память искусства // Критика и время. – Л., 1984. – С. 68–74 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/iskustv_pam.pdf
4. *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М. : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. – С. 249–255.
5. *Лотман Ю. М.* Память культуры // Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М. : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. – С. 256–269.
6. Материалы Толстовских чтений 2013 г. и Гороховских чтений 2013 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого / отв. ред. Л. В. Гладкова; сост. Л. Г. Гладких, Ю. В. Прокопчук – М. : Государственный музей Л. Н. Толстого, 2014. – 246 с.
7. *Нещименко Г. П.* Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте. – М. : Наука, 2002. – С. 121–151.
8. *Фадеева Г. М.* Лексикон – текст – дискурс с позиций исследовательской практики // Язык в мире дискурсов. – М. : МГЛУ, 2009. – С. 91–100. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 559. Сер. Языкознание).
9. *Фадеева Г. М.* Стилистические аспекты лексикона немецкого экологического дискурса // Лексикология и фразеология: актуальные проблемы и решения. – Ч. 2. – М. : МГЛУ, 2011. – С. 58–71. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 19 (625). Сер. Языкознание).
10. *Фадеева Г. М.* Искусствоведческий дискурс с позиций концепции М. Юнга // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. – М. : МГЛУ, 2012. – С. 259–272. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 6 (639). Сер. Языкознание).
11. *Фадеева Г. М.* Максимы и рефлексии И. В. Гёте в памяти культуры // Гёте – Толстой: диалог двух олимпийцев: материалы Междунар. науч. конф. ТГПУ им. Л. Н. Толстого; Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». – Тула : ТГПУ, 2014. – С. 81–94.
12. *Baumann G*. Maxime und Reflexionen als Stilform bei Goethe. Dissertation. – Karlsruhe : G. Braun GmbH, 1949. – 86 S.
13. *Baumann G.* Einführung // Johann Wolfgang Goethe – Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens / Hg. Von Karl Richter et. al. Bd. 17. – München : Carl Hanser Verlag. – S. 1218–1235.
14. *Goethe J. W, von*. Maxime und Reflexionen. Aus dem Nachlass // Goethes poetische Werke. Vollständige Ausgabe. – Zweiter Band. – Essen : Phaidon Verlag, 1995. – 780 S.
15. *Hohoff C.* Goethe. Dichtung und Leben. – Kreuzlingen–München : Heinrich Hugendubel Verlag, 2006. – 511 S.

16. *Jung M.* Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet / Karin Böke, Matthias Jung, Martin Wengeler (Hrsg.) – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1996. – S. 453–472.

УДК 811.11

С. Ю. Хованова

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка и деловой коммуникации ИИЯ МГПУ; e-mail: s.khovanova@gmail.com

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗОВЫЕ ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: СОЦИОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена исследованию особого пласта лексики современного английского языка, а именно – существительным, произведенным от фразовых глаголов. Показано, что данные лексемы представляют собой концептуально сложные единицы, и что особенности их употребления в дискурсе массмедиа обусловлены определенными социокогнитивными характеристиками как самих лексем, так и контекстов их использования. В связи с этим затрагивается вопрос о том, какие социокультурные контексты особенно влияют на семантику фразовой отглагольной номинализации.

Ключевые слова: фразовые отглагольные имена; транспозиция; инференция; социокультурная модель; дискурс массмедиа.

Khovanova S. Y.

Ph.D., Associate Professor, Department of English Phonetics and Business Communication, MCTTU; e-mail: s.khovanova@gmail.com

ENGLISH PHRASAL-VERB NOUNS IN MASS MEDIA DISCOURSE: SOCIOCOGNITIVE ASPECTS

The paper addresses the issue of investigating modern English nouns converted from phrasal verbs. The author shows that these units are structurally complex and their functioning in mass media discourse is highly dependent on the sociocognitive characteristics of both nouns and their contexts. The question of what kind of sociocultural contexts influence the semantics of such nominalizations most is also covered in this article.

Kew words: phrasal-verb nouns; transposition; inference; sociocultural models; mass media discourse.

На современном этапе развития теории дискурса все большее значение приобретает взаимосвязь «язык – общество», к анализу которой многие лингвисты обращаются с позиций когнитивной лингвистики. Общепризнанным является положение о том, что дискурсивный контекст требует правильной интерпретации, и часто понятие «контекст» отождествляется с понятием «общество». Соответственно возникает

вопрос о том, как мы декодируем то или иное слово в разных социокультурных контекстах, на какие структуры знаний опираемся.

Возвращение к социокультурным характеристикам контекста на новом, когнитивном, витке связано с развитием социокогнитивной лингвистики [2]. Социокогнитивные идеи развивают такие лингвисты, как Т. ван Дейк, Дж. Лакофф, А. Вежбицкая, Р. Водак, М. Тернер, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Н. Н. Болдырев, О. К. Ирисханова и многие другие зарубежные и отечественные исследователи (о социокогнитивной тенденции в лингвистике см., например [5, с. 5]).

В нашем исследовании значимость социокогнитивных структур знания при интерпретации языковых единиц рассматривается на примере определенной группы номинализаций английского языка, а именно – имен существительных типа *build-up*, образованных от фразовых глаголов (далее – ФОИ) и функционирующих в текстах массмедиа. Такие единицы, как правило, описываются в терминах транспозиции и относятся к гибридным единицам, в которых происходит взаимодействие нескольких категориальных значений. Как показано в некоторых исследованиях, номинализации-гибриды предоставляют говорящим достаточно широкие возможности не только для референции к разнообразным объектам и событиям социальной жизни, но и для совместной ориентации в дискурсе, т. е. для интерсубъектных взаимодействий [4, с. 130–142]. Что касается ФОИ, то они, обладая всеми характеристиками номинализаций, имеют и свои особенности. В частности, несмотря на компрессированный характер, они отличаются комплексностью формы и содержания, унаследованной от фразового глагола-источника, а также необычайной емкостью и динамичностью в семантическом и функциональном аспектах.

Формальная и семантическая компрессия, обусловливающая возможность творческих семантических приращений, превращает ФОИ в единицы, максимально зависимые от контекста. Это связано также с особенностями референции данных имен: довольно часто они лишь указывают на «размытый» класс объектов или событий, которые концептуализируются по довольно широкому признаку или действию, нередко оценочному (ср. *election*, *research*, *computer* и *upturn*, *outbreak*, *cut-off*). Кроме того, даже при наличии конкретного референта, данные лексемы, как мы покажем далее, нередко используются в переносных значениях, особенно в текстах СМИ.

Все это приводит к мысли о том, что семантика этих номинализованных лексических единиц определяется фоновыми социокультурными структурами знания и условиями текущей дискурсивной деятельности, возможно, в большей степени, чем у многих других единиц. Как известно, в дискурсе в целом происходит не просто обмен готовой информацией, но и постоянное наращивание новых смыслов. Е. С. Кубрякова отмечает, что «…по самой своей сути дискурс – явление когнитивное, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [8, с. 23]. Таким образом, дискурс представляет собой нежесткую среду, способную предоставлять необходимые возможности для реализации творческого потенциала отглагольных фразовых имен. В этом смысле благодатной почвой для изучения семантических и функциональных особенностей ФОИ является дискурс СМИ – разнообразный, подверженный постоянным изменениям, компактный и емкий, информирующий и одновременно социально-оценочный [1, с. 81].

Известно, что именно тексты СМИ в Интернете сегодня являются наиболее актуальными – они всегда динамичны и современны, а также воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий. Интерпретация таких производных единиц, как фразовые отглагольные имена в дискурсе массмедиа требует дополнительных когнитивных усилий, т. е. побуждает к творческой деятельности, помогающей нам осмыслить социальный опыт, компрессированный в тексте, в котором «никакой элемент информации не может быть дискурсивно освоен, не пройдя через рабочую память говорящего» [6, с. 82].

Материалом данного исследования послужили статьи, опубликованные на электронных страницах таких медиакорпораций и журналов, как BBC, CNN, Independent, Cosmopolitan и ряда других. В нашем исследовании демонстрируется, что интерпретация как отдельных ФОИ, так и текстов, в которых они функционируют, требует неодинаковых по уровню сложности инферентных усилий (см. работы Е. С. Кубряковой; Р. Джэкендоффа, Л. Талми и др.). Процессы инференции зависят от того, выводится ли значение ФОИ непосредственно из прямого значения фразового глагола, является ли значение ФОИ общепринятым, устоявшимся, основано ли оно на перцептивном способе освоения мира или требует дополнительных выводных усилий

на основе более абстрактных социокультурных знаний, в частности социокультурных моделей.

Так, интерпретация ФОИ *build-up* во фрагменте статьи из женского журнала Start with clean hair. «Applying product on top of product will leave you with a lot of build-up that won't give you a clean finished look,» – says Pucciarello (*www.cosmopolitan.com, 2015*) требует от читателя привлечения обыденной структуры знания МЫТЬЕ ГОЛОВЫ, опирающейся на перцептивный опыт. В то же время интерпретация фразового отглагольного имени *build-up* в политическом контексте может вовлекать более сложную социокультурную модель АГРЕССИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА, в которой компрессируются представления международного сообщества о принципах послереволюционного устройства мира на Украине: «It is thought to involve halting the military build-up near Ukraine's border…» (*www.bbc.com, March 30, 2014*). «What do we know about Russia's troop buildup on Ukraine's border?» (*www.cnn.com, April 2, 2014*). Отрицательная семантика лексемы в обоих случаях связана с тем, что ФОИ запускает более частные социокультурные модели негативного социального следствия – ГРЯЗНЫЕ ВОЛОСЫ и ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ.

Рассмотрим употребление другого отглагольного имени – *meltdown* – в текстах СМИ. Анализ статьи позволяет увидеть, что значение ФОИ *meltdown* прежде всего служит непосредственным представителем мотивирующего исходного простого глагола *to melt*, поскольку речь в данном абзаце статьи идет именно о ТАЯНИИ ледяного покрова в Гренландии:

> Greenland profile – Timeline. A chronology of key events.
>
> The meltdown of Greenland's ice sheet has accelerated since 2004, according to a US team writing in Science journal… (*http://www.bbc.com/news, October 7, 2014*).

Данная интерпретация опирается на перцептивный опыт читателя, с помощью которого довольно легко можно представить себе природные процессы таяния снега и льда. Вместе с тем необходимо отметить, что зафиксированные в словарях значения сложного существительного *meltdown*, а именно – (1) расплавление ядерных топливных элементов; (2) катастрофа – содержат указание на опасность ситуации. В нашем примере номинализация *meltdown* со значением «таяние» также содержит сему ОПАСНОСТИ исходного

субстантива и отражает серьезность проблемы. Данная негативная оценка ФОИ *meltdown* является принципиальной − ведь чрезмерное уменьшение снежного покрова и толщины ледового слоя в Гренландии наблюдается в результате глобального потепления, вызванного, как полагают многие, деятельностью человека, и причисляется к экологическим катастрофам. Таким образом имплицируется идея не просто таяния льда, а КАТАСТРОФИЧЕСКОГО таяния. Природное явление начинает имплицитно указывать на негативные социальные причины и следствие.

Негативная оценка дает возможность пересматривать первичное значение ФОИ во многих массмедийных контекстах. Например, в цитируемом далее отрывке из статьи о выборах в Великобритании речь идет об уменьшении электората одной из партий, которое, как предполагает автор, повлияет на общую ситуацию на выборах и, возможно, приведет к ПРОВАЛУ ВЫБОРОВ:

> Steve Richards, in his analysis in the paper, says the Lib Dems are facing electoral meltdown because they «abandoned their core voters» (*http://www.bbc.com/news, October 14, 2014*).

Данный пример указывает на то, что в контекстуальных значениях отглагольной номинализации *meltdown* всегда присутствует компонент уменьшения или падения, причем падения неожиданного и резкого. Вместе с тем знание социальных реалий выводит на первый план идею не просто уменьшения, а ОТРИЦАТЕЛЬНОГО влияния уменьшения: в нашем случае – на результаты голосования. Очевидно, что отрицательная социальная оценка восходит к перекатегоризации в исходном глаголе *to melt down*, который из глагола *to melt* со значением «таять, плавить(ся)» превращается в глагол со значением «таять до полного распада», что происходит в значительной степени благодаря сателлиту *down*, указывающему на окончательность и необратимость природного процесса.

Заметим, что многие лингвисты считают, что семантика постглагольной частицы, или сателлита, не менее важна, чем семантика глагола, что связывается с метафорическими значениями пространственных предлогов и наречий. С одной стороны, традиционное значение постпозитива *down* выражает траекторию движения объекта ВНИЗ, с другой – как подчеркивают Дж. Лакофф и М. Джонсон, физический пространственный опыт человека переводит его в область

других концептов и категорий. Движение *вверх – вниз* может быть применено к идее *хорошо – плохо*. Хорошо означает «вверх», а плохо – «вниз» (вспомним известную метафору Дж. Лакоффа DOWN IS BAD) [10]. Отглагольное имя *meltdown* в результате оценочно-событийной гибридизации глагола *to melt down* в его метафорическом значении (экономический кризис как движение вниз) начинает реферировать к динамичному абстрактному классу социальных событий.

Рассмотрим еще один интересный пример – статью, озаглавленную *Immeltdown* (*www.economist.com, April 17, 2008*). На первый взгляд, заголовок содержит исследуемую нами отглагольную номинализацию *meltdown*, однако на самом деле перед нами окказионализм, значение которого становится понятным уже в первом предложении: «As GE stumbles, how should Jeff Immelt respond?». Таким образом, речь идет о человеке, чья деятельность так или иначе связана с компанией GE (General Electric). При этом имя собственное *Immelt* не является общеизвестным и сначала может вызвать определенные сложности при интерпретации статьи читателем, не связанным с бизнесом. Возможно, именно поэтому уже во втором абзаце статьи «загадка» расшифровывается: *Questions are now being asked about the future of GE's boss, Jeff Immelt…*

Вместе с тем в данной статье речь идет не только о руководителе компании GE, но и о тех сложностях, которые переживает эта компания под его руководством. Многократное использование слов, связанных с падением цен, неудачами, отрицательными результатами ведения бизнеса и т. д., указывает на более широкий социальный контекст кризисной ситуации в развитии компании.

Вернемся к заголовку статьи, в котором происходит игра слов и наложение двух социокультурных моделей – ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА (Jeff Immelt) и КРИЗИС КОМПАНИИ, причем последняя структура составляет основу одного из значений ФОИ *meltdown*, а именно – «катастрофическое падение».

Приведем еще один пример. После нападения исламистов в январе 2015 г. на редакцию французского сатирического журнала Charlie Hebdo, печатавшего карикатуры на пророка Мухаммеда, по миру прошла волна митингов с требованием обеспечить защиту свободы слова. Спустя месяц во время дебатов о богохульстве и свободе самовыражения в Копенгагене в результате перестрелки погиб еще один человек, а трое получили ранения. Данные новости, как известно,

широко освещались в большинстве англоязычных средств массовой информации:

> Copenhagen shootings: Police shoot dead man they believe was responsible for two deadly attacks on a cafe and synagogue (*http://www.independent.co.uk, February 14, 2015*).
>
> Denmark attacks: Police kill gunman suspected in fatal shootings (*http://edition.cnn.com, February 14, 2015*).
>
> Copenhagen shootings: Police kill 'gunman' after two attacks (*http://www.bbc.com, February 14, 2015*).

Во всех заголовках используется слово *shooting* – «перестрелка», однако на электронной странице новостного агентства Euronews данная новость была представлена заголовком с использованием ФОИ с аналогичным значением, а именно – *shoot-out*:

> Copenhagen: Man killed in police shoot-out after two deadly attacks (*http://euronews.com, February 14, 2015*).

В данном случае единицы *shooting* и *shoot-out* семантически близки, их значения легко выводимы из значения глагола и не требуют дополнительных когнитивных усилий. Однако в цитируемом далее фрагменте, взятом из другой статьи, ФОИ *shoot-out* используется в контексте игры в футбол:

> Paying the penalty in football's longest shoot-outs (*http://thesundaytimes, December 18, 2014*).

Вполне очевидно, что речь идет о переносном значении ФОИ, которое используется при описании этапа игры, когда проводится серия пенальти для определения победителя. В спортивном контексте интерпретация номинализации *shoot-out* вовлекает социокультурную модель АГРЕССИЯ В СПОРТИВНОЙ ИГРЕ, подчеркивающую негативный аспект данного события, а именно – острый МОМЕНТ борьбы, когда победитель еще не определен.

В целом, анализ статей СМИ, опубликованных в Интернете, показал, что в условиях массмедийного дискурса, характеризуемого компрессированностью, с одной стороны, и информационной и социальной насыщенностью – с другой, ФОИ демонстрируют тесную связь с различными социокультурными структурами знаний, которые определяют особенности интерпретации данных отглагольных номинализаций в конкретных текстах. Именно в соотнесенности

семантики ФОИ с данными структурами могут получить объяснение такие особенности ФОИ, как двусмысленность, диффузность семантики и непредсказуемость семантических приращений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова О. В.* «Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в средствах массовой информации» // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко; Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань : РГУ, 2002. – 236 с.
2. *Водак Р.* Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 123–136 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/vodak-06.htm
3. *Голубкова Е Е*. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). – М. : ГЕОС, 2002. – 175 с.
4. *Ирисханова О. К.* Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. … д-ра филол. наук. – М., 2004. – 364 с.
5. *Ирисханова О. К.* Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4. – С. 5–17.
6. *Кибрик А. Е.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. – М. : Институт языкознания РАН, 2003. – 90 с. (*в виде научного доклада*).
7. *Колшанский Г. В.* Контекстная семантика. – 3-е изд. (Лингвистическое наследие XX века) – М. : ЛКИ, 2007. – 152 с.
8. *Кубрякова Е. С*. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materialy z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistow. – Katowice : Gnome, 2000. – С. 24–31.
9. *Кубрякова Е. С*. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН ИЯ. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 506 с.
10. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. – 242 p.

УДК 811.11

А. Ченки

Ph.D., профессор лингвистики английского языка Свободного университета Амстердама, Нидерланды; директор когнитивной лаборатории полимодальной коммуникации (ПолиМод) при МГЛУ; e-mail: a.cienki@vu.nl

ПОВТОРЫ В АСПЕКТЕ ВАРИАТИВНОСТИ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

В данном исследовании рассматривается понятие динамического диапазона релевантных действий (ДРД), которое позволяет принимать во внимание варьирование семиотического статуса жестов, используемых коммуникантами. На примере вербальных и/или невербальных повторов демонстрируются процессы расширения и/или сокращения ДРД говорящего. Действия, которые повторяются в ДРД и выполняют определенную функцию, должны с большей вероятностью приобретать символический (знаковый) статус. Исследование показывает, что знаки могут иметь относительно устойчивый центр и вариативные границы.

Ключевые слова: когнитивная грамматика; устная речь; жест; диапазон релевантных действий; повторы.

Cienki A.

Ph.D., Professor of Language Use and Cognition, VU University Amsterdam, Professor and Director of Multimodal Communication and Cognition Lab (PoliMod), MSLU; e-mail: a.cienki@vu.nl

REPETITIONS IN VIEW OF TALK AS VARIABLY MULTIMODAL[1]

The notion of a dynamic scope of relevant behaviors (SRB) is introduced as a way of taking into account the varying kinds of sign-status that speakers' gestures can have. This is demonstrated on the basis of a set of examples of verbal and/or gestural repetitions that illustrate processes of expansion and/or contraction of the speaker's SRB. Behaviors that repeatedly occur in the SRB paired with certain functions should be more likely to gain symbolic status. But the present study suggests that signs may have relatively stable centers and variability in their boundaries.

Key words: Cognitive Grammar; spoken language; gesture; scope of relevant behaviors; repetitions.

[1]This research has been supported by Russian Science Foundation grant #14-48-00067.

1. Background: Cognitive Grammar

The discipline of linguistics has long been biased by an implicit view of language as it is written [18]. It is an ironic situation, given De Saussure's [6] starting point of theorizing about language based on face to face talk. Witness his famous diagram of two heads facing each other and of speech as signals going from the brain through the mouth of one to the ear of the other [6, p. 11]. However, within the field of gesture studies, the many ways in which speech and gesture interrelate in the production of utterances has been the object of research for decades (at least since [11]). Nevertheless, it has only been in recent years that more linguists have begun to think seriously about the implications of this research for their theories of grammar [3; 4; 6; 10; 27].

In cognitive linguistics, the framework of Cognitive Grammar (CG) is one that potentially provides a means of moving beyond the historic limitations on what can fall under the purview of a theory of grammar. This is a consequence of the usage-based [13] nature of the theory. A fundamental tenet in CG is that lexicon and grammar form a continuum consisting in assemblies of symbolic structures [14, p. 15]. Langacker exemplifies the continuum by showing how each of the following English words and compounds can be considered a symbolic structure, with each progressive one involving more internal complexity: *sharp, sharpen, sharpener, pencil sharpener* [15, p. 16–18].Those symbolic structures are them selves constituted by linked semantic and phonological structures – the two poles linked together through conventionalized association of meaning / function and form of expression.

To be consistent with the theoretical framework, analyses in CG should work from the ground up to see what form-meaning (phonological-semantic) associations are abstracted by language users, that is: which ones become schematized and entrenched from communicative usage events. Schematization here concerns «the process of extracting the commonality inherent in multiple experiences to arrive at a conception representing a higher level of abstraction»[14, p. 17] and entrenchment has to do with establishing the fixedness of that symbolic relation through the reinforcement of commonalities, and the ignoring of fine-grained differences, across usage events [14, p. 458]. It is important to bear in mind that in the theory of CG, schematization and entrenchment are matters of degree rather than absolutes (of a unit being schematized or entrenched

versus not). The phonological pole of a linguistic sign could conceivably include signals that are not just the audible sounds of spoken language; Langacker [14, p. 457] adds that «any other signals, such as gestures and body language» could also be involved in the phonological pole to the degree that they also become schematized and entrenched in sufficiently consistent association with concepts (the semantic pole of a sign). The theory thus allows for linguistic signs to be multimodal (audio-visual in the case of speech and gesture) to varying degrees, based on the extent of schematization and entrenchment.

However, this elegant theoretical characterization, that appears to quite validly capture what language users do in practice, is a difficult one for linguists to do justice to in their analyses. In traditional studies within cognitive linguistics, language is treated as if it were a discrete category, separate from gesture, and the assumptions behind this are not problematized – this despite the fact that in CG, linguistic categories on various levels (phonemes, constructions, word meanings, etc.) are considered to involve continua and prototype categories rather than categories with strict boundaries.

2. The dynamic scope of relevant behaviors

Taking the notion of communicative usage events seriously as a way to approach the study of what linguistic signs are and how they function in actual practice, I propose we need to adjust how we theorize about the nature of the linguistic sign itself. Going back to the roots of CG theory, we find the importance that *attention* plays in accounting for the nature of grammar. Attention is what guides processes that have central explanatory value in CG, such as selection of which facets of scenes will be focused on for linguistic characterization, focal adjustments made within selection, the perspective taken, determing figure and ground relations, etc. [16, ch. 3]. If we turn to research on attention as it applies to communication, we find notions such as the following. Oakley [23] describes the Distributed Adjustable Capacity of attention that we possess, which widens or narrows like a zoom lens depending on different factors. Some are bottom-up factors, dependent on the perceptual density of the environment; e.g., denser perceptual input (such as a more complex visual image) may result in a rise in the energy level for processing visual information and a more intense focus on part of the visual field. Other factors are top-down, such as

priorities of the individual, or social and cultural demands, which may bring the perceiver to focus more or less attention on certain sensory input (see, for example, [8; 17]). Müller [22] discusses the devices that speakers have at their disposal to foreground their use of particular verbal expressions. For example, the use of metaphors can be highlighted by repeating the same imagery in other words (e.g., «I *get* what you're saying» and «I *grasp* what you mean»); by co-expressing the same metaphoric idea in words and in gesture (closing one's hand into a fist when using one of the expressions above); increasing the size or duration of a metaphorically used gesture, which increases its visibility; directing one's gaze towards one's gesture, which not only involves the speaker's heightened awareness of his / her communicative behavior, but also increases the saliency of the gesture for those paying attention to the speaker / gesturer [24, ch. 5].

The points above, combined with the view in cognitive linguistics that behaviors provide cues for constructing meaning [9; 16, p. 154–163] leads me to propose the notion of a dynamic scope of relevant behaviors (SRB) as a way to take into account the varying kinds of sign-status that gestures can have. Elsewhere [5] I consider how the SRB can also help handle the variable relation of other behaviors to talk, such as the use of non-lexical utterances (such as *uh* and *mm* in English) and the use of hummed intonation contours without speech. We see the SRB playing out in various ways in language if we take off the blinders that have been imposed upon us by traditional views of language and grammar, taking a step back to *look* at usage events of spoken language, rather than considering language as just symbols written on a page or a computer screen.

The proposal is that in a communicative context, there is a dynamic scope of relevant behaviors, the scope of which may differ for the producer of the behaviors and for anyone paying attention to him or her (the *attender*[*s*]) at any given moment. The scope has a focus and a periphery. In face-to-face communicative usage events between hearing people, *spoken language* is the default focus of the scope of relevant behaviors. A producer can flexibly make use of a smaller or larger scope of expressive behaviors, and an atttender's focus can also be narrower or broader and can change in size over the course of a conversation. The SRB is thus dynamic in terms of zooming in (taking just one behavior into account) or zooming out (including more than one behavior at a time) and in terms of its shifting focus, determing which behavior(s) is / are in focus. We

can claim that*behaviors that repeatedly occur in usage events paired with certain meanings/functions become more entrenched (linguistic) signs*.

The present study begins by considering the different degrees to which speakers' manual gestures are conventionally communicative. Kendon [12] and McNeill [19] discuss a continuum of gesture types, from more to less conventionally communicative signs. On one end are «emblem» gestures (e.g., think of a «thumbs up» gesture to show a positive evaluation of something). These are the most word-like in the stability of their sign status. However, on the other end is «spontaneous gesticulation»: the manual movements that may relate to the contents of the speech in idiosyncratic ways, such as depicting selected aspects of the forms of entities one is talking about. Such depiction can take place in more detailed or more schematic ways, and can vary greatly in form across speakers and across usage events. Is there any way in which such gestures can sensibly be accounted for in a theory such as CG?

3. Empirical demonstration

The phenomenon of self-repetition (of the verbal or gestural part of an utterance) provides a useful context for exploring how the properties of the construct proposed above operate in practice. Repetitions have been an important topic in Conversation Analysis (witness classic works on the topic such as [25]), but have been more peripheral in linguistic theorizing. A few exceptions that prove the rule come, perhaps not surprisingly, from linguistic research based on actual usage of spoken language through analysis of video data, including [10] and [1].

Self-repetitions within topic units from a set of five interviews in English from an American television talk show («The Ellen DeGeneres Show») were analyzed. Verbal repetitions were counted when they consisted of more than one word repeated, and gestural repetitions consisted of repeated use of more than two form features of the set of four that have become customary in gesture analysis since McNeill [19], namely: hand shape, palm orientation, location, and movement type. The number of times that the repetition took place was also counted (two, three, or four productions).

The analysis revealed a number of patterns according to which the SRB may be expanded and / or contracted in the process of talk on the time scale of seconds or minutes. The types were interpreted as follows:

• Repetition involving contraction of the SRB: An idea goes from being presented with multiple articulators (spoken words produced orally and gestures produced manually) and / or more elaborate use of one or more form features to being presented with one mode of expression. For example: the speaker saying «I [do] love it. I do love it», while producing a gesture with «do» the first time (both hands turning from palm-down to palm-up and then back down again). The repetition thus involves reduction of behaviors on the part of the producer.

• Expansion and then contraction of the SRB: An idea first presented verbally is reintroduced using multiple articulators (speech and gesture), with the speaker settling on one form of expression. In one example, the speaker says, «We haven't decided yet. [We…] haven't decided. We haven't decided yet», and while uttering [We…] in the second utterance makes a circular gesture in the horizontal plane with her left hand loosely open, palm down, such that the circle moves out toward the interviewer and back toward the speaker. This pattern can be interpreted as a momentary elaboration into a multimodal sign ensemble is followed by stabilization on the use of a monomodal sign.

• Maintenance of an expanded SRB: An ideafirst expressed with multiple articulators is repeatedand part of it is symbolized in gesture for a small stretch of discourse. An example occurs when one speaker tells a rathere laborate story about something that happened when he was being introduced to present an award at a nationally televised awards show. He says, «Ifyou do–funny enough, I don't know if you [still have that whole clip of you–of] you two introducing me, but, [... uh, if you'll notice, there was] someone, running, behind you». The interviewer says, «No,» and the speaker continues, «[An' an'--] Well, obviously, you didn't see it, wh-heh, ... uhm [.., but-- but uh, one of the stage hands] comes running up and says, < they want me to switch the batteries in you rmicrophone!>» During each of the utterances in square brackets above he makes a two-handed gesture, hands abouts houlder-width, palms facing a way from his body, witht humband index finger extended at 90 degreesto make two Ls facing each other forward and backwards, like this: |_ _|. The form of the gesturecanbeinterpreted as partialrepresentation of what he says the first time, referringto the «the clip»from the TV show: the hands iconically outline the bottom corners of a object that appears to be rectangular – the prototypicals hape of a small segment of film, particularlyold-fashioned movie film consisting of a row of square frames. But the word

«clip» is notrepeated, although the gesture is produced three more times (indicatedby the square brackets around the accompanying speech), reintroducing the image of «clip» with accompanying speech aboutwhat was shown in the clip. It is anexample of what McNeill [19] calls a gestural *catchment*: «A catchment is recognized from recurrences of gesture form features over a stretch of discourse. Catchments are recognized from two or more gestures (not necessarily consecutive) with partially or fully recurring features of shape, movement, space, orientation, dynamics, etc.» [20, p. 11]. Information that was originally temporally integrated in what Enfield [7] calls a «composite utterance» becomes decompressed, as itwere, as relevant behaviors (speech and gesture) continue to serve some what different expressive functions over perhaps a few minutes of talk.

4. Discussion and conclusions

The SRB that we make use of varies, and this variation occurs not only in different ways but also along different time scales. Consequently, symbolization processes can also play out along different time scales, e. g., within topic units of less than a minute (microsymbolization via gestural catchments), across topics within a usage event (in the use of ad hoc words or gestures spontaneously ascribed a symbolic function within a conversation) and across genre events (in the gradual codification of functions / meanings with certain lexico-grammatical and / or gestural forms within communities of practice). The phenomena discussed here are in line with the research in cognitive linguistics on how linguistics categories of various types function with a center-periphery structure, as prototypes [26] whereby any category has a center that has a kind of solidity in its consistency across instantiations but a flexible boundary. As Bybee [2, p. 2] notes, «All types of units proposedbylinguists show gradience, in the sense that there is a lot of variation within the domain of the unit (different types of words, morphemes, syllables) and difficulty in setting the boundaries of the unit.» As suggested in [3], on a broaderscale, language and gesture are them selves prototype categories, and they overlap tovarying degrees and in dynamic ways in communicative usage events. Future research will consider connections to dynamic(al) systems theory and theory about complex adaptive systems, in that spoken language and gesture may them selves been seen as variably overlapping complex adaptive systems (compare [28] on the proposed relation of sign languages to gesture).

In conclusion, this research helps us reflect theoretically about how linguistic signs function in practice. Behaviors that repeatedly occur in the SRB paired with certain functions should be more likely to become more entrenched as symbolic structures or signs. But the present study suggests that signs need not be considered static entities with rigid boundaries, but rather may have relatively stable centers and variability in their boundaries. This also allows us to explain the overlap between the semiotic systems of spoken language and gesture (and other concurrent behaviors) as communicative signs in face-to-face interaction – an overlap which varies in degree over the time course of any usage event of talk.

Acknowledgements

Thanks to Suwei Wu for collection and transcription of the video data.

REFERENCES

1. *Bressem J.* Repetitions in gesture // Body–Language–Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction, Vol. 2 / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill & J. Bressem (eds.). – Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. – P. 1641–1649.
2. *Bybee J. L.* Language, Usage and Cognition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 262 p.
3. *Cienki A.* Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization // Body–Language–Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction // C. Müller, A. Cienki, S. H. Ladewig, D. McNeill & S. Teßendorf (eds.). – Vol. 1. – Berlin : De Gruyter Mouton. 2013a. – P. 182–201.
4. *Cienki A.* Gesture, space, grammar, and cognition // Space in Language and Linguistics: Geographical, Interactional, and Cognitive Perspectives / P. Auer, M. Hilpert, A. Stukenbrock& B. Szmrecsanyi (eds.). – Berlin : Walter de Gruyter, 2013b. – P. 667–686.
5. *Cienki A.* Usage events of spoken language and the symbolic units we (may) abstract from them // Cognitive Processes in Language / J. Badio, K. Kosecki (eds.) – Bern : Peter Lang, 2012. – P. 149–158.
6. *de Saussure F.* Course in General Linguistics. – N. Y.: Duckworth, 2013 [1916]. – 236 p.
7. *Enfield N. J.* The Anatomy of Meaning: Speech, Gesture, and Composite Utterances. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 264 p.
8. *Eriksen C. W., James J. D.* St. Visual attention within and around the field of focal attention // Perception and Psychophysics. – 40. – 1986. – P. 225–240.

9. *Fillmore Ch. J.* Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. – 6(2). – 1985. – P. 222–254.
10. *Fricke E.* Grammatik multimodal: Wie Wörter und Gesten zusammenwirken. – Berlin : Walter de Gruyter, 2012. – 296 p.
11. *Kendon A.* Gesticulation and speech: Two aspects of the process of utterance // The Relation between Verbal and Nonverbal Communication / M. R. Key (ed.). – The Hague : Mouton, 1980. – P. 207–227.
12. *Kendon A.* How gestures can become like words // Cross-cultural Perspectives in Nonverbal Communication / F. Poyatos (ed.). – Lewiston–N Y : C. J. Hogrefe, 1988. – P. 131–141.
13. *Langacker R. W.* A usage-based model // Topics in Cognitive Linguistics / B. Rudzka-Ostyn (ed.). – Amsterdam : John Benjamins, 1988. – P. 127–161.
14. *Langacker R. W.* Cognitive Grammar: A Basic Introduction. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 580 p.
15. *Langacker R. W.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1994. – 408 p.
16. *Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar, Volume I: Theoretical Prerequisites. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 539 p.
17. *Lavie N., Hirst A., Fockert J., Vidin E.* Load theory of selective attention and cognitive control // Journal of Experimental Psychology. – 133(3). – 2004. – P. 339–354.
18. *Linell P.* The Written Language Bias in Linguistics: Its Nature, Origins, and Transformations. – L. : Routledge, 2005. – 256 p.
19. *McNeill D.* Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought. – Chicago : University of Chicago Press, 1992. – 423 p.
20. *McNeill D., Quek F., McCullough K.-E., Duncan S., Furuyama N., Bryll R., Ma X.-F., Ansari R.* Catchments, prosody and discourse // Gesture. – 1(1). – 2001. – P. 9–33.
21. *Müller C.* Gestures as a medium of expression: The linguistic potential of gestures // Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill & S. Tessendorf (Eds.). – Vol. 1. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2013. – P. 202–217.
22. *Müller C.* What gestures reveal about the nature of metaphor // Metaphor and Gesture / A. Cienki & C. Müller (eds). – Amsterdam : John Benjamins, 2008. – P. 219–245.
23. *Oakley T.* From Attention to Meaning. – Bern : Peter Lang., 2009. – 268 p.
24. *Streeck J.* Gesturecraft: The Manu-facture of Meaning. – Amsterdam : John Benjamins, 2009. – 235 p.
25. *Tannen D.* Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – 240 p.

26. *Taylor J.R.* Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistics Theory. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – 331 p.
27. Turner M., Steen F. Multimodal Construction Grammar. Social Science Research Network, 2012. – URL: http://ssrn.com/abstract=2168035).
28. Wilcox S., André Nogueira X. A framework for unifying spoken language, signed language, and gesture // Todas as Letras-Revista de Língua e Literatura, 15 (1), 2013. – P. 88–110.

УДК 81’25:378.147

М. Б. Чиков

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода, Нижегородский гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова; e-mail: maxim.chikov@gmail.com

ОБ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ ВОСПРИЯТИЮ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

В подготовке переводчиков, особенно в сфере устного перевода, одно из первых мест занимает тренировка умения понимать суть текста, которое служит снятию стресса и в значительной мере обеспечивает успех выполнения задачи. Короткие тексты, соответствующие этому формату работы, характеризуются достаточно сходной структурой, которая всегда подчиняется закономерностям бинарного мышления. Активизация предметных и особенно языковых знаний – основная цель предлагаемого вида работы.

Ключевые слова: текст; дискурс; устный последовательный перевод; перевод с листа; избыточность текста; тема; рема; бинарные оппозиции; внеязыковая и языковая действительность.

Chikov M. B.

Ph.D., Associate Professor of the Department of German and Translation Studies, Dobrolyubov State Linguistic University of Nizhny Novgorod; e-mail: maxim.chikov@gmail.com

ON TRAINING TRANSLATORS AND INTERPRETERS IN TEXT AND DISCOURSE COMPREHENSION

In translators and especially interpreters training, the ability to grasp the message of the text is of great importance, helping to manage stress and contributing to success of the whole mission considerably. Short texts fitting this work format usually have a similar structure, complying with binary way of thinking. Activation of subject and language knowledge is the main objective of the training method described.

Key words: text; discourse; consecutive interpreting; sight interpreting; text redundancy; theme; rheme; binary oppositions; extra-linguistic and linguistic reality.

Как известно, неотъемлемой частью обучения переводчиков является формирование умения воспринимать текст в целом. Здесь хотелось бы осветить некоторые соответствующие методы работы, применяемые, в частности, на переводческом факультете Нижегородского лингвистического университета. Предлагаемый вид работы может предварять другие многочисленные виды, направленные

на формирование прочих необходимых умений: детального понимания текста, опирающегося на работу с коннекторами и лексическим материалом и предполагающего адекватное восприятие отдельных малопонятных мест на основании общего видения контекста; грамотного формулирования на родном и иностранном языке, не в последнюю очередь связанного с преодолением интерференции и правильно ориентированной работой с лексическим материалом, включая фразеологический; хорошей внешней подачи материала, зависящей от умения снимать стресс, от владения фонетическим материалом, манерами поведения и голосом (для устного перевода), инструментальными средствами оформления (для письменного перевода) и т. п.

Сразу оговоримся, что требование к умению воспринимать текст в целом в равной мере относится к будущим специалистам, выполняющим как письменный, так и устный перевод. Разница заключается лишь в том, что время, выделяемое на письменный перевод, в любом случае позволит ознакомиться с текстом в достаточной степени. Кроме того, предварительное ознакомление не всегда настолько существенно для многих жанров и видов текстов, переводимых письменно, – трудно представить себе, что профессионал, получивший заказ на перевод специального (например, технического) текста большого объема, будет сначала пытаться понять, о чем говорится в этом тексте в каждом из многочисленных разделов; ему достаточно уяснить тематику и функциональную направленность текста, что занимает совсем немного времени, после этого начинается основная работа по анализу параллельных текстов, аутентичных материалов, справочной литературы, непременно сопровождающих собственно процесс письменного перевода. Поэтому здесь мы остановимся на особенностях названного вида работы для целей устного перевода.

Итак, при устном переводе речь идет о переводе всего текста с возможностью быстрого предварительного ознакомления, таком как перевод с листа и собственно последовательный перевод на слух – задача понять – *о чем текст в целом* – приобретает критическое значение. Взглянув на текст, напечатанный на бумаге, или прослушав сообщение оратора и уяснив, *о чем оно*, переводчик получает возможность справиться со всеми трудностями, какие бы он ни испытывал при своей деятельности, – он сможет пересказать текст, даже не сумев по разным причинам уловить все детали.

Надо сказать, что понимание текста в целом является первым условием для преодоления многих препятствующих факторов – стресса, трудностей формулирования и т. п.

В чем же заключается учебное задание и непосредственные действия для достижения указанной цели? Для определения основного посыла текста недостаточно понять его общую тематику или даже функциональную направленность, хотя это, бесспорно, относится к первым необходимым компонентам. Но будущий переводчик должен осознать, *что* текст сообщает *конкретно*, а для этого необходимо найти именно то место – предложение и даже слово, в котором это сообщается. Небольшой объем текстов, соответствующий формату учебных занятий, промежуточных и итоговых испытаний, как, впрочем, и реальной ситуации устного перевода, резко снижает избыточность текста и увеличивает удельный вес одного слова (хотя, с другой стороны, конечно, и облегчает требования к объему словарного запаса, который за годы обучения по программе специалитета или, тем более, бакалавриата не может столь значительно выходить за рамки изучаемой тематики).

Возьмем текст, примененный нами в учебной работе и представляющий собой короткое выступление либо письменное сообщение представителя Швейцарии, недавно присоединившейся к соответствующей процедуре, на международном форуме по проблемам мобильности, в частности визового режима. Коммуникативную ситуацию можно разыграть по-разному: текст может предъявляться на слух – тогда он должен содержать элементы устного выступления, или с листа, как только что поступивший документ; это в любом случае не меняет его содержательной стороны. Заметим, что не все применяемые в работе тексты изначально представляют собой речевые произведения, предъявляемые в реальности именно для перевода на слух или с листа. Проблема отбора учебных материалов достойна отдельного научно-методического исследования; важно лишь помнить, что предъявляемый текст должен соответствовать задуманной коммуникативной ситуации, в которую переводчики должны быть предварительно посвящены. В нашей практике речь идет об устном последовательном переводе этого текста на слух, что позволяет обратить внимание на некоторые существенные особенности восприятия (курсив в оригинале наш. – *М. Ч.*):

Ab dem 28. April 2014 sind Inhaber eines moldavischen Passes bei der Einreise in den Schengen-Raum von der Visumpflicht befreit. Der Bundesrat hat am Mittwoch die nötige Änderung der Verordnung über die Einreise und die Visumerteilung verabschiedet. Er übernimmt damit einen Beschluss des Europäischen Parlaments und des Rats der Europäischen Union vom 3. April 2014.

Staatsangehörige der Republik Moldova, die im Besitz eines biometrischen Reisepasses sind, werden damit für einen Aufenthalt von höchstens 90 Tagen ohne *Erwerbstätigkeit* im Schengen-Raum von der Visumpflicht befreit. Die Aufnahme einer *Erwerbstätigkeit* für Inhaber eines moldavischen Passes ist demgegenüber weiterhin nur sehr beschränkt möglich. Sie wird moldavischen Staatsangehörigen erst unter der Voraussetzung gewährt, dass sie gut qualifiziert sind und auf dem inländischen Arbeitsmarkt sowie auf den Arbeitsmärkten der EU / EFTA-Länder keine anderen, entsprechend ausgebildeten Personen zur Verfügung stehen. Im Weiteren müssen die im Ausländerrecht vorgesehenen Lohn- und Arbeitsbedingungen eingehalten werden (*http://soaktuell.ch/index.php?page=/news/visumbefreiung-fuer-inhaber-eines-moldavischen-passes_19419*).

Обучаемые, как указано выше, имеют представление о коммуникантах и, кроме того, они должны знать, что Швейцария является участником Шенгенского соглашения (последняя информация, как правило, представляет практический интерес и, соответственно, является известной). Основной конкретной информацией этого текста является положение о том, что с указанным изменением визового режима граждане Молдовы получают право находиться на территории стран Шенгенского соглашения, в том числе и Швейцарии, без визы в течение 90 дней. Эта информация воспринимается легко. Но дальше следует информация № 2 – в примере выделено курсивом. Несмотря на то, что многие студенты, как правило, ездили в страны Шенгенской зоны и внимательно изучали свою визу, на которой было указано *Erwerbstätigkeit nicht gestattet*, в более редких случаях – обратное, именно этот компонент сообщения многие не слышат. Или, вернее, не слышит его именно тот переводчик, который непосредственно выполняет задание – стоит перед публикой, проходит заключительное испытание в форме зачета или экзамена и т. п., т. е. находится в состоянии стресса. Если не вешать над обучаемым этот «дамоклов меч», восприятие пройдет гораздо легче. Это показывают результаты

работы студентов, которые не поставлены в стрессовые ситууации, т. е. они являются пассивными слушателями.

Мы не останавливаемся здесь на психологических моментах стрессоподавления – аутотренинг, разрядка психологической обстановки и т. д., хотя они, разумеется, должны включаться в практическую подготовку переводчиков. Это отдельная тема. Подчеркнем, что знание законов текста и понимание его конкретного посыла также является одним из факторов снятия стресса.

Короткие тексты типа приведенного часто обладают именно такой структурой – они содержат посыл № 1 и посыл № 2. Есть вероятность, что посыл № 2 обычно является определенным отрицанием посыла № 1 (как это имеет место здесь) – ведь любой текст строится в первую очередь по принципу утверждения / отрицания, а это – один из ключей к пониманию текста вообще. Итак, подготовка обучаемых к восприятию хотя бы двух компонентов текста – не только его «темы» (т. е. общей темы текста) и «ремы» (т. е. конкретного выражения его тематики, заключенного в одном предложении и даже слове), но и следующей «ремы», вытекающей из первой тематизированной ремы, – одна из важнейших целей на раннем этапе обучения переводу. Онтологическим основанием для этого представляется свойственное нам бинарное мышление, которое, бесспорно, проявляется и в языке, – наши язык и речь строятся на постоянном сочетании таких элементов, как корень и аффикс, субъект и предикат, тема и рема, утверждение и отрицание и многих других. Бинарной является также общая основа понимания текста и дискурса: они понимаются из жизни и из языка. Д. Селескович и М. Ледерер называли это «connaître la langue»и «connaître le sujet» [3, с. 19] (к этой оппозиции мы вернемся позже). В. Вильс и В. Н. Комиссаров говорили об эпистемической и эвристической основах понимания – т. е., с одной стороны, о знаниях, уже заложенных в наш запас, с другой – о способности получать знания ad hoc из материала в непосредственной работе[1]. Приведем в качестве примера текст другого характера:

Vorteile für Selbstständige
Vielfältige attraktive Lösungen

Als Selbstständiger können Sie attraktive Angebote und Leistungen der Mercedes-Benz FlottenSterne1+ nutzen: Nehmen Sie die persönliche

[1] Цит. по: [1, с. 39–40; 2, с. 175].

FlottenSterne Beratung in Anspruch, bleiben Sie mit unseren vielfältigen Fahrzeug-Services jederzeit mobil – und erfahren Sie die Vorteile unserer individuellen Services. Verlassen Sie sich darauf: Mit Ihrem Mercedes-Benz FlottenSterne Fahrzeug sind Sie besonders sicher, komfortabel und wirtschaftlich unterwegs – geschäftlich wie privat. Für Gewerbekunden gilt dies bereits ab dem 1. Fahrzeug.

FlottenSterne 1 + Vorteile im Überblick.
Beratung und Betreuung:

- Vielfältige Service-Leistungen
- Beratung und Betreuung durch spezialisierte Verkäufer und Dienstwagenbetreuer
- Integration von attraktiven Leasing- und Finanzierungskonditionen

Finanzielle Mobilität, z.B. mit Business-Leasingplus:

- Laufzeit (max. 48 Monate), Laufleistung und Höhe der Leasing-Sonderzahlung sind individuell wählbar
- Die monatliche Gesamtrate enthält bereits einen starken Haftpflicht- und Vollkaskoschutz
- Die Versicherungsprämie bleibt über die gesamte Laufzeit konstant – sogar im Schadenfall
- Die Leasingausgaben sind sofort als Betriebsausgaben steuerlich absetzbar (*http://www.mercedes-benz.de/content/germany/mpc/mpc_germany_website/de/home_mpc/passengercars/home/fleet/_home/advantages/gewerbliche_einzelkunden/advantages.html*).

То, что текст является рекламным, определяется студентами безошибочно. Кроме того, они достаточно быстро разбираются в его реме: это предложение выгодных условий обслуживания и страхования. Но тема-рематическая структура этого текста основана не на отрицании одного другим, а на следовании нескольких (трех) рем из одной темы. Почему студенты быстро осознают, что речь идет об обслуживании и о страховке? Потому что они неоднократно сталкивались в жизни с подобными предложениями, сопутствующими продажам любой другой техники; потому что существительное *Service* говорит само за себя, а существительное *Versicherung* изучается на достаточно раннем этапе и также имеет вполне прозрачную форму (в крайнем случае, подсказкой послужит слово *Kasko*, которое также прочно вошло в нашу жизнь). А вот с *лизингом* они, возможно, не

встречались, да и форма слова едва ли позволяет сразу сделать заключение о его содержании. При иной структуре этого текста он, тем не менее, не лишен бинарности: явления, знакомые из повседневной жизни, противопоставляются не столь распространенному явлению; английское слово, давно вошедшее в немецкий язык, и исконно немецкое слово (*Service*, *Versicherung*) предшествуют другому английскому заимствованию, не являющемуся настолько употребительным. Что может сделать начинающий переводчик, которому в последнем случае не помогает ни знание жизни, ни знание языка? Движением вперед будет хотя бы фиксация внимания на незнакомом – своего рода «отрицании» предыдущего восприятия. Для общего понимания текста, которого мы требуем на первом этапе, достаточно будет отметить, что в предлагаемом тексте говорится о выгодных услугах: обслуживании, страховке и *некоем лизинге*. В реальной же ситуации, где должен состояться именно перевод, пусть только самых существенных элементов (что, действительно, может иметь место по различным объективным причинам – нехватка времени, требование заказчика остановиться на самом главном и т. п.), развитие может происходить по-разному в зависимости от самой ситуации: при общении в узком кругу переводчик может уточнить у коммуникантов, существует ли такое понятие и что оно выражает (т. е. обогатить свое знание жизни), а в более сложном случае – при синхронном переводе или при переводе в обстановке, не допускающей переспросов (переводчик находится в большом удалении от коммуникантов, работает перед большой аудиторией и т. д.) – может в зависимости от ситуации прибегнуть к спасительному решению типа опущения (если это действительно нефатально), генерализации («и некоторые другие услуги») или… предположить, что английское слово из области экономики и бизнеса, возможно, будет понятным на всех европейских языках (т. е. применить знание достаточно универсального, часто работающего, языкового правила). Конечно, в случае незнания предмета переводчику с основным немецким языком неплохо было бы на оперделенном уровне знать английский, – ведь глагол *to lease* относится не к самой нераспространенной лексике. В этом случае даже вариант *аренда* не был бы столь ошибочным. Следует отметить, что и проблемная единица предыдущего примера – *Erwerbstätigkeit* – не должна отдаваться на откуп студенческой академической мобильности и интереса в изучении паспортно-визового режима.

Это слово должно изучаться в рамках соответствующей тематики, социально-экономической политики, и, главное, в этимологически-словообразовательно-семантическом гнезде *werben*, *sich bewerben*, *erwerben*, *вербовать* (очень хорошая подсказка для запоминания управления глагола *für etw. werben*!); *erwerbsfähig*, *erwerbstätig* и т. д. Обучаемые должны четко осознавать семантическую связь между всеми словами – это поможет твердо усвоить их для будущей рецептивной, равно как и продуктивной, деятельности.

Возвращаясь, таким образом, к необходимости знания как языка, так и предмета, о котором говорят Д. Селескович и М. Ледерер, отметим, что переводчик высокого уровня, каких готовит ESIT, конечно, обязан хорошо разбираться в той области профессионального общения, в которой он выполняет свою работу. Но наша задача на первом этапе обучения устному переводу состоит не в выработке умения изучать предметную область, а в задействовании всех существующих связей и механизмов – эпистемических и эвристических – для общего понимания текста и дискурса ровно на той стадии профессионального развития, на которой находятся наши студенты, например, четвертого года обучения. Вслед за Н. К. Рябцевой скажем, что речь идет о полном использовании сильных связей и об активизации слабых [1, с. 46–47]. И поскольку наши студенты являются, в первую очередь, лингвистами, то и опираться они должны прежде всего на язык, точнее, *языки* – изучать их, постоянно ища объяснение тому, почему этот предмет называется именно этим словом, не оставляя для себя лингвистических «белых пятен», семантически немотивированных единиц языка, т. е. по возможности, сразу превращая слабые связи в сильные.

Понятно, что описываемый вид работы должен ясно показать студентам и необходимость дальнейшего повышения своей эрудиции, знания жизни, в том числе создание сильных связей и активизации слабых. Позитивная установка на постоянное включение любого текста в дискурс должна возыметь свое действие. Многим знакома ситуация, когда на определенном этапе художественное или любое другое речевое произведение (простой бытовой монолог собеседника) воспринимается в полном отрыве от реальности, в силу чего его суть и не понимается; с приобретением опыта тексты все в большей мере включаются в дискурс, и их реальный посыл воспринимается адекватно, к сожалению, нередко с растущим осознанием трудностей бытия, но – *c'est la vie* – и такова профессия переводчика!

А формирование профессионализма, изначальное создание связей, соответствующих естественным законам, будь то в языке или в жизни, возможность изучения нескольких языков благодаря таким связям, прочное, обоснованное овладение предметными областями и особенно языками, в силу чего никакие знания и средства не покидают нас в стрессовой ситуации – разве не в этом заключается смысл нашей работы и жизни? Вспомним ту радость, которую дает нам озарение, внезапное осознание связи между теми или иными предметами или словами!

И над этим нас заставляет задуматься, в том числе, такое простое упражнение, как понимание того, о чем идет речь в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рябцева Н. К.* Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект. – М : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 224 с.
2. *Сдобников В. В., Петрова О. В.* Теория перевода. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2006. – 448 с.
3. *Seleskovitch D., Lederer M.* Interpréter pour traduire. – P. : Didiererudition, 1984. – 311 p.

УДК 81’22

И. А. Чудова

студент факультета второго высшего профессионального образования ГПН МГЛУ; e-mail: mynewpost2013@gmail.com

ИММИГРАНТСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Э. АЖАРА «ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ АРАБИЗМОВ

Статья посвящена анализу иммигрантского дискурса в романе французского писателя Э. Ажара. В статье подтверждается выдвинутая автором гипотеза о лингвокультурном значении и полифункциональности арабизмов в изображении иммигрантского дискурса в романе. Рассматриваются арабские антропонимы, фоновая и безэквивалентная лексика в художественном дискурсе.

Ключевые слова: арабский антропоним; идентификация; самоидентификация; безэквивалентная лексика; этноним.

Chudova I. A.

Student of Faculty of Second Education, Faculty of Humanitarian and Applied Sciences, MSLU; e-mail: mynewpost2013@gmail.com

IMMIGRANT DISCOURSE IN «THE LIFE BEFORE US» BY E. AJAR: THE LINGUOCULTURAL MEANING AND FUNCTIONS OF ARABIC WORDS

The article is devoted to the analysis of the immigrant discourse in «The Life before Us» by E. Ajar. The author tests the hypothesis of linguocultural meaning and different functions of the arabisms that reflect immigrant discourse in the novel. Arabic antroponyms, background and non-equivalent vocabulary in literary discourse are analysed.

Key words: Arabic anthroponym; identification; self-identification; non-equivalent vocabulary; ethnonym.

Французскому писателю Эмилю Ажару (1914–1980), известному также под псевдонимом Ромен Гари, в 1975 г. была присуждена Гонкуровская премия за роман «Жизнь впереди» («La vie devant soi»). У некоторых читателей книги возникло подозрение, что Э. Ажар не кто иной, как ближневосточный террорист. В самом названии романа заключена идея дороги к инициации. Пройти ее приходится арабскому подростку Мухаммеду из иммигрантских низов Парижа, лишенному родителей, представления о месте и дате рождения, вообще

о какой-либо нише во французском социуме – всего, кроме силы речевого самовыражения. Социальный масштаб происходящих в романе событий передан через личное и субъективное. Приобщая читателя к жизни стигматизируемых слоев французского общества, писатель опирается исключительно на правду пережитого опыта героя: в нем заключен «предельный ужас социального и национального отчуждения», по выражению отечественного критика [1, с. 6]. Иммигрантский дискурс репрезентирован в романе в этноконфессиональном, социокультурном и лингвокультурном аспектах.

За исходную мы принимаем дефиницию Е. С. Кубряковой: «За термином “дискурс” сегодня стоит такая разветвленная структура знания, непременными компонентами которой уже являются знания о речи и речевой деятельности, о том, что ее источником могут являться и одно лицо, и два, и еще гораздо большее количество участников, что она может и должна рассматриваться во всех социо-, культурно- и личностно-обусловленных прагматических аспектах ее порождения, по ходу ее протекания, проявляя зависимость от указанных факторов, а также, что по мере осуществления речи строится за счет определенным образом выбираемых языковых средств новая данность, выражающая интенции ее отправителя и оказывающая воздействие на других участников коммуникативного акта, а также отражающая и порождающая особый мир (ментальное образование), который может быть репрезентирован в виде текста» [4, с. 124–125].

Под иммигрантским дискурсом мы понимаем определенный тип социального дискурса с соответствующими социо-, культурно- и личностно обусловленными характеристиками. Во Франции иммигрантом считают человека, рожденного за границей от родителей-иммигрантов. Если он и получает французское гражданство, этот статус не меняется [7, с. 171]. Поскольку феномен иммиграции во Франции последней трети XX в. связан со странами Магриба, в его дискурсивную систему входит арабофонная коммуникация. В романе Э. Ажара арабизмы представляют собой важный дискурсивный фактор, обогащающий семантический, этический и эстетический потенциал произведения.

Значимым компонентом авторской стратегии раскрытия художественных образов произведения становятся арабские антропонимы. Их функционирование можно рассматривать как оригинальный способ конструирования аксиологического фона в тексте. Кораническое происхождение имен героев романа указывает на именной прототип

с его традицией национально-религиозного и культурного содержания. На парадоксе несоответствия ассоциаций условного, знакового характера имени и характеризации персонажного имени формируется трагикомический эффект в «Жизни впереди». Так, в зависимости от коммуникативной ситуации автор наделяет протагониста романа различными именами: *Mohammed*, *Le petit Mohammed*, *Momo* и *Victor*. Каждое из этих имен – константа для речевого репертуара определенного персонажа. Вместе с тем для каждого из имен главного героя релевантным является характер коммуникации на разных уровнях текста произведения. Решающее значение имеет тот факт, что все они служат идентификации и самоидентификации протагониста − национальной, религиозной и личностной, а также маркируют его транзитивный статус.

Mohammed (*араб*. восхваленный) − агионим и одновременно прецедентное имя. Оно является самым распространенным в мире [6, с. 94]. По данным Института статистических и экономических исследований Франции (INSEE), на 1970-е гг. приходится первый пик популярности этого имени в стране (по числу присвоенных имен), второй пик приходится на наши дни. Важно отметить, что Э. Ажар актуализирует и соотносит с жизнью протагониста эпизод из коранической биографии Пророка, связанный с его ранним сиротством. Одиннадцать лет, проведенные мальчиком в нелегальном приюте в парижских неблагополучных кварталах у старой еврейки *Madame Rosa*, жизнь которой отмечена Освенцимом и первой древнейшей профессией, сформировали у него особый взгляд на мир, устойчивое чувство страха перед жизнью и столь же непреодолимую потребность в любви.

В условиях французского столичного мегаполиса имя *Mohammed* кодирует не только социальную и религиозную принадлежность и этническое происхождение, но и статус «чужого среди своих»: «Мухаммед – во Франции все равно, что «арабский ублюдок», а когда такое говорят, то зло берет. Мне нестыдно быть арабом, наоборот, но Мухаммед во Франции – значит, дворник или чернорабочий. Это даже не то же самое, что алжирец. И потом, Мухаммед – это просто смешно. Это все равно как прозываться Иисусом Христом: все так и покатятся со смеху» [1, с. 156].

Как оксюморон (при соотнесенности его с агионимом) и как охранное имя выступает в художественном пространстве произведения антропоним *Le petit Mohammed*. В сфере говорящего *Monsieur*

Hamil – мусульманского учителя рассказчика – он отражает характерную для восточного менталитета межпоколенную дистанцию (однако для арабофонов диминутив этого имени – *hamodi*). В диалоге героев автору удается достичь трагикомического эффекта благодаря «гибриду» противоположных конститутивных признаков понятия «возраст» в оценке объекта и субъекта. С одной стороны, в модели антропонима препозитивное прилагательное выражает стабильное качество с точки зрения говорящего. С другой – эксплицируется фатальная неопределенность в этом вопросе в рецепции самого субъекта: «Мадам Роза говорит, что у меня никогда не будет настоящего возраста, потому что я особенный и всегда буду особенным» [1, с. 111].

Требование принципиально нового к себе отношения – как к взрослому – протагонист предъявляет *Docteur Katz*, также именовавшему его *Le petit Mohammed*: «Я не ваше дитя и вообще не дитя вовсе. Я сын шлюхи, и мой отец ухлопал мою мать, а когда знаешь такое, можно сказать, знаешь все и уж никакое ты не дитя» [1, с. 164]. Отказ от данного антропонима и соотнесенного с ним апеллятива символизирует смену маски героя.

Функционирование антропонима *Momo* в тексте романа несет двойную смысловую нагрузку и связано с социокультурной и личностной самоидентификацией рассказчика. Употребление имени в качестве гипокористического указывает на интимизацию общения адресанта и адресата. Исследователь французского ономастикона П. Лебель отмечает, что в современном французском языке удвоение характерно именно для ласкательных обращений к детям [12]. С прагматической точки зрения экспрессивные формы личных имен всесторонне проанализировала А. Вежбицкая [3]. Она ввела принцип толкования форм имен в дискурсе с использованием формулы «я хочу говорить с тобой так, как говорят с …» и в качестве основной характеристики выделила интенцию говорящего. В этом смысле речь *Madame Rosa*, обращенную к *Momo*, можно охарактеризовать как взволнованное, эмоционально окрашенное напутствие юному существу, вступающему во взрослую жизнь безо всяких иллюзий, с тяжелым грузом прошлого.

Данный арабский антропоним указывает также на ассимиляцию в ономастической системе языка-реципиента – французского языка, где три имени представляют усеченные формы собственно французских антропонимов, заканчивающихся на «о»: Paco, Théo, Léo. Имя

Moto корреспондирует с образцами французской антропонимической модели, и это обстоятельство обыгрывается Э. Ажаром. Исключительно это имя арабский подросток желает предъявлять при знакомстве с представителями титульной нации во Франции и в противном случае рефлексирует по поводу традиционного арабского варианта.

Знаменательно, что через соотнесенность арабского антропонима *Mohammed* с французским антропонимом *Victor* автор романа предпринимает попытку перевести культурный код арабского иммигрантского сообщества в культурный код традиции французской метрополии, обозначив тем самым *лиминальный* характер положения главного героя. В отношении имени *Victor* можно говорить, на наш взгляд, о функциях псевдонимии, перспективации и интертекстуальности. Арабский изгой, бастард не раз высказывает дерзкую мечту: «И когда я напишу своих отверженных, я выскажу все, что захочу, никого не убивая, потому что слово может всё» [1, с. 164].

В контексте национально-конфессионального фона трансформация арабских антропонимов, номинирующих второстепенных персонажей, служит цели репрезентировать сложные процессы взаимопроникновения этнокультурных и социолингвистических компонентов в оппозиции *иммигрантский дискурс* / *социальный дискурс метрополии*. По нашему мнению, автор в образе *Monsieur Hamil* отражает эволюцию стереотипного представления о восточном старце: он в меру философичен и в меру хитер. Его имя в переводе с арабского означает «красивый», «прекрасный», а в соединении с французской этикетной моделью «monsieur», с одной стороны, устанавливает mise à distance между ним и его учеником, а с другой – создает яркую окраску необычности, ауру экзотичности.

Дискурсивную обусловленность мы наблюдаем в динамике коннотативной семантики имени отца главного героя *Kadir Yoûssef*. Коранической первооснова этих арабских имен – «могучий», «всемогущий» и «великодушный», «милосердный» контрастирует с полной моральной несостоятельностью персонажа. Причем второе имя в арабской антропонимической модели обозначает имя отца носителя имени. По арабофонному канону персонаж пытается именовать своего сына: «Был Мухаммед Кадир, а не Мойше Кадир». Вместе с тем в условиях франкофонной лингвокультурной ситуации более точной будет модель *vice versa – Monsieur Yoûssef Kadir.* На этой очевидной детали строится каламбур Э. Ажара в микрожанре «газетной» биографии

данного персонажа: его имя «хорошо известно», а не «плохо известно» полиции.

Особую смысловую нагрузку в тексте романа несет женский арабский антропоним – имя матери Mohammed − *Aïsha*. Коранический именной прототип связан с легендой: когда Айшу обвинили в нарушении супружеской верности, ее муж Мохаммед получил богооткровение, опровергающее эти обвинения. Э. Ажар травестирует коранический сюжет, перенося его в современный Париж проституток и сутенеров.

Иммигрантское сообщество в романе, отражающее феномен *геттоизации*, – ключевой дискурсивный конструкт межкультурной коммуникации в социуме Франции 70-х гг. прошлого века. Важным дискурсивным маркером иммигрантской субкультуры в этом произведении становится этносоциальный жаргон. Он выполняет функцию агрессивного интрадискурса [5, с. 64−65] в рамках оппозиции «свой» /«чужой». Ситуация этноотторжения воспроизводится писателем посредством различных нарративных стратегий. Среди них особое место занимает стратегия включения арабских лингвокультурных образов и собственно арабизмов. Как проявление инокультурного скрипта (в рамках высококонтекстной культуры Востока) можно рассматривать использование в романе эвфемизмов. Так, рассказывая об учителе-единоверце, протагонист поясняет: «Он учил меня писать “на языке моих предков” − он всегда говорил “предки”, потому что родителей моих и поминать не хотел» [1, с. 136].

Употребление инвективных этнонимов позволяет автору развернуть постоянно действующий фон расовой дискриминации и социальной дисгармонии в текстовом пространстве произведения. Уже в экспозиции романа вводится дисфемизм «cul d’Arabe»: «Мать не пришла, а мадам Роза обозвала меня арабским ублюдком – в первый раз, ведь она не француженка» [1, с. 19].

Изучая явления лексической ксеномотивации, Е. Л. Березович отмечает, что представления о чужих народах на языковом уровне наиболее информативно отражаются в семантических дериватах на базе имен собственных, прежде всего этнонимов [2, с. 207, 209]. Крайняя степень ксенономинации в лингвокультурном пространстве романа выявляется при репрезентации этнонима как такового в качестве инвективы: «Долгое время я не знал, что я араб, потому что никто меня не обзывал» [1, с. 18].

Как признак устойчивой ксеномотивации в межкультурной коммуникации арабы / евреи / французы выделяется итеративное употребление лексической пары *Arabes* / *syphilitiques*: «Мадам Роза хотела, чтобы у меня взяли кровь и проверили, не сифилитик ли я, как всякий араб»[1, с. 29].

Пейоративную окраску получают дескриптивные элементы клишированных словосочетаний мультимедиа, закрепившиеся в массовом сознании в связи с этнонимом «Arabe»: *faire le terroriste, détournement d'avions, prise d'otages, formation professionnelle, bande organisée*.

Деонимизация, т. е. переход онима в апеллятив, в терминологии Н. В. Подольской, позволяет автору возвести конкретный случай из жизни обитателя подпольного приюта бывшей проститутки в ранг «типичного»: «У мадам Розы Мухаммедов перебывало, должно быть, видимо-невидимо – уж чего-чего, а этого добра в Бельвиле хватает» [1, с. 130].

Как дискурсивное событие представлено в романе речевое взаимодействие *Madame Rosa* и *Mohammed*. В тексте неоднократно воспроизводятся во франкоязычном написании отрывки мусульманских молитв на арабском языке и иудейских молитв на иврите. Герои произносят их в бытовых ситуациях, повторяя молитвы друг друга в аутентичном виде.

Функционирование в тексте романа арабской безэквивалентной лексики также подчинено цели репрезентации иммигрантского дискурса в столичном мегаполисе Франции на определенном этапе миграционного процесса.

Религиозный дискурс арабо-мусульманского мира представлен в романе как фрагмент иммигрантского дискурса. Он моделируется на бытовом уровне как референт маргинальной среды. По этой причине арабизмы соответствующего семантического поля в зависимости от контекста получают амбивалентную интерпретацию. Таковы лексемы *Allah, Koran, Mecque, musulman, ramadan*. Они составляют последовательную оппозицию *сакральное слово* / *профанное слово*. Так, мифоним «Аллах», с одной стороны, включен в отрывки молитв главного героя (звуковая оболочка арабской классической речи ассимилирована к артикуляции французского языка, выделяется автором курсивом в тексте, а само слово пишется со строчной буквы, так как в арабском нет прописных букв). С другой стороны, это слово профанируется в комментариях рассказчика к житейским ситуациям:

«И сами вы уже такой старый, что пора уже Аллаху думать о вас, а не вам об Аллахе» [1, с. 100].

Гетеротопия в тексте романа относится к периферии иммигрантского дискурса и обозначает места исхода иммигрантов с помощью арабских топонимов: Алжир, Касба, Марокко, Сенегал, Дакар и т. д.

Представление о бытовых реалиях жизни магрибинцев на территории Франции как о стереотипных атрибутах иммигрантского дискурса читатель получает благодаря изображению экзотических деталей в туалете и трапезе персонажей. Их номинируют такие арабские лексемы, как *djellaba, galmona, burnous, couscous*.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно утверждать, что в романе Э. Ажара «Жизнь впереди» иммигрантский дискурс репрезентируется в оригинальном ракурсе франкофонного художественного воплощения благодаря экспериментированию автора с феноменом инолингвокультурной коммуникации – арабской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ажар Эмиль*. Жизнь впереди. Роман / пер. с фр. В. Орлова; предисл. Вик. Ерофеева. − М. : Известия, 1988. − 190 с.
2. *Березович Е. Л.* Явление лексической ксеномотивации // Семантика имени (Имя−2). – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 206−253.
3. *Вежбицкая А.* Личные имена и экспрессивное словообразование // Язык. Культура. Познание / пер. с англ. – М. : Русские словари, 1996. – С. 89−200.
4. *Кубрякова Е. С*. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Ин-т Языкознания РАН. – М. : Знак, 2012. – 208 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
5. *Радченко О. А*. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестн. Моск. город. пед. ун-та. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. − 2009. − № 1. – С. 60−66.
6. *Суперанская А. В.* Имена: история и современность / Ин-т языкознания РАН. – М. : Таус, 2007. – 272 с.
7. *Филон А*. Межпоколенная передача арабского и берберского языков во Франции // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / отв. ред. и пер. с фр. Е. Филиппова. – М. : Росинформагротех, 2013. – С. 171−184.
8. *Чудова И.А.* Арабский антропоним как ключевая лингвокультурема во франкоязычном художественном тексте // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения: Одиннадцатый межвуз. семинар по лингвострановедению, Москва, 10−11 июня 2013 г.: сб. ст.: в 2 ч. – Ч. 1. Языки

в аспекте лингвострановедения / МГИМО (У) МИД России / отв. ред. Л. Г. Веденина. – М. : МГИМО (У), 2014. – С. 103−112.
9. *Ajar E.* La vie devant soi. – P. : Mercure de France, 1975. – 270 p.
10. *Boudon R*. Dictionnaire de Sociologie. – P. : Larousse, 2003. – 280 p.
11. *Lebel P.* Les noms de personnes en France. – P. : Presse Universitaire de France, 1981. – 128 p.
12. The Oxford Dictionary of Islam. – Oxford : Oxford University Press, Inc., 2003. − 359 p.

УДК: 801:314.3:629.73

Н. С. Шарафутдинова

кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков, Ульяновский гос. тех. ун-т; e-mail: nassima@mail.ru

ЯВЛЕНИЕ АНТОНИМИИ В АВИАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена исследованию терминологической антонимии в авиационном дискурсе русского, немецкого и английского языков. Изучается функционирование терминов-антонимов, выявляются наиболее продуктивные способы их образования в авиационной терминологии исследуемых языков. Рассматривается вопрос о классификации терминологических антонимов, определяется уровень продуктивности каждого из четырех представленных типов антонимов в авиационном дискурсе.

Ключевые слова: антонимия; термины-антонимы; авиационная терминология; авиационный дискурс.

Sharafutdinova N. S.

Ph.D., Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk; e-mail: nassima@mail.ru

ANTONYMY IN THE AVIATION DISCOURSE

The article deals with the analysis of the terminological antonymy in Russian, German and English aviation discourse. The functioning of the antonymic terms, and the most productive ways of their formation in the aviation terminology of the three languages are considered. The question of the classification of the terms-antonyms is studied, and the level of productivity of each of the four types of the antonyms is revealed.

Key words: antonymy; terms-antonyms; aviation terminology; aviation discourse.

Антонимы возникают и основываются на противопоставлении двух предметов, явлений, качеств, состояний и характеристик, соотносясь друг с другом по противоположному семантическому признаку. Лексико-семантический процесс антонимии характерен и для специальной лексики всех отраслей науки и техники. Наука оперирует противоположными понятиями, поэтому существование между терминами антонимических отношений неизбежно [4, с. 79]. «Человеческое мышление – а научное, предельно абстрактное, в особенности – дихотомично, т. е. “понятия рождаются”, а существенные свойства явления, предмета скрывают диалектические противоположности, которые и обнаруживаются наукой» [5, с. 41]. Распространенность

антонимических отношений в терминосистемах и в то же время недостаточную изученность антонимии терминов отмечали В. М. Лейчик, В. Ф. Новодранова, В. А. Татаринов, и другие терминологи [6, с. 109; 11, с. 50–51; 13, с. 16].

Цель нашего исследования – изучить возможности образования и функционирования терминов-антонимов в авиационном дискурсе, определить типы антонимов.

Материалом для исследования послужили современные русскоязычные, немецкоязычные и англоязычные тексты различных письменных жанров авиационной тематики, где термины представлены в сфере функционирования, а также отраслевые словари, справочники авиационных терминов, в которых термины находятся в сфере фиксации. Выбор письменных жанров объясняется тем, что «письменный дискурс создает основу, образцы построения научной речи» [3, с. 26]. Авиационный дискурс является уникальным объектом исследования, так как характеризуется большим разнообразием сфер применения. Он относится к институциональному типу в его деловой разновидности, т. е. к научному, учебно-академическому и научно-популярному дискурсу (о институциональном дискурсе см. [2, с. 58]).

Актуальность предлагаемого исследования определяется недостаточной разработанностью вопроса о терминологических антонимах, в частности отсутствием специальных исследований, посвященных терминологической антонимии в авиационном дискурсе русского, немецкого и английского языков.

Развитие антонимических отношений в терминосистеме отражает наше восприятие действительности и результатов научно-технического прогресса в противоречивой сложности и взаимообусловленности. Антонимы-термины, как и обозначаемые ими специальные понятия, не только противопоставлены друг другу, но и тесно связаны между собой. Термин левое крыло, например, вызывает в нашем сознании термин правое крыло. Логическую основу антонимии образуют противоположные видовые понятия, представляющие собой проявления качества (свойства), определяемого родовым понятием и т. д.

Терминами-антонимами являются противопоставляемые по определенному признаку специальные понятия, обозначающие «крайние точки проявления, изменения описываемого ими семантического пространства или же точки, равноудаленные от некоторого центра этого пространства» [12, с. 55]. Специфическим признаком терминов-

антонимов признается бинарность и закрытость антонимического ряда. В. М. Лейчик и Е. А. Никулина, рассматривая вопрос об антонимии терминологизмов, подчеркивают, что антонимы «базируются на едином основании, и денотатом антонимов всегда является или единый, общий объект, или единый, общий для них признак» [7, с. 34].

В отличие от синонимов термины-антонимы не отражаются в лексикографических изданиях в виде отдельных пометок. Это вызывает определенные трудности у лингвистов при выявлении антонимических пар и изучении процесса антонимии в отраслевых терминосистемах. К. Н. Бухарбаева для выявления антонимических пар предлагает проанализировать словарные дефиниции терминов, сопоставив компоненты значений для установления различий между ними. Термины-антонимы имеют общую сему и семы противопоставления [1, с. 218–226]. К критериям, по которым можно определить слова с противоположными значениями, следует отнести следующие признаки терминов-антонимов: противоположность значений, принадлежность к одной части речи, соотносительность обозначаемых понятий, тождество лексической сочетаемости и принадлежность к одному стилю.

В антонимические отношения вступают только те термины, которые соотносятся по качественному, количественному, временно́му или пространственному признаку, и принадлежат к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия. Большинство авиационных терминов-антонимов соотносятся друг с другом по пространственному и качественному признакам. Это объясняется тем, что в авиационной терминосистеме функционируют особые термины для точного описания расположения частей летательного аппарата (самолета, вертолета) в пространстве и по отношению друг к другу в летательном аппарате. Например:

рус. – <u>вертикальное</u> оперение – <u>горизонтальное</u> оперение,
нем. – <u>Seiten</u>leitwerk – <u>Höhen</u>leitwerk,
англ. – *vertical* tail – <u>horizontal</u> tail;

рус. – <u>внутренний</u> закрылок Фаулера – <u>внешний</u> закрылок Фаулера,
нем. – <u>innere</u> Fowlerklappe – <u>äußere</u> Fowlerklappe;

рус. – <u>передняя</u> кромка крыла – <u>задняя</u> кромка крыла,
нем. – <u>Vorder</u>kante – <u>Hinter</u>kannte,
англ. – <u>front</u> edge – <u>trailing</u> edge.

В авиационном дискурсе часто употребляются термины-антонимы, соотносящиеся друг с другом по качественному признаку:

рус. – мягкое (гибкое) крыло – жесткое крыло,
нем. – flexibler Flügel – starrer (feststehender) Flügel,
англ. – flexible wing – fixed wing;

рус. – ближнемагистральный самолет – дальнемагистральный самолет,
нем. – Kurzstreckenflugzeug – Langstreckenlinienflugzeug,
англ. – short-range aeroplane – long-range aeroplane;

рус. – легкий самолет – тяжелый самолет,
нем. – leichtes Flugzeug – Großflugzeug,
англ. – light plane – heavy aeroplane.

Антонимические отношения по временно́му признаку иллюстрируют следующие пары терминов:

рус. – дневное небо – ночное небо,
нем. – Tageshimmel – Nachthimmel,
англ. – day sky – night sky;

рус. – переключатель ночного освещения – переключатель дневного освещения,
нем. – Nachtlichtschalter – Tageslichtschalter,
англ. – *night* light switch – day light switch.

Возможности образования терминов-антонимов, соотносящихся по временно́му признаку, ограничены.

В авиационных текстах употребляются также антонимы, выражающие противопоставление по количественному признаку. Например:

рус. – однолыжное шасси – двухлыжное шасси,
нем. – Einkufenfahrgestell – Zwillingskufenfahrgestell,
англ. – mono-ski gear – two-ski landing gear;

рус. – одноколесное шасси – многоколесное шасси,
нем. – Einradfahrgestell – Mehrradfahrwerk, Vielradfahrwerk,
англ. – mono-wheel landing gear – multiple-wheel undercarriage;

рус. – однофюзеляжный самолет – двухфюзеляжный самолет,
нем. – Einrumpfflugzeug – Doppelrumpfflugzeug,
англ. – single-fuselage aeroplane – twin-fuselage aeroplane.

Редко встречаются антонимы, характеризующие действия:

рус. – взлет – посадка,
нем. – Start, Abheben – Landung,
англ. – take-off, start – landing;

рус. – взлетать с аэродрома – взлетать с воды,
нем. – vom Flugplatz abfliegen – vom Wasser abheben,
англ. – to take-off from the airfield – to lift (take) off from water.

Отношения противоположности в авиационной терминосистеме выражаются обычными языковыми средствами: лексическими и словообразовательными. Лексическими средствами создаются разнокоренные антонимы:

рус. – тонкий фюзеляж – широкий фюзеляж,
нем. – schlanker Rumpf – Großraumrumpf,
англ. – thin body (fuselage) – large[-volume] fuselage, wide body.

Словообразовательными средствами образуются однокоренные антонимы. У однокоренных терминов-антонимов значение противоположности возникает вследствие присоединения антонимичных приставок и суффиксов, принятых в том или ином языке, или как следствие употребления отрицательной частицы (*не-*, *nicht-*, *non-*), придающей термину противоположный смысл. Например:

рус. – летная погода – нелетная погода,
нем. – flying weather – non-flying weather,
англ. – Flugwetter – Nichtflugwetter (kein Flugwetter, Unwetter).

Следующие примеры являются наименованиями нестандартных летательных аппаратов и указывают на отсутствие некоторого составного элемента летательного аппарата: пилота, хвостовой части, фюзеляжа, крыла. Как правило, стандартные летательные аппараты пилотируются, имеют и фюзеляж, и крыло, и хвостовую часть. Ср.:

рус. – беспилотный летательный аппарат,
нем. – unbemanntes Luftfahrzeug,
англ. – pilotless (unmanned) aircraft;

рус. – бесхвостый летательный аппарат,
нем. – schwanzloses Luftfahrzeug,
англ. – tailless vehicle (aircraft);

рус. – безфюзеляжный ЛА,
нем. – rumpfloses Luftfahrzeug,
англ. – body-free aircraft (англ.);

рус. – бескрылый ЛА,
нем. – flügelloses Luftfahrzeug,
англ. – wingless aircraft.

Термины-антонимы часто противопоставляются с помощью парных формантов:

рус. – (одно-, двух-) одномерный поток – двухмерный поток,
англ. – one-dimension flow – two-dimension flow;

рус. – однофюзеляжный самолет – двухфюзеляжный самолет,
нем. – Einrumpfflugzeug – Doppelrumpfflugzeug,
англ. – single-fuselage aeroplane – twin-fuselage aeroplane.

В терминоведении, как и в общелитературном языке, нет единой общепринятой классификации антонимов в плане семантики. Хотя лексико-семантический процесс антонимии в специальной лексике развит шире, чем в общеупотребительном языке, в ней не актуальны окказиональные, индивидуальные и контекстуальные антонимы, характерные для современной речевой деятельности [14, с. 68].

При изучении явления антонимии в общеупотребительном языке широко используется классификация антонимов, предложенная Л. А. Новиковым, в основе которой лежит различение контраста в антонимических парах. Согласно Л. А. Новикову, в семантическом плане антонимы подразделяются на три основных класса (контрарные, комплементарные и векторные противоположности) и шесть типов антонимических отношений, т. е. модификаций названных классов [8, с. 82–90; 9, с. 243–247; 10, с. 35–36].

При исследовании терминов-антонимов в авиационном дискурсе мы опираемся на классификацию, представленную В. А. Татариновым в энциклопедическом словаре «Общее терминоведение» [13, с. 16–18)]. В. А. Татаринов рассматривает контрадикторные, контрарные, комплементарные и конверсивные термины-антонимы.

Контрадикторные термины-антонимы представляют собой противопоставление по линии наличия / отрицания свойства или признака. Это пара однокоренных терминов, где один из терминов заключает в себе отрицательный словообразовательный аффикс, имеющий значение отсутствия какого-либо признака. Например:

рус. – герметическая кабина – негерметическая кабина,
нем. – Druckkabine – nicht druckfeste Kabine,
англ. – pressurized cabin – unpressurized cabin.

Контрарные термины-антонимы имеют отношение противоположности, а не строгой аппозиции. Контрарный тип антонимии

предполагает однородные (видовые), но несовместимые аппозитивные понятия [13, с. 17]. При контрарной антонимии употребляются лексические средства для выражения противоположности, т. е. разнокоренные антонимы. Характерной особенностью контрарных терминов-антонимов является возможность расширить антонимическую пару терминами, где элементы различаются по степени проявления признака, т. е. между этими терминами-антонимами существуют терминологические лакуны, которые могут быть заполнены новыми промежуточными терминами. Например:

рус. – одноколесное шасси – двухколесное шасси – многоколесное шасси,
нем. – Einradfahrgestell – Zweiradfahrwerk – Mehrradfahrwerk,
англ. – mono-wheel landing gear – two-wheel landing gear – multiple-wheel undercarriage;

рус. – одноместная кабина – двухместная кабина экипажа – многоместная кабина экипажа,
нем. – Einmannkabine – Zweimann-Cockpit – mehrsitziges Cockpit,
англ. – single-seat cabin – two-man cockpit – multi-seat crew cabin.

Комплементарные термины-антонимы не несут в себе отрицательных признаков, а лишь соотносятся на основе контраста выражаемых признаков. Комплементарная терминологическая пара строится на отношениях рода и вида и не может быть расширена за счет нейтрального члена, т. е. промежуточного компонента. В комплементарных терминах одно понятие как бы влечет другое понятие, но не отрицает его существования. «Обязательным атрибутом комплементарной антонимии является облигаторность второго члена оппозиции» [13, с. 17]. В авиационном дискурсе комплементарные (взаимодополняющие) антонимические отношения используются очень часто. Например:

рус. – вертикальное оперение – горизонтальное оперение,
нем. – Seitenleitwerk – Höhenleitwerk,
англ. – vertical tail – horizontal tail;

рус. – левое крыло – правое крыло,
нем. – linker Flügel – rechter Flügel,
англ. – left wing – right wing.

Конверсивные термины-антонимы выражают противоположную направленность действий, признаков и явлений. Например:

рус. – разрешение на взлет – разрешение на посадку,
нем. – Abfluggenehmigung – Landegenehmigung,
англ. – take-off clearance – landing clearance;

рус. – выпуск шасси – уборка шасси,
нем. – Fahrwerksausfahren – Fahrwerkeinfahren,
англ. – landing-gear extension – landing-gear retraction.

В авиационном дискурсе русского, немецкого и английского языков нами изучены по 1000 эквивалентных терминов-антонимов на предмет принадлежности к одному из четырех типов данной классификации. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что значительное количество антонимических единиц представляет собой комплементарное противопоставление (50%), далее следуют контрарные антонимы (30%). Контрадикторные и конверсивные антонимы составляют примерно одинаковое количество терминов (10%) из числа выявленных терминов-антонимов [15, с. 83]. В современном авиационном дискурсе активно функционируют как лексические, так и словообразовательные термины-антонимы, хотя лексические считаются более действенными. В авиационной терминологии русского, английского и немецкого языков нами не было обнаружено антонимов-эвфемизмов, выражающих значение противоположности в более мягкой форме.

Итак, в немецкоязычном, англоязычном и русскоязычном авиационном дискурсе антонимия терминов является довольно распространенным явлением. Термины-антонимы служат для выражения реально существующих отношений противоположности между научно-техническими понятиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бухарбаева К.Н.* Эквиполентные семантические оппозиции в компьютерной терминологии русского языка // Функциональная лингвистика: состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. 21–23 октября 2003 г. – Алматы : Сага, 2003 – С. 218–226.
2. *Ирисханова О.К.* Построение специальных (терминологических) значений в институциональном дискурсе // Дискурс как социальная деятельность: проблемы институциональной коммуникации: Коллективная монография. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 45–92. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 18 (597). Сер. Языкознание).

3. *Исакова Л. Д.* Характерные свойства лингвистического дискурса. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – 96 с.
4. *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
5. *Куликова И. С., Салмина Д. В.* Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). – СПб. : САГА, 2002. – 352 с.
6. *Лейчик В. М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. – 4-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.
7. *Лейчик В. М., Никулина Е. А.* Исследование терминологизмов в парадигматике: явление антонимии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 30–43.
8. *Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 290 с.
9. *Новиков Л. А*. Семантика русского языка: учебное пособие. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.
10. *Новиков Л. А*. Антонимия. Антонимы // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 35–36.
11. *Новодранова В. Ф.* Роль антонимии в организации терминосистемы // Терминоведение. – 1996. – № 1–3. – С. 50–51.
12. *Станиславова Л. Л.* Лингвистическое описание терминосистемы информатики в семантическом и номинативном аспектах: дис. … канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1989. – 200 с.
13. *Татаринов В. А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество РоссТерм. – М. : Московский Лицей, 2006. – С. 16–18.
14. *Шапошников В. Н.* Антонимические отношения в русском языке 1990-х годов // Русский язык в школе. – 1999. – № 6. – С. 66–68.
15. *Шарафутдинова Н. С.* Термины-антонимы в авиационном дискурсе // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы Второй междунар. науч. конф., Москва, 16–17 октября 2014 г. – Ч. II. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 82–83.

УДК: 811.134.3

О. А. Шершукова

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой романских языков, Дипломатическая академия МИД России; e-mail: okshera@yandex.ru

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ: КОММУНИКАТИВНЫЙ VS. ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Португальская система личных местоимений включает в себя подсистему местоимений-обращений (Pronomes de tratamento), на выбор которых в речи важную роль оказывают как социокультурный, так и коммуникативно-прагматический факторы. В статье рассматриваются местоименные формы обращения, специфика которых заключается в несоответствии их референциального и грамматического аспектов в континентальном и бразильском вариантах португальского языка. Данное языковое явление рассматривается на материале текстов для детей, в которых задаются стандарты правильного речевого поведения (в семье, школе, обществе).

Ключевые слова: детская литература; местоимения-обращения; участники коммуникации; ситуации общения; коммуникативный; грамматический.

Shershukova O. A.

Ph.D., Head of the Department of Romance Languages, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry; e-mail: okshera@yandex.ru

WAYS TO ADDRESS IN LUSOPHONE LITERATURE FOR CHILDREN: COMMUNICATIVE VS. GRAMMATICAL ASPECTS

The Portuguese system of personal pronouns includes subsystem of addressing people pronouns (Pronomes tratamento de), the choice of which is considerably determined by both sociocultural and communicative-pragmatic factors. The article analyses pronominal forms of address, the specificity of which is the incompatibility of their referential and grammatical status in continental and Brazilian Portuguese variants of the language. The author investigates this linguistic phenomenon using texts for children that set the standards of the right speech behavior (in the family, school, society).

Key words: literature for children; address pronouns; participants in communication; communication situation; communicative; grammatical.

«Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними», – говорили древние. Социальные законы и грамматические правила, будучи ограниченными во времени и в пространстве, «меняются от одной эпохи к другой и от одного общества – к другому», – утверждал Анри Фрей [9, с. 21]. Грамматический строй языка является наиболее стабильным

в плане изменений, при этом наибольшей консервативностью характеризуется местоименная система, которая, по мнению Н. Ю. Шведовой, отличается от других классов слов именно «своей закрытостью, т. е. весьма осторожным отношением к новациям»: стабильность и самодостаточность системы местоимений обусловлены самой ее предназначенностью, но, тем не менее, «такие новации все же» могут возникать [10, с. 10–11; с. 46]. В связи с тем, что в значение местоимений «входит либо отсылка к данному речевому акту», либо указание «на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью» [6, с. 294], можно предположить, что изменения в местоименной системе, в частности системе личных местоимений, в значительной степени обусловлены социальными изменениями. В первую очередь это касается местоимений 2-го лица, которые, обозначая «непосредственных участников общения», в своем значении содержат «информацию о социальном статусе референтов» [1, с. 327]. Для обозначения адресата, помимо личных местоимений, используются «слова-обращения, с помощью которых можно привлечь чье-то внимание, определить социальный статус участников беседы, выразить эмоциональное отношение, порой даже манипулировать собеседником» [5, с. 221]. Все эти средства формируют речевой этикет, т. е. систему «устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [6, с. 413]. Со сменой социальных условий происходят изменения речевого этикета, хотя его изменения, по мнению М. А. Кронгауза, «относятся к самым неосознаваемым в языке», при этом сам «речевой этикет, в отличие от слов, практически нигде не фиксируется» [5, с. 231]. На наш взгляд, правила речевого этикета в той или иной степени отражаются в детской литературе, поскольку книги для ребенка являются не только источником знаний об окружающем мире, людях и об отношениях между ними, в них опосредованно представлена стратегия вербального поведения, которая помогает в становлении языковой личности ребенка, поэтому, проводя сравнительный анализ текстов для детей в исторической перспективе, можно проследить изменения речевого этикета. Португальские местоимения-обращения (*Pronomes de tratamento*) *você* (*Vossa Mercê* – «Ваша милость»), *o senhor, a senhora* – «господин, госпожа»

в португальском языке восходят к существительным, в значении которых содержится указание на социальный статус, не только «полностью конвенциализируются», превратившись «в “вежливые формы” местоимения 2-го лица» [1, с. 328], но и способствуют перестройке всей системы личных местоимений португальского языка. Поскольку данный процесс еще находится в процессе завершения, мы решили проанализировать динамику изменений в системе португальских личных местоимений на материале текстов для детей, написанных современными писателями Португалии. Речевой этикет Бразилии более демократичен с позиций социального дейксиса: для него характерно повсеместное употребление местоимения *você*, которое подразумевает обращение на *ты*, вместо уважительной формы *o Senhor, a Senhora* (*a quase generalização do uso de você em vez de o Senhor, a Senhora*) [14, p. 94], тогда как для речевого этикета Португалии «характерны сложные и жестко регламентированные правила использования названий должностей, званий, имен собственных (имени, фамилии) при обозначении участников коммуникации» [4, с. 85–86]. Изменения форм обращения, которые «в Португалии выражаются особым образом» (*em Portugal se manifestam de uma forma particular*), обусловлены «социальными изменениями в общемировом масштабе» (*mudança social de nível mundial, ou global*), в том числе и в силу «проводимой политики глобализации» (*das políticas de globalização*) [14, p. 92]. В книгах для детей описываются различные ситуации общения и задаются стандартные модели ролевого поведения участников коммуникации. Язык детской литературы отличает нормативный, кодифицированный характер, исключающий всякие «аграмматизмы» и лексические новации, иными словами, это своеобразная «неграмматическая грамматика», представленная текстами различных литературных жанров и форм.

Изменения в системе личных местоимений португальского языка связаны с изменениями в обозначении адресата, поэтому неслучайно в особую группу выделяются не только местоимения, но и собственные имена, а «также титулы, наименование профессии, звания, которые употребляются в сочетании с фамилией (или без нее)» [7, с. 65], которые реализуют эту функцию. С помощью местоимений-обращений выражается категория вежливости, являющаяся «одной из самых распространенных категорий» в системе личных местоимений, при этом «в большинстве языков мира различаются, по крайней мере,

две степени вежливости: *неформальность*, т. е. социальное равенство говорящего и адресата, vs. *вежливость*, т. е. адресат иерархически выше говорящего или его положение неизвестно» [8, с. 317]. Так, в континентальном, или европейском, варианте португальского языка *неформальность* выражается с помощью местоимения *tu*, которое употребляется «по отношению к членам семьи, детям, близким друзьям» [3, с. 475], а в бразильском варианте данную функцию выполняет местоимение *você*, которое «употребляется очень широко при отсутствии явных возрастных и социальных различий между собеседниками, а также служит обращением при общении между родственниками, в том числе родителями и детьми, друзьями и т. п.» [2, с. 206]. По мнению В. А. Плунгяна, «число градаций» для выражения вежливости «может быть больше», в частности «может противопоставляться значительная и незначительная социальная дистанция между говорящим и адресатом, или специально маркироваться случаи, когда говорящий выше адресата и т. п.» [8, с. 317]. В частности, в Португалии также употребляется местоимение *você*, которое может быть обозначено как фамильярное, или неформальное, *вы*, поскольку занимает промежуточное положение между фамильярным *tu* и формальным *вы*, выражаемым посредством вежливых форм обращения *o senhor, a senhora*, при обращении как к лицам, которые занимают более высокое социальное положение, так и незнакомым лицам в обоих вариантах португальского языка. Различия в употреблении местоимений *tu* и *você* базируются «на контрасте неформального и формального» (*o contraste entre informal e formal*), «близкого и удаленного» (*entre próximo e distante*), при этом данные различия «не ощущаются большинством бразильцев» (*incompreensível para a maior parte dos brasileiros*) [14, p. 94]. В плане грамматического выражения форма *tu* соответствует 2-му лицу, а формы *você*, *o senhor, a senhora* – 3-му лицу. Однако «основное обращение в Португалии – по имени с согласованием по 3-му лицу: *A Maria vai conosco?* – «Вы пойдете (*букв*. 'Мария пойдет' с нами?» [3, с. 475]. В Португалии в качестве обозначения адресата, помимо имен собственных, активно используются различные имена лиц, например кондуктор в трамвае обращается к девочке: – *Para onde vai a menina?* – «Куда ты едешь (*букв*. 'куда едет девочка?')». Интересно, что такой тип прономинализации имен, «когда говорящий говорит об адресате в 3-м лице», принятый в португальской разговорной речи, в других языках встречается

при общении взрослых с маленькими детьми, что «бывает связано с необходимостью избавиться от дейктических элементов, чтобы свести к минимуму возможность непонимания» [1, с. 329; 332]. При переводе на русский язык обычно выбирается местоимение, которое, как правило, больше соответствует русскому в аналогичной ситуации общения. Например, обращение по термину родства, характерное для семейного круга, предполагает равноправные отношения и, соответственно, употребление местоимения 2-го лица единственного числа *ты*, тогда как 3-е лицо в португальском языковом сознании прочно ассоциируется с вежливой и почтительной формой обращения на *Вы*, например:

> Quando tratamos alguém cerimoniosamente, ou com respeito, empregamos a terceira pessoa do singular [13, p. 147]. E se não deixarem a mãe fala para lá a convencê-los [16, p. 14]. – Если они не разрешат, то ты / вы поговоришь(ите) (*букв*. 'мама поговорит'), чтобы их убедить.

> Deixe lá, avó! Não pense mais nisto agora! [15, p. 26]. – Бабуля, забудь(те)! Не думай(те) больше об этом!

Как правило, диалог начинается с обращения по термину родства (мама, папа, бабушка, дедушка), который обычно в ходе диалога опускается, и употребляются только глаголы в 3-м лице, при этом родители и бабушки с дедушками к детям обращаются на *ты*:

> A mãe afagou-lhe a cabeça. – É verdade, tens ali uma coisa para ti [17, p. 8]. Мама погладила его по голове: – Для тебя есть что-то важное.

Обращение на *вы* к родителям, а также бабушкам и дедушкам не может считаться каким-то исключительным случаем, поскольку так обращались к родителям в русскоязычной среде в дореволюционный период, а также долгое время оно сохранялось у сельских жителей, до настоящего времени присутствует в разговорной речи украинцев. К другим близким родственникам (тетям и дядям) дети обращаются на *вы* как к старшим по возрасту. В Бразилии между родителями и детьми общение идет на *você*, т. е. на *ты*. М. А. Кронгауз отмечает, что «в русском разговорном этикете (восходящем еще к старой деревенской культуре) допускается обращение к незнакомому человеку с помощью термина родства, например: мать, отец, сынок, дочка, дедушка, бабушка, внучок, внучка, дядя, тетя, братец или браток и некоторые другие. Такое обращение вполне традиционно и совмещает в себе фамильярность вместе с особой теплотой. Говорящий метафорически распространяет модель семьи на весь мир» [5, с. 226].

Обращение к незнакомому человеку в русском разговорном этикете по термину родства не исключает, тем не менее, выбор соответстующего местоимения для поддержания контакта (это может быть как *ты*, так и *вы*), тогда как в португальском языке допустима только форма 3-го лица.

Личное местоимение 2-го лица множественного числа *vós – вы*, которое в парадигме противостоит *tu*, употребляется в Португалии в очень ограниченном количестве дискурсов (деловом, ораторском, религиозном), а в бразильском варианте считается полностью вышедшим из употребления [4, с. 475]. Общеупотребительным обращением к группе лиц как в Португалии, так и в Бразилии является местоимение *vocês*, при этом в Португалии данная форма представляет множенное число как от местоимения *tu*, так и от местоимения *você*. По мнению Г. К. Неустроевой, «*vocês* вытеснило *vós*», что свидетельствует о состоявшейся «подвижке» в системе личных местоимений, т. е. 2-е лицо представлено единственным числом *tu / você* и множественным *vocês*, а «окончательной замене *tu* на *você* мешает “социальный статус” последнего» [7, с. 65]. При вежливом обращении к группе лиц используются формы *os Senhores, as Senhoras*, которые также соответствуют 3-му грамматическому лицу единственного и множественного числа. Таким образом, можно говорить о несоответствии референциальной и грамматической соотнесенности португальских местоимений-обращений.

Несмотря на различия в употреблении местоименных форм обращения в национальных вариантах португальского языка, в текстах для детей отмечается ряд закономерностей, связанных с подачей текстового материала: детский писатель должен учитывать особенности психоэмоционального развития ребенка в различные возрастные периоды и, соответственно, специфику восприятия ребенком самого текста. В сознании ребенка происходит становление и взаимодействие мира языка с миром людей и миром вещей. Общение взрослого с ребенком диалогично: взрослый, читая книгу ребенку, учит его бытовому общению, соотнося реальные ситуации с теми, что представлены в тексте. Для текстов, предназначенных для детей раннего возраста (2–4 года), характерно, как правило, отсутствие формул обращения, в которых выражаются социальные различия, поскольку основное общение ребенка реализуется в семье, поэтому основная форма обращения к ребенку младшего возраста в детских текстах на ты – *tu* (для Португалии и португалоговорящих стран Африки) и *você*

(для Бразилии). В связи с тем, что для речевого этикета Португалии характерна довольно сложная система иерархических отношений как в социальном, так и возрастном плане, то обращение на ты в текстах для детей создает у ребенка ощущение домашней атмосферы и доброжелательности окружающего мира. В детских книгах очень часто действуют персонифицированные «неодушевленные партиципанты» [1, с. 325], т. е. животные, ирреальные существа, предметы, и общение между ними проходит по моделям, принятым в соответствующем социуме с использованием соответствующих местоимений-обращений:

> Mas ouve o conselho desta amiga, pequena formiga: "Sobe à montanha, verás mais flores, árvores, casas, sol, estrelas, pássaros, nuvens…" [11, p. 9]. – Послушай совет маленького муравья: Поднимайся в горы, там ты увидишь цветы, деревья, дома, солнце, звезды, птичек, облака...

Ср.:

> A pobrezinha olhou a fada, implorando-lhe: – "Minha boa amiga: transforme-me, de novo, numa borboleta azul" [20, p. 46]. – «Бедняжка взглянула на волшебницу и стала умолять ее: "Моя добрая подруга! Преврати меня снова в голубую бабочку".

Во многих произведениях автор обращается к своему читателю на ты: *Era uma vez… Amigo, que te vou contar?* [12, p. 24]. «Однажды… Знаешь ли ты, мой дружок, о чем я тебе сейчас расскажу?».

Интересно, что в детских текстах часто присутствует особый персонаж, который обычно в литературоведческой практике называется нарратор-свидетель, а именно – незнакомый взрослый, который наблюдает за развитием событий со стороны, но к которому ребенок обращается на ты:

> Então o menino veio ter comigo. Eu estava a ler. – Havias de ter tomado banho comigo para veres o lindo cavalo azul que eu encontrei debaixo de água [18, p. 14]. – Тогда мальчик подбежал ко мне. В тот момент я читал. – Ты должен был пойти со мной купаться, тогда бы ты увидел прекрасную голубую лошадку, которую я встретил под водой.

В детской литературе активно используется обращение *o senhor, a senhora*, поскольку это вежливое обращение ребенка к взрослым, как знакомым, так и незнакомым, не только в начале беседы, но и в ходе нее:

> – O senhor trabalha aqui ? – Trabalho. Sou o mayoral [17, p. 64]. – Вы работаете здесь? – Да, управляющим;
>
> – O Senhor também caçou os lobos? [16, p. 29]. – И Вы охотились на волков?

Почтительным или вежливым считается обращение без использования имени адресата или местоимения *o senhor, a senhora* только за счет употребления глагола в 3-м лице единственного числа в повелительном или изъявительном наклонении, при этом в начале контакта следует использовать вежливые формулы: *Quando chegaram à aldeia, abordaram uma mulher. – Olhe, faz favor, onde fica a fonte velha?* [16, p.118]. «Когда пришли в деревню, обратились к незнакомой женщине. – Извините, где находится старый фонтан?». Слова *o senhor, a senhora* могут употребляться в первичном значении как существительные:

> Uma senhora já pouco jovem, vestida de roxo, como uma gorda violeta, deu lugar a uma, de tal modo feliz que parecia dizer: – Ao vosso lado sou uma rapariga! [12, p. 12]. – Уже немолодая дама, одетая во все фиолетовое, похожая на полную фиалку, радостно уступила ей место, как бы говоря: – По сравнению с Вами я еще совсем девчонка!

Основной посыл детской литературы заключается в необходимости научить ребенка вежливому общению, поэтому встречаются ситуации, когда формы обращения не соответствуют принятому речевому этикету, но они выполняют воспитательную функцию. Так, в детских книгах довольно часто встречаются сочетания формы обращения o senhor, a senhora с личным именем (без фамилии), что считается недопустимым с позиций официального этикета, однако в устах ребенка звучит как почтительная, вежливая формула, например: к старику – Ó Senhor Alberto, acha …. [16, p. 86]. «Вы (*букв*. 'сеньор Альберто') так считаете…»; к знакомому взрослому – Sr. Joaquim! Sr. Joaquim! – gritou o Pedro várias vezes [15, p. 70]. «Сеньор Жоакин! Сеньор Жоакин! – позвал Педро несколько раз». Особое место в детских текстах занимают обращения к лицам, которые старше по возрасту детей, но находятся на более низкой социальной ступени, чем их родители. Например, дети обращаются к служанке в доме богатой тети, используя местоимение-обращение senhora, что подчеркивает уважительное отношение к ней, или по имени с артиклем, что указывает на равноправные отношения, но дети ей никогда не «тыкают»:

> – Quer ajuda, senhora Elisa? – perguntou o João [16, p. 53]. – Вам помочь, сеньора Элиза? – спросил Жоау»; – A Elisa não os conhecia? – perguntou a Teresa [16, p. 124]. Вы с ними не были знакомы? – спросила Тереза.

Таким образом, детская литература не только выполняет социологизирующую, познавательную, эстетическую и воспитательную

функции, но и учит речевому этикету, основываясь на принципах «хорошего, доброго, вечного».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
2. *Вольф Е.М.* История португальского языка. – М. : Высшая школа, 1988. – 264 с.
3. *Вольф Е. М.* Португальский язык. // Языки мира: Романские языки. – М. : Academia, 2001. – С. 462–492.
4. *Косарик М.А.* Проблематика межкультурной коммуникации при изучении португальского языка // Вопросы иберо-романского языкознания. – Вып. 7 (юбилейный): Посвящается 80-летию В.С. Виноградова: сб. статей – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 83–92.
5. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. 3D. – М. : Астрель CORPUS, 2012. – 480 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / под. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. *Неустроева Г.К.* Теоретическая грамматика португальского языка. Морфология. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1997. – 200 с.
8. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие. – М. : РГГУ, 2011. – 672 с.
9. *Фрей А.* Грамматика ошибок / пер. с фр. / вступ. ст. В.М. Алпатова. – 2-е изд., стереот. – М. : КомКнига, 2007. – 304 с.
10. *Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
11. *Araújo M. R.* O Gato Dourado. – Lisboa : Livros Horizonte, 1978. – 85 p.
12. *Araújo M.R.* As Botas de Meu Pai. – Lisboa : Livros Horizonte, 1981. – 67 p.
13. *Areias M., Saraiva M. A.* Gramática. 3a edição. – Lisboa : Livraria Popular de Francisco Franco, 1978. – 299 p.
14. *Gouveia C.* As Dimensões Da Mudança No Uso Das Formas De Tratamento Em Português Europeu. – URL: http://ww3.fl.ul.pt/pessoais/cgouveia/cp/9.pdf
15. *Magalhães A. M., Alçada I.* Uma Aventura no Algarve. – Lisboa : Editirial Caminho, 1985. – 156 p.
16. *Magalhães A.M., Alçada I.* Uma Aventura nas Férias do Natal. – Lisboa : Editirial Caminho, 1982. – 189 p.

17. *Magalhães A. M., Alçada I.* Uma Aventura em Viagem. – Lisboa : Editirial Caminho, 1983. – 187 p.
18. *Magalhães A. M., Alçada I.* Uma Aventura no Ribatejo. – Lisboa : Editirial Caminho, 1984. – 171 p.
19. *Torrado A.* Joaninha à Janela e outras histórias. – Lisboa : Livros Horizonte, 1977. – 32 p.
20. *Silva L. A. P. da.* Moinho dos Sonhos Infantis. – São Paulo : Sociedade Impressora Pannartz, 1975. – 65 p.

УДК 81`38:42

К. И. Шпетный

канд. филол. наук, проф. каф. лингвистики и профессиональной коммуникации в области экономики, Институт права, экономики и информационных технологий, МГЛУ; e-mail: kon5804@yandex.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРАТОРСКОГО ДИСКУРСА В ДИАХРОНИИ. ЧАСТЬ I

Предлагается обобщенный лингвостилистический анализ ораторского дискурса в диахронии как явления социально-языковой деятельности. Ораторский дискурс до настоящего времени не исследовался с позиций когнитивистики, лингвостилистики и прагматики. В основе рассмотрения находится утверждение о непреходящей значимости основных положений науки риторики, как ее определил и обосновал греческий философ и ритор Аристотель. Последующие вплоть до настоящего времени ораторы и теоретики искусства красноречия разных стран и этносов продолжают развивать заложенные им базовые позиции построения и произнесения ораторской речи. Изучению подвергнуты ораторские дискурсы двенадцати выдающихся личностей в истории ораторского красноречия. Предлагается хронологическая периодизация основных этапов его развития.

Ключевые слова: лингвистическая стилистика; когнитивная наука; прагматика; ораторский дискурс; риторика; искусство красноречия; убеждать; архитектоника; ясность мысли.

Shpetny C. I.

Candidate of Philology (PhD), Professor, the Department of linguistics and professional communication in economy, School of Law, Economics and Information Technologies, MSLU; e-mail: kon5804@yandex.ru

LINGUOSTYLISTIC FEATURES OF THE ORATORY DISCOURSE IN DIACHRONY. PART I

A generic linguostylistic analysis of the oratory discourse as a phenomenon of socio-linguistic practice in diachrony is offered. The oratory discourse has not until now been subjected to scrutiny from the positions of cognitive science, linguostylistics and pragmatics. At the core of the research is the postulate about the incessant and perpetual significance of the basic theses and tenets of rhetoric as it was substantiated by the Greek philosopher and rhetor Aristotle. The orators and apologists of the art of eloquence of varied nations and ethnic groups in the follow-up periods are carrying on further developments of Aristotle-grounded principles of building up and speaking up oratories. The oratory discourses of the world`s twelve orators renown in history for their eloquence are examined. A general scheme of chronology in the history of the oratory discourse is tendered.

Key words: linguostylistics; cognitive science; pragmatics; oratory discourse; rhetoric; the art of eloquence; induce; architectonics; clarity of thought.

В статье предпринимается попытка дать обобщенный лингвостилистический анализ ораторского дискурса как явления социально-языковой деятельности. Ораторский дискурс в диахронии до настоящего времени не подвергался исследованию с позиций когнитивистики, лингвистической стилистики и прагматики.

Дискурс является ключевым понятием теории когнитивной науки. Дискурсивные явления, отражающиеся в речи и в тексте, сегодня широко изучаются методами лингвистической науки [6]. Как отмечает современный философ-аналитик А. П. Огурцов, «дискурс-анализ – это исследование выражения мысли в языке и речи и в речевых практиках, исследование, которое ориентировано на постижение целостной структуры тех или иных речевых высказываний или текста» [8, с. 3].

Согласно теории профессора Амстердамского университета Т. А. ван Дейка, исследование дискурса обусловлено как формированием различных направлений, так и применением междисциплинарной методологии анализа, позволяющей сформировать и сформулировать некую интегративную концепцию [17].

В своей работе «Discourse as Social Interaction (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introductio)» Т. А. ван Дейк описывает фундаментальные интерактивные, социальные, политические и культурологические функции текста и речи (talk) [16]. Такой взгляд на дискурс позволяет характеризовать дискурс не только по линии «форма – значение», но и с точки зрения действия (action), что в значительной степени устраняет существующий разрыв между микроанализом детальных структур речи (лингвистика текста [4]) и макроанализом их функций и вариативностью в социальной среде и культуре.

Социальная и культурно-цивилизационная среда на протяжении череды эпох и сменявшихся устроений общественной жизни непосредственно воспроизводилась в речевой практике этносов, что закономерно отражалось и продолжается отражаться в когнитивных характеристиках ораторского дискурса, искусства публичного красноречия. Далее предлагается анализ базовых характеристик ораторской речи, оформленной в виде дискурса, с момента ее зарождения как отдельного подъязыка стиля публицистики в классический период расцвета науки и искусств в Древней Греции и Древнем Риме (V–IV вв. до Р.Х.) и последующего ее развития в странах с различными языковыми фонами.

Приводимые примеры являются образцами ораторского дискурса двенадцати выдающихся личностей − риторов и теоретиков красноречия: древнегреческого философа Аристотеля (384–322 до Р. Х.), древнеримского политика и философа Марка Туллия Цицерона (106–43 до Р. Х.), Господа Иисуса Христа (I век), Апостола Христова Павла (предположительно 5/10–64/67), Святителя Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского (около 347–407), итальянского священника Джироламо Савонаролы (1452–1498), русского ученого-энциклопедиста Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765), российского юриста и судебного адвоката Анатолия Федоровича Кони (1844–1927), Митрополита Николая Крутицкого и Коломенского (Ярушевича) (1891–1961), Митрополита Николая Сербского (Велимировича) (1880–1956), кубинского лидера Comandante Фиделя Кастро Рус (1926), афроамериканского политика и проповедника Мартина Лютера Кинга (1929–1968).

По мнению Аристотеля, существуют три причины, «возбуждающія довѣріе къ говорящему, потому что есть именно столько вещей, въ силу которыхъ мы вѣримъ безъ доказательствъ, − это разумъ, добродѣтель и благорасположеніе» [10, с. 78]. Вполне разделяя такое мнение, мы оставили вне рассмотрения в данной статье артефакты тех личностей в истории, которые, хотя внешне и обладали рядом существенных признаков владения искусством красноречия, тем не менее, не могут считаться подлинными ораторами, поскольку придерживались человеконенавистнических воззрений, деятельность которых носила разрушительный характер.

Искусство красноречия является дисциплиной научного знания, которая со времен Античности служила целям формирования и воспитания интеллектуально развитой и социально активной личности, владеющей умениями и навыками аргументативного дискурса, архетипической установкой которого является убеждение [7, с. 270].

«Риторика, − говорил Аристотель, − искусство, соответствующее диалектикѣ, так как обѣ онѣ касаются такихъ предметовъ, знакомство с которыми можетъ нѣкоторымъ образомъ считаться общимъ достояніемъ всехъ и каждого и которые не относятся къ области какой-либо отдѣльной науки [10, с. 1].

Именно Аристотелю − ученику Платона (428/427–348/347 до Р. Х.) [9] − принадлежит честь научного обоснования **искусства риторики как особого дара речи**, и она является содержанием единственного

дошедшего до нас его сочинения по ораторскому искусству «Риторика» (около 355 до Р. Х.). Его определение риторики как способности находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета, не теряет своей силы и сегодня: «Rhetoric is the art of discourse, an art that aims to improve the capability of writers or speakers that attempt to inform, persuade, or motivate particular audiences in specific situations» [15, с. 1].

Образцы ораторских дискурсов самого Аристотеля до нашего времени, к сожалению, не сохранились.

В своем трактате «Риторика» Аристотель дает общие правила и описывает формы ораторской речи. Труд состоит из трех частей: 1-я − анализ принципов, на основе которых оратор («т. е. всякий говорящий о чем-нибудь») может побуждать к чему-нибудь своих слушателей или отклонять их от чего-нибудь, хвалить или порицать что-либо; 2-я − личные свойства и особенности оратора, с помощью которых он может внушить доверие своим слушателям и, таким образом, достигнуть своей цели, т. е. уговорить или отговорить от чего-либо; 3-я − практические, или «технические», стороны риторики, а именно: а) способы выражения, которыми должно пользоваться в речи; б) построение, или архитектоника, речи. «Риторика» знакомит также с этическими воззрениями Аристотеля.

Аристотель утверждает, что речь должна «быть доказательной и возбуждающей довѣріе», и что оратор должен «показать себя человѣкомъ извѣстного склада», с тем «чтобы [слушатели] поняли, что онъ к нимъ относится извѣстнымъ образомъ, а также, чтобы и они были къ нему расположены извѣстным образомъ» [10, с. 77]. «Общіе способы убѣжденія, − утверждает Аристотель, − бываютъ двоякаго рода: примѣръ и энтимема, такъ какъ изреченіе есть часть энтитмемы[1]» [10, с. 120–121].

[1] **Энтиме́ма** (*др.-греч.* ἐνθύμημα) – сокращенный *силлогизм*, в котором в явной форме не выражена посылка или заключение, однако пропущенный элемент подразумевается. Иногда к энтимеме прибегают нарочно, желая получить неожиданное заключение. Эффект остроумия в значительной степени зависит от энтимемы. Целью энтитмемы как «исторического силлогизма» является убеждение, а полный «научный силлогизм» используется для доказательства. Пример энтимемы: «Жадность заслуживает порицания, так как всякий порок заслуживает порицания» – где пропущена меньшая посылка «жадность – порок».

Особое внимание Аристотель уделяет вопросам непосредственно стиля речи, «не какъ о чемъ то, заключающемъ в себѣ истину, а какъ о чемъ то необходимомъ, ибо всего справедливѣе стремиться только къ тому, чтобы рѣчь не причиняла ни печали, ни радости: справедливо сражаться оружіемъ фактовъ, такъ, чтобы всё, находящееся внѣ области доказательства, становилось излишнимъ» [10, с. 151].

Основные лингвистические характеристики ораторской речи заключаются в следующем:

• «сила рѣчи написанной «заключается болѣе в стилѣ, чѣмъ в мысляхъ»;

• «достоинство стиля заключается въ ясности; доказательствомъ этого служитъ то, что, разърѣчь не ясна, она не достигнетъ своей цѣли» [10, с. 152–153];

• «стиль будетъ обладать надлежащими качествами, если онъ полонъ чувства, если онъ отражаетъ характеръ и если онъ соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей» [10, с. 164];

• «…для каждаго рода рѣчи пригоденъ особый стиль, ибо не одинъ и тотъ же [стиль] в рѣчи письменной и въ рѣчи полемической, въ рѣчи произносимой передъ народнымъ собраниіемъ и въ рѣчи судебной» [10, с. 182].

Говоря об архитектонике ораторской речи, Аристотель предлагает выделять в ней четыре части, а именно: предисловие, изложение, способ убеждения и заключение [10, с. 185–186]. Заключение, в свою очередь, складывается из четырех частей: 1) «изъ старанія [оратора] хорошо расположить слушателей къ сѣбе и дурно къ противнику; 2) изъ преувеличенія и умаленія; 3) изъ стремленія разжечь страсти слушателей; 4) изъ напоминанія» [10, с. 203].

Первым из великих риторов классического периода, который сумел блестяще воплотить на практике основные идеи и концепции Аристотеля в сфере искусства красноречия, претворив их в подлинные образцы ораторского дискурса, явился римский политик и философ Марк Туллий Цицерон. За свою жизнь он произнес сто пять речей, из которых полностью или в отрывках сохранилось семьдесят пять.

В 63 г. консул года Цицерон раскрыл заговор Луция С. Катилины против Римской Республики, вследствие чего заговорщик позже был казнен. В связи с этими событиями Цицерон произнес четыре речи, вошедшие в историю под именем «катилинарий» и явившиеся вершиной его деятельности как политика и оратора.

Первая из этих речей «M. Tulli Ciceronis Oratio in Catilinam Prima in Senatu Habita» представляет собой образец ораторского дискурса.

Предисловие, или вступление, (exordium) отличает высокопатетический слог устной публичной речи. Как бы игнорируя собрание сенаторов, Цицерон *ex abrupto* обращается прямо к Катилине в храме бога Юпитера на Капитолии серией риторических вопросов, обличающих его, наместника одной из провинций страны как предводителя заговорщиков:

> Quo usque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? Quam diu etiam furor iste tuus nos eludet? Quem ad fidem sese effrenata iactabit audacia? Nihilne te nocturnum praesidium Palatii, nihil urbis vigiliae, nihil timor populi, nihil concursus bonorum omnium, nihil hic munitissimus habendi senatus locus, nihil horum ora vultusque moverunt? Ratere tua consilia non sentis? Constrictam iam horum omnium scientia teneri coniurationem tuam non vides? Quid proxima, quid superiore nocte egeris. Ubi fueris, quos convocaveris, quid consilii ceperis, quem nostrum ignorare asbitraris? O tempora, o mores! [14].
>
> До каких пор, скажи мне, Катилина, будешь злоупотреблять ты нашим терпением? Сколько может продолжаться эта опасная игра с человеком, потерявшим рассудок? Будет ли когда-нибудь предел разнузданной твоей заносчивости? Тебе ничто, как видно, и ночная охрана Палатина, и сторожевые посты, – Где? В городе! И опасения народа, и озабоченность всех добрых граждан, и то, что заседание сената на этот раз проходит в укрепленном месте, наконец, эти лица, эти глаза? Или ты не чувствуешь, что замыслы твои раскрыты, не видишь, что все здесь знают о твоем заговоре, и ты тем связан по рукам и ногам? Что прошлой, что позапрошлой ночью ты делал? Где ты был, кого собирал, какое принял решение, – думаешь, хоть кому-нибудь из нас неизвестно? Таковы времена! Таковы наши нравы! [13, с. 131].

В этом дискурсе Цицерон выступает и как глава государства, и как судебный оратор. Для реализации прагматического эффекта крайнего эмоционального усиления он использует высокий стиль книжной речи, намеренно утрирует все ораторские приемы с целью накалить атмосферу, прибегая к помощи ряда усиливающих стилистических ресурсов, − риторического вопроса, восклицания, повтора, эпитета, параллельных конструкций, идиоматических выражений.

Заключение речи сопровождается обращением к богу Юпитеру, которое содержит призыв к справедливому наказанию Катилины и его сообщников:

Tu, Iuppiter…! – К тебе взываю, Юпитер…! (*Обращаясь к статуе Юпитера*).

В дискурсе используются многочисленные сравнения, эпитеты, метафоры, гиперболы и другие многочисленные средства выразительности, создающие дискурс, наполненный высочайшей эмоциональностью.

В структурном отношении дискурс делится на обозначенные римскими цифрами части, каковых отмечается всего тридцать три, общий объем дискурса составляет около 24 000 слов.

Классический период развития Древней Греции и Древнего Рима, который в когнитивном плане характеризуется поклонением языческим богам, завершается. Эпоха расцвета философии, логики, науки и всех видов искусства подготовила человечество к восприятию зародившегося и быстро распространившегося учения христианства.

В I в. на проповедь о спасении мира и человека выходит Спаситель Господь Иисус Христос (др.-греч. – Ἰησοῦς Χριστός). Его ораторский дискурс отличает неземная гармония мысли и формы, в которую эта мысль облекается. Это обычно ораторские обращения к народу, беседы с Ним и Его учениками-апостолами, споры с иудейскими книжниками и первосвященниками, диалоги с правителями Древней Палестины. Тексты Священного Писания Нового Завета на древнегреческом языке − Евангелия от Матфея[1] (42), Марка (50-е), Луки (61–62) и Иоанна (90-е) − содержит образцы ораторского дискурса Господа Иисуса Христа.

Обратимся к отрывку из ораторской проповеди Спасителя, обличающей книжников и фарисеев в Евангелии от Матфея (23, 1–39) (Κατα Μαθθαιον). Параллельный дискурс содержится в Евангелии от Луки (Κατα Λογκαν) (11, 38–52). Оформленный в виде одного абзаца дискурс древнегреческого текста содержит 690 слов (примеры приводятся в сокращенном виде):

> [1]Τότε ὁ Ἰησοῦς ἐλάλησεν τοῖς ὄχλοις καὶ τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ [2]λέγων,[α] Ἐπὶ τῆς Μωϋσέως καθέδρας ἐκάθισαν οἱ γραμματεῖς καὶ οἱ Φαρισαῖοι. [3]πάντα οὖν ὅσα ἐὰν εἴπωσιν ὑμῖν ποιήσατε καὶ τηρεῖτε, κατὰ δὲ τὰ ἔργα αὐτῶν μὴ ποιεῖτε· λέγονσιν γὰρ καὶ οὐ ποιοῦσιν [20].

[1] Первоначально Евангелие от Матфея было написано на древнеарамейском языке и вскоре в том же, I веке, было представлено на древнегреческом языке.

[1]Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим 2 и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; 3 итак, всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают [3].

[13]Οὐαὶ δὲ ὑμῖν, γραμματεῖς καὶ Φαρισαῖοι ὑποκριταί, ὅτι κλείετε τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἔμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων·ὑμεῖς γὰρ οὐκ εἰσέρχεσθε οὐδὲ τοὺς εἰσερχομένους ἀφίετε εἰσελθεῖν.[d] [15]Οὐαὶ ὑμῖν, γραμματεῖς καὶ Φαρισαῖοι ὑποκριταί, ὅτι περιάγετε τὴν θάλασσαν καὶ τὴν ξηρὰν ποιῆσαι ἕτι προσήλυτον, καὶ ὅταν γένηται ποιεῖτε αὐτὸν υἱὸν γεέννης διπλότερον ὑμῶν.[f] [16]Οὐαὶ ὑμῖν, ὁδηγοὶ τυφλοὶ οἱ λέγοντες, Ὃς ἂν ὀμόσῃ ἐν τῷ ναῷ, οὐδέν ἐστιν· ὃς δ᾽ ἂν ὀμόσῃ ἐν τῷ χρυσῷ τοῦ ναοῦ, ὀφείλει. [17]μωροὶ καὶ τυφλοί, τίς γὰρ μείζων ἐστίν, ὁ χρυσὸς ἢ ὁ ναὸς ὁ ἁγιάσας τὸν χρυσόν [20].

[13]Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете.

[14]Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете домы вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение.

[15]Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас.

[16]Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен.

[17]Безумные и слепые! Что больше: золото или храм, освящающий золото? [3].

Архитектоника дискурса весьма прозрачна: предисловие – стихи 1–3, изложение – стихи 4–30, способ убеждения – стихи 31–33, заключение – стихи 34–39. Заключение, в свою очередь, содержит те же, по Аристотелю, четыре части, а именно: старание автора расположить к себе и дурно к противнику (стихи 34–35); преувеличение и умаление (стих 36–37); воздействие на страсти слушателей (стих 38); напоминание (стих 39).

Ведущие стилистические приемы дискурса повтор и параллелизм, наряду с метафорой, метонимией, сравнением, гиперболой, способствующие формированию единого когнитивного пространства дискурса, позволяют Господу реализовать основную прагматическую установку − грозно и обличающе призвать несмысленных вождей древне-иудейского народа к покаянию, принять Его как Сына Божия

и тем самым исполнить Заповеди Ветхого Завета, оставленные Пророком Моисеем.

Ученик и Апостол Христов Павел (*др.-греч.* Σαούλ (Saul), Σαῦλος (Saulos) и Παῦλος (Paulos)), человек, получивший блестящее образование при иудейском фарисее раввине Гамалииле Старшем, читает проповедь среди язычников Малой Азии и Балканского полуострова и у римлян. Четырнадцать Новозаветных Посланий Павла написаны на живом *идиоматическом* греческом языке. Есть свидетельство о применения им игры слов, стихосложения, проявляющихся только на арамейском языке.

В своих ораторских дискурсах (речи и послания) Апостол Павел широко использует приемы античной риторики [1]. Апостол приводит целый ряд цитат или аллюзий на произведения античных авторов (Менандра, Эпименида, Арата) [5]. В когнитивном плане содержание апостольских посланий передает дух Благой Вести о спасении в жизнь вечную, инкорпорируя лучшие идеи древнегреческих философов, логиков и риторов.

Приведем пример из Первого Послания Апостола Павла к Коринфянам (Προσ Κορινθιοις Α). Поводом для его написания в 57 году послужили настроения в общине г. Коринфа, вызванные влиянием языческой среды и некоторым падением чистоты и строгости нравов вследствие прихода новых проповедников с иными мнениями [20, 585–586].

[1]Οὐ εἰμὶ ἐλεύθερος; οὐκεἰμὶ ἀπόστολος; οὐχὶ ᾽Ιησοῦν τὸν κύριον ἡμῶν ἑώρακα; οὐ τὸ ἔργον μου ὑμεῖς ἐστε ἐν κυρίῳ; [2]εἰ ἄλλοις οὐκ εἰμὶ ἀπότολος ἀλλά γε ὑμῖν εἰμι· ἡ γὰρ σφραγίς μου τῆς ἀποστολῆς ὑμεῖς ἐστε ἐν κυρίῳ.[α]

[3]᾽Η ἐμὴ ἀπολογία τοῖς ἐμὲ ἀνακρίνουσίν ἐστιν αὕτη. [4]μὴ οὐκ ἔχομεν ἐξουσίαν φαγεῖν καὶ πεῖν; [5]μὴ οὐκ ἔχομεν ἐξουσίαν ἀδελφὴν γυναῖκα περιάγειν ὡς καὶ οἱ λοιποὶ ἀπόστολοι καὶ οἱ ἀδελφοὶ τοῦ κυρίου καὶ Κηφᾶς; [6]ἢ μόνος ἐγὼ καὶ Βαρναβᾶς οὐκ ἔχομεν ἐξουσίαν μὴ ἐργάζεσθαι;[b] [7]τίς στρατεύεται ἰδίοις ὀψωνίοις ποτέ; τίς φυτεύει ἀμπελῶνα καὶ τὸν καρπὸν αύτοῦ οὐκ ἐσθίει; ἢ τίς ποιμαίνει πίμνην καὶ ἐκ τοῦ γάλακτος τῆς ποίμνης οὐκ ἐσθίει;[c] [8]Μὴ κατὰ ἄνθρωπον ταῦτα λαλῶ ἢ καὶ ὁ νόμος ταῦτα οὐ λέγει; [9]ἐν γὰρ τῷ Μωϋσέως νόμῳ γέγραπται, Οὐ κημώσεις βοῦν ἀλοῶτα. μὴ τν βοῶν μλει τῷ θεῷ [10]ἢ δι᾽ ἡμᾶς πάντως λέγει; δι᾽ ἡμᾶς γὰρ ἐγράφη ὅτι ὀφείλει ἐπ᾽ ἐλπίδι ὁ ἀροτριῶν ἀροτριᾶν καὶ ὁ ἀλοῶν ἐπ᾽ ἐλπίδι τοῦ μετέχειν.

[1]Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе?
[2]Если для других я не Апостол, то для вас Апостол; ибо печать моего апостольства – вы в Господе.
[3]Вот мое защищение против осуждающих меня.
[4]Или мы не имеем власти есть и пить?
[5]Или не имеем власти иметь спутницею сестру, жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?
[6]Или один я и Варнава не имеем власти не работать?
[7]Какой воин служит когда-либо на своем содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада?
[8]По человеческому ли только рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит и закон?
[9]Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог?
[10]Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое [3].

Дискурс, включающий 450 слов, представляет собой центральную часть апологетической речи создателя общины Коринфа. Он построен в значительной мере на стилистическом приеме риторического вопроса, в нем, в традиции ораторского дискурса, мощно представлены анафорический повтор, параллельные конструкции, сравнения, метафоры, фразеологизмы.

Лучшие традиции ораторского искусства продолжают свое развитие и дальнейшее совершенствование в IV в. в словах и поучениях одного из ***трёх Вселенских святителей и учителей*** Золотого века богословской литературы Иоанна Златоуста (Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος), Архиепископа Константинопольского. В его поучениях богатство мыслей соединяется с необыкновенным красноречием, которое состоит преимущественно в ясности, естественности и простоте, равно как и в удивительном психологическом приспособлении содержания и тона бесед к духовному состоянию слушателей.

Это был, по признанию современников, оратор, который превзошел всех своих предшественников. Жителей города Антиохии изумляло особенно то, что Святитель Иоанн не читал своих проповедей, а произносил их от полноты своего сердца, вел живые изустные беседы со своими слушателями. Его проповеднические дискурсы сделались предметом всеобщего разговора, они повсеместно

прочитывались и заучивались наизусть. Неслучайно глас народа как голос Божий усвоил ему прозвание Златоустого, под которым имя его увековечено в истории и в Церкви Христовой.

Последнее полное издание творений Святителя Иоанна выпущено аббатом Минем, известным издателем знаменитой Патрологии латинских и греческих отцов Церкви «Patrologiae cursus completus» (Полный курс патрологии) [11].

В качестве примера ораторского дискурса Святителя Иоанна приведем отрывок из его слова «Ὁμιλία εἰς Εὐτρόπιον Εὐνοῦχον Πατρικίον καὶ Ὑπατον / Беседу на Евтропия евнуха, патриция и консула». Святитель произносит его в защиту ненавистного народу сановника, выдачи которого требовали граждане; он старается тронуть сердца разъяренных несправедливостью людей и склонить их в пользу несчастного.

Размер дискурса, включающий пять равновеликих частей, составляет 2 150 слов. Слова Святителя почти физически ощутимо звучат и сегодня:

«Εις Ευτρόπιον»
Λόγος Α΄

ΟΜΙΛΙΑ ΕΙΣ ΕΥΤΡΟΠΙΟΝ ΕΥΝΟΥΧΟΝ ΠΑΤΡΙΚΙΟΝ ΚΑΙ ΥΠΑΤΟΝ. **52.391**

α΄. Ἀεὶ μὲν, μάλιστα δὲ νῦν εὔκαιρον εἰπεῖν· Ματαιότης ματαιοτήτων, καὶ πάντα ματαιότης. Ποῦ νῦν ἡ λαμπρὰ τῆς ὑπατείας περιβολή; ποῦ δὲ αἱ φαιδραὶ λαμπάδες; ποῦ δὲ οἱ κρότοι, καὶ οἱ χοροὶ, καὶ αἱ θαλίαι, καὶ αἱ πανηγύρεις; ποῦ οἱ στέφανοι καὶ τὰ παραπετάσματα; ποῦ ὁ τῆς πόλεως θόρυβος, καὶ αἱ ἐν ἱπποδρομίαις εὐφημίαι, καὶ τῶν θεατῶν αἱ κολακεῖαι; Πάντα ἐκεῖνα οἴχεται· καὶ ἄνεμος πνεύσας ἀθρόον τὰ μὲν φύλλα κατέβαλε, γυμνὸν δὲ ἡμῖν τὸ δένδρον ἔδειξε, καὶ ἀπὸ τῆς ῥίζης αὐτῆς σαλευόμενον λοιπόν· τοιαύτη γὰρ ἡ τοῦ πνεύματος γέγονε προσβολὴ, ὡς καὶ πρόῤῥιζον ἀπειλεῖν ἀνασπᾶν, καὶ ταῦτα διασαλεῦσαι τοῦ δένδρου τὰ νεῦρα. Ποῦ νῦν οἱ πεπλασμένοι φίλοι; ποῦ τὰ συμπόσια καὶ τὰ δεῖπνα; ποῦ ὁ τῶν παρασίτων ἐσμὸς, καὶ ὁ δι' ὅλης ἡμέρας ἐγχεόμενος ἄκρατος, καὶ αἱ ποικίλαι τῶν μαγείρων τέχναι, καὶ οἱ τῆς δυναστείας θεραπευταὶ, οἱ πάντα πρὸς χάριν ποιοῦντες καὶ λέγοντες; Νὺξ ἦν πάντα ἐκεῖνα καὶ ὄναρ, καὶ ἡμέρας γενομένης ἠφανίσθη· ἄνθη ἦν ἐαρινὰ, καὶ παρελθόντος τοῦ ἔαρος ἅπαντα κατεμαράνθη· σκιὰ ἦν, καὶ παρέδραμε· καρπὸς ἦν, καὶ διελύθη· πομφόλυγες ἦσαν, καὶ διεῤῥάγησαν· ἀράχνη ἦν, καὶ διεσπάσθη. Διὸ ταύτην τὴν πνευματικὴν ῥῆσιν ἐπᾴδομεν συνεχῶς ἐπιλέγοντες· Ματαιότης ματαιοτήτων, καὶ πάντα ματαιότης.

Всегда, но особенно теперь благовременно сказать: суета суетствий, всяческая суета (Еккл.1, 2). Где теперь пышная обстановка консульства? Где блестящие светильники? Где рукоплескания и ликования, пиршества и праздники? Где венцы и завесы? Где городской шум, и хвалебные крики на конских бегах, и льстивые речи зрителей? Все это прошло: вдруг подул ветер и сорвал листья, обнажил дерево и потряс его до основания с такой

силой, что, казалось, вырвет его с корнем и разрушит самые волокна его. Где теперь притворные друзья? Где пиры и обеды? Где толпа тунеядцев, и ежедневные возлияния вина, и изысканность поварского искусства, и поклонники могущества, льстившие словом и делом? Все это было, как ночь и сновидение, и с наступлением дня исчезло; это были весенние цветы, и с удалением весны все увяло; была тень – и прошла, был дым – и рассеялся; были пузыри – и лопнули; была паутина – и расторглась. Посему мы и воспеваем это духовное изречение, постоянно повторяя: *суета суетствий, всяческая суета* [11, Том III, 425–431].

Как и в приведенных выше примерах других риторов, здесь также в основу положены приемы риторического вопроса, параллелизма и анафорического повтора, сопровождаемые удивительными по красоте развернутыми метафорами и сравнениями, нравственно-философской цитацией из Священного Писания Ветхого Завета.

Концовка дискурса, или его заключение, содержит у Святителя Иоанна общий нравственный вывод о значимости христианской добродетели любви и прощения прегрешений ближнего на основе заповеди Божией.

Гомелитическое наследие Святителя Иоанна Златоуста поистине огромно: оно включает сотни экзегетических проповедей на содержание Ветхого Завета (особенно *Книги Бытия*) и Нового Завета (в частности, Апостола Павла). Ему принадлежат 67 проповедей на *Книгу Бытия*, 59 – на *Псалтирь царя Давида*, 90 – на *Евангелие от Матфея*, 59 – на *Деяния Святых Апостолов*.

Высокому достоинству его проповедей сильно способствует их форма. Хотя у него немало проповедей тематизированных, так называемых слов (на разные случаи, на дни памяти святых), имеющих единство предмета и риторически правильную структуру, но излюбленная форма его проповеди – *гомилия*[1] [2; 12], дающая больший простор свободной ассоциации идей. Описания природы и жизни, сравнения и противоположения чередуются здесь с обличениями

[1] **Гоми́лия** (*греч.* ὁμιλία – «общество, общение, беседа», от ὁμός – «равный, подобный» и ἴλη – «группа, небольшое общество») – аналитико-экзегетическая форма *проповеди*, содержащая истолкование прочитанных мест *Священного Писания*. Является наиболее древней формой проповеди, введена в употребление *Оригеном*; древнейшая сохранившаяся гомилия принадлежит *Клименту*, епископу римскому. Беседы встречаются в гомилетическом наследии большинства как восточных, так и западных *Отцов Церкви*.

и увещаниями. Приведем в качестве иллюстрации отрывок из зачина дискурса второй беседы-гомилии на Евтропия с изобилием прекрасных развернутых метафор и сравнений:

Λόγος Β'

ΟΜΙΛΙΑ Ὅτε τῆς ἐκκλησίας ἔξω εὑρεθεὶς Εὐτρόπιος ἀπεσπάσθη, καὶ περὶ παραδείσου καὶ Γραφῶν, καὶ εἰς τὸ, "Παρέστη ἡ βασίλισσα ἐκ δεξιῶν σου." **52.395**

α΄. Ἡδὺς μὲν λειμὼν καὶ παράδεισος, πολὺ δὲ ἡδύτερον τῶν θείων Γραφῶν ἡ ἀνάγνωσις. Ἐκεῖ μὲν γάρ 52.396 ἐστιν ἄνθη μαραινόμενα, ἐνταῦθα δὲ νοήματα ἀκμάζοντα· ἐκεῖ ζέφυρος πνέων, ἐνταῦθα δὲ Πνεύματος αὔρα· ἐκεῖ ἄκανθαι αἱ τειχίζουσαι, ἐνταῦθα δὲ πρό 52.397 νοια Θεοῦ ἡ ἀσφαλιζομένη· ἐκεῖ τέττιγες ᾄδοντες, ἐνταῦθα δὲ προφῆται κελαδοῦντες· ἐκεῖ τέρψις ἀπὸ τῆς ὄψεως, ἐνταῦθα δὲ ὠφέλεια ἀπὸ τῆς ἀναγνώσεως. Ὁ παράδεισος ἐν ἑνὶ χωρίῳ, αἱ δὲ Γραφαὶ πανταχοῦ τῆς οἰκουμένης· ὁ παράδεισος δουλεύει καιρῶν ἀνάγκαις, αἱ δὲ Γραφαὶ καὶ ἐν χειμῶνι καὶ ἐν θέρει κομῶσι τοῖς φύλλοις, βρίθουσι τοῖς καρποῖς. Προσέχωμεν τοίνυν τῇ τῶν Γραφῶν ἀναγνώσει· ἐὰν γὰρ τῇ Γραφῇ προσέχῃς, ἐκβάλλει σου τὴν ἀθυμίαν, φυτεύει σου τὴν ἡδονὴν, ἀναιρεῖ τὴν κακίαν, ῥιζοῖ τὴν ἀρετὴν, οὐκ ἀφίησιν ἐν θορύβῳ πραγμάτων τὰ τῶν κλυδωνιζομένων πάσχειν.

Приятен луг, приятен сад, но гораздо приятнее чтение Божественных писаний. Там – увядающие цветы, а здесь – цветущие мысли; там – дыхание зефира, а здесь – веяние Духа; там служит оградою терновник, а здесь охраняет промысл Божий; там – пение кузнечиков, а здесь – речи пророков; там – удовольствие от зрения, а здесь – польза от чтения; сад – в одном каком-либо месте, а Писания по всей Вселенной; сад подчинен переменам времен года, а Писания и зимою, и летом украшены листьями, обременены плодами. Будем же прилежны в чтении Писаний. Если Ты внимаешь Писанию, то оно удаляет от тебя уныние, доставляет удовольствие, истребляет злобу, укореняет добродетель, не допускает бедствовать в вихре забот, подобно обуреваемым волнами. Море бушует, а ты плывешь в тишине: у тебя кормчим чтение Писания, а этого каната не расторгнет искушение обстоятельств. И сами дела свидетельствуют, что я не лгу [11, Том III, 431].

Стилистическое богатство ораторских дискурсов Святителя Иоанна Златоуста, воплощающих в себе принципы риторики, заложенных еще Аристотелем и усовершенствованных последователями древнегреческого ритора, воистину безмерно: «Не прибегая ни к какому искусственному хитросплетению и не увлекаясь звоном фраз, [он] поражал необычайной жизненностью своей речи: у него каждое слово дышало силою и жизнью, потому что бралось из известной всем действительности и пояснялось примерами, которые были одинаково понятны и высокообразованному патрицию и самому последнему

земледельцу», – пишет А.П. Лопухин, русский православный церковный писатель и толкователь Священного Писания в Предисловии к Творениям Святителя Иоанна Златоуста [11, с. 39].

В период Средневековья (V–XV вв.) ораторское красноречие оказывается на периферии общественного интереса и характеризуется отсутствием на европейской сцене сколько-нибудь выдающихся риторов. На изломе Нового времени таковым становится иеромонах, католический проповедник, политический и общественный деятель Италии Джироламо Савонарола (Girolamo Savonarola). В то время Италия была охвачена своего рода гуманистическим движением, одним из крупнейших центров которого была Флоренция, где гуманизм при Лоре́нцо ди Пьеро де Ме́дичи «Великоле́пном» отличался эпикурейско-языческим направлением. Светская жизнь и религиозно-нравственное падение Италии сильно возмущали доминиканского монаха Джироламо Савонаролу.

В своих вдохновенных проповедях он часто смешивал свои мысли с текстами Священного Писания, говоря в свое оправдание, что «слова эти недавно сошли с небес».

Знаменитый проповедник погиб, как библейский пророк, отвергнутый толпой, которая ранее трепетала перед его пророчествами: «By force of study and meditation he had ceased to regard the Bible as a book. It was a world, a living, speaking, infinite world, in which the past, present, and future were revealed to him. He could not open the Holy Scriptures without feeling exalted by the thought of reading the Word of God, and he discerned in it the microcosm, as it were of the whole universe, the allegory of the whole history of the human race» [21, 117–118].

Ниже приводится отрывок из ораторского дискурса Джироламо Савонаролы, прозвучавший в кафедральном Соборе Флоренции Duomo 1 ноября 1494 г. с параллельным переводом на английский язык [19, с. 295–299]:

PENITENZA, PENITENZA ..!

Poenitentiam agite: appropinquabit regnum coelorum[1], etc. ...

Ognuno che vuole cercare la sua beatitudine si deve sforzare di fare vera penitenza in questa vita, ed io non resto di esclamare: agite poenitentiam, fate penitenza, chè invoi s`appropinquerà il regno de′ cieli; ed ho chiamato ognuno che entri nell′Area. E nei sermoni predecenti ho ditto I segni che hanno coloro che hanno fatto vera penitenza. Il primo segno è la letizia di

esultazione nella mente: vedesi sempre il vero penitente stare allegro in ogni cosa e paziente. Il primosegno è la letizia di esultazione nella mente: vedesi sempre il vero penitenye stare allegro in ogni cosa e paziente. Il secondo segno è la illuminazione, chè ei conosce che la semplicità e vita di Cristo e dei veri cristiani è la soma felicità, e ha tanto lume il vero penitente, che conosce tutto il mondo e ogni suo piacere esser vani. Il terzo segno è la laudazione, perchè sempre di cose divine e in laude e Gloria di Dio. Il quarto segno è la conversazione coi buoni: non vedi il vero penitenet più conversare con le male compagnie nè con persone mundane, ma con modesti e temperate e devoti [19, 99–114].

[1] Matt. 4, 17. Sono le parole con cui Gesù Cristo cominiciò la sua predicazione: «… покайтесь; ибо приблизилось Царство Небесное».

PENITENZA, PENITENZA ..!

Do penance, for the kingdom of heaven is at hand (Matt. 4:17).

O sinners, stubborn, lukewarm, all who defer repentance to the last, agite poenitentiam, do penance; do it now; do not delay any longer, for the Lord now awaits you and thus He calls you. Listen to my words, not as if they came from me, but from God. I can do no more than say: agite poenitentiam. See how good and how merciful God is and how He desires to lead you to the Ark to save you. Come, sinner, come, for God calls you. I feel great grief and great compassion for you. Join us in this Holy Feast of All Saints, which we celebrate today. When I think of it, my grief increases tremendously, for I compare, with your misery, the rejoicing and beatitude in which the Saints find themselves today on the occasion of this Feast; and, for the sake of charity, I cannot but feel deeply sorry for you. So great is their beatitude and contentment that not only can one not speak of it, but one cannot even imagine it. . . . O foolish men, who by sinning are willing to lose of much peace and rest; agite poenitentiam, do penance; return to God and you will find complete rest; repent your errors; confess; make strong your intention never to sin again; receive the sacrament of Holy Communion which will make you, also, blessed! [18, 295–299].

Ораторский дискурс Савонаролы объемом 1640 слов свидетельствует о том, что его автор прекрасно владеет и когнитивным предметом проповеди – покаяние в грехах, как условие приближения к Царству Небесному, и, непосредственно, латинской речью − на ней он звучит в стенах базилики, и искусством красноречия − подобно Святителю Иоанну Златоусту и другим его известным предшественникам.

Параллелизм и анафорический повтор одних и тех же слов в центральной части дискурса (изложении) многократно усиливает социально профетическое обращение оратора:

> Peró vi prego tutti che oramai non siate piùostinati, ma convertitevi al Signore e fate penitenza e presto; chè non ve lo dico senza fondamento … Ma perchè v`ho parlato infino a qui generalmente a tutti, e veggo che non giova, però bisogna venire un poco al particolare …
>
> O sacerdoti, udite le mie; o preti, o prelati della Chiesa di Cristo, lasciate I benefici, I quail non polete tenere;
>
> O monaci, lasciate la superfluità delle vesti e degli argenti e di tanta grassezza delle vostre badie e benefici;
>
> O monache, lasciate, lasciate ancora voi le vostre superfluità;
>
> O frati miei, a voi dico: lasciate la superfluità e vostre dipinture e vostre frasche;
>
> O mercantanti, lasciate le vostre usure;
>
> O sacerdoti, bisogna che io ritorni a voi [19, 99–114].

> O rich, O poor, do penance; and you rich, give alms to the poor. Peccata tua elemosinis redime.
>
> O consecrated priests, hear my words, O priests, O prelates of the Church of Christ, renounce your benefices that you cannot serve;
>
> O monks, renounce the extravagance of your attire and your silver vessels and the over-running fatness of your abbeys and benefices;
>
> O nuns, renounce, renounce you, too, your extravagances;
>
> O my brothers, to you I say: Renounce your extravagance, your paintings, and your vain ornaments;
>
> O merchants, renounce your usuries;
>
> And now, O priests, I must come back to you [18, 295–299].

Реализуя категорию завершенности текста / дискурса [6, с. 124–135], его заголовок **PENITENZA, PENITENZA** ..! / Покайтеся, покайтеся ..! (в английском переводе оставшийся с латинского непереведенным) блестяще суммирует в двукратном повторе содержание всего ораторского дискурса великого итальянца-оратора Джироламо Савонаролы.

Последующий период европейской цивилизационной истории свидетельствует практически об отсутствии значительных явлений в области искусства красноречия вплоть до середины XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ауни Д. Е.* Новый Завет и его литературное окружение. – СПб.: Российское Библейское Общество, 2000. – 273 с.
2. *Барсов Н. И.* Лекции по православной христианской гомилетике. 1888 / 1889 уч. год. – СПб.: Духовная Академия. Литография. – СТРАНИЦЫ
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 1988. – 1376 с.
4. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. − 140 с.
5. *Ковшов М. В.* «Новые взгляды на Павла»: Критический анализ современных западных подходов к исследованию посланий апостола язычников. Библ. // Христианское чтение. – № 6 (41). – 2011. – 159 с.
6. Когнитивные исследования языка. – Вып. XVIII. Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Междунар. конгр. по когнитивной лингвистике, 22−24 мая 2014 года. − Тамбов–Москва–Челябинск, 2014. – 868 с.
7. *Куликова О. В.* Эвристика аргументации (лингвокогнитивное исследование). – М.: ГЕОС, 2010. – 295 с.
8. *Огурцов А. П.* Методология науки и дискурс-анализ. Предисловие / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии / отв. ред. А. П. Огурцов. – М.: ИФ РАН, 2014. – 285 с.
9. *Платон*. Диалоги / пер. с др.-греч. В. Н. Карпова (1863−1879) / ред. Р. В. Светлова, В. Л. Селиверстова. – СПБ.: Азбука : Азбука-Аттикус, 2014. – 448 с.
10. «Риторика» Аристотеля / пер. с греч. Н. Платоновой. – СПб. : Типографія В. С. Балашева и К°. Екатерининскій кан., д. 80, 1894. – 204 с.
11. Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе: в 12 т. – Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005.
12. Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. – М.-Сергиев Посад: Московская Духовная Академия, 1999. – 324 с.
13. *Цицерон*. Избранные сочинения / пер. с лат. Вступ. ст. Г. Кнабе. Текст печ. по изд. Цицерон, Марк Туллий / сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова, В. Смирнова. – М.: Художественная литература, 1975; Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 464 с.
14. *Цицерон М.* Туллий I речь против Катилины. Примечания проф. С. П. Гвоздева. V речь против Вереса. Вводные статьи и примечания академика М. М. Покровского. – М. : Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1947. – 103 с.

15. *Corbett E. P. J.* Classical rhetoric for the modern student. – N. Y.: Oxford University Press, 1990. – 600 p.
16. *Dijk T. A., van*. Discourse as Social Interaction (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction). – L.: Sage Publications, 1997. – 336 p.
17. *Dijk T. A., van*. Ideology: A Multidisciplinary Approach. – L.: Sage Publications, 1998. − 384 p.
18. No Uncertain Sound, Sermons that Shaped the Pulpit Tradition / edited, with an Introduction by Ray C. Petry, Professor of Church History, Duke University. – Philadelphia : The Westminster Press, 1948. – 331 p.
19. *Savonarola G.* Prediche e scritti. Con introduzione, commento, nota Bibliorgaphica e uno studio sopra "L`influenza del Savonarola su la letteratura e l`arte del Quattrocento" di Mario Ferrara. Con XXXII tavole fuori taeso. – Milano: Ulrico Hoepli, Editore-libraio della real casa, 1930. – 426 p.
20. The Greek New Testament / Fourth Revised Edition, edited by B. Aland, K. Aland, J. Karavidopoulos, C. M. Martini, and B. V. Metzger in cooperation with the Institute for New Testament Textual Research Műnster (Westphalia) // Deutsche Bibelgesellschaft. United Bible Societies. – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, Bibilia-Druck, 1994. – 918 p.
21. *Villari P., Villari L.* Life and Times of Giralomo Savonarola. – Vol. 1. – T. F. Unwin, 1889. − 132 p.
22. Αγιοιε Πατρος ημων Ιωαννου, Αρχιεπισκοπου Κονσταντινουπολεωε, του Χρυσοστομυου, τα Ευρισκομενα Παντα, S.P.N. Joannis Chrosostomi, Archiepiscopi Constantinopolitani. Opera Omnia Que Existant, vel que ejus nomine circumferentur. – Patrologiae cursus completus ... Series graeca ... Accurantr J.-P. Migne Bibliotecae Cleri universae, cursuum completorum in singulos scientae ecclesiasticae ramos editore. En 161 (167) vols., vol. T. LII. Excudebatur et venit apud J.-P. Migne Editorem, in vie Dicta D`Amboise, prope portam lutetiae parisiorum vulgo d`enfer nominatam, seu Petit-Montrouge, 1859. – 872 pp.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ
Выпуск 6 (717)
Серия Языкознание и литературоведение

Редактор *Е. М. Евдокимова*
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВПО МГЛУ
Подписано в печать 1.10.2015 г.
Объем 43,0 п. л. Формат 60x90/16
Заказ № 1315

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru